

II РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ УДЛЧИ КАПИТАНА БЛАД ИГРОК ЗНАМЯ БЫКА

II РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

РАФАЭЛЬ СВАТІНІ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

RAFAEL SABATINI

THE FORTUNES
OF CAPTAIN
BLOOD

THE GAMESTER

THE BANNER
OF THE BULL

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ
(ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ)

РАФЛЭЛЬ САБАТИНИ

УДАЧИ
КАПИТАНА
БЛАДА

Повести

ИГРОК

Роман

ЗНАМЯ
БЫКА

Санкт-Петербург — Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Вокруг света»
1994

Рафаэль САБАТИНИ
УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА
ИГРОК
ЗНАМЯ БЫКА

Перевод с английского

Редакционный совет:

Полешук А.А.
(председатель)
Костюкова Л.В.
Лебедев В.А.
Москвин А.Г.
Непомнящий Н.Н.
Семенов Ю.Л.

С $\frac{4703010100 - 35}{В 38(03) - 94}$ Без объявл.

ISBN 5-87260-021-6

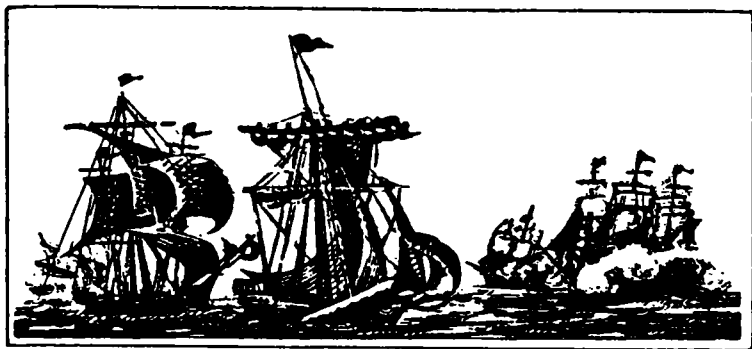
© Редакция журнала
«Вокруг света»
© АО «Прибой» — состав.
1994 г.
© Наталья Маникало —
художественное
оформление серии

УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА

Повести

ПАСТЬ ДРАКОНА

1

еликолепный фрегат, носящий имя «Сан-Фелипе», в котором сочетались благочестие и верноподданность¹, отличался удивительной четкостью и красотой линий и богатством внутренней отделки, что было присуще большинству судов, соорудившихся на верфях

Испании.

Просторная каюта, полная солнечного света, который лился сквозь кормовые иллюминаторы, открытые над пенящейся в кильватерс водой, радовала глаз роскошной резной мебелью, зеленым бархатом драпировок и позолотой украшенных орнаментом панелей.

Питер Блад, теперешний владелец фрегата, временно вернувшийся к своей первоначальной профессии хирурга, склонился над испанцем, лежащим на кушетке. Его точенные сильные руки уверенными движениями меняли повязку на сломанном бедре испанца. Наложив пластырь, держащий лубок, Блад выпрямился и кивком отпустил негра-стюарда, присутствовавшего при операции.

— Все в порядке, дон Иларио, — заговорил он на безупречном испанском языке. — Теперь я даю вам слово, что вы снова сможете ходить на двух ногах.

Слабая улыбка мелькнула на измученном лице пациента Блада, озарив его аристократические черты.

— За это чудо, — сказал он, — я должен благодарить Бога и вас.

— Здесь нет никакого чуда — просто хирургия.

— Значит, вы хирург? Это уже само по себе чудо. Вряд ли мне поверят, если я кому-то расскажу, что меня вылечил капитан Блад.

Капитан, высокий и гибкий, аккуратно спустил рукава своей батистовой рубашки. Из-под черных бровей ярко-голубые глаза, цвет которых казался особенно удивительным на фоне смуглого, загорелого, ястребиного лица, задумчиво окинули взглядом испанца.

— Врач всегда остается врачом, — объяснил он. — А я, как вы, возможно, слышали, раньше был им.

— К счастью для себя, я убедился в этом на собственном опыте. Но какая странная причуда судьбы превратила вас из врача в пирата?

— Мои огорчения начались с того, — улыбнулся капитан Блад, — что я, как и в случае с вами, выполнил свой долг врача, позаботившись о раненом человеке, не принимая во внимание то, каким образом он был ранен. Это был один из повстанцев, сражавшихся под знаменами герцога Монмута. А по законам, принятым в христианских странах, человек, оказавший мятежнику медицинскую помощь, сам, в свою очередь, становится мятежником. Я был пойман на месте преступления, перевязывая ему рану, и за это был приговорен к смерти. Но приговор изменили — отнюдь не из милосердия, а потому что на плантациях требовались рабы. Вместе с другими несчастными меня перевезли через океан и продали в рабство на Барбадос. Мне удалось бежать, и с тех пор вместо доктора Блада появился капитан Блад. Но в теле корсара еще не погиб дух врача, как вы сами могли убедиться, дон Иларио.

— К моему величайшему счастью и глубокой признательности к вам. И дух врача продолжает заниматься милосердными поступками, которые однажды оказались для него пагубными?

— Увы! — Живые глаза капитана изучающе оглядели испанца, заметив румянец, появившийся на его бледных щеках, и странное выражение взгляда.

— Вы не боитесь, что история может повториться?

— Я вообще ничего не боюсь, — сказал капитан Блад, протягивая руку за своим черным, отделанным серебром камзолом. Расправив брабантские кружевные манжеты, он тряхнул локонами черного парика и выпрямился, являя собой воплощение мужества и элегантности, более

уместное в галереях Эскуриала, нежели на четвердеке пиратского корабля.

— Теперь отдыхайте. Постарайтесь поспать до восьми склянок. Хотя никаких признаков жара у вас нет, все же я предписываю вам полный покой. Когда пробьет восемь склянок, я вернусь.

Пациент, однако, не намеревался пребывать в состоянии полного покоя.

— Дон Педро... Прежде чем вы уйдете... Я поставлен в крайне неловкое положение. Будучи столь обязанным вам, я не считаю себя вправе лгать. Я обманывал вас.

На тонких губах Блада мелькнула ироническая улыбка.

— Мне самому тоже немало приходилось обманывать многих.

— Но здесь есть разница. Моя честь восстает против этого. — И глядя прямо в глаза капитану, дон Иларио продолжал: — Вы знаете меня только как одного из четырех потерпевших кораблекрушение испанцев, которых вы сняли с рифов Сент-Винсента и великодушно обещали высадить в Санто-Доминго. Но долг велит мне сообщить вам всю правду.

Слова испанца, казалось, забавляли Блада.

— Сомневаюсь, чтобы вы смогли добавить что-либо, неизвестное мне. Вы дон Иларио де Сааведра, назначенный королем Испании новым губернатором Эспаньолы. До того как шторм потопил ваш корабль, он входил в эскадру маркиза Риконете, совместно с которым вы намеревались уничтожить проклятого пирата и флибустьера, врага Господа Бога и Испании по имени Питер Блад.

На лице дона Иларио отразилось глубочайшее удивление и изумление.

— *Virgin Santissima!* Вы знаете это?

— С благодарением, заслуживающим всяческой похвалы, вы положили ваш патент в карман, когда ваш корабль пошел ко дну. С не менее похвальным благодарением я обыскал ваш костюм вскоре после того, как принял вас на борт. В нашей профессии не приходится быть разборчивым.

Но это простое объяснение еще более удивило испанца.

— И, несмотря на это, вы не только лечите меня, но и в самом деле везете в Санто-Доминго! — Выражение

* Пресвятая Дева! (лат.)

его лица внезапно изменилось. — Ага, понимаю. Вы рассчитываете на мою признательность...

— Признательность? — прервал его капитан Блад и рассмеялся. — Это последнее чувство, на которое я стал бы рассчитывать. Я вообще, сеньор, рассчитываю только на себя. Как я уже сказал вам, я ничего не боюсь. Ваша благодарность относится к врачу, а не к пирату, поэтому на нее не приходится особенно надеяться. Не тревожьте себя проблемой выбора между долгом перед вашим королем и мной. Я предупрежден, и этого для меня достаточно. Спите спокойно, дон Иларио.

И Блад удалился, оставив испанца окончательно сбитым с толку.

Выйдя на шкафут, где слонялось без дела несколько десятков пиратов, он заметил, что небо уже не так чисто и безоблачно, как раньше.

Погода вообще стала неустойчивой после урагана, разразившегося десять дней назад и забросившего дона Иларио с его тремя попутчиками на скалистый островок, откуда они были взяты на борт «Сан-Фелипе». В результате постоянно сменяющих друг друга штормов и штилей фрегат все еще находился в двадцати милях от Саоны². Корабль еле-еле полз по ярко-фиолетовым, точно смазанным маслом, волнам; паруса его то надувались, то повисали. Видневшиеся невдалеке по правому борту гористые берега Эспаньолы сейчас растаяли в туманной дымке.

— Надвигается очередной шквал, капитан, — сказал Бладу стоящий на корме штурман Чепфинч. — Я начинаю сомневаться, что мы вообще когда-нибудь доберемся до Санто-Доминго. Мы взяли на борт Иону³.

Чепфинч не обманулся в своих предположениях. В полдень с запада подул сильный ветер, вскоре перешедший в шторм. Никто из команды не сомневался, что раньше полуночи им не добраться до Санто-Доминго. Под потоками дождя, раскатами грома, захлестывающими палубу волнами «Сан-Фелипе» боролся с бурей, отбросившей его к северо-западу. Шторм терзал корабль до рассвета; лишь после восхода солнца море относительно успокоилось, и фрегат получил возможность потихоньку зализывать раны. Кормовые поручни и вертлюжные пушки⁴ снесло за борт; ветер сорвал с утлегаря одну из лодок, и ее обломки запутались в носовых цепях.

Однако наибольшей неприятностью была треснувшая грот-мачта, которая стала не только бесполезной, а даже

угрожающей целости фрегата. В то же время шторм продвинул их ближе к цели. Меньше чем в пяти милях к северу находился Эль-Росарио, за которым лежал Санто-Доминго. В водах этой испанской гавани, под дулами пушек форта, дон Иларио ради собственной безопасности был вынужден давать Бладу необходимые указания.

Ранним утром потрепанный бурей корабль с едва колеблемыми легким ветерком парусами на фок- и бизань-мачтах и без единого клочка материи, за исключением кастильского флага на грот-мачте, проплыл мимо созданного природой мола, постепенно размываемого течением речи Осаты, и сквозь узкий пролив, известный под названием Пасть Дракона, проник в гавань Санто-Доминго.

Пройдя восемь саженей вдоль берега, который образовался, как и мол, в результате скопления кораллов, принявшего форму островка менее четверти мили шириной и около мили длиной с небольшой грядой посередине, где росло несколько пальм, «Сан-Фелипе» бросил якорь и приветствовал пушечным салютом, прогремевшим на всю гавань, Санто-Доминго — один из самых красивых городов Новой Испании.

Казавшийся ослепительно белым на фоне обрамлявших его изумрудно-зеленых саванн, город изобилдовал площадями, дворцами и церквями, словно перевезенными из Кастилии и увенчанными шпилем собора, где хранились останки Колумба¹. На белом молу началась суeta, и вскоре к «Сан-Фелипе» направилась позолоченная двадцативесельная барка, сопровождаемая несколькими лодками, над которой развевался красно-желтый флаг Испании.

Под красным, окаймленным золотом навесом сидел полный смуглый сеньор в светло-коричневом костюме из тафты и в широкополой шляпе с пером.

Тяжело дыша и обливаясь потом, он вскарабкался по забортному трапу на шкафут «Сан-Фелипе».

Здесь его ожидали капитан Блад в черном, отделанном серебром костюме и беспомощно лежащий на койке дон Иларио, которого вынесли из каюты, а также три других испанца, стоящие вокруг него. За ними выстроилась шеренга корсаров, облаченных в шлемы и латы и вооруженных мушкетами испанских пехотинцев.

Но дона Клементе Педросо, отставного губернатора, место которого должен был занять дон Иларио, этот

маскарад не обманул. Год назад неподалеку от Пуэрто-Рико на палубе галеона, взятого на abordaj капитаном Бладом, Педросо находился лицом к лицу с прославленным флибустьером, а забыть Блада было вовсе не так легко. Дон Клементе остановился как вкопанный, и его смуглую, похожую на грушу физиономию исказила гримаса бешенства, смешанного со страхом.

Сняв шляпу, капитан Блад вежливо поклонился ему.

— Ваше превосходительство делает мне честь, запомнив меня. Но не думайте, что я плаваю под чужим флагом. — И он указал на испанский флаг, обеспечивший «Сан-Фелипе» радужную встречу. — Вымпел Испании означает присутствие на борту Иларио де Сааведра, назначенного королем Филиппом новым губернатором Эспаньолы.

Дон Клементе, уставившись на бледное надменное лицо человека на койке, застыл как статуя и не проронил ни звука до тех пор, пока дон Иларио в нескольких словах не обрисовал ему ситуацию, предъявив свой патент, текст которого, несмотря на солидную обработку морской водой, оставался достаточно разборчивым. Дон Иларио и три его спутника добавили, что все дополнительные подтверждения будут даны маркизом Риконете, адмиралом военно-морского флота его католического величества в Карибском море, чья эскадра вскоре должна прибыть в Санто-Доминго.

В мрачном молчании дон Клементе выслушал это сообщение и внимательно изучил предъявленные ему полномочия Нового губернатора. После этого он благоразумно постарался скрыть под маской надменного спокойствия ярость, забушевавшую в нем при виде капитана Блада.

И все же дон Клементе явно намеревался поскорее удалиться.

— Моя барка, дон Иларио, к услугам вашего превосходительства. Думаю, что здесь нас ничто более не задерживает.

И он повернулся к трапу, нарочито не замечая капитана Блада и выказывая ему тем самым свое презрение.

— Ничто, — сказал дон Иларио, — кроме выражения благодарности моему спасителю и выдачи ему соответствующего вознаграждения.

Дон Клементе даже не обернулся.

— Естественно, — кисло промолвил он, — нужно обеспечить ему свободный выход из гавани.

— Я бы постыдился такой жалкой и скудной благодарности, — заявил дон Иларио, — особенно учитывая плачевное состояние «Сан-Фелипе». За эту величайшую услугу, которую оказал мне капитан, безусловно, следует разрешить ему запастись здесь дровами, водой, свежей провизией и лодками. Кроме того, необходимо предоставить кораблю убежище в Санто-Доминго для ремонта.

— Для ремонта мне вовсе незачем беспокоить жителей Санто-Доминго, — вмешался капитан Блад. — Этого островка вполне достаточно. С вашего разрешения, дон Кlemente, я временно вступлю во владение им.

Дон Кlemente, кипевший от злобы во время речи дона Иларио, не выдержал и взорвался.

— С моего разрешения? — Его лицо пожелтело. — Благодарение Богу и всем святым, я избавлен от этого позора, так как губернатор теперь — дон Иларио.

Сааведра нахмурился.

— Поэтому будьте любезны не забывать этого, — сухо произнес он, — и несколько сбавить тон.

— О, я покорный слуга вашего превосходительства. — И экс-губернатор отвесил дону Иларио иронический поклон. — Конечно, от вас зависит решить, сколько времени этот враг Господа Бога и Испании будет наслаждаться гостеприимством и покровительством его католического величества.

— Столько времени, сколько ему понадобится для ремонта.

— Понятно. А когда ремонт будет окончен, то вы позволите ему беспрепятственно удалиться, чтобы продолжать топить и грабить испанские корабли?

— Я дал капитану слово, — холодно ответил Сааведра, — что ему гарантирован свободный выход и что в течение сорока восьми часов после этого против него не будут предприняты никакие меры, в том числе и погоня.

— Тысяча чертей! Так вы дали ему слово?..

— И это навело меня на мысль, — вежливо прервал его капитан Блад, — взять такое же слово и с вас, друг мой.

Блад произнес эту фразу, движимый не страхом за себя, а беспокойством за великодушного дона Иларио; связав старого и нового губернаторов одинаковыми обязательствами, он лишил бы дона Кlemente возможности вредить впоследствии дону Иларио, на что тот был вполне способен.

В бешенстве дон Клементе замахал своими маленькими толстыми руками.

— Взять с меня такое же слово?! — От злобы он едва не задохнулся; его физиономия, казалось, вот-вот лопнет. — Вы думаете, что я стану давать слово грязному пирату? Ах, вы!..

— Если вы предпочитаете, я могу заковать вас в кандалы, посадить за решетку и держать вас и дона Иларио на борту, пока не отплыву из гавани.

— Это насилие!

Капитан Блад пожал плечами.

— Можете называть это как угодно. По-моему, это задержка заложников.

Дон Клементе свирепо уставился на него.

— Я протестую! Вы принуждаете меня...

— Здесь нет никакого принуждения. Перед вами свобода выбора. Либо вы дадите мне слово, либо я вас закую в кандалы.

Дон Иларио решил вмешаться.

— Довольно, сеньор! Эта перебранка становится просто невежливой. Вам придется дать слово или отвечать за все последствия.

Таким образом, несмотря на сопротивление дона Клементе, ему волей-неволей пришлось дать требуемое обязательство.

Дон Клементе удалился в состоянии неописуемого бешенства. Напротив, дон Иларио, когда его койку подняли на канаты, чтобы опустить на ожидающую барку, обменялся с капитаном Бладом взаимными комплиментами и благими пожеланиями, которые, как все хорошо понимали, ни в коей мере не помешают дону Иларио ревностно исполнять свой долг после окончания перемирия.

Блад улыбался, глядя на красную барку, которая, рассекая волны, двигалась через гавань по направлению к молу. Несколько маленьких лодок направлялись за ней; другие, нагруженные фруктами, овощами, свежим мясом и рыбой, остались у борта «Сан-Фелипе». Их владельцы ничуть не беспокоились о том, что товары могут быть проданы пиратам.

Волверстон, одноглазый гигант, бежавший с Бладом с Барбадоса и бывший одним из его ближайших друзей, склонился над фальшбортом рядом с капитаном.

— Надеюсь, Питер, ты не будешь чересчур полагаться на слово этого толстомясого губернатора?

— Нельзя быть таким подозрительным, Нед. Если

человек дал слово, то сомневаться в его честности — оскорбительно. И все же, на всякий случай, мы избавим дона Кlemente от искушения, занявшись ремонтом здесь, на этом острове.

2

К ремонту приступили сразу же, вкладывая в это занятие все умение и опыт. Прежде всего корсары изготовили мостики, связывающие корабль с островком, и выгрузили на это сооружение из кораллов и песка двадцать четыре пушки «Сан-Фелипе», установив их так, чтобы они держали под прицелом гавань. Сделав тент из парусины, используя в качестве материала для шестов срубленные пальмы, пираты поставили там кузнечный горн и, вынув мачту из степса⁶, вытащили ее на берег для починки. Плотники на борту корабля занимались другими поломками, в то время как партия флибустьеров в трех лодках, предоставленных доном Иларио, ездили на берег за дровами и пищей.

Все эти приобретения оплачивались капитаном Бладом с присущей ему скрупулезностью.

Два дня они работали не переставая. Но на третье утро поднялась тревога, причем пришла она не из гавани или города, а с моря.

Сошедший на островок с восходом солнца капитан Блад воочию наблюдал приближающуюся опасность. Рядом с ним стояли Волверстон, Чеффинч, Хагторп — джентльмены из Западной Англии, разделявший их приключения, — и Огл, служивший ранее канониром в королевском военно-морском флоте.

Менее чем в миле от них находилась эскадра из пяти великолепных кораблей, украшенных флагами и вымпелами и идущих под парусами, раздуваемыми легким утренним ветром. Внезапно с боку переднего галеона расцвело белое облако дыма, похожее на цветную капусту, и послышался гул салюта, целью которого было пробудить город от спячки.

— Красивое зрелище, — заметил Чеффинч.

— Да, для поэта или шкипера торгового судна, — согласился Блад. — Но сейчас я, увы, не тот и не другой. Думаю, что это эскадра адмирала испанского военно-морского флота в Карибском море — маркиза Риконете.

— Который не давал слова оставить нас в покое, — мрачно напомнил Волверстон.

— Надо постараться выяснить его намерения, прежде чем позволить ему пройти через Пасть Дракона. — Блад повернулся на каблуках и, сложив руки рупором, отдал распоряжение двум-трем десяткам пиратов, стоявших сзади около пушек и также наблюдавших за эскадрой.

Тотчас же корсары втащили два кормовых орудия с «Сан-Фелипе» на вершину гряды в центре островка. Эти пушки били на расстояние полных полутора миль. По сигналу Блада Огл послал тридцатифунтовое ядро на три четверти мили в сторону от приближающегося переднего корабля эскадры.

Каково бы ни было удивление маркиза Риконете при этом громе среди ясного неба, он все же предпочел выполнить приказ. Штурвальный положил руль влево, и флагманский корабль лег в дрейф с безжизненно повисшими парусами. Над освещенной солнцем водой послышался слабый звук трубы, и четыре других корабля проделали тот же маневр. Затем с флагмана спустили шлюпку, которая быстро поплыла к рифу, чтобы выяснить причину неожиданного препятствия.

Питер Блад и Чейффинч с пятью корсарами направились к берегу. Волверстон и Хатторп заняли позицию с другой стороны гряды, чтобы наблюдать за гаванью и молом.

Элегантный молодой офицер сошел на берег, чтобы по распоряжению адмирала узнать причину зловещего приветствия, которым их встретили. Объяснения тотчас были даны.

— Я ремонтирую здесь мой корабль с разрешения дона Иларио де Сааведра, данного мне в благодарность за маленькую услугу, которую я имел честь оказать ему, когда он недавно потерпел кораблекрушение. Прежде чем позволить вашей эскадре войти в эту гавань, я должен получить от адмирала подтверждение санкции дона Иларио и взять с него слово, что он позволит мне беспрепятственно закончить ремонт.

— Что за странное требование, сеньор? — с негодованием осведомился офицер. — Кто вы такой?

— Мое имя Блад, капитан Блад, к вашим услугам.

— Капитан... капитан Блад?!? — Глаза молодого человека расширились. — Вы капитан Блад? — Внезапно он рассмеялся. — И у вас хватает наглости думать, что...

— Наглость здесь ни при чем, — прервал его капитан. — А что касается моих намерений, то я прошу вас

пройти со мной, чтобы избавиться от лишней дискуссии. — И он направился на вершину гряды; испанец угрюмо последовал за ним. Поднявшись на вершину, Блад остановился. — Вы, конечно, собирались предложить мне молиться за мою душу, потому что пушки вашей эскадры сметут меня с этого островка. Но будьте любезны взглянуть.

Своей длинной эбеновой тростью он указал вниз, где пестрое пиратское воинство суетилось около пушек. Шесть орудий были повернуты так, чтобы держать под обстрелом Пасть Дракона. Со стороны моря батарею надежно защищала от обстрела гряда.

— Вы, разумеется, понимаете цель этих мероприятий, — продолжал капитан Блад. — Должно быть, вы слышали, что мои канониры не знают промаха. Если нет, то я могу без хвастовства это утверждать. У вас, безусловно, хватит сообразительности понять, что любой из ваших кораблей затонет, прежде чем доберется до островка. — И он учтиво поклонился. — Передайте вашему адмиралу мои наилучшие пожелания, информируйте его о том, что вы здесь видели, и заверьте его от моего имени, что он сможет войти в гавань Санто-Доминго, как только даст мне соответствующие гарантии, но ни минутой раньше. Чепфинч, проводи сеньора к его шлюпке.

Однако испанец в своем гневе был не в состоянии оценить подобную вежливость. Пробормотав несколько кастильских выражений, сочетающих обращение к небесам со сквернословием, он удалился, не попрощавшись и пребывая в самом дурном настроении. Очевидно, либо его доклад был не совсем точен, либо адмирал не принадлежал к людям, которых можно легко убедить, ибо час спустя в гряде угодило первое ядро и утренний воздух огласился грохотом пушек эскадры. Канонада беспокоила чаек, которые начали тревожно кружить над островом, издавая крики. В отличие от чаек, спокойствие корсаров не было нарушено, так как их надежно защищал от шквала огня естественный бастион гряды.

Воспользовавшись краткой передышкой, Огл пробрался к пушкам, установленным так, что над грядой виднелись только их стволы. Испанские корабли, выстроившись в линию для удобства бомбардировки, представляли собой цель, которой никак не следовало пренебрегать. Огл выпалил из незамеченной испанцами пушки, и тридцатифунтовое ядро врезалось в фальшборт одного из гале-

онов. Этим маркизу дали понять, что его пальба не останется безнаказанной.

Послышался рев труб, и эскадра поспешно сделала поворот оверштаг, двигаясь против свежего ветра. Чтобы ускорить этот процесс, Огл выстрелил из второй пушки. Особого вреда этот выстрел не причинил, но оказал должный эффект в моральном отношении. На всякий случай Огл перезарядил пушки во время панического бегства противника.

Весь день испанцы оставались в дрейфе в полтора милях от островка, где они считали себя вне досягаемости корсарских орудий. Воспользовавшись этим, Блад приказал подтащить к гряде шесть пушек и соорудить наносной бруствер, срубив для этого половину пальм на острове. Пока большая часть пиратов, одетых только в широкие кожаные штаны, проделывала эту работу, остальные под руководством плотника спокойно возобновили ремонт. В кузнечном горне развели огонь, и наковальни зазвенели, как колокола, под ударами молотов.

Вечером к месту этой героической деятельности прибыл дон Клементе Педросо, еще более желтолицый, чем обычно, и настроенный крайне воинственно. Поднявшись на гряду, где капитан Блад с помощью Огла все еще руководил сооружением бруствера, его превосходительство свирепо осведомился, когда корсары намереваются окончить этот фарс.

— Если вы считаете, что выдвинули на обсуждение сложную проблему, — ответил капитан Блад, — то вы ошибаетесь. Это кончится тогда, когда адмирал даст слово оставить меня в покое, о чем я его уже просил.

В черных глазах дона Клементе мелькнуло злорадство.

— Вы не знаете маркиза Риконете.

— А маркиз не знает меня, что гораздо важнее. Но я думаю, что мы вскоре познакомимся поближе.

— Вы заблуждаетесь. Адмирал не связан словом, которое дал вам дон Иларио, и не станет вступать с вами ни в какие соглашения.

Блад рассмеялся ему в лицо.

— В таком случае ему придется торчать там, где он находится, до тех пор, пока у них в бочонках не останется ни капли воды. Тогда он будет вынужден либо умереть от жажды, либо уйти в другое место в поисках воды. А может быть, и не понадобится ждать так долго. Обратите внимание, что южный ветер все свежее. Если

он подует всерьез, то вашему маркизу придется отсюда убраться.

Дон Клементе истратил изрядное количество энергии на богохульства, которые только позабавили капитана Блада.

— Я знаю, как вы страдаете. Вы ведь уже рассчитывали, что увидите меня повешенным.

— Вряд ли какое-нибудь другое зрелище доставило бы мне больше радости.

— Увы! Боюсь, что я разочарую ваше превосходительство. Вы останетесь поужинать у меня на корабле?

— Я не ужинаю с пиратами, милостивый государь!

— Тогда можете идти ужинать с дьяволом, — резюмировал капитан Блад. И дон Клементе в состоянии глубочайшего возмущения прошествовал на коротких толстых ногах к своей барке.

Волверстон внимательно наблюдал за его отбытием.

— Черт возьми, Питер, было бы благоразумнее задерживать этого испанского джентльмена. Данное слово связывает его не больше, чем паутина. Вероломный пес ни перед чем не остановится, чтобы напакостить нам, не смотря на все свои обещания.

— Ты забыл о доне Иларио.

— Думаю, что дон Клементе также может забыть о нем.

— Мы будем бдительны, — заверил его Блад.

Эту ночь пираты, как обычно, провели у себя на борту, но они оставили на острове канониров и посадили наблюдателей в лодку, ставшую на якорь в Пасти Дракона на случай, если адмирал предпримет попытку тайком проскользнуть в пролив. Но так как, не говоря уже о другом риске, ночь была ясная, то испанцы не отважились на такую попытку.

Весь следующий день — воскресенье — дело не двинулось с мертвой точки. Но в понедельник утром, доведенный до белого каления адмирал вновь начал забрасывать остров ядрами и дерзко форсировать пролив.

Батарея Огла не получила повреждений, потому что адмирал не знал ни ее расположения, ни мощи. Огл понял это, когда противник оказался в полумили от островка. Тогда четыре корсарские пушки ударили по флагману. Два ядра не достигли цели, но третье вдребезги разнесло полубак, а четвертое угодило в наиболее уязвимое место и образовало пробоину, в которую сразу же хлынула вода. Остальные три корабля поспешно сделали поворот

фордевинд⁷ и взяли курс на восток. Накренившийся, покалеченный галеон, шатаясь, тащился вслед за ним; команда в отчаянной спешке выбрасывала за борт пушки и другие тяжелые предметы, стремясь поднять пробойну в борту над водой.

Несмотря на эту неудачу, к вечеру испанцы приняли новую попытку штурма и опять были отброшены на исходные позиции в полутора милях от островка. Они находились там и двадцать четыре часа спустя, когда из Санто-Доминго вышла лодка с письмом от дона Иларио, в котором новый губернатор требовал, чтобы маркиз Риконете согласился на условия, выдвинутые капитаном Бладом.

Лодке пришлось бороться с разбушевавшимся морем и приложить немало усилий, чтобы пробраться сквозь непроницаемую тьму, так как небо заволокло тучами. Ухудшение погоды вкупе с письмом дона Иларио наконец побудило маркиза уступить, так как дальнейшее упорство могло повлечь за собой только новые унижения.

Поэтому офицер, уже однажды нанесший визит капитану Бладу, снова прибыл на островок у входа в гавань, доставив письмо, извещающее о согласии адмирала на требуемые условия, в результате чего испанским кораблям в тот же вечер было позволено укрыться в гавани от надвигающегося шторма. Беспрепятственно пройдя через Пасть Дракона, они бросили якорь у берега Санто-Доминго.

3

Тяжкие раны, нанесенные самолюбию маркиза Риконете, не давали ему покоя, и в тот же вечер в губернаторском дворце разгорелась жаркая дискуссия. Адмирал утверждал, что обязательство, данное под угрозой, ни к чему их не обязывает; дон Клементе полностью его поддерживал. Напротив, рыцарственный дон Иларио твердо настаивал на том, что слово надо держать.

Мнение Волверстона о совести испанцев ни в коей мере не изменилось к лучшему, и он продолжал выражать свое презрение к доверчивости Блада. Предохранительные меры, состоявшие в новом размещении пушек (только шесть орудий продолжали контролировать Пасть Дракона, остальные держали под обстрелом гавань), он считал явно недостаточными. Но лишь через три дня — в

пятницу утром, когда они уже отремонтировали мачту и были почти готовы к выходу в море, его единственный глаз заметил тревожные признаки, о которых он поспешил сообщить капитану Бладу, стоящему на полукюте «Сан-Фелипе».

— В этом нет ничего сложного, — ответил Блад. — Команды сходят на берег. Обрати внимание, что уже больше получаса между испанской эскадрой и молотом все время спуют лодки. Причем к молу они направляются переполненными, а назад возвращаются пустыми. Ты догадываешься, что это значит?

— Так я и предполагал, — сказал Волверстон. — Но, может быть, ты объяснишь мне, с какой целью они это проделывают? То, что не имеет смысла, обычно грозит опасностью. Было бы неплохо к вечеру выставить на островок вооруженных часовых.

Облачко, мелькнувшее на челе Блада, свидетельствовало о том, что его лейтенанту удалось пробудить в нем подозрения.

— Действительно, это чрезвычайно странно. И все же... Нет, я не верю, что дон Иларио способен на предательство.

— Я думаю не о доне Иларио, а об этом разжиревшем грубияне доне Кlemente. Это не тот человек, которому данное слово может помешать удовлетворить свою злобу. А Риконете, по-видимому, мало чем от него отличается.

— Но у власти сейчас дон Иларио.

— Возможно. Но сломанная нога вывела его из строя, и эта парочка может легко с ним справиться, зная, что король Филипп охотно просит их впоследствии.

— Но если они решили нарушить перемирие, зачем же ссаживать команду на берег?

— Вот я и рассчитывал, что ты, Питер, об этом догадываешься.

— Сидя здесь, я ни о чем не догадываюсь. Попробую разобраться во всем на месте.

К борту корабля только что подошла барка, груженная овощами. Капитан Блад склонился над перилами.

— Эй, ты! — крикнул он торговцу. — Принеси-ка бататы на борт.

Сделав знак рукой стоявшим на шкафуте пиратам, Блад отдал им краткие распоряжения, пока торговец карабкался по трапу, держа на голове корзину с бататами. Его пригласили в капитанскую каюту; ничего не подозревающий торговец принял приглашение, после чего он

на весь день исчез из поля зрения. Его помощника-мулата, оставшегося в барке, также заманили на борт и присоединили к хозяину, запертому в трюме. Вслед за этим загорелый босоногий субъект в грязной рубаше, широких ситцевых брюках и с забинтованной головой спустился в барку и направил ее в сторону испанских кораблей, провожаемый беспокойными взглядами с корсарского фрегата.

Причалив к борту флагмана, торговец начал громогласно рекламировать свой товар, но это не дало никакого результата. Гробовое молчание на корабле казалось весьма многозначительным. Наконец на палубе послышались шаги, и часовой в шлеме, перегнувшись через фальшборт, приказал торговцу убираться к дьяволу со своими фруктами.

— Если бы ты не был таким дураком, то давно бы понял, что на борту никого нет, — добавил он весьма неосторожную, хотя и уже излишнюю информацию.

Замысловато выругавшись в ответ, торговец направил барку к молу, вылез на берег и зашел подкрепиться в придорожную таверну, битком набитую испанцами с адмиральской эскадры. Держа в руке кружку с вином, он незаметно затесался в группу испанских моряков, жалуясь на близкое соседство пиратов и злобно критикуя адмирала за то, что он позволил корсарам остаться на островке у входа в гавань вместо того, чтобы вышвырнуть их вон.

Беглая испанская речь торговца не вызвала ни у кого подозрений, а его горячая ненависть к пиратам сразу же завоевала ему симпатии.

— Адмирал здесь ни при чем, — заверил его старшина. — Он бы и разговаривать не стал с этими собаками. Во всем виноват этот рохля — губернатор Эспаньола. Он разрешил ремонтировать им здесь свой корабль.

— Если бы я был адмиралом Кастилии, — заявил торговец, — то, клянусь Пресвятой Девой, я бы действовал на свой страх и риск.

Раздался дружный хохот, и толстый испанец хлопнул торговца по спине.

— Адмирал того же мнения, приятель.

— Несмотря на нерешительность губернатора, — подхватил другой моряк.

— Потому-то мы и торчим на берегу, — закончил третий.

Собрав отдельные фразы в единое целое, торговец получил полную картину ночного нападения на корсаров.

Испанцам так пришлось по душе собеседник, что прошло немало времени, прежде чем он выбрался из таверны и возобновил торговлю. Когда же он наконец причалил к борту «Сан-Фелипе», то его барка тащила на буксире другую, весьма вместительную. Быстро вскарабкавшись по трапу, он увидел Волверстона, который облегченно вздохнул и сердито посмотрел на него.

— Какого черта тебе понадобилось на берегу, Питер? Ты слишком часто суешь голову в петлю.

— Результат стоил риска, который, кстати, был не так уж велик, — улыбнулся капитан Блад. — Я убедился в справедливости своего доверия к дону Иларио. Только благодаря тому, что он человек слова, нам не перережут глотки сегодня ночью. Если бы он дал согласие нанять людей из гарнизона, как того желал дон Кlemente, мы бы ничего не узнали до тех пор, пока бы не было слишком поздно. Но так как он отказал, дон Кlemente заключил союз с таким же лживым негодяем, как он сам, — с маркизом Риконете. И они вдвоем составили ловкий план тайком от дона Иларио. Поэтому маркиз и вызвал свои команды на берег, чтобы держать их наготове.

Они намерены проплыть в лодках через западный пролив, высадиться на незащищенный юго-западный берег острова, а затем втихомолку пролезть на борт «Сан-Фелипе» и перерезать нам глотки, пока мы спим. Этим займутся по крайней мере четверста человек — практически каждый маменькин сынок с эскадры. Адмирал хочет обеспечить себе значительный перевес.

— А нас здесь всего восемьдесят ребят! — Волверстон бешено вращал единственным глазом. — Но мы предупреждены. Мы можем повернуть пушки и разнести их вдребезги.

Блад покачал головой.

— Этого нельзя сделать незаметно. А если они увидят, как мы двигаем пушки, то поймут, что мы что-то пронюхали, и изменят планы, что меня ни в коей мере не устраивает.

— Не устраивает? Интересно, что же тогда тебя устраивает?

— Если я разглядел ловушку, то наиболее логично использовать ее против самого ловца. Ты заметил, что я привел вторую барку? По сорок человек можно спрятать

на дне каждой барки; остальные могут плыть в четырех лодках, которыми мы располагаем.

— Плыть? Куда плыть? Ты намерен удирать, Питер?

— Да, но не дальше, чем того требует мой замысел.

Блад четко продумал свой план. До полуночи оставался только один час, когда он погрузил в лодки своих людей. И даже после этого они не спешили отчаливать. Капитан ждал до тех пор, пока тишину ночи не нарушил отдаленный скрип уключин, означающий, что испанцы двинулись по узкому проливу к западному берегу острова. Тогда наконец Блад дал сигнал к отплытию, и «Сан-Фелипе» был оставлен врагу, готовящемуся захватить его под покровом ночи.

Час спустя испанцы высадились на островок. Одни поспешили завладеть пушками, другие двинулись к трапам. Испанцы хранили гробовое молчание, пока не очутились на борту «Сан-Фелипе», где они начали громкими возгласами подбадривать друг друга. К их удивлению, шум не разбудил этих пиратских собак, которые оказались настолько доверчивыми, что даже не выставили часовых.

Полное отсутствие признаков жизни на захваченном корабле сбило испанцев с толку. Внезапно темноту ночи разорвали языки пламени со стороны гавани, и бортовой залп двадцати пушек обрушился на «Сан-Фелипе».

Оглашая воздух проклятиями, перепуганные испанцы бросились прочь с корабля, который начал тонуть. Охваченные безумной паникой перед этой непонятной атакой, они устроили драку около мостиков, стремясь как можно скорее очутиться в относительной безопасности на островке и даже не думая о том, кем был произведен этот смертоносный залп.

Маркиз Риконете, высокий тощий человек, из всех сил старался восстановить порядок.

— Прекратите это безобразие, вы, собаки!

Его офицеры бросились в толпу и с помощью ударов и брани в какой-то мере привели матросов в чувство. К тому времени, как «Сан-Фелипе» погрузился на восемь саженей, испанцы, высадившиеся на берег и наконец очнувшиеся, стояли наготове, ожидая дальнейших событий. Но чего именно ожидать, не знали ни они, ни маркиз, который в бешенстве громогласно требовал у неба и ада объяснения происходящего.

Вскоре его требования были удовлетворены. В ночной тьме показались неясные очертания огромного корабля, который медленно двигался по направлению к Пасти

Дракона. Плеск весел свидетельствовал о том, что судно верповали из гавани, а послышавшийся вскоре скрип блоков — о том, что на нем поднимают паруса.

Вглядывавшиеся в темноту маркиз и дон Клементе сразу же все поняли. Пока они повели моряков эскадры захватывать корабль, на котором, как они думали, находились все корсары, последние, в свою очередь, захватили судно адмирала, предварительно выяснив, что на нем никого нет, и обратили его пушки против испанцев на «Сан-Фелипе». И теперь эти проклятые пираты на великолепном флагманском корабле «Мария-Глориоса» вышла в море под самым носом адмирала.

Адмирал и экс-губернатор мерзко сквернословили до тех пор, пока дон Клементе внезапно не вспомнил о пушках, которые держали под обстрелом пролив, и которые Блад оставил, несомненно, заряженными, так как эти орудия в бою не участвовали. Педросо немедленно сообщил адмиралу о том, что он еще в состоянии побить пиратов их же оружием. Это известие сразу же вдохнуло в маркиза энтузиазм.

— Клянусь, — завопил он, — что эти собаки не уйдут из Санто-Доминго, даже если мне придется потопить свой собственный корабль! Немедленно к пушкам!

Адмирал в сопровождении сотни испанцев, спотыкаясь, побежал к батарее. Они добрались до нее как раз в тот момент, когда «Мария-Глориоса» входила в Пасть Дракона. Меньше чем через пять минут она должна была оказаться в пределах досягаемости пушек. Шесть орудий стояли наготове заряженными; промахнуться на таком близком расстоянии было невозможно.

— Канонир, — рявкнул маркиз. — Немедленно отправь в ад этого проклятого пирата.

Канонир тотчас взялся за дело. Сзади блеснул свет — испанцы из рук в руки передавали потайной фонарь. С помощью фонаря канонир зажег запальный шнур и перешел к следующей пушке.

— Подожди, — приказал маркиз. — Подожди, пока корабль не окажется на линии прицела.

Но при свете фонаря канонир сразу же понял, что из этого не выйдет ничего хорошего. С проклятием он подбежал к следующей пушке, осветил фонарем ее запальное отверстие и тут же побежал дальше. Так канонир перебегал от одного орудия к другому, пока не добрался до последнего. После этого он двинулся в обратную сторону с фонарем в одной руке и с брызжущим

огнем запалом в другой, шагая так медленно, что маркиз пришел в бешенство.

— Скорее, болван! Стреляй! — взревел он.

— Взгляните сами, ваше превосходительство. — Канонир осветил фонарем запальное отверстие ближайшей пушки. — Забито ершом, то же самое и в других пушках.

Адмирал излил свой гнев в таких колоритных выражениях, которые могут прийти на ум только испанцу.

— Он ни о чем не забыл, этот проклятый пиратский псс!

Мушкетная пуля, метко пущенная с фальшборта каким-то корсаром, разбила фонарь вдребезги. Вслед за этим взрыв сатанинского хохота донесся с палубы «Марии-Глориосы», которая шла через Пасть Дракона, направляясь в открытое море.

САМОЗВАНЕЦ

1

Быстрота, как известно, во все времена являлась одним из решающих факторов успеха в военных действиях на суше и на море. Это хорошо усвоил капитан Блад, большинство операций которого были так же внезапны, как нападение ястреба на добычу.

Находясь в зените славы, Блад действовал настолько мобильно, что испанцы искренне верили в его контакты с сатаной, утверждая, что только человек, продавший душу дьяволу, может так побеждать время.

Искренне забавляясь доходившими до него слухами о сверхъестественном могуществе, которым наделяли его суеверные испанцы, Блад старался по возможности обращать эти слухи себе на пользу, внушая еще больший страх своим врагам. Но когда вскоре после захвата в Санто-Доминго «Марии-Глориосы» — мощного флагманского корабля эскадры адмирала испанского военно-морского флота в Карибском море маркиза Риконете — капитан услышал обстоятельный рассказ о том, как он на следующее утро после выхода из Санто-Доминго напал на Картахену, находящуюся на расстоянии двухсот лиг, то это навело его на мысль, что одна-две фантастические истории о его похождениях, дошедшие до него за последнее время, могли иметь более существенное основание, нежели простое суеверие.

В придорожной таверне в Кристианстеде, на острове Сен-Круа⁸, куда «Мария-Глориоса» (кошунственно переименованная в «Андалузскую девчонку») зашла за дровами и водой, Блад случайно услышал повествование об ужасах, которые вытворяли он и его команда во время рейда на Картахену.

Блад забрел в эту таверну, разгуливая по городу без определенной цели, что было одной из его излюбленных привычек. В таких прибежищах моряков со всего света всегда можно было почерпнуть полезные сведения. Ему не в первый раз случалось обзаводиться информацией о самом себе, однако никогда еще она не носила такого необычного характера.

Рассказчиком был крупный рыжеволосый и краснолицый голландец, владелец торгового судна с берегов Шельды, по имени Клаус, со смаком описывающий грабежи, насилия, избиения, а также убийство двух городских коммерсантов — членов Французской Вест-Индской компании.

Блад без приглашения затесался в эту группу, намереваясь узнать побольше. Его присутствие было встречено с радушием, вызванным как элегантностью костюма, так и спокойной, властной манерой держаться.

— Мое почтение, господа. — По-французски капитан Блад говорил не так бегло, как по-испански, чему способствовали два года, проведенные в тюрьме севильской инквизиции, но все же достаточно уверенно. Без лишних церемоний усевшись на табуретку, он постучал по грязному сосновому столу, подзывая трактирщика.

— Когда, вы сказали, это произошло?

— Десять дней назад, — ответил голландец.

— Не может быть. — Блад покачал головой, тряхнув локонами парика. — Я точно знаю, что десять дней назад капитан Блад был в Санто-Доминго. Кроме того, вряд ли он мог поступать так злодейски, как вы описывали.

Клаус, неотесанный субъект, чей характер был под стать цвету его волос и физиономии, выслушал опровержение без особого восторга.

— Пираты есть пираты. Все они друг друга стоят. — И, как бы демонстрируя свое отвращение, он плюнул на посыпанный песком пол.

— На эту тему я не стану с вами спорить. Но так как мне точно известно, что десять дней назад капитан Блад был в Санто-Доминго, то, следовательно, он не мог находиться в то же самое время в Картахене.

— Значит, вам точно известно? — ухмыльнулся голландец. — Тогда могу сообщить вам, сударь, что я слышал эту историю в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико от капитана одного из двух испанских судов, бывших тогда в Картахене. Вы же не можете знать об этом лучше, чем он. Эти два галеона чудом добрались до Сан-Хуана. Проклятый пират погнался за ними, и они никогда не спаслись бы от него, если бы удачный выстрел не повредил фок-мачту корсарского корабля и не заставил его убрать парус.

Но ссылка на очевидца не произвела на Блада впечатления.

— Ба! — воскликнул он. — Испанцы ошиблись — вот и все!

Торговцы недружелюбно взглянули в сторону вновь прибывшего, в голубых глазах которого, ярко блестевших под черными бровями на смуглом лице, светилось холодное презрение. Своевременное появление трактирщика прервало спор, и Блад смягчил растущее раздражение собеседника, предложив голландцу, редко употреблявшему что-либо, кроме рома, распить с ним бутылку превосходного канарского вина.

— Здесь не могло быть ошибки, сударь, — настаивал Клаус. — «Арабеллу», большой красный корабль Блада, нельзя не узнать.

— Если испанский капитан сказал вам, что за ними гналась «Арабелла», то он солгал. Ибо я точно знаю, что «Арабелла» сейчас ремонтируется на Тортуге.

— Вы слишком много знаете, — не без сарказма заметил голландец.

— Я всегда хорошо информирован, — последовал вежливый ответ. — Это приносит много пользы.

— Да, если сведения верные. Но на этот раз вы здорово дали маху. Поверьте, сударь, капитан Блад находится сейчас где-то поблизости.

— В это я охотно верю, — улыбнулся Блад. — Только я не понимаю, почему вы так думаете.

Голландец грохнул по столу своим пудовым кулаком.

— Разве я не говорил вам, что где-то неподалеку от Пуэрто-Рико он повредил фок-мачту в бою с этими испанцами? Теперь он, безусловно, стал на ремонт на одном из соседних островов.

— Гораздо более вероятно, что ваши испанцы, панически боясь капитана Блада, готовы видеть «Арабеллу» в каждом корабле, попадающемся им навстречу.

Только вовремя поданное вино помогло голландцу вытерпеть столь упорное недоверие. Когда они выпили, он возобновил разговор об испанских кораблях. По его мнению, они все еще находились в Пуэрто-Рико и не только из-за ремонта, но и потому, что, будучи богато нагруженными и наученными горьким опытом, они вряд ли отважатся выйти в море без конвоя.

Последние сведения всерьез заинтересовали капитана Блада, которому порядком надоело выслушивать описания его вымысленных злодейств в Картахене и сражений с испанскими галеонами.

Вечером в салоне «Андалузской девчонки», роскошно отделанном шелком и бархатом, резными позолоченными панелями, сверкавшем хрусталем и серебром, свидетельствовавшими о богатстве испанского адмирала, кому корабль принадлежал до недавних пор, капитан Блад созвал военный совет. Он состоял из одноглазого гиганта Волверстона, Натаниэля Хагторпа — спокойного, добродушного джентльмена из Западной Англии и низенького штурмана Чэффинча. Всех этих людей сослали на каторгу вместе с Бладом за участие в восстании Монмута. В результате этого совета «Андалузская девчонка» в ту же ночь снялась с якоря и отчалила от Сен-Круа, появившись двумя днями позже у берега Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

Глядя в подозрную трубу, Блад внимательно изучал гавань, ища подтверждения рассказу голландца. Среди множества мелких судов он вскоре заметил два больших желтых тридцатипушечных галеона, сильно поврежденные подводные части которых, очевидно, ремонтировались. Следовательно, в этом минеер* Клаус был прав. А это было все, что Блад стремился узнать.

Действовать приходилось крайне осторожно. Кроме того, что гавань защищал весьма солидный форт, гарнизон которого, несомненно, был начеку, учитывая присутствие двух богато нагруженных кораблей, на борту «Андалузской девчонки» находилось не более восьмидесяти человек, поэтому Блад не мог произвести высадку, даже если бы его батарее удалось подавить огонь форта. Решив прибегнуть к хитрости, а не к силе, капитан Блад, спустив шлюпку, рискнул отправиться на берег в разведку.

* Господин (голл.).

Было невероятно считать, чтобы известие о захвате капитаном Бладом испанского флагманского корабля в Санто-Доминго уже достигло Пуэрто-Рико, поэтому несомненное испанское происхождение «Марии-Глорioso» должно было явиться, по крайней мере на некоторый срок, надежной верительной грамотой. Прodelав осмотр в богатом гардеробе маркиза Риконете, Блад вышел одетым в костюм из фиолетовой тафты, лиловые шелковые чулки и великолепную перевязь того же цвета, расшитую серебром. Широкая черная шляпа с алым пером бросала тень на его обветренные аристократические черты лица, обрамленные локонами черного парика.

Высокий, стройный, худощавый, опираясь на трость с золотым набалдашником, Блад стоял перед генерал-губернатором Пуэрто-Рико доном Себастьяном Мендесом и давал ему объяснения на безупречном кастильском наречии.

Большинство испанцев называли Блада дон Педро Сангре, давая буквальный перевод его имени, нередко характеризуя его как *El Diablo Encarnado**. Соединив оба имени, Блад дерзко представился как дон Педро Энкарнадо, посланник адмирала военно-морского флота Испании в Карибском море маркиза Риконете, который не смог прибыть на берег лично, будучи прикованным к постели приступом подагры. Его превосходительство адмирал слышал от капитана голландского судна в Сен-Круа о нападении подлых пиратов на два испанских корабля, шедших из Картахены, которые нашли убежище здесь, в Сан-Хуане. Эти корабли они видели в гавани, но маркиз пожелал получить более точную информацию о случившемся.

Дон Себастьян бурно воспринял это известие. Это был высокий, полный, желтолицый человек с маленькими черными усиками над толстыми, как у африканца, губами, обладавший множеством подбородков, синеватых от бритья.

Генерал-губернатор принял дона Педро со всеми церемониями, приличествующими представителю его королевского величества, и с радушием, с которым один кастильский дворянин встречает другого. Он представил гостя своей изящной, застенчивой и все еще молодой

* Дьявол во плоти (исп.).

супруге и угостил его обедом, который был подан в прохладном внутреннем дворике под тенью виноградных шпалер и сервирован неграми-рабами в ливреях под руководством чопорного мажордома-испанца.

За столом волнение, пробужденное в доне Себастьяне вопросами его гостя, разгорелось с новой силой. Было истинной правдой, что корабли, груженные ценностями, атаквали флибустьеры, те же самые hijos de puta*, которые недавно превратили Картахену в ад крошечный. Свой рассказ генерал-губернатор обильно уснащал отвратительными подробностями, ничуть не заботясь о чувствах доньи Леокадии, которая, не переставая, дрожала и крестилась во время этого жуткого повествования.

Потрясение, испытанное Бладом, узнавшим, что подобные мерзости приписываются ему и его людям, вскоре вытеснил интерес, пробужденный сообщением, что на борту этих кораблей хранится серебра на двести тысяч фунтов, не говоря уже о перце и пряностях почти на такую же сумму.

— Вы представляете себе, какое сокровище могло попасть в руки этого дьявола Блада! Слава Богу, что галеонам удалось не только ускользнуть из Картахены, но и спастись от дальнейшего преследования!

— А вы уверены, что это дело рук капитана Блада? — осведомился гость.

— В этом нет никакого сомнения. Кто бы еще осмелился на такое? Дайте мне только поймать его, и, клянусь, я сдеру с него кожу и сделаю из нее себе пару сапог!

— Себастьян, любовь моя! — вздрогнула донья Леокадия. — Как ты можешь говорить такие ужасные вещи!

— Дайте мне только поймать его!.. — свирепо повторил дон Себастьян.

— Капитан Блад, возможно, находится гораздо ближе, чем вы предполагаете, — любезно улыбнулся дон Педро. — Поэтому в вашем желании нет ничего неосуществимого.

— Молю Бога, чтобы это было так. — И генерал-губернатор самодовольно покрутил ус.

После обеда гость церемонно откланялся, сославшись на необходимость представить доклад адмиралу. Однако на следующее утро дон Педро явился снова, и как только лодка, доставившая его на берег, вернулась назад, белый флагманский корабль снялся с якоря и начал поднимать

* Шлюхины отродья (исп.).

паруса. Подгоняемый свежеющим бризом, слегка рябившим освещенную солнцем фиолетовую гладь моря, галеон неторопливо двигался на восток, вдоль полуострова, на котором был расположен Сан-Хуан.

Вчерашний вечер Блад потратил на занятия каллиграфией, пользуясь при этом адмиральским несессером с письменными принадлежностями, где хранились печать маркиза и листы пергамента, увенчанные испанским гербом. Результатом этой деятельности явился внушительный документ, который Блад положил перед доном Себастьяном, дав ему соответствующие объяснения.

— Ваша уверенность в том, что капитан Блад находится в этих водах, навела адмирала на мысль поохотиться за ним. Его превосходительство велел мне оставаться здесь в его отсутствие.

Генерал-губернатор внимательно изучил пергамент, украшенный красной печатью с гербом маркиза Риконете. В послании дону Себастьяну предписывалось передать дону Педро Энкарнадо командование всеми вооруженными силами Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, фортом Санто-Антонио и его гарнизоном.

Вряд ли следовало ожидать, что дон Себастьян безропотно подчинится этому распоряжению. Прочитав письмо, он нахмурился и надул толстые губы.

— Не понимаю, — заявил губернатор. — Полковник Варгас, командующий фортом под моим руководством, опытный и знающий офицер. Кроме того, — внезапно ошетинился он, — я считал, что назначение офицеров входит в мои обязанности как генерал-губернатора Пуэрто-Рико.

Но капитан Блад не был расположен ссориться.

— Должен сознаться, дон Себастьян, на вашем месте — только это между нами — я бы чувствовал то же самое. Но необходимо иметь терпение. В конце концов, ведь адмиралом движет забота о безопасности кораблей с ценностями.

— Но я полагаю, что забота об их безопасности в Сан-Хуане — мое дело. Разве я не являюсь представителем короля в Пуэрто-Рико? Пусть адмирал распоряжается на море, как хочет, но на суше...

Капитан Блад прервал его, фамильярно положив ему руку на плечо.

— Мой дорогой дон Себастьян, — заговорил он, доверительно понизив голос. — Вам ли не знать причуды королевских фаворитов!

— Королевских... — Дон Себастьян с трудом подавил раздражение. — Я никогда не слышал, что маркиз Иконете — королевский фаворит.

— Любимец его величества. Это, конечно, между нами. Отсюда вся его бесцеремонность. Должен сознаться, что он злоупотребляет привязанностью короля. Вы же знаете, как кружит голову королевская милость. — Блад сделал паузу и вздохнул. — Мне очень неприятно быть орудием в этом покушении на ваши права. Но я так же беспомощен, как и вы, друг мой.

Этот монолог дал понять генерал-губернатору, что дальнейшие препирательства не повлекут за собой ничего хорошего.

Справившись с возмущением, вызванным посягательством на его власть, дон Себастьян уступил настояниям капитана Блада, утешая себя мыслью, что он по крайней мере перекладывает всю ответственность за последующие события на плечи адмирала.

В этот день, как и в два последующих, Питеру Бладу пришлось приложить весь свой такт, улаживая административные вопросы с генерал-губернатором и с полковником Варгасом, который был возмущен покушением на его должность. Но, увидев, что новый комендант не собирается вмешиваться в его воинские мероприятия, полковник частично смирился с его присутствием. Тем более что, тщательно обследовав вооружение, гарнизон и боеприпасы форта, дон Педро высоко отозвался о его боеспособности и великодушно заметил, что все действия полковника заслуживают всяческой похвалы.

Дон Педро высадился на берег, чтобы принять командование в первую пятницу июня. В воскресенье утром во двор особняка генерал-губернатора ворвался молодой офицер на истощенной взмыленной лошади. Он привез дону Себастьяну, завтракавшему вместе со своей женой и временным комендантом, тревожные известия о том, что какой-то отлично вооруженный, очевидно, пиратский корабль, не имеющий флага, напал на Сан-Патрико, находящийся в пятидесяти милях от Сан-Хуана. Он начал бомбардировать поселок, правда, не причинив ему вреда, не осмеливаясь войти в зону досягаемости пушек форта. К сожалению, боеприпасы в форту на исходе, и там нет достаточного количества людей, чтобы воспрепятствовать высадке.

Изумление дона Себастьяна было так велико, что даже пересилило его тревогу.

— Какого дьявола понадобилось пиратам в Сан-Патрико? Ведь там ничего нет, кроме сахарного тростника и кукурузы.

— Думаю, что я могу ответить на этот вопрос, — сказал капитан Блад. — Сан-Патрико — это черный ход в Сан-Хуан, к кораблям с ценностями.

— Черный ход?

— Ну да. Пираты не осмелились предпринять прямую атаку на хорошо вооруженный форт Санто-Антонио; они надеются добраться сюда по суше из Сан-Патрико и напасть на вас с тыла.

Стратегический талант дона Педро произвел глубокое впечатление на генерал-губернатора.

— Клянусь всеми святыми, вы правы! — Дон Себастьян встал из-за стола, заявляя, что он сейчас же отдаст необходимые распоряжения, отпустил офицера отдохнуть и подкрепиться и послал курьера в форт вызвать полковника Варгаса.

Шагая взад-вперед по длинной комнате, защищенной шторами от лучей солнца, он возносил благодарности своему святому патрону за то, что благодаря его, губернатора, предусмотрительности, форт отлично вооружен и они в состоянии послать в Сан-Патрико порох и ядра, чтобы удержать на расстоянии этих проклятых пиратов.

Робкий взгляд доньи Леокадии, смотревшей на своего супруга, устремился на нового коменданта, когда он заговорил, воспользовавшись передышкой дона Себастьяна.

— Очень может быть, сеньор, что брать боеприпасы из Санто-Антонио будет ошибкой. Они могут понадобиться нам самим. Ведь не исключено, что пираты изменят планы, поняв, что высадка в Сан-Патрико не так легка, как они предполагали. Или же вообще может оказаться ложным выпадом, предпринятым с целью отвлечь отсюда часть ваших вооруженных сил. — Блад знал, что последнее предположение соответствует действительности, так как оно согласуется с его распоряжениями.

Дон Себастьян тупо уставился на него, поглаживая украшенной перстнями рукой синеватую челюсть.

— Это очень возможно. Боже, помоги мне! — И потерявший голову генерал-губернатор, полностью положился на изобретательность спокойного и находчивого нового коменданта, чье прибытие так оскорбило его вначале. Дон Педро моментально принял командование.

— На кораблях с ценностями я заметил множество боеприпасов. Там они совершенно бесполезны, а для

оказания помощи Сан-Патрико их более чем достаточно. Мы возьмем оттуда не только порох и ядра, но и пушки и сразу же отправим их в Сан-Патрико.

— Вы намерены разоружить галеоны с ценностями? — встревожился дон Себастьян.

— А какая нужда держать их вооруженными здесь, в гавани? Для защиты достаточно форта. — И Блад приступил к действиям. — Распорядитесь, пожалуйста, насчет волов и мулов, необходимых для перевозки боеприпасов. Теперь что касается людей. У вас есть двести тридцать человек в Санто-Антонио и сто двадцать на бортах галеонов с ценностями. А сколько солдат в форте Сан-Патрико?

— Человек сорок-пятьдесят.

— Боже мой! А ведь если пираты намерены высадиться, то их там должно быть не менее четырехсот-пятисот человек. Значит, форт Сан-Патрико нуждается не только в оружии, но и в людях. Придется послать туда полковника Варгаса со ста пятьюдесятью солдатами из Санто-Антонио и пятьдесят человек с кораблей.

— И оставить Сан-Хуан беззащитным? — Пришедший в ужас дон Себастьян, не сдержавшись, добавил: — Вы с ума сошли!

Но на лице капитана Блада оставалось выражение полной уверенности в своих силах.

— Вовсе нет. У нас остается форт с сотней пушек, половина которых обладает значительной мощностью. Ста человек более чем достаточно, чтобы обслужить их. А чтобы вы не думали, что я толкаю вас на риск, который не намерен с вами делить, я сам остаюсь здесь и буду командовать гарнизоном.

Пришедшего Варгаса, так же как и дону Себастьяна, ужаснуло предстоящее ослабление оборонной мощи Сан-Хуана. С презрением глядя на посланца адмирала, полковник не скрывал, что считает его невеждой в военном искусстве. Но новый комендант быстро сбил с него спесь.

— Если вы скажете мне, что мы можем противостоять высадке пиратов в Сан-Патрико, имея в своем распоряжении менее трехсот человек, значит, вы еще не окончательно освоили собственную профессию. И как бы то ни было, — добавил он, вставая и тем самым давая понять, что дискуссия окончена, — сейчас я имею честь здесь командовать, и вся ответственность ложится на меня.

Полковник Варгас сухо поклонился, закусив губу, а генерал-губернатор в который раз вознес про себя благодарственную молитву небесам за то, что у него есть адмиральский пергамент, позволяющий ему свалить всю ответственность за возможные последствия этой авантюры на дона Педро.

Несмотря на колокольный звон собора, созывающий верующих на обедню, и на приближающийся полуденный зной, отряд под командованием полковника Варгаса выступил из Сан-Хуана, так как дело не терпело отлагательства. Полковник ехал во главе колонны, за ним следовал длинный поезд из мулов, нагруженных боеприпасами, и воловьих упряжек, тянущих за собой пушки, направляясь по дороге, ведущей через холмистую равнину в Сан-Патрико.

3

Вы, конечно, догадались, что пиратское судно, угрожавшее Сан-Патрико, было не чем иным, как «Андалузской девчонкой», некогда служившей флагманским кораблем маркизу Риконете и посланной в Сан-Патрико по распоряжению капитана Блада. Командовавшему кораблем Волверстону было приказано обстреливать маленький жалкий форт в течение сорока восьми часов. По истечении этого срока «Андалузская девчонка» должна была тихо ускользнуть под покровом ночи до прибытия подкрепления из Сан-Хуана, которое к тому времени, несомненно, будет выслано, и, кончив игру, как можно скорее нанести настоящий удар по оставшемуся сравнительно беззащитным Сан-Хуану.

Гонцы из Сан-Патрико прибыли в понедельник. Их доклад дал Бладу понять, что Волверстон в точности выполняет его инструкцию. Сообщение гласило, что ответный огонь форта вынудил пиратов соблюдать дистанцию.

Новости ободрили генерал-губернатора, убежденного, что маркиз Риконете, чей корабль находится где-то по соседству, захватит пиратов на месте преступления и немедленно уничтожит их.

— Завтра, — говорил он, — Варгас прибудет в Сан-Патрико с подкреплением, и у пиратов не останется ни малейшего шанса на высадку.

Но завтрашние события были весьма далеки от ожи-

дания дона Себастьяна. Вскоре после рассвета Сан-Хуан был разбужен грохотом пушек. Первой мыслью вскочившего с постели дона Себастьяна было, что это маркиз Риконете возвещает королевским салютом о своем возвращении. Однако непрекращающаяся канонада пробудила в нем опасения, которые перешли в ужас, когда он вышел на террасу и посмотрел в подозрную трубу на море.

Предположение капитана Блада, совершенно противоположное мыслям дона Себастьяна, было им сразу же отвергнуто. Даже если бы Волверстон покинул Сан-Патрико до полуночи, что было маловероятно, он никак бы не смог, идя против сильного западного ветра, добраться до Сан-Хуана меньше чем за двенадцать часов. Кроме того, Волверстон никогда бы не стал так игнорировать его распоряжения.

Полуодетый капитан Блад поспешил к дону Себастьяну, чтобы выяснить у него причину этой пальбы. Выйдя на террасу, он испугался едва ли не больше, чем генерал-губернатор, ибо находящийся в полумиле от берега корабль, чьи пушки бомбардировали порт, в точности походил на его «Арабеллу», оставленную им около месяца назад на Тортуге для кренгования⁹.

Блад вспомнил рассказ о его вымышленном рейде на Картахену и задал себе вопрос: неужели Питт, Дайк и другие его друзья пиратствовали в его отсутствие, сопровождая свои действия чудовищными зверствами, подобно Моргану и Монбару? Он не мог в это поверить, и все же перед его глазами находилось его собственное судно, окутанное облаком дыма и обстреливающее бортовыми залпами форт, стены которого, несокрушимые на вид, были выстроены из простого кирпича, что Блад с удовольствием отметил во время своего обследования.

Стоявший поблизости генерал-губернатор, призывая всех святых и всех демонов ада, отчаянно проклинал этого дьявола во плоти, капитана Блада.

Между тем дьявол во плоти молча стоял рядом с доном Себастьяном, не обращая никакого внимания на его проклятья. Защищаясь ладонью от лучей утреннего солнца, он пристально изучал очертания красного корабля — от золоченого носа до высокой кормы. Это была «Арабелла» и в то же время не «Арабелла». Блад не видел конкретных различий, но чувствовал, что они есть.

В это время огромный корабль развернулся бортом,

дслая поворот оверштаг, и Бладу удалось заметить, что на нем на четыре пушки меньше, чем на «Арабелле».

— Это не капитан Блад, — заявил он.

— Не капитан Блад? Вы еще скажете, что я не Себастьян Мендес! Разве этот корабль не «Арабелла»?

— Это не «Арабелла».

Дон Себастьян, бросив на Блада презрительный взгляд, протянул ему подозрную трубу.

— Прочтите название на кормовом подзоре¹⁰.

Блад приложил трубу к глазу. Корабль разворачивался, намереваясь ввести в действие орудия правого борта, и его корма находилась целиком в поле зрения. Прочитанное Бладом название «Арабелла», написанное золотыми буквами, вновь привело его в замешательство.

— Не понимаю, — сказал он. Но очередной залп, сокрушивший еще несколько тонн кирпичной кладки стен форта, заставил его умолкнуть. После этого пушки форта наконец заговорили. Их залпы были отнюдь не всегда меткими, но по крайней мере они вынудили нападающий корабль держаться на расстоянии.

— Слава тебе, Господи! Проснулись все-таки! — ядовито заметил дон Себастьян.

Блад удалился в поисках своих сапог, приказав перепуганным слугам оседлать ему коня.

Когда пять минут спустя, обутый, но все еще небрежно одетый капитан продевал ногу в стремя, генерал-губернатор накинулся на него.

— Это вы виноваты! — бушевал он. — Вы и ваш драгоценный адмирал! Ваши идиотские мероприятия сделали нас беспомощными! Но я надеюсь, что вы еще ответите за это!

— Я тоже на это надеюсь и думаю, что этот разбойник, кто бы он ни был, разделяет наши надежды, — процедил сквозь зубы капитан Блад, рассерженный не менее, чем дон Себастьян, хотя и выражающий свои чувства не столь громко, ибо он теперь на собственном опыте убедился, каково попадать в расставленную самим собой ловушку и какие чувства при этом испытываешь. Блад приложил столько усилий, чтобы разоружить Сан-Хуан, что в результате неизвестному пирату ничего не стоило украсть у него из-под носа добычу, за которой он охотился. Личность таинственного корсара все еще оставалась загадкой, но Блад сильно подозревал, что название «Арабелла» было не просто совпадением, и не сомневался,

что хозяин этого красного корабля и есть виновник тех ужасов в Картахене, которые приписывались ему самому.

Как бы то ни было, теперь требовалось срочно сорвать планы этого незваного гостя. И по странной иронии судьбы Блад скакал во весь опор, чтобы организовать защиту испанского поселения от нападения пиратов, то есть пустился в предприятие, ставшее почти безнадежным благодаря его собственным стараниям.

Крепость он застал в совершенно отчаянном положении. Половина орудий уже вышла из строя, разбитая горами камней. Из сотни людей, оставленных в гарнизоне, десять было убито, а тридцать — искалечено.

Остальные шестьдесят солдат были твердыми и решительными людьми — украшением испанской пехоты, — но их сковывала бездарность командующего фортм молодого офицера.

Капитан Блад появился как раз в тот момент, когда очередной бортовой залп снес ярдов двадцать крепостной стены. Во дворе, задыхаясь от пыли и едкого порохового дыма, он сразу же набросился на офицера, который выбежал ему навстречу.

— Вы намерены торчать здесь до тех пор, пока не будете погребены под обломками вместе с вашими пушками?

Обозлившийся капитан Аранья выпятил грудь.

— В таком случае мы умрем на нашем посту, сеньор, расплачиваясь за ваши заблуждения.

— Это может сделать любой дурак. Но если бы у вас было столько же ума, сколько наглости, то вы бы постарались спасти несколько пушек. Они вскоре понадобятся. Оттащите двадцать пушек в это укрытие и оставьте их там. — И Блад указал на заросли красного перца, находящиеся на расстоянии полумили по направлению к городу. — Оставьте мне двенадцать человек, чтобы стрелять из пушек, а всех прочих забирайте с собой. И уберите раненых из этого опасного места. Когда доберетесь до рощи, пошли за упряжками мулов, лошадей и волов для дальнейших перевозок. Зарядите орудия картечью. Шевелите мозгами и не теряйте времени. Кругом марш!

Хотя у капитана Араньи начисто отсутствовало воображение, у него по крайней мере хватало энергии на выполнение чужих замыслов. Подавленный властью нового коменданта и оценив здравомыслие предложенных им мер, он сразу же принялся за работу, в то время

как Блад занялся батареей из десяти пушек, размещенных на южном крепостном валу и державших под обстрелом залив. Двенадцать солдат, пробужденных им от апатии и воодушевленных его презрением к опасности, выполняли его распоряжения спокойно и быстро.

Пиратский корабль, разрядив орудия правого борта, начал разворачиваться, чтобы привести в действие батарею левого борта. Используя передышку, Блад, рассчитав как можно точнее место, с которого корсары произведут следующий залп, переходил от пушки к пушке, собственноручно заряжая каждую. Едва он успел зарядить последнее орудие, как пираты, осуществив свой маневр, повернулись к крепости левым бортом. Выхватив из рук мушкетера брызжащий запальный фитиль, Блад немедленно выпалил по корсарскому судну. Если выстрел и не оправдал всех его надежд, все же он был достаточно метким. Бушприт корабля разнесло вдребезги. Вздвогнувшись, судно слегка накренилось, и в тот же момент прозвучал ответный залп пиратов. Но, вследствие крена, ядра пролетели над фортом, не причинив ему никакого вреда, и зарылись в землю далеко позади.

— Огонь! — скомандовал Блад, и тотчас грянул залп остальных девяти пушек.

Корма корсарского корабля представляла собой сомнительную мишень, и Блад почти не надеялся ни на что, кроме чисто морального урона. Но удача снова улыбнулась ему, и, хотя восемь зарядов угодили в воду, девятый точно нашел свою цель, врезавшись в полуют.

— Viva! дон Педро! — воскликнули испанцы, сразу же воспрянув духом от первого, хотя и незначительного успеха, и, улыбаясь, бросились перезаряжать пушки.

Но теперь спешить было незачем. Пиратам требовалось убрать обломки бушприта, и прошел целый час, прежде чем они, горя жаждой мести, возобновили военные действия, пойдя крутой бейдсвинд против бриза.

Во время этой передышки Аранье удалось дотащить орудия до роши, находящейся в миле от форта. Блад мог отступить и присоединиться к нему. Но, осмелев после первых удач, он остался на месте, продолжая артиллерийскую дуэль. Однако на сей раз ядра батареи форта не достигали цели, а мощный бортовой залп орудий красного корабля проделал еще одну солидную брешь в крепостной стене. После этого, справедливо рассудив, что

* Да здравствует... (исп.)

в форту осталось очень мало пушек, да и те сейчас не заряжены, пираты, взбешенные упорством испанцев, подошли ближе и, сделав поворот оверштаг, произвели очередной залп.

В результате этого раздался взрыв, заставивший дрогнуть даже дома в Сан-Хуане.

Блад почувствовал, что какая-то неведомая сила подняла его в воздух и с силой швырнула вниз. Полуоглушенный, он лежал на земле, вокруг него падал ливень каменных осколков, а стены форта с грохотом рухнули, превратившись в бесформенную груду развалин.

Выстрел пиратов взорвал пороховой склад, что привело к уничтожению форта.

Блад выкарабкался из-под обломков щебня и, откашляясь от пыли, забившей горло, постарался оценить создавшуюся ситуацию. Во время падения он сильно ушиб бедро, но так как боль постепенно стихала, то там, очевидно, не было серьезных повреждений. Все еще не вполне пришедший в себя, Блад наконец смог подняться на ноги. Его дрожащие руки кровоточили, но кости были целы. Однако не многие так дешево отделались. Из двенадцати солдат, оставшихся с Бладом, только пятеро не пострадали от взрыва, шестой жалобно стонал, лежа со сломанным бедром, а седьмой тщетно пытался вправить вывихнутое плечо. Остальные пятеро погибли и были похоронены под развалинами.

Приведя в порядок парик, Блад с трудом собрался с мыслями и пришел к выводу, что больше незачем задерживаться на этой груде обломков, которая еще недавно была фортом. Пятерым уцелевшим солдатам он велел отнести двух раненых в рощу, и сам, шатаясь, поплелся вслед за ними. К тому времени, когда они добрались до убежища, пираты начали готовиться к высадке, которая должна была неизбежно последовать за уничтожением форта. На краю рощи Блад остановился, чтобы понаблюдать за их приготовлениями. Он видел, как корсары спустили пять шлюпок, которые переполненными направились к берегу, куда красный корабль становился на якорь, прикрывая десант.

Медлить было нельзя. Блад вошел под прохладную зеленую тень, где его ожидал Аранья со своими людьми, и с радостью увидел, что пушки, о существовании которых пираты ничего не подозревали, установлены и заряжены картечью согласно его указаниям. Рассчитав, в каком месте корсары должны пристать к берегу, он велел

нацелить туда орудия. В качестве мишени Блад наметил рыбацью лодку, лежащую вверх дном на берегу, в полкабельтове от воды.

— Мы подождем, пока эти собаки не окажутся на одной линии с лодкой, — объяснил он Аранье, — и тогда дадим им пропуск в ад. — Чтобы сократить время, оставшееся до этого долгожданного момента, Блад продолжал читать испанскому капитану лекцию на тему искусства ведения боевых действий.

— Теперь вы понимаете, какие преимущества можно извлечь из отклонения от школьных правил и привычных предрассудков. Покинув форт, который нельзя было спасти, и наскоро сымпровизировав новый, мы можем держать в руках этих головорезов. Вскоре вы увидите, как мы с ними расправимся и как наше поражение обернется победой.

У испанца не было сомнений, что все именно так и произойдет, если только не случится чего-нибудь непредвиденного. Поистине это утро оказалось весьма поучительным для капитана Араньи.

4

Но без неприятностей не обошлось, и в этом был повинен дон Себастьян, который, к великому сожалению, не сидел сложа руки. Он не сомневался, что его долг, как генерал-губернатора Пуэрто-Рико, вооружить каждого жителя города, способного носить оружие. Не взяв на себя труд посоветоваться с доном Педро или хотя бы предупредить его о своих намерениях, дон Себастьян разместил эту созданную наспех армию из пятидесятишестидесяти человек в засаде под прикрытием белых домов, ярдах в ста от моря, готовясь бросить их против высаживающихся на берег пиратов. Таким образом он рассчитывал лишить корсарскую артиллерию возможности бомбардировать его так называемые «вооруженные силы».

Однако тактика, которой так гордился генерал-губернатор, оказалась палкой о двух концах, так как она помешала действовать не только пиратским, но и испанским пушкам, спрятанным в роще. Прежде чем Блад смог открыть огонь, он с ужасом увидел отряд пуэрториканских горожан, с пронзительными воплями ринувшихся на корсаров. В следующий момент началась

всеобщая свалка, в которой разобрать, где друзья, а где враги было совершенно невозможно.

Но сумятица продолжалась недолго, так как ополченцы дона Себастьяна, разумеется, вынуждены были отступить перед взбешенными флибустьерами, несмотря на численный перевес почти вдвое. Крича и отстреливаясь, они скрылись в городе, оставив на песке несколько трупов.

Пока капитан Блад проклинал несвоевременное вмешательство дона Себастьяна, капитан Аранья рвался на помощь горожанам, но ему пришлось выслушать очередную лекцию.

— Сражения выигрываются не только благодаря героизму, но и с помощью тщательных расчетов, друг мой. На борту корабля пиратов по меньшей мере вдвое больше, чем на берегу, и теперь, в результате храбрости дона Себастьяна, они стали хозяевами положения. Если мы выступим сейчас, то на нас нападёт с тыла следующий десантный отряд, и, таким образом, мы окажемся между двух огней. Поэтому нам лучше дождаться высадки следующей партии, уничтожить ее и тогда заняться мерзавцами, находящимися в городе.

Но ждать пришлось долго. В каждой из шлюпок, возвращающихся к кораблю, оставалось только по два гребца, и двигались они крайне медленно. Немало времени отняла и посадка следующего отряда, который добрался до берега почти через два часа.

К тому же на этот раз пиратам незачем было торопиться, так как все признаки указывали на то, что попытки Сан-Хуана обороняться пресечены в корне.

Спешки не последовало, даже когда кили корсарских шлюпок закрипели о песок. Пестрая толпа пиратов не торопясь вылезла на берег. Среди них были представители самых различных слоев общества: от настоящих флибустьеров в рубашках из хлопка и широких штанах из сыромятной кожи, с яркими, но грязными шарфами на голове до идалго в кружевных камзолах и шляпах. И те, и другие были опоясаны патронташами и вооружены мушкетами и шпагами.

Командующий отрядом корсар в алом камзоле с грязными кружевными манжетами выстроил полсотни пиратов на берегу по военному образцу, и взмахнув шпагой, дал команду выступать.

Корсары маршировали сомкнутой колонной, громогласно вопя какую-то воинственную песню и с явным удовольствием смакую непристойный текст. В это время сидящие в роще канониры, держа в руках запальные шнуры, не отрывали глаз от капитана Блада, который

внимательно наблюдал за пиратами, подняв правую руку. Наконец колонна оказалась на одной линии с лодкой, служившей испанцам мишенью. Блад махнул рукой, и пять пушек выпалили одновременно.

Град картечи в момент уничтожил шагавших впереди корсаров, включая главаря в красном камзоле. Остальные от неожиданности застыли как вкопанные. Воспользовавшись их замешательством, Блад поспешил дважды повторить залп, в результате чего почти все пираты свалились на песок, кто корчась в судорогах, а кто — лежа неподвижно. Полдюжины человек, чудом оставшихся целыми и невредимыми, не осмеливаясь вернуться к пустовавшим лодкам, старались найти убежище в городе, ползая на животе, чтобы не попасть под очередной залп. Капитан Блад улыбнулся, увидев расширенные от восторга глаза капитана Араньи.

— Теперь мы можем выступать без всяких опасений, капитан, — заговорил Блад, продолжая пополнять воинское образование достойного испанского офицера, — так как мы обезопасили наш тыл от нападения. Как вы, должно быть, заметили, пираты весьма опрометчиво использовали для высадки все свои шлюпки. Так что оставшимся на корабле до берега не так-то легко добраться.

— Но у них есть пушки, — возразил Аранья. — Что, если они из мести откроют огонь по городу?

— В котором находится их первый десантный отряд во главе с капитаном? Мало вероятно. Все же на всякий случай мы оставим двадцать человек здесь, около пушек. Если пираты на корабле, отчаявшись, потеряют голову, то залпа два быстро приведут их в чувства.

Выполнив распоряжение Блада, пятьдесят испанских мушкетеров, незаметно для пиратов, переживших уничтожение форта, беглым шагом направились по направлению к городу.

5

Пиратский капитан, чье имя не пережило его, был квалифицирован Бладом как самодовольный идиот, который, как и все дураки, слишком многое считал не требующим доказательств. Будь он немного поумнее, он взял бы на себя труд убедиться, что уничтоженные им солдаты форта и горожане-ополченцы составляют все вооруженные силы Сан-Хуана.

Непомерная алчность, несомненно, толкнула корсаров на эту безрассудную высадку. Капитан лже-«Арабеллы» казался Бладу похожим на бездарного вора, сгребаящего крошки во время пиршества. Имея под носом два корабля с сокровищами, за которыми они гнались из Картахены через все Карибское море, он совершил непростительную тупость, не попытавшись сразу же завладеть ими. Видя, что на галеонах с ценностями не выстрелила ни одна пушка, этот болван должен был сообразить, что экипаж находится на берегу, а если он вовсе не был способен соображать, то можно было заглянуть в подзорную трубу, чтобы в этом убедиться.

Но рассуждения Блада были не совсем справедливы. Возможно, именно уверенность в том, что корабли пустуют и могут быть легко захвачены, побудила капитана позволить своим людям удовлетворить их ненасытную жадность разграблением города. К тому же города Новой Испании часто изобиловали сокровищами, а у губернатора могла храниться королевская казна.

Только такое искушение могло толкнуть пиратского капитана на грабеж Картахены, в то время как корабли с ценностями успели выйти в море. Очевидно, картаженская неудача не напомнила ему о пословице «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», и в Сан-Хуане он применял те же сомнительные методы, сопровождая их такими же безобразиями, которыми он позорил в Картахене (в этом Блад был теперь твердо уверен) нагло присвоенное им имя прославленного вождя флибустьеров.

Я не стану утверждать, что действия капитана Блада не были результатом гнева на незваного гостя, пытавшегося выхватить у него из-под носа добычу, ради которой он столько трудился, но у меня нет ни малейшего сомнения, что его беспощадность была вызвана возмущением бессовестным самозванством в Картахене и подлостями, совершенными там от его имени. Пиратская карьера, навязанная ему судьбой, была сама по себе пятном на его репутации, и Блад не мог равнодушно смотреть, как невеста откуда взявшийся двойник вместе со своей бандой безжалостных мерзавцев творил гнусности, прикрываясь его именем.

Полный мрачной решимости и жажды справедливой мести, капитан Блад шагал во главе маленькой колонны испанских мушкетеров, твердо намереваясь освободить город, захваченный и оскверненный его двойником. Звуки,

которые они слышали, подойдя к городским воротам, подтвердили худшие предположения Блада об образе действий этих бандитов.

Корсарский капитан, ворвавшись в Сан-Хуан и убедившись, что сопротивление задушено окончательно, отдал город на разграбление своим людям, позволив им немного «поразвлекаться», прежде чем они перейдут к основной цели рейда — захвату в гавани кораблей с ценностями. Немедленно вся банда, укомплектованная из отбросов тюрем всех стран, разбилась на группы, которые ринулись в город, одержимые страстью разрушения, оставляя за собой убитых мирных жителей, изнасилованных женщин, ограбленные и сожженные дома.

Для себя лично капитан оставил самый лакомый кусок. Вместе с шестью головорезами он ворвался в дом генерал-губернатора, где скрылся дон Себастьян после разгрома его злополучного ополчения.

Захватив в плен дону Себастьяна и его хорошенькую супругу, объятую паническим ужасом, капитан велел своим провожатым заняться грабежом дома. Двоих он, однако, оставил при себе для помощи, которая понадобится ему при грабеже особого рода, коим он намеревался заняться, пока остальные четверо бандитов будут расхищать имущество губернатора и превосходные вина, привезенные им из Испании.

Высокий, смуглый субъект, выдававший себя за капитана Блада и для большего сходства нарядившийся в черный с серебром костюм, бывший, как известно, излюбленной одеждой знаменитого флибустьера, непринужденно расселся в столовой дону Себастьяна за длинным дубовым столом, положив ногу на подлокотник кресла. Его украшенная плюмажем шляпа съехала набекрень, на толстых губах змеилась плотоядная усмешка.

Напротив него между двумя головорезами стоял дон Себастьян, одетый в рубашку и панталоны, без парика, со связанными за спиной руками. Лицо его смертельно побледнело, но в глазах светился вызов.

В высоком кресле, спиной к одному из открытых окон, сидела донья Леокадия. Ужас парализовал несчастную женщину, она находилась на грани умопомешательства.

В руках капитана был кусок бечевки, на котором он завязывал узлы. Насмешливым тоном он заговорил со своей жертвой на ломаном испанском языке.

— Значит, вы не желаете говорить, а? Вы надсетесь,

что мне придется разобрать лачугу по камешкам, прежде чем я найду то, что мне нужно? Ошибаетесь, дорогой идальго. Вы не только заговорите, вы вскоре запоете. Я уже позаботился о музыке.

Он бросил бечевку с узлами на стол, свистнув одному из бандитов, чтобы он приступил к делу. В тот же момент разбойник с гнусной усмешкой обвязал веревку вокруг головы генерал-губернатора, вставив между бечевкой и головой серебряную ложку, взятую из буфета испанца.

— Погоди, — приказал ему капитан. — Ну, дон губернатор, вы знаете, что с вами произойдет, если вы не развяжете ваш упрямый язык и не скажете, где храните деньги. — Он сделал паузу, наблюдая за испанцем из-под прищуренных век и ядовито усмехаясь. — Если хотите, мы можем вставить вам горящий фитиль между пальцами или прижечь пятки раскаленным железом. У нас есть масса хитроумных способов возвращения немым дара речи. Выбирайте любой. Но запирательство вам не поможет. Лучше признайтесь сразу, где вы прячете ваши дублоны.

Но испанец молчал, высоко подняв голову, сжав губы и с ненавистью глядя на своих палачей.

Улыбка пирата сделалась угрожающей.

— Ну-ну, — вздохнул он. — Я терпеливый человек. Даю вам минуту на размышление. Одну минуту. Как раз то время, которое мне понадобится для того, чтобы выпить это. — Налив себе темной малаги из серебряного кувшина, он залпом осушил бокал и грохнул им об стол с такой силой, что ножка отломалась. — Вот так я переломлю тебе шею, испанское отродье, если ты не прекратишь упрямиться. Ну, живо говори, где дублоны. *Vamos, maldito**. А то узнаешь, как шутить с доном Педро Сангре.

Но в глазах дона Себастьяна продолжала светиться ненависть.

— Я и не знал, что вы способны на такие подлости. Я ничего вам не скажу, грязный пиратский пес.

Дама внезапно зашвельгилась и закричала, перемежая слова рыданиями:

— Умоляю тебя, Себастьян, ради Бога, скажи ему все! Отдай ему все, что у нас есть. Разве это имеет значение?

* Скорей, проклятый! (*исп.*)

— Тем более что на том свете ваши сокровища вам не понадобятся, — продолжал издеваться капитан. — Лучше пощадите чувства вашей супруги. Вы не согласны со мной? — Он в бешенстве ударил кулаком по столу. — Хорошо! Выдавите мозги из башки этого рогоносца, ребята! — И мерзавец поудобнее устроился в кресле, ожидая развлечения.

Один из разбойников взялся за ложку, просунутую между веревкой и головой дона Себастьяна. Но прежде чем он начал крутить ее, капитан снова его остановил.

— Подожди. У нас есть более надежный способ. — И его губы расплылись в злобной усмешке. Сняв ногу с подлокотника, пират приподнялся в кресле. — Ведь испанцы души не чают в своих женах. — Обернувшись, он поманил рукой донью Леокадию. — *Aquí, mujer! Aquí!**

— Не слушай его, Леокадия, — крикнул ей муж. Не двигайся!

— Он... он ведь и здесь доберется до меня, — справедливо возразила несчастная женщина.

— Слышишь, ты, болван? Жаль, что у тебя нет и крупницы здравого смысла, которым наделена эта курица. Прощу вас сюда, мадам!

Хрупкая, бледная, маленькая женщина, дрожа от страха, приблизилась к его креслу. Гнусно улыбаясь, капитан, прищурив глаза, устремил наглый оценивающий взгляд на эту изящную робкую представительницу слабого пола. Обняв донью Леокадию за талию, он притянул ее к себе.

— Ближе, ближе, девочка.

Дон Себастьян закрыл глаза и застонал от бешенства, пытаясь вырваться из сильных рук, державших его.

Капитан поднял объятую ужасом донью Леокадию и усадил ее к себе на колени.

— Не обращай внимания на ревнивые вопли этого осла, малютка. Он не сделает тебе ничего, слово капитана Блада. — Запрокинув бедняжке подбородок, мерзавец, улыбаясь, посмотрел в ее расширенные темные глаза. Эту процедуру и последовавший за ней затяжной поцелуй она перенесла безропотно, словно труп.

— Тебе придется вытерпеть и нечто большее, милочка, если твой остопоп-супруг не образумится. Я забираю ее, дон губернатор, и надеюсь, что путешествие в моем обществе доставит ей удовольствия. Но вы можете вы-

* Сюда, хозяйка! Сюда! (исп.)

купить жену за ваши спрятанные дублоны. Несомненно, вы оцените мое великодушие. Ведь я мог бы захватить с собой вас обоих.

Ничто не могло причинить дону Себастьяну большие муки, чем угрозы его жене.

— А если я соглашусь, какая у меня будет гарантия, что вы не нарушите обещания?

— Слово капитана Блада.

Внезапный грохот канонады потряс дом, за первым залпом последовали второй и третий.

Все были изумлены.

— Какого дьявола... — начал капитан, но сразу же умолк, найдя объяснение. — Ба! Мои ребята забавляются — вот и все!

Но он едва ли был бы так беспечен, если бы знал, что пушечные залпы уничтожили полсотни этих ребят, высадившихся на берег, чтобы присоединиться к нему, и что около пятидесяти испанских мушкетеров во главе с настоящим капитаном Бладом быстро приближаются к городу, горя желанием расправиться с пиратами. И расправа была коротка. Разбредясь по городу, корсары разбились на группы по четыре, шесть, самое большее десять человек. Внезапное нападение испанцев не дало им возможности соединиться и оказать организованное сопротивление. Одни были убиты на месте, другие взяты в плен.

В столовой генерал-губернатора пиратский капитан, чье садистское наслаждение создавшейся ситуацией усиливалось в соответствии с количеством поглощенной им крепкой малаги, обратил наконец внимание на вопли и мушкетную пальбу снаружи. Но он по-прежнему не сомневался, что сопротивление жителей Сан-Хуана давно сломлено, и считал, что шум на улице — обычное следствие продолжающихся «развлечений» его ребят. Холостные пушечные выстрелы были обычным занятием торжествующих флибустьеров, а мушкеты едва ли остались в городе у кого-нибудь, кроме пиратов.

Поэтому он не спеша продолжал истязать генерал-губернатора необходимостью выбора между потерей жены и дублонов до тех пор, пока упорство дона Себастьяна не было сломлено и он не сообщил, где хранится королевская казна.

Но жестокость корсара несколько не уменьшилась.

— Слишком поздно, — заявил он. — Ты чересчур долго упрямился, а за это время я по уши влюбился в твою

жену. Так влюбился, что не смогу вынести разлуки с ней. Я дарю тебе жизнь, испанская собака, и, учитывая твоё поведение, это больше того, что ты заслужил. Но твои деньги и твою супругу я заберу с собой вместе с кораблями с ценностями, принадлежащими королю Испании.

— Но вы дали мне слово! — вскричал взбешенный дон Сесбастьян.

— Ай-ай-ай! Но ведь это было давно. Когда тебе была предоставлена возможность, ты ею не воспользовался, а начал вместо этого со мной шутки шутить. — Никто из присутствующих в комнате не обратил внимания на звук быстро приближающихся шагов. — Я же предупреждал тебя, что с капитаном Бладом шутить опасно.

Он не успел договорить, как дверь открылась, и послышался твердый с металлическим оттенком голос, в котором чувствовались нотки сарказма.

— Рад слышать это от вас, независимо от того, кто бы вы ни были. — И в комнату вошел высокий человек со шляпой в руке. Черный парик его был всклокочен, лиловый камзол разорван, лицо испачкано пылью и грязью. Его сопровождали трое мушкетеров в испанских латах и стальных шлемах. Окинув комнату взглядом, он сразу же оценил ситуацию.

— Я как будто успел как раз вовремя.

Измученный пират выпустил донью Леокадию и вскочил, положив руку на рукоять пистолета.

— Что это значит? Кто вы такой, черт возьми?!

Вновь прибывший приблизился к нему, и суровый взгляд его голубых глаз, сверкавших, как сапфиры, на смуглом лице, заставили разбойника вздрогнуть.

— Подлый самозванец! Навозная тварь!

Хотя мерзавец по-прежнему мало что понимал, до него дошло, что необходимы решительные действия, и он выхватил из-за пояса пистолет. Но капитан Блад отступил назад, и его рапира, быстрая, как жало змеи, пронзила руку пирата. Пистолет со стуком упал на пол.

— Лучше бы ты направил его в свое сердце, грязный пёс! Правда, этим ты помешал бы мне выполнить клятву. Я дал обет, что капитана Блада не отправит на виселицу ничья рука, кроме моих.

Один из мушкетеров быстро справился с изрыгающим проклятия пиратским капитаном, в то время как Блад с остальными солдатами так же быстро разоружил двух других бандитов.

Сквозь шум этой краткой схватки послышался крик доньи Леокадии, которая, дотащившись до кресла, упала в него, потеряв сознание.

Дон Себастьян, находящийся в ненамного лучшем состоянии, как только его развязали, начал слабым голосом невнятно выражать свою благодарность за это своевременное чудо, перемежая ее вопросами о том, как оно произошло.

— Займитесь вашей супругой, — посоветовал ему Блад, — и не беспокойте себя другими мыслями. Сан-Хуан очищен от пиратов. Около тридцати негодяев надежно заперты в тюрьме, остальные — еще надежнее: в аду. Если кому-то все же удалось вырваться, то его встретят у лодок и проводят к товарищам. Нам нужно похоронить мертвых, позаботиться о раненых и вернуть в город беженцев. А вы займитесь вашей женой и домочадцами и предоставьте мне все остальное.

И Блад с мушкетерами исчезли так же внезапно, как появились, уведя с собой взбешенных пленных.

6

Когда Блад вернулся к ужину, порядок в доме генерал-губернатора был полностью восстановлен, и слуги накрывали на стол. При виде дона Педро, все еще покрытого пылью сражений, донья Леокадия разрыдалась. Не обращая внимания на грязный костюм капитана, дон Себастьян крепко прижал его к груди, называя спасителем Сан-Хуана, настоящим героем, истинным кастильцем и достойным представителем великого адмирала.

Мнение это разделял весь город, в котором всю ночь не смолкали крики: «Viva дон Педро! Да здравствует герой Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико!»

Столь шумное и трогательное выражение благодарности пробудило в капитане Бладе, в чем он позже признался Джереми Питту, мысли о приятных сторонах, которыми обладала служба закону и порядку. Почистившись и переодевшись в костюм из гардероба дона Себастьяна, который ему был чересчур широк и слишком короток, он уселся ужинать к столу генерал-губернатора, с удовольствием воздавая должное пище и превосходному испанскому вину, уцелевшему после налета на губернаторский винный погреб.

Блад крепко уснул с сознанием хорошо выполненного

долга, и не сомневаясь, что без лодок и с малым количеством людей лже-«Арабелла» не осмелится напасть на корабли с сокровищами, являющиеся истинной целью рейда на Сан-Хуан. Все же на всякий случай несколько испанцев стали на часах около пушек, оставленных в роще. Но ночь прошла спокойно, а наутро жители города увидели, что пиратский корабль превратился в точку на горизонте, а в гавань под всеми парусами входила «Мария-Глориоса».

Когда дон Педро Энкарнадо спустился к завтраку, дон Себастьян сообщил ему, что адмиральский корабль бросил якорь в бухте.

— Он весьма пунктуален, — заметил дон Педро, думая о Волверстоне.

— Пунктуален? Ничего себе! Он не смог даже завершить ваши труды, потопив это проклятое пиратское судно. Постараюсь высказать ему все, что я о нем думаю.

Дон Педро нахмурился.

— Учитывая его положение при дворе, это было бы неблагоприятно. С маркизом лучше не вступать в пререкания. К счастью, он вряд ли сойдет на берег из-за своей подагры.

— Тогда я нанесу ему визит на корабле.

Озабоченное выражение лица капитана Блада не было притворным. Если ему не удастся отговорить дону Себастьяна от его благих намерений, то выработанный им план пойдет прахом.

— На вашем месте я бы этого не делал, — сказал он.

— Не делали бы? Но ведь это мой долг.

— Вовсе нет. Этим вы унижите свое достоинство. Подумайте о высоком poste, который вы занимаете. Ведь генерал-губернатор Пуэрто-Рико — это почти вице-король. Не вы должны наносить визиты адмиралам, а, наоборот, адмиралы должны наносить визиты вам, и маркиз Риконете прекрасно отдает себе в этом отчет. Вот почему он, не имея возможности прийти к вам лично из-за болезни, послал к вам меня в качестве своего представителя. Поэтому все, что вы собирались сказать маркизу, вы можете сообщить мне.

Задумавшись над этими словами, дон Себастьян подпер рукой свои многочисленные подбородки.

— Конечно, в том, что вы сказали, есть доля истины. Но в данном случае у меня особый долг, который я обязан выполнить. Я должен подробно сообщить адмиралу о той героической роли, которую вы сыграли в спасении

Сан-Хуана и королевской казны, не говоря уже о кораблях с ценностями, и убедиться, что вы награждены по заслугам.

Донья Леокадия, с дрожью вспоминая вчерашние ужасы, прерванные появлением дона Педро, и еще более страшные ужасы, которые предотвратила его отвага, горячо поддержала великодушное намерение своего супруга.

Однако во время этого изъявления благодарности лицо дона Педро все больше мрачнело. Он сурово покачал головой.

— Этого я никак не могу допустить, — сказал он. — А если вы сделаете по-своему, то этим нанесете мне обиду. Вчера я выполнил лишь то, что требовала от меня моя служба, а за это не следует ни похвал, ни наград. Героями являются только те, кто, не считаясь с риском и не заботясь о собственных интересах, совершает подвиги, к которым их ничто не обязывает. Сочинять баллады о моем вчерашнем поведении было бы оскорблением мне, а вы, я уверен, никогда не захотите оскорбить меня, дон Себастьян.

— О, какая скромность! — воскликнула донья Леокадия, молитвенно сложив руки и подняв глаза к небу. — Правду говорят, что подлинно великое — всегда скромно.

— Ваши слова достойны истинного героя, — удрученно вздохнул дон Себастьян. — Но я огорчен, друг мой, что вы лишаете меня возможности хоть чем-то отблагодарить вас.

— Меня не за что благодарить, дон Себастьян, — возразил дон Педро. — И умоляю вас, не будем к этому возвращаться.

Он поднялся.

— Пожалуй, я сразу же отправлюсь на корабль, чтобы получить распоряжения адмирала, сообщить ему о том, что здесь произошло, а заодно показать виселицу, которую вы соорудили на берегу для этого проклятого капитана Блада. Это очень обрадует его превосходительство.

К полудню дон Педро вернулся на берег уже не в костюме с чужого плеча, а одетый нарядно и элегантно, как подобает испанскому гранду.

— Маркиз Риконете просит меня сообщить вам, что так как Карибское море, к счастью, очистилось от капитана Блада, то миссия его превосходительства в этих водах окончена, и теперь ничто не препятствует его скорейшему возвращению в Испанию. Он намерен конвоировать корабли с ценностями во время путешествия

через океан и просит предупредить их капитанов быть готовыми поднять якорь во время первого же отлива — сегодня в три часа дня.

Дон Себастьян был поражен.

— И вы не сказали ему, что это невозможно?

Дон Педро пожал плечами.

— Я же говорил вам, что с адмиралом спорить бесполезно.

— Но, дорогой дон Педро, больше половины экипажа отсутствует, а на кораблях нет пушек.

— Будьте уверены, что я не преминул сообщить об этом его превосходительству. Конечно, это его огорчило, но он считает, что на каждом корабле хватит народу, чтобы управлять судном, а этого более чем достаточно. «Мария-Глориоса» отлично вооружена и сможет защитить их от нападения.

— А он не подумал о том, что может случиться, если шторм разлучит «Марию-Глориосу» с этими галеонами?

— На это я ему тоже указал, что не произвело никакого впечатления. Его превосходительство обладает развитым самомнением.

Дон Себастьян надул щеки.

— Так-так. Разумеется, это его дело, и я благодарю за это Бога. Эти корабли и так доставили немало неприятностей городу Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, и я рад от них избавиться. Но должен заметить, что ваш адмирал весьма неосторожен. Очевидно, это характерная черта королевских фаворитов.

Слабая улыбка, мелькнувшая на губах дона Педро, означала согласие со словами губернатора.

— Пожалуйста, распорядитесь, чтобы галеоны как можно скорее были снабжены провизией. Не стоит задерживать его превосходительство, к тому же прилив не станет ждать даже его.

— О, разумеется, — согласился дон Себастьян, в покорности которого ощущалась заметная доля иронии. — Я сейчас же отдам распоряжения.

— Я сообщу об этом его превосходительству. Он будет вам очень признателен. Ну, разрешите откланяться, дон Себастьян. — И они дружески обнялись. — Поверьте, я надолго сохраню воспоминания о нашем счастливом и взаимовыгодном сотрудничестве. Мое почтение донье Леокадии.

— А вы не останетесь посмотреть, как повесят капитана Блада? Казнь состоится ровно в полдень.

— Адмирал ожидает меня к восьми склянкам, и я не осмелюсь заставить его ждать.

По пути в гавань капитан Блад задержался у городской тюрьмы. Дежурный офицер встретил его со всеми почестями, подобающими спасителю Сан-Хуана, и открыл двери по его просьбе.

Пройдя двор, где расхаживали взад-вперед закованные в цепи удрученные пираты, Блад подошел к каменной камере, в которую едва проникал свет сквозь забранное решетками маленькое окошко, расположенное у самого потолка. В этой темной зловонной яме, сгорбившись на табуретке, сидел пиратский капитан, уронив голову на руки в наручниках. Услышав скрип дверных петель, он поднял голову, и его злое лицо уставилось на посетителя. Разбойник не узнал своего вчерашнего испачканного грязью противника в этом элегантном сеньоре в черном, расшитом серебром костюме, в тщательно завитом, ниспадающем на плечи черном парике и с длинной эбеновой тростью с золотым набалдашником.

— Уже пора? — проворчал он на своем ломаном испанском языке.

Но блестящий кастильский аристократ неожиданно ответил по-английски, да еще с явным ирландским акцентом.

— Не будьте столь нетерпеливым. У вас есть еще время подумать о вашей душе, если таковая имеется; есть время раскаяться в совершенных вами гнусностях. Я могу простить вам то, что вы выдавали себя за капитана Блада. Сам по себе этот акт даже можно расценивать как комплимент. Но я не могу вам простить того, что вы натворили в Картахене, — зверских убийств, пыток, изнасилований и других беспричинных жестокостей, которые вы совершили, удовлетворяя ваши низменные инстинкты и позоря присвоенное вами имя.

Негодяй ухмыльнулся.

— Вы говорите, как поп, которого прислали меня исповедовать.

— Я говорю как человек, которым являюсь, и чье имя вы осквернили своими низкими поступками. Советую вам за краткий промежуток времени, остающийся у вас после моего ухода, хорошенько осознать неумолимость высшего правосудия, которое привело вас на виселицу с моей непосредственной помощью. Ибо я — капитан Блад!

Несколько секунд он стоял, молча глядя на осужденного самозванца, утратившего от изумления дар речи; затем,

повернувшись на каблуках, вышел к ожидавшему его испанскому офицеру.

Пройдя мимо виселицы, установленной на берегу, он сел в шлюпку, которая тотчас двинулась к бело-золотому флагманскому кораблю, стоящему на рейде.

Таким образом, в тот же день, когда фальшивый капитан Блад был повешен на берегу Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, настоящий капитан Блад отплыл на Тортугу на «Марии-Глориосе», или «Андалузской девчонке», конвоируя корабли с сокровищами, где не было ни пушек, ни достаточного количества людей, чтобы оказать сопротивление, когда их капитанам стала ясна ситуация, в которой они очутились.

ДЕМОНСТРАЦИЯ

1

- **Ф**ортуна, — любил повторять капитан Блад, — ненавидит скряг. Она приберегает свои милости для тех, кто умеет правильно делать ставки и с блеском тратить выигрыши.

Конечно, вы можете соглашаться или не соглашаться с ним, но сам Блад всегда руководствовался этим правилом, никогда не отступая от него. Многочисленные примеры щедрости капитана можно найти в записках о его полных риска приключениях, оставленных нам Джереми Питтом, но ни один из них не может сравниться в блеске и яркости с мерами, принятыми с целью сокрушить вест-индскую политику месье де Лувуа¹¹, когда она угрожала уничтожением могучему братству флибустьеров.

Маркиза де Лувуа, преемника великого Кольбера¹² на службе Людовика XIV, дружно ненавидели при жизни, с той же силой, с какой его так же дружно оплакивали после смерти. Думаю, что подобное единство взглядов является высшей оценкой достоинств политического деятеля. Ничто никогда не ускользало от внимания месье де Лувуа. И вот, охваченный организаторским пылом, он в один прекрасный день оставил в покое государственный аппарат с тем, чтобы заняться инспекцией французских владений в Карибском море, где активные действия флибустьеров оскорбляли его страсть к порядку.

Для этой цели в Вест-Индию на двадцатичетырехпу-

шечном корабле «Беарнец» маркиз отправил шевалье^{*} де Сентонжа, элегантного, подающего надежды дворянина лет тридцати с лишним, заслужившего доверие месье де Лувуа (что было не так-то легко) и имеющего четкие инструкции, которыми он должен был руководствоваться, чтобы положить конец пиратству.

Для месье де Сентонжа, чье материальное положение было отнюдь не блестящим, это поручение оказалось неожиданной улыбкой фортуны, ибо, по мере сил служа королю, он нашел случай сослужить службу и себе самому. Во время своего пребывания на Мартинике, которое затянулось значительно дольше, чем этого требовала необходимость, шевалье познакомился с мадам де Вейнак, молодой и красивой вдовой Омера де Вейнака, влюбился в нее с быстротой, возможной только под тропическим солнцем, и вскоре женился на ней. Мадам де Вейнак унаследовала от покойного мужа владения, составляющие примерно третью часть острова Мартиника, которые состояли из плантаций сахара, пряностей и табака, дающих внушительный годовой доход. Все это богатство вместе с владелицей перешло в руки представителя, но плохо обеспеченного посланца маркиза де Лувуа.

Шевалье де Сентонж был слишком добросовестным и убежденным в сознании важности своей миссии, чтобы позволить браку быть чем-то, кроме прекрасной интерлюдии во время исполнения долга, приведшего его в Новый Свет. Отпраздновав свадьбу в Сен-Пьере¹³ со всем блеском и пышностью, соответствующими высокому положению невесты, он вновь приступил к выполнению своей задачи, пользуясь возросшими возможностями, которые предоставила ему счастливая перемена обстоятельств. Взяв жену на борт «Беарнца», месье де Сентонж отплыл из Сен-Пьера, чтобы завершить свой инспекторский объезд, прежде чем взять курс на Францию и полностью насладиться баснословным состоянием, свалившимся ему на голову.

Доминику, Гваделупу и Гренадины¹⁴ он уже посетил, так же как и Сен-Круа, который, говоря по чести, принадлежал не столько французской короне, сколько французской Вест-Индской компании. Оставалась самая важная часть его миссии — остров Тортуга, другое владение вышеозначенной компании, служившее цитаделью

* Кавалер (фр.).

английских, французских и голландских корсаров, к уничтожению которых шевалье был обязан принять все меры.

Уверенность месье де Сентонжа в своей возможности справиться с этой трудной задачей значительно возросла, когда ему сообщили, что Питер Блад, наиболее предприимчивый и опасный из всех флибустьеров, недавно был пойман испанцами и повешен в городе Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

В один из тихих знойных августовских дней «Беарнец» бросил якорь в Кайонской бухте — окруженной рифами гавани, казалось, предназначенной самой природой быть пиратским логовом.

Шевалье взял с собой на берег свою молодую жену, усадив ее в специальное кресло, которое его матросам не без труда удалось пронести сквозь пеструю толпу европейцев, негров, марронов¹⁵ и мулатов, собравшихся поглазеть на знатную даму с французского корабля.

Двое почти совершенно обнаженных мулатов-носильщиков несли кресло с драгоценным грузом, в то время как напыщенный месье де Сентонж, облаченный в голубой костюм из тафты, державший в одной руке трость, а в другой шляпу, которой он обмахивался, шествовал сзади, проклиная жару, мух и вонь. Высокий, румяный мужчина, уже начинающий полнеть, он обливался потом, а его голова взмокла под тщательно завитым золотистым париком.

Поднявшись вверх по главной улице Кайоны, усаженной пальмами, задыхающийся от пыли шевалье добрался наконец до губернаторского дома и, пройдя через сад, вскоре очутился в прохладном полумраке комнаты, надежно защищенной от солнца зелеными шторами. По счастью, губернатор, радушно принявший знатного гостя, сразу же распорядился подать прохладительный напиток, искусно изготовленный из рома, сахара и лимонов.

Однако этот краткий отдых оказался лишь временным. После того как мадам де Сентонж удалилась вместе с двумя очаровательными дочерьми губернатора, в кабинете разгорелась дискуссия, от которой шевалье снова бросило в жар.

Месье д'Ожерон, управляющий Тортугой от имени Французской Вест-Индской компании, с мрачным унынием выслушивал резкие замечания, которые его гость высказывал от имени месье де Лувау.

Худой, низенький месье д'Ожерон, будучи надолго

заброшенным на этот забытый Богом остров, сумел сохранить в своем доме атмосферу придворного изящества и элегантности, приличествующую прирожденному дворянину. Только сдержанность и безукоризненные манеры позволили ему сейчас скрыть раздражение. Когда шевалье закончил свои резкие и напыщенные разглагольствования, губернатор тяжело вздохнул, и в этом вздохе чувствовалась усталость.

— Полагаю, — отважился сказать он, — что месье де Лувуа не совсем точно информирован о положении дел в Вест-Индии.

Фраза эта привела в ужас де Сентонжа. Его убежденность во всеведении месье де Лувуа была так же непоколебима, как и уверенность в том, что он сам обладает этим качеством.

— Сомневаюсь, месье, есть ли в мире что-нибудь, о чем маркиз не был бы полностью информирован.

Улыбка д'Ожерона была вежливой и обходительной.

— Разумеется, никто не сомневается в достоинствах месье де Лувуа. Но его превосходительство не обладает моим опытом, приобретенным за долгие годы жизни в этом захолустье, а это, осмелюсь заметить, придаст некоторую ценность моему мнению.

Но шевалье нетерпеливым жестом отмахнулся от мнения д'Ожерона.

— Мы только зря теряем время, месье. Позвольте мне быть откровенным. Тортуга находится под сенью французского флага, и, по мнению месье де Лувуа, с которым я полностью согласен, не слишком пристойно... Ну, короче говоря, покровительство шайкам разбойников не делает чести флагу Франции.

— Но, месье, — возразил д'Ожерон. — Не флаг Франции покровительствует флибустьерам, а, напротив, флибустьеры покровительствуют флагу Франции.

Высокий, импозантный королевский представитель поднялся, выражая тем самым свое негодование.

— Месье, это возмутительное заявление.

Но губернатор оставался безукоризненно вежливым.

— Это факт, а не заявление. Позвольте мне напомнить вам, что сто пятьдесят лет назад его святейшество папа подарил Испании Новый Свет в награду за открытие Колумба. Но с тех пор другие нации — французы, англичане, голландцы — обращали на эту папскую буллу значительно меньше внимания, чем этого хотелось бы Испании. Они, в свою очередь, селились на землях

Нового Света, территории которых являлись испанскими чисто номинально. А так как Испания упорно усматривает в этом посягательство на ее права, то Карибское море уже давно служит местом сражений. Что же касается корсаров, к которым вы относитесь с таким презрением, то вначале они были мирными охотниками, землевладельцами и торговцами. Но испанцы постоянно преследовали их на Эспаньоле, изгоняли англичан и французов с Сент-Кристофера¹⁶, а голландцев с Сен-Круа, устраивали варварские избиения, не щадя даже женщин и детей. Тогда в целях самозащиты эти люди покинули свои коптильни, взялись за оружие, объединились и стали, в свою очередь, охотиться за испанцами. То, что Виргинские острова теперь принадлежат Британской короне, — заслуга «берегового братства», как называют себя флибустьеры, захватившие эти земли для Англии. Остров Тортуга, на котором мы сейчас находимся, так же, как и остров Сен-Круа, точно таким же путем перешел во владение Французской Вест-Индской компании и, таким образом, стал колонией Франции. Вы говорили, месье, о покровительстве французского флага, которым пользуются корсары, и я ответил вам, что вы поменяли вещи местами. Не будь здесь флибустьеров, обуздывающих алчность Испании, я сильно сомневаюсь, смогли бы вы когда-нибудь предпринять такое путешествие, ибо в Карибском море не было бы ни одного французского владения, которое бы вам надлежало посетить. — Он сделал паузу, улыбаясь явному замешательству своего гостя. — Надеюсь, месье, я сказал достаточно для того, чтобы подтвердить свое мнение, которое я беру на себя смелость отстаивать, несмотря на требование месье де Лувуа, что уничтожение корсаров может легко повлечь за собой уничтожение французских колоний в Вест-Индии.

В этот момент шевалье де Сентонаж взорвался. Как часто случается, поводом его гнева послужило то, что в глубине души он чувствовал обоснованность аргументов губернатора. Выражения, в которых шевалье высказал свое недовольство, заставляют сомневаться в том, насколько мудро поступил маркиз де Лувуа, выбрав подобного посланника.

— Вы сказали достаточно, месье... более чем достаточно для убеждения меня в том, что боязнь лишиться прибылей, получаемых вашей компанией и вами лично от продажи на Тортуге награбленных товаров, делает вас безразлич-

ным к чести Франции, которую пятнает эта позорная торговля!

Месье д'Ожерон больше не улыбался. В свою очередь, почувствовав изрядную долю истины в обвинениях шевалье, он вскочил на ноги, поблуднев от гнева. Но, будучи сдержанным и замкнутым по натуре, губернатор не дал выхода своим чувствам. Его голос оставался спокойным и холодным, как лед.

— За такие слова, месье, полагается отвечать со шпагой в руке.

Сентонж, меривший шагами комнату, только рукой махнул.

— Это такая же чепуха, как и то, что вы говорили раньше! Ваш вызов вы лучше пошлите месье де Лувуа, так как я всего лишь его представитель. Я высказал вам только то, что требовал от меня долг, и чего я не стал бы делать, если бы нашел вас более рассудительным. Неужели вы не понимаете, месье, что я приехал сюда из Франции не драться на дуэли именем короля, а сообщить вам королевское решение и передать королевские приказы. Если они вам неприятны, то это не мое дело. Но по решению правительства Тортуга должна перестать служить приютом корсарам — это все, что я должен был вам сказать.

— Боже, дай мне терпения! — воскликнул месье д'Ожерон. — И вы думаете, что достаточно только сообщить мне этот приказ, как я тотчас смогу привести его в исполнение?

— А в чем трудность! Закройте рынок, куда поступает награбленное. Если вы положите конец этой торговле, то пиратству придет конец.

— Как просто! А что, если конец придет мне и заодно администрации Вест-Индской компании на этом острове? Что, если пираты захватят власть на Тортуге? Ведь это несомненно случится, если я вас послушаю, месье де Сентонж.

— У Франции достаточно могущества, чтобы отстоять свои права.

— Весьма признателен. Интересно, знают ли во Франции, как это сделать? Имеет ли месье де Лувуа какое-нибудь представление о силе и размерах организации флибустьеров? Слышали ли вы когда-нибудь во Франции о набеге Моргана на Панаму? Знаете ли вы, что пиратское воинство включает пять-шесть тысяч самых грозных морских разбойников, каких когда-либо видел свет? Если

им будет угрожать уничтожение, то они, соединившись вместе, могут создать флот из сорока или пятидесяти кораблей, который перевернет все Карибское море вверх дном.

Губернатору удалось наконец привести в замешательство шевалье де Сентонжа. Несколько секунд он удрученно глядел на хозяина дома, пока не собрался с силами.

— Вы, месье, безусловно преувеличиваете.

— Я ничего не преувеличиваю. Я только хочу заставить вас понять, что мною движет нечто большее, чем корыстолюбие, которое вы мне так оскорбительно приписываете.

— Месье де Лувуа, несомненно, будет сожалеть о несправедливости своего решения, когда я подробно доложу ему о том что вы мне сообщили. Что же до остального, то приказ остается приказом.

— Но вам наверняка предоставили некоторую свободу действий в выполнении вашей миссии. Поэтому я считаю, что, выслушав мои объяснения, вы окажете услугу королевству, рекомендовав месье де Лувуа не нарушать существующего положения вещей до тех пор, пока Франция не будет в состоянии направить в Карибское море флот, который сможет охранять ее владения.

Но шевалье заулыбался.

— Такой совет мне едва ли подойдет. Вы получили распоряжение месье де Лувуа немедленно закрыть рынок, где сбывается награбленная корсарами добыча. Я уверен, что вы дадите мне возможность заверить маркиза в вашем безоговорочном согласии.

Эта тупая бескомпромиссность приводила д'Ожерона в отчаяние.

— Должен, однако, заметить, месье, что ваша формулировка не соответствует действительности. Здесь сбывается не только награбленное, но и добыча, отнятая у Испании и компенсирующая грабежи, от которых мы страдали и будем страдать по милости кастильских хищников.

— Но это фантастично, месье. Между Францией и Испанией мир.

— В Карибском море, месье де Сентонж, мира никогда не бывает. Уничтожив корсарство, мы капитулируем и подставим горло под нож — вот и все.

Но аргументов, способных сдвинуть с места шевалье де Сентонжа, просто не существовало.

— Я вынужден рассматривать это только как ваше

личное мнение, в какой-то мере внушенное вам (не обижайтесь на меня за это) интересами вашей компании и вашими собственными. Как бы то ни было, приказ вполне ясен, и вы должны понимать, что его невыполнение повлечет за собой большие неприятности.

— Не большие, чем выполнение, — заметил губернатор, скривив губы. Он вздохнул, пожав плечами. — По вашей милости, месье, я попал между двух огней.

— Надеюсь, у вас хватит справедливости понять, что я выполняю свой долг, — величественно промолвил шевалье де Сентонж. Слабый намек на желание оправдаться, звучавший в этой фразе, был единственной уступкой, которую месье д'Ожерону удалось выжать из своего упрямого и самонадеянного гостя.

2

Месье де Сентонж вместе со своей супругой покинули Тортугу в тот же вечер, взяв курс на Порт-о-Пренс¹⁷, который шевалье намеревался посетить перед тем, как отплыть во Францию, где его ожидала заманчивая жизнь богача.

Восхищаясь собственной твердостью, проявленной им в беседе с губернатором Тортуги, он поведал обо всем мадам де Сентонж, чтобы та могла разделить его восторги.

— Этот мелкий скупщик краденого мог вынудить меня уклониться от выполнения долга, если бы я не был столь бдительным, — улыбаясь, заметил шевалье. — Но меня не так-то легко обмануть. Поэтому месье де Лувуа и поручил мне такую важную миссию. Он знал, с какими трудностями я могу столкнуться, и не сомневался, что меня не проведешь.

Мадам де Сентонж была высокой, красивой брюнеткой с глазами, похожими на терновые ягоды, кожей цвета слоновой кости и бюстом Гебы¹⁸. Ее томный взгляд был с благоговением устремлен на мужа, собиравшегося ввести ее в высшее общество Франции, двери которого были закрыты для жены плантатора, как бы он ни был богат. Все же, несмотря на уверенность в проницательности своего супруга, она осмелилась поинтересоваться, был ли он прав, приписывая аргументы, приведенные месье д'Ожероном, одному лишь корыстолюбию губернатора. Правда, всю жизнь прожив в Вест-Индии, мадам де Сентонж не могла не знать о хищнических повадках испанцев, хотя

до сих пор она, возможно, не думала о том, в какой степени действия корсаров сдерживали их разбои. Испания держала солидный флот в Карибском море главным образом для того, чтобы охранять свои поселения от рейдов флибустьеров. Уничтожение пиратства развязало бы руки этому флоту, а зная жестокость испанцев, можно было легко догадаться, к каким бы последствиям это привело.

С должным смирением высказав свои мысли обожаемому супругу, мадам де Сентонж выслушала самоуверенный ответ:

— В таком случае можешь не сомневаться, что мой повелитель король Франции примет надлежащие меры.

Тем не менее спокойствие шевалье было несколько поколеблено. Эта робкая поддержка аргументов д'Ожерона выбила Сентонжа из колес.

Конечно, было легко отнести все возражения губернатора Тортуги за счет его эгоизма и страха перед испанцами. Однако месье де Сентонж, будучи со времени своей женитьбы живо заинтересованным во французских колониях в Вест-Индии, начал спрашивать себя, не слишком ли поспешным было его заключение, что месье д'Ожерон преувеличивает.

В действительности же губернатор Тортуги не преувеличивал. Как бы ни были его аргументы согласованы с его интересами, они, несомненно имели под собой существенную основу. Теперь же ему оставалось только покинуть свой пост и вернуться во Францию, предоставив месье де Лувуа самому решать судьбу Французской Вест-Индии и Тортуги в частности. Правда, это было бы изменой интересам Вест-Индской компании, но если политика нового министра восторжествует, то у компании очень скоро не останется никаких интересов.

Губернатор провел беспокойную ночь и заснул только на рассвете, но почти тотчас же проснулся от пушечных выстрелов.

Канонада и треск мушкетов были настолько продолжительными, что д'Ожерону понадобилось длительное время, пока он осознал, что этот шум означает не атаку на гавань, а *feu de joie*^{*}, какого еще никогда не слыхивали скалы Кайоны.

Когда же губернатор выяснил причину салюта, то его настроение значительно улучшилось. Сообщение о поимке

* Приветственный салют (фр.)

и казни капитана Блада в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико было опровергнуто прибытием в Кайону самого Питера Блада, живого и невредимого, на борту захваченного испанского корабля, еще недавно называвшегося «Мария-Глориоса» и служившего флагманом эскадры маркиза Риконете. В кильватере «Марии-Глориосы» следовали два испанских галсона, нагруженных сокровищами.

Гром орудий раздавался с борта трех кораблей Блада, ремонтировавшихся на Тортуге в его отсутствие, среди экипажей которых в течение последней недели царили растерянность и уныние.

Д'Ожерон не меньше пиратов радовался воскрешению из мертвых человека, которого он уже успел оплакать, ибо между губернатором Тортуги и славным капитаном флибустьеров существовала тесная дружба. Месяе д'Ожерон и его дочери устроили в честь Питера Блада настоящий пир, ради которого губернатор извлек из погреба несколько бутылок отборного вина, полученного из Франции.

Пришедший в отличное расположение духа капитан поведал собравшимся за столом историю необычайного приключения в Пуэрто-Рико, закончившегося казнью гнусного самозванца, который претендовал на имя и славу Питера Блада, и беспрепятственным отплытием из Сан-Хуана «Марии-Глориосы» вместе с двумя кораблями с ценностями, стоявшими теперь на якоре в кайонской гавани.

— Такой богатой добычи у меня еще никогда не было. Одного золота только на мою долю приходится тысяч на двадцать пять. Его, как обычно, я обменяю у вас на векселя французских банков. Кроме того, на одном из галеонов имеется груз перца и пряностей, за который Вест-Индская компания даст не менее ста тысяч. Все это ждет вашей оценки, мой друг.

Но это сообщение, которое в другое время только обрадовало бы губернатора, на сей раз вновь повергло его в уныние, напомнив ему об изменившихся обстоятельствах. Печально поглядев на гостя, он покачал головой.

— Все кончено, друг мой. Наша коммерция отныне под запретом. — И вслед за этим последовал подробный рассказ о визите де Сентонжа, существенно ограничившем поле деятельности месяе д'Ожерона. — Итак, вы понимаете, дорогой капитан, что рынки Вест-Индской компании теперь закрыты для вас.

На загорелом, гладко выбритом лице Блада, обрамленном черными локонами, отразились изумление и гнев.

— Боже мой! И вы не сказали этому придворному блюдолизу, что...

— Я привел ему все аргументы, к которым прислушался бы любой здравомыслящий человек. Но на все, что я ему говорил, он отвечал, что в мире нет ничего, что не было бы известно месье де Лувуа. По мнению месье де Сентонжа, нет Бога, кроме Лувуа, и Сентонж — пророк его. Этот шевалье, как и все придворные фавориты, весьма самоуверенный субъект. Недавно на Мартинике он женился на вдове Омера де Вейнака, и это сделало его одним из богатейших людей Франции. А вы знаете, во что превращают большие деньги и без того самодовольных людей.

И месье д'Ожерон устало махнул рукой.

— Да, теперь все кончено.

Но с этим капитан Блад никак не мог согласиться.

— Нельзя же безропотно класть голову под топор. Такие люди, как мы, не должны признавать себя побежденными.

— Для вас, живущего вне закона, все возможно. Но для меня... Здесь, на Тортуге, я представляю закон Франции; я должен служить ему и поддерживать его. И теперь, когда закон предъявил такое требование...

— Если бы я приехал на день раньше, требования закона были бы несколько иными.

Д'Ожерон сардонически усмехнулся.

— Вы воображаете, что, несмотря на все, что я вам рассказывал, вам бы удалось убедить этого хлыща в его глупости?

— Нет ничего, в чем бы нельзя было убедить человека, предъявив ему соответствующие аргументы должным образом.

— Я же говорил вам, что предъявил ему все возможные аргументы.

— Нет, не все, а только те, которые пришли вам в голову.

— Если вы имеете в виду, что мне следовало пригрозить пистолетом этому самовлюбленному фату...

— О, мой друг! Это же не аргументы, а принуждение. Все люди заботятся о своих интересах, а особенно те, кто, подобно шевалье де Сентонжу, любят обвинять в этом других. Ущемление его интересов могло бы его убедить.

— Возможно. Но что я знаю о его интересах?

— Подумайте! Разве вы только что не сказали мне, что он недавно женился на вдове Омера де Вейнака? Отсюда неизбежно вытекает его величайшая заинтересованность во французских колониях в Вест-Индии. Вы говорили ему в общем плане об испанских рейдах на поселения других народов. А вам следовало бы быть поконкретнее. Вы должны были подробно остановиться на возможности такого рейда на богатую Мартинику. Это заставило бы его задуматься. А теперь он ушел, и шанс потерян.

Но д'Ожерон не видел причин для сожалений об этой потерянной возможности.

— Его упрямство помешало бы ему даже испугаться. Он бы и слушать не стал. Последнее, что сказал мне Сентонж перед отплытием в Порт-о-Пренс...

— В Порт-о-Пренс?! — воскликнул капитан Блад, прерывая губернатора. — Он отплыл в Порт-о-Пренс?

— Да, это последний порт, который он намеревался посетить перед возвращением во Францию.

— Так, так, — задумчиво промолвил капитан. — Следовательно, он будет возвращаться через Тортугский пролив?

— Конечно. Иначе ему придется огибать всю Эспаньолу.

— Тогда я, может быть, еще не окончательно опоздал. Могу я перехватить его и попробовать на нем свое искусство убеждать?

— Вы только зря потеряете время, капитан.

— Вы слишком пессимистически настроены. Я обладаю великим даром внушения. Не теряйте надежды, друг мой, пока я не подвергну месье де Сентонжа испытанию.

Но для того чтобы пробудить в месье д'Ожероне надежду, требовалось нечто большее, нежели беспечные заверения. Тяжко вздыхая, он простился с капитаном Бладом, пожелав ему успеха в очередном предприятии, хотя он в этот успех ни на грош не верил.

Какую конкретную форму примет его очередное предприятие, капитан Блад еще не знал, когда он, выйдя из губернаторского дома, отправился на борт своего великолепного сорокапушечного корабля «Арабелла», который во время его отсутствия стоял без дела отремонтированный, вооруженный и готовый к выходу в море. Однако капитана так захватила важность предстоящей задачи, что еще до вечера, тщательно продумав план,

он собрал в салоне «Арабеллы» военный совет, дав указания каждому из своих офицеров.

Хагторп и Дайк должны были оставаться на Тортуге и наблюдать за кораблями с сокровищами. Волверстону поручалось командование бывшим испанским флагманом «Марисей-Глориосой». Ему было приказано отплыть немедленно, и капитан снабдил его тщательными инструкциями особого рода. Ибервилю — французскому корсару — Блад поручил «Элизабет», приказав ему быть готовым к отплытию.

В тот же вечер, после захода солнца, «Арабелла» снялась с якоря и вышла из Кайоны под командованием Блада, имея на борту штурмана Питта и канонира Огла. За ней следовала «Элизабет». «Мария-Глориоса» уже скрылась за горизонтом.

Идя против легкого восточного бриза, оба корсарских корабля на следующий вечер миновали мыс Пальмиш на северном побережье Эспаньолы. Поблизости от него, в том месте, где Тортугский пролив сужается до пяти миль между мысами Пальмиш и Португаль, Блад решил занять позицию для дальнейших действий.

3

К тому времени, когда «Арабелла» и «Элизабет» бросили якоря в уединенной бухточке у северного побережья Эспаньолы, «Бсарнец» покидал Порт-о-Пренс. Резкие запахи этого города оскорбляли деликатные ноздри мадам де Сентонж, а так как богатым женам следует потакать, то шевалье сократил свой визит до минимума, несмотря на ущерб интересам королевства. Покончив наконец со своей миссией, месье де Сентонж с сознанием хорошо выполненного долга и с уверенностью, что заслужил похвалу маркиза де Лувуа, отплыл во Францию, переключив свои мысли с государственных дел на личные.

Из-за легкого бокового ветра «Бсарнец» продвигался так медленно, что обход вокруг мыса Сен-Никола в западном конце Тортугского пролива занял у него двадцать четыре часа. Таким образом, только на заходе солнца на следующий день после выхода из Порт-о-Пренса корабль вошел в пролив.

Месье де Сентонж лениво развалился в кресле рядом с кушеткой, установленной на корме под навесом из коричневой парусины. На кушетке, обмахиваясь богато

инкрустированным веером, возлежала красавица креолка — мадам де Сентонж. В этой безупречно сложенной даме все поражало великолепием, начиная с глубокого мелодичного голоса и кончая черными, как смоль, волосами, украшенными жемчугом. Она была довольна своим браком не меньше, чем ее супруг, о чем свидетельствовал ее неумолкающий смех, которым она воздавала должное остроумию шевалье.

Внезапно идиллию прервал капитан «Беарнца» месье Люзан — тощий, загорелый крючконосый субъект выше среднего роста, чьи осанка и манеры скорее напоминали солдата, чем моряка. Пройдя на корму, он протянул Сентонжу подзорную трубу.

— Взгляните-ка, шевалье. Там происходит что-то странное.

Месье де Сентонж медленно поднялся, и его взгляд устремился в указанном направлении. На расстоянии около трех миль к западу белел парус.

— Корабль, — заметил шевалье. Взяв предложенную трубу, он отступил назад к поручням, на которые можно было опереть локоть и оттуда поле зрения было шире.

В окуляре отчетливо виднелся большой белый корабль с очень высокой кормой. Он направлялся к северу, против восточного бриза; на правом борту были заметны сверкающие золотом порты двадцати четырех орудий. На грот-мачте над белоснежными парусами развевался красно-золотой вымпел Кастилии, под которым было установлено распятие.

Шевалье опустил подзорную трубу:

— Испанский корабль, — сказал он. — Ну, и что же вы нашли в нем странного, капитан?

— О, корабль, несомненно, испанский. Но когда мы впервые увидели его, он двигался на юг. А теперь он идет за нами, подняв все паруса. Вот что странно.

— Ну, а дальше что?

— В этом-то все и дело. — И, собравшись с духом, капитан продолжал: — Судя по вымпелу, это флагманское судно. Вы обратили внимание на его тяжелое вооружение? Сорок восемь пушек, не считая носовых и кормовых орудий. А когда меня преследует подобный корабль, то мне хотелось бы знать причину.

— Неужели такая безделица может испугать вас, капитан? — рассмеялась мадам де Сентонж.

— Безусловно, когда имеешь дело с испанцами, мадам, — резко ответил Люзан. Он обладал вспыльчивым

характером, и сомнение в его храбрости, которое он усмотрел в вопросе мадам де Сентонж, вывело его из себя.

Недовольный резкостью капитана шевалье стал изощряться в саркастических замечаниях, вместо того чтобы всерьез задуматься над создавшимся положением. Взбешенный Люзан удалился.

Ночью востер почти совсем стих, корабль еще двигался и на рассвете все еще находился в пяти-шести милях от мыса Портюгаль и выхода из пролива. При дневном свете экипаж «Беарнца» увидел, что большой испанский корабль следует за ними на том же расстоянии. Снова подробно рассмотрев его, капитан Люзан передал подзорную трубу своему помощнику.

— Что вы скажете об этом судне?

После тщательного изучения лейтенант доложил, что на корабле прибавили парусов, и что, судя по флажку на фок-стенгье¹⁹, это флагман испанского адмирала маркиза Риконсте.

Манипуляции с парусами убедили Люзана, что испанский корабль преследует цель догнать их.

Будучи опытным моряком, капитан знал, что в этих водах испанцам доверять не следует, поэтому он тотчас принял решение. Подняв все паруса и войдя в крутой бейдевинд, Люзан направил корабль к югу, надеясь найти убежище в одной из бухт на побережье Французской Эспаньолы. Туда испанец, если он в самом деле преследует их, вряд ли осмелится сунуться, а тем более открыть там военные действия. К тому же этот маневр послужит проверкой намерений предполагаемого противника.

Результат оправдал худшие ожидания Люзана. Огромный галеон сразу двинулся в том же направлении, держа нос по ветру. Было ясно, что он преследует «Беарнца» и догнит его раньше, чем они доберутся до видневшегося впереди зеленого берега, до которого оставалось еще не менее четырех миль.

Мадам де Сентонж, встревоженная в своей каюте непонятно чем вызванным внезапным креном на правый борт, с раздражением спросила, что вытворяет этот идиот капитан. Не чаявший души в своей супруге, шевалье в ночной рубашке, комнатных туфлях и наспех надетом парике поспешно выбежал наружу, чтобы выяснить причину.

— Значит, вам все еще не дает покоя эта абсурдная

идея? — осведомился месье де Сентонж. — Чепуха! Зачем этому испанцу преследовать нас?

— Лучше все время задавать этот вопрос, чем дожидаться ответа на него, — огрызнулся Люзан.

Но его непочтительность только усилила раздражение шевалье.

— Это же чушь! — продолжал бушевать Сентонж. — Бежать неизвестно от чего! Просто свинство беспокоить мадам де Сентонж такими младенческими страхами.

Терпение Люзана истощилось окончательно.

— Она будет гораздо сильнее обеспокоена, — усмехнулся он, — если эти младенческие страхи оправдаются. Мадам де Сентонж — красивая женщина, а испанцы есть испанцы.

В ответ слышались громкие восклицания самой мадам, присоединившейся к своему супругу. Ее туалет лишь едва поддерживал приличия, ибо, спеша разузнать о происходящем, она только накинула шаль поверх ночной рубашки, предоставив остальное гриве глянцевых волос, прикрывавших ее точеные плечи.

Услышанное ею замечание Люзана навлекло на последнего поток брани, в процессе которого капитан был охарактеризован как жалкий трус и невоспитанный чурбан. Прежде чем мадам иссякла, шевалье подлил масла в огонь.

— Вы просто спятили, месье! Почему мы должны бояться испанского корабля, да еще флагмана королевской эскадры? Ведь мы плывем под французским флагом, а Испания не воюет с Францией.

Люзан сдержал растущую злость и постарался ответить как можно спокойнее.

— В этих водах, месье, невозможно сказать, с кем воюет Испания. Испанцы убеждены, что Бог создал Америку специально для их удовольствия. Я повторяю вам это с тех пор, как мы очутились в Карибском море.

Шевалье живо припомнил, что совсем недавно он слышал от кого-то очень похожие слова. Но тут снова вмешалась мадам.

— Этот тип свихнулся от страха, — с презрением сказала она. — Ужасно, что такому человеку доверен корабль. Ему бы следовало распоряжаться на кухне.

Одному небу известно, что бы ответил капитан на это оскорбление и к каким бы это привело последствиям, если бы пушечный выстрел не избавил Люзана от

необходимости отвечать и не изменил в тот же момент настроение участников сцены.

— Боже праведный! — завизжала мадам.

— *Ventre Dieu!** — выругался ее супруг.

Дама схватилась за сердце. Побелевший, как мел, шевалье вовремя поддержал ее. Стоящий на полуюте капитан, которого только что обвиняли в трусости, злорадно расхохотался.

— Вот вам и ответ, господа. В другой раз вы подумаете, прежде чем называть мои страхи младенческими, а мои распоряжения чушью.

Вслед за этим Люзан повернулся к ним спиной, чтобы отдать приказ подбежавшему к нему лейтенанту. Тотчас же послышался свисток боцманской дудки, и на корме вокруг Сентонжа и его супруги началась суматоха — бежавшие отовсюду матросы поспешно выстраивались, чтобы выполнить команду капитана. Наверху быстро устанавливали сети, предназначенные для того, чтобы задерживать обломки рангоута, которые могли упасть вниз во время боя.

Испанцы выстрелили еще два раза и после небольшой паузы дали мощный бортовой залп, прозвучавший подобно грому.

Шевалье с беспомощным видом поддерживал свою бледную и дрожащую супругу, которая была не в состоянии удержаться на ногах.

Пожалевший ее Люзан, чья злость моментально улетучилась, попытался успокоить бедняг.

— Сейчас они только зря тратят порох. Обычное испанское хвастовство. А как только они подойдут на расстояние выстрела, мы откроем ответный огонь. Мои канониры уже получили приказ.

Но эта фраза вместо успокаивающего воздействия только увеличила бешенство и растерянность шевалье.

— Боже мой! Какой еще ответный огонь?! Бросьте и думать об этом! Вы не можете вступать в бой!

— Не могу? Посмотрим!

— Но ведь вы не имеете права открывать военные действия, когда на борту находится мадам де Сентонж.

— Вы что, смеетесь? — возмутился Люзан. — Даже если бы на борту находилась королева Франции, я был бы обязан защищать мой корабль! К тому же у меня нет выбора. Нас догонят прежде, чем мы доберемся до гавани,

* Черт возьми! (фр.)

а я вовсе не уверен, что даже там мы окажемся в безопасности.

Шевалье затопал ногами от гнева.

— Так что же, значит, эти испанцы — обыкновенные бандиты?

Раздался новый залп, не настолько близкий, чтобы причинить вред кораблю, но вполне достаточный для того, чтобы усилить панику месье и мадам де Сентонж.

Люзан не обращал на них внимания. Помощник схватил его за руку, указывая на запад. Капитан быстро поднес к глазам подзорную трубу.

На расстоянии мили по правому борту, на полпути между «Беарнцем» и испанским флагманом, виднелся большой красный сорокапушечный корабль, который, идя под всеми парусами, огибал мыс на побережье Эспаньолы. В его кильватере следовал второй корабль, немного поменьше первого. На них не было флагов, что увеличило мрачные предчувствия Люзана, подозревавшего, что это новые враги. Он с облегчением увидел, что они ложатся на левый борт, двигаясь в сторону испанца, вокруг которого еще не рассеялся дым последнего залпа.

Воспользовавшись легким утренним ветерком, вновь прибывшие зашли к испанскому кораблю с наветренной стороны и устремились к нему, словно ястребы, заведшие цаплю, открыв огонь из носовых пушек.

Сквозь постепенно рассеивающуюся дымовую завесу испанцы, очевидно, разглядели новых противников. Тотчас же полдюжины бортовых орудий галеона дали новый залп, вновь скрывший корабль белыми клубами дыма. Но, видимо, из-за чрезмерной поспешности выстрелы не достигли цели, так как оба неизвестных корабля, не получив никаких повреждений, некоторое время шли прежним курсом, потом легли на правый борт и одновременно дали ответный бортовой залп по испанцу.

«Беарнец» по приказу Люзана, несмотря на протесты месье де Сентонжа, начал замедлять ход, пока не остановился с безжизненно повисшими парусами, внезапно превратившись из актера в этой морской драме в зрителя.

— Что вы стоите, месье? — кричал Сентонж. — Воспользуйтесь случаем и попытайтесь добраться до гавани.

— Пока другие будут сражаться вместо меня?

— Но у вас на борту дама, — напустился на него шевалье. — Мадам де Сентонж необходимо доставить в безопасное место.

— Сейчас она и так в безопасности. А мы здесь можем понадобиться. Вы только что обвинили меня в трусости, а теперь сами убеждаете меня превратиться в труса. Ради мадам де Сентонж я вступлю в бой только в случае крайней необходимости. Но к этому мы должны быть готовы в любой момент.

Капитан говорил настолько решительно, что Сентонж не осмелился настаивать. Возложив все свои надежды на посланных Богом неожиданных спасителей, шевалье, стоя на комингсе²⁰, пытался следить за ходом сражения, гремевшего в западном направлении. Но ничего нельзя было разглядеть за огромной дымовой завесой, растянувшейся почти на две мили. Некоторое время оттуда еще доносился грохот пушек. Потом наступила тишина, и через несколько минут с южной стороны облака дыма, точно призраки, появились два корабля. Их корпуса и оснастка различались все отчетливей. В тот же момент в центре облака появилось розовое пятно, постепенно принимавшее оранжевый оттенок, пока рассеивающийся дым не позволил рассмотреть очертания судна, охваченного пламенем.

— Испанский флагман горит, — возвестил с полукота Люзан, успокоив наконец несчастного шевалье. — Сражение окончено.

4

Глядя в подзорную трубу, Люзан увидел, что один из кораблей-победителей лег в дрейф и спустил шлюпки, которые бороздили море в районе недавнего боя. Второй, больший корабль, покинув поле битвы без видимых повреждений, направился на восток, двигаясь против ветра в сторону «Беарнца»; его красный корпус и золоченый нос сверкали под лучами утреннего солнца. Флага на нем до сих пор не было, и это возобновило мрачное предчувствие месье де Сентонжа, уничтоженное было исходом сражения.

Поднявшись со своей еще полуодетой супругой на полуют, он осведомился у Люзана, благоразумно ли стоять на месте, когда к ним приближается корабль неизвестного происхождения.

— Но разве он не доказал нам свою дружбу, вызволив нас из беды? — возразил капитан.

Мадам де Сентонж еще не простила Люзану его прямоту.

— Вы слишком много на себя берете, — враждебно заметила она. — Мы знаем только, что этот корабль уничтожил испанский галеон. Как вы можете быть уверены, что это не пираты, для которых каждый корабль — добыча! Откуда вы знаете, что, лишившись из-за пожара этого испанца, они не намереваются получить компенсацию за наш счет?

Люзан неприязненно взглянул на нее.

— Я знаю только то, — резко ответил он, — что этот корабль превосходит нас как в парусах, так и в вооружении. Если они собираются гнаться за нами, то бегство нас не спасет. К тому же в таком случае за нами устремились бы оба корабля. Так что мы без страха можем поступить согласно правилам учтивости.

Аргументы капитана оказались весьма убедительными, и «Беарнец» остался на месте, дожидаясь неизвестного корабля, движущегося вперед и подгоняемого свежующим бризом. На расстоянии четверти мили он лег в дрейф и спущенная шлюпка быстро заскользила по направлению к французскому судну. На борт «Беарнца» по веревочной лестнице вскарабкался высокий человек в элегантном черном с серебром костюме. Можно было подумать, что он прибыл прямо из Версаля или с Аламеда, а не с палубы корабля, только что побывавшего в бою.

Подойдя к весьма небрежно одетым месье и мадам де Сентонж, величавый джентльмен так низко им поклонился, что локоны парика закрыли ему лицо, а красное перо на шляпе коснулось палубы.

— Я явился, — заговорил он на довольно беглом французском языке, — чтобы принести вам свои поздравления и убедиться перед отплытием, что вам не требуется помощь и что вы не получили повреждений, прежде чем мы имели честь вмешаться и уничтожить этих испанских разбойников.

Эта галантная учтивость покорила всех, особенно мадам де Сентонж. Поблагодарив своего спасителя, она, в свою очередь, поинтересовалась, не нанесли ли испанцы ущерба его кораблям.

Неизвестный джентльмен успокоил их, ответив, что они отделались только несколькими повреждениями на левом борту большого корабля, но такими незначительными, что о них не стоит и говорить. Из людей вообще никто не получил даже царапины.

Бой длился недолго и в какой-то мере не оправдал его надежд, так как он рассчитывал заполучить этот великолепный галеон в качестве приза. Однако его планы разрушил выстрел, случайно взорвавший пороховой погреб. Часть испанской команды подобрал его корабль, а второе судно все еще занималось спасательными работами.

— В результате от флагмана испанского адмирала, как видите, осталось очень немного, а скоро море поглотит и это.

Спустившись в салон вместе с элегантным джентльменом, французы выпили за своевременное появление избавителя, спасшего их от неописуемых бедствий. Однако незнакомец ни единым намеком не уточнил свою личность и национальность, хотя по его акценту они догадались, что он англичанин. Наконец Сентонж решил добраться до цели окольным путем.

— На вашем корабле нет флага, месье, — заметил он, когда они выпили.

Смуглый джентльмен весело рассмеялся.

— Говоря откровенно, месье, я принадлежу к тем, которые плавают под любым флагом, какой потребуют от них обстоятельства. Конечно, к вам лучше было бы приблизиться под французским вымпелом, но в спешке я об этом не подумал. Все равно, вы едва ли приняли бы меня за врага.

— Значит, вы плавали под разными флагами? — недоуменно переспросил сбитый с толку шевалье.

— Совершенно верно. А сейчас я плыву на Тортугу и очень спешу, так как мне нужно собрать людей и корабли для экспедиции на Мартинику.

Глаза мадам де Сентонж округлились от удивления.

— Для экспедиции на Мартинику? Но с какой целью?

Ее вмешательство как будто застало незнакомца врасплох. Подняв брови, он слегка улыбнулся.

— Появились сведения, что испанцы готовят эскадру для рейда на Сен-Пьер. Гибель флагмана, который я сжг, может отсрочить их приготовления и дать нам больше времени, на что я и надеюсь.

Щеки мадам внезапно побледнели, а пышная грудь начала бурно вздыматься.

— Вы сказали, что испанцы готовят рейд на Мартинику?

— Невозможно, месье, — вмешался шевалье, взволнованный не меньше своей супруги. — Очевидно, к вам

поступила ложная информация. Ведь это же акт войны, а между Францией и Испанией сейчас мир.

Темные брови незнакомца снова приподнялись. Он явно забавлялся их простодушием.

— Акт войны? Возможно. А разве сегодняшнее нападение флагмана испанцев на французский корабль не было актом войны? Чем бы помог вам мир, существующий в Европе, если бы вас потопили в Вест-Индии?

— У Испании немедленно потребовали бы отчета.

— И она тут же бы предоставила его вместе с исчерпывающими извинениями и лживыми рассказами о происшедшей ошибке. Но разве это подняло бы ваш корабль на поверхность или воскресило бы вас, чтобы вы могли разоблачить лживость государственных мужей Кастилии, покрывающих преступления? Разве та же история не повторялась после каждого испанского налета на поселения других народов?

— Но не за последнее время, месье... — возразил Сентонж.

— Настолько обнаглеть, чтобы напасть на Мартинику, — добавила мадам.

Джентльмен в черном с серебром выразительно пожал плечами.

— Испанцы называют этот остров Мартинико, мадам. Не забывайте, Испания уверена в том, что Бог создал Новый Свет специально для ее прибылей, и что небеса одобряют все меры, направленные против посягательств на ее права.

— Разве я не говорил вам то же самое, шевалье? — вмешался Люзан. — Ведь это почти те же слова, что я сказал вам сегодня утром, когда вы не верили, что испанец может напасть на нас.

Голубые глаза смуглого незнакомца с одобрением взглянули на французского капитана.

— Разумеется, сразу поверить в это не так легко. Но теперь, я думаю, у вас есть все доказательства того, что в Карибском море Испания не уважает никакого флага, кроме своего собственного, если только ее не принудить к этому силой. Поселенцы из других стран знают по опыту, как реагируют испанцы на их присутствие здесь. Нет нужды перечислять примеры налетов, грабежей и массовых убийств. Если теперь настала очередь Мартиники, то можно только удивляться, что этого не произошло раньше, ибо на этом острове есть чем поживиться, а Франция не имеет в Вест-Индии вооруженных

сил, могущих противостоять этим конкистадорам*. К счастью, мы все еще существуем. Если бы не мы...

— Если бы не вы? — прервал его Сентонж. Его голос стал внезапно резким. — О ком вы говорите, месье? Кто вы такой?

Вопрос, казалось, удивил незнакомца. Несколько секунд он с недоумением рассматривал присутствующих, а когда он заговорил, то его ответ, хотя и подтвердил подозрения шевалье и уверенность Люзана, тем не менее прозвучал для Сентонжа как гром среди ясного неба.

— Разумеется, я говорю о Береговом братстве. О корсарах, месье. — И он добавил явно не без гордости. — Я — капитан Блад.

С отвисшей от неожиданности челюстью Сентонж тупо уставился на смуглое улыбающееся лицо доблестного флибустьера, которого он считал мертвым.

Оставаясь верным своему долгу, он должен был бы заковать этого человека в кандалы и доставить во Францию в качестве пленника. Но подобный акт являлся бы не только черной неблагодарностью — он был просто неосуществим из-за присутствия под боком двух тяжело вооруженных корсарских кораблей. Более того, получив хороший урок, месье де Сентонж понимал, что такой поступок был бы величайшей глупостью.

Он живо припомнил представленные ему сегодня утром доказательства хищничества испанцев и активной деятельности пиратов, которую, глядя на догорающий на расстоянии двух миль флагман, никак нельзя было не признать благотворной. Доказательства того и другого содержались также в новостях о нависшей над Мартиникой угрозе испанского рейда и намерениях флибустьеров защитить остров, чего не в состоянии была сделать Франция.

Учитывая все это, а в особенности историю с Мартиникой, грозившую вернуть шевалье, ставшего одним из богатейших людей во Франции, к первоначальному состоянию, становилось ясно, что всеведущий месье де Лувуа на сей раз дал маху. Это было продемонстрировано настолько убедительно, что Сентонж начал сознавать необходимость взять на себя последствия этой демонстрации.

Отзвуки тяжелых размышлений и эмоций явственно слышались в голосе шевалье, когда он, все еще устремив бессмысленный взгляд на капитана Блада, воскликнул:

* Конкистадор (исп.) — завоеватель.

— Вы — тот самый морской разбойник?!

Однако Блад, казалось, нисколько не обиделся.

— О да, но весьма благодетельный разбойник, — улыбнулся он. — Благодетельный для всех, кроме испанцев.

Мадам де Сентонж вне себя от волнения резко повернулась к мужу, судорожно сцепив руки. От этого движения шаль соскользнула с ее плеч, сделав ее прелести еще более доступными для обозрения. Но она не обратила на это внимания, так как в критический момент правила приличия потеряли для нее всякое значение.

— Шарль, что ты намерен делать?

— Что делать? — тупо переспросил ее супруг.

— Распоряжения, которые ты оставил на Тортуге, могут разорить меня и...

Шевалье поднял руку, чтобы предупредить дальнейшие эгоистические откровения мадам. Какие бы меры он ни принял, они должны быть продиктованы только интересами его повелителя, короля Франции.

— Я все понимаю, дорогая. Мой долг совершенно ясен. Сегодня утром мы получили полезный урок. К счастью, еще не слишком поздно.

Издав глубокий вздох облегчения, мадам повернулась к капитану Бладу.

— Вы уверены, месье, что ваши корсары смогу обеспечить безопасность Мартиники?

— Совершенно уверен, мадам, — сразу же ответил Блад. — Бухта Сен-Пьера окажется мышеловкой для испанцев, если они будут настолько опрометчивы, что залезут туда. А добыча с их кораблей с лихвой окупит все расходы экспедиции.

И тогда Сентонж расхохотался.

— Ах, да, теперь я все понимаю, — сказал он. — Ведь испанские корабли — богатейший приз. Только не сочтите это насмешкой, месье. Надеюсь, я не оскорбил вас?

— Что вы, месье, нисколько, — улыбнулся капитан Блад и поднялся с кресла.

— Ну, разрешите откланяться. Бриз свежее, и я должен этим воспользоваться. Если ветер не переменится, то я к вечеру буду на Тортуге.

Он склонился перед мадам де Сентонж, собираясь поцеловать ей руку, когда шевалье дотронулся до его плеча.

— Одну минуту, месье. Составьте мадам компанию, пока я напишу письмо, которое вы доставите губернатору Тортуги.

— Письмо? — Капитан Блад прикинулся удивленным. — Вы хотите сообщить ему о той незначительной услуге, которую мы вам оказали? Право, месье, не стоит беспокоиться.

Несколько секунд месье де Сентонж неловко молчал

— Я... я должен сообщить губернатору еще кое-что, — вымолвил он наконец.

— Ну, если это нужно лично вам, тогда другое дело. Я к вашим услугам.

5

Добросовестно исполнив обязанности курьера, капитан Блад в тот же вечер вручил губернатору Тортуги письмо от шевалье без всяких комментариев.

— От шевалье де Сентонжа? — задумчиво нахмурился месье д'Ожерон. — Интересно, что в нем говорится.

— Быть может, я догадываюсь, — сказал капитан Блад. — Но к чему предположения, когда письмо перед вами? Прочтите его, и мы все узнаем.

— Но при каких обстоятельствах к вам попало это письмо?

— Прочитайте его. Возможно, это избавит меня от лишних объяснений.

Д'Ожерон сломал печать и развернул послание. С недоумением он прочитал официальное извещение об отмене представителем французского королевства приказов, оставленных им на Тортуге и касающихся полного прекращения торговли с корсарами. Месье д'Ожерону рекомендовалось поддерживать с флибустьерами ранее существующие отношения вплоть до получения новых указаний из Франции, которые, по мнению шевалье, ни в коем случае не изменят положения вещей. Месье де Сентонж был убежден, что когда он представит месье де Лувуа подробный отчет о ситуации в Вест-Индии, то его превосходительство сочтет нецелесообразным проведение в жизнь в настоящее время своих указов против корсаров.

Месье д'Ожерон не мог прийти в себя от изумления.

— Но как вам удалось совершить подобное чудо с этим упрямым тупицей?

— Как я уже говорил вам, убедительность любого аргумента зависит от того, как его преподнести. Вы и я говорили месье де Сентонжу одно и то же, но вы

сказали это словами, а я главным образом действием. Зная, что дурака можно научить только на горьком опыте, я снабдил его этим опытом. — И Блад во всех подробностях описал морской бой, разразившийся сегодня утром у северного побережья Эспаньолы.

Губернатор слушал, поглаживая подбородок.

— Да, — медленно произнес он, когда рассказ был окончен. — Это, конечно, весьма убедительно. А припугнуть его рейдом на Мартинику и возможной потерей недавно приобретенного состояния было великолепной мыслью. Но не преувеличиваете ли вы немного свою проницательность, друг мой? Не забывайте о том, что только благодаря удивительному совпадению испанский галсон возымел намерение напасть на «Беарнца» как раз в том месте и в то время. Ведь это было для вас немалой удачей.

— Совершенно верно, — согласился Блад.

— А вы не знаете, что за корабль вы сожгли и потопили и какой осел им командовал?

— Конечно, знаю. Это была «Мария-Глориоса», флагманский корабль испанского адмирала маркиза Риконете.

— «Мария-Глориоса»? — с удивлением переспросил д'Ожерон. — Но ведь вы захватили ее в Санто-Доминго и прибыли сюда на ней, когда доставили корабли с сокровищами.

— Вот именно. Поэтому я и использовал ее для небольшой демонстрации испанской низости и корсарской доблести. Ею командовал Волверстон, а на борту находилось лишь столько человек, сколько требовалось для управления кораблем и для стрельбы из шести пушек, которыми я решил пожертвовать.

— Боже мой! Вы хотите сказать, что все это было простой комедией?

— Сыгранной в основном за дымовой завесой, возникшей во время сражения. Она была совершенно непроницаема. Мы организовали ее при помощи выстрелов из пушек, заряженных только порохом, а слабый ветерок лишь сослужил нам службу. В разгар инсценированной битвы Волверстон поджег корабль и под покровом дымовой завесы перешел на борт «Арабеллы» вместе со своим экипажем.

— И ваш обман прошел незамеченным? — воскликнул губернатор.

— Как видите.

— Значит, вы намеренно сожгли этот великолепный испанский корабль?

— Да, для пущей убедительности. Можно было бы просто обратить его в бегство, но это не произвело бы такого эффекта.

— Но потери! Господи, какие потери!

— Вы еще недовольны? По-вашему, успеху смелого предприятия может способствовать скаредность? Взгляните еще раз на письмо. Ведь это, по сути дела, правительственная грамота, разрешающая торговые операции, запрещенные недавним указом. Вы думаете, что ее можно было добыть с помощью красивых слов? Такой способ вы уже попробовали и знаете, что из этого вышло. — И Блад похлопал по плечу низенького губернатора. — Давайте перейдем к делу. Теперь я могу продать вам свои пряности и предупреждаю, что потребую за них хорошую цену — не меньшую, чем за три испанских корабля.

ИЗБАВЛЕНИЕ

I

Более года прошло с тех пор, как Натаниэль Хагторп вместе с Питером Бладом бежал с острова Барбадос. Однако тоска не покидала Хагторпа — достойного джентльмена, ставшего по воле судьбы корсаром, так как его младший брат Том по-прежнему томился в неволе.

Оба брата участвовали в мятеже Монмута, попали в плен после битвы при Седжмуре и были приговорены к повешению. Однако приговор изменили, в результате чего они вместе с другими повстанцами были сосланы на плантации на Барбадос и проданы в рабство жестокому полковнику Бишопу. Но к тому времени, когда Блад организовал побег с острова, Тома Хагторпа уже там не было.

Однажды на Барбадос с визитом к Бишопу явился полковник сэр Джеймс Корт, представляющий на Невисс²¹ губернатора Наветренных островов. Сэра Джеймса сопровождала жена — изящная, строптивая и злобредная особа, чересчур молодая, чтобы составить подобающую пару пожилому сэру Джеймсу. Вознесенная выгодным браком над людьми своего круга, она столь ревностно охраняла свое положение знатной дамы, что могла бы смутить любую герцогиню.

Очутившись в Вест-Индии, леди Корт с вызывающей медлительностью привыкала к новым условиям и особое

неудовольствие проявляла по поводу отсутствия в ее распоряжении белого грума, который сопровождал бы ее в выездах. Ей казалось невозможным, чтобы леди ее ранга выезжала бы в сопровождении черномазого.

Однако, как она ни возмущалась, Невис не мог предоставить ей никого больше. Хотя здесь находился крупнейший рынок в Вест-Индии, но живой товар он ввозил только из Африки. Поэтому остров был вычеркнут государственным секретарем из списка мест, куда подлежали ссылке осужденные бунтовщики. Леди Корт решила, что дело можно исправить при визите на Барбадос, к несчастью для Тома Хагторпа, ее ищущий взгляд с восхищением задержался на его по-юношески гибкой полуобнаженной фигуре, когда он трудился на плантации сахарного тростника. Она запомнила его, и до тех пор не давала покоя сэру Джеймсу, пока он не купил этого раба. Полковник Бишоп оказался сговорчив, так как для него все невольники были одинаковы, а этот парень, будучи слишком молодым, не представлял на плантациях большой ценности.

Хотя расставание с братом огорчило Ната, все же он радовался, что Том сможет избежать бича надсмотрщика. Фортуна довела братьев до такого отчаянного положения, что, родившись джентльменами, они рассматривали должность грума у жены вице-губернатора Невиса как продвижение по службе. Поэтому Нат Хагторп, уверенный в улучшении условий жизни брата, не очень горевал о разлуке с ним. Но после побега с Барбадоса мысли о брате, все еще томящемся в рабстве, стали причинять ему невыразимые страдания.

Однако надеждам Тома Хагторпа, что его положение улучшится с переменой хозяев, не суждено было оправдаться. Мы только не знаем, как разворачивались события, но, судя по тому, что выяснилось о леди Корт впоследствии, можно с полным правом предположить, что она тщетно пробовала на миловидном юноше чары своих длинных узких глаз. Короче говоря, повторилась история Иосифа и жены Потифара²², в результате чего взбешенная леди отказалась от своего белого слуги, жалуясь, что он неловок, обладает дурными манерами и ведет себя неподобающим образом.

— Я предупреждал вас, — устало произнес сэр Джеймс, ибо требования его супруги непомерно росли и уже начали утомлять его, — что он по рождению джентльмен

и, естественно, должен противиться подобной деградации. Лучше было бы оставить его на плантации.

— Ну, так можете отправить его туда, — заявила леди Корт. — Мне не нужен этот негодяй.

Таким образом, отстраненный от дела, для которого он был куплен, Том снова очутился на сахарных плантациях под бичами надсмотрщиков, не менее жестоких, чем у полковника Бишопа, в компании высланных из Англии воров и бандитов.

Конечно, его брат не мог знать об этом, иначе он беспокоился бы о его судьбе гораздо больше и еще сильнее жаждал бы освободить его из неволи. Он и так постоянно заговаривал о нем с Питером Бладом.

— Нельзя быть столь нетерпеливым, — отвечал ему капитан, сознавая практическую неосуществимость просьб Ната Хагторпа. — Если бы Невис был испанским поселением, тогда бы мы не стали с ним церемониться. Но мы еще не объявили войну английским судам и владениям. Это полностью бы погубило наше будущее.

— Будущее? Разве у нас есть будущее?!? — сердился Хагторп. — Ведь мы же вне закона.

— Возможно. Но мы действуем только как враги Испании. Мы не *hostis humani generis**, и, пока мы не стали таковыми, не следует оставлять надежды, что в один прекрасный день наше изгнание закончится. Я не хочу рисковать нашим будущим, высаживаясь на Невис с оружием в руках, даже ради спасения твоего брата.

— Значит, он должен томиться там до самой смерти?

— Нет, нет. Я обязательно найду выход. Но мы должны быть благоразумными и ждать.

— Чего?

— Случая. Я очень верю в случай. Он никогда не подводил меня и вряд ли подведет в дальнейшем. Но его не следует торопить. Просто положишься на него, как полагаюсь я, Нат.

Наконец вера Питера Блада была вознаграждена. Случай, на который он рассчитывал, неожиданно представился после его удивительного приключения в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

Известие о том, что капитан Блад был пойман испанцами и покончил счеты со своей грешной жизнью на виселице на берегу Сан-Хуана, распространилось со скоростью урагана по всему Карибскому морю — от Эс

* Враги рода людского (*лат.*).

паньолы до Мейна. В каждом испанском поселении праздновали победу над одним из самых страшных врагов Испании, постоянно препятствующим ее хищническим действиям. По той же причине среди английских и французских колонистов, которые, по крайней мере тайно, всегда поддерживали корсаров, царил скрытое уныние.

Несомненно, должно было пройти немало времени, прежде чем выяснится, что корабли с сокровищами, отплывшие из Сан-Хуана под конвоем флагмана эскадры маркиза Риконете, бросили якорь не в Кадисской бухте²³, а в Тортугской гавани и что флагманским кораблем командовал не испанский адмирал, а капитан Блад, в то время как труп его преступного двойника болтался на виселице. Но до того как правда выплывает на свет Божий, Блад со свойственной ему предусмотрительностью решил извлечь все выгоды из авторитетных сообщений о его кончине. Он понимал, что ему нельзя терять время, если он хотел воспользоваться ослаблением бдительности в Новой Испании. Поэтому капитан вскоре покинул цитадель флибустьеров на Тортуге, намереваясь произвести очередной рейд на побережье Мейна.

Блад вышел в море на «Арабелле», но вдоль ее ватерлинии красовалась белая широкая полоса, несколько скрадывающая бросающийся в глаза красный корпус, а на кормовом подзоре виднелась надпись «Мария Моденская»²⁴, компенсирующая этим ультрастюартовским названием отчетливо заметное испанское происхождение корабля. С бело-сине-красным вымпелом Соединенного Королевства на грот-мачте они зашли на Сент-Томас²⁵, якобы за пищей и водой, а в действительности для того, чтобы узнать последние новости. Среди этих новостей центральное место занимало пребывание на Сент-Томасе мистера Джеффри Корта, оказавшееся тем самым случаем, которого с таким нетерпением ожидал Натаниэль Хатторп, и на который рассчитывал капитан Блад.

2

По изумрудной воде, сверкающей под лучами утреннего солнца, скользила лодка с четырьмя неграми-ребцами, лоснящимися от пота. В лодке восседал мистер Джеффри Корт, самодовольного вида джентльмен в золотистом парике и нарядном, расшитом серебром камзоле из розово-лиловой тафты.

Когда лодка причалила к высокому борту корабля, мистер Корт поднялся по штурм-трапу на палубу, обмахиваясь шляпой с пером и призывая небо в свидетели, что он не в состоянии терпеть эту проклятую жару. Повелительным тоном он потребовал проводить его к капитану этого мерзкого судна.

Подобные эпитеты являлись всего лишь привычными выражениями мистера Корта. Палуба, на которой он стоял, была надраена до чистоты хлебной доски, медные поручни, люковые крышки и блоки блестели, словно золотые, мушкеты в стойке у грот-мачты не могли стоять ровнее и на королевском судне, а все снасти были уложены с не меньшей аккуратностью, чем туалеты в дамском гардеробе.

Матросы, прохлаждавшиеся на шкафуте и полубаке, большинство из которых было одето только в полотняные рубахи и коленкоровые штаны, наблюдали за надменным джентльменом с неприкрытым весельем, на которое он, по счастью, не обратил внимания.

Негр-стюард²⁶ проводил Джеффри Корта по темному коридору к главной каюте на корме, поразившей его своими размерами и роскошью. Там, за столом, покрытым белоснежной скатертью и сверкающим хрусталем и серебром, сидели трое мужчин. Один из них, худощавый, высокий, с загорелым ястребиным лицом, обрамленным локонами черного парика, в элегантном черном с серебряным шитьем костюме, поднялся навстречу гостю. Внешность двух других, продолжавших сидеть, была не столь импозантна, но также привлекала к себе внимание. Это были штурман Джереми Питт, молодой и изящный блондин, и Натаниэль Хагторп — более старший по возрасту, широкий в плечах и мрачный на вид.

Наш джентльмен нисколько не утратил своей надменности, очутившись под пристальным взглядом трех пар глаз. Тем же самоуверенным тоном он осведомился насчет курса «Марии Моденской», а затем счел возможным снизойти до объявлений причины своего любопытства.

— Меня зовут Корт. Джеффри Корт, к вашим услугам, сэр. Я намерен как можно скорее добраться до Невиса, которым управляет мой двоюродный брат.

Это заявление явилось сенсацией для всех присутствующих. У всех троих захватило дух, а Хагторп воскликнул: «Боже мой!» — и так побледнел, что это было заметно, несмотря на то, что он сидел спиной к высоким кормовым окнам. Однако мистер Корт был чересчур занят

собственной персоной, чтобы обращать внимание на других.

— Я — кузен сэра Джеймса Корта, который представляет на Невисе губернатора Наветренных островов. Вы, разумеется, слышали о нем.

— Конечно, — подтвердил Блад.

Хагторп больше не мог терпеть.

— Вы хотите, чтобы мы доставили вас на Невис?! — воскликнул он с такой горячностью, которая могла бы быть замечена любым другим, но не столь ограниченным человеком.

— Да, если ваш курс лежит в этом направлении. А со мной произошло вот что. Я отплыл из дому на старой, прогнившей посудине, чтоб ей провалиться! Как только погода ухудшилась, проклятое корыто начало разваливаться на куски. Швы у него разошлись, и дно стало протекать, как дуршлаг. Мы были вынуждены искать спасения в этой гавани. Смотрите, вон эта красавица стоит на якоре. Провалиться мне на этом месте, если она когда-нибудь сможет выйти в море. Надо же мне было выбрать такую развалину!

— Так вы торопитесь на Невис? — спросил Блад.

— Страшно тороплюсь, чтоб мне спореть! Меня там ожидают с прошлого месяца.

— Черт возьми, вам ужасно повезло, сэр, — хриплым от волнения голосом сказал Хагторп. — Невис — наш следующий пункт захода.

— Чтоб мне провалиться! Неужели?

Мрачноватая улыбка озарила смуглое лицо Блада.

— Да, по странному совпадению это так, — подтвердил он. — Мы снимаемся с якоря в полночь, и, если ветер не изменится, то завтра утром мы бросим якорь в Чарлстауне²⁷.

— Какая удача, чтоб мне пропасть! — воскликнул мистер Корт, просияв от радости. — Судьба начинает возмещать мне былые невезения. Сейчас же прикажу перенести сюда мои вещи. — И он величественно добавил: — Плата за проезд — на ваше усмотрение.

Сделав не менее величественный жест утопавшей в кружевах рукой, Блад ответил:

— Об этом не стоит беспокоиться. Вы останетесь выпить чего-нибудь с нами?

— С большим удовольствием, капитан... — Джеффри Корт сделал паузу, ожидая, что ему назовут имя, но

Блад как будто не обратил на это внимания. Он отдал приказ стюарду.

Принесли ром, лимоны и сахар. Великолепный пунш поднял настроение у всех присутствующих, за исключением Хагторпа, который сидел с глубоко задумчивым видом. Но как только мистер Корт удалился, он вскочил с места и стал горячо благодарить Блада за те скрытые мысли, которые побудили его с такой готовностью взять неожиданного пассажира.

— Я же говорил, что тебе надо довериться случаю, который нам рано или поздно представится. Поэтому благодари не меня, Нат, а фортуна, подбросившую нам Джеффри Корта из своего рога изобилия. — И Блад, смеясь, передразнил будущего пассажира: — «Плата за проезд — на ваше усмотрение». На твое усмотрение, Нат! И мне кажется, что расплачиваться должен будет не кто иной, как сэр Джеймс Корт.

3

В тот момент, когда мистер Джеффри Корт наслаждался утренним пуншем, его кузен сэр Джеймс, высокий, худошавый человек лет пятидесяти, столь же крепкий телом, сколь нерешительный духом, завтракая, разбирал почту, пришедшую из Англии. Письма дошли с большим опозданием, так как доставивший их корабль был задержан и сбит с курса штормами, увеличив плавание на два месяца.

Высыпая письма из почтового мешка на стол, сэр Джеймс бегло их просмотрел. Внимание его задержал пакет, несколько больший, чем другие. Прочитав адрес на нем, сэр Джеймс нахмурился, и его густые седеющие брови сошлись на переносице. Некоторое время он медлил, потирая подбородок костлявой загорелой рукой, потом внезапно и решительно сломал печать и разорвал обертку. На стол упал изящного вида томик в тонком пергаментном переплете с золотым тиснением на корешке и с надписью золотом на обложке: «Стихотворения сэра Джона Саклинга»²⁸.

Презрительно хмыкнув, сэр Джеймс столь же презрительно отшвырнул книгу. Падая, она раскрылась, и сэр Джеймс увидел нечто, сделавшее выражение его лица более внимательным. Он снова взял книгу. Пергамент отлепился от внутренней стороны переплета и слегка

отогнулся в сторону, а когда сэр Джеймс потянул за него, он тотчас отстал от картона. Между картоном и пергаментом был скрыт сложенный лист бумаги.

Сэр Джеймс все еще держал в руках этот лист, когда минут через десять в комнату быстро вошла элегантная женщина, которая по возрасту годилась сэру Джеймсу в дочери, но тем не менее являлась его женой.

Она была среднего роста, с девически стройной фигурой, с ясными глазами и нежным цветом лица, на котором не наложил отпечатка тропический климат. На ней был костюм для верховой езды, лицо прикрывала широкополая шляпа, рука сжимала хлыст.

— Я должна поговорить с вами, — заявила леди Корт. Ее мелодичный голос портили резкие нотки.

Сидящий лицом к окну сэр Джеймс не повернулся на шум шагов. При звуке голоса жены он уронил салфетку на томик стихов.

— В таком случае королевские дела могут убираться к дьяволу, — сказал он, все еще не оборачиваясь.

— Вы занимаетесь королевскими делами за завтраком? — Ее тон стал еще более резким. — Неужели вы обязательно должны насмеяться надо мной, сэр?

— Не обязательно, — спокойно, даже вяло ответил сэр Джеймс. — Мне приходится прибегать к этому лишь тогда, когда вы говорите со мной подобным тоном.

— Меня не интересуют причины.

Леди Корт обошла стол, чтобы глядеть мужу в лицо. Ее тонкие руки в перчатках сжимали хлыст, чувственные губы капризно скривились, острый подбородок агрессивно выпятился вперед.

— Меня оскорбили, — заявила она.

Сэр Джеймс мрачно смотрел на нее.

— Естественно, — наконец промолвил он.

— Что значит «естественно»?

— Разве это не случается с вами каждый раз, как только вы выезжаете верхом?

— Разумеется, так как вы не делаете ничего, чтобы положить этому конец.

Сэр Джеймс уклонился от дискуссии. Он вообще предпочитал избегать споров с этой миловидной, но вздорной особой вдвое младше его, на которой он женился пять лет тому назад и которая с тех пор отравляла ему жизнь своим несносным характером и дурными манерами, принесенными ею из дома своего торговца-папаша.

— Кто же оскорбил вас сегодня? — устало спросил сэр Джеймс.

— Эта собака Хагторп! Мне бы следовало оставить его гнить на Барбадосе.

— Вместо того чтобы привозить его гнить сюда, не так ли? Что же он вам сказал?

— Сказал? Вы полагаете, что у него хватило наглости заговорить со мной?

Сэр Джеймс кисло улыбнулся. В эти дни утраченных иллюзий он хорошо понял, что основная беда его супруги в том, что она сразу почувствовала себя настоящей леди, не имея для этой роли ни малейшей подготовки.

— Но раз он оскорбил вас...

— Он взглянул на меня и нахально улыбнулся.

— Улыбнулся? — Густые брови сэра Джеймса поползли вверх. — Но это могло быть простым приветствием.

— Ну конечно! Вы готовы даже стать на сторону раба против своей жены! Что бы ни случилось, я никогда не бываю права. Никогда! — И она презрительно фыркнула. — Ничего себе, приветствие! А если даже так, то с какой стати этот ничтожный раб должен приветствовать меня улыбкой?

— Бедняга хоть и раб, но родился он джентльменом.

— Джентльменом, нечего сказать! Проклятый бунтовщик, которого следовало бы вздернуть!

Глубоко посаженные глаза сэра Джеймса задумчиво рассматривали привлекательное лицо леди Корт.

— Нсужели в вас нет ни капли жалости? — спросил он. — Вы меня просто удивляете. К тому же вы на редкость непоследовательны. Вам так понравился этот парень на Барбадосе, что вы не могли успокоиться, пока я не купил его вам и вы не сделали из него грума, а теперь...

Но его речь была прервана ударом хлыста по столу.

— Я не желаю больше слушать! Вам нравится унижать меня и выставять в дурном свете, но я знаю, что мне делать в следующий раз. Я разукрашу хлыстом всю его наглую физиономию! Это отучит его насмехаться надо мной.

— Весьма благородный поступок, — с горечью ответил сэр Джеймс, — и на редкость храбрый по отношению к человеку, который не может вам ответить.

Но леди Корт больше не слушала его. Удар ее хлыста разметал по столу письма, которые внезапно привлекли ее внимание.

— Не было пакета из Англии? — спросила она, и сэр Джеймс заметил, как участилось ее дыхание.

— Я как будто уже говорил о королевских делах. Все лежит здесь — на столе, где, как вы изволили заметить, следует завтракать.

Леди Корт стала рыться в грудe писем, рассматривая каждый пакет.

— А мне были письма?

Прошло еще несколько секунд, прежде чем внезапно сжавшиеся губы сэра Джеймса раскрылись для уклончивого ответа.

— Я еще не все просмотрел.

Леди Корт продолжала копаться в письмах, ее супруг наблюдал за ней исподлобья.

— Ничего нет? — удивленно и разочарованно спросила она, нахмутив тонкие брови. — Совсем ничего?

— Вы же сами смотрели, — последовал ответ.

Леди Корт отвернулась, теребя пальцами нижнюю губу. Сэра Джеймса горько позабавило то, как ее яростная обида была сразу же забыта, а гнев на дерзкого раба сменило иное чувство. Медленно направившись к двери, леди Корт внезапно остановилась, уже положив руку на дверную ручку, и спросила мягким, вкрадчивым голосом:

— И вы не получили ни слова от Джеффри?

— Я уже сказал вам, что не просмотрел всю почту, — не оборачиваясь, ответил сэр Джеймс.

Но его супруга все еще не уходила.

— Я не заметила его почерка ни на одном конверте.

— Значит, он не написал мне.

— Странно, — протянула леди Корт. — Очень странно. Он должен был сообщить, когда нам ждать его.

— Я не очень жажду узнать эту новость.

— Ах, вы не жаждете? — Краска бросилась ей в лицо, а гнев вспыхнул с новой силой. — А я? Вы, конечно, не думаете обо мне, запертой, как в тюрьме, на этом мерзком острове и лишенной всякого общества, кроме коменданта и священника с их безмозглыми женами! Я всем пожертвовала ради вас, а вы каждый раз злословите, только я познакомлюсь с кем-нибудь, кто может говорить о чем-нибудь, кроме сахара, перца и цен на черномазых! — Леди Корт умолкла, и сразу же воцарилась тишина. — Почему вы не отвечаете? — взвизгнула она.

Загорелое лицо сэра Джеймса побледнело. Медленно он повернулся в кресле.

— Вы желаете, чтобы я ответил? — В его голосе послышались угрожающие нотки.

Но леди Корт, вне всякого сомнения, этого не желала. Не дожидаясь ответа, она вылетела из комнаты, хлопнув дверью, так как не могла не знать, какую опасность таил в себе гнев, внезапно охвативший ее супруга. Но никакие эмоции не могли надолго завладеть этим апатичным человеком. Сэр Джеймс откинулся в кресле, помянул черта и вздохнул. Снова развернув лист бумаги, который все это время был у него в руке, он погрузился в чтение, а потом долго сидел, охваченный мрачными мыслями. Наконец он встал, подошел к секретеру, стоящему между открытыми окнами, и запер в него письмо и томик, переплетенный в пергамент. Только после этого он обратился к ожидавшей его остальной корреспонденции.

4

Тоска леди Корт по изысканному обществу, доставлявшая немало страданий ее домочадцам, получила некоторое утешение на следующее утро, когда «Мария Моденская» приблизилась к острову Невис — огромной зеленой горе, словно выросшей среди моря, — и бросила якорь в Чарлстаунской бухте.

Мистер Корт, горевший нетерпением сойти на берег, уже отдал стюарду Джейкобу распоряжение относительно выгрузки его вещей, когда в каюту вошел капитан Блад.

— Высадку, очевидно, придется отложить до завтра, — сказал он.

— До завтра? — изумленно уставился на него Джефффри Корт. — Но ведь это Невис, не так ли?

— Безусловно. Но прежде чем высадить вас на берег, следует решить небольшое дело, касающееся платы за проезд.

— Ах, вот оно что! — с презрением промолвил мистер Корт. — Я же сказал, что плата — на ваше усмотрение.

— Ну что же, ловлю вас на слове.

Джефффри Карту не понравилась улыбка капитана, которую он понял по-своему.

— Если вы намерены заняться вымогательством...

— О, нет, что вы, никакого вымогательства. Плата будет самой умеренной. Садитесь, сэр, и я вам все объясню.

— Объясните? Что?

— Садитесь, сэр, — властно повторил Блад, и сбитый с толку мистер Корт предпочел подчиниться.

— Дело вот в чем, — начал капитан Блад, усевшись на кормовой рундук спиной к открытому иллюминатору, сквозь который в каюту проникали яркие солнечные лучи и доносились крики торговцев, которые, подъехав к кораблю на лодках, предлагали овощи, фрукты и дичь. — В данный момент я бы просил вас, мистер Корт, считать себя в определенном смысле заложником. Заложником моего очень близкого друга, который в настоящее время является рабом вашего кузена — сэра Джеймса. Вы сами рассказывали, как ценит и любит вас Джеймс, поэтому нет оснований для беспокойства. Короче говоря, сэр, свобода моего друга — плата за ваш проезд, которую я попрошу внести вашего кузена. Вот и все.

— Все? — переспросил Джеффри Корт, выпучив глаза и задыхаясь от бешенства. — Но это насилие!

— Не смею вам возражать.

Мистер Корт изо всех сил старался сдержать свои чувства.

— А если сэр Джеймс откажется?

— О, зачем вам травмировать себя такими неприятными предположениями? Сейчас ясно одно: если сэр Джеймс согласится, вас немедленно высадят на берег.

— А меня интересует, сэр, что будет, если он не согласится?

Капитан Блад любезно улыбнулся.

— Я человек порядка и люблю все делать вовремя. Предугадывать будущее в большинстве случаев означает попусту терять время. Мы не будем обсуждать такую возможность по той причине, что она, по-видимому, никогда не станет явью.

— Но это... это чудовищно! — вскрикнув, завопил мистер Корт. — Разрази меня гром, сэр, но своими действиями вы рискуете навлечь на себя немалую опасность.

— Я — капитан Блад, — последовал ответ. — Поэтому не думайте, что меня может испугать какая бы то ни было опасность.

Это сообщение вынудило мистера Корта отбросить всякую сдержанность. Его лицо побагровело, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Вы — капитан Блад? Этот проклятый пират? Хотя, так или иначе, мне наплевать, кто вы такой...

— Чего же вы тогда так разволновались? Единственная моя просьба к вам — не покидать своей каюты. Мне,

конечно, придется выставить у дверей караул, но в остальном вы не будете испытывать никаких неудобств.

— И вы полагаете, что я подчинюсь?

— Могу заковать вас в кандалы, если вы предпочитаете это, — учтиво предложил капитан Блад.

Мистер Корт, с ненавистью глядя на собеседника, все же решил, что лучше обойтись без кандалов.

Выйдя из шлюпки, капитан Блад направился к резиденции вице-губернатора — великолепному особняку с зелеными жалюзи на окнах, который возвышался на берегу моря, окруженный пламенеющими азалиями. Воздух вокруг был напоен ароматом апельсинов и ямайского перца.

Блада беспрепятственно пропустили к сэру Джеймсу. Для такого явно значительного лица, облаченного в темно-синий костюм безукоризненного покроя, в шляпе с пером и с длинной шпагой на расшитой золотом перевязи, двери колониальной администрации обычно раскрывались настежь. Блад представился как капитан Питер, что почти полностью соответствовало действительности, и дал понять, что состоит на военно-морской службе и что корабль, на котором он прибыл, его собственный. Целью его прибытия на Невис — крупнейший в Вест-Индии невольничий рынок, — по его словам, было приобретение какого-нибудь парня, годного в качестве кают-юнга. Он слышал, что сэр Джеймс сам немного занимается работорговлей, но даже если это не так, он питает надежду, что сэр Джеймс согласится помочь ему в этом деле.

Манеры капитана Питера, сочетающие почтительность с достоинством, и его эlegantность тотчас же покорили сэра Джеймса, который заверил своего гостя, что окажет ему всяческое содействие. Правда, сейчас он не располагает рабами для продажи, но в любой момент из Гвинеи может прийти судно с грузом чернокожих, и если капитан Питер не очень торопится, то, несомненно, через день или два его желание осуществится. А пока что не соизволит ли он остаться пообедать?

Капитан Питер соизволил, тем более что на пришедшую вскоре леди Корт он произвел такое неотразимое впечатление, что она горячо поддержала приглашение своего мужа.

За обедом, учитывая цель, с которой капитан Питер прибыл на Невис, разговор, естественно, касался рабов и сравнения качеств черных и белых слуг. Сэр Джеймс, будучи всецело убежденным в превосходстве белой расы,

заявил, что сравнивать их просто нелепо, дав тем самым возможность капитану затронуть интересующий его вопрос.

— И тем не менее белые, высланные сюда после мятежа Монмута, — сказал он, — расточительно используются на плантациях. Странно, но никто не подумал о том, чтобы найти применение их способностям в каком-нибудь другом месте.

— Они ни для чего другого не годятся, — заявила ее милость. — Из этих бунтовщиков не сделаешь хороших слуг. Я знаю, потому что пробовала этим заняться.

— В самом деле? Это интересно. Неужели бедняги, которых вы избавили от работы на плантациях, были так равнодушны к своей судьбе, что не проявили усердия в должности слуг?

— Опыт моей супруги более ограничен, чем вы можете подумать по ее утверждениям, — вмешался сэр Джеймс. — Она судит по единственной попытке.

Леди Корт пренебрежительным взглядом ответила на критику, а галантный капитан пришел ей на помощь.

— *Ab ipso omnes**, сэр Джеймс. Это изречение часто оказывается верным. — И он повернулся к леди, которая благодарно ему улыбнулась. — А что это была за попытка, и кто был этот человек, который остался глух к вашему милосердию?

— Один из осужденных мятежников, сосланных на плантации. Мы привезли его с Барбадоса. Я купила его, чтобы сделать грумом, но он оказался настолько неблагодарным и неспособным оценить перемену в своей жизни, что я в итоге отправила его назад, на сахарные плантации.

— Что ж, поделом, — с одобрением кивнул капитан. — И что же с ним произошло?

— Этот гадкий мятежный пес расплачивается за свое поведение на плантациях сэра Джеймса.

— Бедняга когда-то был джентльменом, как и многие другие, попавшие в заблуждение мятежники, — печально проговорил сэр Джеймс. — Он немного выиграл, избежав виселицы.

После этого он направил разговор в другое русло, и капитан Блад, приобретший нужные сведения, не стал этому противиться.

Но какая бы тема ни была затронута, гостеприимная

* Всех за вину одного (*лат.*) — цитата из «Энеиды» римского поэта Вергилия.

любезность очаровательной леди, вызывавшая усмешку на губах сэра Джеймса, обязывала гостя к ответной любезности и галантности. Леди Корт настояла, чтобы капитан Питер во время пребывания в Чарлстауне поселился в их особняке, обещая предоставить ему все удобства. Ведь подобные визитеры так редко нарушали унылое однообразие их жизни на Невисе.

В качестве дополнительной приманки леди Корт начала расписывать красоты их острова. Она намевалась лично продемонстрировать капитану живописные рощи, богатые плантации, прозрачные реки этого земного рая, который в разговоре с мужем леди именovala не иначе, как адом крошечным.

Не питавший в отношении своей супруги никаких иллюзий, сэр Джеймс, скрывая свое презрение к изброжаемому ею светскому гостеприимству, поддержал ее приглашение, после чего леди Корт заявила, что она сразу же даст распоряжение приготовить комнату, а Блад должен послать кого-нибудь на корабль за вещами.

Капитан Блад, в изысканных выражениях поблагодарив хозяев за любезный прием, с удовольствием воспользовался их предложением, так как пребывание в доме сэра Джеймса Корты, несомненно, могло содействовать достижению цели, ради которой он прибыл на Невис.

5

Мы уже знаем о вере капитана Блада в счастливый случай. Однако эта вера не заходила так далеко, чтобы побуждать капитана сидеть и ждать, пока случай сам его не отыщет. Счастливые случаи, по его мнению, должны были создаваться или, по крайней мере, призываться человеческим умом и усердием. Поэтому на следующее утро Блад поднялся пораньше, не желая терять времени в достижении цели. Из полученных накануне сведений он знал, в каком направлении начать поиски, и вскоре после восхода солнца направился к конюшням сэра Джеймса, чтобы обзавестись нужным средством передвижения.

Никто бы не усмотрел ничего необычного в том, что гость полковника, привыкший рано вставать, решил перед завтраком прокатиться верхом и позаимствовал для этого лошадь у своего хозяина. Тот факт, что он избрал свой

путь мимо плантации сэра Джеймса, также едва ли возбудил бы интерес у кого-нибудь из рабов.

В своих поисках Блад мог полагаться только на себя и на судьбу, от которой требовалось послать навстречу нужного ему раба.

Однако фортуна в это утро, казалось, к нему не благоволила. Несмотря на ранний час, леди Корт в силу, быть может, той же привычки рано вставать, либо по причине домашних забот, а возможно, в результате не дававших ей покоя чувств, вызванных привлекательностью ее гостя, неожиданно появилась у конюшен, бодрая и оживленная, и приказала оседлать ей коня, дабы сопровождать капитана Питера в его прогулке. Капитан был предельно раздосадован, но не обнаружил своих чувств. Когда леди Корт весело сообщила, что покажет ему водопад, он проклял в душе ее энтузиазм, но вежливо ответил, что его больше интересуют плантации.

Леди сморщила прелестный носик в шутливой гримасе.

— О, сэр, вы меня разочаровали, я думала, что в вас больше поэзии и романтики и что вы любите красоту дикой природы.

— В какой-то мере так оно и есть, но практицизма во мне не меньше. Я испытываю наслаждение, созерцая плоды человеческого труда.

Начался спор — изощренная и совершенно пустая игра слов, показавшаяся капитану Бладу, у которого были совсем другие намерения, удручающе нудной. Наконец дискуссия закончилась компромиссом. Сначала они поехали к водопаду, к которому леди Корт смогла пробудить в своем спутнике лишь всживый интерес, а потом направились домой, где их ожидал завтрак, через плантации сахарного тростника. Их капитан изучал с пристальным вниманием, весьма огорчившим изрядно проголодавшуюся леди.

Чтобы все рассмотреть подробнее, капитан ехал шагом по широкой просеке в уже желтеющем тростнике. Попадавшиеся по пути невольники, из которых лишь немногие были белыми, копали оросительные каналы. Иногда Блад, испытывая терпение леди Корт, натягивал поводья и останавливался, оглядываясь вокруг, а один раз, остановившись рядом с надсмотрщиком, стал спрашивать его сначала об урожайности, а потом о рабах, их численности и трудоспособности. По словам надсмотрщика, белыми рабами были сосланные осужденные.

— Это, наверно, бунтовщики? — спросил капитан. —

Из тех гнусных псалмопевцев, которые участвовали в мятеже герцога Монмута?

— Нет, сэр. Из тех у нас только один. Его привезли с Барбадоса вместе с ворами и мошенниками. Эта партия работает вон в тех зарослях.

Они поехали в том направлении и вскоре поравнялись с группой полуголых и оборванных людей, так сильно загорелых, что их можно было принять за светлокожих негров. Спины многих были исполосованы бичом надсмотрщика. Пристальный взгляд капитана сразу же остановился на рабе, ради которого он и прибыл на Невис.

Леди, будучи не в состоянии долго играть роль пассивного спутника, уже давно проявляла признаки раздражения. Когда же капитан снова остановился и вежливо заговорил с дородным надсмотрщиком этих несчастных тружеников, ее терпению пришел конец. Почти тут же она нашла выход своему дурному расположению духа. Молодой человек, обращавший на себя внимание стройной фигурой и светлыми выгоревшими волосами, стоял, опираясь на мотыгу, открыв рот и пожирая глазами капитана.

Леди двинула на него свою кобылу.

— Ты почему стоишь без дела, ротозей? Неужели тебя нельзя научить порядку? Ну ничего, сейчас я займусь твоим воспитанием!

Ее хлыст со свистом опустился на обнаженные плечи юноши, потом взвился вновь, чтобы повторить удар, но невольник, резко повернувшись к ней, парировал удар левой рукой и, схватившись за конец хлыста, вырвал его из рук леди Корт с такой силой, что она едва удержалась в седле.

Если остальные рабы застыли на месте, пораженные дерзостью их товарища, то бдительный надсмотрщик не дремал. С проклятием он бросился на молодого раба, разматывая длинный бич.

— Сдери с него кожу, Уолтер! — взвизгнула леди.

Но прежде чем эта угроза осуществилась, юноша, отшвырнув хлыст, поднял мотыгу. Его светлые глаза сверкнули.

— Только тронь меня — и я вышибу тебе мозги! — крикнул он.

Надсмотрщик остановился, видя его безрассудную решимость и понимая, что раб, доведенный до отчаяния болью и несправедливостью, не колеблясь, выполнит свою угрозу. Тогда он попытался воздействовать на невольника

словами, чтобы выиграть время, покауда его бешенство утихнет.

— Брось мотыгу, Хагторп! Брось сейчас же!

Но Хагторп расхохотался ему в лицо. Миледи тоже рассмеялась, и в ее злобном язвительном смехе слышалось что-то ужасное.

— Не спорь с этим псом! Пристрели его! Я разрешаю, Уолтер. Я свидетель его бунта. Прикончи его на месте!

Следуя настойчивому приказу хозяйки, надсмотрщик потянулся к висевшей на поясе кобуре. Но лишь только он вытащил пистолет, капитан наклонился с седла и с такой силой ударил его хлыстом по руке, что оружие полетело на землю. Надсмотрщик вскрикнул от боли и изумления.

— Не волнуйтесь, — сказал Блад. — Я спас вам жизнь, с которой вы бы, несомненно, распростились, если смогли бы выстрелить.

— Капитан Питер! — возмущенно воскликнула леди Корт.

Он повернулся к ней, и презрение, сверкавшее в его ярко-голубых под черными бровями глазах, поразило ее, словно удар.

— Кто вы? Неужели женщина? Клянусь, мадам, лондонские уличные девки и те выглядят более женственно!

Леди задохнулась от гнева, но бешенство помогло ей обрести дар речи.

— Слава Богу, у меня есть муж, сэр. И за эти слова вы ответите! — Вонзив шпоры в бока своей лошади, леди пустила ее в галоп, избавив Блада от своего присутствия, что его вполне устраивало.

— Я отвечу хоть всем мужьям мира, — рассмеявшись, крикнул капитан ей вслед. Затем он подождал Хагторпа.

— Иди сюда, приятель. Ты пойдешь со мной. Я сделаю так, чтобы справедливость восторжествовала, но не хочу оставить тебя на милосердие надсмотрщика, пока я буду этим заниматься. Берись за мое стремя, и пошли к сэру Джеймсу. А вы посторонитесь, — обратился он к надсмотрщику, — или мне придется наехать на вас! За свои поступки я отвечу перед вашим хозяином, а не перед вами!

Угрюмо поглаживая ушибленную руку, надсмотрщик отступил в сторону перед этой угрозой, и капитан Блад, не торопясь, поехал вперед. Том Хагторп шел рядом, держась за стремя. Когда их уже никто не мог слышать, юноша спросил хриплым от волнения голосом:

— Питер, каким чудом ты здесь оказался?

— Чудом? Ты разве не ожидал, что кто-нибудь из нас рано или поздно найдет тебя? — И он рассмеялся. — Мне повезло. Эта красотка дала мне отличный предлог заняться тобой, что очень облегчает дело. Но так или иначе, несмотря на все трудности, я клянусь, что не покину Невис без тебя!

6

Явившись в дом вице-губернатора, капитан Блад оставил Тома в холле, а сам, избрав в качестве ориентира сварливый голос леди Корт, добрался до столовой. Там он застал сэра Джеймса, сидевшего за нетронутым завтраком с холодной усмешкой на лице, и его супругу, мечущуюся по комнате. При звуке открываемой двери леди замерла, грудь ее бурно вздымалась, глаза сверкали на бледном лице. Увидев Блада, она тут же взорвалась:

— Так у вас еще хватает наглости являться сюда!

— Я считал, что меня ждут.

— Ждут? Скажите пожалуйста!

Он слегка поклонился.

— Прошу извинить за вторжение, но я полагаю, что от меня потребуют кое-каких объяснений.

— Можете в этом не сомневаться!

— А мое чувствительное сердце не позволяет разочаровывать леди.

— Совсем недавно вы называли меня по-другому.

— Когда вы этого заслуживали.

Сэр Джеймс постучал по столу, сочтя, что обязанности вице-губернатора и супруга требуют от него вмешательства.

— Сэр, — заговорил он властным и недовольным тоном. — Будьте любезны объяснить.

— Извольте. Мне нечего скрывать.

И капитан Блад подробно рассказал обо всем, происшедшем на плантации, причем несколько раз ему приходилось принимать соответствующие меры, чтобы помешать леди Корт, которая неоднократно пыталась его пересбить.

К концу повествования сэр Джеймс устремил взор на свою жену, кипевшую от злобы, и глаза его отнюдь не выражали сочувствия:

— В рассказе капитана Питера есть то, чего не хватает в вашем, чтобы составить полную картину.

— В его рассказе есть все, чтобы заставить вас потребовать удовлетворения, если вы не трус!

Покуда вице-губернатор переваривал оскорбление, капитан Блад поспешил вмешаться.

— Что касается удовлетворения, сэр Джеймс, то я всегда к вашим услугам. Но сначала, для моего собственного удовлетворения, позвольте заметить, что если под влиянием чувств, которые, я уверен, вы сочтете гуманными, мною совершены какие-либо оскорбительные для вас поступки, то я приношу вам свои извинения.

Но сэр Джеймс оставался суровым и непреклонным.

— Вы не добились ничего хорошего своим вмешательством. Этот несчастный раб, поощренный к бунту вашими действиями, не избежит наказания. Если оставить этот инцидент без последствий, то на плантации придет конец порядку и дисциплине. Надеюсь, вы понимаете это?

— Да какое вам дело, что он понимает! — взвизгнула леди Корт.

— Я понимаю лишь то, что, если бы я не вмешался, этого парня пристрелили бы на месте по приказу ее милости и только за нежелание, чтобы с него содрали кожу по ее же распоряжению.

— Это все равно от него не убежит, — злорадно заявила леди, — если только сэр Джеймс не предпочтет его повесить.

— В качестве козла отпущения — из-за того, что я вмешался? — осведомился капитан Блад у сэра Джеймса. И тот, уязвленный насмешкой, поспешил ответить:

— Нет-нет. За угрозу надсмотрщику.

Эти слова вызвали очередную атаку ее милости.

— А то, что он оскорбил меня, конечно, не имеет значения? Во всяком случае для этого джентльмена?

Находясь между двумя спорящими сторонами, сэр Джеймс рисковал потерять свое обычное непроницаемое спокойствие. Он так хлопнул по столу, что задребезжала посуда.

— Пожалуйста, не все сразу, мадам! Положение, видит Бог, и так достаточно скверное. Я вас неоднократно предупреждал, чтобы вы не срывали свое дурное настроение на этом Хагторпе. Теперь я должен либо высечь его за неуважение, которое, надо признаться, полностью спровоцировано вами, либо подорвать дисциплину среди

рабов. А так как я не могу допустить последнего, то мне остается благодарить вас за то, что вы вынуждаете меня быть бесчеловечным.

— А мне остается благодарить только себя за то, что я вышла замуж за такого глупца!

— Этот вопрос, мадам, мы обсудим очень скоро, — сказал сэр Джеймс настолько угрожающим тоном, что изумленная леди Корт не нашла слов для ответа, несмотря на всю свою наглость.

Наступившую тишину нарушил голос Блада:

— Я бы мог, сэр Джеймс, избавить вас от решения этой дилеммы. Как вы помните, я прибыл сюда, намереваясь купить кают-юнгю. Сначала я думал о негре, но этот Хагторп кажется мне подходящим. Продайте его мне — и все будет в порядке.

Сэр Джеймс немного подумал, затем взгляд его просветлел.

— Ей-богу, это выход!

— Тогда вам остается только назвать цену.

Но се милость не могла примириться со столь простым решением.

— Ничего себе, выход! Этот человек — бунтовщик, приговоренный к пожизненным работам на плантациях. Ваш долг не позволит вам содействовать его побегу из Вест-Индии.

Глядя на колеблющегося сэра Джеймса, Блад понял, что его надежды на легкий исход дела не оправдаются. Прокляв в душе бесчувственную злобу этой хорошенькой мегеры²⁹, он прошел по комнате и, облокотившись на высокую спинку кресла, мрачно оглядел супругов.

— Значит, этого несчастного парня придется высечь?

— Не высечь, а повесить, — поправила леди.

— Нет-нет, — запротестовал сэр Джеймс. — Достаточно высечь.

— Вижу, что мне здесь больше нечего делать, — сказал капитан Блад, вновь обретя свое насмешливое спокойствие. — Поэтому разрешите откланяться. Но прежде, чем я уйду, мне придется сообщить вам кое-что, о чем я почти совсем забыл. На Сент-Томасе я обнаружил вашего кузена, который отчаянно торопился на Невис.

Блад хотел их удивить, и это ему удалось. Но внезапная резкая перемена в поведении ее милости удивила его не меньше.

— Джеффри! — воскликнула она, и ее голос дрогнул. — Вы имеете в виду Джеффри Корта?

— Его зовут именно так.

— Вы говорите, что он на Сент-Томасе? — переспросила леди, и перемена в ее манерах стала еще более заметной. Поведение сэра Джеймса также изменилось. Он устремил на свою супругу внимательный взгляд из-под густых бровей, его тонкие губы скривились в усмешке.

— Вовсе нет, — поправил Блад. — Мистер Корт здесь, на борту моего корабля. Я привез его с Сент-Томаса.

— Тогда... — Леди смолкла, чтобы перевести дыхание и в недоумении наморщила лоб. — Тогда почему он не сошел на берег?

— Я склонен усматривать в этом волю Провидения, так же, как и в том, что он просил меня доставить его сюда. Для вас, сэр Джеймс, важно лишь то, что он все еще у меня на борту.

— Значит, он болен? — вскричала леди Корт.

— Здоров, как мы с вами, мадам. Но все может измениться. На борту своего судна, сэр Джеймс, я обладаю такой же неограниченной властью, как и вы здесь, на суше.

Не понять капитана было невозможно. Пораженные, они молча уставились на него, затем леди Корт, дрожа и задыхаясь, заговорила:

— Полагаю, что есть законы, которые могут обуздать вас.

— Таких законов нет, мадам. Вы знаете только половину моего имени. Я действительно капитан Питер — капитан Питер Блад. — Он решил раскрыть свое инкогнито, чтобы угроза имела больший вес. — Надеюсь, — продолжал Блад, ответив улыбкой на их безмолвное удивление, — что ради вашего кузена Джеффри вы сочтете возможным быть более человечным с этим несчастным рабом. Ибо я даю вам слово, что поступлю с мистером Джеффри Кортом так же, как вы поступите с молодым Хатгорпом.

Сэр Джеймс неожиданно громко расхохотался, в то время как его жена, слегка оправившись от охватившего ее ужаса, попыталась вникнуть в создавшееся положение.

— Прежде чем вы сможете что-нибудь сделать, — начала она, — вам нужно вернуться к себе на корабль, а вы не покинете Чарлстаун до тех пор, пока мистер Корт не сойдет на берег целым и невредимым. Вы забыли, что...

— О, я ничего не забыл, — прервал ее капитан Блад. — Не думаете же вы, что я способен войти в западню, не

убедившись, что она не может захлопнуться. На «Марии Моденской» сорок бортовых орудий. Двух бортовых залпов будет достаточно, чтобы превратить Чарлстаун в груды развалин. И это случится, если я не дам знать о себе к восьми склянкам. Если в вас есть хоть капля благо-разумия, миледи, то вы постараетесь этого избежать.

Она отшатнулась, бледная и дрожащая, а сэр Джеймс, на мрачном лице которого еще мелькала насмешливая улыбка, поднял взгляд на капитана Блада.

— Вы поступаете, как бандит с большой дороги, сэр. Вы приставили пистолет к нашим головам.

— Не пистолет, а сорок бортовых пушек, причем каждая из них заряжена.

Конечно, несмотря на эту браваду, капитан Блад отлично понимал, что ему, может быть, и в самом деле придется застрелить сэра Джеймса, чтобы вырваться на свободу. Он сожалел об этой возможной необходимости, но был готов к ней. Но к чему капитан не был готов, так это к непонятно-внезапной уступчивости вице-губернатора.

— Это упрощает дело, — сказал сэр Джеймс. — Если я вас правильно понял, вы поступите с моим кузеном так, как я поступлю с Хагторпом, не правда ли?

— Совершенно верно.

— Значит, если я повешу Хагторпа...

— Ваш кузен будет болтаться на рее.

— Ну, тогда остается только единственное решение.

Леди издала вздох облегчения.

— Вы победили, сэр, — воскликнула она. — Нам придется отпустить Хагторпа!

— Напротив, — возразил сэр Джеймс, — я должен его повесить.

— Вы должны... — Леди Корт уставилась на него, открыв рот и задыхаясь от волнения; ужас снова появился в ее больших голубых глазах.

— Как вы напомнили мне, мадам, у меня есть определенный долг, который не позволит мне отпустить Хагторпа с плантации, поэтому его придется повесить. *Fiat justitia ruat coelum**. Последствия не будут лежать на моей совести.

— Не будут лежать на вашей совести! — вне себя вскрикнула леди Корт. — А как же Джеффри? — Она ломала руки, ее голос перешел в вой. Потом, собравшись

* Да свершится правосудие, и пусть обрушатся небеса (лат.).

с духом, леди в бешенстве обрушилась на сэра Джеймса: — Вы просто спятили! Вы не можете сделать этого? Не смеете!.. Отпустите Хатторпа! Зачем он вам, в конце концов? Одним рабом меньше или больше!.. Ради Бога, отпустите его!

— А как же мой долг?

Леди испуганно отшатнулась.

Непреклонность сэра Джеймса сломила ее дух. Леди Корт упала на колени возле его кресла, судорожно вцепившись в его руку.

Сэр Джеймс оттолкнул ее с издевательским смехом, в котором слышалось что-то жуткое.

Позднее капитан Блад похвалялся, может быть, без достаточных оснований, что именно эта жестокая забава над охваченной страхом женщиной пролила свет на таинственную ситуацию и прояснила позицию, занятую сэром Джеймсом.

Вдоволь посмеявшись, вице-губернатор встал и махнул рукой, отпуская капитана.

— Все решено. Если вы хотите вернуться на ваш корабль, я не стану вас задерживать. А впрочем, подождите. Я хочу кое-что передать своему кузену. — Он подошел к секретеру, стоящему между окнами, и вынул оттуда «Стихотворения сэра Джона Саклинга» с пергаментом, в одном месте слегка отставшим от переплета. — Выразите ему мое соболезнование и передайте вот это... Я ожидал его, чтобы вручить ему книгу лично. Но так будет гораздо лучше. Сообщите ему, что находящаяся в книге письмо, почти столь же поэтичное, сколь и сама книга, передано адресату. — И он протянул своей супруге сложенный лист. — Это для вас, мадам. Возьмите. Возьмите! — настойчиво повторил сэр Джеймс, швырнув ей листок. — Мы вскоре обсудим содержание этого письма. Оно поможет вам понять, почему я так жажду выполнить свой долг, о котором вы мне напомнили.

Скорчившаяся у кресла леди Корт дрожащими руками развернула письмо. Несколько минут она читала, затем со стоном выронила его из рук.

Капитан Блад взял предложенную ему книгу. Думаю, что именно в этот момент он наконец все понял. Теперь он снова очутился в затруднении. Если неожиданный случай помог ему вначале, то сейчас другая неожиданность внезапно воспрепятствовала его планам, когда конец уже был виден.

— Желаю вам всего хорошего, сэр, — сказал сэр Джеймс. — Здесь вас больше ничто не задерживает.

— Вы ошибаетесь, сэр Джеймс. Кое-что заставляет меня задержаться на несколько минут. Возможно, в моей жизни и были вещи, которых мне следует стыдиться. Но я никогда не был ничьим палачом, и будь я проклят, если я восполню этот пробел по вашей милости. Одно дело — повесить вашего кузена в качестве акта возмездия. Но черт меня побери, если я стану его вешать, чтобы угодить вам. Я отправлю его на берег, сэр Джеймс, чтобы вы могли повесить его сами.

Уныние, отразившееся на лице сэра Джеймса, как нельзя больше удовлетворило капитана Блада. Разрушив его сладостные планы отмщения, капитан предложил ему иное утешение.

— Теперь, когда я изменил свои намерения, вам остается изменить ваши и продать мне этого парня на должность кают-юнга. Я же не только увезу вашего кузена, но и постараюсь внушить ему, чтобы он никогда больше вас не беспокоил.

Запавшие глаза сэра Джеймса с недоверчивой надеждой устремились на корсара.

Капитан Блад улыбнулся.

— Можете считать это дружеской услугой, сэр Джеймс, — сказал он, внося окончательное успокоение в растревоженную душу вице-губернатора.

— Хорошо, — промолвил, наконец, сэр Джеймс. — Забирайте своего парня. На этих условиях я дарю его вам.

7

Понимая, что супругам нужно многое сказать друг другу и что его присутствие будет лишним, капитан Блад тактично поспешил откланяться и удалиться.

В холле он приказал ожидавшему его Тому Хагторпу следовать за ним. Тот повиновался, так ничего и не поняв в этом чудесном избавлении.

Никто им не препятствовал. Наняв лодку у мола, они подплыли к «Марии Моденской», на шкафуте которой два брата заключили друг друга в объятия, в то время как капитан Блад, созерцая их, испытывал чувство всемогущего благодетеля.

Едва сдерживая слезы радости, Нат Хагторп попросил

Питера Блада объяснить, как ему удалось освободить брата так быстро, не прибегнув к насилию.

— Нельзя сказать, что я не прибегал к насилию, — ответил Блад. — Напротив, без насилия не обошлось. Но оно было чисто эмоциональным. Кое-что в этом роде еще предстоит сделать, но это уже относится к мистеру Карту. — И он повернулся к стоящему рядом боцману. — Свистать всех наверх, Джейк. Мы тотчас же снимаемся с якоря.

Блад направился к каюте, в которой томился мистер Корт. Отпустив часового, он открыл дверь и вошел. Гнев заключенного за это время ни в коей мере не утих.

— Сколько ты еще будешь держать меня здесь, гнусный негодяй?

— А куда бы вы хотели сейчас направиться? — поинтересовался капитан Блад.

— Как — куда? Да ты смеешься надо мной, проклятый пират! Мне нужно на берег, как тебе отлично известно.

— На берег? Сейчас? Вот уж никак не думал.

— Не собираешься ли ты и дальше задерживать меня?

— О, это едва ли понадобится. У меня есть для вас кое-что от сэра Джеймса — книга стихов и устное сообщение.

И он добросовестно передал ему и то, и другое. Мистер Корт сразу обмяк и, поблуднев, опустился на койку.

— Возможно, теперь вы не будете так настаивать на вашей высадке на Невис. Очевидно, вы уже начинаете понимать, что Вест-Индия — не совсем здоровое место для флирта. Ревность в тропиках подобна климату — она чревата ударом. Думаю, что вы благоразумно предпочтете разыскать корабль, который доставит вас обратно в Англию целым и невредимым.

Джеффри Корт вытер пот со лба.

— Значит, вы не высаживаете меня?

В каюту сквозь открытый иллюминатор донесся скрип кабестана³⁰ и звон якорной цепи. Капитан Блад жестом привлек внимание собеседника к этим звукам.

— Мы снимаемся с якоря и через полчаса будем в море.

— Что ж, пожалуй, это к лучшему, — со вздохом сказал мистер Корт.

В течение периода своего изгнания из общества капитан Блад всегда считал печальной иронией судьбы то, что он, воспитанный в традициях католической церкви, был вынужден покинуть Англию из-за обвинения в участии в протестантском мятеже и рассматривался испанцами как еретик, вполне достойный сожжения на костре.

На эту тему он долго и с огорчением распространялся в беседе с Ибервилем, своим французским компаньоном, в тот день, когда Блад из-за врожденной шепетильности отказался от заманчивой перспективы легкого и богатого грабежа, для свершения которого пришлось бы пойти на небольшое святотатство.

Однако Ибервиль, из которого родители надеялись сделать церковника и который был посвящен в низший духовный сан³¹ перед тем, как обстоятельства забросили его за океан и превратили в флибустьера, нашел эту шепетильность нелепой, а слова Блада его одновременно рассердили и развеселили. Веселье в конце концов взяло верх, так как этот высокий и энергичный парень, уже немного начинающий полнеть, обладал легким и общительным характером, о чем свидетельствовали смешливые искорки в его карих глазах и постоянно улыбающийся рот. Несомненно, в нем погиб подлинный светоч церкви, хотя он сам это яростно опротестовывал, возбуждая всеобщий смех.

Они зашли на Вьекес³², и под предлогом закупки припасов Ибервиль сошел на берег в надежде узнать новости, достойные внимания. Ибо в это время «Арабелла» плавала, так сказать, наудачу без определенной цели. Баск по национальности, проводивший несколько лет в Испании, Ибервиль говорил на безупречном кастильском наречии, что позволяло ему сходить за испанца в любой момент, когда это требовалось, и, таким образом, снабжало его необходимыми данными для разведки в испанском поселении.

Ибервиль возвратился на большой красный корабль, стоявший на якоре на рейде с испанским флагом, дерзко развевающимся на грот-мачте, с новостями, которые, по его мнению, указывали на возможность заманчивого предприятия. Ему удалось узнать, что дон Игнасио де

ла Фуэнте, бывший прежде великим инквизитором Кастилии, а ныне назначенный кардиналом-архиепископом Новой Испании, направлялся в Мексику на восьмидесятипушечном галеоне «Санта-Вероника» и по пути посещал подотчетные ему епархии. Его высокопреосвященство уже побывал на Сан-Сальвадоре³³, сейчас, очевидно, находился на пути в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, после чего его ожидали в Санто-Доминго, возможно, в Сантьяго-де-Куба и наверняка в Гаване, куда он нанесет визит перед окончательным отплытием на Мейн.

Быстрый ум Ибервиля моментально оценил выгоды, которые можно было извлечь из этих обстоятельств.

— Из всех испанцев, — заявил он, — разве только за самого короля Филиппа или по крайней мере за великого инквизитора, кардинала-архиепископа Севильи, можно было бы получить более солидный выкуп, нежели за этого примаса Новой Испании.

Блад, шагавший рядом с Ибервилем по высокой корме «Арабеллы», освещенной лучами ноябрьского солнца — яркими и теплыми в этой стране вечного лета, — внезапно остановился. Высокая, стройная фигура Ибервиля все еще была облачена в роскошный костюм из лилового сатина; его длинные каштановые локоны покрывал пурпурный берет. Впереди у кабестана и брасов³⁴ кипела работа по подготовке к отплытию; стоящий у носовых цепей боцман Снелл, сверкая лысой макушкой в окружении седых волос, отборной кастильской руганью разгонял столпившиеся вокруг корабля шлюпки торговцев.

Живые глаза Блада с неодобрением устремились на веселое лицо француза.

— Ну, а дальше что? — спросил он.

— Как что? Кардинальский багаж на «Санта-Веронике» стоит не меньше, чем груз любого корабля, когда-либо покидавшего Мексику, — рассмеялся Ибервиль.

— Понятно. И согласно твоим благим намерениям мы должны взять это судно на abordage и захватить архиепископа?

— Совершенно верно. Подождать «Санта-Веронику» лучше всего в проливе к северу от Саоны. Там мы поймем его высокопреосвященство на пути в Санто-Доминго без особого труда.

Черты лица Блада под тенью широкополой шляпы приняли суровое выражение.

— Это не для нас, — покачал он головой.

— Не для нас? Почему? Ты что, боишься ее восьми-десяти пушек?

— Я боюсь только святотатства. Совершить насилие над архиепископом, захватив его в плен ради выкупа! Богу, конечно, известно, что я грешник, но все-таки надеюсь, что я остался истинным сыном церкви.

— Ты имешь в виду — сыном истинной церкви, — внес поправку Ибервилю. — Полагаю, что могу сказать о себе то же самое, но не думаю, что это должно помешать мне взять выкуп с великого инквизитора.

— Может быть, но твое преимущество состоит в том, что ты воспитывался в семинарии, а это, по-видимому, дает право на некоторые вольности по отношению к духовным лицам.

Сарказм капитана рассмешил Ибервиля.

— Это дает мне возможность отличать римскую церковь от испанской. Твой испанец с его инквизицией и ауто-дафе³⁵ в моих глазах почти еретик.

— Этой софистикой³⁶ ты хочешь оправдать нападение на кардинала. Но как бы то ни было, я не софист, Ибервиль, и мы лучше воздержимся от святотатства.

Подобная решительность побудила Ибервиля тяжело вздохнуть.

— Ну-ну! Если таковы твои чувства... Но ты упускаешь великолепный шанс.

Тогда-то Блад и начал распространяться по поводу иронии своей судьбы до тех пор, пока их не прервал свист боцманской дудки. Развернув паруса, подобно крыльям птицы, «Арабелла» направилась в открытое море по-прежнему без определенной цели.

Подгоняемые легким ветерком, они проплыли мимо Виргинских островов, зорко высматривая добычу, но она встретилась им только три-четыре дня спустя, на расстоянии двух десятков миль к югу от Пуэрто-Рико. Это была маленькая двухмачтовая карака с высокой кормой, дюжиной пушек и изображением Богоматери скорбящей на раздувшемся парусе, что указывало на испанское происхождение.

«Арабелла» подняла английский флаг и, подойдя на расстояние выстрела, послала ядро в сторону испанского корабля, давая тем самым сигнал лечь в дрейф.

Учитывая явное превосходство корсаров в парусах и вооружении, не приходилось удивляться, что карака поспешила повиноваться. Но на ее грот-мачте внезапно появился выпел с крестом Святого Георгия, что пора-

зительно не соответствовало рисунку на парусе. После этого с караки спустили шлюпку, которая быстро заскользила по голубой, покрытой легкой рябью воде по направлению к «Арабелле».

Из шлюпки вылез низенький коренастый человек в темно-зеленом костюме, рыжеволосый и краснолицый. Он быстро вскарабкался по трапу на борт «Арабеллы» и сразу же направился к капитану Бладу, который ожидал его на шкафуте, нарядно одетый в черное с серебром. Рядом с Бладом стояли Ибервиль, чей костюм не уступал в элегантности одежде капитана, гигант Волверстон, потерявший глаз в битве при Седжмуре и хваставшийся, что оставшимся глазом он видит вдвое лучше, чем любой другой, а также Джереми Питт, штурман «Арабеллы», чья занимательная хроника послужила материалом для нашего рассказа.

В своих записках Питт охарактеризовал вновь прибывшего следующей фразой: «Никогда в жизни я не видел более возбужденного человека». Взгляд его маленьких глазок, сверкавших из-под нависших рыжеватых бровей, казалось, пронизывал насквозь все окружающее — надраенную до блеска палубу, сверкающие медью порты бортовых орудий и вертлюжную пушку, аккуратно выстроенные по стойке около грот-мачты мушкеты. Все это навело гостя на мысль, что он находится на корабле, принадлежащем Соединенному Королевству.

В заключение визитер снова окинул внимательным взглядом карих глаз поджидавшую его группу.

— Меня зовут Уокер, — заговорил он резким голосом с акцентом, выдававшим его северное происхождение. — Капитан Уокер. И я желал бы знать, какого дьявола вы от меня хотели добиться вашим выстрелом? Если причиной остановки послужила папистская эмблема на моей грот-мачте, из-за которой вы приняли меня за испанца, то вы как раз тот человек, который мне нужен.

Но Блад оставался серьезным.

— Если вы капитан этого корабля, то мне хотелось бы узнать, что означают эти изображения на парусах.

— О, это длинная и довольно безобразная история.

Блад понял намек.

— Тогда пройдемте вниз, — предложил он, — и вы нам ее расскажете.

Они спустились в большой салон «Арабеллы», с его резными позолоченными панелями, зеленой драпировкой,

роскошной мебелью, книгами, картинами и прочими атрибутами сибарита, которые скромный моряк с севера Англии никак не ожидал увидеть на корабле. Здесь капитан Блад представил гостю себя и своих трех офицеров, что сразу же умерило агрессивное настроение маленького капитана. Но когда они сели за стол, на который негр-стюард подал канарское вино, нантское бренди и кувшин холодного пунша, изготовленного из рома, сахара, воды и мускатных орехов, его бешенство выиграло с новой силой, и он приступил к рассказу о своих злоключениях.

Капитан Уокер отплыл из Плимута³⁷ шесть месяцев назад и в первую очередь зашел на побережье Гвинси, где он погрузил на борт триста молодых здоровых негров, купленных им за ножи, топоры и побрякушки у местного вождя, с которым он уже неоднократно проделывал подобные операции. С этим ценным грузом под палубой капитан отправился на Ямайку, где был невольничий рынок, но в конце сентября неподалеку от Багамских островов его захватил шторм — предвестник приближающегося сезона ураганов.

— С Божьей помощью мы справились с бурей, — продолжал Уокер. — Но корабль вышел из нее настолько потрепанным, что мне пришлось выбросить за борт все пушки. Судно дало течь, и мы были вынуждены все время работать помпами; надводная часть почти целиком была изуродована, а бизань-мачта стала вовсе непригодной. Нужно было зайти в ближайший порт для ремонта, а этим портом оказалась Гавана.

Когда алькальд³⁸ порта поднялся на борт и увидел плачевное состояние моего корабля, к тому же оставшегося без орудий, он позволил мне найти убежище в лагуне, где мы и занялись ремонтом без кренгования.

Чтобы расплатиться за все необходимое, я предложил алькальду продать ему несколько черномазых, которых я вез. Так как у них на руднике свирепствовала не то оспа, не то желтая лихорадка, то они очень нуждались в рабах. Алькальд изъявил желание купить у меня всю партию, если я соглашусь продать. Я был очень рад облегчить корабль от груза и счел просьбу алькальда избавлением от всех трудностей. Но все оказалось не так, как я предполагал. Вместо золота алькальд предложил мне взять плату в виде крокодиловых кож, составляющих, как вам, возможно, известно, ос-

новной товар острова Куба. Ничто не могло удовлетворить меня больше, так как я знал, что могу перепродать кожу в Англии за вдвое большую цену. Тогда алькальд вручил мне счет, и мы условились, что погрузим кожи, как только будем готовы к выходу в море.

Я поспешно приступил к ремонту, довольный удачной сделкой. Плавание, которое едва не кончилось кораблекрушением, неожиданно оборачивалось для меня очень выгодным.

Но я не принял в расчет испанской подлости. Когда мы наконец закончили с ремонтом, я написал алькальду, что мы готовы погрузить кожи согласно его счету. Но матрос, которого я послал на берег, вернулся назад с сообщением, что генерал-губернатор Кубы не разрешает погрузку, так как считает противозаконной торговлю с иностранцами в испанском поселении, и что алькальд советует нам тотчас же выйти в море, покуда генерал-губернатор не наложил запрет и на наше отплытие.

Вы легко можете представить мои чувства. Том Уокер — не такой человек, который позволит бессовестно обобрать себя кому бы то ни было, будь то карманный воришка или генерал-губернатор. Поэтому я сам отправился на берег, и не к алькальду, а прямо к генерал-губернатору — знатному кастильскому гранду с именем, не менее длинным, чем моя рука. Они именовали его не короче, чем дон Руис Перера де Вальдоре-и-Пеньяскон, а он к тому же еще граф Маркос. Одним словом, всем грандам гранд.

Я выложил ему счет за погрузку и откровенно рассказал ему, как надул меня этот чертов алькальд, не сомневаясь, по простоте душевной, что справедливость сейчас же будет восстановлена.

Но этот негодяй только презрительно улыбнулся и пожал плечами.

— Закон есть закон, — сказал он. — Декретом его католического величества нам запрещены всякие торговые операции с иностранцами. Поэтому я не могу позволить погрузить кожи.

Потеря прибыли, на которую я рассчитывал, меня здорово огорчила, но я держал свои мысли при себе.

— Ладно, — сказал я. — Пусть будет по-вашему, хотя это для меня не слишком удобно, а закон мог бы подумать, прежде чем давать мне счет о погрузке. Вот

он, этот счет, можете забрать его и вернуть мне моих триста негров.

Губернатор нахмурился и постарался смутить меня взглядом, покручивая свои усы.

— Боже, дай мне терпение! — воскликнул он. — Эта сделка также была незаконной. Вы не имели права продавать здесь ваших рабов.

— Я продал их по просьбе алькальда, ваше превосходительство, — напомнил я.

— Друг мой, — сказал губернатор, — если бы вы совершили убийство по чьей-нибудь просьбе, значит, нужно было бы простить вам преступление?

— Но нарушил закон не я, — возразил я, — а алькальд, который купил у меня рабов.

— Вы оба виноваты. Следовательно, никто не должен получить прибыли. Рабы конфискуются в пользу государства.

— Вы слышали, господа, что я не стал скандалить из-за потери своей законной прибыли на кожах. Но этот испанский джентльмен ободрал меня как липку — попросту украл весь мой груз чернокожих, а это уже я был не в состоянии переварить. Моя вспыльчивость дала себя знать, и я, вскочив на ноги, набросился на этого дон Руиса Переру де Вальдоре-и-Пеньяскон, пытаюсь пристыдить его за такую несправедливость и заставить хотя бы заплатить мне за рабов золотом. Но бессовестный негодяй позволил мне высказаться, а затем снова показал зубы в своей гнусной улыбочке:

— Мой друг, — заявил он, — у вас нет причин беспокоиться и жаловаться. Неужели вы не понимаете, что я и так делаю меньше, чем требует от меня долг, который повелевает мне захватить ваш корабль, ваш экипаж и вас самого и отправить вас в Кадис или Севилью как еретиков.

Здесь капитан Уокер сделал паузу, чтобы дать немного схлынуть бешенству, которое охватило его при этих воспоминаниях.

— Провалиться мне на этом месте, если я трус, но моя смелость при этих словах моментально испарилась.

«Лучше быть ограбленным, — подумал я, — чем сожженным на костре».

Поэтому я поспешил удалиться, прежде чем чувство долга его превосходительства не одержало победу над его

так называемым милосердием, — черт бы побрал его грязную душу.

— Вы, может быть, думаете, что это конец моих несчастий, — продолжал он после минутной паузы. — Но, к сожалению, самое худшее было еще впереди.

Я поспешно вернулся на борт. Мы сразу же снялись с якоря и вышли в море, не встретив препятствий со стороны форта. Но не успели мы отойти на четыре-пять миль от берега, как нас нагнала карака береговой охраны и открыла по нам огонь. Не сомневаюсь, что они получили от этого паршивого генерал-губернатора приказ потопить нас. Меньше всего ему хотелось, чтобы в Испании узнали, каким способом он обогащается в Новом Свете.

Так как на нашем корабле не было пушек, то испанцам, несмотря на то, что канониры они дрянные, было так же легко справиться с нами, как подстрелить вальдшнепа. По крайней мере они так считали. Но мы шли с наветренной стороны от них, и я воспользовался единственным шансом. Резко повернув руль, я двинул судно прямо на караку. Несомненно, эти навозные твари рассчитывали развалить нас на кусочки прежде, чем мы до них доберемся, и, клянусь душой, им это удалось. Мы быстро погружались под воду, протекая, как дуршлаг; наша палуба была уже почти вровень с поверхностью воды, когда наконец мы ударились о борт испанского корабля, но Бог оказался милостив к еретикам. То, что осталось от нашего левого борта, зацепилось за шпангоуты³⁹ караки, и мы тотчас забросили abordажные крюки и перебрались на борт к испанцам.

После этого на палубе караки начался кровопролитный ад, так как все мы были вне себя от ярости на этих хладнокровных убийц. Мы резали их по всему кораблю. У меня убили трех матросов и десятерых ранили, но из испанцев в живых не осталось никого — тех, кого не прикончили на корабле, выкинули за борт.

Работоторговец снова умолк, устремив на присутствующих вызывающий взгляд своих горящих глаз.

— Вот, пожалуй, и все. Мы, конечно, воспользовались этой каракой, так как мой корабль пошел ко дну. Это и объясняет папистские картинки на грот-мачте. Я так и думал, что из-за них у нас будут неприятности. Когда вы дали залп в сторону моих клюзов, я хотел добавить это к моему счету с испанцами, но теперь я вижу, что, кажется, нашел друга.

Когда Уокер смолк, слушатели, потрясенные его рассказом, некоторое время не могли вымолвить ни слова. Наконец Волверстон пошевелился в кресле и проворчал:

— Типичный образчик кастильского коварства. Этого генерал-губернатора не плохо было бы протащить под килем.

— Уж лучше поджарить его на медленном огне, — заметил Ибервиль. — Единственный способ придать аромат этой новохристианской⁴⁰ свинье.

— Новохристианской? — с удивлением переспросил Блад. — Значит, ты знаешь его?

— Не больше, чем ты. — И бывший семинарист объяснил: — В Испании, когда еврей переходит в христианство, он должен принять новое имя. Но его выбор не вполне свободен. Имя должно совпадать с названием какого-нибудь дерева или другого растения, таким образом, его происхождение остается известным. Генерал-губернатор носит фамилию Переда, что по-испански значит грушевое дерево⁴¹. Вальдоро и Пеньяскон были добавлены позднее — ведь эти ренегаты живут под постоянной угрозой сожжения на костре.

Блад снова перенес внимание на Уокера.

— Должно быть, сэр, вы не без умысла рассказали нам эту отвратительную историю. Какой услуги вы от нас ожидаете?

— Ну, разве только вы поделитесь со мной лишними парусами, если они у вас имеются. Я оплачу вам их стоимость, а то идти через океан с таким количеством парусов, как у нас, — маленькое удовольствие.

— И это все? А я-то думал, что вы попросите нас вытянуть плату за ваших рабов из этого генерал-губернатора, позволив нам, разумеется, позаимствовать и для себя небольшую сумму за причиненное беспокойство. Ведь Гавана — богатый город.

Уокер уставился на него.

— Да вы смеетесь надо мной, капитан. Я не так глуп, чтобы просить невозможного.

— Невозможного! — повторил Блад, подняв свои черные брови. Затем он улыбнулся. — Клянусь моей душой, это почти вызов!

— Какой еще вызов! Вы, конечно, смелые ребята, но

сам дьявол не отважился бы отправиться на корсарском корабле в Гавану.

Блад потер подбородок.

— И все же этот субъект нуждается в уроке. А ограбить вора само по себе заманчиво. — И он взглянул на своих офицеров. — Ну как, нанесем ему визит?

Питт сразу же выступил против.

— Нет, если только мы не потеряли рассудок. Ты не знаешь Гавану, Питер. Если есть в Новом Свете неприступная испанская гавань, то это Гавана. На всем Карибском море нет более защищенного порта — это было уже известно Дрейку.

— И это факт, — подтвердил Уокер, чьи красные глазки сверкнули на момент при словах Блада. — Там настоящий арсенал. Войти в гавань можно только через канал шириной не более полумили, который защищают три форта: Моро, Пунталь и Эль-Фуэрте. Вы не продержитесь там на воде и часу.

Блад мечтательно устремил взгляд в потолок.

— И все-таки вам удалось продержаться на воде несколько дней.

— Да, но при иных обстоятельствах.

— Неужели мы не сможем создать нужные обстоятельства? Мы не впервые выполняем такую задачу. Конечно, план следует хорошо продумать, но мы в состоянии это сделать, так как сейчас не заняты никакими другими предприятиями.

— А все потому, что ты — размазня, — вмешался Ибервиль, который до сих пор не мог примириться с упущенной возможностью, предоставленной им вояжем архиепископа. — Примас⁴² Новой Испании еще в море. Заставим же его расплатиться за грехи соотечественников. Выкуп за него составит не меньшую сумму, чем ограбление Гаваны, и мы можем отчислить из него компенсацию капитану Уокеру за украденных рабов.

— Конечно, он прав, — поддержал француза Волверстон, который, будучи еретиком, не слишком страшился святотатства. — Это все равно, что ставить свечку сатане — деликатничать с испанцем только потому, что он архиепископ.

— И на этом можно не останавливаться, — подхватил Питт, другой еретик, охваченный внезапным вдохновением. — Если нам удастся захватить архиепископа, то мы сможем войти в Гавану, не боясь никаких фортов.

Они никогда не осмелятся открыть огонь по кораблю, на котором находится его преосвященство.

Блад задумчиво крутил локон своего черного парика.

— Я думаю о том же самом, — улыбнулся он.

— Ну наконец-то! — воскликнул Ибервиль. — Религиозная шепетильность, слава Богу, начинает уступать место голосу разума.

— Теперь я считаю, что мы вправе пойти на небольшое святотатство, разумеется, весьма небольшое, чтобы выжать награбленное из этого мошенника генерал-губернатора. Да, пожалуй, этим стоит заняться.

И он быстро встал.

— Капитан Уокер, если вы намерены рискнуть вместе с нами и попытаться вернуть потерянное, то отправляйтесь на караку и пришлите всех ваших матросов на борт «Арабеллы». Можете не сомневаться, что мы снабдим вас судном для возвращения домой, когда все будет кончено.

— Вы серьезно? — воскликнул низенький, коренастый работоровец, свирепость которого сменилась глубочайшим изумлением.

— Не совсем, — ответил капитан Блад. — Это всего лишь мой каприз, который, однако, дорого обойдется этому дону... как бишь его?... Перере. Теперь выбирайте: либо вы пойдете вместе с нами в Гавану и попытаете счастья, в случае удачи отплывая назад на отличном корабле с полным грузом кож, либо мы даем вам паруса, которые вы просили, и вы отправляетесь домой с пустыми руками.

Глядя на флибустьера почти с благоговением, капитан Уокер настолько проникся энергией и уверенностью Блада, что сразу же согласился на его смелое предложение. Дух авантюризма в свою очередь разыграл в нем, и он заявил, что никакой риск не будет слишком велик, если речь идет о том, чтобы свести счеты с этим бессовестным генерал-губернатором.

Однако Ибервиль нахмурился.

— А как же тогда архиепископ?

— Само собой, — улыбнулся Блад. — Без архиепископа мы ничего не сможем сделать. — Капитан повернулся к Питту и отдал приказ, говоривший о том, что он уже успел до тонкостей продумать план действий. — Джерри, возьми курс на Сен-Круа.

— Зачем? — удивился Ибервиль. — Ведь это гораздо

восточнее того места, где мы должны подстеречь его преосвященство.

— Безусловно. Но всему свое время. Нам понадобятся кое-какие вещи, и на Сен-Круа мы сможем ими обзавестись.

3

Несмотря на намерения Блада, они все-таки не потопили испанскую караку. Врожденная бережливость Уокера восстала при мысли о такой потере, а свойственная ему в неменьшей степени предусмотрительность побуждала его интересоваться, каким образом он и его экипаж вернутся в Англию, если план Блада хотя бы частично потерпит неудачу и обещанный великолепный корабль не будет ему вручен.

Однако все остальные события следовали курсом, намеченным капитаном Бладом. Двинувшись на северо-восток, «Арабелла» в сопровождении караки через пару дней достигла французского поселения на Сен-Круа, где корсары могли действовать свободно. Они задержались там на двое суток, и капитан Блад с Ибервилем и низеньким лысым боцманом Снеллом, знавшим каждый порт, как свои пять пальцев, провели большую часть времени на берегу.

Затем, оставив караку дожидаться их возвращения, Уокер и его команда перешли на борт «Арабеллы», которая подняла паруса и отплыла заданным курсом по направлению в Пуэрто-Рико. После этого «Арабелла» исчезла из поля зрения до тех пор, пока ее огромный красный корпус не стал виден с волнистых зеленых холмов северного побережья Кубы.

Подгоняемый легким мягким ветерком, корабль плыл вдоль этих плодородных берегов и, наконец, добрался до входа в лагуну, которая омывала Гавану во всем величии ее дворцов из известняка, церквей, монастырей, скверов и рыночных площадей, словно перенесенных из Старой Кастилии в Новый Свет.

Разглядывая оборонительные сооружения, Блад понял, что Уокер и Джереми Питт ничуть не преувеличивали их силу. Мощный форт Моро с его мрачными бастиянами и массивными башнями занимал скалистую возвышенность у самого входа в пролив; напротив него был расположен форт Пунталь с батареей, построенной в виде полумесяца;

в центре вырисовывались очертания не менее грозного форта Эль-Фуэрте. Неизвестно, что представляла из себя Гавана во времена Дрейка, но требовалось быть очень неосмотрительным, чтобы бросить вызов этим трем могущественным стражам.

«Арабелла» легла в дрейф на рейде, объявила о своем прибытии пушечным салютом, подняла флаг Соединенного Королевства и стала ожидать событий.

Они вскоре последовали в виде десятивесельной барки, из-под навеса которой появился старый знакомый Уокера, алькальд порта дон Херонимо. Пыхтя, он влез по трапу на борт, чтобы осведомиться о цели прибытия корабля в эти воды.

Капитан Блад, разодетый в пурпур с серебром, принял его на шкафуте вместе с Питтом и Волверстоном. Вокруг них суетилась дюжина матросов, а еще шестеро брали брамсели на гитовы⁴³.

Алькальд был принят с подлинно придворной учтивостью. Блад сообщил ему, что он направляется на Ямайку с ценным грузом рабов и что нехватка дров и воды вынудили его зайти в Гавану. Полагаясь на великодушие и любезность алькальда, он надеется приобрести это здесь вместе со свежей провизией и с удовольствием заплатит за все золотом.

Дон Херонимо, толстомордый субъект, в черном костюме, пяти с половиной футов ростом и едва ли меньших размеров в поясе, вовсе не обрадовался просьбе этого проклятого английского еретика, несмотря на его элегантную внешность и изысканные выражения. Он отвечал сквозь зубы, его маленькие черные глазки с подозрением обшаривали каждый уголок палубы, а лицо хранило самодовольное и злобное выражение до тех пор, пока он не услышал про рабов. Тогда он тотчас же обнажил зубы в улыбке и попытался изобразить радушие и любезность на своей малопривлекательной физиономии.

Конечно, сеньор капитан может приобрести в Гаване все, что ему нужно. Он волен войти в порт, когда захочет, а торговые лодки, несомненно доставят ему все необходимое. В противном случае алькальд будет счастлив оказать ему любое содействие на берегу.

Услышав эти заверения, Питт скомандовал матросам у брасов держать по ветру. Подгоняемая бризом «Арабелла» прошла мимо грозных фортов с баркой алькальда на буксире, покуда алькальд, чья любезность возрастала с каждой минутой, пытался вытянуть из капитана Блада

сведения, касающиеся груза рабов в трюме. Но Блад отвечал настолько вяло и неопределенно, что дон Херонимо должен был пойти в открытую.

— Возможно, я кажусь вам назойливым, приставая к вам с этими рабами, — сказал он. — Но мне пришлось в голову, что, если вы захотите, вам незачем будет тащить их на Ямайку. Вы найдете готовый рынок здесь, в Гаване.

— В Гаване? — Блад поднял брови. — Но разве это не противоречит эдиктам его католического величества?

Алькальд поджал толстые губы.

— Эти эдикты были изданы без учета наших теперешних затруднений. На рудниках была эпидемия оспы, и теперь нам не хватает рабочих рук. Поэтому мы вынуждены обходить закон. Так что если вы хотите продать рабов, сеньор капитан, то этому нет никаких препятствий.

— Понятно, — промолвил Блад без особого энтузиазма.

— К тому же цена будет хорошей, — добавил дон Херонимо, пытаясь пробудить собеседника от апатии. — Значительно выше обычной.

— Мои рабы тоже необычные.

— Вот именно, — подтвердил Волверстон на ломаном испанском языке. — Они дорого вам обойдутся, сеньор алькальд. Хотя я думаю, что вы не постоите за ценой, когда взглянете на них.

— О, если бы я мог, — вздохнул испанец.

— А почему бы и нет? — с готовностью согласился Блад.

«Арабелла» вошла сквозь узкий проход в голубую лагуну, имевшую полных три мили в диаметре. Лотовый⁴⁴ у носовых цепей громко объявлял глубину, и Бладу пришлось в голову, что было бы благоразумней дальше не идти. Повернувшись, он отдал распоряжение Питту бросить якорь там, где они находились, — на достаточном расстоянии от леса мачт и рангоутов кораблей, стоящих неподалеку от города. Затем он обернулся к алькальду.

— Прошу вас следовать за мной, дон Херонимо, — сказал Блад, указывая ему на люк.

По короткому узкому трапу они спустились на батареиную палубу, где темнота разрезалась солнечным светом, просачивавшимся сквозь оружейные порты и пересекавшимся с лучами, льющимися сверху сквозь решетки. Алькальд окинул внимательным взглядом стволы мощных пушек и ряды подвесных коек, на которых разместились

люди. Наклонив голову, чтобы не удариться о пиллерс, он шел за своим высоким провожатым; за ним следовал Волверстон. Вскоре Блад остановился и, повернувшись, задал неожиданный вопрос:

— Случалось ли вам встречаться, сеньор, с кардиналом-архиепископом доном Игнасио де ла Фуэнте, примасом Новой Испании?

— Нет, сеньор. Он еще не посещал Гавану. Но мы ожидаем, что на днях нам выпадет честь принять его.

— Это может случиться скорее, чем вы думаете.

— А откуда вам известно, сеньор, о поездке архиепископа?

Но Блад, дойдя почти до кормы, не ответил ему.

Они подошли к дверям офицерской кают-компания, которую охраняли два мушкетера. Доносившиеся оттуда приглушенные звуки григорианского распева озадачили алькальда, особенно когда он смог разобрать слова этой заунывной молитвы:

Hostem repellas longius,
Pacemque dones prentius;
Ductore sic te pravo,
Victemus omne noxium.

Нахмурившись, алькальд уставился на Блада.

— Por Dios*! Неужели это поют ваши рабы?

— Они как будто находят утешение в молитвах.

В доне Херонимо пробудилась подозрительность, хотя он и не знал, что именно подозревать. Однако он понял, что здесь явно что-то не так.

— Весьма странная набожность, не так ли? — сказал он.

— Не вижу в ней ничего странного.

По знаку капитана один из мушкетеров отпер дверь, и пение внезапно прервалось на слове «saeculorum»***. Заключительного «Амен»**** так и не последовало.

Блад церемонно пропустил алькальда вперед. Горя желанием разгадать загадку, дон Херонимо быстро шагнул через порог и внезапно застыл, как вкопанный, выпучив расширенные от ужаса глаза.

* Отгони врага далеко
И даруй нам мир;
Вождь, идущий впереди нас,
Да победим мы всякое зло (лат.).

** Ради Бога! (исп.).

*** Saecula saeculorum — во веки веков (лат.).

**** Аминь (лат.).

В просторной, не скудно меблированной каюте, наполненной запахом трюмной воды, он увидел двенадцать человек в белых шерстяных одеяниях и черных мантиях ордена святого Доминика. Они сидели в два ряда, безмолвные и неподвижные, словно манекены, спрятав руки в широкие рукава и склонив головы, покрытые капюшонами, за исключением одного, стоящего с непокрытой головой за высоким креслом, в котором расположилась весьма примечательная фигура. Это был высокий красивый мужчина лет сорока, с ног до головы облаченный в пурпур. Алая шапочка, очевидно, покрывала тонзуру⁴⁶, выстриженную в его гладких каштановых волосах; на фоне красной сутаны сверкал белоснежный тончайший воротник; на груди поблескивал золотой крест. На руках были красные перчатки, а на указательном пальце правой руки красовался епископский сапфир. Спокойное и суровое выражение лица придавало ему величавость и достоинство. Красивые глаза незнакомца устремились на незваных гостей, столь резко и бесцеремонно вторгшихся в его обитель, но они не утратили светившегося в них высокомерного спокойствия. Казалось, ему были недоступны все человеческие страсти в отличие от стоящего за ним монаха. Это был коренастый краснолицый субъект, явно равнодушный к выпивке и освобожденный самой природой от необходимости выбривать тонзуру — взлохмаченные седые волосы обрамляли загорелую лысую макушку. Судя по свирепому взгляду, которым он окинул вошедших, этому благочестивому брату ничто человеческое было не чуждо. Капитан Блад подтолкнул остоленевшего алькальда в каюту и последовал за ним со шляпой в руке.

Но прежде чем он мог вымолвить слово, алькальд, бывший на грани апоплексического удара, пожелал узнать, что все это означает.

В ответ на его возмущение Блад любезно улыбнулся.

— Разве это не очевидно? Я понимаю ваше удивление. Но я ведь предупреждал вас, что мои рабы не совсем обычные.

— Рабы? Эти? — алькальд задохнулся от негодования. — Но, Боже мой, кто вы такой, что осмеливаетесь на подобные гнусные, нечестивые шутки?

— Меня зовут Блад, сеньор. Капитан Блад. — И он с поклоном добавил: — К вашим услугам.

— Блад! — черные глазки алькальда едва не выскочили из орбит. — Вы капитан Блад? Тот самый проклятый пират, продавший душу дьяволу?

— Так характеризуют меня испанцы, но они убеждены. Лучше оставим это, сеньор. — Последующие слова капитана подтвердили худшие подозрения дона Херонимо. — Позвольте мне представить вам его преосвященство кардинала-архиепископа дона Игнасио де ла Фуэнте, примаса Новой Испании. Я уже говорил, что вам, возможно, придется встретиться с ним скорее, чем вы думаете.

— Боже милосердный! — прохрипел алькальд.

Величавый, словно придворный церемониймейстер, Блад шагнул вперед и низко поклонился кардиналу.

— Ваше преосвященство, соблаговолите принять жалкого грешника, который тем не менее является в этих краях в какой-то мере важной персоной, — алькальда гаванского порта.

В тот же миг дона Херонимо с силой толкнула вперед могучая рука Волверстона, который рывкнул ему в ухо:

— На колени, сеньор, и просите благословения у его преосвященства!

Глубоко посаженные, спокойные, непроницаемые глаза прелата устремились на обьятого ужасом офицера, упавшего перед ним на колени.

— О, ваше преосвященство! — задыхаясь и чуть не плача, произнес алькальд.

— *Rax tibi, filius meus**, — промолвил глубокий красивый голос, в то время как рука, увенчанная кардинальским перстнем, торжественно протянулась для поцелуя.

Бормоча что-то невразумительное, алькальд схватил руку и поднес ее к губам с такой быстротой, как будто собирался ее откусить.

Сочувствующая улыбка озарила привлекательное лицо прелата.

— Эти несчастья, сын мой, посланы нам во искупление грехов наших. Очевидно, нас намереваются продать — и меня, и бедных братьев святого Доминика, разделивших со мной бедствия плена у этих еретиков. Мы должны молиться о ниспослании нам твердости духа, памятуя о великих апостолах, святых Петре и Павле, которые были заключены в тюрьму во время исполнения их священной миссии.

Дон Херонимо поднялся на ноги, двигаясь еле-еле не столько от природной тучности, сколько от переполнявших его чувств.

* Мир тебе, сын мой (лат.).

— Но как могло такое ужасное происшествие случиться с вами? — простонал он.

— Пусть вас не огорчает, сын мой, что я оказался пленником этого бедного ослепленного еретика.

— В ваших словах есть три ошибки, ваше преосвященство, — заметил Блад. — Но это неизбежно при столь поспешных суждениях. Я не бедный, не ослепленный и не еретик. Я сын нашей матери церкви. Если я был вынужден совершить насилие над вашим высокопреосвященством, то только для того, чтобы сделать вас заложником устранения чудовищной несправедливости, совершенной именем его католического величества и святейшей инквизиции. Однако ваша мудрость и благочестие позволяют вам самому свершить правосудие.

Маленький краснощекий монах, стоящий с непокрытой головой, наклонился вперед и прорывал сквозь зубы, словно терьер:

— *Pegro hereje maldito!**

Рука в красной перчатке тотчас же властно взлетела вверх.

— Успокойтесь, фрай Доминго, — укоризненно промолвил кардинал и вновь обратился к Бладу. — Я говорил, сеньор, о духовной, а не о телесной бедности и слепоте. Ибо в этом смысле вы и нищи и слепы. — Вздохнув, он добавил более сурово: — А если вы в самом деле сын истинной церкви, то ваше поведение еще безобразнее, чем я думал.

— Отложите ваш приговор, ваше преосвященство, до тех пор, пока вы не узнаете всех мотивов моего поведения, — сказал Блад и, подойдя к открытой двери, громко позвал: — Капитан Уокер! — В каюту вошел человек, буквально трясущийся от бешенства. Небрежно кивнув кардиналу, он, подбоченясь, повернулся к алькальду.

— Здорово, дон Мальдито Ладрон**! Небось не ожидал так скоро увидеть меня снова, паршивый негодяй? Ты, очевидно, не знал, что английский моряк живуч, как кошка. Я вернулся за своими кожами, ворюга, и за кораблем, который потопили твои мошенники.

Если в этот момент что-нибудь могло усилить смятение алькальда, так это неожиданное появление капитана Уокера. Пожелтевший, дрожащий с головы до ног, он

* Проклятый еретический пес! (*исп.*)

** *Maldito ladron!* — проклятый вор! (*исп.*)

задышался и гримасничал, тщетно пытаясь найти слова для ответа. Но капитан Блад решил дать ему немного времени для того, чтобы собраться с мыслями.

— Теперь, дон Хсронимо, вы, возможно, понимаете, что к чему, — сказал он. — Мы явились сюда, чтобы вернуть украденное, а его преосвященство послужит заложником. Я не стану настаивать на выдаче крокодиловых кож, которые вы задолжали этому бедному моряку. Но вам придется выплатить их стоимость золотом, причем по той цене, которую за них дают в Англии, то есть двадцать тысяч. Кроме того, вы дадите капитану корабль, по крайней мере не меньшего тоннажа, чем тот, который потопили ваши люди по приказу генерал-губернатора. На этом корабле должно быть не менее двадцати пушек, а также вода, провизия и все необходимое для длительного путешествия. Когда все будет оценено, мы обсудим вопрос о высадке его преосвященства на берег.

Алькальд с такой силой закусил губу, что по его подбородку потекла струйка крови. Трясаясь от бессильной злобы, он все же не был настолько ослеплен, чтобы не понимать: все орудия мощных фортов Гаваны и адмиральской эскадры, в пределах досягаемости которых столь дерзко бросил якорь пиратский корабль, беспомощны до тех пор, пока на борту находится священная особа примаса Новой Испании. Попытка взять корабль приступом также чревата смертельной опасностью для кардинала, находящегося в руках этих отчаянных головорезов. Его преосвященство должен быть освобожден, чего бы это ни стоило, и притом как можно скорее. Хорошо еще, что требования пиратов оказались сравнительно скромными.

Пытаясь вернуть утраченное достоинство, алькальд выпрямился, выпятил живот и заговорил с Бладом таким тоном, как будто он обращался к своему лакею.

— Я не уполномочен вести с вами переговоры. О ваших требованиях я информирую его превосходительство генерал-губернатора. — И с видом крайнего смирения он обернулся к кардиналу. — Позвольте мне удалиться, ваше преосвященство, и примите мои уверения в том, что вы не задержитесь здесь ни на одну лишнюю минуту. — Он низко поклонился, намереваясь выйти из каюты, но кардинал задержал его. Очевидно, он не пропустил ни одной реплики в разыгравшейся перед ним сцене.

— Подождите, сеньор. Мне еще не все ясно. — И он недоуменно нахмурил брови. — Этот человек говорил о

краже, о возмещении убытков. Были ли у него основания употреблять такие слова?

— Я умоляю ваше преосвященство, быть судьей в этом деле, — заговорил Блад. — В таком случае вы, может быть, отпустите мне грех, который я совершил, наложив руки на вашу священную особу. — И он в нескольких лаконичных фразах изложил историю ограбления капитана Уокера, содеянного под предлогом охраны закона.

Когда он закончил, кардинал с презрением взглянул на него и обернулся к кипевшему от злости алькальду. В его мягком голосе слышались гневные нотки.

— Конечно, это ложь от начала и до конца. Я никогда не поверю, что кастильский дворянин, облеченный властью его католическим величеством, может быть повинен в такой мерзости. Вы слышали, сеньор алькальд, как этот жалкий пират подвергает опасности свою бессмертную душу, занимаясь лжесвидетельством?

Ответ внезапно вспотевшего алькальда последовал не так быстро, как, по-видимому, ожидал его преосвященство.

— Почему вы колеблетесь? — удивленно спросил он, наклонившись вперед.

— Dios mío!* — запинаясь, заговорил отчаявшийся дон Херонимо. — Эта история страшно преувеличена.

— Преувеличена? — приятный голос кардинала стал резким. — Значит, она не совсем ложна?

Единственные полученным ответом были раболепно опущенные плечи и робкий взгляд алькальда, устремленный в суровые глаза прелата.

Кардинал-архиепископ откинулся в кресле; его лицо стало непроницаемым, а голос — угрожающе спокойным.

— Вы можете идти. Попросите генерал-губернатора Гаваны явиться сюда лично. Мне хотелось бы побольше узнать об этом.

— Он... он может потребовать гарантию безопасности, — заикаясь, пробормотал несчастный алькальд.

— Я даю ему эту гарантию, — сказал капитан Блад.

— Вы слышали? Итак, я ожидаю его здесь как можно скорее. — И величественным взмахом руки в алой перчатке с надетым поверх сапфировым перстнем кардинал отпустил дона Херонимо.

Не осмеливаясь пускаться в дальнейшие пререкания, алькальд дважды поклонился и вышел, пятясь задом, как будто находился в присутствии короля.

* Боже мой! (исп.).

История, поведенная доном Херонимо генерал-губернатору, о чудовищном и кощунственном насилии, совершенном капитаном Бладом над кардиналом-архиепископом Новой Испании, повергла дону Руиса в изумление, гнев и растерянность, а приглашение явиться на корабль побудило его превосходительство к почти сверхчеловеческой активности. На подготовку к визиту он потратил четыре часа, но у менее ловкого испанца она заняла бы несколько дней. Чувствуя себя отнюдь не в своей тарелке, дон Руис Перера де Вальдоре-и-Пеньяскон, носивший также титул графа Маркоса, справедливо считал, что не следует пренебрегать никакими возможностями, могущими снискать расположение его преосвященства. Естественно, ему сразу же пришло в голову, что наиболее эффектной из этих возможностей было представить себя в роли освободителя кардинала из рук проклятого пирата, захватившего его в плен.

Беспримерное усердие, проявленное доном Руисом, позволило ему в короткий срок выполнить условия, на которых, насколько он понял, капитан Блад соглашался освободить пленника. Подобная старательность, несомненно, должна была наполнить примаса благодарностью к своему избавителю, не оставляющей места для мелких придирок.

Таким образом, всего через четыре часа после отплытия алькальда с «Арабеллы» генерал-губернатор отчалил от берега на своей барке, бок о бок с которой шла двухмачтовая, отлично оснащенная бригантина, остановившаяся на расстоянии кабельтова от левого борта корсарского корабля. Вдобавок к этому вслед за доном Руисом и алькальдом на борт «Арабеллы» вскарабкались два альгвасила⁴⁷, каждый из которых ташил на плечах солидного веса деревянный сундук.

Капитан Блад принял меры предосторожности против возможного предательства. Сквозь открытые оружейные порты левого борта угрожающе торчали двадцать пушечных стволов. Когда его превосходительство ступил на шкафут, его проницательные глаза тотчас заметили выстроившихся у фальшборта людей с мушкетами наперевес и зажженными фитилями.

Дон Руис, высокий, узколицый, горбоносый кабальеро*,

* Дворянин; рыцарь (исп.)

нарядился соответственно случаю в роскошный черный, расшитый золотом камзол. На его груди сверкал крест ордена Сантьяго, а на боку болталась шпага с золоченым эфесом. В одной руке он держал длинную трость, а в другой — носовой платок с золотой каймой.

Когда капитан Блад поклонился ему, тонкие губы генерал-губернатора под ниточкой черных усов скривились в презрительной усмешке. На его желтом лице появилось выражение злорадства, которое он старался скрыть под маской высокомерия.

— Ваши наглые требования выполнены, сеньор пират, — без предисловий заговорил дон Руис. — Вот корабль, а в этих сундуках двадцать тысяч золотом. Вам остается только получить свою долю и положить конец этой безобразной истории.

Не ответив ему, Блад повернулся и знаком подозвал низенького, коренастого моряка, который, стоя поодаль, с ненавистью глядел на дону Руиса.

— Слышите, капитан Уокер? — И он указал на сундуки, которые алыгвасилы поставили на комингс. — Здесь, как утверждает его превосходительство, ваше золото. Удостоверьтесь в этом, отправьте вашу команду на бригантину, поднимите паруса и отплывайте, а я задержусь здесь, чтобы обеспечить вашу безопасность.

Такая щедрость на момент лишила маленького работорговца дара речи. Затем он разразился бессвязным потоком слов и фраз, в котором изумление смешивалось с благодарностью и который Блад поспешил остановить.

— Вы теряете время, друг мой. Неужели я не знаю, какой я великий и благородный и какая была для вас удача, что я приказал лечь в дрейф? Отправляйтесь поскорее и помяните добрым словом Питера Блада в Англии, когда вы туда доберетесь.

— Но это золото, — запротестовал Уокер. — Вы должны взять хотя бы половину.

— О, какие пустяки! Не беспокойтесь, я найду способ вознаградить себя за беспокойство. Забирайте своих матросов и отправляйтесь с Богом, мой друг.

С трудом освободив руку из крепкого пожатия, в которое работорговец вложил все переполнявшие его чувства, Блад перенес внимание на дону Руиса, с презрительной миной стоявшего в стороне с алькальдом.

— Если вы последуете за мной, я провожу вас к его преосвященству.

И он начал спускаться вниз в сопровождении Питта и Волверстона.

В кают-компании при виде величественной фигуры, облаченной в пурпур и окруженной монахами, дон Руис, издав нечленораздельный вопль, бросился вперед и упал на колени.

— *Benedictus sis**, — пробормотал примас, протягивая ему руку для поцелуя.

— Ваше преосвященство! Как осмелились эти дьяволы во плоти подвергнуть вашу священную особу такому оскорблению?

— Это неважно, сын мой, — слышался приятный мелодичный голос. — Я и мои братья во Христе с благодарностью принимаем страдания, ибо они являются жертвой, приносимой нами к престолу Господню. Гораздо сильнее беспокоит меня причина нашего пленения, о которой я узнал только здесь, сегодня утром. Мне сообщили, что под предлогом выполнения королевского приказа английскому моряку отказались выдать товар, за который он уже уплатил деньги, что эти деньги были конфискованы, а капитан был изгнан из порта под угрозой выдачи его святейшей инквизиции и что даже когда он удалился, ограбленный дочиста, то ваша береговая охрана погналась за его кораблем и потопила его. Однако, несмотря на то, что алькальд не отверг этих сведений, я не мог поверить, чтобы испанский дворянин, представляющий в этих краях его католическое величество, способен совершить подобный поступок.

Дон Руис поднялся на ноги, и его узкое лицо стало еще желтее обычного. Но он постарался сохранить обычное спокойствие, надеясь таким образом отмахнуться от предъявленного обвинения.

— Все это уже в прошлом, ваше преосвященство. Если ошибка и была совершена, то теперь она исправлена, и притом с большой щедростью, что может засвидетельствовать этот корсарский капитан. Я явился сюда, чтобы сопровождать ваше преосвященство на берег, где вас ожидает восторженный прием, который вам окажут жители Гаваны.

Но его замскивающая улыбка не возымела действия. Высокомерное лицо примаса оставалось печальным и хмурым.

* *Благословляю тебя (лат.).*

— Ага! Значит, вы допустили ошибку? Но вы никак не объяснили ее.

Обладая вспыльчивым и властным характером, чему способствовала долгая привычка командовать, генерал-губернатор едва не забыл о том, что он находится в присутствии человека, являющегося фактически папой Нового Света, человека, чье могущество уступало разве только королевскому, перед которым, при определенных обстоятельствах, должен был склоняться и сам король. Хотя он вовремя вспомнил, все же в его ответе послышались резкие нотки.

— Объяснения могут показаться вашему преосвященству скучными и даже непонятными, так как они связаны с моими обязанностями представителя закона. Хотя мне известна высокая просвещенность вашего преосвященства, все же, мне думается, она едва ли охватывает все тонкости юриспруденции.

Горькая улыбка озарила красивое лицо кардинала.

— Боюсь, что вы весьма посредственно информированы, дон Руис. Вы, может быть, не слышали, что мне приходилось занимать почетную должность великого инквизитора Кастилии и что я — доктор не только канонического, но и гражданского права. Следовательно, вы можете не опасаться, что ваше изложение событий покажется мне непонятным. Что же касается угрозы соскучиться, то многие мои обязанности были весьма скучными, сын мой, но это не являлось предлогом, чтобы от них уклоняться.

Видя холодную и непреклонную настойчивость прелата⁴⁸, генерал-губернатор понял, что ему придется подчиниться. Подавив беспокойство, он тут же нашел козла отпущения, который никогда не станет ему перечить.

— Говоря вкратце, ваше преосвященство, подобные сделки дозволялись алькальдом без моего ведома. — Громкий вздох стоявшего за ним дона Херонимо не остановил его превосходительство. — Когда я узнал о них, то был вынужден прекратить их, так как я должен поддерживать закон, запрещающий всем иностранцам торговлю во владениях его католического величества.

— С этим нельзя не согласиться. Но насколько я понял, этот английский моряк уже заплатил за товар.

— Заплатил, продав своих рабов, ваше преосвященство.

— Неважно, что он продал. Были ли его рабы ему возвращены, когда вы запретили сделку?

— Закон, который он нарушил, продавая рабов, предусматривал их конфискацию.

— Да, в обычных обстоятельствах. Но мне сообщили, что продать рабов его уговорил ваш алькальд.

— Точно так же, — вмешался Блад, — как он уговаривал меня сегодня утром продать моих рабов. — И взмахом руки он указал на кардинала-архиепископа и его свиту. — Вашего алькальда явно не научил горький опыт. Возможно, потому что вы сами этого не очень жаждали.

Дон Руис демонстративно повернулся спиной к Бладу, игнорируя его слова.

— Ваше преосвященство не может считать меня ответственным за проступок моего подчиненного. — И, позволив себе улыбнуться, он прибегнул к софизму, который уже использовал в разговоре с капитаном Уокером.

— Если человек совершает убийство, его нельзя оправдать тем, что он сделал это по чьему-то распоряжению.

— Весьма тонкое замечание. Я должен обдумать это, дон Руис. Мы еще вернемся к этому разговору.

Закусив губу, дон Руис низко поклонился.

— Я всегда к услугам вашего преосвященства, — сказал он. — А пока что моя барка готова доставить вас на берег.

Кардинал поднялся и набросил на плечи мантию. Застывшие, точно статуи, доминиканцы в капюшонах сразу же засуетились. Его преосвященство повернулся к ним.

— Пойдемте, дети мои, и не забудьте вознести благодарственную молитву за наше избавление.

И он шагнул вперед, но был сразу же остановлен капитаном Бладом.

— Одну минутку, ваше преосвященство. Еще не все.

Кардинал вскинул голову и нахмурил брови:

— Как? Что значит не все?

Ответ Блада был адресован скорее помрачневшему генерал-губернатору, нежели прелату.

— Поскольку мы покончили с возмещением убытков, теперь можно перейти к вопросу о компенсации.

— О компенсации? — воскликнул примас, утратив свое непоколебимое спокойствие. — Вы нарушаете слово, сеньор.

— Этого про меня еще никто не мог сказать. Я не только не нарушаю своего обещания, а, напротив, скрупулезно придерживаюсь его. Ведь я же сказал алькальду, что как только убытки будут возмещены, мы обсудим

вопрос о высадке вашего преосвященства на берег. Теперь мы можем обсудить его, вот и все.

Дон Руис злобно ухмыкнулся, обнажив в улыбке белые зубы.

— Ловко. Вы делаете честь своему ремеслу разбойника.

— Я не мог, не будучи непочтительным к его преосвященству, назначить за него выкуп меньший, чем в сто тысяч дукатов.

У дона Руиса захватило дух. Его физиономия приобрела синеватый оттенок, а челюсть внезапно отвисла.

— Сто тысяч дукатов?!

— Это сегодня. Завтра я не буду таким скромным.

Взбешенный генерал-губернатор повернулся к кардиналу.

— Ваше преосвященство слышали, что теперь требует этот грабитель?

Но на кардинала вновь снизошло его небесное спокойствие.

— Терпение, сын мой. Терпение! Лучше остерегаться этого сына греха, который явно не торопится освободить меня из плена ради трудов праведных, ожидающих меня в Гаване.

Дону Руису стоило немалых усилий подавить охватившие его ярость и жажду мести. Дрожа от сдерживаемого гнева, он все же взял себя в руки и в сравнительно вежливых выражениях пообещал, что деньги будут доставлены в кратчайший срок, если это необходимо для скорейшего освобождения его высокопреосвященства.

5

Но, возвращаясь на берег в барке вместе с алькальдом, генерал-губернатор дал ему понять, что его подгоняет не столько стремление как можно скорее освободить кардинала-архиепископа, сколько желание уничтожить этого дерзкого пирата, который одержал над ним верх в том, в чем он считал себя непобедимым.

— Когда этот болван получит деньги, нападение достигнет его врасплох.

Но алькальд мрачно покачал головой.

— За это придется слишком дорого заплатить. Сто тысяч, Боже мой!

— Тут уж ничего не поделаешь. — Своим поведением дон Руис давал понять, что он не считает эту цену

слишком дорогой за уничтожение человека, подвергнутого такому унижению его — генерал-губернатора Гаваны, почти полновластного повелителя Кубы, выглядевшего теперь школьником, ожидающим розог. — К тому же это не так разорительно. Адмирал эскадры маркиз Риконете с удовольствием заплатит пятьдесят тысяч за голову капитана Блада, а остальные деньги я возьму из королевской казны.

— А что, если и те и другие деньги затонут вместе с этим негодяем?

— Это зависит от того, где мы его потопим. Там, где он бросил якорь, глубина не больше четырех саженей. Главное — поскорее увезти архиепископа с корабля, чтобы покончить с неприкосновенностью этого проклятого пса.

— А вы уверены, что вы с ней покончите? Хитрый дьявол наверняка потребует гарантии безопасности.

Тонкие губы дона Руиса изогнулись в злобной усмешке.

— Он получит все гарантии, какие захочет. Но обещания, данные под угрозой, еще никогда никого не связывали.

— Его преосвященство вряд ли с вами согласится.

— Его преосвященство?

— А по-вашему, этот проклятый пират не потребует от него такого же обещания? Вы же видели, что из себя представляет этот кардинал — твердолобый фанатик, раб буквы закона. Когда священники становятся судьями, из этого не выходит ничего хорошего. Они просто не пригодны для этого занятия, так как совершенно лишены широты кругозора. Так что, если прелат дал клятву, то он ее непременно выполнит, невзирая на то, каким способом ее из него вытянули.

На момент страх закрался в душу генерал-губернатора. Но его изобретательный ум сразу же нашел выход, и он снова заулыбался.

— Благодарю вас за предупреждение, дон Херонимо. Но пока что обещанием не связаны ни я, ни мои подчиненные, которым я сейчас отдам распоряжения.

Вернувшись к себе во дворец, дон Руис прежде чем заняться вопросом выкупа за кардинала вызвал одного из своих офицеров.

— Кардинал-архиепископ Новой Испании высадится сегодня вечером в Гаване, — объявил он. — Чтобы оказать ему соответствующие почести и оповестить город об этом счастливом событии, я приказываю дать салют из пушки на молу. Вы захватите канонира и отправитесь туда

вместе с ним. Как только его преосвященство ступит на берег, скомандуете огонь.

Отпустив этого офицера, губернатор тотчас вызвал другого.

— Немедленно садитесь на лошадь, скачите в Моро, Пунталь и Эль-Фуэрте и прикажите от моего имени комендантам каждого форта навести орудия на красный корабль, стоящий на якоре под английским флагом. После этого пускай они дожидаются сигнала, которым послужит выстрел пушки на молу, когда кардинал-архиепископ Новой Испании сойдет на берег. Как только они услышат выстрел, но не раньше, они должны открыть огонь по пиратскому судну и потопить его. И смотрите, чтобы не было никаких промахов.

Выслушав заверения офицера в том, что он все понял, дон Руис отправил его выполнять приказания, а сам занялся извлечением из королевской казны золота, которое должно было освободить кардинала из заключения.

Он проделал эту операцию так быстро, что к первой полувахте⁴⁹ уже снова причалил к борту «Арабеллы» и выгрузил со своей барки четыре тяжелых сундука.

На корме дон Руис и сопровождающий его алькальд увидели поджидавшего их кардинала-архиепископа в мантии и красной шапочке. Стоявший перед ним с непокрытой головой фрай Доминго держал его крест, остальные доминиканцы в капюшонах выстроились сзади. Было ясно, что его преосвященство уже готов к высадке на берег. Присутствие кардинала на палубе со всей свитой окончательно убедило дона Руиса, что уплата выкупа положит конец святотатственному заключению его преосвященства и что больше не возникнет никаких препятствий к его отъезду с этого отвратительного корабля, после чего «Арабелла» перестанет быть неприкосновенной, и пушки гаванских фортов быстро расправятся с ней.

Торжествуя при этой мысли, дон Руис, обращаясь к Бладу, не смог удержаться от тона, приличествующего разговору королевского представителя с пиратом.

— Вот твое золото, проклятый грабитель, — плата за святотатство, за которое тебе придется вечно гореть в аду. Бери его и убирайся отсюда.

Но капитана Блада, казалось, ничуть не тронула эта речь. Склонившись над сундуками, он отпер их и, окинув оценивающим взглядом сверкающее содержимое, подозвал своего штурмана:

— Возьми золото, Джерри, и уложи его. — И добавил

довольно оскорбительное замечание: — Надеюсь, что счет правильный.

Вслед за этим капитан повернулся к стоящей на корме фигуре, облаченной в пурпур.

— Монсеньор кардинал, выкуп получен, и барка генерал-губернатора ожидает, чтобы доставить вас на берег, но вы должны дать мне слово, что мне будет позволено удалиться без каких-либо препятствий и дальнейшего преследования.

Губы генерал-губернатора под маленькими черными усиками снова изогнулись в усмешке. Его ответ был рассчитан на то, чтобы отвести подозрение и в то же время дать выход душившему его гневу.

— Можешь беспрепятственно убираться, куда тебе угодно, мошенник. Но если мы когда-нибудь снова встретимся на море...

— В таком случае, — закончил за него фразу капитан Блад, — очень возможно, что я доставлю себе удовольствие повесить вас на рее как клятвопреступника и вора.

Приблизившись к ним, кардинал укоризненно покачал головой:

— Ваша угроза звучит неподобающе, капитан Блад, так как, я надеюсь, эти слова несправедливы.

Дон Руис задохнулся от бешенства, вызванного больше замечанием кардинала, нежели оскорбительными выражениями Блада.

— Так вы, ваше преосвященство, надеетесь! — воскликнул он.

— Подождите! — Величественным жестом архиепископ остановил свою свиту, которая застыла на месте, являя собой воплощение непоколебимого могущества церкви.

— Я сказал, надеюсь, что обвинение несправедливо, и некоторое сомнение, звучащее в моей фразе, оскорбило вас. Но я рассчитываю, что дон Руис вскоре извинится перед вами за это сомнение. Однако во время своего первого визита на корабль вы кое-чем озадачили меня, и я хотел бы попросить вас дать мне объяснение.

— На берегу, ваше преосвященство, вы найдете меня готовым ответить на все ваши вопросы. — И дон Руис шагнул к трапу, у которого его ожидал кардинал.

Капитан Блад со шляпой в руке занял позицию с другой стороны, как требовал этикет при проводах важного гостя.

Но примас не двинулся с места.

— Дон Руис, перед тем, как высадиться на остров, которым вы управляете, мне бы хотелось получить ответ только на

один вопрос. — Его тон был таким суровым и властным, что дон Руис, перед которым трепетало все население Гаваны, застыл на месте в испуганном ожидании.

Кардинал обернулся к дону Херонимо и задал ему пресловутый вопрос:

— Сеньор алькальд, хорошенько подумайте перед тем, как ответить мне, потому что ваша служба, а может быть, и кое-что побольше зависит от точности вашего ответа. Что вы сделали с товаром — собственностью этого английского моряка, который генерал-губернатор приказал вам конфисковать?

Смущенный взгляд дона Херонимо устремлялся то туда, то сюда, но только не на кардинала. Все же он не осмелился солгать.

— Он снова был продан, ваше превосходительство.

— А полученное за него золото? Что с ним стало?

— Я отправил золото его превосходительству генерал-губернатору. Сумма составляла двадцать тысяч дукатов.

В наступившей затем паузе дон Руис выдержал испытывающий взгляд суровых и печальных глаз с высоко поднятой головой и презрительной, вызывающей усмешкой на губах.

Но следующий вопрос примаса стер с его физиономии остатки высокомерия.

— Следовательно, генерал-губернатор Гаваны является также королевским казначеем?

— Нет, ваше преосвященство, — был вынужден ответить дон Руис.

— Тогда, сеньор, вы отправили в казну золото, полученное за товар, который вы конфисковали от имени его величества короля?

Губернатор не ршился солгать, так как его слова можно было легко проверить. Тем не менее в его тоне чувствовалось недовольство этим допросом.

— Еще нет, ваше преосвященство...

— Еще нет? — прервал его кардинал, и в его мягком голосе послышались угрожающие нотки. — Еще нет, тогда как с тех пор прошел целый месяц. Мне все ясно, сеньор. К несчастью, сомнения в вашей честности, вызванные той софистикой, с которой вы сегодня утром так ловко толковали закон, полностью подтвердились.

— Ваше преосвященство! — в бешенстве завопил дон Руис, смертельно побледнев и шагнув вперед. Подобные слова в любом случае пробудили бы его гнев. А быть публично оскорбленным этим священником и выставленным на посме-

пище проклятым пиратом не смог бы вынести ни один кастильский дворянин. Губернатор пытался подыскать слова, способные подобающим образом выразить его состояние, когда примас, словно угадав его мысли, разразился речью, сразу обратившей гнев дон Руиса в страх.

— Молчи, несчастный! Неужели ты осмелишься высказать на нас голос. Твои поступки, безусловно, сильно обогатили тебя, но куда сильнее обесчестили. И более того, стремясь запугать ограбленного тобой английского моряка, ты угрожал ему преследованием святейшей инквизиции и сожжением на костре. Даже новые христиане больше, чем кто-либо другой, знают, что человек, апеллирующий к инквизиции подобным образом, сам рискует попасть в ее руки.

Страшная угроза бывшего великого инквизитора Кастилии и прозвучавший в его словах намек на старохристианское презрение к его новохристианской крови окончательно доконали генерал-губернатора. Он уже представлял себя обесчещенным, разоренным, лишенным всех званий и посланным в Испанию на суд инквизиции.

— Монсеньор, — захныкал он, с мольбой протянув руки к кардиналу. — Я же не предвидел...

— В это я охотно верю. *Oculos habent non vident**. Никто не может предвидеть опасность. — К кардиналу уже вернулось его обычное спокойствие. Несколько секунд он хранил молчание, потом вздохнул, шагнул вперед, взял за руку окончательно уничтоженного графа Маркоса и повел его на полубак, чтобы их не могли услышать.

— Верьте мне, — ласково заговорил он, — мое сердце болит за вас, сын мой. *Ergare humanum est***. Мы все грешны. Поэтому я стараюсь быть милосердным, так как сам нуждаюсь в милосердии. Я попытался помочь вам, чем могу. Если я высажусь на Кубу, где вы — генерал-губернатор, то мне придется выполнить свой долг инквизитора, а из этого для вас не выйдет ничего хорошего. Чтобы избежать этого, я не высажусь на берег до тех пор, пока вы здесь управляете. Но это самое большое, что я могу для вас сделать. Возможно, поступая так, я сам становлюсь софистом. Но я думаю не только о вас, но и о чести Кастилии, которая пострадает от вашего позора. В то же время вы понимаете, я не могу допустить,

* Есть у них глаза, но не видят (*лат.*). — Библия, Псалтирь, Псалом 134.

** Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

чтобы кто-нибудь так пренебрегал доверием короля и чтобы это пренебрежение сошло полностью безнаказанным.

Архиепископ сделал паузу, покуда дон Руис стоял, опустив голову от стыда и ожидая роковой фразы, которая неминуемо должна была последовать.

— Вы сегодня же сложите с себя обязанности губернатора под любым предлогом, который вы сочтете подходящим, и вернетесь в Испанию с первым же кораблем. Тогда, если вы снова не возвратитесь в Новый Свет и не поступите на государственную службу в Испании, я сохраню в тайне ваш поступок. Большого я сделать не в силах, и да простит меня Бог, если я сделал слишком много.

Несмотря на всю суровость этих слов, дон Руис выслушал их почти с облегчением, так как он не ожидал столь дешево отделаться.

— Пусть будет так, ваше преосвященство, — пробормотал он, подняв голову и встретив сочувственный взгляд кардинала. — Но если ваше пресвященство не высадится на берег...

— Не беспокойтесь обо мне. Я уже говорил с капитаном Бладом о такой возможности, и теперь, когда я принял решение, он доставит меня в Санто-Доминго. Когда моя миссия там будет выполнена, я вернусь сюда, а к тому времени вы уже покинете Гавану.

Таким образом, дон Руис был даже лишен возможности отомстить этому проклятому морскому разбойнику, навсегда погубившему его карьеру. И все же он предпринял последнюю отчаянную попытку отвлечь хотя бы это несчастье.

— Неужели вы доверитесь этим пиратам, которые уже?..

— В этом мире, сын мой, — прервал его кардинал, — увы, можно доверять только небесам. А этот корсар, несмотря на все его пороки, сын истинной церкви, и он доказал, что на его слово можно полагаться. Конечно, в этом есть риск, но постарайтесь доказать своим будущим поведением, что я иду на него не без оснований. Теперь отправляйтесь с Богом, дон Руис. Больше мне незачем вас задерживать.

Генерал-губернатор опустился на колени, чтобы поцеловать руку кардинала и попросить его благословения. Примас Новой Испании протянул правую руку над его склоненной головой и осенил его крестом.

— *Benedictus sis. Pax Domini sit tecum**. Может быть, свет небесный укажет вам лучшую дорогу в будущем. Идите, и да хранит вас Бог.

Однако, несмотря на смиренную позу генерал-губер-

* Благословляю тебя. Да пребудет с тобой мир Господень (лат.).

натора, было весьма сомнительно, что он уезжал полный раскаяния. Спотыкаясь, как слепой, отрывисто кивнув алькальду и приглашая следовать за собой, не обменявшись ни с кем ни единым словом или взглядом, он спустился в ожидавшую его барку.

Покуда дон Руис и алькальд, взбешенные донельзя, изошрялись в сквернословии, проклиная этого идиота архиепископа, сующего нос в чужие дела, «Арабелла» подняла якорь. Проплыв под всеми парусами мимо мощных фортов, она вышла из гаванской бухты, не опасаясь нападения благодаря расхаживающей по корме величавой фигуре, облаченной в пурпур.

Когда две недели спустя огромный галеон «Санта-Вероника» вошел в бухту Гаваны, украшенный флагами и салютуя из всех орудий, там уже не было генерал-губернатора, чтобы встретить прибывшего примаса Новой Испании. Этого низенького толстого и вспылчивого прелата окончательно вывело из себя то, что к его визиту не было сделано соответствующих приготовлений, а поднявшийся на борт корабля ошеломленный алькальд едва не обвинил его в самозванстве.

В эти же дни на борту «Арабеллы» Ибервиль, освобожденный от своего алого одеяния, которое, подобно монашеским сутанам, было поспешно приобретено в Сен-Круа, хвастливо повторял, какого великолепного священника потерял мир, когда он вздумал стать корсаром. Капитан Блад утверждал, что мир в этот момент потерял и не менее великого комедианта. И в этом вопросе боцман Снелл, которого природа так удачно наградила тонзурой для исполнения роли фрая Доминго, будучи еретиком, полностью соглашался с капитаном Бладом.

БЕЖАВШАЯ ИДАЛЬГА*

Весть была принесена на Тортугу метисом, служившим матросом на французском бриге во время экспедиции, в которой несчастный Джеймс Шерартон распростился с жизнью. Эта скверная история лишь косвенно связана с нашим рассказом, поэтому мы сообщим

* Дворянка (исп.).

о ней только вкратце. Шерартон и группа английских ловцов жемчуга занимались своим делом на одном из рифов Эспада около лагуны Маракайбо. Они уже собрали обильный урожай, когда на них напал испанский фрегат, команда которого, не довольствуясь захватом их шлюпа и жемчуга, безжалостно предала их мечу. Эти двенадцать честных славных людей не нарушили никаких законов, кроме одного, выдуманного испанцами, согласно которому ни одна другая нация не имеет права пользоваться водами Нового Света.

Капитан Блад сидел в кайонской таверне «У французского короля», когда метис со всеми жуткими подробностями рассказывал историю этого злодеяния.

— Испанцы заплатят за это, — сказал Блад и добавил, так как его чувство справедливости носило поэтический характер, — и заплатят жемчугом.

Кроме этой фразы, Блад ничем не намекнул на намерение, внезапно созревшее в его мозгу. Однако осенившее его вдохновение имело свои причины.

Упоминание о ловцах жемчуга оказалось достаточным, чтобы напомнить ему о Риоаче, наиболее продуктивном месте добычи жемчуга во всем Карибском море, сокровища которого изрядно обогатили казну короля Филиппа.

Конечно, мысль об этом рейде не в первый раз приходила ему в голову, но трудности и опасности, с которыми было сопряжено подобное предприятие, до сих пор вынуждали капитана Блада откладывать его и заниматься более легкими задачами. Однако никогда еще эти опасности и трудности не были так серьезны, как теперь, когда эта задача казалась ниспосланной ему праведным гневом Немсиды⁵⁰. Блад не закрывал на это глаза. Он знал, как бдителен испанский адмирал маркиз Риконете, курсирующий со своей мощной эскадрой вдоль берегов Мейна. Капитан Блад так ловко провел его во время приключения в Санто-Доминго, что адмирал не осмеливался показаться в Испании до тех пор, пока не смоет свой позор. О его жажде мести можно было судить по объявлению, в котором маркиз извещал, что заплатит огромную сумму в пятьдесят тысяч за капитана Блада, живого или мертвого, или за сведения, которые помогут захватить его.

Таким образом, для успеха рейда на Риоачу его необходимо было провести молниеносно и бесшумно. Корсары должны были исчезнуть со своей добычей прежде, чем адмирал заподозрит об их присутствии на берегу.

Полностью отдавая себе отчет, капитан Блад решил лично произвести разведку местности и ознакомиться с каждой деталью перед тем, как приступить к рейду.

Сменив свой красивый плюмаж на шляпе на более старый и полинявший, сбросив серебряные галуны и брабантские кружева, капитан облачился в простой коричневый костюм и шерстяные чулки. Сняв парик, он заменил его платком из черного шелка, плотно облежавший его стриженую голову.

В этом обличье Блад покинул Тортугу и свою флотилию, состоящую в то время из четырех кораблей и около тысячи корсаров, отплыл в сторону Кюрасао на торговом судне и там пересел на голландский корабль «Левен», делающий постоянные рейсы между этим островом и Картахеной. Сказавшись торговцем крокодиловыми кожами, он представился, как Тормильо, наполовину голландец, наполовину испанец.

В понедельник Блад высадился в Рио-де-ла-Ача. «Левен» должен был вернуться из Картахены в следующую пятницу, и, даже если никакие другие дела не приведут его в Риоачу, он все равно зайдет туда, чтобы подобрать сеньора Тормильо, который вернется на этом судне на Кюрасао. Бладу удалось установить, главным образом обильно поглощая пунш, самые дружеские отношения с голландским шкипером, что обеспечивало добросовестное выполнение этих условий.

Высадившись на берег с голландской шляпки, Блад снял комнату в гостинице «Эскудо де Леон», находящейся в верхней части города, и сообщил, что прибыл в Риоачу для закупки крокодиловых кож. Вскоре торговцы начали стекаться к нему толпой. Блад завоевал их уважение количеством кож, которые он намеревался приобрести, и тайное презрение весьма щедрой ценой, которую он соглашался за них уплатить. Под предлогом торговых операций Блад свободно расхаживал по всему городу и в интересах между сделками не забывал наблюдать и собирать нужную информацию.

Блад использовал свое время весьма эффективно, и в четверг вечером цель его поездки была уже полностью достигнута. Он ознакомился с дислокацией и вооружением форта, охранявшего город и гавань, с состоянием боевой готовности, с размещением и охраной королевской казны, где держали собранный жемчуг; ему даже удалось понаблюдать за самим процессом ловли, во время которой лодки находились под защитой десятипушечного корабля

береговой охраны. Блад выяснил, что маркиз Риконете, чьи быстроходные разведывательные суда постоянно сновали мимо, устроил себе штаб-квартиру в Картахене, в ста пятидесяти милях к юго-западу. Все эти сведения помогли Бладу окончательно выработать план, согласно которому испанские разведывательные суда должны быть удалены, что делало город доступным для внезапного нападения и быстрого отплытия корсаров, прежде чем адмиральская эскадра сможет им помешать. В четверг вечером, весьма довольный собой, Блад вернулся в «Эскудо де Леон», чтобы провести там последнюю ночь. На следующее утро за ним должен был прийти голландец и забрать его оттуда. Но внезапное событие изменило и его планы, и судьбы людей, о существовании которых он в тот момент даже не подозревал.

Хозяин гостиницы встретил его сообщением, что испанский дворянин дон Франсиско де Вильямарга только что спрашивал о нем и должен вернуться через час. При упоминании этого имени Блад внезапно задержал дыхание.

— Дон Франсиско де Вильямарга? — медленно переспросил он, давая себе время подумать. Неужели в Новом Свете два испанца могли носить это звучное имя? — Кажется, дон Франсиско де Вильямарга был вице-губернатором Маракайбо?

— Он самый, сеньор, — подтвердил хозяин. — Дон Франсиско был там губернатором или, по меньшей мере, алькальдом до прошлого года.

— И он спрашивал меня?

— Вас, сеньор Тормильо. Он говорил, что вернулся из поездки в глубь страны с грузом крокодиловых кож, которые хочет продать вам.

— О! — Это был почти что вздох облегчения. Но капитан все еще был настороже. — Продать? Разве дон Франсиско де Вильямарга — торговец?

Низенький толстый хозяин гостиницы развел руками.

— Ну и что, сеньор? Ведь это Новый Свет. Здесь такие вещи могут случиться и с идалго, если ему не повезло. А бедного дона Франсиско постигла беда, хотя он в этом был совсем не виноват. Провинция, которой он управлял, подверглась нападению капитана Блада, этого проклятого пирата, и дон Франсиско впал в немилость. Губернатор, который не сумел защитить доверенную ему область, не может рассчитывать на снисхождение.

— Понятно. — Капитан Блад снял свою широкополую шляпу и вытер со лба пот.

Бладу следовало благодарить судьбу за свое отсутствие во время визита дона Франсиско. Но опасность отнюдь не миновала. Вряд ли в Новой Испании был человек, с кем капитану Бладу хотелось бы встретиться меньше, чем с бывшим вице-губернатором Маракайбо, гордым испанским дворянином, который ныне был вынужден по причинам, указанным хозяином гостиницы, марать руки торговлей. Предстоящая встреча должна была весьма обрадовать дона Франсиско, чего никак нельзя было сказать о капитане Бладе. Даже во время своего могущества дон Франсиско не пощадил бы его — сейчас же перспектива получить пятьдесят тысяч только подхлестнула бы мстительного этого чиновника, переживавшего тяжелые дни.

Содрогаясь при мысли о прошедшей так близко страшной опасности и благодаря небо за своевременное предупреждение, капитан Блад понимал, что ему остается только один выход. Теперь уже невозможно дожидаться голландца до утра — он должен вырваться из Риоачи сейчас же, на любом судне или хотя бы один в шлюпке. Но не следует обнаруживать свой испуг или поспешность.

Блад нахмурил брови.

— Какая жалость, что я отсутствовал, когда приходил дон Франсиско! Нельзя допустить, чтобы он разыскивал меня снова. Я сам пойду к нему, если вы скажете мне, где он живет.

— О, разумеется. Вы найдете его дом на Калье-Сан-Блас, первый поворот направо. Там кто-нибудь покажет вам, где живет дон Франсиско.

Капитан не стал ждать ни минуты.

— Я сейчас же отправлюсь туда, — заявил он и зашагал прочь.

Но, очевидно, Блад забыл или неправильно понял указание хозяина, так как вместо того, чтобы свернуть направо, он свернул налево и быстро пошел вниз по улице, ведущей к гавани и почти пустынной во время ужина.

Он проходил мимо аллеи в пятидесяти ярдах от мола, когда из ее глубины раздался шум борьбы, лязг стали, женский крик и мужская брань.

Учитывая создавшуюся ситуацию, Блад решил, что так как этот скандал его не касается, то ему следует

думать только о скорейшем побеге из Риоачи. Однако неожиданное восклицание остановило его.

— Perro ingles!*

Блад понял, что в этой темной аллее находится его соотечественник, которого, по всей вероятности, убивают. На чужбине для любого человека, не утратившего окончательно способность чувствовать, соотечественник является братом. Он бросился в темноту, нащупывая на груди пистолет.

Однако пока он бежал, ему пришло в голову, что здесь и без него достаточно шума и увеличивать его никак не в его интересах. Поэтому Блад спрятал пистолет в карман и выхватил рапиру. Тусклый свет позволил ему разглядеть группу, к которой он приближался.

Трое мужчин напали на четвертого, стоявшего спиной к двери и отчаянно защищавшегося, прикрывшись левой рукой наподобие щита. То, что он мог выдержать натиск явно превосходивших сил, служило доказательством его необычайной крепости.

На некотором расстоянии от дерущегося квартета виднелась тонкая фигура женщины в мантии и капюшоне из черного шелка, беспомощно опирающейся на стену.

Вмешательство Блада было быстрым, бесшумным и действенным. Он возвестил о своем появлении, проткнув шпагой спину ближайшего из трех нападающих.

— Это уравнивает силы, — объяснил он и, вовремя вытащив клинок, перенес свое внимание на сеньора, который повернулся к нему, изрыгая богохульства и демонстрируя блестящее владение бранным лексиконом, — а в этом искусстве соперничать с кастильцами могли только каталонцы.

Пригнувшись, Блад ловко парировал удар и в следующий момент пронзил своей шпагой правую руку сквернослова.

Вышедший из строя испанец отскочил назад, схватившись за окровавленную руку, и, продолжая изрыгать проклятия, в то время как третий испанец, оценив изменившееся соотношение сил, превратившееся из трех против одного в одного против двух, причем в единственном числе остался он сам, предпочел ретироваться. В следующую секунду он вместе со своим раненым товарищем бежал с поля боя, оставив третьего там, где он свалился.

Спасенный Бладом человек едва не упал в обморок.

* Английская собака! (исп.)

— Проклятые убийцы! — задыхаясь воскликнул он. — Еще минута — и мне бы пришел конец.

Женщина быстро подбежала к нему.

— *Vamos**, Хорхито! *Vamos*! — закричала она и внезапно перешла с испанского на довольно беглый английский язык. — Скорее, любовь моя! Бежим к лодке!

Упоминание о лодке дало Бладу понять, что его поступок, возможно, не останется без награды. Очевидно, помогая незнакомцу, он помог и себе, так как лодка была именно тем, в чем он нуждался в настоящий момент больше всего.

Ощупав руками неизвестного англичанина, Блад почувствовал мокрое на его левом плече. Перекинув руку раненого через свою шею, он обхватил его за талию и приказал девушке следовать за ним.

Как бы сильно ни испугало ее ранение возлюбленного, она немедленно повиновалась, что послужило доказательством ее смелости и практического склада ума. Из открытых окон и дверных проемов высовывались испуганные лица, вглядывающиеся во тьму и пытавшиеся выяснить причину шума. Эти свидетели, несмотря на их робость и молчаливость, все же лишний раз подчеркивали необходимость спешить.

— Пойдемте, — сказала женщина. — Сюда, за мной.

Поддерживая беспомощного раненого, Блад зашагал в указанном направлении и вскоре, выйдя из аллеи, добрался до мола. Не обращая внимания на изумленные взгляды случайных прохожих, женщина направилась к ожидавшему их баркасу⁵¹.

Навстречу им поднялись двое обнаженных по пояс индейцев или метисов. Один из них соскочил на берег, пытаясь разглядеть человека, опиравшегося на плечо Блада.

— *Que tal el pardon?*** — хриплым голосом спросил он.

— Его ранили. Помогите ему сесть в лодку. О, пожалуйста, поскорее!

Стоя на набережной, женщина бросала через плечо тревожные взгляды, пока Блад с индейцами усаживали раненого в баркас. Затем Блад, стоя в лодке, протянул женщине руку.

— Прошу вас, мадам, — повелительным тоном потре-

* Пойдем! (исп.).

** Что с хозяином? (исп.).

бывал он, и, чтобы не тратить время на пререкания, добавил: — Я еду с вами.

— Но это невозможно! Мы отплываем сразу же, и лодка не вернется. Мы не можем задерживаться, сеньор.

— Я тоже не могу. Поэтому все в порядке. Прошу вас в лодку, мадам! — И без лишних слов он почти втащил ее в баркас, приказав индейцам отчаливать.

2

Если женщина и не разобралась в сути дела, то она никак этого ничем не выказывала.

Очевидно, в данный момент она была озабочена только состоянием своего англичанина и необходимостью как можно скорее убраться прочь, прежде чем нападавшие вернутся, чтобы прикончить его. Ей не хотелось терять драгоценное время, споря с неожиданным спасителем, а может быть, она и вовсе не думала о нем.

Когда баркас отплыл от мола, женщина склонилась над своим возлюбленным, потерявшим сознание. Опустившись рядом с ним на колени, Блад вернулся к своим обязанностям хирурга — его ловкие пальцы ощупывали рану на плече.

— Успокойтесь, — сказал он девушке. — Рана не опасная. Просто он ослабел от потери крови. Скоро с ним будет все в порядке.

— *Gracias a Dios!** — прошептала она и, бросив взгляд в сторону мола, поторопила гребцов.

Разрезая темные волны, лодка двигалась по направлению к видневшемуся в полумиле корабельному огню. Внезапно англичанин зашевелился и огляделся вокруг.

— Какого черта... — начал он, пытаясь подняться.

Но рука Блада остановила его.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Нет никаких причин для тревоги. Мы взяли вас на борт.

— Взяли меня на борт? А вы кто такой, черт возьми?

— Хорхито! — воскликнула девушка. — Это сеньор, который спас тебе жизнь.

— А, ты здесь, Исабелита? — Следующий его вопрос показал, что он наконец разобрался в ситуации.

— Они гонятся за нами?

Когда девушка успокоила его и указала на корабельный

* Слава Богу! (исп.).

огонь, к которому они приближались, англичанин тихо рассмеялся и внезапно обрушился на индейцев.

— Быстрее, вы, ленивые собаки!

Гребцы работали изо всех сил. Незнакомец снова рассмеялся тихим презрительным смехом.

— Так, так. Мы выбрались из западни, сравнительно дешево отделавшись. А впрочем, может быть, и не так уж дешево. Я просто истекаю кровью.

— Это ничего, — заверил его Блад. — Конечно, вы порядком потеряли крови, но на корабле мы остановим кровотечение.

— Вы говорите, как будто вы хирург.

— Я и есть хирург.

— Ну да? Вот это удача, а, Исабелита? Сначала фехтовальщик спасает мне жизнь, а потом он превращается в доктора и лечит меня! Очевидно, сегодня меня охраняет само Провидение!

Девушка улыбнулась и снова склонилась над ним.

Скоро по обрывкам их разговора Блад смог разобраться в их взаимоотношениях. Англичанин по имени Джордж Ферфакс и юная идальга из знатного семейства Сотомайор представляли собой бежавшую пару. Напавшими на них были брат девушки и его двое друзей, пытавшиеся воспрепятствовать побегу. Ее брат выбрался из стычки целым и невредимым, и, опасаясь его преследования, девушка все время оглядывалась на мол. Но к тому времени, когда там наконец замелькали огоньки, баркас уже ударился о борт двухмачтового брига, с палубы которого их окликнул грубый голос по-английски.

У трапа их встретил крупный мужчина с лицом, казавшимся багровым при свете фонаря на грот-мачте, и засыпал их тревожными вопросами.

Ферфакс, опираясь о надстройку, наконец смог встать и отдать распоряжения.

— Отплывай сразу же, Тим, не трать время на то, чтобы поднимать лодку на борт, а возьми ее на буксир. И не поднимай якорь, а просто перережь якорный канат. Поднимай паруса, и поплыли. Слава Богу, ветер попутный. Если мы будем медлить, то скоро у нас на борту очутятся алькальд и все альгвасилы Риоачи. Поэтому поторапливайся.

Тим громогласно выкрикнул приказ, и матросы принялись за дело. В это время девушка взяла за руку своего возлюбленного.

— Ты забыл об этом сеньоре, Джордж. Ведь он не знает, куда мы едем.

Ферфакс, опиравшийся на плечо Блада, повернулся к нему и нахмурился.

— Видите ли, я не могу задерживаться, — сказал он.

— Рад это слышать, — последовал быстрый ответ. — А куда вы плывете, меня мало интересует, лишь бы это место находилось подальше от Риоачи.

Худое округлое лицо англичанина просветлело.

— Значит, вы тоже удираете? — усмехнулся он. — Будь проклята моя кровь! Вы на редкость сговорчивы. Ну, тогда все в порядке. Поживее, Тим! Неужели твои увальни не могут двигаться быстрее?

Капитан засвистел в дудку, и множество босых ног быстро затопали по палубе. Тим подгонял их криками и руганью, потом, подойдя к борту, отдал приказание индейцам, все еще сидевшим в лодке.

— Спуститесь вниз, сэр, — обратился он к своему хозяину. — Я приду к вам, как только мы ляжем на нужный курс.

Блад помог Ферфаксу спуститься в каюту — довольно просторное, примитивно меблированное помещение, освещенное фонарем, который покачивался над столом. Девушка последовала за ними.

Из каюты слева вышел молодой негр-стюард. При виде пятен крови на рубашке хозяина он вскрикнул и застыл как вкопанный, его зубы и белки глаз сверкали на черной как смоль физиономии.

Взявший на себя инициативу Блад обратился к нему за помощью, и они вдвоем внесли Ферфакса, снова терявшего сознание, в каюту, сняли с него башмаки и уложили на койку.

Затем Блад отослал негра, отзывавшегося на имя Алькатрас, в камбуз за горячей водой и к капитану за судовой аптечкой.

На узкой койке Ферфакс, такой же высокий и мускулистый, как сам Блад, устроился в полусидячей позе, облокотившись на подушки. Рыжеватые волосы обрамляли его бледное костлявое лицо, глаза были полузакрыты, голова слегка склонилась вперед.

Усевшись поудобнее рядом с ним, Блад разрезал влажную от крови рубашку, обнажив мощный торс пациента. Когда вернулся стюард с ведром воды, бинтами и ящиком из кедрового дерева, содержащим скудную корабельную аптечку, за ним вошла девушка, умоляя

Блада позволить ей помогать. Через оставшиеся открытыми иллюминаторы, сквозь которые виднелся багровый тропический закат, она услышала скрип блоков и шум надувающихся парусов и с облегчением почувствовала, что бриг наконец тронулся в путь. Опасность быть схваченными миновала.

С присущей ему учтивостью Блад принял ее помощь. Наблюдая за ней при тусклом свете, он убедился в справедливости своего первого впечатления. Это была еще почти совсем девочка, очевидно, только что вышедшая из-под надзора монахинь. Ярко-черные глаза блеснули на ее привлекательном и энергичном, но бледном лице. Ее элегантное черное платье, расшитое золотом и отделанное у воротничка и запястий испанскими кружевами, и крупные жемчужины, вплетенные в ее пышные локоны, а также независимая и уверенная манера держаться выдавали принадлежность к высшему обществу.

Девушка моментально схватывала распоряжения Блада и искусно выполняла их, помогая врачевать человека, ради любви к которому эта юная идальга покинула знатное семейство Сотомайор. Тщательно и осторожно Блад промыл края все еще кровоточащей раны. К счастью, в аптечке, которую принес ему Алькатрас, он обнаружил арнику⁵². Применение ее дало весьма действенный эффект. Ферфакс вскинул голову.

— Черт возьми! — вскрикнул он. — Вы же сожжете меня.

— Терпение, сэр. Это целительный ожог.

Маленькая ручка девушки поддерживала голову больного, а ее губы прикоснулись к его влажному лбу.

— Мой бедный Хорхито, — прошептала она.

Проворчав что-то в ответ, Ферфакс закрыл глаза.

Блад разорвал бинты на полосы и приготовил гигиеническую подушечку для раны, используя один бинт, чтобы удерживать ее, и другой, чтобы сохранить левую руку пациента в неподвижном положении. После этого Алькатрас принес чистую рубашку, и они надели ее через голову англичанина, оставив пустым левый рукав. Таким образом, с медицинской помощью было покончено.

Блад поправил подушки.

— Теперь постарайтесь заснуть в этом положении и по возможности не двигайтесь. Если вы будете лежать спокойно, то через неделю встанете на ноги. Вообще-то вы спаслись чудом. Если бы клинок пронзил вас на два

дьюма ниже, то в эту минуту вас пришлось бы укладывать в другую постель. Вам крупно повезло.

— Повезло? Ничего себе, черт побери!

— Да, и вы еще должны быть благодарны.

Если упоминание о благодарности вызвало у Ферфакса только очередное ворчливое ругательство, то на девушку оно произвело совсем другое впечатление. Склонившись над узкой койкой, она схватила Блада за обе руки. На ее смуглом лице заиграл румянец, губы дрогнули.

— Вы были так добры, так смелы и благородны!

Прежде чем он смог догадаться о ее намерении, она поднесла его руки к губам и поцеловала их, а когда Блад, протестуя, отнял руки, девушка улыбнулась ему.

— Как же я могу не целовать эти руки? Разве не они спасли жизнь моему Хорхито? Разве не они исцелили его рану? Всю мою жизнь я буду благодарна им!

Однако капитан Блад в этом сомневался. Хорхито не вызывал у него особой симпатии. Его низкий покатым лоб и толстые чувственные губы не внушали доверия, хотя в целом его лицу была присуща своеобразная грубая красота. Особенно обращали на себя внимание четко очерченный нос, широкие скулы и мощная челюсть. На вид ему было лет тридцать пять.

Его светлые, глубоко посаженные глаза устремились в сторону под испытующим взглядом Блада, и он пробормотал запоздалые изъявления благодарности, необходимость которых была подсказана ему страстным порывом девушки.

— Я ваш неоплатный должник, сэр. Хотя в этом, будь проклята моя кровь, для меня нет ничего нового. Сколько я себя помню, я был у кого-нибудь в долгу. Но это долг особого рода. Если бы вы выпустили кишки тому типу, который смылся невредимым, то я бы в тысячу раз сильнее был вам благодарен. Мир бы прекрасно обошелся и без дона Серафино де Сотомайор, разрази его гром!

— *Senor Jesus! No digas eso, querido!** — воскликнула маленькая идальга. Чтобы смягчить свой протест, она погладила его по щеке. — Нет, нет, Хорхито! Если бы такое случилось, моя совесть никогда не была бы спокойна. Если бы пролилась кровь моего брата, это убило бы меня!

— А моя кровь! Он со своими разбойниками пролил

* Господи Иисусе! Не говори так, любимый! (*исп.*).

ее достаточное количество, чтобы быть довольным! Или этот проклятый головорез надеялся выцедить ее всю?

— Querido*, — успокаивала его девушка. — Ведь это делалось, чтобы защитить меня. Он считал, что это его долг. Я никогда не простила бы ему, если бы он убил тебя. Ты знаешь, Хорхито, что это разбило бы мое сердце. И все же я могу понять Серафино. Давай же поблагодарим Бога и этого отважного сеньора за то, что не случилось худшего.

В каюту вошел Тим, высокий, краснолицый шкипер, чтобы узнать, как себя чувствует мистер Ферфакс, и доложить, что «Цапля» взяла курс и быстро движется вперед, подгоняемая легким южным бризом, оставив Риоачу на расстоянии шести миль за кормой.

— Все хорошо, что хорошо кончается, сэр. Для джен-тльмена, который прибыл с вами на борт, мы уже подыскали помещение.

— В маленькой каюте я подвешу ему койку. Пойди, займись этим, Алькатрас, — приказал он негру. — Vamos!**

Ферфакс откинулся назад, полузакрыв глаза.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — повторил он, криво улыбнувшись, и Бладу почудилась в его голосе скрытая насмешка. Казалось, что, очутившись на койке и перевязав рану, он снова обрел силу тела и духа.

— Твои драгоценности в безопасности, дорогая? — спросил он, накрыв своей ладонью руку девушки.

— Драгоценности? — Затаив дыхание, она задумчиво нахмурилась. Внезапно на ее лице мелькнул страх, она вскочила на ноги и прижала руки к сердцу: — Драгоценности!

Ферфакс резко обернулся, глядя на ее внезапно побледневшее лицо и расширившиеся глаза.

— Что такое? — ворчливо осведомился он. — С ними все в порядке?

Губы девушки дрогнули.

— Valga me Dios!*** Наверно, я уронила шкатулку, когда Серафино догнал нас.

Последовала затяжная пауза, которую Блад расценил как затишье перед бурей.

— Ты уронила шкатулку! — произнес Ферфакс, и в его тоне слышалось зловещее спокойствие. Он остол-

* Любимый (исп.)

** Давай! (исп.).

*** Черт побери! (исп.)

бенело уставился на девушку, челюсть у него внезапно отвисла, в светлых глазах вспыхнуло пламя. — Ты уронила шкатулку? — переспросил он резким надтреснутым голосом. — Будь проклята моя кровь! Это невероятно! Ад и дьявол! Ты не могла уронить ее!

Его внезапное бешенство потрясло девушку, которая смотрела на него испуганным взглядом.

— Ты сердисься, Хорхито, — запинаясь, проговорила она. — Но ты не прав. Посуди сам, я была в ужасе, ведь тебе грозила страшная опасность. Что для меня в тот момент значили драгоценности? Разве я могла о них думать? Я и не обратила внимания, когда шкатулка упала, ведь тебя ранили, и ты мог умереть. Понимаешь, Хорхито? Конечно, их жаль, но ведь теперь мы вместе. Бог с ними!

Нежная рука девушки снова обвилась вокруг его шеи. Но Ферфакс в бешенстве оттолкнул ее.

— Бог с ними?!? — взревел он. — Провалиться мне на этом месте! Ты же выкинула тридцать тысяч дукатов собаке под хвост и утверждаешь, что это не имеет значения! Кровь и гром, девочка! Что же тогда имеет значение?

Блад решил, что пришло время вмешаться. Мягко, но решительно он вновь уложил раненого на подушки.

— Успокойтесь ли вы наконец или будете продолжать орать, как недорезанный теленок? Неужели вы еще недостаточно потеряли крови?

Но Ферфакс отчаянно отбивался.

— Черт поberi мою душу! Вы мелете вздор! Как я могу успокоиться, когда эта дурочка...

Но девушка прервала его. Она гордо выпрямилась, ее глаза, казалось, еще сильнее почернели. Утраченное спокойствие вернулось к ней.

— Почему это тебя так беспокоит, Джордж? Пожалуйста, не забывай, что это были мои драгоценности, и если я их потеряла, то это мое дело. Я считаю, что в этот вечер, когда я приобрела так много, это не следует считать большой потерей. А может быть, я ошибаюсь, Джордж? Может быть, эти драгоценности значат для тебя больше, чем я?

Столь откровенный вызов привел Ферфакса в чувство. Он быстро пошел на попятный, разразившись внезапным хохотом, показавшимся Бладу предельно неискренним.

— Черт возьми! Ты сердись на меня, Исабелита? Что поделаешь — таков уж мой характер. Вспыхиваю, как

порох. А потеря тридцати тысяч дукатов может вывести из себя. Ну ладно, пропади они пропадом! — И он протянул руку. — Поцелуй меня и прости, Исабелита. Скоро я куплю тебе все драгоценности, какие ты захочешь.

— Мне не нужно драгоценностей, Джордж. — Девушка еще не до конца смягчилась, так как малоприятные подозрения, пробудившиеся в ней, не утихли. Однако она подошла к нему и позволила взять себя за руку. — Никогда не сердись на меня больше, Хорхито. Если бы я так не любила тебя, то меня бы сильнее беспокоила эта шкатулка.

— Ну, разумеется, детка.

Тим смущенно заерзал на месте.

— Я, пожалуй, пойду на палубу, сэр. — Дойдя до двери, он повернулся к капитану Бладу. — Этот черномазый подвесит вам койку.

— Тогда проводите меня, пожалуйста. Ночью мне здесь делать нечего.

— Если ветер не переменится, то мы доберемся до Порт-Ройала в воскресенье вечером или в понедельник утром, — заметил все еще стоявший в дверях шкипер.

Блад застыл как вкопанный.

— До Порт-Ройала? — медленно переспросил он. — Я не хотел бы высаживаться там.

— А почему? — обернулся к нему Ферфакс. — Ведь это английское поселение. На Ямайке вам нечего бояться.

— И все-таки я не хотел бы там высаживаться. В какой порт вы зайдете затем?

Вопрос, казалось, позабавил Ферфакса, который снова насмешливо улыбнулся.

— Это будет зависеть от многих обстоятельств.

Ответ этот только усилил неприязнь, которую Блад испытывал к англичанину.

— Я был бы вам благодарен, если бы вы согласовали этот вопрос с моими намерениями, учитывая, что я нахожусь здесь ради вашей пользы.

— Ради моей? — Светлые брови Ферфакса полезли вверх. — Разрази меня гром, неужели я не понимаю, что вы тоже удираете? Ну, хорошо, посмотрим, что мы можем для вас сделать. Где бы вы хотели сойти на берег?

— Из Порт-Ройала, — ответил Блад, с трудом подавив раздражение, — для вас не составит большого труда пройти

через Наветренный пролив и высадить меня на северо-западном побережье Эспаньолы или даже на Тортуге.

— На Тортуге? — Быстрый взгляд светлых бегающих глаз заставил Блада пожалеть о сказанном. Было нетрудно догадаться, какие мысли в голове Ферфакса. — На Тортуге, а? Значит, у вас есть дружки среди пиратов? — Он рассмеялся. — Ну-ну, это ваше дело. Сначала «Цапля» зайдет в Порт-Ройал, а потом мы займемся вами.

— Я буду вам премного обязан, — поклонился Блад, почти не скрывая сарказма. — Желаю вам доброй ночи, сэр. И вам тоже, мадам.

3

Некоторое время после того, как дверь за ушедшим закрылась, Ферфакс лежал неподвижно, прищурив глаза. На его губах блуждала загадочная усмешка.

— Лучше бы ты поспал, Хорхито, — наконец заговорила донья Исабель. — О чем ты думаешь?

Его ответ, казалось, не имел смысла.

— Я думаю о том, насколько отсутствие парика изменяет внешность человека, который к тому же ирландец, хирург и хочет, чтобы его высадили на Тортуге.

Девушка решила, что у Ферфакса начался жар, и снова предложила ему поспать. Когда она сказала, что уйдет из каюты, Ферфакс не пожелал и слышать об этом. Проклиная сжигающую его жажду, он умолял ее дать ему попить. Жажда постоянно терзала его, не давая заснуть, поэтому донья Исабель осталась сидеть рядом с ним, время от времени поднося к его губам стакан с водой, смешанной с лимонным соком, а один раз, по его настойчивому требованию, с несколькими ложками бренди.

Ночь тянулась медленно; Ферфакс лежал, не говоря ни слова. Наконец, решив, что он заснул, девушка поднялась, чтобы выскользнуть из каюты, но Ферфакс внезапно заявил, что не в силах заснуть и попросил позвать Тима. Она повиновалась, боясь, что возражения выведут его из себя.

Когда Тим вернулся с девушкой, Ферфакс пожелал узнать, который теперь час и где они находятся. Тим ответил, что только что пробило восемь склянок и что они удалились от Риоачи на добрых сорок миль.

— А на каком расстоянии от нас находится Картахена? — последовал довольно странный вопрос.

— Милях в ста, может быть, немного больше.

— За сколько времени можно добраться туда?

Глаза шкипера расширились от удивления.

— Если ветер не переменится, то за сутки.

— Тогда идите туда, — приказал Ферфакс. — Меняйте курс немедленно.

Удивление, отражавшееся на красном лице Тима, перешло в беспокойство.

— У вас, должно быть, жар, капитан. Зачем нам возвращаться на Мейн?

— У меня нет никакого жара. Ты слышал мой приказ? Иди и бери курс на Картахену.

— На Картахену? — Шкипер и донья Исабель обменялись взглядами.

Понимая, что происходит у них в голове, Ферфакс злобно скривил рот.

— Чтоб тебе провалиться! Подожди, — проворчал он и погрузился в глубокое раздумье.

Не будь Ферфакс прикован к койке, он обошелся бы без партнеров в задуманном им коварном предприятии. Ферфакс бы сам все довел до конца, держа свой коварный план в секрете. Однако состояние, поставившее его в зависимость от шкипера, принудило его выложить свои карты на стол.

— Маркиз Риконете находится в Картахене, и он заплатит пятьдесят тысяч за капитана Блада, живого или мертвого. Пятьдесят тысяч! — Помолчав, он добавил. — Это целая куча денег, и пять тысяч из них перейдут к тебе, Тим.

Подозрение Тима в том, что его хозяин бредит, перешли теперь в уверенность.

— Ну, разумеется, — успокаивающе произнес он.

— Разрази тебя гром, Тим! — зарычал на него взбешенный Ферфакс. — Ты что, поддакиваешь мне, думая, что у меня бред? Ты бы лучше поразмыслил о причине этого бреда. Тогда бы ты, может быть, стал бы лучше видеть и соображать.

— Допустим, — согласился Тим. — Но где же мы найдем капитана Блада?

— В маленькой каюте, где ты поместил его.

— У вас голова не в порядке, сэр.

— Вот заладил! Какой же ты дурак! Говорю тебе, это капитан Блад! Я узнал его в тот момент, когда

он попросил высадить его на Тортуге. Не будь я в полусне, я бы и раньше его узнал. Он сказал, что не хочется высаживаться в Порт-Ройале. Еще бы, ведь губернатор Ямайки — полковник Бишоп! Теперь ты понял наконец?

С глупым видом, моргая глазами, Тим отпустил два-три крепких словечка.

— Так значит, вы узнали его?

— Можешь не сомневаться, что я не ошибся. Теперь иди и меняй курс. А потом запри этого парня. Если мы захватим его во сне, это избавит нас от беспокойства.

— Ну и ну, — покачал головой Тим и удалился в состоянии крайнего возбуждения, вызванного отнюдь не угрызениями совести.

Донья Исабель, чей страх возрастал по мере того, как она все больше вникала в происходящее, внезапно вскочила на ноги.

— Постойте, постойте! Что вы намерены делать?

— Это тебя не касается, малютка, — сказал Ферфакс и повелительным взмахом руки отпустил Тима.

— Нет, касается. Я все поняла. Ты не можешь так поступить, Джордж.

— Почему не могу? Ведь мошенник наверняка сейчас спит, как убитый. Так что особого труда это не составит. Да, его ждет веселенькое пробуждение. — И Ферфакс разразился хохотом, только усилившим ужас девушки.

— Только... *Dios mio!** Ты же не можешь предать человека, который спас тебе жизнь!

Ферфакс обернулся к девушке, устремив на нее насмешливый взгляд. Будучи закоренелым негодяем, он не сомневался, что имеет дело с обычной глупой сентиментальностью, которую ничего не стоит преодолеть. К тому же он был уверен в своем влиянии на Исабель, чью невинность он принимал за простодушие.

— Пойми, девочка, это мой долг. Вель этот Блад — вор, пират и убийца, от которого необходимо как можно скорее очистить море.

Но девушка еще сильнее разволновалась.

— Может быть, он в самом деле пират. Об этом я ничего не знаю. Но я знаю, что он спас тебе жизнь и именно поэтому находится здесь.

— А вот это неправда, — возразил Ферфакс. — Блад

* Боже мой! (исп.)

находится здесь потому, что он воспользовался преимуществом моего положения. Он прибыл на борт «Цапли», чтобы удрать с Мейна от преследовавшего его правосудия. Ну, ничего. Завтра он обнаружит, что просчитался.

Побледнев, как смерть, девушка в отчаянии ломала руки, затем, придя в себя, она устремила на Ферфакса пронизывающий взгляд, и на ее лице появилось выражение, не слишком ему понравившееся.

Вера в этого человека, которого она знала не так уж давно, иллюзии, которые она связывала с ним, заставившие ее бросить все, чтобы связать судьбу с избранником своего сердца, сильно поколебались при виде гнева, обуявшего Хорхито, когда он узнал о потере драгоценностей. Теперь же эти иллюзии готовы были рассыпаться в прах, так как те свойства, которые только что продемонстрировал ее возлюбленный, наполнили девушку ужасом и отвращением. Правда, она еще пыталась противиться нахлынувшему на нее чувству. Ведь если Джордж Ферфакс оправдает худшие ее подозрения, какая же участь могла ожидать ее, находящуюся целиком в его власти?

— Джордж, — спокойно заговорила донья Исабель, глубокое душевное волнение которой выдавала только высоко вздымавшаяся грудь. — Неважно, кто этот человек. Ты обязан ему жизнью. Не будь его, ты лежал бы сейчас мертвым на той аллее в Риоаче. А ты хочешь решиться на такой позорный поступок.

— Позорный? Черт возьми! — И Ферфакс снова разразился отталкивающим пренебрежительным хохотом.

— Ты просто ничего не понимаешь. Долг каждого честного джентльмена выдать властям этого грязного пирата.

В черных глазах девушки, в упор устремленных на него, появилось презрение.

— И ты еще говоришь о честности! По-твоему, честно продать человека, который спас тебе жизнь, за пятьдесят тысяч? Тогда честен и Иуда, предавший Спасителя за тридцать сребренников!

Сердито глядя на девушку, Ферфакс, подобно всем негодяям, тотчас же нашел аргумент, оправдывающий его поведение.

— Если тебе это не нравится, то можешь винить себя. Не потеряй ты своих драгоценностей, мне незачем было бы идти на это. Где еще я возьму деньги, чтобы заплатить Тиму и его команде, закупить провизию

на Ямайке и приготовить «Цаплю» к плаванию через океан?

— Так вот оно что! — В ее голосе послышалась нотка горечи. — Значит, всему виной потеря моих драгоценностей? *Que verguenza!** — Рыдания сотрясли ее. — *Dios mio, que verdad! Ay de mi!*** — И девушка, несмотря на свое отчаяние, все еще питавшая слабую надежду, схватила его за руку и взмолилась: — Хорхито!..

Но мистер Ферфакс, как вы, должно быть, поняли, не отличался терпеливостью. Желая прекратить мольбы своей возлюбленной, он отшвырнул ее с такой силой, что она ударилась о переборку⁵³. Его злобный нрав проявился во всей красе, чему немало способствовало то, что резкое движение вызвало новый приступ боли в раненом плече.

— Довольно скулить, девчонка! Черт бы тебя побрал, из-за тебя моя рана снова начнет кровоточить. Какого дьявола ты суешься в дела, в которых ничего не смыслишь? Неужели ты до встречи со мной не знала, что мужчины не любят, когда к ним без толку цепляются? — И он повелительно закончил свою тираду. — Иди спать!

Так как девушка стояла неподвижно, побледневшая, испуганная и не верящая своим ушам, то Ферфакс, раздраженный молчаливым упреком, светившимся в ее взгляде, бешено заорал:

— Ты слышала, что я сказал? Иди в постель, черт побери! Ступай немедленно!

Девушка сразу же вышла, не произнеся ни слова, что пробудило в Ферфаксе подозрение. Словно забыв о своей ране, он осторожно слез с койки и, шатаясь, добрался до двери, успев увидеть донью Исабель, проскользнувшую в каюту напротив, и услышать приглушенные рыдания, доносившиеся из-за закрытой двери.

Ферфакс презрительно скривил губы. Как бы то ни было, ей не пришлось в голову выдать капитану Бладу его намерения. А даже если бы это и случилось, то Тим с его шестью матросами легко бы справился с корсаром, вздумай он сопротивляться. Все же такая мысль могла появиться у девушки, и следовало предотвратить возможные последствия.

Ферфакс позвал Алькуатраса, который дремал, растя

* Какой позор! (исп.).

** Боже мой, так вот оно что! О, я несчастная! (исп.).

нувшись на кормовом рундуке. Разбуженный криком хозяина, стюард примчался на зов и получил от Ферфакса приказ не спать и следить за тем, чтобы донья Исабель не покидала своей каюты. В противном случае он должен был помешать ей силой.

После этого с помощью Алькатраса Ферфакс вновь улегся на койку. Крен на правый борт убедил его, что корабль лег на соответствующий курс, и Ферфакс, считая свое будущее обеспеченным, заснул глубоким сном смертельно уставшего человека.

4

Крен на правый борт, так успокоивший мистера Джорджа Ферфакса, в то же время весьма озадачил капитана Блада, который еще не спал.

Скинув камзол и башмаки, он улегся на койку, подвешенную для него в узкой душной каюте, тщетно призывая сон. Его тревожили мысли, и причем не только о себе. Никакие невзгоды и разочарования, которые пришлось пережить Бладу, не были в состоянии уничтожить чувствительность его натуры — история юной леди из рода Сотомайор причиняла ему немало огорчений.

В результате сегодняшних событий девушка оказалась во власти человека, который был не только негодяем, но и черствым эгоистом, к тому же не блиставшим умом. Капитан Блад задумался над горестями и страданиями, столь часто приходящимися на долю невинных девушек, которые попадают на удочку субъектов, пленяющих их своей показной страстью и фанфаронской доблестью. Донья Исабель казалась корсару голубем в когтях ястреба, и он бы многое дал, чтобы освободить ее, прежде чем ее разорвут на куски. Но в своем увлечении девушка едва ли обрадовалась бы избавлению, а даже если бы она прислушалась к голосу разума, то Блад все равно не смог бы предложить ей помощь, как бы сильно он этого ни хотел.

Вздыхнув, он попытался отогнать от себя эти печальные мысли, но они преследовали его до тех пор, пока внезапный крен судна на правый борт не направил его размышления по другому руслу. Неужели ветер мог так резко поменять направление? Во всяком случае, этому факту нельзя было дать никакого другого разумного объяснения. Тем не менее Блад решил выяснить причину.

Соскочив с койки, он ощупью нашел свой камзол и туфли, надел их и направился на шкафут.

Несколько матросов, сидя на корточках, что-то тихо напевали, на корме у штурвала стоял рулевой. Но Блад не обратился с вопросом ни к кому из них. Ясное звездное небо быстро сообщило ему нужную информацию. Полярная звезда находилась на траверзе правого борта. Таким образом, Блад понял, что судно сделало поворот оверштаг.

Всегда относившийся с недоверием к тому, что на первый взгляд не имело смысла, Блад вскарабкался на корму в поисках Тима. Завидя его силуэт на фоне света двух высоких кормовых фонарей, он быстро зашагал к нему.

Неожиданное появление капитана Блада привело шкипера в замешательство. Как раз в этот момент он задал себе вопрос, сколько времени требуется их пассажиру для того, чтобы заснуть и, таким образом, дать им возможность связать его на койке без лишних хлопот. Придя в себя, Тим весело приветствовал капитана.

— Прекрасная ночь, сэр.

Блад предпочел двигаться к цели окольным путем.

— Я вижу, ветер переменился, — заметил он.

— Ага, — быстро ответил шкипер. — Совершенно неожиданно подул с юга.

— Это помешает нам зайти в Порт-Ройал.

— Если ветер продержится. Но, может быть, он переменится снова.

— Возможно, — сказал Блад. — Будем надеяться на это.

Опершись на поручни, они молча смотрели на темную воду и белую полосу, оставшуюся за бортом корабля.

— У мореплавателей странная жизнь, Тим, — философски заметил Блад. — Она целиком зависит от ветра, который несет нас то в одном, то в другом направлении, иногда помогая нам, иногда мешая, а иногда и вовсе уничтожая. Я полагаю, вы любите жизнь, Тим?

— Что за вопрос! Конечно люблю.

— И, подобно всем нам, испытываете страх перед смертью?

— Разрази меня гром! Вы говорите, как священник.

— Возможно. Видите ли, мне представился удобный случай напомнить вам, что вы смертны, Тим. Все мы иногда забываем об этом и подвергаем себя совершенно ненужным и притом смертельным опасностям. Например, таким, какая угрожает вам в данный момент, Тим.

— Что-что? — Тим оторвал локти от поручней.

— Не двигайтесь, — любезно предложил Блад. Его рука скользнула под камзол, и оттуда какой-то твердый цилиндрический предмет прижался к ребрам шкипера.

— Я держу палец на спусковом крючке, Тим, и, если вы будете дергаться, я еще чего доброго нажму на него. Поэтому будьте любезны положить локти на поручни, покуда мы будем беседовать. Вам нечего бояться. Я не намерен вредить вам, разумеется, если вы будете благоразумны, на что я искренне надеюсь. Теперь скажите мне, почему мы повернули в сторону Мейна?

Тим едва не задохнулся от удивления и страха — главным образом от страха, так как теперь он точно знал, с кем имеет дело. На лбу его выступил холодный пот.

— Повернули в сторону Мейна? — запинаясь, пробормотал он.

— Вот именно. Почему вы сделали поворот оверштаг? И почему вы солгали мне насчет южного ветра? Вы думали, что я настолько неопытный моряк, что такой ясной ночью не смогу отличить север от юга? Должен заметить, что вы просто болван. Но если у вас не хватит ума бросить ваши выдумки, то больше вам уже никому не придется врать. Итак, я спрашиваю у вас снова — почему мы повернули назад к Мейну? Только не говорите мне, что вы решили выдать Ферфакса.

Последовала пауза, во время которой слышалось тяжелое дыхание Тима. Он боялся лгать, но еще больше боялся сказать правду.

— А кого же еще? — буркнул он.

— Тим, Тим! Вы снова лжете, несмотря на мое предупреждение. К тому же ваша ложь меня не обманывает. Если бы вы намеревались выдать Ферфакса, то вы бы направились в Риоачу, а если бы вы туда направились, то никогда бы не шли западным курсом, разве только вы круглый дурак, а я надеюсь, что это не совсем так. Я избавлю вас от необходимости продолжать ваше вранье, ибо, клянусь Богом, при следующей лжи я вас отправлю на тот свет. Вы знаете, кто я такой? Только говорите правду!

— Знаю, капитан. Но...

— Тогда помолчите и не совершайте самоубийства очередным обманом, тем более что в этом нет нужды. Все остальное мне отлично известно. Вы, разумеется,

идете в Картагену, где найдете рынок для вашего товара и покупателя в лице маркиза Риконете. Если эта идея пришла в голову вам, то я могу вам простить, ибо вы мне ничем не обязаны и нет причины, которая могла бы вам помешать заработать пятьдесят тысяч, продав меня испанцам. Ну, так это ваша выдумка?

Со всей искренностью, на которую он был способен, Тим призвал небеса в свидетели, что он только подчинился приказанию Ферфакса, придумавшего в одиночку этот гнусный план. Он продолжал бурно протестовать до тех пор, пока Блад не прекратил поток его красноречия, обильно сдобренный богохульствами.

— Да, да, я вам верю. Очевидно, Ферфакс узнал меня, когда я просил его высадить меня на Тортуге. Это было весьма неосторожно с моей стороны. Но, черт бы его побрал, ведь я спас его жалкую жизнь, и мне казалось, что самый отъявленный негодяй во всем Карибском море поколебался бы, прежде чем... Ну, ладно, это не имеет значения. Скажите мне только, какая доля этих испачканных кровью денег была обещана вам, Тим?

— Он пообещал мне пять тысяч, — виновато проговорил Тим.

— Тысяча чертей! И это все? Немного же вы получили бы от этой сделки. И сколько же времени вы собирались жить, наслаждаясь этими деньгами? Или, может быть, вы вовсе об этом не думали? Тогда подумайте теперь, Тим, и, возможно, у вас хватит ума понять, что как только источник вашего заработка станет известен, то мои корсары разыщут вас даже на дне морском. О таких вещах следует задуматься, когда становишься компаньоном отпетого мерзавца. Лучше бы вам сделать ставку на меня, приятель. Если вам необходимы пять тысяч, то вы можете заработать их, выполняя мои приказания, покуда я нахожусь на борту этого брига. В таком случае вы получите ваши деньги на Тортуге, когда вам будет угодно, и притом не подвергая свою жизнь опасности. Даю вам слово капитана Блада.

Тим не стал задумываться над ответом. Вместо угрозы неминуемой смерти ему предложили награду, не меньшую, чем та, которую обещал ему Ферфакс, и к тому же не сопряженную с опасностями, на которые указал ему Блад.

— Призываю Бога в свидетели... — снова начал он, но Блад поспешно прервал его.

— Не теряйте времени на клятвы, так как я все

равно в них не верю. Я верю только в золото, которое предлагают вам одной рукой, и в пистолет, который держу в другой. С этого момента я не спущу с вас глаз, Тим. Так что не обольщайтесь, когда я уберу пистолет от ваших ребер. Он всегда заряжен и всегда наготове. Надеюсь, у вас при себе нет пистолета? — И чтобы убедиться, Блад обыскал левой рукой шкипера. — Отлично. Мы не станем снова делать поворот оверштаг, как вы, возможно, подумали, потому что мы по-прежнему пойдем к Мейну, но не в Картахену, а в Риоачу. Поэтому вы сейчас вместе со мной подыметесь наверх и отдадите команде соответствующее распоряжение. Мы прошли уже достаточно далеко к западу и к утру уже сможем быть в Риоаче. Ну, пойдемте.

Шкипер покорно последовал за Бладом и просвистел сбор. Когда команда сбежалась, он приказал идти против ветра. Вскоре снасти заскрипели, палуба выровнялась и затем накренилась на левый борт, и бриг двинулся на юго-запад.

5

Всю ясную июньскую ночь капитан Блад и шкипер «Цапли» провели на корме брига, сидя, стоя или шагая взад-вперед. Иногда зычный голос Тима выкрикивал распоряжения, исходившие, разумеется, от капитана Блада.

Тим не давал повода для беспокойства. Очевидно, создавшаяся ситуация как нельзя лучше удовлетворяла этого плута, а предстоящее объяснение с Ферфаксом его не особенно беспокоило.

Почти все время оба хранили молчание. Но когда над морем забрезжил рассвет, Тим отважился задать мучивший его вопрос.

— Чтоб мне утонуть, если я понимаю, почему вы снова хотите вернуться в Риоачу! Мне казалось, что вы удираете оттуда. Иначе зачем вам было оставаться на борту, когда мы подняли якорь?

Блад грустно улыбнулся.

— Пожалуй, вам следует это знать. Тогда вы сможете дать исчерпывающие объяснения мистеру Ферфаксу, если кое-что останется для него непонятным. Может быть, вам это покажется маловероятным, но в моем характере осталось немало рыцарского — очевидно, от прошлых лучших дней. Фактически из-за этой черты я и стал

тем, кем являюсь сейчас. Пожалуйста, не думайте, что я возвращаюсь в Риоачу, чтобы выдать Ферфакса семейству Сотомайор. Судьба этого негодяя меня не интересует, а мстительность никогда не являлась свойством моей натуры.

Я беспокоюсь только за эту юную идалгу. Только из-за нее мы возвращаемся назад, потому что я теперь очень хорошо понял, что из себя представляет мерзавец, которому она в недобрый час доверила свою судьбу. Я хочу вернуть девушку ее семье, слава Богу, целой и невредимой. Едва ли я могу рассчитывать на ее немедленную благодарность. Но, когда она будет обладать большим жизненным опытом, то, возможно, помянет меня добрым словом, поняв, из какого ада я ее вытащил.

Однако эта тирада была выше понимания Тима, в чем он торжественно поклялся. Кроме того, ему показалось, что намерения Блада чреватые потерей обещанных ему пяти тысяч.

— Но если вы бежали из Риоачи, то пребывание там грозит вам опасностью.

— Никакая опасность не может помешать мне сделать то, что я задумал.

Это убедило Тима, что рыцарские качества, которыми похвалялся Блад, являются темным пятном на фоне его прочих свойств, немало пригодившихся бы любому мoshеннику.

Маячившая впереди полоска рассвета осветила очертания береговой линии. Но когда они добрались до входа в гавань Риоачи, уже пробило семь склянок⁵⁴, а солнце стояло высоко на траверзе левого борта.

Когда корабль подыскивал место для стоянки на якоре, уставший от всех волнений Тим услышал распоряжение Блада, следовавшего за ним, как тень:

— Прикажите отдать якорь.

Шкипер повиновался. Послышался скрип кабестана, и «Цапля» бросила якорь на расстоянии четверти мили от мола.

— Вызовите всех на шкафут.

Когда все шесть человек, составляющие экипаж брига, очутились на шкафуте, последовала очередная инструкция Блада.

— Прикажите им открыть люк.

Приказ тотчас же был выполнен.

— Теперь прикажите им спуститься в трюм. Скажите, что туда будут укладывать груз.

Это распоряжение удивило матросов, но они беспрекословно повиновались. Как только последний из них исчез в темноте, Блад вновь обратился к шкиперу.

— Теперь будьте любезны присоединиться к ним, Тим.

Это переполнило чашу терпения шкипера.

— Ну, знаете, капитан!

— Немедленно спускайтесь вниз, — повторил Блад.

Почувствовав во властном тоне и в холодном блеске синих глаз корсара смертельную угрозу, Тим прекратил сопротивление и покорно полез в трюм.

Следовавший за ним капитан Блад с трудом подтащил к люку тяжелую деревянную крышку и прикрыл ею отверстие, не обращая внимания на доносившиеся снизу негодующие вопли.

Эти звуки пробудили мистера Ферфакса от глубокого сна, а донью Исабель от тяжелого забытья.

Мистер Ферфакс, сразу же поняв, что они стали на якорь, и с удивлением подумав, что он, может быть, проспал целые сутки, слез с койки и, шатаясь, заковылял к иллюминатору. Однако иллюминатор был обращен в сторону открытого моря, поэтому ему удалось увидеть только зеленую, покрытую рябью воду и несколько лодок. Следовательно, они находились в гавани. Но в какой гавани? Было невозможно, чтобы они уже добрались до Картахены. Но, если это не Картахена, то куда же их черт принес?

Ферфакс все еще задавал себе этот вопрос, когда его внимание привлекли звуки, доносившиеся из каюты напротив. Он услышал протестующий голос Алькатраса.

— Капитан приказал не выпускать вас из каюты, мэ-эм'.

Донья Исабель, увидевшая из своего иллюминатора, выходящего на другой борт брига, мол Риоачи, не понимая, как они тут очутились, бросилась из каюты, объятая страхом, но у входа ее задержал решительный негр, воспрепятствовавший ее бегству и повергший ее в отчаяние.

— Пожалуйста, Алькатрас! Пожалуйста, — вырвав из волос вплетенные туда жемчужины, девушка протянула их стюарду.

— Я отдам тебе их, Алькатрас, если ты позволишь мне пройти.

Не задумываясь над тем, что она сделает, если

* Сударыня, госпожа (англ. разг.; сокращение от madam).

доберется до палубы, донья Исабель была готова отдать все, что у нее оставалось, чтобы вырваться из каюты.

Глаза негра заблестели от жадности. Но страх перед Ферфаксом, который мог проснуться и подслушать их разговор, оказался сильнее алчности. Он закрыл глаза и покачал головой.

— Приказ капитана, мэм, — повторил он.

Озираясь вокруг, подобно затравленному зверю, ищущему путь к спасению, девушка внезапно увидела пару пистолетов, лежавших на буфете у передней переборки каюты. Этого оказалось достаточным. Быстро подбежав к буфету, она схватила пистолеты и направила их в лицо Алькатраса, забыв о жемчужинах, покотившихся по полу.

— Прочь с дороги, Алькатрас!

Взвизгнув от страха, негр отскочил в сторону, и девушка беспрепятственно выбежала на палубу.

Там капитан Блад заканчивал свои приготовления. Он успокоился, увидев голландский корабль, который двигался против ветра, возвращаясь в Кюрасао, чтобы забрать Блада из Риоачи.

Но прежде чем сесть на борт голландского корабля, Блад должен был доставить бежавшую идалгу на берег, хотела она того или нет, не останавливаясь даже перед применением силы. Высвободив намотанный на тумбу буксирный канат, он подтянул баркас к трапу и направился на корму в поисках леди, для которой и предназначался баркас. Внезапно дверь из коридора с силой отворилась, и перед изумленным капитаном очутилась донья Исабель с двумя пистолетами.

Направив на него оружие, она обратилась к нему с той же фразой, что и к Алькатрасу:

— Прочь с дороги!

Капитану Бладу неоднократно приходилось стоять под дулом пистолета, и каждый раз он переносил это со стоическим спокойствием. Но позже он признавался, что при виде двух пистолетов в дрожащих женских руках его охватила паника. Мгновенно повиновавшись приказу, он быстро отскочил в сторону и прижался к переборке.

Блад был готов к тому, что девушка будет сопротивляться его намерениям, но он никак не ожидал, что это сопротивление выразится в такой угрожающей форме. Удивление на момент выбило его из колен. Придя в себя, он попытался противопоставить свое

непоколебимое спокойствие паническому страху юной леди с пистолетами.

— Где Тим? — неторопливо осведомилась она. — Мне нужен Тим. Я должна сейчас же сойти на берег!

Блад облегченно вздохнул.

— Слава Богу! Значит, вы образумились? Или, может быть, вы не знаете, где мы находимся?

— О, конечно, знаю! — Внезапно донья Исабель умолкла, уставившись расширенными от ужаса глазами на человека, которому ее возлюбленный уготовил такую страшную участь. — Но, вы... — запинаясь, продолжала она. — Вам грозит величайшая опасность, сеньор!

— Еще бы, мадам. Ведь вы размахиваете у меня перед носом заряженными пистолетами. Уберите их, ради Бога, а то еще произойдет несчастный случай. — Девушка повиновалась, и он взял ее за руку. — Отправимся на берег вместе. Своим желанием вы избавили меня от многих огорчений, так как я хотел высадить вас на берег независимо от ваших намерений.

Но донья Исабель попыталась вырвать руку.

— Вы говорите, что хотите высадить меня на берег? — удивленно переспросила она.

— А зачем же еще, по-вашему, я привез вас назад в Риоачу? Ибо вы вернулись сюда сегодня благодаря моим стараниям. Говорят, что утро вечера мудренее, но я никак не предполагал, что этим утром вам в голову придет такая великолепная мысль. — И он нетерпеливо потянул девушку за руку.

— Вы привезли меня назад? Вы? Капитан Блад?

В наступившей затем паузе Блад выпустил ее руку. Его глаза прищурились.

— Так вы знаете это? Очевидно, мерзавец сказал вам, кто я такой, когда решил предать меня?

— Поэтому я и хочу сойти на берег! — воскликнула девушка. — Поэтому я благодарю Бога за то, что вы вернулись в Риоачу.

— Понятно. — Но его глаза оставались серьезными. — А когда я высажу вас на берег, я могу положиться на то, что вы придержите язык до тех пор, покада я снова выйду в море?

В ее глазах мелькнул гнев.

— Вы оскорбляете меня, сеньор, — сказала она, надменно выпятив подбородок. — Неужели вы думаете, что я могу предать вас?

— Не думаю. Но всегда лучше быть уверенным.

— Я же говорила вам вчера вечером, как высоко я ценю вашу услугу.

— Говорили. И, видит Бог, сегодня утром у вас есть причина думать обо мне еще лучше. Ну, пошли.

Он проводил ее через палубу мимо люка, откуда все еще доносились негодующие вопли шкипера и матросов, и они спустились по трапу в баркас.

Им повезло, что они не замешкались, так как Блад еще не успел отчалить, как с борта корабля на них уставились две физиономии — одна черная, а другая мертвенно-бледная, искаженная бешеной злобой. Мистер Ферфакс с помощью Алькатраса добрался до палубы как раз в тот момент, когда Блад и девушка сели в баркас.

— Доброе утро, Хорхито! — приветствовал его Блад. — Донья Исабель отправляется на берег вместе со мной. Но ее брат и все Сотомайоры скоро очутятся у борта вашего брига, и очень может быть, они захватят с собой алькальда. Они исправят ошибку, которую я совершил вчера вечером, спасая вашу грязную жизнь.

— О, только не это! Я не хочу этого! — взмолилась донья Исабель.

Блад засмеялся, взявшись за весла.

— Вы думаете, что он будет этого дожидаться? Уверяю вас, он постарается как можно скорее выпустить экипаж из трюма и выйти в море. Черт его знает, куда он направится теперь, но, безусловно, не в Картахену. Я решил плыть сюда, так как понял, что это не человек, который достоин быть вашим мужем, сеньорита, и решил вернуть вас вашей семье.

— Это заставило и меня желать возвращения, — промолвила девушка, ее глаза стали печальными. — Всю ночь я молилась о чуде, и небо услышало мою молитву. Вы совершили это чудо. — Она посмотрела на Блада, и на ее живом маленьком личике отразилось удивление. — Я до сих пор не знаю, как вам это удалось.

Отложив на минуту весла, Блад выпрямился. Его худое мужественное лицо озарила веселая улыбка.

— Ведь я капитан Блад!

Но прежде чем они добрались до мола, настойчивость доньи Исабель вынудила Блада дать более подробные объяснения. Красивые мягкие глаза девушки наполнились слезами.

Блад провел лодку сквозь лес мелких суденышек к омываемой морем лестнице мола и, прыгнув на берег, протянул девушке руку, помогая ей выйти из баркаса.

— Вы извините меня, если я не стану здесь задерживаться, — сказал он, все еще удерживая ее руку в своей.

— Да, да. Идите, и да хранит вас Бог! — Не отпуская его руки, донья Исабель наклонилась ближе. — Вчера вечером я думала, что вы были посланы небом, чтобы спасти... этого человека. Сегодня я знаю: Бог послал вас, чтобы спасти меня, и я всегда буду помнить это.

Эта фраза доставила капитану Бладу немалое удовольствие и удержалась в его памяти, о чем мы можем судить по ответу на приветствие хозяина голландского брига. Ибо с похвальным благоразумием он отказал себе в удовольствии выслушать такие же благодарности от членов семейства Сотомайор, памятуя о присутствии в Риоаче дона Франсиско де Вильямарга, и поскорее отплыл, не давая себе отдыха, покуда баркас не ударился о выпуклый корпус корабля пунктуального голландца.

Классенс, хозяин брига, приветствовал его, стоя на полуяуте.

— Вы рано поднялись, сэр, — заметил румяный улыбающийся голландец.

— Как полагается посланнику неба, — последовал загадочный ответ, в котором менеер Классенс долгое время тщетно пытался отыскать скрытый смысл.

Они как раз поднимали якорь, когда «Цапля» прошла мимо них под всеми парусами, словно настоящая цапля, спасающаяся от ястреба. И единственным моментом во всем этом приключении, о котором сожалел капитан Блад, было то, что ей удалось ускользнуть.

ИГРОК

Роман

Глава первая

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

вои необыкновенные способности к анализу мистер Лоу сейчас мобилизовал для осмысления происшедших событий.

Великий король, некогда приказавший изгнать его из Франции, теперь был мертв. И это не было так уж удивительно. В конце концов, Его Величество был стар, а короли, даже самые величайшие, смертны. Но сейчас перед этим естественным фактом не только Франция, но и весь мир затаил дыхание. Король, чье нахмуренное чело, по словам госпожи де Севинье¹, заставляло вздрагивать даже землю, правил столь долго, столь жестоко и властно, что вокруг него создался своего рода ореол бессмертия.

Но не только тело его было мертво. Вместе с ним погибла и его слава. Преклонение моментально сменилось осуждением с долей пренебрежительности. Подданные уже не склонялись в страхе перед его всемогуществом. Они припоминали теперь все те лишения и жертвы, которые Его Величество заставил их принести, оставив страну разоренной и опустошенной.

Даже последние почести носили оттенок неприличного ликования. Последний путь к усыпальнице в Сен-Дени его тело проделало мимо разукрашенных беседок, в коих были

¹ Прим. в конце книги.

накрыты столы, чтобы отпраздновать это событие. Тело еще не успело остыть, а завещание, которое при жизни короля никто не осмелился бы оспорить, было уничтожено. Его последние указания по управлению Францией до совершеннолетия правнука, должного унаследовать трон, были разорваны на глазах членов парламента.

Его племянник, Филипп Орлеанский, стал единственным регентом, хотя по завещанию должен был разделить этот пост с одним из многочисленных незаконных отпрысков Его Величества — герцогом Менским.

Позднее Филипп Орлеанский, вспоминая об этих событиях, думал, не проявил ли он излишней поспешности. Впрочем, в то время он испытывал только удовлетворение победой.

Смерть Людовика XIV, естественно, оказала влияние не только на судьбу Филиппа Орлеанского. Но вряд ли кто-нибудь мог предположить, что наиболее скажется она на судьбе Джона Лоу, лэрда^{*} Лауристонского. В свое время пропуском, обеспечившим ему доступ к благосклонности короля Виктора-Амадея², служило рекомендательное письмо от Филиппа Орлеанского, который был мужем сестры Виктора-Амадея. Король был слегка заинтригован восторженным тоном этого письма, столь резко контрастировавшим с тем, что было уже известно о мистере Лоу. И, надо сказать, история лэрда Лауристонского была весьма необычной. В Англии, откуда он выехал около десяти лет назад, он был приговорен к смертной казни за убийство на дуэли. Он много ездил по Европе, и единственным источником его существования была игра. Признавалось, что в игре ему равных нет. Состояние, сколоченное таким путем, достигало, по слухам, четырех или пяти миллионов ливров³. Скорее всего, эти слухи были преувеличены, но в то же время нельзя было отрицать и его несомненного богатства.

Во Франции его мастерство игры в карты и кости, а также огромные суммы, которые он выигрывал, держа банк в доме знаменитой куртизанки Ладюкло, привели к тому, что генеральный королевский лейтенант месье д'Аржансон⁴ приказал ему покинуть страну. Впрочем, никто никогда не подозревал его в нечистой игре. Считалось, что играет он абсолютно честно, а причины везения кроются в оценке шансов. Он играл по системе собственного изобретения, считая ее непогрешимой, но только в своих собственных руках. Чтобы облегчить расчеты, он

* Лэрд — шотландский помещик (англ.).

даже заказал специальные фишки из чистого золота стоимостью в восемьдесят ливров каждая.

После выдворения из Франции, а возможно, и благодаря этому, он стал нежеланным гостем также и в Венеции, Флоренции и Генуе. И если бы не письмо герцога Орлеанского, то маловероятно и его пребывание во владениях короля Виктора-Амадея в качестве более или менее почетного гостя. Впрочем, обаяние мистера Лоу, несомненно, повлияло на хорошее отношение к нему короля точно так же, как ранее влияло на герцога Орлеанского.

Был он высокого роста, худощавый, с пружинистой походкой человека, хорошо знакомого с физическими упражнениями. Благородство его внешности не было, впрочем, обманчивым, поскольку, хотя отец — от которого он, без сомнения, унаследовал математические таланты — и был простым эдинбургским ювелиром и банкиром, но его мать, передавая ему свои черты, происходила из благородного дома Аргайлов⁵. Перенесенная в детстве оспа придала его лицу оттенок некоторой бледности, делавшей его еще притягательней и усиливавшей общее загадочное впечатление, производимое им. «Il était trop beau»*, — сказал о нем один его французский современник. И действительно, так считали многие женщины, с которыми в молодые годы он прокутил свою долю отцовского наследства.

Перед лицом нищеты он попытался использовать свои математические способности, проявившиеся, еще когда он работал с отцом, и углубленные в годы путешествий по Европе, годы созревания и приобретения жизненного опыта. Результатом этого явился его труд «Размышления о деньгах и торговле», принесший ему уважение такого одаренного дилетанта, как герцог Орлеанский, а теперь обеспечивший, по крайней мере, терпимое отношение короля Виктора-Амадея.

Однако он надеялся получить из рук Его Величества нечто большее, чем просто приют, и в надежде на это, живя в Турине, воздерживался от азартных игр. Сейчас он делал ставку в более важной игре. Финансовые дела в герцогстве Савойском были в полном расстройстве. Непрерывные войны, что вел Людовик XIV, разрушили не только Францию, но и ее соседей. В возрождении этой страны мистер Лоу видел своего рода игру, способную

* Он слишком красив (фр.).

принести ему гораздо большую выгоду, чем любые карточные столы. К сожалению, ему не удалось убедить Его Величество разрешить ему участвовать в ней. После кратковременного увлечения идеями мистера Лоу король Виктор-Амадей повел себя весьма решительно.

— Друг мой, я полностью согласен с герцогом Орлеанским. Ваши идеи выглядят всеобъемлющими и блестящими. Но, как известно, видимость часто обманчива. И мой долг не полагаться на эту видимость. Ведь если ваши идеи окажутся ошибочными, то разрушение моего государства неизбежно. А этого я не могу себе позволить. Уверен, что вы не усмотрите в моем ответе отказа в гостеприимстве. Однако я отнесусь с пониманием, если вы посчитаете свое дальнейшее пребывание в Турине напрасной тратой времени и пожелаете оставить нас.

Лоу все еще раздумывал, не скрывался ли за словами короля просто вежливый отказ от двора, когда пришла весть о событиях во Франции. Ее принес Уильям Лоу, вызванный старшим братом к себе, когда оптимистичные надежды, что удастся заполучить управление финансовыми делами герцогства Савойского, были еще живы. Случилось так, что Уильяма Лоу сопровождал Пабло Альварес, испанский финансист, с которым лэрд Лауристонский был близок в Амстердаме, когда изучал там банковское дело.

Дон Пабло побывал в Генуе, где хотел заполучить полномочия представителя Банка святого Георгия в Англии. Это ему не удалось, о чем он мог бы догадаться заранее, ибо генуэзцы были самыми недоверчивыми людьми на свете. Однако он нашел утешение во встрече со своим старым приятелем Уильямом Лоу, прибывшим морем по пути в Турин. Дон Пабло решил сопровождать его, чтобы предложить свои услуги лэрду Лауристонскому.

«В конце концов, — убеждал он себя, — крюк небольшой. С поддержкой банка или без оной, все равно Турин лежит по пути, если ехать в Англию по суше. Скучновато, конечно, но что делать, если твои внутренности не желают даже слышать о море».

Короткий, толстый, заросший волосами, с семитскими чертами лица, с тяжелой, с синим отливом после бритья челюстью, этот финансист бегло говорил по-французски, при этом ужасно коверкая слова и к тому же привнося в речь испанскую жестикуляцию, придававшую ей комичный оттенок. Если он может послужить дону Хуану в Англии, то пусть дон Хуан только прикажет. Английская

Компания южных морей предоставляет большие возможности тому, кто умеет отыскать путь в финансовом лабиринте. Кроме того, Англия слывет настоящим раем для банкиров. И дон Пабло благодарил Господа, что в этом она была полной противоположностью Франции, обнищавшей до крайности из-за дурацких войн ныне покойного короля, будь он трижды неладен.

Они расположились в мезонине дворца Кариньяно. Восточные ковры прикрывали деревянную мозаику отполированного пола; стены — инфанта испанская, принц Савойского герцогства, дети английского короля Карла I — все кисти Ван Дейка⁶. Были портреты и м ее знаменитых мастеров. Тяжелая с позолотой мебель, фарфор, сверкающие люстры создавали фон такого великолепия, какое мистер Лоу считал вполне подходящим для своей сдержанной изысканности.

Разговор перешел от критики испанской политики на французские события. И наконец-то мистер Лоу узнал в подробностях, до какой степени разорил Францию знаменитый король-Солнце, чье сияние ослепляло мир.

— Поверьте, — произнес он, — единственное, что удивляет меня после всего рассказанного, это что вы все еще думаете об Англии. Ведь во Франции для такого предприимчивого человека, как вы, несравненно больше возможностей.

Его французский был столь же груб, сколь мягок язык дона Пабло. Но говорил он не менее бегло.

— Франция! — презрительно фыркнул дон Пабло. — Вы будто не слушали меня. Разве такая нищая страна может предложить поле для деятельности финансиста? А правительство! Чтобы уничтожить завещание короля и сохранить регентство исключительно для себя, герцог Орлеанский заключает всякие темные сделки. Чтобы купить голоса дворян, он возвращает им привилегии, отобранные еще Ришелье⁷ и Людовиком XIV. Вместо того, чтобы управлять через наместников, он создает регентские советы в каждом департаменте. А в эти неповоротливые органы назначает людей, поддержка которых помогла ему лишить герцога Мена завещанного королем регентства. После чего герцог Орлеанский успокаивается и посылает все остальные дела к черту. Пока ему не мешают развлекаться, всякий, кому не лень, может управлять Францией. Вы прекрасно видите, что будет впереди, какие еще несчастья и смуты ждут эту страну, измученную и нищую. И вы говорите, что

счастье надо искать во Франции? Друг мой, да вы смеесться.

Одна из створок дверей открылась, и это заставило мистера Лоу задержаться с ответом.

На пороге стояла женщина, одетая в голубое, отделанное золотом платье, казавшееся, пожалуй, чрезмерно богатым. Она была среднего роста; узкая талия вздымалась из пышного кринолина и переходила в высокую грудь, округлости которой отнюдь не спрятались от постороннего взгляда. Ее темно-каштановые волосы частично скрытые под кружевной шапочкой, служили последним штрихом в создании образа иссякающего фонтана. Кожа ее была очень белой, а лицо с едва выступающими скулами и полноватыми губами производило впечатление нежной чистоты.

Секунду она оставалась неподвижной, но потом приветливо улыбнулась, возможно, сознавая, что улыбка идет ей, и поплыла к ним на невидимых ногах. Она приветствовала своего деверя по-английски богатым музыкальным голосом, впрочем, без особой сердечности.

— Лагийон только что сообщил мне о вашем приезде, Уилл.

— Милая Катрин! — Уильям Лоу, такой же высокий и крепкий, как и его брат, поднялся и с поклоном поцеловал ее вытянутые руки.

— Счастлива видеть тебя. Но боюсь, мы будем вынуждены тебя разочаровать. Джон расскажет, что наши мечты, как обычно, не сбываются. Совсем не сбываются.

Вдруг она заметила испанца. Ее брови удивленно поднялись.

— Возможно ли это? Дон Пабло Альварес, не так ли?

Дон Пабло поклонился, стараясь сложиться пополам, насколько позволял живот.

— Польщен вашей памятью, мадам. Примите мое почтение, — его английское произношение было еще ужаснее французского.

— Вынуждена предположить, — сказала она, неохотно уступая руку для поцелуя, — что сумасбродство Джона — причина и вашего присутствия здесь?

— Сумасбродство Джона? Ха-ха, мадам, где это вы обнаружили у него сумасбродство? Хотел бы я быть таким сумасбродом!

Она сочла эти слова возражением, а возражений она не любила.

— Надеюсь, вам это не грозит. Но я заставляю вас

стоять, — она села на стул, исчезнувший под ее юбками, и заговорила с раздражением: — Джон сказал вам, что мы уезжаем? Переезды — это занятие, которому я посвятила всю свою несчастную жизнь. И вот снова путешествие. Вы, наверное, скажете, дон Пабло, что я вышла замуж за Вечного Жида⁸.

— Никогда! Никогда я этого не скажу. Вечный Жид был наказан за свои грехи, а разве можно считать наказанием путешествие в обществе такой женщины, как вы?

Она пожала плечами в знак отказа от столь тяжело-весного комплимента.

— Нужно нечто большее, чем вежливость, чтобы научить меня смирению. Меня не для того воспитывали, чтобы таскаться с детьми по всему свету. Хорошо путешествовать по собственной воле. Но нам вежливо указали на дверь. Гордость никак не позволяет мне смириться с такой участью — изгнанием из одной страны за другой. Согласитесь, однако, что бедная дама хочет не слишком многого.

К своему неудовольствию, дон Пабло понял, что она отнеслась совершенно серьезно к словам, произнесенным как простой комплимент. Он искоса взглянул на мистера Лоу. Но тот стоял с абсолютно безразличным видом, словно не слыша, о чем они говорили. Возможность снять напряжение была предоставлена Уильяму.

— Не забывай, милая Катрин, что судьба была жестока к Джону. Ему досталась высылка. А жизнь вне родины редко спокойна.

— Пожалуйста, Уилл, — прозвучал ровный голос мистера Лоу, — не утруждай себя ролью моего адвоката. К сожалению, у Катрин множество оснований для жалоб, в чем она давно убедила и себя, и меня. Я и не пытаюсь спорить с этим.

— Ты и не мог бы, — вспыхнула мадам.

— Все же, — спокойно продолжал мистер Лоу, — мы должны подумать о наших гостях.

— Я не нуждаюсь в напоминаниях. Комната Уилла всегда ждет его. А дон Пабло...

— Простите, мадам, — вмешался испанец, — не стоит беспокоиться. К несчастью, мои планы не позволяют задержаться в Турине более чем на одну ночь. Мой багаж в гостинице Бьянкамано. Я там и заночую. С моей стороны было бы просто наглостью беспокоить вас из-за одной ночи.

Миссис Лоу нелюбезно промолчала. Вместо нее ответил ее муж.

— Как вам будет угодно. Но, по крайней мере, отобедайте с нами.

— Сделайте одолжение, — быстро произнесла миссис Лоу, возможно, надеясь за обедом продолжить беседу о своих несчастьях. — У нас так редко бывают гости в этом ужасном Турине.

Дон Пабло не боялся возможных жалоб.

— Интересно, — сказал он, — кто мог бы отказаться от вашего приглашения. Я, например, слишком высоко ценю изысканность вашего стола.

Миссис Лоу поднялась.

— Пойду отдам распоряжения. До встречи, дон Пабло, и ты, Уилл.

Мистер Лоу проводил ее до дверей, и они остались втроем. Однако смогли возобновить беседу позднее, только после обеда, когда принесли фрукты.

Как и надеялся дон Пабло, стол мистера Лоу оказался в полном соответствии со сдержанным величием обстановки. Поваром был уроженец Болоньи, а хорошо известно, что лучших, чем они, мастеров гастрономического искусства не бывает. Так что испанец, чей аппетит всегда был ненасытным, в конце обеда стал отказываться от еды, чтобы оправдать свои излишества. Они пили фалернское с устрицами, пили тосканское с запеченной рыбой, а в конце перешли к шампанскому со сладостями.

Лакеи под руководством несравненного управляющего Лагийона бесшумно меняли блюда, и при мягком свете свечей казалось, что обед превратился в некий таинственный ритуал.

Наконец обед завершился, мадам покинула их, и дон Пабло смог сесть посвободнее и выразить свое восхищение.

— Вы достойны зависти. Вы могли бы многому научить даже Лукулла⁹. Такой благородный стол, и такая красивая и благородная леди украшала его, — воодушевление заставило его перейти на испанский язык: — *Dios mio!** Разве вы не избалованный сын госпожи Фортуны?

— Иногда я ее игрушка, — сказал мистер Лоу и вновь заговорил о Франции, вызвав новый взрыв негодования испанца.

— Я уже говорил, что думаю об этой обанкротившейся стране, где один из десяти умирает от обжорства, а

* Боже мой! (исп.).

остальные девять — от голода. Говорить, что в ней можно разбогатеть, просто глупо. Можно ли извлечь что-нибудь из пустоты?

— Из иллюзии пустоты, я думаю, при с некотором умении можно выжать немало.

— О, согласен, там, где имеются иллюзии. Но здесь их нет. Здесь реальность, голая реальность; голая — очень точное слово. Улыбаетесь? Вы мне не верите! В таком случае почему бы вам самому не попытаться там счастья?

— Вы забываете, что Франция закрыта для меня.

— Возможно, так было. Но вряд ли она будет закрыта и теперь. Ею управляет распутник, обладающий всеми пороками и носящий их с гордостью. Вы думаете, он будет вспоминать, как полиция выдворила вас, когда вы предложили свои услуги королю Людовику?

— Нет, вы не правы, я был выдворен за то, что слишком много выиграл в карты. Правда, случилось так, что перед этим король отверг мои предложения, в то время как герцог Орлеанский принял их к сведению. Лицемерный святоша, постоянно грешивший, отверг меня из-за того, что я не католик.

— Матерь Божья! И вы не могли сходить к мессе, как это сделал Генрих Четвертый?¹⁰ Вы, случайно, не религиозны?

— Я даже не суеверен.

— Только не преувеличивайте. Несуеверных игроков не бывает. Все вы молитесь госпоже Фортуне, от которой зависите.

— Можете сделать исключение для меня. Я завишу только от своего метода. А он — от законов случайности.

— Вы просто хвастаетесь. Но сами противоречите себе. У случайности не бывает законов. Случайность как раз и есть отрицание закона. Это же очевидно.

— Возможно, логически вы и правы. Фактически — нет.

— О, человек! Но если что-то следует из логики, то разве оно не должно случаться фактически?

— Вы серьезно так считаете? Неужели вы никогда не рассуждали о вероятностях?

— Но вероятности можно оценить, аккуратно взвесив все факты.

— Точно так же можно поступить и в случае карт или костей. Если бы это было не так, то вы вряд ли бы ели сегодня такой хороший обед. Больше десяти лет я жил, и жил по-королевски, только благодаря картам и

костям. Может быть, Фортуна и слепа, но ведь можно взять ее за руку и повести. Искусство выигрыша лежит в исследовании тех причин, из-за которых люди проигрывают. Возможно, — его тон стал задумчивым, — в этом и есть искусство жизни. Не знаю.

Его узкое лицо потемнело. Он поднял графин.

— Позвольте наполнить ваш бокал, дон Пабло. Это токайское из подвалов императора.

— И оно достойно их. Или я ничего не понимаю в винах.

Испанец сжал бокал в заросшей волосами руке и с нежностью наблюдал, как в пламени свечей вино переливалось топазовым цветом.

— Однако удача снизошла к вам, дон Хуан, и я пью за то, чтобы она оставалась с вами.

Мистер Лоу тоже поднял бокал.

— Я пью за то, чтобы вы нашли в Англии все, что ищете.

Уильям Лоу заметил, как тень пробежала по его лицу, и присоединил это наблюдение к другим подмеченным мелочам. Однако только когда дон Пабло распрощался и братья остались вдвоем, он смог высказать свою озабоченность.

Мистер Лоу перевел разговор на Францию и заговорил о происшедших событиях.

— Эти новости могут оказаться кстати. Филипп Орлеанский, возможно, до сих пор сохранил интерес к моей системе. И потом, он не просто развлекающийся герцог, каким представляет его дон Пабло. Конечно, он сластолюбив, но в то же время крайне проникателен и имеет множество иных достоинств. Думаю, я смог бы извлечь прибыль из несчастий Франции. Когда у тебя нет иных целей, об этом стоит подумать. Возможно, это даже позволит оправдаться перед тобой за то, что я по ошибке вызывал тебя в Турин.

— Не стоит об этом беспокоиться. Я так устал от Амстердама. И кроме того, готов с тобой попытать счастья в Париже.

— Возможно, было бы лучше сперва разведать там почву одному. Тут есть о чем подумать. Катрин, к примеру. Она, несомненно, устроит сцену. Но это она сделает в любом случае, куда бы я ни поехал. Для нее, кажется, имеет значение только ореол мученицы и возможность меня упрекать.

Он невесело рассмеялся.

Светлые пронизательные глаза его брата посуровели.

— Неужели... неужели все время одно и то же?

— А может ли быть иначе? Люди меняются только к худшему.

Уильям Лоу медленно подошел и остановился подле сидевшего брата. У него была такая же смуглая кожа и те же орлиные черты лица. Но он был более мягок и добр, а следовательно, и менее решителен.

Неожиданно его рука сжала плечо брата.

— Прости меня, Джон. Я хотел видеть тебя счастливым.

— Счастливым? Но что такое счастье? Я часто думал об этом. Однажды мне показалось, что я схватил его, но оно, как вода, утекло сквозь мои пальцы.

— Это означает, что тень ты все еще ценишь выше сущности.

Нахмурившись, мистер Лоу посмотрел в глаза своему брату.

— Сущность? — спросил он.

— Катрин, — отвел Уилл и нетерпеливо добавил: — А разве она не настоящая сущность? Женщина, пришедшая утешить тебя в твой самый горький час, когда ты был выброшен из жизни, тайком бежал из страны; женщина, бросившая все ради любви к тебе, в то время как ты бросил все ради страсти к никчемной тени. И ты по-прежнему страдаешь из-за тени, стоящей между вами омрачая вашу с Катрин жизнь? Неужели ты...

Мистер Лоу повелительно поднял руку — длинную и красивую руку в пене кружев. Тон его по-прежнему оставался бесстрастным.

— Нет, нет, Уилл. С этим покончено. Я покончил с этим, когда Маргарет Огилви пошла по стопам графини Оркни и стала любовницей короля Вильгельма^{II}. Тогда я понял, насколько был глуп, убив красавца Уилсона и засунув собственную шею в петлю. Да и могло ли быть иначе? — Он засмеялся с некоторой горечью. — Мог ли я иначе жениться на Катрин?

— Ты обманываешь себя. Будь снисходителен ко мне, Джон, даже если мои слова причиняют боль. Но меня злит, что ты расходусь душевные силы на никчемные переживания.

— Переживания? Наверное, я наказан за свои грехи, — в тоне мистера Лоу сквозила ирония.

— Тем не менее. Ты взял Катрин в жены в горький час разочарования, и эта любовь оказалась противоядием для твоей отравленной души.

— Я не знал ее тогда.

— Мне думается, ты не знал себя. Ты должен быть благодарен ей за ее любовь. Она согрела ею тебя, отбросив все, и ты должен помнить об этом. Но не благодарности ждет от тебя Катрин.

Мистер Лоу со вздохом, тихо заговорил, слегка запинаясь:

— Возможно, это все я и должен был ей дать. И — Бог свидетель — я пытался дать все это, но...

— Но?

— Но Катрин сама все отвергла, она оказалась все взвешивающей, выгадывающей, сварливой — да ты и сам все видел. Она стала — а может, она и родилась такой — недоверчивой и подозрительной. Эти качества усиливаются в человеке сами по себе. К сожалению, что бы ни происходило, для нее это только пища для новых огорчений.

— Ты считаешь, что у нее нет для этого оснований? — перебил его Уилл. — Тебе кажется, что у нее нет интуиции, что она не понимает, что тебя преследует память о женщине, бывшей женой красавца Уилсона, пока ты не сделал ее вдовой, а король Вильгельм не превратил ее в графиню Харпингтон?

Мистер Лоу посмотрел на брата. Улыбка его была печальной и задумчивой.

— Ты всегда испытывал слабость к Катрин, Уилл. В твоём лице она имеет сильного защитника.

— Думаю, он нужен ей. Как и тебе. Он нужен вам обоим, если вы не собираетесь увековечить это состояние несчастья. Знаешь, Джон, эта женщина любит тебя. Ее разъедает чувство поражения и разочарование, а ты их постоянно подпитываешь, возмущаясь состоянием дел, самым же и созданным. Ты, конечно, скажешь, что это не мое дело...

— Я не говорил этого.

— Ты же знаешь, я говорю так из любви к тебе, Джон. Я не могу остаться равнодушным к твоим страданиям.

— Я знаю. Поэтому и разрешаю так говорить со мной. Возможно, ты скажешь, что я получаю, что заслужил, и не имею права жаловаться. Не знаю. Но страдание — слишком сильное слово. Только слабый влачит существование в несчастье. В жизни у мужчины много интересов и помимо любви.

— Но не для женщины. Ты когда-нибудь задумывался об этом?

Некоторое время мистер Лоу молчал. Потом, не повышая голоса, но не допускавшим возражений тоном, он спросил:

— Может, сменим тему, Уилл? Есть много вещей, о которых нам надо поговорить. К примеру, о Франции, с которой мы начали, прежде чем ты стал философствовать на тему супружеских отношений. Лучше скажи о своих соображениях по этому поводу. Это принесет больше пользы.

Неохотно подчиняясь, Уильям Лоу оставил тщетную надежду внести гармонию в дом брата. В вопросе финансовых планов брата он был не столь компетентен, чтобы давать советы. Если Джон удовольствуется тем, что сможет убедить Его Высочество регента дать ему соответствующий пожеланиям пост во Франции, то Уильям будет вполне удовлетворен, оставшись в распоряжении брата.

Они проговорили до поздней ночи. Вернее, говорил один мистер Лоу, развивая свои финансовые идеи, тщательно разработанные в надежде преодолеть сомнения короля Виктора-Амадея. Когда наконец он поднялся, его решение было принято.

— Я начну собираться завтра, чтобы выехать не позднее чем через неделю. Но я прошупаю почву, прежде чем вызывать тебя. Если регент рассмотрит мои предложения с тою же благосклонностью, что и в последний раз, перед нами откроются великолепные перспективы.

Глава вторая

РЕГЕНТ В СОВЕТЕ

Пасмурным утром октября 1715 года члены Совета и приглашенные лица ожидали регента в просторном, украшенном гобеленами зале Пале-Руаяля, в свое время выстроенного кардиналом, дабы подчеркнуть собственное величие, и позднее переданного им королю, как это случилось некогда с другим великолепным дворцом в Англии, также выстроенным прелатом церкви¹².

В этом собрании в соответствии с его целями преобладали члены Совета финансов. Все они были дворянами, четверо из них — герцоги: высокомерный Ноай, президент Совета, считавший себя, и не без оснований, большим

авторитетом в финансовых вопросах; живописный Ла Врийер, исполнявший обязанности секретаря; подвижный, невысокого роста, герцог де Сен-Симон, возможно, ближайший к регенту человек, считавший занятие финансами ниже достоинства благородного человека; и, наконец, по-прежнему щеголеватый старый маршал герцог де Вильруа, с тощими ногами и ярко напыженными щеками, наставник дофина*, разделявший презрительное отношение Сен-Симона к слишком близкому знакомству с положением дел. Из остальных восьми присутствующих наиболее заметным, по причине своей самоуверенности и полной преданности Ноаю, был Руйе дю Кудре, высокий неопрятный человек с багровым, покрытым красными прожилками лицом горького пьяницы.

Кроме членов Совета финансов, присутствовали в это утро и восемь государственных советников, в число которых среди прочих входили генеральный королевский лейтенант полиции маркиз д'Аржансон, за злобный вид прозванный Проклятым, а также канцлер д'Арекко, юрист, о чьем даровании и честности ходили легенды и теперь подвергавшийся опасности только из-за слишком большой верности Ноаю.

И пока некоторые из этих знатных дворян слонялись без дела возле овального стола, а другие стояли группками у высоких узких окон, выходящих в просторный двор, еще тринадцать человек, специально вызванных на это совещание, скромно ждали в сторонке, как люди, сознающие, что сделаны из другого теста. Это были ведущие французские банкиры и торговцы, скромные в одежде и манерах, за исключением финансового гиганта Самуэля Бернара, чья длинная, худая фигура выглядела вызывающе в ярко-красном плаще, обшитом золотом жилете и изысканном парике. Правда, он мог считаться дворянином, поскольку за частые денежные услуги был произведен в рыцари Людовиком XIV. Но, поскольку во Франции черта между наследственными дворянами и новоиспеченными была крайне резкой, то он предпочитал сейчас стоять рядом со своими коллегами — банкирами.

Сегодняшнее вторжение этих разбогатевших плебеев казалось государственным советникам страшно оскорбительным. Лишь смертельно опасное состояние финансов заставило их с неохотой смириться с этим вторжением. Для дворян по крови было невыносимо дебатировать с

* Наследник престола (фр.).

простолюдинами, тем более, что их споры обычно превращались в обмен колкостями. Язвительность неизбежно вытекала из различия взглядов на оздоровительные меры и острого соперничества, вызванного политическими устремлениями. Борясь друг с другом, они тем не менее нисколько не приблизились к решению проблемы национального долга в размере двух с половиной миллиардов ливров; поскольку, вычтя из дохода в сто сорок пять миллионов ливров ежегодные расходы правительства в сто сорок два миллиона, они пришли в ужас от оставшихся трех миллионов прибыли.

С самого начала герцог Сен-Симон настаивал на созыве Генеральных Штатов¹³ и объявлении национального банкротства как единственной меры спасения от революции. Он придерживался мнения, что принца не должны связывать обязательства предшественника, а указы короля, обретшего пристанище под сводами Сен-Дени, такой же прах, как и сам король. Он подчеркнул то, что знали все: торговля замирает, промышленность парализована, безработица ежедневно увеличивается, страна опустошена войной, сельское хозяйство разрушено и в провинции уже начинается голод. В заключение Сен-Симон заявил, что улучшение не наступит, пока не будут приведены в порядок финансы, а это может быть достигнуто только под не обремененным долгами правлением.

Рецепт же старого герцога де Вильруа состоял в увеличении налогов. Но канцлер д'Арекко, известный своим опытом и мудростью, заметил, что даже если увеличить налоги на одну десятую, то и тогда прибавь будет далека от требуемой при неизбежном усилении обнищания и несправедливости, от которых и так страдает Франция. Он предложил, однако, альтернативу. На протяжении многих лет не было надзора за сборщиками налогов, и, как известно, они пользуются этим, обдирая подданных короля как липку. Пусть их дела расследует специальная судебная палата, как это было сделано при Сюйи¹⁴, сто лет назад, и пусть они вернут незаконно награбленное. Думается, это будут немалые средства.

Этот вопрос рассматривался наряду с вопросом о произвольном и не очень честном снижении процента по бумагам государственного займа и еще менее честной девальвации денег. Последнее вообще было старым трюком. Курс луидора¹⁵ изменялся раз двадцать примерно за столько же лет. Недавнее снижение его на одну пятую

обогастило казну всего на семьдесят миллионов, что, учитывая огромный долг, было совершенно недостаточно для предотвращения дальнейшей дезорганизации торговли и производства, которая и последовала.

Вот такие вопросы предстояло обсуждать в октябрьское утро, когда на недовольных членов Совета финансов было взвалено нежелательное бремя сотрудничества с шайкой *roturiers**. Но это еще не все. Словно мало заставить надменно-гордых дворян обнажать язвы государства перед плебейской аудиторией, их светлости знали, что им предстоит испытать дополнительное унижение — выслушать мнение какого-то не пользующегося авторитетом иностранца, авантюриста, некогда уже выдворенного из Франции. Они не доверяли загадочным людям. А именно загадочным считали они человека, жившего на деньги, заработанные игрой, человека неясного происхождения, известного своим распутным прошлым, трагической дуэлью и романтическим побегом из тюрьмы.

Чувство нанесенного оскорбления отнюдь не смягчалось обстоятельством, что за несколько недель этот человек смог настолько покорить герцога Орлеанского своими притворными чарами, что даже был приглашен на один из его вечеров, шокировавших весь Париж, куда допускались только самые близкие друзья герцога.

Что касается всего остального: его личности, внешности и хороших манер, в коих столь восхитительно смешались гордость и учтивость, то все это казалось простым лицемерием людям, не обладающим этими качествами, и тем не менее полагающим, что такие достоинства могут быть присущи только их кругу.

Томительное ожидание одних и недовольное ворчание других оборвалось резким раскрытием высоких двойных дверей и громким голосом церемониймейстера:

— Его Королевское Высочество!

Герцог Орлеанский, в сером бархате, с бриллиантовой звездой на груди, несмотря на каблуки, невысокого роста, и с полнотой, все увеличивающейся после сорока лет, вошел решительно, быстро, немного вразвалку, широко улыбаясь и издавая слабый мускусный аромат.

Сразу же за ним, по контрасту, следовал человек явно выше среднего роста и движущийся с удивительной легкостью.

* Простолудинов (фр.).

Раздался шум отодвигаемых стульев и шарканье ног — собрание почтительно встало, чтобы встретить принца.

Покойный король, любивший посмаковать власть, входил с ленивым величием, размеренным шагом, в шляпе. Он смотрел на членов Совета холодными презрительными глазами бога; занимал свое место, оставляя их стоять, пока зачитывал обращение, представлявшее собой изложение его воли, перечить которой никто не осмелился бы.

Регент все это поменял. Быстро подойдя к столу и не беспокоясь об этикете, он, дружелюбно улыбаясь, махнул им полной белой рукой:

— Садитесь, господа. Садитесь.

Он был без шляпы, в черном парике, хорошо сочетавшемся с его собственными черными волосами и бровями; его полное лицо с резко очерченным носом и большим безвольным ртом было все еще необычайно привлекательно, несмотря на нездоровый цвет, говорящий о постоянных излишествах.

Когда этот цвет лица в сочетании с короткой толстой шеей заставил Ширака, его врача, прибегнуть к предупреждению, что такой образ жизни может привести к апоплексическому удару, все, что он ответил с небрежным смешком:

— Ну и что? Или вам известна более приятная смерть?

Необычайно привлекательное выражение лица казалось еще более мягким из-за близорукости голубых глаз, один из которых был заметно больше другого.

Хотя его внешность и говорила о любви к чувственным наслаждениям, мистер Лоу был прав, высоко оценивая его умственные способности; если бы природа под стать этим способностям дала ему энергию, чтобы их реализовать, да еще силу воли, чтобы держать в узде могучие инстинкты, то, несомненно, он оставил бы значительный след в истории. Его баварская мать была права, утверждая, что добрая фея вложила в него при рождении все мыслимые таланты, кроме одного — таланта ими пользоваться.

Дворяне заняли свои места, подчинившись движению его руки; незнакомцу Его Высочество указал на место слева от себя.

— Господа, я привел с собой моего друга, господина барона Ла.

Так герцог перевел шотландский титул лэрда, возможно, желая подчеркнуть дворянство своего гостя перед членами Совета, в то же время Ла — Lass, рифмующееся

с «Helas»*, — оказалось французским произношением имени шотландца.

— Я привел его с собой, — продолжал регент, — в надежде, что исключительный математический талант, прославивший его по всей Европе, и глубокое понимание финансовых проблем смогут помочь нам в нашей трудной дискуссии.

И, взглянув поверх советников, хранивших угрюмое молчание с безучастными глазами или поджатыми губами, обратился к группе банкиров, скромно толпившихся на заднем плане.

— С той же целью я настоял на вашем присутствии, господа, хотя вы и не члены Совета. Мы хотим использовать ваш опыт для оценки предложений, которые барон любезно согласился изложить перед нами.

Он сел, а мистеру Лоу осталось неловко поклониться собравшимся, прежде чем занять свое место слева от регента, сохраняя непроницаемое выражение лица под испытывающими взглядами. Вряд ли они стали ценить его больше за умение сохранять безупречную элегантность при любых обстоятельствах.

Его камзол из плотного коричневого шелка был застегнут на поясе только на три маленькие золотые пуговицы, длинный ряд которых шел от самого верха. Широкие манжеты были из тончайших кружев, а на черном атласном галстуке сверкал большой изумруд. Худое лицо благородного патриция между тяжелыми крыльями его черного парика было строго и спокойно. Д'Аржансон отметил позднее, глубоко обидев при этом Сен-Симона: «Наше благородное происхождение видно по нашим одежам, а у этого негодяя оно отпечатано на коже».

Регент тем временем любезно продолжал представление господина Ла, которому «полностью доверяет» и который, внимательно изучив состояние дел бедной Франции, предлагает для обсуждения определенную систему. К этому Его Высочество добавил, что не пригласил бы господина Ла сюда, если бы не считал, что его система заслуживает самого серьезного рассмотрения.

— Господин Ла, вам слово.

Мистер Лоу, оставаясь спокойным под враждебными взглядами, а возможно, даже возбуждаемый ими, снова поднялся на ноги и очнь спокойно, тоном обычной беседы и на хорошем французском языке, в котором с трудом

* Увы (фр.).

можно было заметить иностранный акцент, начал свое выступление.

— Его Королевское Высочество оказал мне честь, познакомив меня не только, как он сообщил, с финансовыми затруднениями королевства, но также и с различными предложениями, для обсуждения которых и собрался этот Совет. Некоторые из этих предложений, насколько мне известно, уже были опробованы и оказались практически непригодными. Мне сообщили, что вы колеблетесь в выборе между двумя предложениями, могущими иметь отдаленные последствия при реализации, и мне кажется, что эти колебания делают честь вашей рассудительности.

Старый герцог Вильруа громко хмыкнул, показывая, что считает дерзостью подобную похвалу. Его Высочество строго нахмурился, а мистер Лоу невозмутимо продолжал:

— Одно из этих предложений — объявить национальное банкротство; другое — создать судебную палату, чтобы изъять у сборщиков налогов незаконные доходы за последние годы. Первое — отказ от долгов Его покойного Величества — вызовет сильное озлобление у тех, кто всегда ждет от правительства нечестной политики.

— Нечестной! — с раздражением воскликнул Сен-Симон, автор этого предложения, и его смуглое лицо внезапно потемнело еще больше, а черные, изогнутые дугой брови сдвинулись к переносице, придавая лицу выражение сердитой совы.

— Именно это я и сказал. Если я хочу быть понят и быть полезен, я должен называть вещи своими именами. Эвфемизмы могут смягчить факты, но не в силах изменить их. Я называю такое решение нечестным, ибо так как Король не умирает, то долги Короля остаются долгами Короля. Это долги не частного лица, а государства.

Прежде чем Сен-Симон смог возразить, о чем свидетельствовал его раздраженный вид, его опередил регент:

— *Parbleu!** Вот фраза, которую я искал и не мог найти. Она дает вам, господа, в дюжине слов полный и окончательный аргумент, — он замахал полной белой рукой. — Но я перебил вас, господин Ла.

— И не является нечестным, — сказал мистер Лоу, — все, что возражает против этого. Отказ от долгов создаст такую путаницу, что дела королевства придут в полный хаос, из которого трудно будет найти выход. Банкротство какого-нибудь одного человека подвергает всю его семью

* Черт подери! (фр.).

крайним лишениям, иногда даже смерти. Но можете ли вы представить себе, как это будет выглядеть в масштабах целой страны? Нужно воображение, чтобы представить себе кошмар, который наступит. Я готов попробовать рассказать вам, что это, если вы желаете.

— В этом нет необходимости, — сказал герцог Ноай, никогда не сочувствовавший этому проекту, а Сен-Симон, недовольно пожав плечами, сел на свое место.

Получив поддержку, мистер Лоу перешел к вопросу о судебной палате. Он признал, что против этого нет возражений ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения целесообразности. Из-за ненависти, всегда испытываемой к сборщикам податей, эта мера наверняка будет воспринята в обществе с ликованием.

Если, однако, внимательно посмотреть, что произошло при короле Генрихе IV, когда Сюлли создал подобный трибунал, то можно обнаружить, что связанные с этим расходы столь велики, столь значительна была армия администраторов, получавших жалованье, и настолько огромна коррупция, почти неизбежно возникшая в их рядах, что почти все награбленное просто перешло от одной шайки разбойников к другой.

Выгода государства, заключил он, будет ничтожной и отнюдь не компенсирует всех затраченных усилий.

— Позвольте, Ваше Высочество! — перебил маркиз д'Аржансон. Большой, смуглый, властный при своей некрасивой внешности, он из-за черного парика казался моложе своих шестидесяти трех лет. А за те двадцать лет, что он был генеральным лейтенантом, маркиз приобрел качества настоящей гончей, и даже в его лице с тяжелой челюстью было что-то от гончей.

Его пугал этот авантюрист, когда-то выставленный им из Франции и теперь спокойно и авторитетно отметававший те полицейские меры, к которым он, как генеральный лейтенант, был инстинктивно склонен.

Кивок регента предоставил ему слово, и он поднялся. Говорил он отрывисто, глухим голосом, при необходимости становящимся крайне убедительным, так что в качестве адвоката ему не было равных.

— Слова господина барона о том, что было при короле Генрихе Четвертом, я готов подтвердить. Но его априорное утверждение — нет, безосновательное предположение — что все, что случилось тогда, может повториться и теперь, неприемлемо. Его слова только его личное мнение.

Он сел, чувствуя, что выступил по крайней мере не хуже своего противника.

Легкая улыбка появилась на тонких губах мистера Лоу.

— Господин маркиз знаком с поговоркой, что история повторяется? Большое знание человечества должно привести его к мнению, что люди не меняются, как бы ни менялись обстоятельства.

Он говорил столь вежливо, словно не сознавал, что наносит оскорбление. Не ожидая, пока генеральный лейтенант соберется с ответом, он продолжил:

— Впрочем, это тоже только мое личное мнение, к которому каждый может отнестись, как ему угодно. Позвольте мне, однако, вернуться к вопросу о банкротстве. Мнение о его необходимости, господа, у некоторых из вас — я без колебаний утверждаю это — основывается на фундаментальной ошибке: они уверены, что нация действительно является банкротом.

Сен-Симон выразил свое удивление едким смешком:

— А вы полагаете, это не так?

— Да, я совершенно уверен, что это не так, — объявил он и продолжил: — Они могли счесть народ, обладающий такими неистощимыми запасами, как Франция, банкротом только из-за непонимания того, что же является сущностью богатства. Казна может быть пуста, но государство и без денег обеспечит свои нужды. Деньги не являются богатством, они только обеспечивают его циркуляцию; как кровь, которая, сама не являясь жизнью, несет жизнь и тепло в каждую клеточку тела. Богатство государства заключается, уверял он, в трудолюбии и в производительности его народа, в плодородии почвы, в свободной и широкой торговле, в таланте, изобретательности и заинтересованности тех, кто творит, занимается ремеслами или торговлей. — Когда вы согласитесь с этим — а вы должны с этим согласиться, — вы поймете, как понял я, что богатство Франции не вызывает сомнений.

Он остановился, словно ожидая ответа, а герцог Ноай вежливо воспользовался этим для обращения к регенту:

— То, что сказал сейчас господин Ла, настолько очевидно, что вряд ли кто-нибудь возьмется это оспаривать. Но то, что он описывает, является потенциальным богатством, а мы нуждаемся — и срочно — в подлинном, непосредственном богатстве, короче говоря, в деньгах, чтобы оплатить наши долги.

Регент согласно кивнул и с улыбкой предложил мистеру Лоу ответить.

— Если бы моя цель, — сказал шотландец, — не заключалась в том, чтобы объяснить, каким образом потенциальное богатство можно превратить в подлинное, то мое появление здесь было бы просто пустой дерзостью. Предоставьте мне немного вашего терпения, господа.

С приятной легкостью речи и ясностью в изложении, осветившей слушателям темные углы темы, мистер Лоу подробно представил свою точку зрения.

Он начал с показавшимся излишним допущения, что там, где имеет место нехватка денег для нужд торговли и оплаты наемного труда, производительность, являющаяся в конечном счете источником богатства, будет падать. Из чего следует, что для процветания нации необходимо обеспечить ее деньгами в количестве, достаточном для текущих потребностей.

Нетерпеливое пожимание плечами и один-два коротких смешка дали понять загадочному иностранцу, что он утомил своих слушателей изложением азбучных истин. Господин Ноай, словно потеряв к нему всякий интерес, пододвинул к себе лист бумаги, окунул перо и начал что-то рисовать. Однако скоро он услышал такое, что поразило его и остальных и заставило внимательно слушать дальше.

Мистер Лоу пригласил их обратиться к методам ведения банковских дел в Голландии, которые привели страну к процветанию.

— Я надеюсь, что господа члены Совета знакомы с ними, — рискнул предположить он, — надеюсь, что и остальные господа, являющиеся профессиональными торговцами и банкирами, знакомы с ними еще лучше. Именно в этих методах я открыл основу для собственных теорий.

Он утверждал, что если он прав и причиной кризиса служит нехватка наличных средств, то первым делом необходимо увеличить количество денег в обороте. Если все вокруг считают это невозможным, то только потому, что постоянно думают лишь о монетах, отлитых из благородных металлов, и совершенно упускают из виду, что золото и серебро вовсе не являются для этого необходимыми. Бумага не только способна занять их место, но имеет и ряд явных преимуществ перед металлами, так как легко складывается, ее просто перевозить и заменять по мере изнашивания.

Тут Вильяма взорвался:

— Бумага — эквивалент золота и серебра! Боже милостивый! Это же полная чушь. Луидор, даже если с него стереть все надписи, все равно сохранит ценность как кусок золота. А бумага?

— Нет. Но если про бумагу будет известно, что она может быть обращена в золото по требованию, то цена ее будет точно такой же.

Он развил дальше свою точку зрения, утверждая, что единственное, что необходимо, это обеспечить доверие к бумажным деньгам, и перешел к своим соображениям, как это организовать. Нужно создать государственный банк по модели знаменитого голландского банка, но более совершенный и с более широким полем деятельности. Такой банк будет обладать привилегией выпуска бумажных денег, которые можно было бы назвать банкнотами*; он будет учитывать векселя, открывать счета для торговцев, будет переводить деньги из одного города в другой, поддерживать торговлю и сельское хозяйство ссудами, собирать налоги и тем самым прекратит порочную и невыгодную систему сбора податей, обеспечит получение королевского налога и, став местом хранения золота и серебра, явится гарантом бумажных денег.

— Таким образом, — закончил мистер Лоу, — может быть установлен всеобщий кредит, который обеспечит развитие всех областей страны.

Произнести вслух общее мнение выпало Руйе дю Кудре, в качестве директора финансовой палаты бывшего главным помощником Ноая, и мнение это звучало издевательски:

— Вы очень вольно обращаетесь со словом «кредит». Я хотел бы знать, какой точный смысл вы в него вкладываете. Это искусство — верить в то, что не может быть доказано. Вы ждете, что французские торговцы будут растроганы этим?

— Нет, если ограничиться только вашим определением. Доверие — еще один термин веры, и я определенно жду, что торговцы пойдут на это. Мы легко даем деньги в долг человеку, если уверены, что он их возвратит, точно так же мы можем ссудить деньгами какое-нибудь предприятие, веря, что оно принесет прибыль в будущем. Возможно, вы знаете — как люди, связанные с финансами, — капиталы банкиров и торговцев удесятятся, если они пользуются доверием, что само по себе снимает необходимость немедленных выплат. А то, что под силу

* Bank-notes — букв. банковские расписки.

каждому торговцу, вполне доступно и государству. Если государство станет универсальным банкиром и централизует все ценности, то общественное богатство будет сходным образом удешевлено и ваши затруднения легко преодолены. Но позвольте мне еще немного расширить свое определение кредита. Это — предвидение будущего, и оно само находится в обращении как ценность. Другими словами, это простое ощущение ценностей, еще не пробужденных к жизни, не мобилизованных, но которые тем не менее существуют, и мы в них верим. И эта вера может усиливаться; это факт, что кредит обладает преимуществом перед звонкой монетой: в то время как ценность звонкой монеты не может изменяться со временем, кредит может расти почти безмерно.

Насмешливый голос дю Кудре был бескомпромиссен:

— Рассуждения игрока.

— Именно так, черт побери! — согласился старый Вильруа с усмешкой отвращения на блеклом лице. — И это еще слабо сказано, — и он щелкнул крышкой коробки с нюхательным табаком, словно чтобы придать своим словам побольше злости.

Канцлер д'Арекко попросил слова:

— Позвольте, Ваше Высочество. — Его мягкий голос звучал очень обдуманно. — Оставляя в стороне вопрос о деньгах, хотелось бы выяснить, до какой степени и каким способом будет осуществлена мобилизация — кажется, так выразился господин барон — тех источников, кои он только что открыл в нашем государстве?

— Вы ответите, господин Ла? — спросил регент.

— Без труда. Цель должна быть такой: сформировать центральный совет, который бы направлял и контролировал все крупные коммерческие начинания, равно как и обеспечивал занятость для бедных, — точнее будет сказать, рабочих, — поддерживая развитие шахт, рыболовства, мануфактур и всего остального. С другой стороны, он должен существенно снизить размер процентов по кредитам.

Трескучим от возмущения голосом старый маршал резко спросил:

— Тогда король превратится в банкира и торговца, так, что ли? Возможно, такие вещи могут произойти в стране господина Ла, но это Франция... — Он запнулся, словно слова были бессильны передать его отвращение.

Эта шпилька заставила регента ответить резко:

— Не король, господин маршал. А государство. Постарайтесь увидеть разницу.

— Его покойное Величество, — пробормотал Вильруа, — не видел разницы. Мы под его владычеством запомнили, что король и есть государство.

Проигнорировав эту реплику, регент кивнул канцлеру, взглядом снова попросившим слова.

— Мнение, монсеньор, которое я считаю своим долгом высказать, — сказал д'Арекко, — состоит в том, что строить систему финансов на предлагаемой основе означает ввергнуть государство, а следовательно, и всю нацию, в риск коммерческих спекуляций без каких-либо гарантий успеха. Ведь только решительные и смелые люди занимаются подобными делами. А как быть со всеми остальными? Содержание лавки и управление государством слишком разные вещи, чтобы их объединить.

Зная о репутации канцлера как дальновидного политика, известного своей честностью, и слыша голоса одобрения, мистер Лоу понял, что он опять потерпел неудачу. С невозмутимым спокойствием он ждал, когда стихнет шум, и в этот момент поддержка пришла оттуда, откуда он меньше всего ее ожидал. Д'Аржансон откинул свою большую голову в черном парике, с нависающими над строгими глазами кустистыми бровями. Он начал саркастически:

— Не угрожает ли нам, монсеньор, пока мы поддаемся эмоциям, бесспорно возвышенным сами по себе, просмотреть тот факт, что мы больше не в том положении, чтобы их себе позволить?

— Я тоже так считаю, — сказал Его Высочество со вздохом. — Другая мысль, которая не отпускает меня: что бы мы ни решили, мы в долгу перед господином Ла за его готовность выступить перед Советом. Не забывайте этого, господа, я вас очень прошу. Не забывайте также, что его теория является плодом раздумий, возможно, гораздо более глубоких, чем любого другого нашего современника, это теория ума необыкновенного, прославленного своей математической проницательностью.

Он оглянулся и встретил взгляд д'Аржансона.

— Хотите что-то добавить, маркиз?

— Канцлер, без сомнения, прав в критике той части предложений барона, что относятся к предпринимательству. В этом я с ним полностью согласен. Но, поскольку он не коснулся методов ведения банковского дела, изложенных господином Ла, то я предполагаю, что он не ничего против них не имеет. Но мы забываем, что для воплощения в жизнь этой части проекта понадобится

время, время от посева до сбора урожая, а средства надо где-то добывать, и немедленно.

— Господин маркиз, — сказал мистер Лоу, — видимо, не заметил того, что я подразумевал в своем изложении. Все королевские доходы будут передаваться в государственн-ный банк собирателями подати, и, по мере получения этих денег, банк будет выпускать свои расписки и передавать их в казну в виде купюр, удобных для обращения. Все кредиторы государства получают свои деньги только в виде этих купюр. Их они смогут, когда захотят, обменять на звонкую монету в банке, но никто не должен быть принуждаем сохранять или принимать их при торговых сделках.

И тут наконец герцог де Ноай, президент Совета, его оракул в денежных вопросах, отбросил перо и произнес:

— В таком случае, Ваше Высочество, я не вижу смысла в этих банкнотах.

— И все-таки, — ответил ему мистер Лоу, — я не сомневаюсь, что, как только удобство и полезность такой системы будут поняты, и при уверенности, что банкноты всегда можно обменять на звонкую монету, люди отдадут предпочтение банкнотам. Да одна только несравнимая простота в обращении с такими деньгами сделает их предпочтительнее. А как только уверенность возникнет в ценных бумагах, вы почувствуете, что банк, выпуская банкноты в количествах, эквивалентных имеющейся у него звонкой монеты, сразу удвоит капитал, который он может использовать для финансовых операций. За каждый миллион золотом, оставленный у себя в качестве гарантии, он может спокойно выпустить миллион бумажных денег.

Он помолчал и добавил:

— Это, пожалуй, все, что я могу вам предложить.

Взглядом попросив разрешения у регента, он занял свое место и вытер тонким платком рот.

Регент прокашлялся. Выражение лица его нельзя было назвать счастливым.

— Вы выслушали господина Ла, и, какой бы точки зрения на его предложения, как нам выйти из кризиса, вы ни придерживались, я думаю, необходимо поблагодарить господина Ла за ясность, с которой он выразил свои мысли. Перед тем, как Совет примет решение, я был бы рад выслушать мнения тех, кого мы пригласили, — представителей торгового и финансового мира. Пожалуй-ста, господа.

Торговец по имени Ленорман и еще один, выступавший

за ним, поддержали идею основания банка. Третий, настроенный менее решительно, предположил, что это полезно, но не в настоящее время. Наконец, богатый посредник Самуэль Бернар, возможно, раздосадованный тем, что не он выступил первым, как ему было положено по рангу, и чтобы осадить выскочивших раньше него, бескомпромиссно отверг предложения мистера Лоу. Используя те же аргументы, что и канцлер, он заклеил их опасной выдумкой, а поскольку все преклонялись перед его практической сметкой, то выступавшие следом поддерживали его.

После того, как последний из них закончил выступление, регент, поблагодарив их за приход, разрешил покинуть зал заседаний.

Они пятились, кланяясь, и смешно жались друг к другу под высокомерными взглядами дворян.

Когда двери за ними закрылись, Его Высочество предложил членам Совета голосовать, а герцога Ноая как президента Совета вести дальнейшее заседание.

Мистер Лоу откинулся в кресле и снова поднес платок к губам. Это был единственный жест, выдававший волнение, хотя о нем нелегко было догадаться по подобному знаку. При его проницательности у него не оставалось сомнений, что игральные кости легли не в его пользу. Главный удар нанес д'Арекко, поддержанный Бернаром, обреченный впоследствии горько сожалеть об этом бесцеремонном осуждении. Однако мистер Лоу предпринял, с позволения регента, еще одну отчаянную попытку спасти положение, прежде чем станет слишком поздно.

— Позвольте одно предупреждение по поводу точки зрения Самуэля Бернара и ему подобных, что могли произвести на вас чрезмерное впечатление. Не забудьте, что предложенная мной система кладет конец обогащению таких, как Самуэль Бернар. Их монополии будут отняты государством. Его враждебность к предлагаемой моей системе основана на страхе перед ее успехом. Окажите мне любезность, господа, принять это во внимание. Тогда ваше решение будет справедливым.

Он кончил и снова сел, чтобы выслушать господина де Ноая.

Его Сиятельство любезно признал, что убежден в полезности предлагаемого банка, но находит, что сейчас не самое подходящее время для его организации, особенно ввиду оппозиции торговцев, чья поддержка для успеха существенна.

Он сказал, что вместо этого Совет должен посвятить себя экономии и прекращению всех бесполезных трат. Это, а также внимание, которое Его Высочество уделяет делам, должны постепенно восстановить в народе веру в правительство.

Канцлер подтвердил, что полностью согласен с господином де Ноаем, и ничто из того, что он услышал, не может поколебать его уже высказанное им мнение.

Руйе дю Кудре тоже отказался что-либо добавить к уже сказанному и только повторил:

— То, что мы слышали — это предложения игрока. Этого, впрочем, следовало ожидать, учитывая их источник. Взгляды господина Ла являются, возможно, естественными для человека его национальности.

Пока Его Высочество неодобрительно хмурился от такого выпада, другие, хотевшие заклеить саму систему, заклеили ее, хотя и в более вежливой форме.

Господин де Сен-Симон был даже великодушен в своем противостоянии:

— Я считаю такую систему саму по себе блестящей. Возможно, она даже имеет шанс преуспеть в какой-нибудь республике или в таком странном королевстве, как Англия, где монарх без разрешения парламента не может установить даже налог. Это страна, где не имеют понятия, что такое королевский указ об изгнании, и где какой-нибудь дерзкий мистер Локк¹⁶ может запросто противопоставлять естественное право священному династическому праву; страна, где финансами управляют те, кто их предоставляет и предоставляет в таком количестве и таким способом, какой считает для себя подходящим. Но я не могу представить, как эта система будет действовать в стране абсолютной монархии, коей является Франция.

В защиту мистера Лоу раздался лишь голос д'Аржансона. Ничуть не напуганный тем, что он в единственном числе против всего Совета, и не скрывая своего презрения к этому факту, генерал-лейтенант высказал мнение, что банк господина Ла, разумеется, нужным образом организованный, был бы фактически чем-то вроде домашней кассы Его Величества и позволил бы оттеснить всех сборщиков податей от доходов государства.

Одно это было бы стоящим предприятием, и если все правильно организовать, то лейтенант не сомневается, что некоторое финансовое облегчение эта затея стране принесет.

Это была решительная защита, произнесенная д'Ар-

жансоном с выдвинутой вперед челюстью и с тем неприятием возражений, которое и сделало его выдающимся адвокатом. Но голос д'Аржансона, хотя и звучный и убедительный, был не в силах заглушить голос большинства Совета.

Регент вздохнул еще раз и уныло посмотрел на мистера Лоу. В извиняющемся выражении его полного розового лица, впрочем, не было необходимости, так как шотландец и без того понимал, что его идея провалена. Он только не понимал, что есть такого в душе этого дружелюбного, легкого на подъем принца, чтобы противопоставить себя враждебному большинству Совета, каковы бы ни были его личные пристрастия.

Только один раз за всю свою короткую карьеру после смерти последнего короля Его Высочество вышел из состояния своей обычной праздности и дал бой. Это было, когда он потребовал от парламента уничтожения завещания Людовика XIV об участии своего узаконенного сына от госпожи де Монтеспан герцога Менского в регентстве Франции и в опеке над юным королем.

С живостью и некоторой долей величия своего покойного дяди он сумел заставить парламент вычеркнуть герцога Менского из завещания, оставив самого его единственным регентом.

Но все это, размышлял мистер Лоу, было борьбой за собственные привилегии, и ничто менее значительное, по-видимому, не могло вызвать у него подобного прилива энергии.

Регент сидел молча, в полной тишине, наступившей после выступления последнего члена Совета, его подбородок утонул в кружевах воротника, сдвинутые брови выдавали работу мысли.

Возможно, это было одно из тех мгновений, когда он проклинал политическую необходимость создавать всяческие Советы, одним из коих был этот Совет финансов, вместо того, чтобы просто управлять министрами, которых легко можно было заставить идти в нужном направлении. Наконец он заговорил усталым голосом:

— Маркиз д'Аржансон, господа, полностью выразил мое собственное мнение. Это мнение сложилось у меня после ознакомления с великолепным трудом господина Ла «Деньги и торговля», отрывки из которого вам были розданы. Будь иначе, не имея я такой уверенности в преимуществах предложенной системы, я бы не затруднял мистера Ла приходом сюда для объяснения своих идей. Продолжая

верить в эти идеи, я крайне сожалею, что все вы, за исключением господина д'Аржансона, выступили против них. Однако ваше единодушие не оставляет выбора. Мне остается только признать этот проект отвергнутым, и, значит, мы должны искать выход из наших трудностей в каком-либо ином решении.

Он резко закончил:

— Я не вижу причин задерживать вас сегодня, господа. Разрешаю вам покинуть заседание.

Глава третья

ГРАФ СТЭР

Не бывает игрока, по лицу которого нельзя было бы узнать о его проигрыше. Однако, хотя ставка в игре Джона Лоу составляла не тысячи, а миллионы, спокойствие не покинуло его.

Его Высочество, когда все вышли, попросил его задержаться, и, словно желая показать, что уважение к мистеру Лоу ничуть не снизилось, опирался на его руку, пока они шли по коридору к главной лестнице, и в изысканных выражениях говорил о своем личном огорчении в связи с таким поворотом событий.

Мистер Лоу совершенно неожиданно ответил на эти соболезнования:

— Если я и разделяю ваши сожаления, то только потому, что вы будете лишены инструмента, могшего оказаться столь полезным в ваших нынешних печальных затруднениях.

Регент был на мгновение ошарашен этой, на его взгляд, глупой и высокомерной фразой. Мистер Лоу почувствовал, как давление руки герцога на его руку ослабло.

— Ах! — Его Высочество шумно вздохнул, и наступила пауза, прежде чем он произнес более спокойным голосом: — По крайней мере, я рад, что вы не страдаете от разочарования. Но не будем отчаиваться. При возрастающей путанице в наших делах не исключено, что эти господа будут вынуждены пересмотреть свое нынешнее столь неудачное решение.

Они прошли еще несколько шагов к главной лестнице. Герцог остановился.

— Кстати, вы ничего не просите за хлопоты?

— Благодарю, Ваше Высочество, — поклонился мистер Лоу, — но я ни в чем не нуждаюсь.

— *Corbleu!** — регент широко улыбнулся. — Услышав такое, можно снова поверить в человеческую природу. Надеюсь, вы не собираетесь покинуть нас?

— Нет, пока Ваше Высочество не скажет, что в моих услугах больше не нуждаются.

— Будем надеяться, что это никогда не произойдет. — Он снова направился к широким мраморным ступеням, возле которых стоял офицер. — Это майор де Контад. Он проводит вас. Думаю, мы скоро встретимся. Кстати, дорогой барон, не забывайте, что я перед вами в долгу.

В душе мистера Лоу опять зажглась некоторая надежда.

Подобающим образом, пусть даже и временно, его поселили в красивом доме на улице Гренель, снятом для него управляющим Лагийоном. Дома он узнал от жены, что в его отсутствие приходил граф Стэр.

Мистер Лоу поднял брови:

— Джонни Далримпл? Какого черта ему от меня надо??

— Он хотел преподнести тебе Париж.

— Когда это он его приобрел?

— В таком случае — просто засвидетельствовать свое почтение. А что ты хмуришься? Он был очень вежлив. Он собирается привести леди Стэр и леди Сэндвич ко мне, а также еще кое-каких своих приятелей-англичан.

Пожав плечами, мистер Лоу нашел себе стул.

— *Timeo Danaos et dona ferentes.*

— Это по-испански?

— Нет. Это Вергилий. Это означает: бойся данайцев, дары приносящих.

— Ты имеешь в виду графа Стэра? — Она говорила с возмущением, всегда испытываемым ею, когда он выражал мнение, не совпадающее с ее собственным. — Думаю, ты не прав. Это очень приличный человек.

— Я мало встречал людей, более неприличных, чем он.

— Мы с тобой подходим к людям с разными мерками.

— Я давно это подозревал.

— Он просто не такой, как твои друзья.

— И слава Богу.

Она презрительно посмотрела на него, а он отстраненно разглядывал ее, думая, как она привлекательна в этом голубом платье, — ее изящное тело словно вырывается

* Черт побери! (фр.)

вверх из вздымающихся юбок. Он равнодушно подумал о том, что Далримпл, видимо, нашел ее в своем вкусе и дал ей это понять. Он не сказал тогда брату, что она очень чувствительна к проявлениям галантности. Да и скажи он, Уильям, как ее адвокат, ответил бы, что это вполне естественно, что ей приятно показать ему, какое впечатление она производит на других мужчин, тогда как он ее отвергает.

— Я думаю, ты знаешь, — сказала она, — что граф Стэр в Париже является послом Англии.

— Я бы меньше удивился, если бы узнал, что он шпион Англии. Лучшее, что я знаю о нем, так это то, что он — виг¹⁷. Мало хорошего быть английским вигом. А уж шотландским — и вовсе последнее дело. А это ведь лучшее, что я о нем знаю. Худшее — не для твоих ушей. Хотя, Бог знает, ты ведь не ханжа. Кроме того, он и сам не скроет этого от тебя, если ты ему позволишь. Кстати, если он говорит, что единственной причиной, заставившей его нанести нам визит, была вежливость, то мы подождем следующего прихода и узнаем подлинные его цели.

Она пожала плечами и раздраженно встала.

— Готова поклясться, ты счастлив, когда ведешь себя вызывающе. Хорошо, что я умею сдерживаться. Полагаю, твои дела в Пале-Руаяле сегодня были не очень успешны.

— Правильное предположение, — признал он.

— Это совсем не предположение. Тебя выдает твое поведение. Так у тебя снова все сорвалось? Можно было это предвидеть.

— Посочувствуй мне.

— Да! Ты ожидал этого? Одно хорошо — ты не взял с собой Уилла. Ты спас себя от унижения, подобного испытанному в Турине. Жаль, ты редко прислушиваешься ко мне. Впрочем, я уверена, ты в грош меня не ставишь. И что теперь? Снова уезжать?

Из всей ее тирады он воспринял только последний вопрос, спокойно сказав:

— Нс сейчас. Его Высочество предложил мне пожить во Франции.

— Пока все не кончится выдворением, как обычно.

— Возможно, и так. Тем не менее, — он говорил с едва заметным сарказмом, — пока мы можем воспользоваться случаем и улучшить отношения с графом Стэром.

Им не пришлось долго этого ждать. Его сиятельство

появился снова на другой день. Худой, невысокий, ровесник мистера Лоу, с красивым, хитроватым лицом и уверенными, довольно высокомерными манерами, редко приносящими ему друзей. Сейчас, однако, он вел себя скромно. Его узкие глаза, широко сидевшие под дугообразными бровями, блеснули, признавая красоту госпожи Лоу, когда он склонился перед ней поцеловать руку.

— Ваше очарование делает меня назойливым, — проговорил он.

Мистер Лоу, поймав тревожный взгляд жены, был вежлив:

— Ваше сиятельство делает нам честь своим посещением.

— Вы преувеличиваете, дорогой барон.

Подозревая под улыбкой графа иронию, мистер Лоу решил тут же дать отпор:

— Я называюсь бароном только во Франции. Так Его Высочество соблаговолил перевести мой шотландский титул, которому во Франции нет точного эквивалента.

— Этот перевод делает честь уму Его Высочества. Я рад узнать, сэр, что он удостоил вас своей дружбы.

— Не преувеличивайте.

— Это было бы самоуничижением — отвергать столь очевидный факт. Как представитель короля Георга I^{го}, я рад за вас.

— У вас талант радоваться по пустячным поводам.

— Пустячным? Вы не знаете, что говорите. Погодите, я объясню вам.

Появился Лагийон, сопровождаемый двумя лакеями в бордовых ливреях с серебряной отделкой, сервировавшими стол для шоколада.

Миссис Лоу объявила, что сейчас самое время перекусить, и не соблаговолил ли гость оказать им честь и выпить с ними чашечку шоколада.

— Мадам, вы заставляете меня краснеть, — запротестовал граф, — мне стыдно, что я пришел не вовремя.

Она улыбнулась:

— Вы пришли вовремя. Мы очень рады вам.

Отпивая шоколад за столом с изогнутыми ножками, где теперь хозяйничала миссис Лоу, гость наконец объяснил причину своего визита.

— Я здесь, чтобы просить вас об одной услуге, мистер Лоу. К счастью, я сейчас занимаю такое положение, что мог бы оказать ответные услуги.

Мистер Лоу никак не реагировал на это, но его

спокойный взгляд, когда он поднял глаза от чашки, приглашал милорда продолжать.

— Я имел несчастье навлечь на себя неудовольствие регента, продолжающего, к нашему большому сожалению, укрывать во Франции претендента на английский престол. Этот несчастный инцидент случился несколько месяцев назад во время последнего восстания якобитов¹⁹ в Шотландии... — Он остановился. — Мы одни здесь, и я надеюсь, что разговор останется между нами.

Он продолжал:

— Как я уже сказал, регент не доверяет нам. Он обещал мне, что если Джеймс Стюарт²⁰ попытается пересечь Францию, чтобы встать во главе мятежников, то будет задержан. Но Его Высочество, как говорят французы, решил усидеть на двух стульях. С одной стороны, он не желает провоцировать короля Георга, а с другой — создавать помехи претенденту, так как успешное восстание могло бы возвести его на престол. Таким образом, у нас нет оснований полагаться на слово Его Высочества, и мы продолжаем наблюдать за событиями. Возможно, вам известно остальное.

— Я слышал о попытке полковника Дугласа перехватить и убить претендента, когда тот собирался в Британию.

— Убить! — граф Стэр был шокирован. — О, нет, нет, это клевета.

— Вашему сиятельству виднее, поскольку, как говорят, полковник Дуглас действовал по вашим приказаниям. Но если бы вы схватили претендента, то бы что вы стали с ним делать?

Граф печально улыбнулся:

— Это домыслы, будто Дуглас действовал по моим приказам.

— Ужасно, — тихо сказала Катрин, — такая клевета!

— Благодарю вас, мадам. Именно такое понимание я и надеялся у вас найти. Тем не менее полковник Дуглас, хорошо известный в Париже и принятый при дворе, теперь выслан из Франции, и часть этого позора, как ни неприятно мне говорить об этом, имеет для меня неважные последствия.

И вновь миссис Лоу выказала свое сочувствие:

— Какой стыд!

— Вы тронули мое сердце, мадам, — благодарность сверкнула в его сощурившихся глазах. — Раньше я был в милости у Его Высочества, но теперь он доверился сплетникам и отказывается принимать меня с глазу на

глаз, а также не удостаивает своим вниманием при посторонних. — Он гордо выпрямился. — Впрочем, для меня лично это не имеет значения. Но у меня есть обязанности, дипломатические обязанности, а я лишен возможности выполнять их. Вот причина, почему я прошу вашей помощи.

— Моей помощи?

Мистер Лоу выглядел непонимающим. Но Катрин тут же ответила за него:

— Конечно, конечно, он будет гордиться, если сумеет помочь вам.

Граф поставил чашку, вытер салфеткой губы и объяснил, что сейчас доверие регента к мистеру Лоу очень велико, и, если мистер Лоу попытается употребить это доверие в интересах Британии, его сиятельство, в свою очередь, постарается сделать для мистера Лоу что-нибудь не менее ценное.

— Я не очень сообразителен, — сказал мистер Лоу. — Никак не могу понять, что мог бы сделать для вас, даже если предположить, что мое влияние на регента так сильно, как вы думаете?

— Вы хотите, чтобы я проинструктировал вас?

— Я уверена, что это необходимо, — уверила его миссис Лоу, заслужив самую теплую улыбку его сиятельства.

— Грубо говоря, нужно убедить его, что один узурпатор должен поддерживать другого.

— Грубо говоря, я вас понял наполовину. Один узурпатор — это король Георг, хотя ваше сиятельство и пугает меня подобным выражением. Но кто же другой? Я не вижу его.

— Другой — это потенциальный узурпатор, и он может стать реальным, если скончается юный Людовик XV. Филипп Испанский, сын великого дофина²¹, может оказаться сильнее, чем Филипп Орлеанский, в борьбе за престол Франции. У него есть здесь партия, которую пестует герцогиня Менская. Эта внучка великого Конде²² не делает тайны из своих планов.

Он рассказал, как недавно гостил в чудесном поместье герцога Мена в Со и, делая вид, что поглощен пикниками, литературными конкурсами, венецианскими вечерами, маскарадами и пьесами, которые ставила герцогиня, тем не менее все видел, слышал и делал выводы.

Люди в Со, лицемерные во многих вещах, были удивительно смелы в отношении двора. Герцогиня без колебаний заявляла, что горит желанием отомстить за

лишение ее мужа прав регента, более того, говорила, что вынашивает планы лишить потомков Людовика XIV права принцев крови, переданного им самим королем.

Герцогиня Менская мечтала о дне, когда станет королевой Франции. Эти мечты разбил Филипп Орлеанский. Она при всех говорила, что когда она получит корону, то скорее даст погибнуть всему королевству, чем позволит отнять ее у себя.

— И это не просто слова, — продолжал граф Стэр, — я могу сделать вывод, что она активно переписывается с Филиппом Испанским. Принц Сельямаре, испанский посол, — частый гость в Со. Если бы вы передали эти сведения герцогу Орлеанскому как доказательство вашей верности ему, он понял бы, что вы служите его интересам, и вам легче было бы убедить его не поддерживать претендента. В конце концов, ему просто выгоднее заключить союз с королем Георгом против короля Испании. Вы не единственный, кто будет подводить регента к этой мысли, но чем больше людей, которым он доверяет, будут убеждать его придерживаться в политике такого курса, тем вероятнее, что он ему последует.

У мистера Лоу не осталось сомнений, что Стэр выполняет инструкции Лондона с целью заключения оборонительного союза между Англией и Францией и ищет способ указать регенту на коварство Испании. Задумчиво улыбаясь, он покачал головой.

— Вы слишком высоко оцениваете доверие герцога ко мне. Вас неверно информировали. Возможно, регент и доверяет мне как финансисту, но не как политику. Мне не хотелось бы добавлять, что я не имею особого желания служить ни Англии, ни ее королю.

Стэр поднял брови.

— Не хотите ли вы сказать, что вы — якобит?

— Нет, милорд. Я выслан по другой причине.

— Это случилось еще во времена короля Вильгельма.

— Но запрет на мой въезд не отменен и поныне. Я, пожалуй, даже не высланный, а беженец. Я бежал от того, что в Англии называют правосудием.

— Как бы то ни было, мистер Лоу, не забывайте, что вы убили человека, — запротестовал граф.

— На дуэли.

— На незаконной дуэли. Без необходимых свидетелей. Но неважно. Я уже говорил, что мог бы помочь вам.

Что, если я пообещаю вам прощение и возможность возвращения в Англию в качестве платы за ваши услуги?

— Я отвечу вам, что так долго прожил за границей, что чувствую себя здесь как дома.

— Короче говоря, вы отказываетесь? — Лицо его сиятельства потемнело. Было заметно, что он борется с приступом гнева.

— Позвольте быть с вами совершенно откровенным. У меня свои цели, я стремлюсь к их достижению и не могу ставить их под удар, вмешиваясь в дела, меня не интересующие.

Его сиятельство шумно вздохнул.

— По крайней мере, благодарю вас за честность. — Он рассмеялся. — Я только хотел сказать, что вам было бы легче достичь своих целей, если бы вы служили мне. И не только потому, что дела самого регента улучшатся, если он найдет общий язык с королем Георгом. Это было бы выгодно всем, кто заинтересован, чтобы Его Высочество продолжал свое регентство. А ведь вы, мистер Лоу, из числа таких людей. Подумайте об этом, сэр. Не жалейте времени. Возможно, вы поймете, что это лучше и для вас.

Не ожидая ответа, он повернулся к Катрин, чье разгневанное лицо его обнадежило.

— Никогда не поверю, мадам, что вы тоже безразличны к возвращению домой, в Англию, где все было бы вам так рады.

— Вы так добры, ваше сиятельство. Жить вне дома, скитальцами, что может быть хуже?

Граф Стэр оживился:

— В таком случае давайте объединим усилия и убедим этого упряма. Готов спорить, он будет нам благодарен.

— Ты слышишь, что говорит его сиятельство, Джон?

Мистер Лоу вышел из задумчивости, куда его погрузили последние слова Стэра.

— Слышу, — сказал он и беззаботно рассмеялся.

Его сиятельство решил не форсировать события. Он сменил тему и стал рассказывать о прелестях английской светской жизни, о тамошних развлечениях, расточительность которых соответствует высокому благосостоянию страны. Полной противоположностью является та бесцветная жизнь, в которой погрязла обедневшая Франция. Он расстроен, что обязанности держат его здесь, и с нетерпением ждет часа, когда, сложив их с себя, сможет

вернуться домой, к ожидавшим его в Лондоне удовольствиям.

Он так воспламенил миссис Лоу картинами процветающей Англии, тем триумфом в свете, который ее ожидает, что приобрел в ее лице самого рьяного защитника.

— Подумайте над моими словами, — говорил он, прощаясь с мистером Лоу, — и о своей выгоде. Я уверен, что вы оцените мое предложение.

Он еще не вышел за дверь, а Катрин уже атаковала мужа. По-видимому, он сошел с ума, говорила она, если сомневается, принять ли ему предложение, дающее шанс на прощение.

— Я не сомневаюсь, — был холодный ответ, приведший ее в ярость.

— Ты хочешь сказать, что ты все уже решил?

Когда он ответил, что она правильно поняла его, по крайней мере, относительно возвращения в Англию, на него обрушился шквал упреков. Какой бес его попутал? Ведь его надежды относительно Франции не оправдались, как она, впрочем, и думала. Что его здесь в таком случае держит? Его околдовала некая женщина? Он всегда гонялся за женщинами. Всегда был *un homme a femmes**.

Значит, причина упрямства заключается в этом? Нет? Тогда чего ради он приносит в жертву ее? Почему он решил, что вся ее жизнь должна быть сплошной мукой? А он подумал о двух их детях, родившихся за границей? Они никогда не увидят родину, никогда не насладятся жизнью в Англии?

Будь проклят день, когда она вышла замуж за игрока, для него ее счастье, ее мечты, сама ее жизнь — просто ставки на кону.

Он слушал ее с бесстрастностью, усиливавшей ее ярость. Ее красивое лицо было искажено гневом, нежный, певучий голос стал резок и скрипуч, грубые оскорбления прерывали порой жалобы. Наконец, поняв, что ничто не прошибает его невозмутимости, она села и заплакала.

Когда-то ее слезы трогали его. Но это было в дни, когда он еще пытался спорить с ней, пока презрение не стало ответом на истерики, а ее брань еще не убила в нем того чувства, которое она сейчас искала.

Он знал, что спорить с ней означает просто раздражать ее еще более. Он также знал, что, хотя теперь она редко бывала нежна с ним, вспышки гнева были бурными, но

* Бабником (фр.).

короткими. И уже через час после скандала, казалось, должного навсегда рассорить их, она могла общаться с ним, как будто между ними ничего не случилось.

Он тихо обратился к ней, собираясь уходить:

— Когда-нибудь, Катрин, мое терпение кончится. А пока я буду делать то, что я посчитаю своим долгом.

Глава четвертая

БАНК МИСТЕРА ЛОУ

В последующие месяцы, ожидая подходящей ситуации для воплощения своих идей, мистер Лоу знакомился с людьми, могущими оказаться полезными при благоприятном повороте событий.

Близость к регенту широко распахнула перед ним и Катрин двери *beau monde**. Она в полной мере наслаждалась светскими удовольствиями, отвлекаясь от своих печалей. В дополнение к славе мужа она пользовалась покровительством английского посла и его супруги. Но и сама привлекала внимание своей красотой и живостью, которые, казалось, сохранили свежесть ее юных лет. Постепенно она привыкла к парижской жизни.

Что касается ее мужа, то самыми близкими знакомыми его в эти дни были маркиз д'Аржансон, ставший ему другом после памятного заседания Совета; герцог Антен, имевший честь быть единственным законным сыном господи де Монтеспан; граф Орн, обаятельный распутник, принадлежащий к одному из благороднейших семейств Европы; а также аббат Дюбуа, близость с которым основывалась на единстве целей.

Дюбуа, отталкивающий портрет которого оставил герцог Сен-Симон в своих энциклопедических мемуарах, сильно отличался от трех других знакомых мистера Лоу. самого низкого происхождения — сын аптекаря из города Брив-ла-Гайард, он — благодаря своему таланту, крепким паразитическим инстинктам и огромной наглости — сумел выбиться наверх, используя цепь счастливых случайностей.

Он был назначен чтецом герцога Орлеанского еще в бытность того герцогом Шартрским. Тогда же он понял, что стоит на нижней ступеньке той лестницы, с которой

* Высшего общества (фр.).

никакая сила не сможет его столкнуть. Он заслужил благодарность молодого герцога преданной службой, сумев стать незаменимым проводником в мир низменных радостей, что в общественном мнении несколько роняло большие и разнообразные таланты его ученика.

Так или иначе, теперь, когда Филипп Орлеанский стал регентом Франции и, отбросив незаконнорожденных кандидатов на трон, — вероятным претендентом на престол, Дюбуа оказался важнейшим человеком в государстве после герцога.

Его церковное звание было узурпировано им без всяких на то прав. Любому, у кого не было оснований гордиться своим происхождением, звание аббата служило небольшой компенсацией — отчасти скрывая социальное происхождение. На ранних порах это было для Дюбуа большим преимуществом. Его права на звание аббата основывались на том, что, учась в семинарии, которую он так и не смог закончить, он выполнял для Церкви незначительные поручения. Отсутствие сана священника отнюдь не уменьшало его желания сделать церковную карьеру.

Надеясь стать вторым Мазарини²³, который также не был священником, он вслед за ним мечтал носить красную шляпу кардинала. Для удовлетворения этого желания ему необходимо было достичь двух целей: получить политическое влияние и разбогатеть.

Первой он достиг, и сейчас его влияние быстро усиливалось. Что касается второй цели, то со свойственной проницательностью он увидел в Джоне Лоу обладателя того философского камня, в котором нуждался.

Именно к нему обратился за помощью не менее проницательный Джон Лоу, когда, устав ждать удобного случая, решил приблизить его сам.

Аббат жил в Пале-Руаяле, в тех самых комнатах, которые занимал когда-то, будучи скромным учителем молодого герцога. Комнаты были теперь прекрасно обставлены, а стол славился изысканностью. Это был сморщенный низенький человечек в черной сутане и шапочке, с худым заостренным лицом, покрытым глубокими морщинами, и впалыми щеками, словно у него отсутствовала значительная часть коренных зубов. Волосы у него были рыжие, глаза смотрели из-под красных век необычайно пронзительно. Очевидцы говорили, что он походил на

сатирика Аруэ, опекаемого герцогиней Менской и позднее называвшего себя господином де Вольтером.

Аббат принял мистера Лоу с радостными восклицаниями, придвинув ему самый удобный стул, приказал подать вино и высказал предположение о цели его визита:

— Тот, кто сидит дома, милый господин Ла, никогда не покорит мир. Мир не шлюха, и сам себя не предлагает. Необходимо самому сделать первый шаг, если хочешь заполнить его.

— Я понял, — сказал мистер Лоу, — и пришел к вам, чтобы вы помогли найти повод оживить интерес регента ко мне.

— Повод! Поводы не находят. Их создают. — Он взглянул на каминные часы из золоченой бронзы. — Даю вам десять минут, чтобы вы создали этот повод. А потом отведу вас к Его Высочеству. Думаю, человек с вашим умом всегда может оправдать свое вторжение.

На минуту задумавшись, мистер Лоу вспомнил о просьбе графа Стэра о помощи, вспомнил его рассказ о событиях в Со, и, когда аббат вводил его к регенту, он уже нашел требуемый для визита повод.

Принц всегда радовался, если удавалось нарушить этикет; он принял его без всяких церемоний в своей лаборатории, являвшейся, пожалуй, самой странной частью обстановки, которой окружил себя регент Франции. Это была комната с очень простой мебелью, заполненная фантастической формы ретортами, колбами и другой таинственной утварью в шкафах.

Его Высочество в накинутах поверх обычного наряда халате забавлялся химическими опытами, прибавлявшими ему скандальную славу наравне с оккультными занятиями и приготовлением ядов.

— Дорогой барон, вы совсем позабыли обо мне.

Начало было ободряющим.

— Я ждал приказов Вашего Высочества. Если я вторгаюсь теперь, то только потому, что посчитал своим долгом довести до сведения Вашего Высочества то, о чем недавно узнал.

— К чему говорить о вторжении? Я просто занимался приготовлением отвара из трав. Если я, — засмеялся он, — не увлекаюсь главным искусством алхимиков — получением золота, то это оттого, что больше верю в ваше искусство. Но присаживайтесь, барон. Вот сюда. — Он указал на трехногую табуретку, а сам присел на краешек стола. — Итак, какие новости вы принесли мне?

Мистер Лоу, стыдясь про себя своей неизобретательности, пересказал то, что ему было известно о событиях в Со, не открыв, однако, источника этой информации.

К удивлению и облегчению мистера Лоу, регент довольно рассмеялся:

— И это все? Да пусть интригуют сколько угодно, раз им это нравится. Лучше интриги этого инвалида с его карлицей, о которых мне сообщают, чем стихи, коими пытаются задеть меня. Один из таких стихоплетов, отвратительный и хитрый тип по имени Аруэ, — настоящее дерьмо, — сидит теперь в Бастилии. Жаль наказывать людей за гадости, придуманные *cabotine**, но что поделаешь.

Презрительные слова, с какими Его Высочество говорил о герцоге и герцогине Мен, не называя его иначе чем инвалидом, поскольку герцог хромотал, и ее карлицей, так как герцогиня была ростом с ребенка, он перенял от своей весьма острой на язык матери, бывшей родом из Баварии.

Когда мистер Лоу посчитал уместным сообщить, что в интригах принимает участие испанский посол, регент беззаботно рассмеялся:

— Сельямаре! Ба, старый негодяй вдохновился благосклонностью ее сиятельства. Однако у него своеобразный вкус. Да он просто ломает комедию, чтобы польстить ей. Я ценю вашу озабоченность, барон, но не стоит, не стоит это вашего времени. Вы меня просто разочаровываете. Ваше появление возродило во мне надежду, что у вас появились идеи, могущие наконец убедить Совет. Кстати, о деньгах. Я слышал, несколько дней назад вы облегчили графа Орна на пять тысяч луидоров? Красивая такая, круглая сумма. Он вам ее вручил?

— У меня его расписка.

Регент захохотал:

— Ну, конечно же, вы так верите бумаге. Я хотел бы, чтобы вы убедили мой Совет поступать так же.

Вот оно, подумал мистер Лоу. Лучшего шанса не будет.

— Тщетно спорить с упрямыми, но я мог бы убедить их примером.

— Примером? — регент с интересом смотрел на него. — У вас есть какой-то образец на уме?

У мистера Лоу был такой пример.

— Разрешите мне основать частный банк на свой страх и риск, и я смогу переубедить Совет.

* Комедиантка, скверная актриса (фр.).

— Частный банк? — регент задумался, почесывая подбородок. — На это понадобятся деньги, друг мой.

— Шести миллионов должно хватить для начала.

— У вас есть шесть миллионов?

— У меня два. Я выпущу банкнот еще на два. Первые два, золотые, будут служить для них гарантией. Итого — четыре. Оставшиеся я смогу получить совсем просто. Выпущу облигации, скажем, стоимостью пять тысяч ливров каждая.

— А кто их купит?

— Те, у кого хватит ума мне поверить.

— А если во Франции не окажется таких умников?

Мистер Лоу объяснил, что существуют способы вызвать спрос. Он сделает так, что за эти облигации золотом будет платиться только четверть цены, а три четверти — государственными обязательствами. Эти обязательства он будет принимать по их номинальной стоимости, даже если в момент сделки они будут в два раза дешевле. Это сразу сделает его облигации привлекательными для тех, кто имеет на руках государственные обязательства. А для регента этот план должен быть привлекателен тем, что в перспективе даст возможность поглотить часть государственных обязательств, снизив таким образом внутренний долг Франции. Но это не все. Банкноты он обязуется обменивать на золото по той цене, которую они имели в момент выпуска. Будучи лучше защищены от подделки, чем звонкая монета, они просто обязаны начать вытеснять ее из оборота.

На регента это произвело впечатление. Он подробно обсудил детали проекта, восхищаясь мудростью и предусмотрительностью мистера Лоу. В конце беседы он пообещал выдать разрешение на создание частного банка, который, в конце концов, ни в коей мере не сможет скомпрометировать государство.

Мистер Лоу отбыл вполне довольный, немедленно вызвал в Париж своего брата и, не ожидая его прибытия, начал подыскивать подходящее помещение для банка.

Он нашел его на улице Кенкампуа. Это была довольно широкая улица, примерно четырехсотметровой длины, между улицами Сен-Мартен и Сен-Дени. У улицы была посредственная репутация, так как здесь в основном жили менялы, ростовщики и люди, считавшие себя банкирами, но по сути являвшиеся ростовщиками. Дом, тем не менее, был просторным, с большим числом комнат. В начале

мая 1716 года мистер Лоу получил разрешение и открыл Генеральный банк под опекой самого регента.

Банк тут же стал предметом ненависти со стороны Ноая, решившего, что это первый шаг к получению мистером Лоу финансовой власти в стране, особенно если учесть расположение регента. По наущению герцога газетчики начали формировать общественное мнение. Они оплевывали эту затею как могли. «Газетт де ла Режанс» приглашала весь свет посмеяться над обреченным на провал безрассудством.

Тем не менее банк начал пролагать свой путь. Мистер Лоу знал, что делать. Его проценты по вкладам и при обмене денег были такими выгодными, что менялы с улицы Кенкампуа почуяли опасность остаться без дела. Достаточно низкими были и проценты при ссуде денег под залог. Первый выпуск банкнот вызвал недоверие, однако постепенно к ним привыкли, так как банкноты были удобнее, особенно при переводе денег.

В усилении доверия к банкнотам сыграло роль и правительство, сделав их средством своих платежей. А когда народ убедился, что банкноты можно тут же поменять на золото, доверие к ним стало полным. В конце концов, когда стало ясно, что банкноты мистера Лоу не подвержены колебаниям в курсе звонкой монеты, ужасно дезорганизовывавшим торговлю, они стали предпочтительнее золота, и люди понесли золото обменивать в банк. В конце года банкноты уже ценились выше самого золота на десять процентов.

Газетчики поутихли. «Газетт» больше не тыкала пальцем в ненормального, а признавала, что банк богатеет.

Замиравшая было торговля стала подавать признаки жизни благодаря помощи мистера Лоу. Производители начали увеличивать выпуск продукции, пользуясь займами для приобретения сырья и найма рабочих. И это был триумф игрока, готового, основываясь только на своих расчетах, уравновесить риск потери в одном месте явным выигрышем в другом.

Когда в конце года он объявил дивиденды в размере восьми процентов, доверие сменилось ликованием. Стоимость банкнот относительно звонкой монеты поднялась еще выше. С капиталом в шесть миллионов теперь уже чистым золотом мистер Лоу посчитал возможным увеличить его в десять раз за счет выпуска новых банкнот. И начал расширять финансирование торговцев и даже рас-

пространил свою деятельность на провинцию, открывая там одно за другим отделения банка.

Пример создания банковской системы показал ее преимущество над школой Самуэля Бернара, считавшего ее просто азартной игрой, могущей легко разорить участников.

Регент по-родительски гордился Генеральным банком, а Ноай чувствовал все возрастающую опасность для своих амбиций. Он рассматривал свое президентство в Совете как стартовую площадку для возжеленной должности первого министра, и если бы он слетел сейчас со своего поста, то шансы на министерское кресло резко бы снизились. Вооружившись аргументами финансистов, он решил попытаться устроить подкоп под основание банка, убедив Руйе дю Кудре и даже д'Арекко идти с ним до конца.

«Долг и честь едины, — был его призыв. — Надо изгнать этого авантюриста, этого игрока, имеющего наглость внедрять мораль карточного стола в банковское дело Франции».

Под этим благовидным предлогом он начал настраивать против иностранца и парламент.

Но мистер Лоу не оставался сторонним наблюдателем этих интриг. Видя опасность, он решил со своей стороны устроить небольшой контрподкоп.

Начал он с Дюбуа, уже получившего от него в подарок значительное число облигаций банка. Кроме того, хорошо понимая, что цели Ноая враждебны его собственным, он был заинтересован в поддержке банкира.

Широкий рот этого Ришелье в зародыше растянулся в ухмылке:

— Положитесь на меня, барон. Немного терпения, и мы разделаемся с господином Ноаем. Два человека в Совете уже за нас. Первый — д'Аржансон. Я знаю, вы с ним ладите. Пожалуйтесь ему на д'Арекко. Он главный союзник Ноая. Уничтожим д'Арекко, и Ноай наполовину обескровлен. А для уничтожения д'Арекко лучше д'Аржансона вам никого не найти. Маркиз мечтает занять пост канцлера. Так что смело вербуйте его. Потом Сен-Симон. Он смертельно ненавидит Ноая и уже поэтому поддержит нас. Подумаем и о других, а пока поговорите с этими двумя.

Мистер Лоу повидал д'Аржансона в тот же день и пожаловался на враждебность канцлера.

— А, д'Арекко! — засмеялся тот. — Способный человек,

но ужасно боится герцогов. Это его ахиллесова пята. Ноай может делать с ним что угодно. Дорогой мой Ла, думаю, регенту следует быть начеку с этими сплетниками. Это в моей сфере деятельности как начальника парижской полиции.

Чтобы подружиться с Сен-Симоном, некогда сторонником признания банкротства страны, достаточно только сказать о неприязни со стороны Ноая.

— Честно признаюсь, господин Ла, я в отношении финансов профан. Вообще-то французскому дворянину здесь не за что краснеть. Но я верю тем, кто в этих вопросах разбирается. А они говорят, что созданный вами банк свидетельствует о ваших необычайных способностях. Не следует, на мой взгляд, позволять, чтобы враждебность со стороны господина де Ноая могла нанести ущерб вашей деятельности. Я обязательно выскажу это Его Высочеству.

— Вы мне оказываете честь вашей поддержкой, господин герцог, — польстил ему мистер Лоу.

И вот, когда регент издал указ, обязывающий сборщиков податей получать их в банкнотах Генерального банка, а парламент неожиданно взбунтовался, отказавшись этот указ утвердить, Дюбуа, тайный ментор²⁴ и доверенный агент регента, посчитал своим долгом известить его, что главным возмутителем в парламенте был Ноай. Одновременно маркиз д'Аржансон в качестве королевского генерал-лейтенанта с сожалением известил регента, что у него есть информация, что господин де Ноай пытался организовать обструкцию королевского указа и, таким образом, виновен в измене. Наконец, господин де Сен-Симон с потемневшим строгим лицом высказал Его Высочеству свое мнение, что герцог де Ноай принимает больше, чем уместно дворянину, участие в финансовых вопросах, а с другой стороны, смыслит в них не больше, чем обыкновенный дворянин.

Каждого Его Высочество внимательно выслушал и поблагодарил. Все были удивлены, что он сделал это без обычной легкости. Уверившись после этих бесед в своей правоте, регент именем короля потребовал от парламента утвердить указ без обсуждения и проволочек. Ноай и его сторонники не решились при такой настойчивости регента требовать, чтобы парламент ждал решения Совета. Напуганный суровым тоном регента и собственным безрассудством, парламент капитулировал, затаив против Лоу глубокую ненависть.

Довольный мистер Лоу рассказал эти новости брату, работавшему теперь на улице Кенкампуа.

Уильям Лоу обрадовался:

— Я думаю, это великолепно. Теперь твоя работа завершена.

— Завершена? — мистер Лоу улыбнулся и покачал головой. — Мы только расчистили стол для игры, в которую я надеюсь сыграть, когда сдадут карты.

Воодушевление брата погасло. Он был осторожным человеком.

— Разве нам не хватит того, что мы имеем? Все идет так здорово! У нас великолепная система кредитов. Ты распоряжаешься шестьюдесятью миллионами, и им остается только прирастать. Чего же тебе не хватает?

— Упаси Бог, Уилл, разве я просто мелкий лавочник, зарабатывающий на пропитание? Да ты, кажется, еще не знаешь меня. Разве я забочусь о деньгах? Мне нужна сама игра. И я еще никогда не играл с такими ставками, как собираюсь.

Уилл, лишенный темперамента игрока, посмотрел на него отстраненно.

— Я думаю, Джон, что должен был бы любить тебя, даже если бы ты не был моим братом. Но не скрою, бывают времена, когда ты кажешься мне почти отвратительным.

Глава пятая

ОТПЕВАНИЕ

Мистер Лоу получил карты для игры только через несколько месяцев. Озлобление господина де Ноая и его сторонников достигло к тому времени апогея.

Со времен Ришелье и Кольбера²⁵ монополию на морскую торговлю и использование колоний держали такие компании, как Китайская, Сенегальская и Канадская.

Осенью 1717 года Кроза, владевший компанией по использованию богатств Луизианы и долины реки Миссисипи, решил продать концессию, сочтя ее не прибыльной.

Мистер Лоу сразу увидел в этом шанс для осуществления своей мечты. Она заключалась в объединении банков, сбора налогов с населения и управления монополиями таким образом, чтобы государство стало как бы

одним большим предприятием во главе с ним. Все это было в идее заложено уже в том проекте, который отверг Совет.

Прослав благодаря успеху открытого им банка фантастически богатым человеком с феноменальным финансовым чутьем, он мог теперь уже без околичностей заговорить о передаче ему концессии Кроза.

Поначалу регент возражал:

— Вы не представляете себе, что это такое. Кроза сообщил, что оставляет колонию в полной разрухе, колонисты — опустившиеся личности, их отряды напоминают банды, дисциплина отсутствует, и к тому же там тропическая лихорадка и настоящий голод.

Но мистер Лоу знал об этом, и это его не пугало.

— Я и не ожидал, чтобы господин Кроза покинул процветающую колонию. Но во всем виноваты только методы, коими он управлял. Он взялся за дело выше своих возможностей. Я выяснил — земли Луизианы исключительно плодородны, ее богатства неизвестны Старому Свету, а запасы минералов, включая золото и серебро, даже превосходят богатства Мексики или Перу. Передайте мне управление этой колонией, а я в короткое время сделаю Францию богатой и свободной от долгов. Обещаю, а Ваше Высочество знает, что я слов на ветер не бросаю.

Он объяснил свой план. Приманкой, чтобы снова соблазнить регента, как и с созданием банка, были перспективы дальнейшего изымания государственных обязательств и обмена их по номинальной стоимости, а не по курсовой, бывшей в два раза ниже.

Стремление превратить обесценивающиеся бумажки в золото само по себе гарантирует покупку облигаций. Все остальное уже дело компании, при умелом руководстве должной окупить вложенные в нее средства и увеличить собственную стоимость до суммарной стоимости выпущенных облигаций, то есть до ста миллионов ливров.

В результате долг государства снизится на сто двадцать пять миллионов ливров. За это, однако, казна будет платить компании ежегодные отчисления в размере трех миллионов ливров, которые станут распределяться среди держателей облигаций.

— Суть такова, — подвел итог мистер Лоу, — государство отдает во владение своим кредиторам собственность в Луизиане в обмен на двадцать пять миллионов ливров, вкладываемые в развитие этой колонии.

Его Высочество признал, что трудно сразу охватить столь огромный и смелый проект. Через некоторое время, однако, он привел в порядок свои чувства и смог оценить изобретательность мистера Лоу и выгоду для государства.

Устоять было невозможно. Желая поскорее увидеть этот план воплощенным и пожинать его богатые плоды, не сомневаясь более в финансовом гении мистера Лоу, регент, даже не потрудившись обсудить данный вопрос в Совете, выпустил указ об основании компании, которую назвали «Compagnie des Indes Occidentales» *.

Жизненность этого начинания тут же проявилась — владельцы долговых обязательств начали вкладывать средства в облигации компании. Как мистер Лоу и предполагал, они не хотели упустить посланный небом для избавления от обесценивающихся бумаг шанс и помогли обеспечить начальный капитал.

У остального населения, правда, рассказы о золотых и серебряных копиях, драгоценных камнях огромной величины и даже алмазных скалах не вызвали большого энтузиазма.

Выпущенные облигации при перепродаже с рук шли менее чем за половину номинальной цены, и это было естественно, если учесть условия, на которых они приобретались.

Мистер Лоу, однако, не намеревался терпеть такое положение дел. Хорошо владея тонким искусством манипуляции рынком, он через своих представителей создал перепады в цене на эти облигации, что показалось соблазнительным для многих спекулянтов. Постепенно подогревая интерес к облигациям, он медленно, но верно улучшил их котировку.

Одновременно он активно действовал и в других направлениях. Он принял у Кроза корабли, курсирующие между Францией и Луизианой, купил еще несколько и стал владельцем флотилии, достаточной для обеспечения ожидаемых перевозок.

Кроме того, в конце 1717 года ему пришлось заняться еще одним делом.

Усиление его финансового могущества, процветание банка, а также популярность компании, которую все называли Миссисипской, как он и ожидал, усилило

* Вест-индская компания» (фр.). Отметим, что автор не совсем точен. В официальных справочных изданиях компания называется просто Западной: Compagnie d'Occident.

завистливую враждебность со стороны Ноая и его союзников.

Они составляли большинство в Совете финансов и понимали, что рост влияния мистера Лоу означает падение их собственного.

Кроме того, бывшая уступчивость регента уменьшилась в результате возросшего доверия к мистеру Лоу, избавившему регента от многих забот и всегда готовому потакать его экстравагантным прихотям.

Господин де Ноай считал, что к этому зарвавшемуся иностранцу должны быть применены радикальные меры, пока он совершенно не уничтожил их влияние.

Враждебность достигла точки кипения, когда мистер Лоу, доказывая несправедливость и бесполезность налога на соль, именуемого *gabelle*, убедил регента вынести этот вопрос на Совет.

Только уважение к королевской крови регента удержало Совет от открытой вспышки враждебности, но даже и в такой, плохо скрытой, форме она расстроила Его Высочество, не терпевшего скандалов, и он не стал настаивать на отмене налога. После Совета он задержал герцога Ноая.

— Дорогой герцог, мне трудно было обсуждать этот вопрос, — сказал он, — потому что, буду откровенен, аргументы для отмены налога довольно сложны.

— Это аргументы господина Ла, разумеется?

Его Высочество сделал вид, что не заметил иронии.

— Да, и я хотел сказать об этом. Думаю, было бы лучше, если бы с ними в Совете выступил сам господин Ла.

Ноай с достоинством выпрямился.

— У вас есть опытный защитник отмены налога, но позвольте и мне воспользоваться услугами человека, могущего парировать аргументы господина Ла.

Его Высочество был благосклонен более обычного. Если господин де Ноай предложит ему отужинать в Ла Рокет, он пригласит с собой господина Ла, и за столом они смогут дружески обсудить эту проблему.

На ужин в доме герцога де Ноая в Ла Рокет его светлость пригласил не только канцлера, как ожидал регент, но и Руйе дю Кудре.

После ужина, удовлетворившего даже утонченный вкус регента, в конце которого подали мягкое кипрское вино, Его Высочество попросил собравшихся выслушать аргументы господина Ла в пользу отмены *gabelle*.

Под высокомерным взглядом Ноая шотландец медлил, собираясь с мыслями. Неожиданно канцлер д'Арекко сказал:

— Это, наверное, весьма весомые аргументы, раз должны заставить короля отказаться от столь выгодного источника дохода.

Мистер Лоу быстро ответил:

— Если бы этот налог приносил доход, я бы не ратовал за его отмену.

Он повернулся к герцогу:

— Ваша светлость, в качестве главы Совета финансов вы должны знать, сколько денег в казну принес gabelle в прошлом году.

— Mon Dieu*, господин Ла, вы думаете, что я держу такие цифры в памяти?

Мистер Лоу вежливо улыбнулся.

— В таком случае, господин герцог, у меня есть преимущество. Возможно, это нечестное преимущество, — но я такие цифры держу в памяти. За прошлый год gabelle дал казне доход всего-навсего в двадцать тысяч ливров.

— Это абсурд, — зашумел дю Кудре.

— Хуже, — сказал мистер Лоу, — это смешно. Даже тысячи луидоров не набралось.

— Вы нарочно вводите нас в заблуждение, — вскипел дю Кудре.

— Конечно, — согласился Ноай. Его красивое смуглое лицо вспыхнуло. — Вы думаете, господин Ла, мы поверим этим цифрам?

Регент сделал попытку вмешаться. Отодвинув стул назад, он оперся локтем о стол и прикрыл ладонью глаза. Свечи, отражаясь от полированной поверхности стола, слепили регента.

Один глаз у него заплыл. Одни говорили, что это от удара теннисной ракетки, другие — от веера мадам де Ларошфуко, с которой он повел себя несколько вольно. Несмотря на старания доктора — или, может быть, благодаря им — глаз был воспален, и зрение ухудшилось.

— Если, мой дорогой Ноай, вы говорите, что не помните цифр, то мне кажется, не должны отвергать названные господином Ла. Кстати, я сам проверял их и могу сказать, что они полностью верны.

* Бог мой (фр.).

Сбитый с толку Ноай откинулся, закусив губу. Ему на помощь пришел д'Арекко.

— Господин Ла правильно отметил, эта сумма смехотворно мала. Но это значит только, что надо строже собирать налог, если мы хотим большего дохода.

— Разумеется, — тут же поддержал его Ноай.

— Это единственный путь, — сказал Кудре.

Мистер Лоу обвел глазами присутствовавших.

— Сизифов труд²⁶, господа. Это невыполнимо.

Д'Арекко и Ноай одновременно с негодованием воскликнули:

— Невыполнимо?!

Дю Кудре засмеялся дребезжащим смехом.

— Позвольте, господа, — сказал мистер Лоу, — я объясню вам почему. В государстве невероятно огромная армия сборщиков этого налога, не менее восьмидесяти тысяч человек.

Он остановился, дождался, пока они с любопытством посмотрят на него, и продолжил:

— Сборщики *gabelle* проявляют бесчеловечную жестокость, отнимая у бедняков последнее, и большая часть отнятого оседает затем в их в карманах.

— Господин Ла, — воскликнул Ноай, — вы позволяете себе оскорблять служащих французского правительства.

Регент усмехнулся и, чтобы рассеять бурю, вмешался:

— Позвольте защитить господина Ла. Честная критика всегда полезна.

— Снисходительность Вашего Высочества общеизвестна, — сарказм в голосе Ноая был так силен, что регент вздрогнул.

— Вы должны радоваться этому, господин герцог, — сказал он, твердостью тона давая понять Ноаю, что он забывается.

Мистер Лоу попробовал всех успокоить.

— Может быть, я сказал больше, чем собирался. Это тем более непростительно, что не было необходимым. Напомню, что *gabelle* существует во многих, но не во всех французских провинциях. Одно это уже огорчительно для тех, кто его платит.

Ноай нетерпеливо вмешался:

— Ну, это всегда так. Огорчение — обычное состояние, когда платишь налоги.

— Но, — спокойно продолжал мистер Лоу, — это заставляет людей уклоняться от уплаты несправедливого и никчемного налога. У вас, как я сказал, есть восемьдесят тысяч

сборщиков налога. Эта армия живет вымогательством денег у своих соотечественников. Восемьдесят тысяч человек занимаются этим непродуктивным занятием, вместо того чтобы сеять, жать, строить или торговать, то есть создавать ценности и тем самым обогащать государство.

Наступила долгая пауза. Трое оппонентов мистера Лоу задумались над такой неожиданной точкой зрения.

Наконец д'Арекко обратился к регенту:

— Допустим, Ваше Высочество, в словах мистера Лоу есть некоторая логика, но ведь из этого опять-таки следует, что лучший выход — усиление контроля за сборщиками и эффективностью их работы.

Регент перевел взгляд на мистера Лоу, приглашая его ответить.

— Мой выход проще и эффективнее. Всем известно, что без соли человеку не обойтись. Так вот, производство соли можно легко превратить в источник дохода. Для этого король должен скупить все соляные копи и продавать соль, как простой товар, без всяких пошлин и ограничений всякому, кто пожелает. Полученные средства быстро окупят затраты на приобретение копей, а потом начнут приносить значительный доход. Вот и все.

Раскрасневшийся и повеселевший, регент с интересом оглядывал сидевших.

Канцлер медленно покачал головой и произнес спокойным и вежливым голосом:

— Такое предложение мог сделать только иностранец. Во Франции нет закона, позволяющего отнимать частную собственность.

— Можно, кстати, и принять, — рискнул вставить Его Высочество.

— Теоретически можно, — согласился д'Арекко, — но очень сложно. Ведь тогда придется видоизменять многие основные принципы, а парламент будет сопротивляться.

— Даже если это выгодно государству?

— Парламент может посчитать, что выгода не стоит создающегося прецедента.

Ноай, не скрывая досады, быстро заговорил:

— Это, так сказать, юридический аспект проблемы. Но есть еще один, более серьезный. Как мы поняли, предложение требует, чтобы солью торговал король Франции. То есть — стал торговцем. Видимо, барон видит королевское величие в этом.

Дю Кудре был не менее строг.

— Из сказанного следует также, что господин Ла не

понимает простой вещи. Я не знаю уж, как там в Англии или Шотландии, но во Франции дворянин не может указывать королю, как ему поступать.

Ноай подхватил, поглубже загоняя нож:

— Вы сказали, Кудре, что он не понимает. Значит, мы можем, по крайней мере, не вменять ему в вину намерения оскорбить Его Высочество.

— Господа, господа! — регент отнял руку от лица и протестующе замахал ею. — Много слов. Слишком много. Ноай, вы забываете, что господин Ла ваш гость.

— Каюсь, — сказал герцог с видом искреннего раскаяния, — но мое почтение к короне слишком глубоко.

Мистер Лоу позволил себе рассмеяться.

— Если вы приносите мне извинения, господин герцог, то я их охотно принимаю.

Ноая передернуло от такой издевки. А мистер Лоу продолжал:

— Вы, господин герцог, и вы, господин дю Кудре, горячились совершенно напрасно. Выгода от отмены *gabelle* была очевидна для Его Высочества, и он просто попросил меня помочь объяснить ее вам.

— Именно так, — сказал регент, — именно так. Ваша критика относится в первую очередь ко мне. В вашей мысли, что король будет торговцем, есть некоторая натяжка. Не очень красивая натяжка. Пожалуй даже, очень некрасивая натяжка.

Его смех чуть сгладил смысл его слов. Но тем не менее господин де Ноай счел необходимым защититься:

— Все равно, монсеньор, это факт, и этот факт меня возмутил.

— Оставим это. Я не собираюсь перевоспитывать вас. Моя кровь королевская, и она нелегко вскипает. Меня беспокоит мнение канцлера по поводу юридического аспекта дела. Мне кажется, господин д'Арекко, ваша задача — постараться убедить парламент.

— Да, монсеньор.

— Фактически вы должны постараться заставить парламент принять это решение.

— Это будет непросто. Не скрою, для меня это очень болезненное задание.

Регент вздохнул, вставая из-за стола:

— *Eh bien!** Мы должны стараться не ставить вас перед необходимостью выполнения болезненных заданий.

* Ладно (фр.).

Канцлер, почувствовав двусмысленность фразы, быстро взглянул на регента, но увидел только ироничную улыбку.

— Я думаю, мы прекрасно поняли друг друга.

В карете Его Высочество ехал вместе с мистером Лоу. Регент тихо засмеялся:

— А ведь я в самом деле думаю, что мы с господином д'Арекко прекрасно поняли друг друга. Я окончательно решил для себя и думаю, они все почувствовали, что сегодня произошло их отпевание.

Глава шестая

ГРАФ ОРН

Через неделю мистер Лоу узнал, что имел в виду регент, говоря об отпевании.

Утром к канцлеру пришел герцог Лаврийер и потребовал сдать все печати. Опешивший д'Арекко хотел просить у регента аудиенции, но Лаврийер сказал ему:

— Уверяю вас, это бесполезно. Его Высочество освобождает вас от выполнения обязанностей, которые вы называли болезненными. Он считает, что государственные печати должны находиться у того, кто при любых трениях в парламенте будет представлять Его Высочество. Он также думает, что вам лучше уехать из Парижа в свое имение.

Поняв, что ссылка означает степень немилости, в которую он попал, д'Арекко больше не возражал.

Единственное, что он сделал до отъезда, это отправил письмо Ноаю, назвав случившееся — результатом интриг гнусного господина Ла, кои угрожают и герцогу.

Нельзя считать неестественным, но Ноай сразу же отправился в Пале-Руаяль.

Его светлость искал повода, чтобы начать с регентом разговор об отставке канцлера. И нашел его, увидев на столе регента государственные печати.

Он изобразил изумление:

— Ваше Высочество, позволю осведомиться, не означает ли это, что д'Арекко ушел в отставку?

— По моему приказанию, — раздался спокойный ответ. — Это огорчило меня, но еще более меня огорчило, что его понимание своего долга вступило в противоречие

с моими указаниями. Чтобы пощадить бедного дворянина, я и освободил его от обязанностей канцлера.

— Ваше Высочество, без сомнения, уже выбрал премьера?

— Господин Ла предложил на это место д'Аржансона. Действительно, это человек, который сможет управиться с парламентом, если тот начнет бунтовать. Вы согласны, Ноай?

Скрыть свое разочарование было выше сил герцога. Этот простой вопрос, заданный безыскусным тоном, показался ему издевательством. Вспыхнув, он ответил:

— Мне трудно признать это правильным, но я вижу, что происходит. Поэтому я прошу Ваше Высочество сообразволить принять мою отставку из Совета финансов.

Регент с сожалением вздохнул, продолжая улыбаться:

— Как вам будет угодно, мой дорогой герцог.

Смертельно побледнев, Ноай оцепенел от изумления. Некоторое время он стоял неподвижно. Потом, не найдя нужных для ответа слов, резко поклонился:

— Разрешите удалиться, монсеньор.

— Вы ничего не хотите попросить?

— Нет, монсеньор.

— Что ж, — вздохнул регент, — у меня есть для вас должность в регентском Совете.

— Я не думаю, что смогу быть там полезен.

Регент пропустил колкость мимо ушей.

— Как вам будет угодно, — сказал он, — можете идти.

Ноай вышел, кипя от негодования. Он рассказывал о несправедливости всем, кто ценил его и хотел выслушать. Его горечь удваивалась от того, что Франция, управляемая теперь кучкой интриганов, фактически отдала свои финансовые дела в руки иностранного авантюриста, игрока, ранее изгнанного из всех европейских стран. Регентство Филиппа Орлеанского вело Францию к ужасным несчастьям.

Отставка человека, до сих пор считавшегося главной опорой регента, не могла пройти незамеченной. Парламент был взволнован и сочувствовал Ноаю. Особенно возбудила парламент герцогиня Менская, действовавшая через своих доверенных лиц — Помпадур, Малезье и некоторых других.

Но пока создавалась сильная партия из дворян и людей, рассчитывающих занять высокие посты, мистер Лоу, предупрежденный Дюбуа о зреющей опасности, тоже спешил заручиться поддержкой столь же высокопоставлен-

ных сторонников. Теперь его беспрепятственно допускали ко двору, где уверенность, обаяние и врожденное благородство его манер завоевали ему немало друзей.

Тем более что его дружба сулила немалую выгоду. Он предусмотрительно добился для дворян разрешения приобретать акции Миссисипской компании, хотя до того им было строго запрещено унижать свое достоинство торговыми операциями. Манипуляции с этими акциями, стоимость которых стремительно шла вверх, позволяли быстро получать прибыль, которой он щедро делился.

Были и другие компании: Китайская, Ост-индская, Сенегальская, но все они терпели убытки, и мистер Лоу наблюдал за их делами, рассчитывая в ближайшем будущем начать и контролировать их. Кроме того, мистер Лоу старался сблизиться и с такими людьми, как герцог д'Антен, принц де Конти, герцог де Бурбон, герцог де Лафорс, а также, хотя это и было странным, с графом Орном, ближайшим другом Ноая.

Так случилось, что Орн оказался должником мистера Лоу. Он обратился к нему за советом. Он неожиданно получил, сказал Орн, изрядную сумму денег и был бы благодарен, если бы господин Ла порекомендовал ему, как их выгодно разместить.

Мистер Лоу не испытывал особой приязни к этому красивому, беспутному лентяю, младшему брату принца Орна и родственнику доброй половины королевских семейств Европы, что не помешало, впрочем, его позорному увольнению из австрийской армии. Было известно, что недавно, находясь в Англии, он женился на очень богатой даме, которая, однако, не сопровождала его во Францию, и мистер Лоу полагал, что этим и объяснялось наличие у Орна суммы денег, названной им изрядной.

Его неприятно удивило, что, получив это богатство, граф даже не упомянул о старом карточном долге в пять тысяч луидоров, расписку о чем мистер Лоу хранил до сих пор.

Но, считая главным сейчас заводить связи в высших сферах, мистер Лоу решил помочь молодому повесе. Он недавно ознакомился с делами компании Гамбии, еще одной колониальной монополии, и нашел их в жутком состоянии. Владельцы акций рады сбыть их за десять процентов номинальной стоимости. Он решил взять эту компанию под свой контроль и посоветовал Орну скупить акции.

— Покупайте, сколько сможете, но не афишируйте своих действий. Это должно принести прибыль.

Граф послушался совета. Его уважение к мистеру Лоу сильно выросло, и он стал частым гостем на улице Гренель.

Катрин Лоу разделяла, что вполне естественно, растущую славу своего мужа; она стала менее сварливой, от лестного внимания самых выдающихся людей Франции характер ее смягчился.

Нельзя сказать, что она испытывала благодарность к мужу. Она вела себя так, словно положение, теперь занимаемое ею в обществе, было для нее самым естественным, и она заняла бы его в любом случае вследствие присущих ей достоинств.

Эту ее точку зрения он никогда не оспаривал. Придерживаясь ее, она считала своим долгом принимать гостей со всей пышностью и превратить их дом на улице Гренель в настоящую Мекку²⁷ для beau monde.

Один из приемов она дала по предложению своего мужа в честь маркиза д'Аржансона, в связи с его назначением канцлером. Маркиз не скрывал, что этим назначением обязан мистеру Лоу из-за истории с налогом на соль.

Гости, которых собралось около двух десятков, представляли различные круги высшего света. Лорд и леди Стэр — дипломатов; маркиз Канильяк и граф Орн — окружение регента; злобный юный горбун принц де Конти был представителем королевской крови; наконец, сам д'Аржансон представлял политиков.

Были там и такие выдающиеся личности, как весельчак герцог д'Антен, единственный законный сын госпожи де Монтеспан, считавший себя на этом основании выше своих незаконнорожденных сводных братьев, чьим отцом был сам король, а также Эктор де Лагранж, банкир, человек большого богатства и изящных манер, принятый всюду.

Мистер Лоу принимал гостей с учтивым обаянием, в котором он был весьма искусен. Вряд ли в Париже тогда был еще один столь же богатый стол. Золотые и серебряные блюда, прекрасный фарфор, исключительно тонкое испанское стекло, — все это он привез с собой из Савойи. Вместе с ним приехали и повар из Болоньи, и безупречный метрдотель.

Странно привлекательный и нарочито элегантный от локонов коричневого парика до красных каблуков туфель, мистер Лоу сидел за столом между высокомерной графиней

Стэр и обаятельной госпожой де Сабран, ни одна из которых не уделяла ему особого внимания.

Леди Стэр наблюдала за своим мужем, сидевшим между Катрин Лоу и госпожой Раймон. Он, пренебрегая хозяйкой дома, полностью сосредоточился на беседе со своей красивой соседкой. Госпожа Раймон вела себя крайне скромно, но леди Стэр больше верила ее слишком откровенному декольте, тем более что именно туда смотрели узкие глаза посланника. Губы леди Стэр кривились.

В другой раз Катрин Лоу обиделась бы на его сиятельство, обычно очень ласкового с ней, но сейчас сама она всецело была занята беседой с другим своим соседом — Орном. Его шутки вызывали смех, который она тщетно пыталась подавить; занятые друг другом, они совершенно не прислушивались к д'Аржансону, с жестоким юмором рассказывающему о несчастьях, постигших финансиста Самуэля Бернара.

Д'Аржансон как никто умел находить смешное в самых разных вещах. Редко человеческая глупость проявлялась так, как в случае с Бернаром. Боясь за свои интересы, он на достопамятном Совете не поддержал систему мистера Лоу. Совет отверг ее, но следом в поисках денег начал трести прежде всего финансистов.

Д'Аржансон сравнил этих людей с виноградом под прессом. К кому только Бернар ни бегал, суля миллионы тому, кто прекратит эти гонения, но все тщетно.

— Очевидно, — с наслаждением произнес д'Аржансон, — еврейскому рыцарю не удалось найти друзей при дворе. Теперь он конченый человек, опасаются за его жизнь.

— Ему не удалось найти при дворе друга, — сказал Лагранж, — но он нарвался на есгос*, взявшего у него миллион за услуги, которые и не собирался оказывать.

Эти слова привлекли внимание к банкиру. Запахло возможностью услышать скандальную историю. Даже Орн перестал смешить Катрин.

— Откуда вам это известно? — спросил д'Аржансон.

— От самого Бернара. Несчастный пришел ко мне за советом и имел наглость предложить взятку. Он горько жаловался на дворянина, близкого регенту, взявшего у него миллион и пальцем не пошевелившего после этого.

— Вы сказали — дворянина? — прохрипел принц де Конт.

* Мошенника (фр.)

— Так сказал Бернар.

— Вернее было бы, — сказал мистер Лоу, — назвать его подлецом.

— Один из близких регенту, вы сказали, — зашумел Канильяк, будучи сам из их числа. — Надеюсь, он назвал его имя.

— Нет. Я и не настаивал. Но он упомянул, что негодяй — граф.

— Граф! — закричал де Конти. — Орн, не так там много графов. Вас можно смело подозревать.

— В чем подозревать? — презрительно фыркнул Орн. — Если то, что сказал этот еврей, правда, его следует наказать за оскорбление дворянина дачей взятки. Но скорее всего это ложь.

— Бернар, возможно, и вор, но он не лжец, — сказал д'Аржансон. — И я не согласен с вами, что вина Бернара в даче взятки извиняет того, кто ее взял.

— Давайте останемся при своих мнениях, маркиз, — примиряющий ответ графа подвел черту под этой темой, и разговор сменил направление.

Мистер Лоу подумал о деньгах, которые граф Орн просил его выгодно разместить. Не ошибся ли он, считая, что это средства богатой графини, и не мог ли Орн, не смущавшийся карточным долгом чести, быть тем графом, которого Бернар обвинял в жульничестве.

Он очнулся от своих мыслей, услышав над самым ухом голос леди Стэр:

— Ваша жена и мой муж, мистер Лоу, видимо, в настроении, когда очень хочется нравиться другим.

— Это удивляет ваше сиятельство?

— Я ненавижу такое поведение. Возможно, у меня слишком примитивный вкус.

— Такая примитивность является добродетелью. Впрочем, я не знаю.

Она повернула к нему лицо, и он почувствовал жалость к ее непривлекательности. Близко посаженные тусклые глаза соседствовали с узким, вздернутым носом; пятна румян на щеках и подбородке скрывали бородавки. Рот грубых очертаний, а подбородок резко срезан. Он подумал, что она похожа на курицу. Но одевалась она тщательно и со вкусом. Сверкание бриллиантов оживляло плоскую грудь.

— Вы не знаете? — повторила она. — Это означает, что вам все равно? Но в таком случае вы сильно изменились после отъезда из Англии.

— Это означает только, что я не вижу причины для беспокойства.

— Не видите? — Она посмотрела в направлении Катрин и Орна, головы их почти касались одна другой, и они увлеченно что-то обсуждали.

— Не видите? — повторила она. — Вы удивительный человек.

Ее намеки были понятны ему, как и сама ее подлая и злобная натура, изводимая двусмысленной галантностью мужа и находившая удовлетворение в подсматривании за поведением гостей. Правда, нельзя отрицать, что у нее были основания для подобных намеков. Хотя отношения между Катрин и Орном, без сомнения, невинны, но трудно рассчитывать, что они останутся таковыми и в дальнейшем. Он вспомнил, что как-то за ужином у регента, где он впервые встретил Орна, молодой граф с тошнотворными подробностями описывал свои *bonnes fortunes**.

Леди Стэр вновь привлекла его внимание:

— Я бы рискнула назвать имя графа, на которого жаловался Бернар. Только один человек с таким титулом столь подл, чтобы поступить подобным образом.

— Интересно, на чем основана ваша уверенность?

Ее губы растянулись в кислой улыбке.

— Все знают, что он в нужде. Игрок, к тому же неудачливый, одни долги. Такие люди всегда готовы брать взятки.

В свое время именно Стэры привели в дом мистера Лоу графа Орна. Сейчас мистер Лоу с неприязнью подумал об этом.

— Ваше сиятельство удивительно информированы.

— Ничего удивительного. Этот господин в поисках удачи женился на моей дальней родственнице. Жаль бедняжку, ее так обманули. Он ослепил ее своими манерами и связями. Вот она и вышла за него год назад в Англии, — в ее неестественном смехе звучала злоба. — Он видел в ней только богачку, впрочем, она таковой и является, но ее богатство настолько хорошо вложено, что этому ловкачу не удалось выцарапать ни шиллинга. Так что они оба остались в дураках. — Она снова жестко засмеялась.

— Поэтическая справедливость, — сказал мистер Лоу. — А она сейчас в Англии?

— У нее нет желания жить с ним, но она тоже несколько дней назад приехала в Париж. Не думаю, что для оплаты его долгов. Мне говорили, он оставляет их повсюду. Кажется, вы тоже являетесь его жертвой, мистер Лоу?

* Здесь: любовные удачи (фр.).

— Пустяки.

Она удивленно взглянула на него:

— Я слышала, что речь идет о пяти тысячах луидоров. Сто пятьдесят тысяч ливров! Это для вас пустяки? Интересно, какой меркой вы измеряете свое богатство?

Мистер Лоу засмеялся:

— А я его и не измеряю. Мое дело — создавать его.

— Вы как алхимик.

— Только более успешен, мне кажется.

— Вам нельзя ошибаться, если вы и дальше собираетесь позволять себе одалживать такие суммы. Я бы на вашем месте заставила вернуть деньги, пока он не прокутил миллион Бернара. Возможно, я слишком кровожадна. Но я становлюсь такой, когда думаю о моей бедной родственнице. Единственная надежда, что ей удастся развестись с ним и уехать в Англию. У него в Париже даже нет своей крыши над головой. Он живет возле Сен-Филипп дю Руль в квартире полковника де Миля, такого же, как он, ловца удачи. Они вместе служили в Австрии и были уволены в одно и то же время.

Мистер Лоу почувствовал усталость от беседы с этой сплетницей.

— Ну теперь-то у него есть деньги, чтобы купить себе дом. Я посоветовал вложить деньги в дело, которое принесет прибыль еще до конца года.

Но графиня продолжала источать яд:

— А он в благодарность переспит с вашей женой. Это единственное, на что он способен.

— Позвольте уверить вас, ваше сиятельство, что он напрасно теряет время.

— Вы так самоуверенны.

Она отвернулась к соседу с другой стороны, а он заговорил с госпожой де Сабран, приветливо относившейся ко всем мужчинам.

Позднее, когда они поднялись из-за стола и прошли в гостиную, граф Орн предложил мистеру Лоу сыграть в карты. Учитывая, что мистер Лоу только что узнал, момент был выбран неудачно. Мистер Лоу отрицательно покачал головой. Они стояли в стороне от остальных.

— Я отказываюсь по двум причинам, — сказал он. — Во-первых, я никогда не играю в карты в своем доме, а во-вторых, не играю с теми, кто мне должен.

Вспыхнув, Орн со смешком сказал:

— Несправедливо лишать человека возможности отыграться.

— Отнюдь. Я считаю, любой имеет право на реванш, но только после уплаты долгов. У меня лежит ваша расписка на пять тысяч луидоров, граф.

— Вы требуете немедленной уплаты?

Тон его показался Лоу дерзко-насмешливым.

— Нет, вы можете выбрать удобное для вас время.

— Вы же знаете, что все свои деньги я вложил в компанию Гамбии.

— Сколько акций вы приобрели?

— На сколько хватило денег. Около семи тысяч, по сто ливров каждая.

— Заложите их в моем банке за половину стоимости и на полученные деньги купите еще.

— Если бы я был так уверен...

— Можете быть совершенно спокойны. Но не проболтайтесь, иначе цена поднимется раньше времени.

— Положитесь на меня. Ну что, а теперь в карты?

К ним подошли д'Аржансон и Лагранж. Граф обратился к ним за помощью:

— Давайте убедим барона сыграть с нами в карты.

— Вы теряете время, господа, — сказал им мистер Лоу, — я не буду обыгрывать моих гостей.

— Неужели вы так уверены в выигрыше? — спросил его Лагранж.

— Не уверен. Но и не могу его исключить. И не хотел бы, чтобы это случилось на глазах господина д'Аржансона.

— Ну что вы все старое поминаете, — недовольно сказал д'Аржансон, — я всячески защищал вас перед королем. Я протестовал против слежки за вами во время игры, будучи убежден, что выигрыш ваш абсолютно честен, просто вам фантастически везет.

— Ваши агенты плохо следили за мной.

— Как? — ошарашенно спросил д'Аржансон.

— В противном случае они не списали бы все на везение. Простое везение не бывает столь непрерывным. Но здесь нет никакой тайны. Я не устаю повторять: мой выигрыш объясняется только тем, что я избегаю ошибок, из-за которых люди проигрывают.

— А может быть, все-таки, барон, — спросил Лагранж, — это постоянная удача?

— Ладно, давайте я вам приведу пример, — сказал мистер Лоу, — грубая, простая вещь, но она легко показывает роль математики в азартных играх. Скажите, маркиз, в должности начальника полиции вам не приходилось наблюдать за игрой в кости?

— Не скажу, чтобы я хоть в малейшей степени увлекался этой игрой. Поэтому даже не могу ответить на ваш вопрос.

— Значит, вы не видели, что самые высокие призы дают за самые маловероятные сочетания цифр, а самое вероятное сочетание приносит выигрыш, почти равный исходной ставке.

— Не понимаю, — сказал д'Аржансон, — как можно о сочетании цифр говорить как о вероятности.

— Если игра ведется честно, — добавил Лагранж, — то выпадение любого сочетания равновероятно.

— Так обычно утешают проигравших.

Он достал из лакированной шкатулки коробочку с игральными костями и подошел к карточному столику. Гости встали вокруг.

— Здесь семь костей. Столько обычно и используется при игре. При бросании может выпасть любое число от семи до сорока двух. Давайте бросим их.

И он бросил кости из коробочки на стол. Сумма выпавших очков равнялась двадцати трем.

— Давайте считать это число самым вероятным. Это и еще три, следующие за ним. Я готов ставить на эти четыре числа и почти уверен в выигрыше.

— Если не шутите, — сказал Орн, — то позвольте поставить на другие числа тысячу луидоров против ста.

Мистер Лоу покачал головой.

— Потом меня обвинят, что я ограбил вас.

Вмешался лорд Стэр:

— Позвольте рискнуть вместе с графом. Я готов оплатить часть суммы.

— И я, — сказал д'Антен.

Мистер Лоу снова не согласился.

— Позднее, если вы по-прежнему будете настаивать. Но для первого кона я принимаю только ставку в десять луидоров против одного от графа Орна.

С этими словами он бросил кости. Когда они упали, д'Аржансон удивленным голосом назвал получившуюся сумму чисел. Она снова была равна двадцати трем.

— Двадцать три! — эхом отозвался Орн. — *Mordieu**, я мог крупно подсесть. — Он напряженно засмеялся, доставая кошелек. — Стоило заплатить десять луидоров за такое зрелище.

— Если здесь все честно, — сказал д'Аржансон, — то

* Черт побери (фр.).

мы имеем дело с волшебством. А иначе как объяснить, что они выпадают по вашему желанию?

— Только волшебство здесь не в костях, а в математике. С семью костями число возможных сочетаний равняется приблизительно сорока тысячам. Однако, чтобы получилось число семь или число сорок два, надо, чтобы все кости упали одинаково. Вероятность таких комбинаций из сорока с лишним тысяч возможных очень мала. А вот комбинаций костей, могущих дать те четыре числа, на которые я поставил, около двадцати тысяч. В этом простом факте и кроется обман. Ставки, низкие для самых больших и самых малых чисел, повышаются по мере приближения к средним.

Он взял десять луидоров у Орна.

— Если кто-то и теперь желает поставить тысячу луидоров против моих ста, готов сыграть.

Граф, смеясь, покачал головой:

— Благодарю за то, что урок был недорогим.

— Надеюсь, вы усвоили его правильно. Запомните, этот принцип не зависит от числа костей в игре. Если уметь быстро считать суммы ставок каждого кона, то удача будет вашей верной служанкой, но иногда она, конечно, может и подвести.

Д'Аржансон почесал в затылке:

— Я начинаю думать, что покойный король был прав. Вы об этих вещах знаете слишком много.

Глава седьмая

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Всю весну дела банка шли прекрасно, а Миссисипская компания увеличивала кредиты. Хотя ее акции и стоили ниже номинала в пятьсот ливров, но это было в порядке вещей, поскольку их в свое время выпустили слишком много.

Мистер Лоу теперь действовал без спешки, будучи уверен, что занимает ведущее положение. Больше внимания он стал уделять укреплению взаимоотношений с регентом. Это ему удавалось без труда. Его Высочество всегда приветливо встречал его в Пале-Руаяле.

Иногда он посещал регента и в лаборатории и с удивлением узнал, сколь разносторонними были познания принца в химии и медицине. Иногда его приглашали на

теннисный корт. Физическая ловкость мистера Лоу была такова, что регент, любивший эту игру, но бывший посредственным игроком, предлагал ему сразиться с Бироном, Канильяком или другими сильнейшими игроками и с азартом наблюдал за мастерством шотландца. Иногда в *salle d'armes* мистер Лоу показывал свое искусство фехтования, в котором был весьма силен, а высокий рост и быстрота реакции давали ему дополнительные преимущества.

Однажды его снова пригласили на один из интимных вечеров регента, слава о которых, усиленная клеветой, шла повсюду. Его Высочество, отбросив королевское достоинство, вовсю развлекался с компанией гостей, чья разношерстность смутила мистера Лоу и уменьшила гордость от пребывания в столь узком кругу избранных.

Там были Бирон и Канильяк, а также герцог Бранка и еще три-четыре человека, которых герцог называл своими *goues**, иногда бывали менее постоянные гости, как граф Орн и актер Бульдак.

Из дам высшего света присутствовали госпожа де Парабер, нынешняя *maitress-en-titre**** регента, за глаза прозванная Марией Магдалиной, госпожа де Сабран, носившая этот титул в прошлом, госпожа де Фалари, к которой он, видимо, должен был перейти, и, к удивлению мистера Лоу, родная дочь регента, герцогиня Берри. Кроме этих дам, присутствовали также и две девочки из оперы, чье вольное поведение было на грани приличия.

Чтобы господа чувствовали себя совершенно нестесненно, слуги на эти вечера не допускались. С одной стороны, естественно, это, было желательно, с другой — оставляло почву для домыслов о том, что же творилось за столь плотно закрытыми дверями. В глазах мистера Лоу, впрочем, особенной щепетильностью не отличавшегося, происходившее выглядело достаточно пошло.

Слуги перед уходом оставили множество холодных и горячих блюд, а также раскаленную плиту. Госпожа де Сабран жарила на ней маленькие итальянские колбаски, а госпожа де Парабер делала *omelette royale*****, объясняя мистеру Лоу, что секрет его вкуса в особом сорте масла.

* Фехтовальном зале (фр.).

** Плутами (фр.); однако возможна игра слов: *goues* — развратники; плуты, пройдохи; тертые калачи.

*** Официальная любовница (фр.).

**** Королевский омлет (фр.).

За столом ели вволю, следуя примеру регента, чья своеобразная диета заключалась в том, что ужин являлся для него единственным обильным приемом пищи, а обед ограничивался одной-единственной чашкой шоколада.

Пили также не в меру, и с возрастанием количества выпитого беседа становилась все более несдержанной. Остроумная поначалу и касавшаяся множества различных тем, она скатывалась к откровенной пошлости и даже неприличной *grivois**. И по мере того как терялась связность беседы, росла смешливость, а что касается вольности поведения, то герцогине Берри в компании не было равных.

Около четырех часов утра регент, торжественно-дружелюбно восседавший в своем кресле, ухмыльнулся пьяной компании и объявил, что вечер закончен и пора спать.

Мистер Лоу оставался единственным, кто мог выйти, не шатаясь, что увеличило уважение к нему регента. Он вежливо отклонил гостеприимное предложение одной из оперных девочек и через маленькую боковую дверцу вышел на улицу Ришелье. Там разбудил ожидавшего его кучера и поехал домой, думая, что мудрый человек должен как можно реже ужинать с принцами.

Благодаря тому, что был представлен веселой герцогине Берри в столь интимной обстановке, он через несколько дней получил приглашение для себя и Катрин в Люксембургский дворец ее светлости на бал, в котором участвовал весь цвет двора.

Там вскоре после полуночи регент с державшей его под руку прекрасной госпожой де Парабер прошел через анфиладу заполненных множеством гостей освещенных комнат и увидел свою дочь за игральным столом рядом с мистером Лоу. Высокий смуглый шотландец руководил ее игрой. Он был великолепен, одетый в камзол из золотой парчи, в белых чулках и туфлях с красными каблуками и позолоченными застежками.

Банкометом был маркиз де Данжо, опытный и удачливый игрок. Однако сегодняшним вечером ему не везло. Герцогиня с помощью мистера Лоу выигрывала кон за коном. Золото и банкноты текли через стол, горами ложась перед ее светлостью.

Регент положил руку на плечо мистера Лоу и, помолчав, произнес:

— Когда вы не заняты помощью мне, вы помогаете

* Игривость, вольность; (фр.) правильно: *grivoiserie*.

моей дочери. Я хотел бы побольше иметь друзей, столь же внимательно относящихся ко мне и к моей семье.

— Вряд ли Ваши Высочества страдают от недостатка друзей, — сказал мистер Лоу.

— Но, увы, они страдают от того, что их не касалась рука Мидаса²⁸.

— Стоит ли завидовать? Царь Мидас считал этот дар проклятием.

— Он жил в другое время. В наши дни, хотя мне это и неприятно признать, за золото можно приобрести абсолютно все.

— Я так не думаю, — сказал мистер Лоу.

— Он печален, — вмешалась герцогиня, — как жертва безответной любви.

Регент ущипнул ее за щеку:

— У тебя богатая фантазия, Жуфлотта. Но я вам мешаю. Продолжайте раздевать маркиза дальше.

— Фи! Он не в том возрасте, чтобы это было интересно делать.

Регент засмеялся и пошел с госпожой де Парабер дальше. Вскоре после этого Данжо объявил, что с него хватит, и тот, кто хочет, может сесть вместо него.

Герцогиня не стала ждать. Она приказала сопровождавшему ее юноше забрать выигрыш, а мистера Лоу попросила проводить ее в бальный зал.

Сопровождаемая высоким шотландцем низенькая полная герцогиня, в сверкающих бриллиантах на белом платье, прошла через заполненные гостями комнаты и вступила на порог бального зала, где скрипки, флейты и гобои исполняли менуэт. Здесь, среди почтительно расступившихся гостей, стояли регент и госпожа де Парабер.

Посредине зала было огорожено красным шелковым канатом, который держали четыре лакея, место, где кружилось около десятка пар.

— Мы опоздали, — сказала герцогиня, — а я надеялась в знак моей признательности потанцевать с вами, барон.

— И невзирая на ваш титул?

— Да, иногда я просто дочь моего отца.

Регент сказал, подходя к ним:

— Слишком часто, увы. Меня трудно назвать образцовым отцом. Но как случилось, что вы не дали Данжо отыграться?

— Он признал свое поражение и бежал с поля боя. Я

как игрок тоже уничтожена и, клянусь, никогда не сяду за карты, если мне не будет помогать господин Ла.

Но регент их не дослушал. Госпожа де Парабер привлекла его внимание к приближающейся паре. Одетый в черное, невысокого роста мужчина с худым лицом желтоватого цвета вынужден был наклоняться, чтобы слышать сопровождаемую им женщину, которая была ростом с ребенка, с острым, неприятным выражением лица, с худым подбородком и внимательными глазами. Это были принц Сельямаре, испанский посланник, и герцогиня Менская. Их вид напомнил мистеру Лоу рассказанное графом Стэром. Видимо, их появление вызвало сходные воспоминания у госпожи де Парабер, поскольку она зашептала на ухо регенту:

— Ты видишь? — И добавила возмущенно: — Да как они вообще посмели сюда явиться?

Пара подошла к ним поближе, и тут выражение лица низенькой светловолосой женщины резко изменилось — она заметила, что их рассматривают. На полуслове прекратив беседу с Сельямаре, она приостановилась для реверанса регенту, с улыбкой кивнувшего ей и чуть приподнявшего руку. Когда они прошли мимо, он ответил на вопрос госпожи де Парабер.

— Неужели моя дочь должна закрыть двери перед своей родственницей?

— Но она угрожает вам.

— Должен ли я относиться всерьез к ее брюзжанию? Если бы я наказывал всех, кто что-либо говорит против меня, то Бастилия была бы полна от чердака до подвала.

— Я благодарна вам, сударь, за ваше мнение о моих гостях, — сказала его дочь.

— Он ни к чему серьезно не относится, — пожаловалась госпожа де Парабер. — Объясните мне, Филипп, почему эта карлица так близка с испанским посланником?

— Фи, госпожа! На что вы намекаете? Господин де Сельямаре не так юн, как обычные друзья герцогини. А если она увлеклась древностью, то нам ли судить ее?

Госпожа де Парабер не собиралась шутить.

— Если вы дадите ей волю, то скоро будете воевать с Испанией.

— Вполне возможно, — согласился он. — Можно только смеяться, если подумать, сколь многие стараются пресечь это злодеяние. Кто только ни пугал меня им. Даже господин Ла виноват в этом. А вот, кстати, и милорд Стэр, еще один из этой компании.

Его сиятельство, весь в белом, со звездой ордена Чертополоха²⁹ на груди, сопровождаемый под руку госпожой Раймон, подошел к ним. Он воздал должное герцогине за изумительный бал, польстил регенту, а потом позволил себе упомянуть о миссис Лоу, чтобы кольнуть самолюбие ее мужа:

— Не припомню, видел ли я когда-нибудь баронессу такой красивой, как сегодня. У господина де Орна, по всей видимости, уже дюжина вызовов на дуэли от кавалеров, чьи попытки поухаживать за баронессой он пресекает.

— Вам следует бояться графа де Орна, господин Ла, — хихикнула госпожа Раймон. — Очень опасный человек.

— Но, надеюсь, не очень быстрый, — улыбнулся мистер Лоу.

— Надейтесь! — снова хихикнула госпожа Раймон. — Надежда — это сон тех, кто бодрствует. Так говорит лорд Стэр.

— Он читает слишком много стихов, — сказал мистер Лоу.

— А Орн их сочиняет, — вмешался регент. — Для дворянина он довольно одаренный поэт. Его всегда рады видеть на поэтических вечерах госпожи де Мен в Со.

— Будьте внимательны, барон, — сказала ему герцогиня, — он их, наверное, как раз сейчас и сочиняет.

Посмотрев в сторону, куда она указала, он увидел в полукруглом алькове на противоположной стороне зала свою жену. Она сидела на маленькой круглой банкетке под статуей Дианы, прикрывая веером нижнюю часть лица.

Расширявшаяся книзу юбка занимала собой всю банкетку, так что сесть с нею рядом было невозможно. Но, низко склонившись к ее голове, граф Орн что-то говорил, и в том, как она слушала, была крайняя степень интимности.

Мистер Лоу легко нашелся с ответом:

— Если он и сейчас сочиняет, то, думаю, госпожа Лоу помогает ему найти рифму к слову «наглость».

— Какая доверчивость! — издевательски воскликнул Стэр.

— Какое счастье для господина де Орна, — засмеялась герцогиня. — Господин Ла, насколько известно, не всегда был столь доверчив.

— Я не всегда имел столько оснований, чтобы дове-

рять, — сказал он. — Но позвольте вас покинуть. Возможно, милый господин де Орн ждет, чтобы его сменили.

Поклонившись, он оставил герцогиню на попечение маркиза де Канильяка и отошел.

Стэр мрачно следил за ним. Он остался вдвоем с госпожой Раймон. Регент с дамами покинул бальный зал. Менуэт заканчивался.

— Наглый выскочка, — тихо проговорил он.

Его компаньонка засмеялась.

— Орн украсит его рогами. Этому homme а femmes много времени не понадобится.

— Желаю ему дачи. Лэрд Лауристонский может быть опасным.

Госпожа Раймон презрительно фыркнула:

— Слышали. Но сейчас он не выглядит опасным. Похоже, он знает свое место.

Мистер Лоу подошел к своей жене и графу Орну. Было видно, что с графом он разговаривал крайне любезно.

— Ты должна помнить, дорогая, — говорил он, подавая жене руку, — что злоупотребляешь временем его сиятельства.

Орн подумал, что это издевка, но решил, что лучше ее не заметить.

— Сэр, — запротестовал он, — вы искажаете факты. Это я отнял слишком много времени у госпожи.

— Вы очень любезны. Мы уходим, граф.

Он поклонился. Катрин сделала реверанс, протягивая ему вялую руку. Орн поднес ее к своим губам, прошептав: «*Serviteur*!»*

Они вернулись домой; опытный Лагийон встретил их, помог переодеться, и Катрин уже собралась идти в свою комнату, когда к ней обратился мистер Лоу:

— Минутку, Катрин. Можно тебя на одно слово?

Она остановилась на полпути к выходу и обернулась. Рассчитанная нелюбезность ее тона была самой обычной:

— Нельзя отложить до завтра? Меня ждет служанка.

— Я буду краток, — он был холодно вежлив, — только одно слово. Слово предупреждения.

— Предупреждения? — Она наморщила лоб.

— Да, чтобы ты не злоупотребляла временем его сиятельства графа Орна. Как я выразился при нем. Но

* Ваш слуга (*фр.*).

думаю, что он не почувствовал иронии. Он вообще лишен способности чувствовать. Животное.

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза. Лицо ее побледнело. Странный блеск появился в ее глазах, улыбка раздвинула полные губы.

— Я не собираюсь быть мишенью для насмешек, — продолжал он. — Я не собираюсь выслушивать предупреждения подруги лорда Стэра, госпожи Раймон, о том, что господин Орн опасный человек. И ты, Катрин, очень обяжешь меня, если это запомнишь.

Выражение ее лица резко изменилось, и будь он повнимательнее, оно могло бы ему многое объяснить. Странная, почти страстная, улыбка замерла на ее губах, и они странно искривились. Лицо ее покраснело. Глаза ярко заблестели. Ее возмущение было столь сильным, что она не могла найти слов для его выражения.

Но мистер Лоу не смотрел на нее.

— Тебе, может быть, полезно вспомнить, — добавил он, — другого человека, которого тоже считали опасным.

— Это угроза?

— Возможно, но для господина графа.

Ярость помутила ее разум. Она закричала, не выбирая слов, стараясь только побольнее оскорбить:

— Ты осел! Ты, ты думаешь, человек его крови скрестит шпагу с... с... профессиональным игроком?

Он с улыбкой вздохнул:

— Ты уже сравниваешь меня со своим угодником, и не в мою пользу. Но не важно. Ты предупреждена. Не буду тебя задерживать. Мне больше нечего сказать.

— А мне — есть, — заговорила она сквозь слезы. Ее торопливые сбивчивые фразы содержали мало смысла: — Я предупреждена? Так? О чем я предупреждена? Чего я, по-твоему, могу бояться? Бояться должен ты сам. Грозись поспорить с графом Орном? Да он поколотит тебя, как поганого притворщика, каким ты и являешься! Как ты смеешь, кто ты такой, чтобы так говорить об этом человеке? Ты изливаешь сейчас свою бесильную злобу из-за того, что он сделал меня своим другом.

Ее ярость усиливалась от холодности, с какой он стоял перед ней.

— Мне надо прятаться от своих друзей, потому что я имею несчастье быть твоей женой! Твоей женой! А ведь я и не являюсь ею по-настоящему. Я твоя жертва, твоя пленница. Только такой дурак, как ты, может думать,

что женщина спокойно вынесет это. Постарайся понять, я не такая. И вообще, как ты смеешь попрекать меня моими знакомствами? Почему я не могу знакомиться с кем хочу? Какую верность я должна тебе хранить? Сколько раз ты сам обманывал меня за эти годы? Ты предупредил меня, так? А теперь я предупреждаю тебя, в свою очередь. Я не твоя рабыня и не твоя игрушка. Я принадлежу только себе. Запомни это. Я буду делать только то, что угодно мне.

Она замолчала и посмотрела на него, словно ожидая ответа. Но он молчал. И тогда, зарывав, она громко повторила:

— Вот так! Теперь ты тоже предупрежден.

И с этими словами резко повернулась и выбежала из комнаты.

Глава восьмая

ПРИГЛАШЕНИЕ

Летом мистер Лоу был очень занят достижением полного контроля над колониями в Америке, Азии и Африке.

Новости из Луизианы были нерадостны. Добыча драгоценных металлов, коими богата эта земля, была незначительной. Также ничего не было слышно о повсеместных там алмазах и рубинах, слухи о которых в основном и привлекли покупателей акций Миссисипской компании.

Это, впрочем, мистера Лоу не особенно беспокоило. Драгоценностей могло и не быть, но плодородие почв и высокая урожайность земли оставались фактом, гарантирующим акционерам прибыль. С другой стороны, мистер Лоу был достаточно осторожен, чтобы не давать нежелательную информацию о состоянии дел в Луизиане, — это могло отпугнуть пайщиков не только этой компании, но и других.

Его общественное положение под покровительством регента было столь высоко, что в эти летние дни он получил приглашение провести неделю в Со.

Он был очень удивлен этим, поскольку думал, что его заслуги мало что значат в глазах герцогини Менской, дорожившей помимо дворян только вниманием людей,

единственными достоинствами коих были изящный ум и литературная ученость.

— *Semper sursum*, — сказал он Катрин, когда их отношения после ссоры в ту ночь вновь стали холодно вежливыми. — *Semper sursum*. Всегда вверх. Возможно, ты считаешь, что я просто искатель приключений, но так или иначе, а я веду тебя от вершины к вершине. Нас пригласила ее светлость герцогиня Мен, тайно надеющаяся со временем стать королевой Франции.

Он положил перед ней надушенную бумагу, подписанную секретарем герцогини Малезье. Она была украшена изображением пчелы и улья, эмблемы общества «*Mouche-au-miel*»*, создание коего служило ее светлости приком для других, более опасных, целей.

Катрин небрежно взглянула на приглашение.

— Граф Орн говорил мне, что мы его скоро получим.

Она сказала это таким спокойным тоном, что муж не мог не почувствовать вызова. Несмотря на сделанное предупреждение, она продолжала поощрять визиты графа на улицу Гренель, а также постоянно встречалась с ним в других местах.

Брат мистера Лоу сообщил ему, что их часто видят вместе на конных прогулках. Мистер Лоу знал о них, сам многое замечал, но продолжал сохранять любезное безразличие, не заговаривая более с Катрин на эту тему. Это молчание рождало у нее смутное ощущение опасности, какую-то скрытую неопределенность, и в страстном желании положить ей конец Катрин произнесла имя Орна.

— Граф Орн? — задумчиво повторил он. — Тогда все ясно. А я никак не мог понять, чем мы им угодили и стоит ли этому приглашению радоваться.

— Радоваться? Ты совсем зазнался. Только приглашение в Версаль было бы большей честью.

— С точки зрения господина де Орна, возможно, и так. Но не с моей. Я соблюдаю верность по отношению к Его Высочеству регенту, и моя верность, в отличие от господина де Орна, обращена к человеку, который в ней нуждается.

— Что ты против него имеешь?

— Лучшее, что можно сделать, уважая регента, это держаться подальше от его политических противников Менов, самое мелкое преступление которых — клевета, а

* «Пчела в меде» (фр.)

самое крупное — измена. Твой господин де Орн мелкий и подлый есгос. И если бы ты хотела оказать мне любезность, то выбрала бы для дружбы кого-нибудь, пользующегося менее скверной репутацией.

— Я не хочу оказывать тебе любезность.

— Это заметно.

— И твоя клевета не изменит моего отношения к этому благородному человеку.

— Клевета? — Он усмехнулся. — Этого подлеца с позором выкинули из австрийской армии, этот есгос должен деньги всем подряд, этот вымогатель взял деньги — целый миллион — у еврея Бернара, но так и не выполнил его просьбы. Таков твой благородный друг! Гордись его дружбой.

— Ложь не изменит моего уважения. А когда мы поедем в Со...

— Мы не поедем в Со.

Она испугалась.

— Как? Не поедем в Со? Ты осмелишься отказаться от приглашения, равносильного королевскому?

— Я тебе высказал мое отношение к Со и живущим там интриганам. Кажется, этого достаточно.

— Прекрасно. Как тебе будет угодно, — Она стояла, дрожа от внутреннего напряжения. — Можешь оставаться, а я поеду.

— Ах! — он вздохнул. — Пойдут сплетни, если ты появишься без меня.

— Может быть, хоть тогда ты поймешь, что приличнее меня сопровождать.

Он повторил с нетерпением:

— Я же говорил тебе, лояльность к Его Высочеству не позволяет мне туда ехать.

— Это предлог. Ведь герцог и герцогиня Мен были на балу герцогини Берри в Люксембургском дворце. Как же ты можешь говорить о нелояльности поездки к тем, кого принимает даже дочь регента? Да и потом, я-то не связана твоими обязательствами по отношению к регенту.

— Ты не связана вообще никакими обязательствами.

— Да, вообще никакими, — согласилась она. — Так что решай только сам. Как бы ты ни поступил, а я буду гостьей герцогини Мен. — Она повернулась, собираясь идти. — Ты понял?

Он ответил ей очень тихо.

— Я понял, что за это мне придется поблагодарить господина де Орна. Он стал доставлять слишком много

беспокойства. Я никогда не заставлял тебя, Катрин, подчиняться насильно. Наверное, мне легче договориться с твоим графом, чем с тобой.

Она снова повернулась к нему лицом и, задыхаясь, произнесла:

— Ты сошел с ума! Он не будет говорить с тобой. Человек его происхождения не захочет терпеть твои выходки.

— Будь спокойна. Все останется в рамках приличий.

Она посмотрела на него с неприязнью и пожала плечами:

— Торопись сломать себе шею, если угодно.

С этими словами она вышла, а он еще несколько минут неподвижно глядел ей вслед. Его вывел из оцепенения бой каминных часов. Было десять утра, час, когда он всегда отправлялся на улицу Кенкампуа, чтобы бросить взгляд на совершавшиеся сделки и дать указания брату, оставшемуся там в качестве его заместителя.

Внезапно поняв, что опаздывает, он стряхнул мрачное настроение, в которое его вогнала Катрин, и направился к дверям. В этот момент они открылись и лакей с извинениями посторонился, давая ему пройти. Мистер Лоу спросил:

— Что случилось, Жиль?

— Простите, господин. Я ищу госпожу. Приехал господин граф Орн.

— Сюда? Но почему ты непустишь его?

— Он ждет внизу, не сходя с лошади. Он послал меня спросить у госпожи, поедет ли она с ним кататься.

Мистер Лоу, взглянув на часы, решил рискнуть:

— Господин Орн что-то рано сегодня.

— Нет, господин. Это его обычное время.

Это мистер Лоу и хотел услышать. Скрываемые от него утренние катания были, оказывается, регулярными. Не удивительно, что сплетни достигли даже ушей брата.

Лицо мистера Лоу было настолько спокойным, что слуга не заметил бушевавшего в нем возмущения.

— Пригласи господина графа подняться наверх.

Лакей поклонился и пошел за гостем. Орн торопливо вошел. На нем были высокие сапоги со шпорами, в руках — хлыст.

— Дорогой барон. Я не хотел вас беспокоить своим вторжением. Госпожа баронесса оказала мне честь, пригласив сопровождать ее этим утром на прогулке. Надеюсь, я не помешал вам?

— Вы, — сказал мистер Лоу, — начинаете мешать мне довольно сильно.

— Как? — красивое лицо графа стало серьезным, выходящая фигура напряглась.

— Мне довелось узнать, что госпожа последнее время слишком часто совершает с вами прогулки. — Он говорил в высшей степени вежливо. — Это вызывает разговоры. Конечно, вы этого не замечаете. Но я думаю, вы согласитесь со мной, что от этих прогулок ей придется в дальнейшем отказаться.

Молодой граф нагло улыбнулся.

— Понятно. Раз таково желание госпожи баронессы, то мне с сожалением придется подчиниться.

— Могу заверить вас, что это мое желание, — сказал мистер Лоу. Быстро, не давая себя прервать, он продолжал: — Есть еще одна вещь, о которой я хотел с вами поговорить. Я понимаю, что именно вам мы обязаны честью быть приглашенными в Со. Это очень лестно, но, к сожалению, дела не позволяют мне отсутствовать в Париже целую неделю. Поэтому мы вынуждены отклонить это приглашение.

Лицо графа потемнело; тон стал сухим.

— То, что ваши заботы удерживают вас здесь, мне понятно. Меняла, — прошу прощения, банкир — должен быть рядом со своими клиентами. Но, честно говоря, барон, я не вижу оснований, почему баронесса должна отказываться от развлечений, которые может предложить Со. Недавно возвратившаяся из Англии графиня Орн, соотечественница баронессы, поедет со мной в Со, и мы были бы счастливы, если бы ваша супруга сопровождала нас.

— Это слишком большая честь для нас. Моя жена не может ехать без меня.

С самого начала разговора Орн чувствовал под вежливыми фразами скрытую враждебность, как сталь под бархатом. Он попытался протестовать:

— Надеюсь, что вы, по крайней мере, объясните причину вашего отказа.

— А причина та же самая, что и у моего желания, чтобы вы прекратили ваши прогулки с баронессой.

Орн вспыхнул. Горячность стала брать в нем верх.

— Знаете, мой милый Ла, мне это начинает казаться обидным.

— Разве? Я не думал, что у вас возникнет такое впечатление.

— В таком случае вы ошиблись. Кажется, мы все обговорили, — он небрежно поклонился. — Я подожду госпожу баронессу, чтобы узнать ее пожелания по поводу поездки в Со.

— Одну минуту, господин граф. С вашей стороны странно не понимать, что в этом доме имеют значение только мои пожелания. А я их вам уже высказал. Боюсь, что, к сожалению, буду вынужден приказать слугам не впускать вас более.

Граф смертельно побледнел и потерял самообладание. Может быть, он забыл, что является должником этого человека, а может, в своем высокомерии и не считал нужным это помнить. Его рука крепко сжала хлыст.

— *Canaille!** — сказал он сквозь зубы и размахнулся, чтобы хлестнуть мистера Лоу по лицу.

Мгновенно вскинув руку, шотландец успел защитить лицо. Быстрым движением он вырвал хлыст у Орна и, иронично улыбаясь, поклонился ему:

— Право, это лишнее. Впрочем, определенность всегда приятнее. Мои секунданты найдут вас сегодня же.

Он бросил хлыст к ногам графа.

— Меня? Ваши секунданты? Бог мой! Вы имеете наглость считать, что я приму ваш вызов? Чтобы человек моего происхождения дрался на дуэли с каким-то менялой? Здесь все-таки не Англия или Шотландия какая-нибудь.

Мистер Лоу смотрел на него, не отвечая. Оرن продолжал:

— Во Франции, милый мой, так не принято. — Он весь трясся от гнева. Мистер Лоу с непроницаемым выражением лица настоящего игрока неотрывно смотрел на него. — Для людей вашего пошиба у дворянина найдется трость или хлыст, как вы уже могли заметить.

Он наклонился, чтобы поднять хлыст. Потом выпрямился с прежним высокомерием, повернулся на каблуках и направился к двери.

— Как вам угодно, — сказал мистер Лоу. — В конце концов есть оружие и более подходящее, чем шпага, для таких подлецов, мошенников и людей, забывающих, к чему их обязывает происхождение. Скоро вы это узнаете, господин граф.

Гость не обернулся.

* *Canaille* — каналья, негодяй (фр.).

— Ну-ну! Проваливайте с достоинством, — крикнул ему вслед мистер Лоу, — пока оно у вас еще есть.

Глава девятая

АКЦИИ ГАМБИЙСКОЙ КОМПАНИИ

В понедельник, июльским утром мистер Лоу вошел в свой кабинет на улице Кенкампуа. Это была лучшая комната в доме, просторная и обставленная с учетом утонченного вкуса хозяина. Тяжелый обюссонский ковер покрывал пол. Высокие венецианские зеркала были в бронзовых рамах в стиле рококо. На стене висела копия тройного портрета Карла Первого, выполненная Ван Дейком по заказу Бернини³⁰.

Любовь к Стюартам была вполне естественна для воспитанного шотландца, даже если он был родственником Аргайлов. Деревенские сцены Ватто³¹, в яркой цветовой гамме и полные солнечного света, украшали противоположную стену. Большой письменный стол из палисандрового дерева с инкрустациями стоял посередине комнаты. Два окна, выходившие на узкий балкон, были широко распахнуты, впуская утреннее тепло и уличные шумы.

Основание банка положило начало деятельности, которой в прошлом на улице Кенкампуа не занимались. Эта деятельность усилилась после приобретения Миссисипской компании и роста стоимости ее бумаг. С уверенностью предсказывали, что мистер Лоу скоро начнет контролировать и другие подобные колониальные монополии.

Мистер Лоу сел за стол. На нем было пусто, если не считать подставки для чернильницы и подноса с острыми перьями. Дверь он за собой не закрыл, потому что следом вошел его брат.

— Доброе утро, Джон.

— Доброе утро, Уилл. Ты захватил книгу записей сделок?

— Как ты и просил. Что слышно о Катрин? Есть вести из Со?

— От нее самой нет. Она уехала туда против моей воли. Этого я не ожидал. — Он говорил совершенно спокойно. — Но меня держат в курсе событий. Я знаю, что Катрин имеет успех у тамошних остряков.

— Да? Я, конечно, высоко ценю ее способности, но вряд ли назвал бы ее остроумной.

— Уилл, прекрасное женское лицо и высокая грудь — форма остроумия, наиболее ценимая мужчинами. Насколько я понимаю, она не добивается такого же успеха у женщин. Ее поведение с господином де Орном теряет всякие приличия, но, впрочем, непонятно, почему это должно считаться недостатком для *beau monde*. Возможно, ее осуждают из зависти те, кто добродетелен поневоле.

Уильям, будучи пуританских взглядов, посмотрел на брата неодобрительно.

— Неужели ты на самом деле столь терпим?

— У меня нет оснований быть иным.

— А граф Орн...

— Спит с моей женой. Так, что ли? Но я из верного источника знаю, что этого удовольствия он лишен. Госпожа де Орн, также поехавшая в Со, кажется, в этом отношении присматривает за своим мужем.

Уилл побагровел, рот его искривился в презрительной гримасе..

— Тебя это столь мало волнует. Если бы я был на твоём месте...

— Но пока что ты не женат, Уилл. Ладно, — мистер Лоу махнул своей изящной рукой, — перейдем к делу. Посмотри в своих записях, сколько акций Гамбийской компании было приобретено Орном.

Уилл пододвинул стул к письменному столу, сел и раскрыл книгу записей.

— Я знаю, что сначала он купил семь тысяч акций за семьсот тысяч ливров, потом заложил их за половину стоимости и купил еще тысячу акций за четыреста пятьдесят тысяч ливров. На сегодня он владелец восьми тысяч акций, за которые им уплачено миллион с четвертью ливров.

— Так. И за это он должен банку триста пятьдесят тысяч ливров. Остаток, видимо, представляет все его богатство. Скажи, сколько стоит его пай по нынешнему курсу?

— Около пятисот ливров за акцию. Он может продать свои акции за два миллиона. Недурная прибыль, — Уилл неодобрительно усмехнулся. — Я не понимаю тебя. Нечасто муж делает состояние ухажеру собственной жены. Или таковы твои представления о том, как защитить ее?

— Ты находишь это забавным? Возможно, так оно и

есть. Мне трудно судить. На какую сумму выпущены акции Гамбийской компании?

Уилл сверился с записями.

— На шесть миллионов ливров, по тысяче за акцию.

— И у Орна две трети.

— Да. Он тебе доверяет.

— А оставшиеся две тысячи акций в чьих руках?

— Ну, почти половина из них у нашего банка, а остальное раскупила публика.

— И сейчас одна акция стоит пятьсот ливров?

— Около того, если повезет и найдется тот, кто захочет их продать. Ходят слухи, что мы собираемся взять компанию под контроль. И теперь владельцы акций их придерживают. А ведь еще недавно они стоили меньше ста ливров штука.

— Надо прекратить эти слухи, — сказал мистер Лоу спокойно, очень удивив этим Уилла. Затем он удивил его еще больше: — Продай сегодня сто акций по четыреста пятьдесят ливров, завтра предложи еще сотню, но уже по четыреста. А потом посмотрим.

— Но, — запротестовал Уилл, — если ты хочешь их продать, то зачем сбивать цену?

Мистер Лоу с улыбкой ответил:

— Считаю это моей прихотью. И пусть этим займется Макуэртер.

— Макуэртер! — не поверил Уилл. — Но ведь это все равно, что во всеуслышание объявить, что продавец — это ты. Ты понимаешь, что последует?

— Еще как, — мистер Лоу открыл коробочку с нюхательным табаком и протянул ее брату. — Я же сказал, что я хочу прекратить эти слухи. И я этого добьюсь.

— Но это же целое состояние, — воскликнул Уилл с досадой.

Мистер Лоу щелкнул крышкой, закрыв коробочку, и сдул с рукава табачные крошки.

— Ну и что? Несколько миллионов погоды не делают.

То, что последовало затем, не нуждается в многословном пересказе. В среду утром Ангус Макуэртер, известный как человек мистера Лоу, предлагал акции компании Гамбии за триста ливров. В среду вечером по улице Кенкампуа пополз слух, что мистер Лоу не заинтересован в контроле над этой компанией. После этого Макуэртер получил указание продать пятьсот акций по двести ливров.

— Но они у нас тогда кончатся, — запротестовал брат мистера Лоу. — У нас останется всего несколько штук.

Мистер Лоу улыбнулся:

— Все равно продавайте, а то они еще больше упадут.

Глаза брата округлились. Для него было новостью, что игра на понижение может быть так же выгодна, как и на повышение. Эта новинка в биржевой игре, однако, не успела показать себя, так как последний покупатель удрал, едва Макуэртер сделал предложение.

В тот вечер все меняльные конторы на улице Кен-кампуа безуспешно пытались сбыть акции компании Гамбии, цена которых упала уже до пятидесяти ливров за штуку. А на следующий день оказалось, что уже и за десять ливров эти акции никто не хотел брать. Таким образом, они практически обесценились.

— Надо полагать, ты удовлетворен, — возмущался Уилл. — А ведь если бы мы продавали их хоть сколько-нибудь разумно, они принесли бы нам от четырех до пяти миллионов.

— Я вполне удовлетворен. И не продал бы это удовлетворение даже за десять миллионов.

В воскресенье Катрин возвратилась в Париж. С мужем она повела себя, будто не помнила, что произошло между ними перед отъездом. Ее, правда, удивило, что мистер Лоу воспринял эту вызывающую забывчивость как должное. Она была слегка опьянена своим успехом в изысканной атмосфере Со и хвасталась тем вниманием, которое ей выказывала герцогиня Мен. Ее приняли в «Mouche-au-miel», рыцарский орден, основанный герцогиней, и она с гордостью показала золотую медаль члена этого ордена, на одной стороне которой была отчеканена пчела, а на другой — голова герцогини. С не меньшей гордостью она объявила, что сам знаменитый Малезье написал стихи в ее честь.

При этом мистер Лоу не удержался от комментария:

— Я рад, что у него нашлось для тебя достаточно похвальных слов, к которым он смог подобрать рифму. Например, слово «честь».

— Честь?

— Ну, если хочешь, другое — «добродетель».

— Какой ты гадкий!

— Я же только порадовался за тебя.

— Порадовался! — это восклицание выразило возмущение, смешанное с беспокойством.

— Без сомнения, добрый Малезье поверил бы тебе. Да и господин Орн постарался бы убедить сомневающихся.

— Ты веришь в эту клевету! — Ее глаза казались черными на внезапно бледневшем лице.

— Я верю, что тебе есть за что благодарить графиню Орн, хотя, возможно, ты этого и не замечаешь.

— Я не хочу делать вид, что я не поняла твоих намеков, Джон. Но интересно, существует ли такое оскорбление, от которого бы ты меня избавил? — И неожиданно отбросив иронию, она поразила его искренностью мольбы. — Джон! Я умоляю, прости меня за невнимание к тебе, за то, что я поехала в Со одна...

— Непонятно только, что разбудило в тебе совесть?

Она подошла к нему вплотную, желая полного примирения.

— Я не знала, когда ехала, что он поссорился с тобой, ударил тебя и отказался принять вызов.

— Это не должно было удивить тебя. Именно это ты и предсказывала. Но зачем он рассказал тебе все? Ожидал аплодисментов?

— Ты думаешь, он их дождался?

— А ты сможешь убедить меня, что нет?

— А тебе нужно, чтобы я разубеждала?

— У тебя короткая память. Ты, кажется, уже забыла, что сказала мне, когда я просил тебя не ездить в Со.

Она поморщилась, прижав руки к груди.

— Если б ты только знал, Джон, как я сожалею о случившемся.

Ее необычное поведение удивило его.

Она добавила:

— Я объявила господину де Орну, что надеюсь никогда больше его не встретить.

— Надеюсь на это. — Он пошел к выходу. Уже взявшись за дверную ручку, он обернулся и добавил с жесткой улыбкой: — Можешь больше не беспокоиться обо мне во всем, что касается господина де Орна. Ему отплачено.

— Отплачено? — переспросила она, но он без объяснений вышел.

Господин де Орн узнал об этом в следующий понедельник, когда возвратился из Со. Дома он нашел письмо из Генерального банка, в котором его вызывали к директору по очень срочному вопросу.

Подумав о своих отношениях с мистером Лоу, он идти в банк не захотел. Да и какая там могла быть срочная нужда. Его операции по покупке акций компании Гамбии,

за что он испытывал ныне насмешливую благодарность к мистеру Лоу, уже обещали ему богатый доход. Он практически удвоил деньги, выманенные у Бернара, другого дурака-финансиста.

Сейчас требовалось только избавить себя от лишних затруднений, для чего он решил воспользоваться услугами посредника, которому можно дать поручение для Генерального банка. Человеска, которого он пригласил, звали Оке. Это был меняла, работавший как раз на улице Кенкампуа. С ним он и раньше уже имел кое-какие дела.

Перед тем как выслушать распоряжение графа о передаче ему представления его интересов в Генеральном банке на сумму около полутора миллионов ливров, Оке приниженно и многословно уверял его, что интересы такого важного клиента, как граф, будут должным образом защищены. Но когда взглянул на поручение для банка, выражение его лица сильно изменилось. Однако, зная свое место, он обратился к графу в третьем лице.

— Это все поручения господина графа?

— Все, — самодовольно произнес Орн. — Сейчас это уже, наверное, кругленькая сумма. Не знаете, как сейчас акции компании Гамбии котируются?

Оке протестующе выдохнул:

— Господин граф, видимо, отсутствовал в Париже. За эти акции давали меньше тридцати. Но это было два дня назад, в субботу.

— Тридцати? — Орн непонимающе наморщил лоб. Потом лоб разгладился. — А! Тридцати луидоров, да?

Посредник сухо засмеялся:

— Ливров, господин. Тридцати ливров.

Орн замер в оцепенении. Потом лицо его стало багроветь.

— Что вы тут несете? Вы случайно не пьяны?

Оке вытянулся, насколько позволяло его рыхлое тело. Орн был в ярости.

— Я уехал из Парижа десять дней назад. Они тогда шли по пятьсот и каждый день дорожали. Как же сегодня они могут стоять тридцать? Ты сошел с ума!

— А, ну я же говорил, что господина не было в Париже и он не знает, что произошло. А всю прошлую неделю цена на акции быстро падала. — Он посмотрел на цифры на поручении. — Господин при некотором везении еще может получить за них около тысячи крон³².

— Тысячи крон! Да это же шесть тысяч ливров! — Лицо Орна стало серым от ярости.

— Честно говоря, это будет непросто. Они вконец обесценились.

— Обесценились! Боже мой! — хотя его дворянское происхождение и требовало выказывать перед простолудином бесстрастность, граф не мог сдержаться при мысли, что за несколько дней потеряно богатство в полтора миллиона. — Ох, это невероятно. — Он подскочил. — Это невероятно! Как это могло произойти?

— А очень просто. Цена этих акций была очень высока, пока все считали, что господин Ла захочет купить их, чтобы контролировать компанию Гамбии, также как до этого поступил с компанией Миссисипи.

— Но это так и есть, — вскричал Орн. — Я знаю, что он хотел их купить.

— Господин, без сомнения, прав. Но теперь господин Ла этого делать не хочет и продал все акции, которыми владел. Это и вызвало такое падение курса.

— Дайте бумагу, — распоряжение для Генерального банка было выхвачено из рук Оке. — Я вызову вас, когда увидаю господина Ла.

Он выскочил из дома, помчался по улице, размахивая длинной тростью, и, запыхавшись, ворвался в банк, требуя господина Ла.

Пожилой клерк проводил его наверх, в просторный кабинет мистера Лоу. Однако самого мистера Лоу там не оказалось. В кабинете оказался высокий смуглый господин, очень похожий на мистера Лоу, так же тщательно одетый и обладавший столь же изысканными манерами. Объяснив, что рад служить господину графу, он поблагодарил его за столь скорый визит после получения письма.

Орн перебил его:

— Я пришел повидать господина Ла. Будьте добры позвать его.

— Но господина барона здесь нет. Позвольте представиться. Я его брат и заместитель по управлению банком.

— Так вы, значит, вместе воруете в этом притоне?

— Я ослышался?

Орн заговорил о своих акциях компании Гамбии, возмущенно повторив все, что узнал от Оке, и еще более возмущенно потребовал сказать, правда ли это, и если правда, то как это богатство в полтора миллиона могло исчезнуть за неделю.

Уильям Лоу был спокоен.

— Боюсь, что это еще не вся правда. Исчезли не только ваши собственные полтора миллиона, как вы

правильно заметили, но и те триста пятьдесят тысяч ливров, которые банк ссудил вам для покупки акций. Вопрос вашего долга нам, — добавил Уильям Лоу вежливо, — мы и хотели бы обсудить с вами как можно скорее.

Вялый, спавший с лица Орн уставился на улыбающегося банкира, который только что вежливо объявил его разоренным.

— Вы имеете смелость, — наконец произнес он, — после всех этих фокусов издеваться надо мной? Вы имеете наглость заявить, что я ваш должник?

— Вы же не намерены утверждать, что не возвратите банку взятые у него деньги?

— Черт с ним, с вашим банком, и с его деньгами. Кто мне вернет мои деньги? — На его губах выступила пена, глаза налились кровью. — Что за грабеж! Вы, негодяи, не думайте, что я смирюсь. Я купил акции Гамбийской компании по совету вашего брата. Он уверял, что они будут идти вверх. Так поначалу и было.

— В таких вопросах, — услышал он ответ, — непогрешимых людей нет. Все могут ошибиться.

— А то, что он говорил, что развитие Гамбийской компании — решенный вопрос, это вранье?

— Я не могу отвечать за слова брата. Но думаю, раз он так сказал вам, значит, он сам так думал в то время. В финансовом мире изменение намерений вещь вполне возможная и может происходить вследствие различных причин.

— Значит, так вы объясняете этот... этот гнусный трюк.

— Я не думаю, — ледяным голосом сказал Уильям, — что нам имеет смысл продолжать беседу.

— Не думаете? — граф с посеревшим, перекошенным до неузнаваемости лицом уставился на него. Потом неожиданно расхохотался ужасным от ярости смехом. — Сэр, я думаю, вы презабавный подлец. Получается, что ваш гнусный банк ограбил меня на полтора миллиона, а теперь за эту услугу я же вам еще и должен триста пятьдесят тысяч ливров! Вас и вашего проклятого братца я еще увижу вздернутыми на дыбе. В этом я не сомневаюсь. А вы что думали, что я позволю ограбить себя так беспардонно?

Уильям встал и открыл дверь.

— Ваш слуга, господин граф!

Орн так сжал трость, что банкир подумал, он собирается ударить его. Но, видимо, вовремя вспомнив, чего ему уже стоил подобный удар, Орн удержался.

— Скоро вы услышите обо мне, негодяи, — проревел он. — Об этом узнает регент! Я ему все расскажу. А Его Высочество мой родственник. О чем вы, подлецы, наверное, забыли. Но я напому.

Он бросился вон, сел в карету и приказал вести себя в Пале-Руаяль.

Как ему поначалу показалось, он прибыл туда в удачное время. Но он ошибся. Регент, только что закончивший совещание, пожелал видеть его немедленно, и графа провели в кабинет герцога — светлую, уютную комнату, где Его Высочество проявлял свои разносторонние таланты: иногда рисовал, иногда сочинял музыку или занимался другими искусствами. У герцога находился аббат Дюбуа, ставший государственным секретарем по иностранным делам.

— А, Жозеф! Как твоя служба? — фамильярно приветствовал графа регент.

Орна звали Антуан-Жозеф, но для друзей он был просто Антуан. Употребление Его Высочеством второго имени как бы подчеркивало разницу между ним и товарищами графа.

Негодующе дрожа при одном воспоминании об обмане, жертвой которого он себя считал, нисколько не смущаясь присутствием Дюбуа, граф излил перед герцогом свои обиды..

Регент слушал его со строгим выражением лица, становившимся, по мере рассказа, все более веселым. Когда история была выслушана, Его Высочество, к ужасу Орна, расхохотался:

— Corbleu! Неужели, Жозеф, вы говорите правду и действительно положили в банк миллион ливров?

— Даже Ла этого не отрицает.

— А где вы его взяли, этот миллион? Поведайте мне, как он вам достался?

Дюбуа, чувствовавший себя совершенно вольно, рассмеялся.

— Вы слышите, даже аббату весело.

— Интересно, что он ответит, — задыхаясь от смеха, произнес аббат.

— О, аббат, вы что-то от меня скрываете? Дорогой Жозеф, сбросьте наконец покровы с этой тайны.

Орн, злобно дыша, уставился на аббата.

— Нет здесь никакой тайны. Я стал жертвой гнусного надувательства.

Его Высочество посмотрел графу прямо в глаза.

— Я хочу знать, как вы получили этот миллион.

Граф с достоинством выпрямился.

— Разве моего слова недостаточно, монсеньор?

— Для миллиона? — насмешливо спросил регент. — Вы, мой друг, свое слово цените так высоко?

— Ваше Высочество изволит насмехаться надо мной?

— Что вы, что вы! Просто вы рассказываете такие забавные вещи. Сначала вы достаете миллион, потом говорите, что Ла у вас его украл. Я не знаю, что невероятнее.

Граф тяжело задышал.

— Ваше Высочество не хочет, видимо, отнестись к моим словам серьезно. — Он дрожал от сдерживаемой ярости. — Позвольте мне удалиться.

— Что? — добродушное лицо регента внезапно стало суровым. — Что это с вами, сударь? Вы, случаем, не скрываете ли от меня что-то? Почему вы не отвечаете на мой вопрос?

Регент заметил кривую ухмылку Дюбуа и обратился к нему:

— Что вы знаете об этом, аббат?

Аббат потер руки, его спина по-кошачьи выгнулась, тонкие губы раздвинулись еще шире.

— Очень мало о том, что касается господина Ла. Но достаточно, чтобы уверить Ваше Высочество, что господин де Орн не преувеличил, говоря о миллионе. Ходит слух, что он получил его от Самуэля Бернара.

Граф злобно кусал губы.

— От Бернара? От этого негодяя? — Его Высочество был теперь абсолютно серьезен. — И с какой целью?

Надеясь развязать Орну язык, Дюбуа намеренно сгустил краски:

— Да это, знаете, такие маленькие подарки, чтобы привлечь к своим проблемам внимание двора.

Регент нахмурился:

— Возможно ли такое, граф? Вы принимаете подобные подарки? Не могу поверить, что вы лишены качеств, присущих дворянину!

Граф дернулся, как от удара. С помутившимся от ярости сознанием он пошел на грубую ложь:

— Вряд ли это стоило делать, но я взял эти деньги не как подарок. Я взял их взаймы.

— Взаймы? — Его Высочество недоверчиво усмехнулся. — Что-то не верится. Но вы, разумеется, взяли их под хороший залог?

— Разумеется, монсеньор.

— Конечно, конечно, — регент подождал. — Ну и что же вы не продолжаете?

— Я не понял, о чем Ваше Высочество желает услышать?

— Желаю? Да мне просто подумалось об одной странности, которую вы, наверное, сможете объяснить. Дело в том, что Бернар сейчас находится в тюрьме. Его будут держать там, пока не отберут весь его грязный капитал. Я думаю, что в этих обстоятельствах ему бы очень выгодно припомнить, куда он вкладывал свои сбережения.

Но Орн вывернулся:

— Без сомнения. А теперь я подвергаюсь опасности из-за хладнокровного обмана Ла.

— Вы имеете в виду опасность, что Бернар воспользуется вашим залогом? — дружески спросил регент и добавил: — А что в этом опасного? Я хочу знать, что представляет собой залог.

— Залог? — выворачивался Орн. — Если вам угодно, пожалуйста. Залог внесен моей женой.

— Вам повезло с супругой. Надеюсь, это не ее драгоценности?

— Нет, нет, — он опять почувствовал себя увереннее. — Да что бы это ни было, я не хочу, чтобы она это теряла. Вот почему я и осмелился просить у Вашего Высочества защиты от такого человека, как Ла.

— А, да. Во всем, значит, мой друг Ла виноват. Он говорил вам, как вы утверждаете, что компания Гамбии будет им приобретена?

— Да, поэтому я и стал скупать ее акции.

— Заняв денег для этого у Самуэля Бернара?

— Совершенно верно, монсеньор.

— И, естественно, эти акции у вас?

Орн горько улыбнулся.

— Я их заложил Генеральному банку, чтобы на ссуду приобрести еще акций, и теперь они имеют наглость требовать назад полученные мной деньги. Это часть их подлого плана.

Раздался хриплый смешок Дюбуа.

— Что вы находите смешным, аббат?

— Глупость некоторых дворян, пускающихся в плавание по царству финансов. Они как дети малые под ударами холодного, расчетливого мира.

— Вы имеете в виду холодных, расчетливых негодяев? — ответил Орн.

— Но — mon Dieu! — кто же здесь негодяй? Ведь акции находятся там, куда господин Ла и посоветовал их поместить.

— Разве я не сказал, что они обесценились? — нетерпеливо воскликнул Орн. — Всю прошлую неделю агенты Ла продавали акции. Разве так поступают, когда хотят получить контроль над компанией?

— Ни я, ни аббат в настоящее время на это ответить не можем, — сказал регент. — Через некоторое время будет видно, чем вам можно будет помочь. Но вот то, что я должен сделать, Орн, я сделаю. Залог, о котором вы сказали мне, находится у Бернара, а он, как и вся собственность Бернара, теперь принадлежит государству, и от Бернара потребуют его выдачи. А государство, дорогой граф, как вы сами знаете, сейчас далеко от процветания. Но даже и теперь оно может в некоторых исключительных случаях позволить себе великодушие. Я обещаю вам, что государство возвратит вам вашу собственность, а точнее, собственность вашей жены. Мне было бы неприятно, если бы графиня Орн пострадала от этой потери.

Это решение было типичным для этого великодушного, экстравагантного, расточительного принца, который и сам никогда не получал отказа, и других мог осыпать неожиданными милостями.

Орн, однако, не был рад такому повороту событий. Он чувствовал, что споряча угодил в ловушку.

Ему следовало предвидеть, что регент, зная о бедности его графства, может поинтересоваться происхождением этого миллиона, ему следовало также предвидеть, что, дав лживый ответ на вопрос регента, он попал в болото дальнейшей лжи, из которого трудно выбраться, не уронив своего достоинства.

С радостью отказался бы он теперь от этого миллиона, лишь бы спасти свою честь.

Безмолвный, бледный, с каплями пота, стекавшими из-под парика, он стоял перед насмешливо улыбавшимся регентом и Дюбуа.

— Надеюсь, — сказал Его Высочество, — это вас удовлетворит и не потребуются беспокоить господина Ла? — И, обращаясь к Дюбуа, добавил: — Распорядитесь, аббат, чтобы Бернара завтра же допросили об этом залоге.

В отчаянии Орн совершил следующую ошибку:

— Вероятно, это не будет иметь смысла. Бернар станет все отрицать.

Аббат ахнул:

— Отрицать! Он, по-вашему, станет отрицать, что дал вам миллион? Зачем ему это надо? И потом — мы же об этом уже знаем.

Усмешка скользнула по его лицу, прежде чем он ответил на свой же вопрос:

— Поймите, господин граф, что у нас все бумаги Бернара. И там мы встретили запись о вашем долге. Возможно, вы просто не подумали об этом.

— У вас имеются... — Орн по инерции начал фразу и запнулся. — То есть я... Не важно...

— Вы, вероятно, хотели спросить, что было в записке? Она зашифрована. Но речь о залоге в ней не шла.

Регент посмотрел на аббата:

— Как вы можете это утверждать, не говоря, о чем в ней шла речь?

Дюбуа снова потер руки, что показалось Орну отвратительным жестом.

— Я готов сказать об этом, Ваше Высочество, хотя содержание записки может показаться абсурдным, и господин граф, без сомнения, станет все отрицать. В нем говорилось — как это лучше назвать? — о плате за услуги, которые Бернар получил или собирался получить от графа

— Невероятно, — сказал регент. — О каких же услугах идет речь?

Его взгляд переходил с аббата на графа.

— Было обнаружено несколько случаев, — уклончиво произнес аббат, — когда крупные суммы денег платились разным *maltotiers**, влиятельным при дворе для, скажем так, протекции.

— Вы, кажется, говорите об обыкновенных взятках, — с гневом заговорил регент. — Но вы же не хотите сказать, что господин граф... — Он пристально посмотрел на Орна. — Почему вы молчите? Неужели вы признаете эти обвинения?

Граф был загнан в угол, и дальнейшие уловки могли только ухудшить его положение. Он стоял, ссутулившись, на бледном его лице было написано отчаяние.

— До определенной степени, — сказал он с мрачным вызовом и заговорил.

В начале рассказа регент еще пытался войти в его положение, но в конце он воскликнул:

— Бог мой! — и встал, переполняемый эмоциями. — Да неужели же такое возможно?

* Вымогателям (фр.).

Стараясь не смотреть регенту в глаза, Орни развел руками и со вздохом их опустил. Это был жест отчаяния.

— Я... Я сильно нуждался, — пробормотал он.

— Так сильно, что вы, дворянин, взяли взятку у вороватого еврея. И как же вы ее отработали? Я что-то не помню, чтобы вы за кого-то заступались.

— Я... Я не настолько потерял совесть.

— Не настолько потеряли совесть! Каково! Вы настолько потеряли совесть, что пришли сюда с жалобой, что у вас украли миллион, который вы получили путем гнусного обмана. Вы настолько потеряли совесть, что пытались обмануть меня...

— Монсеньор! — это был крик отчаяния и ярости.

Но, обычно отходчивый, регент на этот раз был неумолим.

— Я слишком сильно выразился? А как люди чести должны назвать это?

И, не ожидая ответа, он продолжал:

— Я и до этого знал, что вы не очень щепетильны в таких вопросах. Не раз я помогал вам выпутываться из ситуаций, угрожавших вашей чести, щадя ваше происхождение. Но сегодня вы ввали, как лакей. Этого я не прощу. Мне за вас было стыдно. Вот так.

Он вздохнул. Не свойственная его доброй натуре строгость, видимо, начала утомлять его.

— Бесполезно дальше вести этот разговор. Я думаю, что вам лучше самому оценить свои поступки. Можете идти.

И с грустью добавил:

— Думаю, вы понимаете, что больше во дворце не приняты.

Граф низко поклонился, лицо его передернулось. В полной тишине он направился к дверям и вышел вон.

Регент сел на стул возле клавикорда спиной к инструменту. Он понюхал табак, чтобы успокоиться.

— Бедняга! — со вздохом произнес он.

— Ваше Высочество напрасно жалеет его, — сказал Дюбуа. — *Mauvais sujet*.*

— Да? А вы, аббат? Вы никогда не брали взяток? Сколько вам платил лорд Станхоуп, чтобы вы вели проанглийскую политику при дворе?

Дюбуа возмутился:

* Негодяй (фр.).

— Я и луйдора бы не взял, если бы это не служило вашим интересам.

— Ну конечно же, служило нашим интересам. Но вы хоть не дворянин. Так что это неважно. Видите, дворянство тоже имеет свои недостатки.

— Негодяй, — важно произнес аббат, — всегда негодяй, кем бы он ни родился.

— Как раз это моя матушка говорит о вас. Как и у вас, у нее отсутствует милосердие, что, впрочем, для женщины простительно. А вот для священнослужителя, даже формального, это ужасно. Бедный негодяй наказан из-за своей страсти к соблазну. Вам это чувство вряд ли знакомо.

— Неужели, монсеньор?

— Я имею в виду не сам соблазн. Я хотел сказать, что вам незнакома страсть к нему. Вы все получали сразу. Впрочем, неважно. Не о вас речь, а об этом несчастном парне, которого нужда превратила в негодяя. Надеюсь, у него хватит здравого смысла на время уехать из Парижа.

Однако такого намерения у господина де Орна не было. Как ни велик был испытанный им в Пале-Руаяле стыд, но еще больше оказалась ярость и желание отомстить лэрду Лауристонскому. Он был уверен не только в том, что мистер Лоу жестоко обманул его, но и что именно влияние мистера Лоу на регента не позволило ему возместить понесенный ущерб и привело к разоблачению сомнительной сделки с Бернаром. Окончательное бесчестье постигнет его, когда станет известно, что явилось причиной его отлучения от двора. Как будто его разорения, по иронии судьбы наступившего, когда богатство, казалось, было уже в руках, мало.

Испытывая отчаянное желание отомстить и думая о средствах мщения, он вспомнил о своем друге полковнике де Миле и отправился к нему. Он жил напротив церкви Сев-Филипп-дю-Руль.

Крупный человек довольно неопрятного вида, во время своей военной карьеры привыкший говорить зычным командирским голосом и считавший себя опытным фехтовальщиком после нескольких побед над зелеными юнцами, он был польщен предложением помочь графу. Не зная ничего о прошлом мистера Лоу, он не сообразил, что дуэль с менялой может быть неудобной для дворянина. Он спросил, почему Орн, буруемаемый такой враждой, не хочет отомстить за себя сам.

— Ты не понимаешь, что я опозорен регентом из-за

этого человека? — объяснил Орн. — Если я теперь буду драться с ним и нарушу указ регента, регент не простит меня.

— Да, а я, значит, буду драться и меня просто повесят?

— Надо сделать так, чтобы первый шаг сделал Ла, и тогда тебе ничего не будет. Я дам тебе сто луидоров сразу и потом, когда у меня будут деньги, помогу тебе.

Финансовое положение де Миля не позволяло ему отказаться ни от ста луидоров сразу после дела, ни от будущей помощи человека, которому он и без того уже был должен и у которого рассчитывал брать займы и впрямь.

Он несколько дней искал возможности осуществить свой план. Ему случайно повезло встретить мистера Лоу на вечере герцога Антена. После ужина несколько гостей сели поиграть в кости на небольшие ставки. Де Миль сам не играл, но вертелся вокруг стола в поисках шанса. Мистер Лоу сделал ставку, загадал сумму очков, удвоил ставку, бросил кости и выиграл.

— Жуть! — с неприятным смешком сказал полковник. — Позвольте.

Он наклонился и, не обращая внимания на удивленные взгляды, взял одну из костей за уголки кончиками пальцев. — Даже не качнулась, — сказал он с некоторым удивлением и бросил кость на стол.

В наступившей затем мертвой тишине было слышно, как мистер Лоу поставил на стол коробочку для костей.

— Что это означает, полковник де Миль?

— Привычка, — дерзко рассмеялся полковник. — Полезно проверять кости, когда имеешь дела с профессиональным игроком.

Д'Антен гневно вмешался:

— Вы сошли с ума, полковник, или просто перебрали сегодня?

Но мистер Лоу не потерял обычного своего спокойствия:

— Ни то и ни другое, дорогой герцог. Он просто провоцирует меня: дуэлянт по найму.

— Вы это обо мне? — закричал де Миль с непритворным гневом. Презрение мистера Лоу обожгло его.

Полковник с достоинством выпрямился.

— Я осмелюсь напомнить вам, монсеньор, что я ваш гость, а дело у меня к вашему иностранному другу.

Мистер Лоу улыбнулся:

— Значит, вы признаете, что у вас есть дело?

Де Миль был осторожен. Ему следовало получать обиды, а не наносить их.

— По-моему, я сказал вполне достаточно.

— Даже чересчур, — вмешался д'Антен, в то время как остальные со страхом смотрели на них.

— Вы верно отметили, господин герцог, сказано было чересчур много. Мистер Лоу, мои друзья будут ждать вас, чтобы возобновить наш спор с помощью иных средств. Прощайте, монсеньор. — Он поклонился сначала герцогу, потом всем остальным и ушел с видом справедливого возмущения.

Д'Антен был ужасно расстроен:

— Дорогой Ла, какое горе! И этот позор произошел в моем доме. Вам не стоит встречаться с этим человеком.

— Ну что вы! Я не в силах лишиться себя такого удовольствия! — засмеялся мистер Лоу.

Встреча состоялась в Булонском лесу через два дня, д'Антен был секундантом мистера Лоу. Зрители, большая часть которых присутствовала на вечере у герцога, нашли происшедший перед их глазами поединок разочаровывающе кратким. Несколько выпадов, и мистер Лоу, отразив шпагу противника, резким ударом проткнул ему руку, державшую оружие.

Пока присутствовавший хирург делал перевязку, мистер Лоу встал рядом с морщившимся от боли де Милем:

— Мне понадобилось бы меньше времени, чтобы проткнуть ваше тело, полковник. Поэтому позвольте посоветовать вам не вводить меня в лишние хлопоты.

Для человека, считавшего себя *ferrailleur*^{*}, это было страшное унижение. Но еще большее де Миль испытал в тот же вечер, когда к нему пришел Орн. Граф с отвращением посмотрел на его перевязанную руку.

— Что это означает, черт побери?

— Это означает, — услышал он кислый ответ, — что вы поступили неглупо, найдя для себя заместителя. Небось знали, что этот парень — мастер фехтования?

— Ха! — взорвался граф. — Я думал, что это вы мастер.

И это было все утешение, которое полковник получил от своего нанимателя; тот, впрочем, и сам нуждался в утешении. В поисках его Орн вспомнил о Ноае и непримиримой ненависти того к Лоу, ранее нанесшего смертельный удар по его тщеславию и карьере. Ведь, разумеется, именно мистера Лоу герцог де Ноай обвинял

* Дуэлянт (фр.)

в своем увольнении из финансового Совета, потере влияния на регента и крушении надежд стать первым министром королевства.

Если кто во Франции и стал бы помогать графу Орну в удовлетворении его мстительной злобы, так прежде всего Ноай, который, пребывая в схожем состоянии ослепления, вряд ли стал бы присматриваться к причинам вражды Орна с финансистом.

Глава десятая

ЗАГОВОРЩИКИ

Узкое темное лицо герцога Ноая утратило обычное выражение надменности, когда он с интересом слушал графа Орна. История графа, не очень ясная в деталях, сводилась к тому, что подлый шотландец уговорил его вложить миллион в одно дело, которое затем провалил, в результате чего граф стоял на грани разорения.

Конечно, человек более объективный, чем Ноай, заметил бы ряд несоответствий в рассказе графа. Только страстное желание поверить в низость мистера Лоу не позволило ему хотя бы поинтересоваться, как это вечно бедный граф смог заполучить такие большие деньги.

Рассказав свою запутанную историю, граф в конце воскликнул:

— Этот подлый иностранец, этот проклятый вор стал опасен всем нам. Одурманенный регент танцует под его дудку. Ваша светлость знает, как идут дела в Совете финансов после того, как вы оттуда ушли. Эти сатанинские интриги отправили д'Арекко в ссылку. Это идея шотландца — назначить д'Аржансона канцлером. И каждый день он придумывает что-то новое. В городе ходят слухи, что скоро он приберет к рукам все в нашей стране.

Ноай взорвался:

— Ну уж нет!

Со все возраставшим возмущением он слушал обвинения графа, подтверждавшие его собственные опасения. И последнее предположение Орна заставило его с чувством, близким к панике, воскликнуть:

— Бог не допустит этого!

— Конечно, — согласился Орн, — но... Как это предотвратить? Какой закон можно использовать против него? Какой суд?

— Суд? — эхом отозвался Ноай и посмотрел на него тусклыми глазами. Неожиданно они сверкнули: — Ведь есть же парламент. Он всегда его ненавидел. Особенно с тех пор, как этого проклятого Аржансона назначили канцлером. Он его с удовольствием свалит.

Орн воспрял духом. Но только на мгновение.

— Свалит! Но что парламент может сделать против регента? Это же Франция, а не Англия.

— Не верите? — упрекнул его герцог. — На самом деле парламент может немало и здесь. Вы же знаете, что никакой указ короля, тем более регента, не имеет силы без одобрения парламентом. Кроме того, парламент одновременно является и верховным судом. Надо бы посоветоваться с председателем парламента де Мемом. Что-нибудь мы придумаем.

Де Мем проявил желанис обдумать, что можно сделать против мистера Лоу. Тем более, что этот жаждущий власти человек участвовал и в интригах герцогини Мен против регента.

Его обрадовала возможность нанести удар по мистеру Лоу с тем, чтобы задеть и герцога Орлеанского. Он не скрыл от Ноая, что готов идти до конца. Разумеется, только ради блага Франции.

Он попросил несколько дней, чтобы посоветоваться с близкими ему по духу членами парламента, а потом они встретились у Ноая. Туда герцог пригласил также Руйе дю Кудре и, разумеется, инициатора всего дела, графа Орна.

Де Мем, полный, низенького роста, с изрытым оспой лицом и манерами священнослужителя, слегка шепелявя, начал излагать план, на который его толкнули злоба и предательство. План был хорошо продуман и крайне прост.

— Возбуждение дела против Генерального банка вряд ли возможно. Но все согласны, господа, что надо действовать в духе существующего закона, а не по его букве, хотя, разумеется, и, оставаясь в его рамках. Тщательно изучив сделки господина Ла, я пришел к выводу, что лучше всего посеять сомнения относительно его честности в делах.

Орн яростно стукнул кулаком по столу:

— Я уверен в его лживости.

— Ваша честь! — кисло усмехнулся Кудре. — Нам нужны доказательства, а не уверения, а Ла не такой дурак, чтобы их нам оставить.

— Мы можем, однако, копнуть поглубже, — заговорил

председатель, елеино улыбаясь, — и найти то, что он прячет. Например, поинтересоваться судьбой государственных обязательств, полученных Ла в обмен на акции Миссисипской компании. Парламент может создать комиссию для такого расследования. Малейшая незаконность, обнаруженная в таких делах, повлечет за собой возбуждение уголовного дела.

— Не рассчитывайте на это, — проворчал Кудре. — Ла — это игрок, который хвастает, что выигрывает, потому что знает причины проигрыша. Его способностям может позавидовать любой шахматист... Он видит на десять ходов вперед. Этот человек нам следов не оставит.

Ноай недовольно пожал плечами.

— Ваша светлость, — прошепелявил де Мем. — Мы будем рассчитывать не только на это. Если при проверке ничего не обнаружится, то мы проверим финансовые взаимоотношения между банком и казной. Я думаю, будет трудно доказать, что последний финансовый указ Его Высочества является незаконным, поскольку передает частному банку функции государственного учреждения.

— Незаконным, вы думаете? — скептически переспросил Кудре.

Де Мем ответил официальным тоном:

— Этот указ своего рода отход от сложившейся практики. Даже если против него и нет закона, то нет и закона, его санкционирующего его.

— А законы вообще ничего не могут санкционировать, — проворчал Кудре, — законы могут только запрещать. Как юрист, господин председатель должен бы знать это. А пока я вижу, что, толкуя законы по своему усмотрению, вы, конечно, можете обвинить Ла в чем угодно. Но захочет ли генеральный прокурор повторить эти обвинения, вот в чем вопрос.

Быстрый ответ де Мема показал, что он хорошо все обдумал:

— Генеральный прокурор нам и не понадобится. Его функции исполняют члены комиссии. Они имеют право отменить указ, объявив его незаконным, и, кстати, властью Его покойного Величества объявить запретной для любого иностранца или гугенота деятельность в сфере государственных финансов, и, таким образом, открыть уже совершенное преступление. А чтобы регент не казался затронутым, необходимо подыскать ему заместителя.

Самодовольная усмешка раздвинула губы председателя.

— Под этим предлогом можно объявить Ла виновным

если и не в прямых злоупотреблениях, то, в любом случае, в намеренном склонении регента к принятию незаконных решений.

Ноай покачал головой.

— Вряд ли Его Высочество позволит тронуть Ла.

— Конечно, — пробормотал Орн.

И вновь на лице председателя появилась елеяная улыбка, и он продемонстрировал, насколько дальновиден его план.

— Его Высочество может узнать о принятых нами мерах слишком поздно. Парламентская комиссия будет действовать втайне, так же втайне и парламент подготовит свой вердикт. И когда Ла возьмут во дворец, он там и останется. Его можно будет пытаться, приговорить и повесить прямо в подвалах дворца.

У Орна перехватило дух. Ноай сидел пораженный. Кудре сардонически улыбался. Герцог заговорил сухим тоном:

— Таковы крайние меры.

— И эффективные, — захихикал Орн, залившись румянцем злобной радости. — Ничто другое и не годится. Только поставить Его Высочество перед свершившимся фактом.

— Стоит ли доводить до смерти? Господин председатель, наверно, достаточно будет выслать его из страны?

Де Мем покачал головой.

— Вы не учитываете возможных действий Его Высочества.

— И вы их не учитываете, — передразнил его Кудре, — ведь он потребует наказания тех, кто примет такое решение. Может быть, даже их казни.

— У нас будет сто тридцать участников, — презрительно ответил председатель. — Что он с нами сделает?

Кудре засмеялся:

— Трудновато ему, конечно, будет повесить вас всех, как вы заслуживаете.

— А значит, он не повесит никого, поскольку вина ляжет поровну на всех. Можете спокойно положиться на меня, господа. Единственное, что от вас требуется, это молчание. Этот иностранец слишком долго путался у нас под ногами. Пора выдернуть занозу.

Ноай был осторожнее.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Хотя я и ненавижу господина Ла, но принимать в этом участие отказываюсь.

— В вашем участии нет необходимости, господин герцог. Парламент исполнит это, служа Франции. Как я уже сказал, он доведет до конца волю Людовика XIV, в свое время выславшего этого господина из своего королевства.

Глава одиннадцатая

ГРАФИНЯ ОРН

Не подозревая об угрожавшем его жизни заговоре, мистер Лоу продолжал работать над созданием всеохватывающей финансовой системы.

Мистер Лоу переехал в Отель-де-Невер, красивый дворец на улице Вивьен, построенный Мазарини.

Огромный коммерческий успех Генерального банка как во Франции, так и за границей, уже ощутимо влиял на расцвет экономики, о чем с самого начала говорил мистер Лоу. Не только в торговле, но и в сельском хозяйстве началось усиление активности, чему способствовала здравая кредитная политика банка.

Словно от прикосновения волшебной палочки Миссиппская компания, бывшая убыточной при Кроза, начала давать прибыль при мистере Лоу, что явилось одним из подтверждений жизненности замыслов мистера Лоу, так ясно и вместе с тем тщетно изложенных ранее перед не желавшими его слушать членами финансового Совета.

Все это, естественно, повлекло желание регента передать шотландцу контроль и над другими угасающими компаниями: Ост-индской, Китайской, Сенегальской и им подобными.

Мистер Лоу, прибирая их к рукам, продолжал ослеплять регента своими очередными планами.

Он предлагал осуществить революцию в налогообложении. Отменить все таможи внутри страны, только мешающие торговле; запретить взимание произвольных налогов: *taille**, *gabelle*, *corvée*** и другие древние, непопулярные, раздражающие людей поборы, которые парализовали коммерцию и требовали содержания армии паразитов.

Он предлагал заменить все эти налоги одним-единственным в размере одного процента от полученной прибыли. Этот налог никого бы не обидел. Богатые перестали бы

* Налог на вырубание деревьев (фр.).

** Барщина (фр.).

скрывать свое богатство, а бедные не боялись бы, что если они вдруг разбогатеют, то станут жертвой грабителей на государственной службе.

Наступил бы конец барьерам, допросам, разбирательствам между налогоплательщиками и жадными слугами государства.

Наконец, как соль и табак стали монополей государства, так не было причин, почему бы и всю торговлю не вести таким же образом, поставив ее под контроль государства к выгоде нации, а не отдельных торговцев. Д'Арекко высказал по поводу этих планов ряд замечаний, но они не могли испортить впечатления от величественности всего проекта.

Регент слушал Лоу, расспрашивал о различных деталях и, наконец, под впечатлением развернутой перед ним картины всеобщего процветания, высказал сожаление, что недавно позволил д'Аржансону выкупить у государства право сдавать в аренду крестьянам землю.

Канцлер вдохновился тем, как мистер Лоу организовал дела Миссисипской компании, и за сорок восемь миллионов в год приобрел это право. Объединившись с группой толковых финансистов, четырьмя братьями Пари-Дюверне, он основал компанию, названную им «Антисистема». Он легко собрал для нее капитал, так как вкладчики были уверены в верном доходе.

Пока эта компания являлась для мистера Лоу незначительной помехой на пути к полному контролю, и он отложил борьбу с ней на будущее. По его мысли, изменения в области налогообложения должны произойти после расширения Миссисипской компании за счет ее слияния с другими колониальными компаниями. Он решил подготовить для регента очередное изложение своих планов.

Как раз над этим он и работал в кабинете в Отель-де-Невер, куда он перевез свою изящную мебель с улицы Кенкампуа: письменный стол из палисандрового дерева, обюссонский ковер, картины Ван Дейка, Ватто, венецианские зеркала и остальные предметы обстановки. Даже стены были обиты сафьяном из Кордовы. Все, как на старом месте, на улице Кенкампуа.

Но здесь было значительно тише. Уличный шум был едва слышен. Через высокие открытые окна иногда доносились крики то точильщика ножей, то водоноса, то рыбной торговли или крысолова, но не было непрекраща-

ющегося ни на минуту гула, стоявшего на улице Кен-кампуа днем и ночью.

Погруженный в свои вычисления, мистер Лоу не услышал ни стука копыт во дворе, ни скрипа остановившейся кареты. Он поднял голову, лишь когда в кабинет вошел, бесшумно ступая, Лагийон и тихим голосом объявил:

— Простите, сударь. Госпожа графиня де Орн умоляет принять ее по очень срочному делу.

— Графиня де Орн? — он был удивлен. Он едва помнил об ее существовании. — Но я не знаком с этой госпожой.

— Госпожа графиня очень просила принять ее, сэр. Она просила передать вам, что ее дело крайне важно. Иначе, сэр, я не стал бы вас беспокоить.

— Крайне важно? Фи! Скорее всего это преувеличение. Впрочем, пусть войдет.

Вошедшая дама была выше среднего роста, хрупкого сложения и с головы до ног укутана в серый плащ, который в Англии называли нитсдейловским.

Мистер Лоу встал и поклонился ей.

— Прошу вас, госпожа графиня!

Через плечо она смотрела вслед вышедшему слуге. Только когда дверь за ним закрылась, он повернулся лицом к мистеру Лоу, сбросила с головы капюшон и распахнула плащ.

Мистер Лоу отступил на шаг. И этот невозмутимый при любых обстоятельствах человек, обомлев, очень долго смотрел на нее во все глаза. Естественная бледность лица постепенно сменилась свинцовой серостью.

Но это не было лицо Горгоны³³, могущее вызвать подобную реакцию. Ни один человек, писавший об этой женщине, а занимались этим многие, не находил верных слов для ее необычной красоты. Это происходило, видимо, оттого, что она не укладывалась в принятые каноны, но была более гибкой, духовной. Эта духовность проявлялась в блеске темных глаз, в улыбке, которая, казалось, вот-вот появится на ее благородной формы губах.

Ее темно-русые волосы, бросая вызов нынешней моде, закрывали лоб, на шее — тяжелое ожерелье. Бледность лица, для нее обычная, сейчас усилилась, и глаза казались совсем черными. Вздыхание груди выдавало учащенное дыхание, а слабо вздрагивающие губы наводили на мысль, что она сейчас может и расплакаться, и рассмеяться.

Испуганными глазами мистер Лоу наблюдал за ней. Потом нахмурился.

— Мне сказали, графиня д'Орн...

— Я — графиня Орн, — по-английски назвалась она.

— Вы!

— Конечно, невероятно. Но тем не менее, это факт.

Он сделал шаг вперед, она раскрыла руки, словно раздергивая занавес.

Дрожащей рукой он провел по лицу. В голосе послышалась хрипота.

— Вы говорите, факт? Но ты же Маргарет, леди Маргарет Огилви.

— Это было... в другой жизни, когда и тебя звали Джессами Джон. — Голос ее стал слегка ироничным, когда она добавила: — Я рада, что ты не совсем позабыл меня, хотя наверняка старался.

Эта колкость вернула ему самообладание. Усилием воли он вернулся к своему обычному состоянию. Если ей нравится ирония, то он мог порадовать ее.

— Как же, как же! — сказал он. — Вспомнил! Король Вильгельм сделал вас... графиней Оркни, так? Нет, нет, то была его другая любовница, Элизабет Вильерс. А тебя... Сделал ли он тебя графиней? Или герцогиней?

Губы ее дрогнули, и выражение печали залегло в уголках рта. А он помнил, как легко и беззаботно эти губы смеялись по любому поводу. Она опустила руки и с глубокой тоской смотрела на него застанным взглядом.

— Важно ли, кем я была? Давайте условимся, что здесь я графиня Орн.

— Я только не понимаю, что могло заставить тебя прийти сюда?

— Я надеюсь, что, поняв, ты станешь более приветлив. У меня нет другой цели, кроме спасения твоей жизни.

— Моей жизни? Кажется, припоминаю... Впрочем, неважно. Я не считаю, что ей что-либо угрожает.

— Вот потому я и пришла. Чтобы ты так считал. — Она с горечью добавила: — Ничто менее значительное меня никогда бы сюда не привело.

Потом кратко и точно пересказала ему то, что узнала. Парламент вот-вот должен принять постановление о его аресте. Он будет осужден немедленно. Предполагалось тайно допросить его в Турнель³⁴, пытать, приговорить и тут же казнить, чтобы никто не успел ему помочь.

Его удивление сменил презрительный смех:

— Какая фантастическая чушь. И, если не секрет, кто тебе ее рассказал?

— Граф Орн участвует в этом заговоре. Иногда он болтлив. Ты и сам это должен знать, вы же были приятелями. Иногда ты заводишь чертовски странных друзей. Кроме того, он слишком много пьет, а выпив, начинает хвастаться, — от мистера Лоу не ускользнуло гневное презрение в ее голосе. — Вчера он хвастался мне, что вместе с герцогом Ноаем он натравил на тебя парламент. Председатель парламента де Мем, говорил он, это марионетка в руках его и герцога.

Мистер Лоу хотел было посмеяться над тем, какая у Орна верная жена, но вдруг понял всю опасность подобного заговора. Злоба Орна, ненависть Ноая, влияние его на парламент, да и сам парламент, недовольный большим и все растущим влиянием мистера Лоу на регента, все это было неоспоримыми фактами. Конечно, казалось невероятным, что парламент мог пойти на такие крайности, но теперь мистер Лоу задумался над этим и пришел к выводу, что плохо представляет себе эту силу и возможности и что исключить такого поворота событий нельзя.

— Подожди, ради Бога, минутку, — сказал он наконец, все еще сомневаясь, — но ведь нельзя же арестовать меня, не предъявив обвинения. В чем они хотят обвинить меня?

— В умышленном введении в заблуждение регента относительно финансовых вопросов, а также в сосредоточении в твоих руках, руках иностранного авантюриста, государственных финансов и опасности этого для государства. Кроме того, в обвинении прозвучит, я плохо поняла, что-то о махинациях с государственными обязательствами.

Эти слова развеяли его последние сомнения. Быстрый ум стал искать выход из создавшегося положения. Но следующая фраза леди Орн показала, что она успела подумать обо всем.

— Ты не должен терять ни минуты. В любой момент за тобой могут прийти. Они не должны тебя найти...

— Спрятаться? Убежать?

— Это лучше того, что тебя ждет.

Он был сейчас больше тронут ее тоном, ее воодушевленным лицом, которое так часто вспоминал, чем смыслом сказанного.

— Ты еще не понял? — воскликнула она. — Они решили повесить тебя. А остальное — суд и приговор — это просто комедия.

— Для них, но не для меня. Но... Они не посмеют. Ведь это было бы просто убийством.

— Конечно. Но убийству будет придан вид законности.

Ты хочешь в этом убедиться? — Она подошла к нему ближе. — Ты знаешь, чего они боятся и почему стремятся все сделать втайне? Вмешательства регента. Твое спасение — попасть в Пале-Руаяль. Регент сможет унять их. Скорее, Джон. У тебя не осталось времени.

Он еще мгновение стоял в нерешительности, потом потянулся к звонку.

— Я прикажу подать мой экипаж.

— Ты будешь в большей безопасности, если поедешь в моем, — сказала она. — Он у дверей. Ливреи твоих лакеев позволят схватить тебя по пути во дворец.

Он сразу понял разумность довода и ее страх за него, но все-таки мучительно не хотел быть ей обязанным. Запнувшись, он произнес:

— Ты очень добра ко мне.

Она с облегчением рассмеялась. Прекрасные белые зубы осветили ее лицо, к которому вернулся уже обычный цвет, и она стала такой же красивой и привлекательной, какой он знал ее раньше.

— Я пришла спасти тебя и на полпути не остановлюсь, — говорила она, а он удивлялся, как быстро ее лицо посерьезнело вновь. Накрыв голову капюшоном, она повелительным тоном добавила: — Быстрее, Джон. Лучшее, что мы можем сделать, это поспешить.

Он подошел к двери и не успел открыть ее, как снизу раздался шум подъезжающей кареты. Он прислушался. Чей-то голос скомандовал остановиться, и цоканье копыт затихло.

— Боже мой! — в отчаянии воскликнула она. — Неужели я опоздала?

Он быстро подошел к окну и посмотрел вниз.

— Лучники. — Он повернулся к ней. Что бы ни творилось в его душе, он сохранял полнейшее спокойствие, даже улыбнулся: — Это делает вашу информацию похожей на правду.

Она ломала руки.

— Джон! Джон! Тебя схватят.

— Нет, нет. Пока еще нет. Подожди.

Он стоял задумавшись, и в этот момент быстро вошел Лагийон, в лице его читалась тревога.

— Господин, внизу вас спрашивает офицер. С ним отряд лучников и карета.

— Я видел. — Он был спокоен. — Попросите его подождать несколько минут. Скажите, что долго я его не

задержу. Потом принесите мне шляпу, трость и ожидайте меня в галерее.

Лагийон вышел, а мистер Лоу повернулся к графине, очень испуганной.

— Ты уходишь? — спросила она, задыхаясь.

— Да. Но не так, как ты предполагала. К счастью, в этом доме есть черный ход на улицу Кольбера. Поскольку они не думают, что я все знаю, то вряд ли охраняют его. Дворецкий посадит тебя в карету. Я буду благодарен, если ты пообедаешь на ней дом и подъедешь к черному ходу. Там я буду ждать тебя. Пошли.

Он подошел к двери.

— Джон, ты уверен, что все получится, уверен? — спросила она.

— Вполне. Пошли.

Впоследствии он вспоминал, что в момент, когда он открывал дверь, раздалось быстрое шуршание шелкового платья. Но тогда он не обратил на это внимания.

Они прошли коридор и попали в галерею, где возле мраморных ступеней стоял Лагийон со шляпой и тростью мистера Лоу.

— Офицер ожидает вас, господин.

— Очень хорошо. Попросите его еще минуту обождать. А сами проводите госпожу графиню к ее карете.

Он оставался неподвижен, пока не замер стук ее каблучков. Потом быстрым шагом покинул галерею через узкую дверцу справа.

Когда экипаж подъехал к выходу на улицу Кольбера, он уже ждал. Карета быстро помчалась прочь, едва он в нее впрыгнул. Она повернула на улицу Бон-Анфан, а оттуда на улицу Сент-Оноре.

Опасность обострила чутье мистера Лоу, и теперь он живо сознавал странность ситуации, в которую попал, находясь рядом с этой напряженно сидевшей возле него дамой, которую встретил оскорблениями, а теперь, по всей видимости, был обязан жизнью. Во всем этом многого он не понимал, многое ему было необходимо узнать, хотя он не знал, как ее об этом спросить.

— Я теперь твой должник, — неуверенно заговорил он.

— Это тебе, конечно, очень неприятно.

— Я не настолько неблагодарен, чтобы согласиться с тобой.

— Боже! Каким ты стал чопорным, Джон.

Он видел, как легко она называет его по имени, и в то же время не мог заставить себя назвать по имени ее.

— Разве чопорность в том, чтобы признать, что кому-то должен? Будем надеяться, что по крайней мере для тебя не будет никаких... никаких неприятных последствий.

— А какие тут могут быть последствия?

— Ты сказала мне, что твой... муж является участником заговора.

— И из этого ты делаешь вывод, что мое уважение к тебе больше, чем к графу Орну.

— Я не могу позволить себе никаких выводов во всем, что касается тебя.

— Ты и раньше их не делал, не так ли? — голос ее стал твердеть.

Он на мгновение задумался, а потом уверенно ответил:

— Никогда.

— Правда? Никогда? Ну что ж, тебе виднее.

— И, во всяком случае, я не настолько тщеславен, чтобы сделать вывод, подобный тому, что ты сейчас предположила.

— Ладно, не переживай. Если моя неверность заключается в помощи тебе, то это не мучает мою совесть. И, кстати, я не впервые помогаю тебе. Ведь я охраняла, насколько в моих силах, и честь твоей жены в Со. К счастью, Маргарет Огилви для нее только имя, она раньше не встречала меня, иначе моя задача оказалась не столь простой.

Она остановилась в испуге.

Отведя в сторону кожаную занавеску, выглянула из кареты.

Они подъезжали к площади перед Пале-Руаялем, и у высоких железных ворот она вновь увидела голубые мундиры лучников. Она предположила, что они выставлены у дворца парламентом из-за них.

Но мистер Лоу отверг эту возможность.

— Это невероятно, — сказал он. — Но на всякий случай позволь мне выйти у бокового входа во дворец на улице Ришелье.

Она потянула шнурок, в окне показалось лицо кучера, и она отдала приказание. Они резко взяли направо и остановились точно у двери, через которую Дюбуа в дни, когда довольствовался ролью сводника, приводил во дворец девочек, чтобы молодому герцогу было с кем скоротать время.

Лакей опустил лесенку, но мистер Лоу не торопился выйти.

— Поспеши, — торопила она его, — пока тебя не увидели.

— У меня нет слов... — начал он.

— Тем лучше. У тебя для них нет времени.

— Они подождут до нашей следующей встречи.

— А она потребуется?

Он отпрянул.

— Я многое хотел бы от тебя узнать.

— Но счастливее ты от этого не станешь. — Она легонько коснулась его руки. — До свиданья, Джон. Поверь, я рада, что смогла помочь тебе. А теперь иди.

Он смотрел на нее внимательно и в глубине ее глаз различил печаль, ободрившую его. Он был глубоко тронут.

— Позволь мне еще раз повидать тебя.

Она покачала головой.

— Вряд ли для этого представится случай. Ведь я — перелетная птица. Недавно приехала и скоро опять уезжаю. Благодарю Бога, что оказалась в Париже сейчас. Считаю, что меня послало тебе провидение. Это все. — Она отняла свою руку. — Расстанемся друзьями, Джон, ради прошлого. — Ее голос дрогнул.

— Друзьями! — повторил он с оттенком горечи. Потом наконец назвал ее по имени: — Маргарет! — Он прижал ее пальцы в перчатке к губам, быстро вышел из кареты и исчез в маленькой боковой двери дворца.

Лаксей убрал лесенку и занял свое место. Карета поехала прочь. За кожаными занавесками очень прямо сидела женщина и смотрела перед собой глазами, ничего не видящими от слез.

Глава двенадцатая

ВПРАВЛЕНИЕ МОЗГОВ

Первым делом мистер Лоу разыскал аббата Дюбуа и поведал ему новости. Он негодовал на аббата, что его люди не смогли узнать о готовящемся заговоре. Выслушав рассказ, его преподобие задумался.

— Кто вас предупредил? — спросил он.

— А это имеет какое-либо значение?

— Мы должны быть уверены, что все это правда.

— Если бы я не был уверен в этом, то не бежал бы сейчас черным ходом и не пришел бы сюда.

Маленькие глазки впились в него. Аббат почесал впалую щеку и сказал:

— Нет, нет, нет. Я думаю, этого не может быть. Здесь вы, конечно, в безопасности. Но вы же не можете находиться здесь до бесконечности. Да и не захотите. Нет. Но прежде чем вы выйдете отсюда, мы должны точно знать, что же решил парламент. В этом деле что-то большее, чем простое преследование. Дайте мне подумать.

Только через несколько часов Дюбуа попросил у регента аудиенции и повел к нему не только мистера Лоу, но и герцога Сен-Симона и канцлера д'Аржансона. Оба были срочно вызваны в Пале-Руаяль от имени регента.

Его Высочество только что отобедал, точнее сказать, выпил чашку шоколада, составлявшую весь его обед. И то он позволял ее себе только после того, как основная работа дня была позади. Сегодня госпожа де Парабер задержала его в кабинете, где он занимался живописью, чтобы отвлечься. По поводу недавней кончины ее мужа господина де Парабера Сен-Симон сказал, что это было самое значительное дело, которое он когда-либо совершил. Его величественная вдова несла свое вдовство с показным смирением.

На зеленой тарелке лежали три апельсина, а рядом — ваза из голубой дельфтской³⁵ керамики — Его Высочество пытался нарисовать натюрморт. Возможно, ему это не совсем удавалось, ибо он не слишком неохотно оторвался от своего мольберта, увидев посетителей.

— Что случилось, аббат? — проворчал он. — Мне никогда не дадут отдохнуть?

Госпожа де Парабер заерзала в кресле.

— Возможно, — предположила она, — кто-нибудь из этих господ скажет, была ли я права по поводу этой тени.

— Вряд ли. Но, впрочем, господа, — он указал кистью на стол, — скажите, какого цвета тень, отбрасываемая вазой?

Мистер Лоу взял на себя смелость ответить вопросом на вопрос.

— А разве бывает у тени другой цвет, кроме черного?

Регент пожал плечами и бросил грустный взгляд на мистера Лоу.

— Невежество умного человека! — вздохнул он.

— Именно так, — сказал Дюбуа. — Умные потому и умные, что являются невеждами в вещах, о которых у них нет времени узнавать. Господин Ла в настоящее время

находится в тени гораздо более глубокой, чем Ваше Высочество в состоянии изобразить.

Регент отложил кисть и палитру и повернулся к ним.

— Будь по-вашему. Давайте поговорим о том, в чем вы разбираетесь. Очевидно, вы пришли с новостями; мой опыт заставляет предположить, что они, видимо, неприятные. Так?

Мистеру Лоу как главному участнику происходящего выпало ознакомить Его Высочество со случившимся. На жизнерадостном лице регента проступила гримаса ужасного отвращения.

— Невероятно, — сказал он. — Кошмарно! Я бы не поверил, если бы два дня назад не произошло следующее. Я получил послание от де Мема с требованием о приостановке моего указа о денежном обращении. Он предупреждал, что парламент не будет его рассматривать до моего ответа. Я ответил ему, что ничто не порадовало бы меня больше, чем если бы они так и просидели в его ожидании, пока обрастут мхом. Конечно, барон, господин де Ноай не простил вам потери поста председателя в Совете финансов, а господин де Орн являлся ко мне жаловаться, что вы, дескать, его ограбили. Парламент, в свою очередь, имеет основания вас не любить, видя, что ваши финансовые планы угрожают его могуществу. Но то, что вы рассказали, говорит об их безрассудной смелости. У вас есть какие-нибудь доказательства, что они собирались вас именно убить?

— Да, они из верного источника, который я не могу назвать.

— И они действительно нагло собирались нарушить мою волю, отменить мои указы и представить все как *fait accompli*?* — регент, опершись локтем о колено, уперся подбородком в ладонь и нахмурился. — Невероятно! — снова повторил он.

Госпожа де Парабер рассмеялась:

— А вы не находите, что невероятным всегда оказывается то, что случается? И потом, в этой истории все довольно вероятно. Вашей чрезмерной добротой, Филипп, вы попустительствовали этим господам.

— Да? — С кривой усмешкой он посмотрел на нее. — Маленькая черная ворона наслушалась Сен-Симона.

— Нет, нет, — запротестовал герцог. — Госпожа говорит об очевидном для всех, кроме вас, Ваше Высочество. —

* Совершившийся факт (фр.).

С фамильярностью, присущей ему с времен, когда они с регентом были друзьями детства, он продолжал: — Ваша доброта лишила вас в глазах мятежников всякого авторитета. То, для чего раньше было бы достаточно складки на лбу, теперь потребует использования артиллерии.

— Они опьянены тщеславием и самонадеянны, — пробасил д'Аржансон. — Они начали атаку и смелеют по мере продвижения.

Сен-Симон продолжал:

— Они ощущают себя парламентом в английском стиле, представляющем ассамблею, выбранную всем народом.

— С правом, — напомнил регенту мистер Лоу, — требовать ответа даже у короля, как и произошло с Карлом Первым.

— *Peste!** Вы не очень тактичны, — упрекнул его регент.

Но тут Сен-Симон поспешил замять возникшую неловкость:

— Они будут оправдываться тем, что действовали в интересах Франции. Все обвинения сразу можно будет снять, так как они скажут, что хотели блага своему народу

— Это потребует от вас твердости, монсеньор, — сказал Дюбуа.

Парабер засмеялась:

— Одолжите ему свою, господин аббат.

Но Его Высочество не был настроен шутливо.

— Замолчи! Тихо! — На его лице читались усталость и раздражение. — Ради Бога, что делать? Созвать Генеральные Штаты?

Совет дал д'Аржансон:

— «Вправление мозгов» будет достаточно, Ваше Высочество.

Он напомнил об этой мере, используемой иногда покойным королем, чтобы призвать парламент к выполнению своих обязанностей. Король приходил на заседание парламента в запыленном костюме для верховой езды и с хлыстом в руках, подчеркивая этим неуважение к собравшимся. Сейчас, по мысли д'Аржансона, наступило время протрезвить особо горячие головы.

Они начали обсуждать план «вправления мозгов». Вспомнили, как важна в этом деле неожиданность, и в

* Черт возьми (фр.)

связи с этим решили провести заседание не в королевском дворце в Версале, а в Тюильри.

Последнее важно, чтобы раньше времени не напугать членов парламента. Пусть думают, что предстоит обычное заседание. И только в последний момент неожиданный вызов заставит их — полторы сотни членов парламента, одетых в красные мантии — пройти пешком по улицам мимо шеренг вооруженных солдат и покажет силу королевской власти.

Через два дня в Тюильри все получилось так, как и было задумано у регента в кабинете. Наследник трона был одет в горностаевую мантию, в руке он держал скипетр. Его окружали принцы крови, бастарды* и пэры. От имени короля выступил канцлер д'Аржансон. Он сказал, что его задача прочистить мозги некоторым чересчур обнаглевшим господам в мантиях.

Голос его резонировал, тон был резким. Он сначала напомнил членам парламента, что они являются судейской, а не законодательной палатой, а присвоение себе не данных им прав есть их узурпация и является серьезнейшим преступлением. Он напомнил, что границы их полномочий установили еще короли Франциск I и Карл IX, а совсем недавно эти границы подтвердил последний король Людовик XIV, который, как они, наверное, еще не забыли, обходился с ними без лишних церемоний. Потом он с неприятной усмешкой указал, что для изменников в государстве существует Бастилия.

Далее он объявил, что их решение аннулировать указ регента о передаче собираемых налогов в банки, было отменено регентским Советом, и любая попытка с этим не считаться является нарушением закона и повлечет суровое наказание.

Король, гремел он, требует прекратить злоупотреблять правом вето, великодушно пожалованным им регентом. Если они не желают снова лишиться его, то пусть пользуются им в пределах своей компетенции, то есть ограничатся субъектами права Его Величества, а не пытаются вершить дела государства.

Он закончил зловещим предупреждением, что отсутствие понимания и уступчивости повлечет самые строгие наказания, причем персональные, и если что-либо подобное повторится, то Его Величество не будет обращаться

* Здесь: внебрачные дети короля.

с ними с такой мягкостью и уступчивостью, как в этот раз.

Они еще сохраняли вызывающий и независимый вид, но резкие, презрительные слова д'Аржансона, а также угроза Бастилии и нескрываемые высокомерные усмешки пэров быстро лишили их остатков храбрости, и они, подчиняясь, склонили головы.

Канцлер не входил в детали вылазки, готовившейся против мистера Лоу, он вообще не упомянул имени шотландца. Но члены парламента прекрасно поняли, из-за кого именно подвергаются нынешней унижительной процедуре «вправления мозгов».

Поняв это, они, с одной стороны, возненавидели мистера Лоу еще сильнее, но с другой — стали по-настоящему его бояться. Они поняли, что он каким-то образом был предупрежден о заговоре и имел влияние на регента достаточное, чтобы тот подвергнул их постыдному наказанию.

Опасаясь худшего, они отправили вице-председателя Бламона принести от их имени извинения мистеру Лоу за то, что, будучи введены в заблуждение своими советниками, приняли неверное решение, о чем глубоко сожалеют.

Вместе с де Бламоном они отправили к банкиру старого маршала де Вильруа, участвовавшего в заговоре лишь из-за ненавистной для него мысли, что французскими финансами будет управлять какой-то иностранец, и герцога Омона, близкого к Менам. Принеся извинения от имени парламента, они попросили мистера Лоу использовать свое влияние на регента, дабы содействовать его примирению с парламентом.

Мистер Лоу, спокойно возвратившийся в Отель-де-Невер после двух ночей, проведенных у аббата в Пале-Руаяле, принял депутацию с ледяной вежливостью. Тонем, выражавшим прямо противоположное тому, что он говорил, мистер Лоу поблагодарил их за визит и уверил, что постарается выполнить их поручение относительно регента. Когда они вышли, призрак Бастилии пугал их не с меньшей силой, чем прежде.

В действительности причиной его тона был крайне неудачный момент, в который они явились. За несколько часов до этого произошла ссора с возмущенной Катрин, желавшей знать, где он провел две ночи. Его ответ был краток и прост:

— В Пале-Руаяле.

Губы ее недоверчиво искривились:

— А графиня Орн? Она тоже там была?

Он никогда не выказывал раздражения, вызываемого ее постоянными и беспочвенными упреками. Он не выказал его и сейчас, хотя раздражение было гораздо сильнее обычного.

— Если ты спросишь меня конкретно, что тебя интересует, я отвечу. Но на риторические вопросы, вызванные твоим плохим настроением, я отвечать не буду.

— Конечно! А визит ее сиятельства сюда? Это тоже риторика?

— Она принесла мне крайне важную информацию.

— Женщина, с которой, ты говорил, незнаком?

— Это так и было.

— Знаешь что, все твои ответы можно назвать одним коротким словом: ложь.

Он вздохнул.

— Интересно, можно ли сравнить счастье, получаемое другими от твоей женственности, с моими частыми сожалениями, что ты не мужчина?

— Счастье от моей женственности? Что ты имеешь в виду? — краска возмущения залила ее от шеи до бровей. — На кого ты намекаешь?

— Напомню хотя бы о том, кого мы раньше упомянули, о графе Орне.

— Граф Орн? Но ты ведь знаешь, что граф целовал у меня только кончики пальцев, — ее красивое лицо с тонкими чертами исказилось от гнева. Она даже топнула ногой. — Ты нарочно сказал это, чтобы отвлечь меня от твоей... твоей злонамеренности, твоей лживости, от твоих отношений с этой женщиной, про которую ты говорил, что незнаком с ней. А она сразу назвала тебя Джоном и увезла в своей карете, куда ты сел тайком, выйдя через черный ход. Ты, наверное, думал, что я не знала. Куда же она увезла тебя? Ты ответишь мне? Или предпочтешь рассказать графу Орну?

— Я уже ответил тебе. В Пале-Руаяль.

— Да ты смеешься. Боже милостивый! Ты хочешь отплатить мне тем же? Я, кажется, начинаю понимать.

— Я был бы рад, если бы смог вернуть тебе комплимент.

— А может быть, — в ярости продолжала она, не обратив внимания на его слова, — эта женщина с головой в кашпошоне, похожей на морковку, тебе нравится? Ну,

и иди тогда к ней! А я знаю, что мне делать. Я имею право на такую же свободу.

Он хотел было сказать ей о том, чего, благодаря разумной скрытности графини Орн, она не знала, — что графиня и есть леди Маргарет Огилви, из-за которой он некогда убил красавца Уилсона.

Но вовремя понял, что если она узнает об этом, то ее ревность усилится многократно и поведение может стать непредсказуемым. Поэтому он промолчал, и ей осталось только строить дикие предположения о неверности, к чему, как сказал бы Уилл, ее склоняло его ледяное спокойствие.

К счастью, в те дни мысли его были поглощены множеством дел, и он отвлекался как от домашних несчастий, так и от ноющей боли, возрожденной короткой встречей с Маргарет Огилви.

Глава тринадцатая

ПРЕДАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Немалая группа обиженных дворян собралась в библиотеке особняка господина де Ноая в Венсене. Это были в основном участники парламентского заговора: председатель де Мем и вице-председатель Бламон, потрясенные случившимся и все еще опасавшиеся ареста, старый маршал де Вильруа, убежденный, что и его тоже ожидает арест, молодой герцог д'Омон, представлявший интересы Менов, и граф Орн, расстроенный сильнее всех.

Они были близки к полному отчаянию. Ноай уверенно сказал, что заговор постигла неудача потому, что среди участников находился предатель.

— Бог мой, как вы проницательны! — передразнил его граф. — Наша вина, что мы этого сразу не предвидели. Ведь нас было так много, что это был просто секрет Полишинеля³⁶.

— Много? — сказал де Мем. — Нас было меньше десятка, тех, кто действительно знал. Кроме тех, кто присутствовал, а также вице-председателя Бламона и советника Бомануара, только герцог и герцогиня Мен знали обо всем, а они не могли предать нас.

— Это может быть как настоящее предательство, так и просто болтливость, — сказал д'Омон.

— Это, — дрожащим голосом произнес старый маршал, — слишком слабо сказано — болтливость.

— Не важно, как это назвать, — ответил д'Омон.

— Я спрашиваю себя, — сказал Орн, — кто мог рассказать?

— Вы только себя спрашиваете или всех нас? — раздраженно произнес Ноай.

Граф посмотрел на него.

— Да, вы правы. Почему мне себя одного спрашивать?

— Потому что вы можете знать ответ.

— Это намек?

— Могу высказаться прямо. Если уж кто-то и проболтался, то это скорее всего вы. Вы слишком много пьете, граф. А люди, что слишком много пьют, обычно и слишком много болтают.

— Ну, это уж слишком. Вы обвиняете меня, не имея никаких доказательств.

Д'Омон вмешался, чтобы остановить ссору.

— Господа, мы пытаемся выяснить причину неудачи, но не так важно, отчего она произошла, если все равно не в силах ничего изменить. Мне кажется, разумнее будет держаться вместе, чтобы исправить положение и обдумать новые пути к достижению нашей цели.

— Своевременное напоминание, господин герцог, — одобрил де Мем. Вильруа спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я считаю, что дикие планы Ла приведут Францию к гибели.

— Мы обнаружили это несколько раньше, — презрительно усмехнулся де Ноай. — Еще до того, как задумали наш план.

— Трудненько будет с ним справиться, — проворчал Вильруа, — счастье игрока, похоже, от него не отвернулось.

— Удача рано или поздно изменит ему, — сказал д'Омон. — Хуже другое — за него горой стоит регент.

— Герцог говорит правду, — сказал Орн, с горечью вспомнив отношение регента к нему самому.

Ноай недовольно произнес:

— Если мы будем говорить только очевидные вещи, то ничего не изменится.

— Ничего не изменится до тех пор, пока его поддерживает регент, — сказал д'Омон. — Это, конечно, тоже очевидная вещь. Но она указывает нам, что следует предпринять.

— И что же, — дрожащим голосом спросил Вильруа, — по-вашему, следует предпринять?

Остальные молча смотрели на д'Омона округлившимися глазами. Он улыбнулся, растянув тонкие губы:

— Я вижу, вы понимаете, что, пока регент находится там, где он находится, господин Ла будет сидеть у нас на шее.

Ноай посуровел.

— И что вы предлагаете? Убрать регента?

Д'Омон натянуто засмеялся.

— Ничего я не предлагаю. Я просто обрисовываю ситуацию.

Ноай встал.

— Ваши слова по сути предложение совершить государственную измену.

Д'Омон снова засмеялся.

— Вы не так меня поняли. Но раз уж вы заговорили об измене, то можно сказать, что еще большей изменой будет измена Франции. Мы ведь все сходимся во мнении, что этот авантюрист хочет разрушить страну, и остаемся пассивными. Повторяю, я просто называю вещи своими именами и ни к чему не призываю.

Ноай быстро, опережая остальных, возразил ему:

— Ваше мнение, господин герцог, уже призыв к измене. Говорить дальше значит просто терять время. Думаю, никто не поддерживает господина д'Омона в том, о чем он сейчас сказал.

Д'Омон запротестовал, — он-де не предлагал никаких действий против регента. Его целью было указать, что нужно принять меры против господина Ла. Он никого не разуверил, то тем не менее все согласились, что этот разговор не помешает им мирно отобедать у Ноая.

Однако Орн считал, что д'Омон прав. Он пожил в Со, где царила открыто враждебная регенту атмосфера, и видел, что д'Омон находился среди лиц, наиболее приближенных к герцогине. Он понял, что д'Омон просто хочет использовать сложившуюся ситуацию для ее выгоды. В отличие от лояльного Ноая, Орн не видел причин, чтобы сохранять верность регенту, так грубо с ним обошедшемуся.

Он попросил герцога д'Омона довести его до Парижа и в карете сразу приступил к прямому разговору. Он похвалил герцога за проницательность и сказал, что в нынешних обстоятельствах защита регентом Ла оскорбляет чувства каждого истинного француза.

Д'Омон согласился с ним:

— Если подумать, то ведь это не Ла разрушает Францию, а сам герцог Орлеанский.

— Покойный король предвидел это, — сказал Орн, — он ведь не хотел видеть регентом одного герцога.

— Вы не одиноки в этом мнении. Есть люди, которые болеют сердцем за Францию и ищут, как исправить ошибку.

— Рад узнать об этом. Более того, я готов принять участие в таком благородном деле. Это было бы честью для меня.

Хотя сам Орн и был пьяницей и бездельником, но имел родственные связи с лучшими домами Европы, в частности, в Испании, а эту страну Мены считали главной своей опорой. После его признаний д'Омон тоже решил говорить без обиняков.

— Парламент, поддавшись герцогу Орлеанскому, лишил герцога Мена регентства. Об этом сейчас даже пикнуть не решаются. Но справедливость может быть восстановлена королем Испании. Он ближе всех стоит к трону Франции; как внук покойного короля, он является его наследником, а следовательно, и настоящим регентом. Его нужно привести к присяге, а он назначит здесь своего представителя.

— Этим представителем стал бы, разумеется, герцог Мен? — спросил Орн, которому все стало ясно.

— Разумеется. И это положило бы конец правлению всяких проституток, развратников и менял.

— Рассчитывайте на мою помощь в этом деле, — с жаром произнес Орн.

— Рад, что вы так решили. Вы не только видите, что нарушена справедливость, но и стремитесь ее восстановить. А это, дорогой граф, и есть подлинное благородство.

Д'Омону оставалось только убедить Орна нанести визит в Со и предложить свои услуги герцогине, которая примет его с распростертыми объятиями и включит в растущую армию своих сторонников, работающих для достижения благородной цели.

Пообещав сделать это на днях, Орн поехал домой, предупредить графиню о завтрашней поездке. Он нашел ее читающей недавно вышедшие «Персидские письма» Монтескье³⁷, одетой в платье без рукавов из бледно-зеленого шелка, так что были видны ее восхитительно нежные руки.

Ее пышные темно-русые волосы подчеркивали матовую бледность лица и шеи. Это лицо с искрящимися глазами

и яркими губами, всегда чуть улыбавшимися, некогда нарушило покой короля, не так легко поддающегося страстям, а потом привлекло и графа Орна до такой степени, что он чуть было не переменил все свои привычки. Сейчас он с горечью заметил, что в ее взгляде нет ответного чувства.

— В Со? — переспросила она. — Интересно, что там теперь, если ты так скоро захотел вновь туда. Или баронесса Ла там?

— Баронесса Ла! — Он отрицательно покачал головой. — Можешь не волноваться. Это не то, что ты подозреваешь.

— Подозреваю! — она улыбнулась, показав прекрасные зубы. — Я не подозреваю. Я просто спросила. Можешь не отвечать мне, если не хочешь.

Его раздражало ее спокойствие, и он хвастливо рассказал ей о роли, которую хотел сыграть в интриге против регента, чтобы добраться потом до этого вора, ее соотечественника, обокравшего его.

— Возможно, — предположила она, — он обокрал тебя, чтобы ты не успел украсть его жену.

Его досада усилилась от того, что в этих словах ему почудилась правда, которую он даже не потрудился скрыть.

— Бог даст, я никогда больше ее не увижу.

Она засмеялась без капли ревности:

— Ты думал найти в ней развратницу, а нашел недоступную жеманницу. Сочувствую тебе, мой милый. Такие неприятности неизбежны в твоей жизни. Конечно, твоя месть — твое дело. И мое мнение для тебя равным счетом ничего не значит. Но все же советую держаться от Менов и их замыслов подальше. А то ты можешь лишиться не только права посещать Пале-Руаяль.

Он стоял рядом с ней, высокий, красивый, улыбающийся.

— Ты права, — сказал он.

Она вскинула брови:

— Удивительное признание!

— Я имею в виду, что ты права, когда говоришь, что твое мнение для меня ничего не значит.

— Прости, я не догадалась. Я иногда очень глупа.

— Даже довольно часто. Но неважно. Сегодня понедельник. Мы едем в Со в четверг.

— Ты хочешь сказать, что ты едешь.

— Да, еду я, а ты будешь меня сопровождать. Ее светлость будет рада вновь увидеть нас.

— Возможно. Но мне безразлично, будет ли мне рада ее светлость. Я потеряла интерес к ее меду и пчелам. Да и потом утром я уезжаю с леди Стэр в Сен-Жермен до воскресенья.

— Так ты отказываешься ехать со мной?

— Я пыталась сказать именно это — в вежливой форме. Он сжал кулаки.

— Ты решила вывести меня из себя.

— Зачем преувеличивать. Все, что я сказала, — это что не хочу видеть эту заносчивую компанию в Со, и, кроме того, дала обещание леди Стэр.

Не столько слова, сколько насмешливый тон, каким она их произнесла, заставил его послать ее к черту. Он вышел от нее в ярости.

Для человека его происхождения и положения было непереносимо сознавать, что он не в силах подчинить себе даже собственную жену, не говоря уже о том, что он близок к тому, чтобы распустить слуг и покинуть парижский дом. Ссора с женой легко могла вызвать это, поскольку в нынешних его стесненных обстоятельствах платила за дом она.

Два года назад во время их первой встречи в Лондоне его привлекла ее вызывающая красота. Ей тоже понравилась его благородная внешность, равно как и высокое происхождение. Он тогда совершенно не задумывался о ее богатстве и огромном поместье в Харпингтоне. Это нисколько не повлияло на его решение сделать ей предложение.

Возможно, совершенно напрасно он не проявил тогда должного интереса к точным размерам ее богатства. Боязнь обнаружить свою корысть заставила его до самой свадьбы избегать разговоров о деньгах. У него была абсолютная уверенность в правах мужа на собственность жены. И тем более велик был шок, когда оказалось, что он ошибался.

Поселившись с ней в богатом харпингтонском имении, он узнал, что у нее право только на ренту с вложенных капиталов. Более того, распорядители ее денег контролировали значительную часть доходов от имения, не говоря уже о том, что она была лишена прав его продажи. Впрочем, она и сама не собиралась позволять ему никакого финансового контроля над ней.

После столь жестокого открытия граф подумал, что переоценил очарование ее внешности. А разочаровавшись,

сбросил маску дружелюбия, проклял судьбу и быстро вернулся к обычному образу жизни.

Она была разочарована не менее его и горько пожалела, что в свое время не обратила должного внимания на слова своего брата Стивена Огилви, ясно видевшего, что собой представляет этот страстный ее обожатель. Он знал, как легко ранимо ее сердце, как уязвимо для почтительно-нежных ухаживаний графа. Он понимал силу ее чувств, а также как тешило ее тщеславие то, что ее жених почти принц крови. Но он предупреждал, что огонь страсти может опалить ее.

Однако попытки брата отговорить ее от этого брака чуть было не привели к разрыву между ними. И все же, когда все случилось так, как он и предупреждал, и даже скорее, чем он думал, то именно он открыл ей глаза на защищенность ее доходов и помог уберечь их от посягательств графа.

Так ей удалось остаться хозяйкой положения. Особняк на улице Аржантей был обставлен так, как она пожелала его обставить. Что касается остального, то она старалась не унижать достоинство мужа. Иногда она даже давала ему деньги, большую часть которых он проигрывал в карты или тратил на женщин. Это было с его стороны особенно возмутительно, но если бы она упрекнула его, то не вызвала бы в нем никаких эмоций, кроме удивления.

Он просто нашел бы забавными подобные упреки, более приличествующие жене какого-нибудь торговца. Но она не упрекала. Ее даже удивило, что теперь, когда он скинул маску любящего мужа, она увидела его подлинное лицо и осталась совершенно равнодушной. Более того, ей казалось, что она смотрит на его поведение даже с некоторым облегчением, ибо оно разорвало тяготившую ее связь между ними и дало чувство освобождения. Хотя к этому чувству примешивалась и толика стыда.

Стивен оказался в конечном счете прав. Орн больше не имел влияния на ее чувства. Ее израненное сердце, как и предвидел Стивен, было не способно на любовь, хотя она и могла дать достойному человеку верность и благодарность. Но Орну и этого не требовалось.

Поэтому его гневный уход оставил ее в высшей степени равнодушной, а перспектива его отъезда из Парижа даже несколько улучшила ее настроение.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАТРИН

На следующее утро, жарким августовским днем, граф Оرن отправился кататься верхом к берегу Сены, где весь высший свет обыкновенно разъезжал в колясках и верхом, ища прохладу у реки и в тени каштанов.

Он скакал без всякой цели, когда вдруг заметил впереди хорошо знакомую белую кобылу, а в ее седле — не менее знакомую ему изящную фигуру Катрин Лоу. Он обрадованно подумал, что это, наверное, судьба заставила его сегодня выехать на прогулку.

Она скакала в сопровождении пажа, немного приотставшего. В том, что он встретил ее здесь, не было ничего удивительного; именно частые их конные прогулки в этих местах и послужили причиной скандала.

Но то, что она с улыбкой приветствовала его и предложила ехать рядом, было удивительно, если вспомнить, как строго она обходилась с ним в Со при попытках сблизиться с ней.

От удивления он так натянул поводья, что лошадь встала на дыбы. Она остановила свою лошадь и с улыбкой продолжала смотреть на него. Он подъехал к ней, сняв шляпу, и поклонился.

— Вы очень любезны, мадам. Это позволяет надеяться, что вы простили мое опрометчивое поведение, причиной которого было лишь восхищение вами.

— Я забыла о нем, — сказала она и прибавила: — Мне надо поговорить с вами. Вы можете поехать рядом со мной, если ничего не имеете против.

— Против! Как вы такое можете говорить!

Она весело засмеялась и легонько ударила свою кобылу хлыстом. Они поехали бок о бок, и она обернулась убедиться, что паж приотстал и не сможет их подслушать.

— Позвольте признаться вам, — сказала она, — что я целую неделю каждый день приезжала сюда в надежде встретить вас.

Это заставило его удивиться еще больше.

— Мадам...

— Поймите меня правильно. Возникшие обстоятельства заставляют меня надеяться, что мы станем союзниками.

— Ах, это всегда было моим желанием, мадам.

— Для этого союза есть причина, — печально сказала

она, — серьезная причина. Нам нужно защитить себя, — и она продолжила, не ожидая вопросов: — Ваша супруга, господин граф, находится в довольно близких отношениях с моим мужем.

Он был так ошарашен этим, что мгновенно позабыл о хороших манерах...

— Как? Откуда вы эти сплетни берете? Они даже не знакомы.

— Не знакомы? Да, но, однако, она наносит ему в Отель-де-Невер визит и называет его по имени. Я это сама слышала. Если же она говорит вам, что не знакома с ним, то это только лишнее доказательство их близких отношений.

Ругательства, с которыми он принял эту новость, были лишь свособразным выражением удивления.

— Ради всего святого, когда это произошло? — Он спрашивал с недоверием в голосе.

— Две недели назад. В позавчерашний понедельник.

Вспомнив, что это было в тот самый день, когда агенты парламента отправились в Отель-де-Невер, чтобы арестовать Лоу, и только обнаружили, что птичка улетела, он подумал, не было ли это объяснением бегства мистера Лоу.

Если слова Катрин правдивы, то ему следовало благодарить графиню за то, что Лоу оказался предупрежден. Но откуда, задал он себе следующий вопрос, она могла узнать об этих планах? И тут же нашел ответ. Он вспомнил, как хвастался ей своим хитроумием, которое уничтожит шотландца. Значит, Ноай был прав, подозревая в болтливости именно его.

Возбужденно он натянул поводья.

— Ах вот как! Так она предательница, — воскликнул он. — Она предала меня!

Он напугал Катрин своей яростью, причину которой она истолковывала неверно.

— Нет, нет. Я не это говорила. Невозможно поверить, что она так поступила.

— Мне все ясно. Господи! Какой же я дурак, что не догадался раньше!

Его поведение становилось все менее понятным для Катрин.

— Я не могу... Я не желаю верить в это, — запротестовала она. — Я надеюсь, что все еще можно предотвратить. Я поэтому и рассказала вам. Мы могли бы... Могли бы разрушить их недостойные планы.

— Их недостойные планы? — Он наконец понял, что они говорят о разных вещах. — Поскачем дальше? — предложил он и, крепко задумавшись, надолго замолчал.

— Вы понимаете, — спросила она наконец, — что я имею в виду, когда говорю о том, что нам надо стать союзниками?

— Конечно, понимаю. — Он теперь не торопился объяснять происшедшее. Он подумал, что ему это попросту невыгодно. — Но я понимаю кое-что еще: моя супруга изменяла мне, мучая меня в то же время своей ревностью. То, что происходит между вашим мужем и моей женой, очень серьезно затрагивает нас обоих. Вы говорите о союзе. А что еще нам остается, имея дело с таким предательством?

Он старался вести себя спокойнее, чтобы скрыть злобу от вопросительных взглядов проезжавших мимо людей. Он подъехал к ней ближе и тихим голосом сказал:

— Здесь не место говорить о таких вещах. Это все слишком серьезно. Скажите, когда я могу прийти к вам?

Такая возможность напугала ее.

— Нет, нет, в Отель-де-Невер нельзя. Джон узнает.

— На это мне наплевать. Но действительно, я не могу ступить на порог его дома после того, что произошло между нами, и вас я тоже не могу пригласить в свой. Что остается? — Он на минуту задумался. — У меня есть верный друг, полковник де Миль, он снимает квартиру на площади дю Руль. Это напротив церкви Сен-Филипп, над магазином перчаток, там еще красная ладонь на вывеске изображена.

Не ожидая ее согласия, он спросил:

— Когда вы придете?

Она побледнела. Дыхание ее стало учащенным.

— Но я не могу. Вы должны понять, что я не могу. Это невозможно.

— Ах, мадам, чего вы боитесь? Что вас узнают? Примите меры предосторожности. Приезжайте в сумерках в наемной карете.

— Но если это станет известно? Что он подумает? Нет, вы не должны такое предлагать.

— Да я и не предлагал бы, если бы знал более безопасное место. Но если мы хотим придумать, как избавиться от позора и бесчестья, то наша встреча обязательно должна состояться. Может быть, у вас есть друг, которому вы доверяете?

У нее такого друга не было. Поэтому после настойчивых

увещеваний она, чуть не плача, согласилась приехать сегодня вечером на площадь дю Руль. Ее мучила ревность и пугали дурные предчувствия.

Она надела вуаль, низко опустила капюшон и взяла извозчика, как советовал ей Орн.

В грязный дом ее пропустила неопрятная старуха. В коридоре стоял густой отвратительный запах. Старуха повела ее по скрипучей лестнице наверх. Запустение, царившее в доме, вызвало в сердце Катрин тоску. Ей казалось, что, находясь здесь, он пачкает себя.

С растущим желанием побыстрее уйти она вошла в комнату на втором этаже, где ее ожидал граф. Это была маленькая, плохо обставленная комната, но зато в подсвечнике возле обсиженного мухами зеркала горело целых четыре свечи. Молодой красивый граф выглядел очень решительно в голубом бархатном камзоле с тонкими золотыми кружевами. Он казался неуместным украшением в этом грязном помещении.

Он быстро подошел к ней. Сердечно поблагодарив за приход, он указал ей на потертый диван и предложил вина из бутылки, стоявшей возле подсвечника рядом с тарелкой бисквитов.

— Нет, нет. Ничего не надо, благодарю вас, — решительно отказалась она. — Вы же понимаете, я не должна задерживаться. Моя карета ждет. Вы подумали, как нам лучше поступить, какие меры принять?

— Подумал! — эхом отозвался он. — Да я ни о чем другом и не думал с самого утра. Но принять решение нелегко. Моя жена уехала в Сен-Жермен. Она уехала еще до моего возвращения с прогулки, поэтому мне не удалось с ней переговорить. Единственное, что, мне кажется, можно сделать, это попытаться убедить ее уехать из страны, чтобы ваш мерзкий муж не мог до нее добраться.

— О, да. — Она сцепила руки, глаза впились в его лицо. — Да. Это разумный выход.

— Ах! — со вздохом он сел на диван почти вплотную к ней. — Но это еще решено не окончательно. Я ведь могу только попытаться убедить мою жену уехать. К сожалению, я не могу приказывать ей. Ведь ваш муж из ревности ограбил меня, лишив всех моих сбережений, поэтому у меня нет ни луидора.

— Из ревности? — Она удивилась. — К вашей жене?

— Нет. К вам, мадам.

— Ко мне?

— Неужели вы даже не подозреваете, что поневоле явились причиной всех моих несчастий? Тогда я объясню. Господину Ла не откажешь в проницательности. Он быстро понял, как... как глубоко мое чувство к вам.

— И его это задело?

В ее голосе прозвучала неожиданная для него страсть, которой он не понял. Она как будто обрадовалась. Он пожал плечами.

— Естественно. А чего вы от него ждали? Сам увлеченный другой женщиной и, оставаясь, быть может, безразличным к вашим чувствам, он тем не менее не хочет показаться в неприглядном виде. Он считает вас своей собственностью и не желает, чтобы на нее покушались.

Ее вспыхнувшее лицо и частое дыхание показали, каким быстро действующим ядом были его слова. И он продолжал:

— Это, кстати, то, что он имел наглость сказать мне. Но когда я предложил ему решить наш спор, как это принято среди джентльменов, невзирая на его низкое происхождение, этот трус отказался.

— Вы... Вы хотели драться из-за меня? — Она оцепенела. — Вы даже готовы были подвергнуть свою жизнь опасности...

— Ну, вы высказались более утонченно. Но если вы хотите, это наименьшее, что я готов сделать ради вас! Вы не знаете меня совсем, и неудивительно, что между нами нет понимания. — В его голосе появилось приглушенное дрожание страсти. — Но господин Ла предпочел иное оружие, оружие своей гадкой коммерции, и здесь он победил меня, разорив. И хотя мои чувства к вам стоили мне потери миллиона, я тем не менее не жалею о нем. Клянусь, что если вы поверите в мои чувства, то я буду вознагражден за все мои несчастья!

Такие слова могли подействовать на чувства любой женщины. В какой-то степени они подействовали и на Катрин Лоу. Взгляд ее выражал обеспокоенность.

— Не надо... Вам не следует так говорить.

Но если это и было протестом, то одновременно и мольбой.

— Почему? Зачем надо скрывать правду? — Он еще ближе придвинулся к ней. — Что должно удерживать нас? Моя жена, хладнокровно предавшая меня, или ваш муж, не сознающий своих обязанностей по отношению к вам? — Она умоляюще подняла руку, но он порывисто отвел ее в сторону. — Мы остались в дураках, Катрин. Мы хотели

предотвратить то, что предотвратить уже невозможно, слишком поздно.

— Нет, нет! — Она чуть не заплакала. — Я не верю в это. И, оставшись в дураках или нет, но мы должны попытаться. Я же поэтому и пришла к вам.

— Я обдумал это со всех сторон и не вижу никакого выхода.

— Но вы же сказали об отъезде графини Орн из Парижа...

— Но сказал, что вряд ли смогу заставить ее.

— Но вы же попытаетесь? Неужели нет ничего, что могло бы заставить ее уехать? Ну, подумайте, я умоляю вас. Вы обязательно, обязательно найдете, как сделать, чтобы они перестали встречаться.

— Ваша просьба — долг для меня. Но дайте мне время. Возможно, мне поможет леди Стэр. Она привязана к Марго, и я могу попытаться представить дело так, будто речь идет о спасении Марго из сетей Ла...

— Точно, — перебила она, — это выход.

— Но дайте подумать, — попросил он и придвинулся еще теснее, почти прижимался к ней.

Но это напугало ее. Она встала.

— Я должна идти. — Она запнулась. — Мне нельзя долго быть здесь. Меня... меня могут спросить.

Дрожащими руками она поспешно опустила вуаль и накинула капюшон. Он почтительно стоял рядом. Он чувствовал, что напугал ее, и был достаточно опытен, чтобы не понимать, что дальнейшая настойчивость может только усилить страх.

— Мы должны еще раз встретиться, не откладывая, — сказал он. — Как только я придумаю способ.

Она обежала взглядом отвратительную комнату, и ее передернуло от мысли, что она может еще раз прийти сюда.

— Надеюсь, что в этом не будет необходимости. Это небезопасно. Если об этом узнали... Если за мною следили...

— Но все же думаю, было бы лучше, если бы вы знали о моих планах. Мне может понадобиться ваша помощь. Я дам вам знать. Не бойтесь. — Он поднял подсвечник. — Я провожу вас.

Посмотрев, как она испуганной птичкой впорхнула в карету, он подвинулся назад, не обращая внимания на бесстыдное хихиканье содержавшей дом старухи и ее едкие комментарии о слишком кратком визите красавицы. В

комнате де Миля он поднял подсвечник и осмотрелся. Он понял, что эта обстановка могла вызвать только острое отвращение в избалованной душе Катрин, привыкшей к роскоши, которой окружил ее муж. Но, если не считать этой комнаты, не слишком походившей на дворец Венеры, в основном, он был доволен сыгранной комедией и своей изобретательностью.

Буквально на следующий же день судьба дала ему повод просить ее снова прийти. Он посетил оперу, чтобы принять участие в вечере госпожи де Сабран. Регент тоже присутствовал на этом вечере, сопровождаемый, как это иногда случалось, мистером Лоу.

Завидев графа Орна и раздосадованный не просто тем, что вновь видит его, но и тем, что его пригласила одна из ведущих фавориток двора, Его Высочество сказал сопровождавшему его Лаврийеру:

— Этот человек или выжил из ума и не понимает моих слов, или обнаглел настолько, что решил бросить мне вызов. Он получает приказ убраться из города и ближе, чем на пятьдесят лье, к Парижу не приближаться, а вместо этого является сюда. Передайте, что если он не оставит Париж, то мы сможем подыскать ему помещение и здесь, в Бастилии.

О происшедшем Катрин Лоу узнала в полдень следующего дня из записки, переданной ей девочкой-цветочницей в букете гвоздик, когда она садилась в карету.

Лакей хотел оттолкнуть девочку, но она громко крикнула, подняв букет:

— *Mes beaux ocillets, madame!** Только что из садов Орна. Из садов Орна, госпожа!

Слуги Катрин не придали значения этим словам. Но Катрин прекрасно поняла их смысл.

— Пусть подойдет, — приказала она. Взяв букет, она поднесла его к своему лицу. — Они очень сладко пахнут, детка.

Она дала ей серебряную монету, отчего та рассыпалась в благодарностях

Усевшись в карете, Катрин достала из букета свернутый лист бумаги. На нем было следующее: «Несчастье расстроило мои планы. Мне приказано уехать из города не позднее завтрашнего дня. Это, без сомнения, интриги Дж. Л., мечтающего от меня избавиться. Нам важно

* Красивые гвоздики, мадам! (фр.)

встретиться до моего отъезда. Буду ждать вас сегодня вечером».

Подписи не было, да она и не требовалась. Письмо наполнило ее страхом. Если граф уезжал без жены, то никто и ничто теперь не стояло между графиней и мужем Катрин. А то, что, как указывалось в записке, отъезд Орна являлся следствием интриг Джона Лоу, делало страх обоснованным и зловещим.

Поэтому, преодолевая отвращение перед домом на площади дю Руль, Катрин снова бросилась туда.

Она, конечно, не подозревала, что состояние ярости, в котором она застала его, было притворным. Это чувство было вполне естественным для человека, узнавшего, что его высылают по наущению хитроумного соперника, убравшего все помехи, мешающие достижению его гнусных целей. Она не могла представить, что единственное предательство, в котором виновата жена графа, это рассказ о замыслах парламента против господина Ла. Правда, Орн и сам не мог найти другой причины для этого, кроме ненависти к себе. И, несмотря на рассказ Катрин, сохранял уверенность, что графиня не могла быть в прошлом знакома с Лоу.

— Ах, мадам, — жаловался он, — это чудовищно, это ужасно. Мы стали жертвами злобной пары, использующей хорошее отношение к себе со стороны властей. Я уверен, что вашего мужа уговорила выслать меня моя жена. Не удовлетворившись тем, что ограбил меня, лишив всех средств, он теперь хочет лишить меня последнего — моей чести.

Его трагическая фигура склонилась над ней, сидевшей на потертом диване и искренне сочувствовавшей его притворному горю. Из кожаного кошелька она достала пачку банкнот.

— Эта высылка, — сказала она, — усугубит ваше безденежье. Пусть эти средства помогут вам хоть немного. Здесь только три тысячи луидоров: все, что я смогла взять незаметно.

— Мадам! — в его голосе появился ужас. Он, протестуя, резко отказался.

— Это — ваше. Это малая часть того, что у вас украли, так что пусть вас не мучают сомнения. Не обижайте меня отказом.

— Мадам! — повторил он, и голос его прервался рыданием. Он опустился на диван рядом с ней, резко сжав ее руки и прижавшись губами к руке с банкнотами.

— Деньги... Что они для меня. Но ваш поступок... Боже, Катрин, это для меня — все. Меня доводит до слез мысль, что вы так заботитесь обо мне.

— Возьмите, возьмите, — настаивала она.

— Моя нужда столь ужасна, что я позволяю вам убедить себя. Но я беру их только займы...

— Нет. Эти деньги принадлежат вам. И я достану для вас еще.

Обещание это было легко выполнимо, поскольку ее муж был довольно рассеян.

— Нет, от вас я могу взять эти деньги только в долг. То, что мне должен господин Ла, я верну себе сам, когда придет время.

Он взял деньги и небрежно бросил их на столик перед зеркалом. Потом он снова стал целовать ее руки. Его страстность начала беспокоить ее. Она попыталась убрать руки, но он крепко прижимал их к себе.

— Ваша доброта кружит мне голову. То, что вы так позаботились обо мне, войдя в мое положение, трогает меня до самого сердца. Как мне доказать свою благодарность? Мою благодарность и мою глубокую любовь?

Она опять попыталась освободить руки.

— Раз мы собираемся стать союзниками... — Ее голос прервался.

— Конечно, союзниками. Но больше, гораздо больше, чем просто союзниками. Позвольте доказать вам свою преданность, свое обожание. Какое нам дело до этих изменников, когда мы вместе?

— Не надо говорить так, месье.

— А как еще сказать? И почему не надо? Мы должны быть верны только друг другу, разве нет? Ах, Катрин! — Он наконец отпустил ее руки, но только, чтобы обнять ее и, не обращая внимания на сопротивление, притянуть к себе.

Побелевшая, дрожащая, с мольбой в глазах, она упиралась руками ему в грудь и умоляла успокоиться и отпустить ее.

— Мне не следовало приходить сюда, — говорила она. — Я должна была знать, что рискую. Не заставляйте меня жалеть о своем доверии к вам.

Он резко отпустил ее, отодвинулся и встал.

— Как вы можете быть одновременно такой доброй и злой? Вы понимаете мои самые мелкие нужды, — он указал на пачку денег, — и в то же время отвергаете самые глубокие, — он встал перед ней на колени. — Ах,

Катрин, у вас есть жалость? Видя меня у своих ног, вы отталкиваете меня? Даете мне денег! Боже, неужели вы думаете, что я буду благодарен за них, если вы лишаете меня всего остального, лишаете себя? Я был благодарен вам, думая, что это будет залогом вашей любви, ответом на страсть, что обуревает меня

— Тихо, тихо! — уговаривала она его, как ребенка. — Так нельзя...

— Нельзя! — взорвался он. — Тогда все погибло. Зачем жить, если нельзя прислушаться к своему сердцу? Катрин, дорогая Катрин, во всем мире нет ничего более важного для меня сейчас, а вы говорите, что этого нельзя. — И вновь его руки обхватили ее, голова прижалась к ее груди, и хотя она и напряглась, но больше не пыталась освободиться. — Не стоит мучить себя, — продолжал он, — если моей жене и вашему мужу угодно изменять нам, то ведь и мы можем отплатить им той же монетой.

Он поднял голову и придвинулся к ней, жадно ища ее губы. Взволнованная его порывистой страстью, тяжело дыша в его объятиях, она пыталась освободиться.

— Если бы... Если бы я только точно знала, что они изменили нам. Если бы я могла быть уверена.

— А вы все еще сомневаетесь в этом?

— Да. Ведь у нас нет доказательств. Все это пока лишь наши предположения, — и добавила еще более решительным тоном: — Я честная женщина, и мне не хочется становиться иной. Только... только доказательство измены Джона могло бы изменить меня. Если б я была уверена в его измене, то мне стало бы все равно. Но пока я не могу считать себя оскорбленной женой, мстящей за свою честь, — она вырвалась из его объятий. Казалось, ее сомнения окончательно развеялись. С силой оттолкнув его, она поднялась. — Ваша записка напугала меня, но вместе с тем и дала мне надежду, что вы нашли путь... путь к предотвращению измены. А раз это не так, то зачем вы заставили меня снова прийти сюда?

Орн понял, что ему попалась женщина, несмотря на все легкомыслие, любящая мужа достаточно, чтобы удержаться от супружеской неверности. Но и поняв это, он, распаленный, продолжал настаивать:

— Я просил вас прийти сюда, чтобы вы узнали о случившемся со мной.

— И это все?

— Но мне необходимо, мне было крайне необходимо увидеть вас до отъезда.

Она не обратила на его слова никакого внимания.

— Могу я, по крайней мере, рассчитывать, что вы сделаете все от вас зависящее, чтобы увезти графиню с собой?

Он посмотрел на нее темными влажными глазами с печальным упреком.

— Вы мучаете меня! — пожаловался он. — Мне ужасно больно наблюдать, что все ваши чувства поглощены вашим непутевым мужем.

— Я беспокоюсь также и о своей чести, как вы могли заметить. А теперь позвольте мне уйти. Скажите только, где вас найти, если вы мне понадобится.

Он вздохнул и провел рукой по лбу.

— Я поеду в Со завтра.

— Но ведь вас высылают не туда?

— Нет. Но я должен рискнуть, чтобы быть поближе к вам, если понадобится, о чем постоянно молю Бога.

— Но вы будете там в опасности.

— Буду счастлив, если хоть это вызовет ваше желанное для меня беспокойство. — Он пожал плечами, как бы отмахиваясь от грустных мыслей. — Если меня выплут из Со до того, как вы позовете меня, я дам вам знать.

Она опустила голову и поблагодарила его. Надевая на голову капюшон, она сказала:

— Посветите мне, пожалуйста, на лестнице.

Он не шевельнулся. О чем-то раздумывая, он смотрел на нее блестящими глазами.

— Уж! Вы покидаете меня прямо сейчас. Ах, позвольте насладиться вашим присутствием еще несколько мгновений. Я ведь даже не знаю, когда в следующий раз увижу вас. Не спешите так!

Ее тревога усилилась от этой ураганной мольбы, она испугалась за себя. Его рука стянула с ее головы капюшон, который она собралась завязать. Потом он снова обнял ее.

— Нет, нет, — умоляла она.

Но его объятия были столь крепкими, что она была не в силах бороться.

— Ах, Катрин, Катрин, не отвергай меня.

Парализованная, не в силах пошевелить руками, в полуобмороке от ужаса, она почувствовала, как он оторвал ее от пола и легко перенес через комнату.

— Ради всего святого, отпустите меня, — слабо простонала она. — Ох, это низко, низко!

Его ответом был только страстный шепот:

— Тихо! Тихо!

Он донес ее до дивана и опустил на него. В этот момент его руки ослабили хватку, и, словно ожив, она сделала попытку освободиться.

Они упали, борясь так яростно, что не слышали, как стукнула входная дверь.

И только когда на лестнице раздались спотыкающиеся шаги и хриплый голос, тянувший какую-то мелодию, он замер и отступил от нее на шаг, прислушиваясь. Ее же этот шум, страшный в любое другое время в таком месте, наполнил чувством облегчения.

Орн грязно выругался и после секундного замешательства побежал к дверям, чтобы запереть их. Но не успел. Едва он остановился, как двери рывком распахнулись, и толстый, безвкусно одетый мужчина средних лет встал на пороге, щурясь от света.

Зрелище, которое он увидел — задыхающийся и бледный граф и сидевшая на диване дама, лихорадочно приводившая в порядок свои измятые одежды, — вызвало на раскрасневшемся лице полковника де Миля ухмылку.

— Кажется, я помешал, — хмыкнул он. Он хотел заговорить солидным тоном, но не удержался и хихикнул. Пройдя шаг или два на нетвердых ногах, он снял шляпу и поклонился.

— *Serviteur**, мадам.

Он виновато повернулся к Орну:

— Черт бы меня побрал, господин граф, но я забыл, что ты здесь.

— Черт бы тебя побрал, пьяница, — ругнул его Орн.

— Ты чертовски невежлив. Но мне наплевать на это.

Они свирепо уставились друг на друга. Катрин увидела, что путь к двери свободен. Трясущимися руками она натянула капюшон на голову, закуталась в плащ и поспешила к выходу. Орн хотел остановить ее, но задел полковника.

— Отойдите в сторону, пьяная собака.

Но обиженный оскорблениями де Миль навалился на него всей тушей, не давая пошевелиться:

— Виноват, если помешал. Я уже сказал. Виноват. Поругай меня, если хочешь. Я это тебе прощу. Но не будь невежлив. Не говори, что я пьян. Не называй меня собакой. А то я укушу тебя, — по-прежнему не давая Орну сделать ни шагу, он тупо засмеялся. — А из-за чего

* Ваш слуга (фр.)

ты так разнервничался? Из-за бедной молоденькой курочки? Ха! Да пусть идет, если хочет. Не держи ты их никогда насильно. Я так не поступаю. Это некрасиво. Пусть идет.

Звук отъезжающей кареты сказал Орну, что ее уже не догнать. Он злобно обругал де Миля.

Потом он отошел в сторону и засмеялся.

— Ты был ужасно некстати, Миль. Но, может быть, это сейчас не так уж и важно. Она еще успеет избавиться от своей робости. Подождем другого случая.

Катрин, дрожа и всхлипывая, съехала в углу нанятой ею кареты и громко рыдала: «О какая низость! Какая низость!» — и клялась, что никогда больше она не допустит подобной встречи.

Глава пятнадцатая

КОРОЛЕВСКИЙ БАНК

Удивительная сама по себе, известная всем история лэрда Лауристонского кажется еще более удивительной, если мы узнаем ее тайную сторону.

Зимой 1718 года операции его банка достигли огромного размаха. Его мысли если и отвлекались от работы, то лишь изредка, когда, как мы уже видели, он задумывался о Маргарет Огилви. Только погружением в работу мог он заглушить постоянную ноющую тоску по ней, которая не покидала его со времени их короткой встречи. Он знал, что графа Орна нет в Париже, и только крайним усилием воли избегал соблазна искать встречи с графиней.

Так случилось, что привязанность к нему регента после происшедшего с ним смертельно опасного случая, а также благодаря его талантам сильно возросла. Говорили, что регент ослеплен достоинствами шотландца. Кроме того, после «промывания мозгов» парламенту политическая сила регента настолько возросла, что он без сомнений позволил шотландцу приводить в действие намеченные им планы, в совершенстве которых мистер Лоу убедил его. Чтобы обезопасить эти планы на будущее, его банк получил статус государственного, что вызывало гнев Ноая и его друзей. Название банка изменилось. Из Генерального он стал Королевским, и его ценные бумаги гарантировались теперь казной.

Наконец, мистер Лоу мог расширить свои колониальные

замыслы, получив по специальному указу право присоединить к Миссисипской компании еще ряд французских колониальных компаний: Ост-индскую, Китайскую и Сенегальскую. Получившаяся в результате слияния огромная компания была названа Индийской, хотя по привычке ее обычно продолжали называть Миссисипской.

Для того чтобы развернуть деятельность этого концерна, монополизировавшего всю заморскую торговлю Франции, потребовались новые капиталы, и мистер Лоу, чтоб достать их, использовал все свои финансовые таланты, уже блестяще проявленные, так что теперь никто не осмелился сомневаться в них.

Однако рост стоимости акций Миссисипской компании оставался до сих пор незначительным и так и не достиг номинала, несмотря на то, что в Луизиане ожидали найти несметные богатства.

Если самого мистера Лоу это мало беспокоило, поскольку он смотрел далеко вперед, то его более осторожный брат Уильям был этим весьма огорчен. Он получал тайные отчеты из-за океана и видел, что состояние дел оставляет желать лучшего, очень не соответствуя блестящим слухам, ходившим во Франции. Он сравнивал застой в делах Миссисипской компании с резким ростом стоимости акций «Антисистемы» д'Аржансона, уже выдававшей своим пайщикам дивиденды от двенадцати до пятнадцати процентов.

Старший брат высмеял обеспокоенность младшего.

— А ты думаешь, что заброшенная земля в Луизиане сразу начнет давать большую прибыль? Богатства там есть. Может быть, не в золоте и бриллиантах, как считают эти тупицы, но уж в любом случае в самой земле. Конечно, стоимость земли не привлекает внимание тех, кто относится к ней просто как к грязи. Но, поверь, она окупит себя с лихвой.

— Возможно, — Уильям не был убежден. — Будем надеяться. Но, может быть, лучше подождать, пока стоимость миссисипских акций достигнет номинала, и после делать следующие вклады?

— Стоимость этих акций достигнет номинала, когда я этого пожелаю, а это произойдет тогда, когда мы запустим Индийскую компанию.

— Хотелось бы увидеть это, — Уильям с сомнением покачал головой.

— Увидишь, — уверил его брат.

Для этих целей он изобрел средство, которое позже

стали называть опционом, а именно — продажу акций по определенной цене определенное время, и объявил, что Королевский банк до конца года будет покупать миссисипские акции по номинальной стоимости. Двести акций стоили по номиналу сто тысяч ливров, и он брался купить их все за эти деньги, хотя на улице Кенкампуа они стоили шестьдесят тысяч.

Чтобы не было сомнений в серьезности его слов, он объявил, что сделал в свой банк депозитный вклад в размере сорока тысяч ливров, который потеряет, если не выполнит обещание.

Это заявление уверило публику, что господин Ла имеет все основания ожидать быстрого роста стоимости акций. Естественно, что они стали немедленно скупаться, и цена на них пошла вверх.

Затем мистер Лоу разыграл следующую карту своей партии. Он выпустил акции новой компании — Индийской — в количестве пятидесяти тысяч штук по цене пятьсот ливров каждая. Так что суммарный капитал составил двадцать пять миллионов.

Он, однако, продавал эти акции не по номинальной стоимости, а на пятьдесят ливров дороже, увеличивая таким образом капитал до двадцати семи с половиной миллионов ливров. Оплата этих акций взымалась частями. В качестве первого взноса принимались пятьдесят ливров, а оставшиеся пятьсот вносились равными долями в течение двадцати месяцев. В случае же неуплаты всей суммы возвращались уже внесенные деньги за исключением первых пятидесяти ливров.

Лоу в скупку и продажу акций привнес азарт игорного стола. Покупатели превратились в игроков, рискующих небольшой суммой в надежде сорвать куш.

Но это было не все. Он поставил одно ограничение для покупателей акций новой компании. Они продавались только тем, кто уже имел четыре акции Миссисипской компании. Новые акции он назвал «дочерними», а старые, соответственно, «материнскими».

Таким образом, пожелавшие подписаться на акции Индийской компании были вынуждены сначала приобрести акции Миссисипской. Зная человеческую природу, он верно рассудил, что препятствие только возбудит желание скупить как можно больше акций. И оказался прав. Цена старых акций пошла вверх быстрее прежнего. Улица Вивьен была запружена экипажами, а Отель-де-Невер

осаждали богачи, умолявшие мистера Лоу позволить им попасть в список акционеров, пока он еще не закрылся.

Об этой истории узнал и регент. Когда он стал искать какую-нибудь герцогиню для сопровождения одной из его дочерей, отбывающей к савойскому двору, то, к своему удивлению, не обнаружил ни одной. Ему ответили, что все они сейчас возле кабинета мистера Лоу, и там он и сможет выбрать напарницу для своей дочери.

А на улице Кенкампуа в это время с утра до ночи раздавались крики менее солидных продавцов и покупателей.

Спрос на акции возрос так, что их стоимость превысила номинальную. И чем выше она становилась, тем сильнее их хотели приобрести. Вскоре за акцию Индийской компании давали семьсот пятьдесят ливров, то есть выше номинала на пятьдесят процентов.

В результате доверие к мистеру Лоу, и так очень твердое, возросло еще больше. Стало видно, что он был прав, давая гарантии относительно Миссисипской компании, как прежде оказался прав, создавая свой банк.

Уильям Лоу, онемев от восторга, созерцал удивительную легкость, с которой брат добывал миллионы из ничего, вернее, из веры в то, что он может их добыть. И вновь видел, что брат не удовлетворен этой победой, что всего себя он посвящает развитию того дела, ради которого и добыл эти миллионы.

Этот гениальный игрок хотел завоевать намного большее поле, и за каждую клеточку его боролся, используя всякую представлявшуюся ему возможность.

Одна из таких возможностей возникла, как он и рассчитывал, из-за расточительности регента, вновь испытывавшего нехватку денег. Надо было уладить дела его незаконного сына Шевалье Орлеанского, да и госпожа де Парабер приобрела имя — Жуфлотта требовала денег на поддержание его воистину королевского великолепия. Безотказный регент обратился за помощью к господину Ла. Господин Ла готов был помочь. Его Высочество мог получить пятьдесят миллионов, когда ему будет угодно. В обмен мистер Лоу попросил передать компании контроль над монетным двором и надежной эмиссией.

Его Высочество не стал сомневаться. Он передал ему этот контроль сроком на девять лет, веря в него как в кудесника, способного добывать миллионы из воздуха. Только брат мистера Лоу испугался, неужели тот готов платить такие деньги за предоставление этого контроля?

— Джон, ведь Миссисипская компания не выдержит, если из ее оборота изъять такую сумму.

Как и раньше, мистер Лоу с улыбкой развеял сомнения брата:

— Я никогда и не собирался этого делать. Публика обеспечит нас деньгами, как и до этого.

И действительно, разгоряченная публика охотно дала деньги, когда мистер Лоу выпустил для этой цели следующий пакет акций Индийской компании, названных им «внучатыми», номинальной стоимостью пятьсот ливров, но продаваемые за тысячу.

Он был уверен в успехе этого шага, видя, как легко разошлась предыдущая серия акций. На этот раз условием приобретения новых акций было наличие у покупателя четырех «материнских» и одной «дочерней». А срок подписки был всего двадцать дней. Еще одной приманкой служили дивиденды в размере двенадцати процентов. Эта серия акций разошлась моментально.

Получение контроля над монетным двором было предварительным шагом на пути разрушения «Антисистемы» д'Аржансона и поглощения ее. С этим, однако, можно было и подождать, пока широкая публика занималась перевариванием того, что ей уже скормил мистер Лоу.

Тем временем он тоже без лишнего шума получил монополию на производство соли и табака, а также добился указа, запрещающего перевод денег из разных областей страны в иной форме, кроме банкнот.

Этот указ был очень выгоден, поскольку исключал возможность получения необеспеченного кредита, а также делал безопасной перевозку средств. Чтобы подчеркнуть это, в преамбуле указа специально оговаривалась возможность использования передаточной записи, еще одного финансового изобретения мистера Лоу, позволявшей предъявлять банкноты к оплате только лицу, в них указанному.

Эта и другие меры, которые использовал мистер Лоу за три года своей деятельности, привели к тому, что практически вся звонкая монета, около семисот или восьмисот миллионов ливров, попала в подвалы Королевского банка, а денежное обращение в стране осуществлялось только посредством банкнот.

В конце года улица Кенкампуа превратилась в огромный улей. От восхода и до заката каждая меняльная контора функционировала как маленький уголок огромного финансового дворца, созданного мистером Лоу. Количество

продавцов и покупателей все возрастало, и Королевский банк не справлялся с обслуживанием всех желающих.

Торговля, ставшая наконец-то подлинно свободной, потребовала рабочих рук, и многие голодные безработные получили работу, а стоимость их труда за эти годы удвоилась.

На заре процветания, только занимавшейся после всех лишений, народ говорил о господине Ла как о своем спасителе и призывал на него благословение Божие.

Глава шестнадцатая

НОВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ДОНА ПАБЛО

Лист бумаги, который мистер Лоу испещрял расчетами, был черен от цифр. Только на полях виднелись три крошечных изображения женского лица, в которых угадывались черты графини Орн.

Его отвлекли сообщением о визите графа Стэра.

Его сиятельство вошел в дом мистера Лоу, одетый в камзол ярко-голубого цвета и чулки до колен. Такой наряд поневоле приковывал к себе внимание, но граф чувствовал себя вполне уверенно. Походка его была неспешной, в руках раскачивалась тросточка. Он небрежно скинул треуголку и приказал доложить о себе мистеру Лоу.

— Я протестую, сэр, — заговорил он, входя в кабинет. — Если вы и дальше будете развиваться такими темпами, то скоро нам, простым смертным, будет к вам не попасть.

— Ваше сиятельство смеется надо мной. Скажите, чем бы я мог служить вам?

— Благодарю. Но не осмеливаюсь. У вас в доме богато, как у какого-нибудь принца.

— Скорее уж, как у кардинала. Этим домом раньше владел Мазарини.

— Ну что ж, кардинал тоже вроде принца. И уж во всяком случае, этот человек знал, как жить и как обставлять дома. Такой великолепной лестницы нет даже в Кенсингтонском дворце³⁸, а ваши гобелены достойны королевских покоев. Впрочем, для вас миллион значит меньше, чем для меня гиней³⁹. Позвольте выразить вам свою зависть.

— Пожалуйста. Ведь это форма комплимента. А вы пришли ко мне в поисках миллиона?

Этот вопрос, заданный спокойным тоном, заставил графа отказаться от добродушного подшучивания.

— А вы можете сказать, где он лежит?

— Пожалуйста, если такова цель вашего визита. Сюда многие выдающиеся люди приходят с этой целью: *auri sacra fames**. Но я был бы несправедлив к вашему сиятельству, если бы не позволил себе предположить менее корыстную цель визита. Почему вы не садитесь?

— Вы правы, — сказал граф. Он зацепил тросточку за пуговицу камзола, вытащил табакерку, постучал по крышке пальцем, предложил табаку мистеру Лоу и, наконец, уселся, скрестив ноги. — Скажите, нет ли среди ваших многочисленных знакомых в финансовом мире испанца по имени Пабло Альварес?

— Пабло Альварес? — скрыв удивление, мистер Лоу не ответил сразу. — Я знаю его. Да. Он, кажется, сейчас в Лондоне?

Стэр покачал головой.

— Нет, вы ошиблись. Он там жил, но сбежал. Он обанкротился и обвиняется в махинациях, связанных с Компанией южных морей. Его ищут, чтобы задержать.

— Для чего?

— Чтобы повесить, я думаю. Известно, что он перескал из Голландии во Францию. Скорее всего, он захочет отсюда попасть в Испанию. Но натянутые отношения между Францией и Испанией не позволяют переходить границу без паспорта. А паспорта у него нет. Я был у регента и просил его, если обнаружат этого человека, задержать его и передать нам. Но Его Высочество заупрямился. Он не дал мне никаких обещаний. — Он вздохнул. — Боюсь, что, несмотря на все мои старания, я так и не смог добиться его благорасположения. Вот почему я у вас.

— У меня! Вы смеетесь. Что я могу сделать, если регент не желает вам помочь?

— Вы можете заставить его передумать. Вы же знаете, как заставить его изменить решение. Все говорят: если хочешь чего-нибудь от Его Высочества, то обращай к господину Ла. Так ведь и должно быть, — улыбнулся Стэр, — кто платит, тот и заказывает музыку.

— Все это вздор, — сказал лэрд Лауристонский.

* Золото освящает славу (*лат.*).

— Возможно. Вопрос, не попытаетесь ли вы помочь нам?

Мистер Лоу задумался. Лицо его было спокойно.

— Как вам угодно. Посмотрю, можно ли что-нибудь сделать. Но учтите, я не даю никаких обещаний. Я поступлю так, как посчитаю нужным.

— Удовлетворюсь и этим. Моя ответная благодарность, наверное, не значит для вас много, но уж чем богат. Надеюсь, вы снизойдете до нее.

Он встал, чтобы идти.

— Миллион, о котором вы спрашивали, легко можно получить.

Лорд Стэр с сомнением посмотрел на него сузившимися глазами.

— Тем лучше. — Он помолчал и со смущенным смешком добавил: — Но вы, конечно, не скажете как?

— Почему же? — мистер Лоу говорил небрежно, как будто раздача миллионов была для него самым привычным занятием. Может быть, его честолюбие сейчас тешило то, что высокомерие знатности унижалось высокомерием богатства. — Почему же? Купите тысячу акций Индийской компании.

— Но они ведь стоят тысячу ливров каждая. Милый Лоу! Это как раз и будет стоить миллион.

— Это потребует не более тысячи луидоров. Вам нужно заплатить за каждую акцию только первый взнос в размере пятидесяти ливров. Когда придет время второго взноса, цена акций удвоится. И вы сможете продать часть акций, и оплатить следующий взнос. Уверен, что еще до третьего взноса у вас будет акций на миллион или даже большую сумму. Я дам указания моему человеку по имени Макуэртер. Он находится в банке на улице Кенкампуа. Он продаст вам привилегированные акции.

Узкие глаза Стэра расширились.

— А вдруг ваши прогнозы относительно роста их стоимости не оправдаются? — спросил он.

— Тогда вы потеряете тысячу луидоров. Но можете мне довериться.

— Попробовать сыграть?..

— Вы не правы. Игра подразумевает риск, а здесь его нет. Но, может быть, вы настолько добродетельны, что называете игрой игру без риска?

Нуждавшийся в деньгах граф задумчиво почесал подбородок, потом спросил:

— Где, вы сказали, продают акции Индийской компании?

— В конторе банка на улице Кенкампуа. Спросите Макуэртера, он тоже шотландец. Это верный мне человек. Я напишу для него записку.

Лорд Стэр окончательно лишился своего холодного высокомерия. Он разгорячился и стал крайне болтлив. Наконец он удалился, нежно попрощавшись с мистером Лоу и назвав себя его вечным должником. Уходя, еще раз напомнил о деле обанкротившегося испанца.

Хотя мистер Лоу оставался спокоен, как всегда, он очень расстроился, узнав о неприятностях своего старого друга. Думал он об этом и два дня спустя. Он как раз собирался обедать, когда, к его удивлению, брат ввел в комнату человека, послужившего причиной визита лорда Стэра.

Дон Пабло Альварес несколько располнел со времени их последней встречи в Турине четыре года назад. Морщины на его желтоватом лице стали глубже. Он радостно раскрыл руки, чтобы обнять мистера Лоу, говоря, что в Париже проездом и не мог лишить себя удовольствия повидать старого друга.

Однако мистер Лоу не разделял его радости. Он вытерпел объятия молча, а потом сказал:

— Желал бы я радоваться тебе, Пабло. Но случайно оказался в курсе твоих неприятностей.

— Неприятности! Ах, да какие это неприятности! *Dios mio*, какие пустяки, мой друг! — В его черных глазах застыла глубокая тоска. — Но откуда ты, черт возьми, об этом узнал?

— От британского посланника. Он просил меня убедить регента арестовать тебя и переправить в Лондон, если ты окажешься во Франции.

Испанец замер. Потом он взорвался:

— Матерь Божья! Неужто до того уже дошло?

— Успокойся, — сказал мистер Лоу, — я ничего не пообещал лорду Стэру.

Альварес часто задышал.

— Я должен был знать об этом. Чувствовал, что на моей шее затягивают веревку. — Он ослабил галстук.

Мистер Лоу усадил его и, уверив в своей дружбе и готовности помочь, попросил рассказать, что же произошло. Яркими красками испанец живописал, как он прогорел с акциями Компании южных морей. Он считал, что их стоимость резко завышена, и продавал чужие акции,

рассчитывая, что скорое падение курса покрост эти махинации. Но вместо падения, которое мог предвидеть каждый дурак, проклятые акции стали еще дороже. Он закончил словами, что если и есть в этом мире что-то определенное, так это то, что Компания южных морей — пузырь, который вот-вот лопнет.

— Да, но пока что этого не произошло, — сказал Уильям, — и сейчас таким пузырем оказался ты.

— И вот ты в бегах, — сказал мистер Лоу. — Ну что ж, не можешь быть честным, старайся быть хотя бы осторожным.

— Ты назвал меня нечестным? — дон Пабло чуть не плакал.

— А разве это не так? Или это теперь честно — продавать то, что тебе не принадлежит, а потом скрываться с деньгами?

— Какие деньги? Бог свидетель, у меня их нет. Об этом кричат как раз те, кто потерял свои акции. Они хотят моей крови, как будто разбогатеют от этого.

— Ужасный мир, — сказал мистер Лоу.

Дон Пабло не почувствовал иронии.

— Тебе ли на него жаловаться? У тебя хватило ума поехать тогда в Париж. Надо было ехать с тобой. Ты величайший человек во Франции, второй после регента, контролируешь финансы, ворочаешь миллионами, живешь, как король. Тебе любой позавидует.

— Поговорим лучше о тебе, Пабло. Ты хочешь уехать в Испанию, так? Но отношения между Францией и Испанией сейчас напряженные. Поэтому, чтобы пересечь Пиренеи, тебе потребуется паспорт.

— Сельямаре получит его.

— Кто?

— Принц Сельямаре. Я первым делом обратился к нему, когда появился здесь. Он отправит меня под видом камердинера одного испанского священника, возвращающегося в Мадрид.

— Ясно. И когда этот священник уезжает?

— Через день-два он вернется в Париж из Со и сразу уедет.

— Из Со! — мистер Лоу встревожился. — Ты случайно не знаешь, что делает в этом притоне твой испанский священник?

Дон Пабло пожал плечами.

— Откуда? Сельямаре об этом не говорил. Он сказал

только, что этот аббат по имени Порто-Карреро приехал из Мадрида пару дней назад и скоро возвращается.

— Значит, он приехал из Мадрида пару дней назад и вот-вот вернется туда снова, а сейчас находится в Со. — Дон Пабло озадаченно смотрел на мистера Лоу. Тот объяснил: — Мне показалось странным, что ваш посол, гордый, недоступный испанский гранд, помогает тебе, беглому банкроту. Но теперь все проясняется. Твой аббат похож на связного между Испанией и Со. Не странно ли это?

— Но ведь он священник.

— Это-то и странно. Если бы он не был священником, все было бы проще. А ведь этот связной не просто священник, он еще и дворянин. Порто-Карреро — дворянская фамилия. Теперь подумай, зачем этому человеку ездить передавать письма?

— Что ты имеешь в виду?

— А это означает, что такие письма нельзя доверить обычному курьеру.

— Ну это только предположение, — вмешался Уильям.

— Конечно. Но то, что творится в Со, дает мне основания для этого. Они составляют заговор. Они там веселятся, а заодно пытаются организовать переворот. Маленькая герцогиня говорила, что мечтает увидеть, как земля королевства начнет гореть под ногами герцога Орлеанского. В свободное от мадригалов, серенад, театральных постановок и разврата время они составляют план отстранения от власти регента и возведения на престол испанского короля.

— Боже мой! — воскликнул дон Пабло. — Но раз об этом известно...

— Да, об этом известно. Но регент только смеется над ними. Называет это *sabotinage** и пожимает плечами, читая стихотворные оскорбления Его Высочества, сочиненные рифмоплетами герцогини. Возможно, он был прав, пока эти интриги напоминали клоунаду. Но твои слова говорят, что в заговоре замешана Испания. А это серьезно. Не исключено, что Альберони видит для себя выгоду в поддержке планов Менос. Не думаю, что регент теперь отмахнулся бы от этих известий.

— Послушай! — закричал Уильям. — Он рассмеется тебе в лицо, узнав об этом. Нужны доказательства, чтобы делать такие заявления.

* Кривлянье, комедианство (фр.)

Подумав, мистер Лоу согласился с ним.

— Надо их получить, — сказал он. — Где ты остановился, Пабло?

— В посольстве Испании. Принц Сельямаре предложил мне свое гостеприимство, пока мы не уедем с Порто-Карреро.

Мистер Лоу взглянул на брата.

— Одно это должно тебя убедить. Или ты считаешь в порядке вещей, что высокомерный Сельямаре пригревает на своей груди беглых финансистов? А ты, Пабло, езжай в посольство в моей карете. И мой тебе совет, сиди там безвылазно до самого отъезда. Если захочешь снова повидать меня, прими меры предосторожности. А теперь пойдемте обедать.

Дон Пабло воспользовался приглашением на следующий же вечер. Послушавшись мистера Лоу, он приехал в закрытом седане. Целью визита были деньги, в которых он остро нуждался, хотя прикрыл истинную цель желанием перед отъездом последний раз повидать старого друга. Он рассказал, что аббат де Порто-Карреро вернулся утром из Со и назавтра собирается в Мадрид вместе с другим испанским дворянином по имени Монтелеон, прибывшим из Гааги.

Мистер Лоу щедро удовлетворил его финансовые нужды, выказывая поистине королевское презрение к деньгам, и пожелал безопасного путешествия.

— Надеюсь, тебе ничего не грозит, — сказал он, — раз ты под видом слуги вписан в паспорт аббата.

— Абсолютно ничего. Как на камердинера аббата де Порто-Карреро на меня распространяется дипломатическая неприкосновенность. А он везет дипломатическую почту.

Для мистера Лоу это было недостающим звеном в цепи. Он напряженно задумался и потом переспросил:

— Дипломатическая почта? — Глаза его смотрели с напряжением. — Тогда я вряд ли ошибся, предположив, что он связной.

— Но вряд ли и прав, — засмеялся дон Пабло, — потому что он наверняка не такой связной, каким ты его себе представляешь.

Мистер Лоу ничего не ответил. Но как только испанец, сердечно поблагодарив его, отбыл, он приказал подать карету и поехал в Пале-Руаяль, к Дюбуа, и потребовал немедленной аудиенции у регента.

Аббат рассмеялся.

— Даже если загорится Париж, это будет невозмож-

но, — сказал он. — Его Высочество ужинает, и дверь к нему плотно заперта на всю ночь.

— Ее надо отпереть, — настаивал мистер Лоу и кратко пересказал Дюбуа то, что, по его представлениям, сейчас происходило. — Пусть эти люди отъедут от Парижа, а потом их надо догнать и арестовать.

Дюбуа сейчас с уверенностью продвигался к осуществлению своей мечты стать вторым Ришелье, и подобные события его сильно затрагивали. Тем не менее он опять рассмеялся:

— Арестовать! Арестовать двух дворян только на основании ваших туманных подозрений?

— Мои подозрения, конечно, остаются подозрениями, но они не туманны. Где ваш здравый смысл? Вы говорите, они дворяне. Но с каких это пор посланник, даже испанский, использует дворян в качестве курьеров?

Аббат пожал плечами.

— Друг мой, эти господа едут в Испанию. И отсюда не следует, что они должны везти с собой письма Сельямаре.

— Разве вы не понимаете, что Порто-Карреро явился в Париж только ради того, чтобы передать письма из Испании? И наверняка должен забрать ответы на них. Разве все не указывает на это! Прodelать путь из Мадрида, чтобы провести во Франции четыре дня, и три из них — в Со, этом заповеднике предателей. У вас есть шпионы, аббат. Есть они и у меня. В Со находится мстительный молодой человек по имени Орн, за перемещениями которого я слежу, и я знаю о том, что там происходило в эти дни.

— Да, да, — Дюбуа стал проявлять нетерпение. — Я знаю это и еще многое. И регент тоже. Предположим все ваши подозрения справедливы. И все равно уверен, что регент никогда не даст санкции на их арест. И потом, я все еще не понимаю, какие действия мы можем предпринять сейчас?

— Я же уже сказал вам. Схватить молодого священника и взять его бумаги.

— Дорогой барон! — оскорбился Дюбуа. — Вы не понимаете, что говорите. Бумаги запечатаны посольской печатью. Она священна. Из-за подобных и даже меньших нарушений начинаются войны. И что вы вообще так разгорячились? Раз уж сам Его Высочество смеется над их планами, то вам-то какая нужда так волноваться?

Мистер Лоу выказал нетерпение.

— Дорогой аббат, вам изменяет ваша проницательность. Пока разговор разрабатывался в Со, он оставался просто глупым капризом лицемерной герцогини, и мы могли смеяться над ними вместе с регентом. Но не изменилось ли сейчас все? Приезжает связной из Мадрида. Замечан испанский посланник. Не означает ли это, что король Филипп начинает относиться к этому серьезно? Вы интересуетесь, почему я так разгорячился? А если, пока регент смеется, у него выбьют почву из-под ног, то что случится со мной? Мои друзья из парламента уже один раз чуть было не повесили меня. И, кстати, что случится с вами, аббат? Неужели Мены любят вас так сильно, что оставят здесь и после свержения регента?

— Все равно это только предположения, — упирался Дюбуа, становясь более задумчивым. — И осмелиться на столь крайнюю и опасную меру, не имея никаких доказательств, никак невозможно. Перехватить бумаги посольства...

— Но если в них будут доказательства измены?

— А мы не сможем доказать этого, пока их не получим. Но и получить их не сможем, пока это не будет доказано. Смешно, конечно. Но это замкнутый круг, и я не вижу из него выхода.

— Это ваше последнее слово?

— Более того, мой друг, это — эпилог.

— Тогда я должен сделать все, что в моих силах.

Дюбуа встревожился:

— Что у вас, черт возьми, на уме?

— То, что я должен сделать это вместо вас.

— Вы спятили? — Дюбуа побледнел. — Вы, может быть, отчаянный игрок, барон. Но эта игра не про вас. Ставкой в ней будет ваша собственная голова.

— О, бедная моя голова!

— Как минимум карьера. Вы все погубите. Подумайте, ради Бога. Оставьте в покое то, что вас совершенно не касается.

— Я только что объяснил вам, что меня это все очень близко касается.

— Но не настолько же, чтобы так рисковать? Прошу вас, опомнитесь.

— Ладно! — отрезал мистер Лоу. — Хватит об этом. Теперь вот еще что. Лорд Стэр сказал мне несколько дней назад...

— О сбежавшем банкроте? Знаю. Он говорил мне, что обращался к вам. А что вас здесь интересует?

— Этот банкрот мой старый друг. Я хотел бы помочь ему. Мне нужен один документ для него.

Аббат растерялся:

— Вы ставите меня в тупик. Вы желаете помочь Стэру или нет? Черт меня побери, если я вас понимаю.

— Поймете позже. А сейчас вы меня очень обяжете, если выполните мою просьбу. Это никому не принесет вреда. Франция никак не заинтересована в этом человеке.

Поскольку это единственное, что было аббату ясно, он не стал чинить препятствий. Но долго сидел в тревожном раздумье после ухода мистера Лоу.

Глава семнадцатая

ПОРТФЕЛЬ СЕЛЬЯМАРЕ

Путешествие дона Пабло никоим образом нельзя было назвать счастливым.

Аристократичный молодой аббат и его компаньон, сын последнего испанского посланника при дворе короля Англии, обращались с банкиром даже хуже, чем если бы он на самом деле был их лакеем. Так что роль его стала более чем естественной. Он сидел на запятках рядом с кучером, закутавшись как только мог, чтобы спастись от пронзительных декабрьских ветров, и проклинал надменных юнцов, уютно устроившихся в карете размером почти с комнату.

Единственным утешением было, что они приближаются к испанской границе, за которой он будет в безопасности. Вот уже и Пуатье проехали. Здесь-то, когда карета переезжала мост, он и заметил небольшой отряд, едущий следом. Это не обеспокоило бы обычного человека в обычных обстоятельствах. Но обстоятельства дона Пабло были необычны.

Встав на колени, он смотрел вверх кареты на приближающийся отряд: полдюжины мушкетеров в красном, возглавляемых офицером. Позади отряда скакал человек, закутанный в плащ.

Пришпорив коней, они догнали и окружили карету как раз, когда она съехала с моста, и именем короля приказали остановиться. Растущие страхи дона Пабло сменились унылой уверенностью.

Карета остановилась, и молодой священник высунул голову, спросить, что происходит. Он полагал, что вышла

какая-то ошибка. Он назвался аббатом Порто-Карреро из испанского посольства, возвращающимся на родину.

Офицер был до крайности любезен. Если все так, как говорит аббат, то он просит прощения за задержку. Они преследуют по просьбе английских властей беглого банкрота по имени Пабло Альварес, и у них есть информация, что он находится в этой карете.

Аббат изобразил возмущение. Нервничая, он стал говорить, что ничего не слышал о таком человеке. Его сопровождали, утверждал он, только господин де Монте-леон и камердинер, о чем указано в бумагах.

Офицер сошел с лошади, и один из мушкетеров распахнул дверь кареты. Позади стоявших полукругом всадников уже стали собираться городские зеваки, и число их увеличивалось.

Аббат показал бумаги. Это был низкорослый широкоплечий брюнет. Тон его был очень властным. Его компаньон был полной противоположностью ему: худой и долговязый, он оставался молчалив и апатичен.

Офицер посмотрел две протянутые ему бумаги.

— Все в порядке, — произнес он, но задержал их, пока не переговорил с подъехавшим поближе человеком в плаще. — Взгляните на них, месье. Вы узнаете среди них того, кого ищете?

Человек в плаще, не слезая с седла, заглянул внутрь кареты.

— Нет, — заявил он. — Можете разрешить им ехать, лейтенант.

— Там еще про слугу упомянуто, — сказал лейтенант.

— Естественно, — надменно ответил его преподобие. — Я без слуги не путешествую, — спокойно он указал на дону Пабло. — Вот он, рядом с кучером.

— Позвольте взглянуть на него. Спустись-ка, приятель.

Альварес спустился на землю, дрожа от страха, голос закутанного в плащ человека был до крайности похож на голос мистера Лоу.

— Это тот, кого вы ищете, лейтенант. Это Пабло Альварес.

— Voila! — рассмеялся офицер. — Хитрость чуть не удалась, господин аббат. — Потом саркастически спросил: — Он тоже пользуется дипломатической неприкосновенностью?

Порто-Карреро пришел в ярость.

* Вот оно как! (фр.).

— Я не знаю его. Я его нанял в Париже неделю назад.

— Конечно, конечно. Садись в карету, дружок, — обратился офицер к Пабло и добавил: — Вы все поедете с нами.

Он захлопнул дверь кареты, и, не слушая объяснений возмущавшегося аббата, отдал приказ. Они направились прямо к гостинице в Пуатье. Дон Пабло понял, что погиб, но никак не мог понять причину ужасного предательства мистера Лоу.

Во дворе гостиницы под любопытными взглядами хозяина, горничных и конюха, а также служанок и прохожих им предложили считать себя арестованными и попросили подняться наверх.

Порто-Карреро был взбешен и угрожал Франции чуть ли не войной с Испанией за такое оскорбление. Тем временем высокий человек в плаще спокойно приказал доставить багаж из кареты в комнату для досмотра.

— Это дорого вам обойдется, — заверещал, выходя из себя, аббат. — Мы дипломаты. Вы же видели наши паспорта. Наши персоны и багаж неприкосновенны.

Но это не лишило спокойствия мистера Лоу.

— Только один из вас известен, как разорившийся банкрот, пытающийся бежать от правосудия в Испанию. Вам не должно быть странно, что теперь мы не верим уверениям о неприкосновенности. Ваши паспорта могут быть поддельными. Соболаговолите подать ваш портфель, господин аббат.

Он протянул руку за кожаным портфелем, который Порто-Карреро прижимал к груди.

Лицо аббата смертельно побледнело. В уголках рта показалась пена. Эта паника окончательно уверила мистера Лоу в его правоте.

— Сэр, здесь посольские документы. Они запечатаны посольской печатью. Взгляните сами, сэр.

— Это я и собираюсь сделать, — мистер Лоу завладел портфелем. — Более удобного места для провоза награбленных средств и не придумать. Сюда можно положить банкноты не на один миллион ливров.

Монтелеон вышел из апатии. Он был очень надменен:

— Вы, вероятно, лишились рассудка, сэр. То, что рядом с нами оказался какой-то негодяй, не дает вам права на такое нарушение закона, как вскрытие портфеля с дипломатической почтой. Предупреждаю вас, сэр, что если вы откроете этот портфель, то подвергнете себя серьезной опасности. Смертельной опасности. Давайте вернемся вме-

сте в Париж, и принц Сельямаре все подтвердит. Это удовлетворит вас? Вы же должны понимать, что нарушение целостности дипломатической почты может иметь для вас серьезные последствия.

Его речь, однако, не произвела на мистера Лоу никакого впечатления.

— Поедем ли мы в Париж беспокоить испанского посланника или вообще вы вернетесь в Париж с нами, будет зависеть от того, что я найду в портфеле.

Не обращая более внимания на протестующих молодых людей и, видимо, без достаточного страха перед гербом Испании, оттиснутым на печатях, мистер Лоу сломал их, вскрыл замок и высыпал содержимое портфеля на стол.

Он понимал, что вступил в самую рискованную игру в жизни, и если его выводы окажутся ошибочными, а бумаги невинными, то последствия этого будут весьма серьезными, как его и предупреждал Дюбуа.

Но его умозаключения не оказались ошибочны. Ужасные доказательства измены превзошли все ожидания. Когда он пролистал документы и понял, что в них, два молодых человека: одетый в черную сутану аббат и Монтелеон в темно-красном камзоле, — перестали протестовать. Они стояли рядом с ним пришибленно, как пойманные воры.

Он поднял взгляд и произнес строгим голосом:

— Лейтенант, возьмите этих троих и поместите на ночь в разные комнаты, чтобы они не могли сговориться. К утру я привезу ордер на их арест.

Это был приказ, и, понимая, что протестовать бесполезно, аббат и его компаньон с унынием позволили себя увести.

Оставшись один, мистер Лоу более внимательно просмотрел бумаги, лежавшие перед ним.

Во-первых, среди них было письмо принца Сельямаре кардиналу Альберони, детально обсуждавшее предметы, на которые его преосвященство должен обратить внимание короля Филиппа. Оно начиналось с предложения: «Я ожидал, пока виноград превратится в вино, прежде чем отведать его, но теперь, думаю, ваше преосвященство может положиться на его крепость». Далее письмо касалось планов переворота, который должен возглавить дядя короля Филиппа, герцог Мен. Регента собирались похитить с помощью верных людей, что не представлялось трудным для заговорщиков, знавших его привычку ходить без охраны. О том, что с ним предполагалось сделать после похищения, в письме не говорилось. Эту деталь, без

сомнения, оставляли на усмотрение короля Испании. Сразу после похищения Его Величество должен вступить во Францию. На его сторону должен был перейти полк герцога Ришелье⁴⁰, а он мог рассчитывать на поддержку парламента в Париже и на дворянство в Бретани, извечных врагов Англии, в результате негодной политики регента сделавшейся союзником Франции. Король Филипп объявлялся затем регентом, на что имел полное право как внук Людовика XIV. Свои функции после этого передавал герцогу Мену.

Если бы это было все, то и этого было бы достаточно. Но в портфеле был еще черновик письма, с которым короля Филиппа призывали обратиться к Людовику XV со следующими словами:

«Мой Брат и Племянник, никогда, с тех пор как Провидение усадило меня на трон Испании, не забывал я об обязанностях, наложенных на меня моим рождением. Вечная память о Людовике XIV всегда со мной. Я как будто слышу его слова, сказанные в минуту нашего расставания: «Пиренеев больше не существует». Ваше Величество является единственным потомком моего старшего брата. Любезный моему сердцу испанский народ нежно любит меня и уверен в моих чувствах к нему и не отнесется с ревностью к тому, что я переживаю за вас. Я тешу себя мыслью, что по-прежнему дорог той нации, которая вскормила меня своей грудью. Мне только непонятно, как верные вам слуги могли подписать этот договор против меня, скорее, против вас самого? Истощенные финансы вашей страны, непосильное бремя мира вынудили вас заключить союз с Англией, моим смертельным врагом, видимо, для войны со мной. Но знаете, я никогда не присоединюсь к такому союзу. Он невыносим для меня».

Мистер Лоу остался равнодушен к этому посланию, созданному рифмоплетами из Со якобы от имени испанского короля.

Он просмотрел следующий документ. Это был список влиятельных дворян, на чью поддержку король Филипп мог с уверенностью рассчитывать. Кроме того, в портфеле оказались собственноручно подписанные послания, предлагающие верность и службу королю Испании от некоторых дворян, не указанных в списке, среди которых были герцог Омон, герцог Полиньяк, герцог Ришелье, маркиз Помпадур и граф Орн.

Наконец-то, подумал мистер Лоу, у него в руках были

материалы, достаточные для того, чтобы регент мог отправить на плаху десяток-другой дворян-злоумышленников, в том числе и его злейшего врага. К тому же теперь он был безопасен от последствий вскрытия дипломатического багажа, чего так опасался Дюбуа.

Удовлетворенный, он закрыл портфель и приказал подать ужин. Позднее, около полуночи, он узнал, куда поместили дона Пабло, и, перекинув плащ через руку, отправился нанести ему визит.

Охранника, стоявшего возле двери дона Пабло, он попросил удалиться:

— Идите отдохнуть. Я побуду некоторое время с заключенным. Я пошлю за вами, когда стану уходить.

Он отпер дверь и вошел. Комнату освещали две свечи, стоявшие на столе с остатками ужина и кувшином вина. Дон Пабло грустно сидел на краю постели, обхватив голову руками и, возможно, представляя галеры, на которые его пошлют. Услышав, как кто-то вошел, он поднял голову. Когда он узнал своего высокого посетителя, то поднял голову и, злобно выругавшись, сказал:

— Что, позабавились со мной, черт побери?!

— Надеюсь, теперь я позабавлю и вас, — сказал мистер Лоу. — Начну с того, что я принес вам паспорт и плащ с капюшоном, в котором вас никто не узнает. Часового я отослал, так что можете считать себя свободным. Если вы сейчас спуститесь черным ходом, то вряд ли кого встретите, поскольку прислуга уже спит. Впрочем, даже если вас и увидят, то вам ничего не грозит, но лучше обойтись без лишних объяснений. Почтовая станция на соседней улице. Обратитесь к смотрителю, возьмите лошаадь и мчитесь скорее в Испанию. Если не будете жадничать, то станционный смотритель вопросов не задаст. Вот вам, наконец, еще тысяча луидоров в банкнотах Королевского банка. Благодарить меня не стоит, поскольку вы мне помогли еще сильнее. Ваше банкротство сослужило мне большую службу. Я говорил, что позабавлю вас, но лучше, если вы станете смеяться, очутившись по ту сторону границы. Спокойной ночи, приятного путешествия и удачи, милый мой Пабло. Ступай с Богом.

— О, мой друг! — потрясенно вымолвил Пабло. — А я-то думал, прости меня Господи, что ты предал меня. О, мой друг, мой друг! — он стал задыхаться и неожиданно разрыдался.

— Какой стыд! — упрекнул его мистер Лоу. — Так-то

ты смеешься? Успокойся. Не время хныкать. Ступай, мой друг. Вытри нос и уезжай.

Дон Пабло схватил мистера Лоу за руку, крепко сжал ее, поцеловал, омочив в своих слезах.

— Бог вознаградит тебя! Ты спас меня!

Мистер Лоу обнял его за плечи и подтолкнул к двери.

— Я скажу, что ты сбежал под покровом ночи через окно. Счастливо тебе, Пабло. Дай знать, если опять обанкротишься.

Глава восемнадцатая

ПИСЬМО

Три дня спустя мистер Лоу с двумя своими пленниками был уже в Париже и отправился в Пале-Руаяль к аббату Дюбуа. Он прибыл туда в два часа ночи, и аббат был уже в постели. Мистер Лоу, однако, настоял, чтобы его разбудили. В ночном колпаке, ворча и шипя, как злобная кошка, аббат был тем не менее обрадован неурочному посетителю.

— Черт побери, барон, неужели ваше дело не терпит до утра?

— Вы сами сможете судить об этом, — был холодный ответ, в котором аббат, однако, заметил некоторую живость, необычную для этого всегда бесстрастного человека.

Мистер Лоу сбросил соболью накидку и вытащил черный кожаный портфель с золотыми застежками и двумя сломанными печатями.

При этом лицо Дюбуа вытянулось, а глаза расширились. Он возбужденно сорвал с себя ночной колпак.

— Боже мой, что вы наделали, — прохрипел он. — Все-таки осмелились, несмотря на мои предупреждения?

— Ответ — здесь, — сказал мистер Лоу.

С этими словами он высыпал содержимое портфеля на постель.

— Все это должно было мирно уплыть в Мадрид под охраной посольских печатей. Но вместо этого очутилось у вас. Полностью.

Последнее не было правдой, так как мистер Лоу для своих личных целей изъясил из портфеля письмо графа Орна.

Встревоженный аббат, не задавая более вопросов, начал

рыться в бумагах дрожащими руками. Когда он читал первый листок, его впалые щеки стали заливаться румянцем, а когда он дочитал последний, то его светлые глаза засверкали. Он осклабился:

— *Pardieu!** Вам повезло, — закричал он. — А ведь за эти сломанные печати могли сломать вам шею.

— Мне всегда везет, если я до этого хорошо просчитаю. А здесь, дорогой аббат, игра была верной, потому что я впервые в жизни использовал крапленую карту. Я же ехал не за господином де Порто-Карреро, а за беглым банкротом. Я перехватил его в Пуатье. Он ехал под видом слуги испанского аббата. Конечно, я задержал его, как и его сообщников, аббата и еще одного господина. Конечно же, я проверил их багаж. В поисках ворованных денег, разумеется. Имея дело с преступниками подобного сорта, разве можно не усомниться в том, что посольская печать не поддельная? Но вы видите, она оказалась настоящей.

— Лихо придумано.

— Ну, если ваше преподобие в состоянии, пусть придумает лучше.

— Где уж мне. Сойдет и это. Сойдет, и неплохо. Где арестованные?

— Господин де Порто-Карреро и его компаньон находятся в подвале Отель-де-Невер по выписанному вами ордеру. А банкрот тот, к сожалению, сбежал ночью.

— А, это тот испанец, для которого вы просили изготовить паспорт? Наверное, вы ужасно разозлились, что ему удалось уйти от вас?

— Конечно, разозлился. Но это неважно. Он свою роль отыграл. А без него, кстати, эти документы никогда бы к нам не попали. Так что мы перед ним в долгу и должны помнить, что его нам послало Провидение.

Дюбуа закутался в халат, собрал в кучу бумаги и сказал:

— Пойдемте к Его Высочеству, господин Провидение.

Мистер Лоу отрицательно покачал головой:

— Нет. Доложите об этом вы, аббат. Я не хочу появляться в роли полицейского. Не стоит даже мое имя упоминать. Говорите обо мне как о вашем агенте, тем более что так и обстояло дело. Прощайте, господин аббат! — Он поклонился и вышел.

Час спустя регент вышел после ужина раскрасневшийся,

* *Черт побери!* (фр.).

в расстегнутом камзоле и обнаружил в прихожей аббата, кутавшегося у камина в ночной халат.

Аббата раздосадовала веселость, читавшаяся на лице регента.

— Я здесь не для того, чтобы развлекать Ваше Высочество.

— А это у вас лучше всего получается, — Его Высочество икнул. — Ну, а какого черта тогда вы здесь?

Дюбуа показал на портфель.

— Я принес вам доказательство измены.

— В три ночи? Одно это уже с вашей стороны измена. Какой стыд! За такую жестокость вы никогда не получите кардинальскую шапочку. Никогда. И идите спать.

— Неужели Вашему Высочеству не угодно понять, что я здесь в такой час потому, что дело не терпит отлагательства?

Но регент выпил слишком много вина, чтобы быть способным это понять.

— Вот что не терпит отлагательства, так это что мне пора в постель. Идите к черту, аббат, с вашими изменами. Спокойной ночи.

Со смехом регент прошел в спальню, клича слугу. Аббат пылал от гнева, глядя ему вслед и жалея, что потерял полночи, только чтобы увидеть столь вопиющее легкомыслие.

Он отомстил, однако, регенту на следующее утро, когда закрылся с ним в комнате, называвшейся зимним кабинетом и находившейся в конце небольшой галереи. Там он разложил перед регентом бумаги посланника.

Его Высочество, свежесбрившийся, надушенный и напудренный, бодрый и жизнерадостный, смотрел на огонь в камине, когда вошел аббат. Он хотел пожурить его за вчерашнее вторжение. Неужели его преподобие, спросил он, был так невежлив, что не давал ему лечь в постель, или ему это приснилось? Однако он прекратил свои подшучивания, пробежав письмо Сельямаре. Когда он закончил читать остальные документы, то стал серьезен, как никогда. Его полное свежее лицо стало мрачнее тучи.

Чем закончилось дело Сельямаре, заслуга в разоблачении которого очень возвысила Дюбуа, описано в исторических книгах. Посланник короля Филиппа, пришедший учтиво потребовать возвращения портфеля, был тут же арестован. Принадлежащие ему бумаги были тщательно изучены Дюбуа, государственным секретарем по иностранным делам, и Лебланом, государственным секретарем по

военным делам. После этого принц был выдворен за пределы Франции. На следующее утро отряд мушкетеров отправился в Со, чтобы арестовать герцога и герцогиню Мен. Немало китайского фарфора было разбито буйной герцогиней, вставшей на носки, чтобы хоть как-то компенсировать свою низкорослость, и в тщетной надежде остановить пришедшего за ней офицера кричавшей, что она внучка Великого Конде.

— Вы можете арестовать меня, — заявила она, — но не можете заставить меня подчиниться.

Ее выслали из ее земного рая как Еву, с иронией отсмсчали современники, и отправили в Дижон, где у нее было достаточно времени, чтобы остыть и обдумать происшедшее. И через несколько месяцев, подчинившись или нет, но она начала забрасывать регента письмами, клянясь ему в преданности.

Ее безвольный герцог обливал жену грязью за то, что она якобы надула его, заставив участвовать в этой дурацкой интриге. Он сидел теперь в крепости в Пикардии.

Что касается остальных, и те, кто был в списке Сельямаре, и те, кто предал регента своими личными обращениями к испанскому королю, были, за исключением успевших сбежать, схвачены и помещены в Бастилию до решения регента.

Графа Орна среди них не было, так как его письмо королю Филиппу осталось у мистера Лоу. Взяв его с собой, он поздним вечером того дня, когда регент начал вершить правосудие, отправился в носилках, несомых четырьмя лакеями в ливреях, к дому графини Орн на улице Аржантей. Впереди носилок шел человек с фонарем, освещавший дорогу. Возможно, от избытка осторожности он приказал доложить о себе как о господине дю Жасмине, прося принять его, несмотря на поздний час.

Как он и предвидел, она сразу же поняла, кто скрывался под этим именем. Да и несложно было догадаться, что «господин дю Жасмин» звучало почти как «Джессами Джон». Не так просто было догадаться о причине его визита. Она была уже в постели, и некоторое время дрожь и сомнения не давали ей встать, чтобы выйти к нему.

Лакей ввел его в будуар графини — изящно обставленную полутемную комнату, с разукрашенными в стиле рококо стенами, обшитыми темно-розовой парчой, мебелью, уставленной китайским фарфором. В углу стоял

обтянутый атласом клавесин и арфа. На полу — толстый индийский ковер.

Она вышла к нему в пеньюаре из белого шелка, скрывавшем ее от шеи до пят. Он как будто делал выше ее стройную фигуру. Каштановые волосы были распущены. Удивление и затаенная тревога светились в темных глазах, напряженно изучавших его, пока он кланялся. Он был в высшей степени корректен.

— Вы любезно согласились принять меня, мадам. Мне кажется, что причина моего визита служит оправданием его неурочности. Если бы регент не задержал меня, то я пришел бы намного раньше.

Она без звука продолжала смотреть на него вопрошающими глазами. Она ждала. Он откинул накидку, под которой оказался камзол серого цвета, украшенный узкой золотой цепочкой.

Наконец она столь же корректно заговорила:

— Снимите ваш плащ и подсадьте к огню. Ночь холодная.

Он достал бумагу, снял накидку и треуголку и положил их на стул. Но не стал садиться на диванчик изогнутой формы, на который она указала.

— Я пришел, чтобы вернуть свой долг, — объявил он.

Она улыбнулась.

— Я не знаю за вами долга.

— Но я тем не менее знаю его за собой. Соболаговолите взглянуть вот на это.

Нахмурившись, она взяла бумагу. Складка на ее лбу углублялась по мере того, как она читала письмо своего мужа королю Испании. Потом подняла растерянный взгляд.

— Я ничего не понимаю.

Кратко он посвятил ее в планы заговорщиков.

— Было написано несколько таких писем. Все они, кроме этого, попали в руки регенту. И их авторам очень повезет, если их не повесят. Это произойдет только в случае, если Его Высочество проявит необычную мягкость, что маловероятно, учитывая характер заговора. Из авторов этих писем спаслись пока только бежавшие де Нель и Помпадур — их сейчас ищут, а также господин де Орн, чье письмо мне удалось перехватить прежде, чем оно попало на стол регента. Остальные уже в Бастилии.

— Но... — Она запнулась, не в состоянии найти нужные слова. — Ты так великодушен. Я не понимаю, зачем ты сделал это для графа Орна. Ты же ненавидишь его.

— Да, но я считал, что его любишь ты.

— И это послужило причиной?

— Этого было бы, конечно, достаточно. Но я уже сказал, что обязан тебе жизнью. И я рад, что могу вернуть долг.

— Жизнью? — Глаза ее округлились. Их выражение смутило его.

— Ты же предупредила меня о намерениях парламента.

— Ах, это! — Она облегченно вздохнула. Казалось, она думала о чем-то другом.

— Я не преувеличиваю. Отдай это письмо своему мужу. Теперь мы квиты.

— К твоей радости, конечно.

— Естественно. Я всегда возвращал долги. — Он помолчал и добавил: — У меня нет причины оставаться здесь долее. Я советую не говорить мужу, от кого ты получила это письмо. Позвольте покинуть вас, мадам, — закончил он, снова переходя к формальному обращению.

Он поклонился и потянулся было за плащом и шляпой, но она остановила его:

— Минуту, Джон. Это письмо... Если выяснится, что ты перехватил его... Ты будешь скомпрометирован?

— Да. Но не бойся. Если ты не скажешь графу, об этом не узнают.

— Подожди. Но ведь скрывать измену тоже преступление? — Она стала решительной. — Я не позволю тебе совершить его.

— Не позволишь? Ты не понимаешь, что это единственный способ спасти жизнь твоего мужа?

— Мужа! — презрительный изгиб ее губ и тон, которым она произнесла это слово, заставил его взглянуть на нее с удивлением. — Ты знаешь моего мужа. А ведь ты разбираешься в людях, Джон. Неужели ты думаешь, что я могла бы рисковать твоей жизнью из-за этого человека?

Удивление его усилилось, а потом сменилось чувством неловкости. Он вспомнил о словах леди Стэр, а также, как отзывалась о муже сама Маргарет, когда они ехали в ее карете к Пале-Руаялю. Он ответил смущенно:

— Я сделал это не ради графа Орна, а ради тебя.

— Да? Ради меня рисковать своей жизнью, чтобы передать мне письмо, содержащее злобные замыслы этого никчемного человека. Хватит. Мне не надо такой жертвы. Во всяком случае, ради графа Орна. Забери письмо.

— Но я умоляю тебя, подумай...

— Не о чем тут думать. О, я понимаю. Тебя шокирует

отсутствие во мне супружеской привязанности. Но есть более важные вещи в жизни. Это верность самой себе, собственному сердцу, душе и чести. И другие чувства не должны быть в ущерб этому.

Его лицо потемнело.

— Я с сожалением слушаю тебя, — сказал он, — и неохотно.

— Тебе не хочется, чтобы я раскрывала перед тобой свою жизнь? Понятное желание.

— Нет, нет. Просто я надеялся, что ты счастлива.

— Счастлива? — она безрадостно засмеялась. — Мне было бы интересно узнать, что такое счастье.

Ее слова напомнили ему, что он говорил когда-то своему брату по этому поводу: «Я однажды очень ненадолго испытал счастье, но оно появилось и тут же исчезло».

Воспоминание усилило ощущение неловкости.

— В общем, я не была счастлива со своими мужьями, — продолжала она, — но винить в мне надо только себя. Мне воздалось за мою глупость. Когда-то, Джон, ты хорошо относился ко мне.

Его бесстрастное лицо казалось взволнованным.

— Когда-то я любил тебя, — произнес он, и краска выступила на ее бледном лице.

— Как же ты обманулся во мне. Ведь меня привлекал тогда только внешний блеск.

Она опустила на стул рядом с ним и, ссутулившись, продолжала с затаенной горечью:

— Одного Неда Уилсона должно было хватить, чтобы навсегда избавиться от тяги к мишуре. Но вот появился граф Орн, а я оставалась такой же дурной и надеялась, что с ним моя жизнь может пойти на лад. Мой брат Стивен предупреждал меня... Ты помнишь Стивена. Он же был твоим другом. Но я пошла на поводу у собственной глупости. И, только выйдя замуж, поняла, кто такой граф Орн: распутник и ловец удачи, животное, тянувшееся не ко мне, а к моим деньгам. Он считал меня очень богатой и не ошибся. Но мое богатство оказалось недоступным для него, оно было закреплено за наследником. Ты знаешь, у меня есть сын.

Это слово словно плетью хлестнуло его. Она увидела, как он вздрогнул и побледнел.

— Тебя это ранит? — спросила она с грустной нежностью, как бы прося прощения за нанесенную рану. — Ты не знал?

— Нет, — ответил он и спросил: — Это сын короля Вильгельма?

Боль в ее глазах показала, что он тоже больно ударил ее. Тень улыбки мелькнула на ее губах.

— А ты думал, что у меня были и другие любовники? Да. Это сын короля Вильгельма. Харпингтонское имение принадлежит ему. У меня с него только рента.

Он взял себя в руки.

— Поздравляю тебя с этим.

— Лучше посочувствуй мне во всем остальном. Я все порассказала тебе, я хотела, чтобы ты знал. И хотела, чтобы ты понял, почему я не желаю помогать графу Орну. Но то, что ты сделал это ради меня, для меня очень ценно. Только прошу, не говори, что ты просто вернул долг. Признайся, что это не совсем так.

Он не мог сопротивляться мольбе в ее голосе.

— Возможно, это не совсем так, — согласился он.

— Ты думал порадовать меня, считая, что Орн мне дорог, — она встала. — Вместо этого... — Она не смогла продолжать, задыхаясь от рыданий. Через минуту она, успокоясь, продолжила тихим голосом: — Прости меня. Твой поступок разбудил во мне чувства, которые, я думала, уснули навсегда. Хотя, конечно, ты можешь смеяться надо мной. Я была женой двух мужчин, любовницей третьего, но любила я при этом только одного, не бывшего мне ни мужем, ни любовником.

Ему стало ужасно больно и тоскливо.

— Ты говоришь так и хочешь, чтобы я верил тебе. Но когда ты могла выбирать, почему ты выбрала не то, что хотела?

— Я никогда не могла выбирать. Ты забыл? — Она резко повернулась к нему. — Ты забыл, что...

Она осеклась. Повернулась к камину и стала смотреть в огонь, чтобы он не видел ее глаз.

— Что забыл? — спросил он.

— Что... — казалось, она не может подобрать нужного слова. Наконец тихо произнесла: — Что ты убил моего мужа.

— И поэтому ты не поехала со мной в Голландию? Не отвечала на мои письма?

Она молчала, будто сомневаясь. Наконец спросила:

— А этого мало? Что сказали бы люди?

— Люди! Что нам до них? И что бы они в конце концов сказали? Что я убил твоего мужа, так как он

для гнусной своей выгоды свел тебя с королем, да еще и посмеивался над этим, когда напивался.

Она избегала его взгляда.

— Это... это считалось только предлогом, — запинаясь, сказала она.

Он изумленно посмотрел на нее.

— И ты, ты в это верила? Ты же всегда была смелой и честной перед собой, Маргарет.

— Возможно, мне надо действительно быть смелее и разрешить тебе уйти, — она посмотрела на него. — Давай не будем говорить больше об этом. Это ранит слишком сильно. Забери письмо, Джон. Я не хочу подвергать тебя опасности.

— Тут нет опасности.

— Не обманывай меня. Ты сегодня второй человек во Франции, близкий друг регента, принят при дворе, раздасешь миллионы. Но всего этого окажется мало, если тебя обвинят в предательстве.

Он пожал плечами.

— Позволь мне рискнуть. Я привык рисковать. Я всю жизнь только и делал, что рисковал, и добился всего. И потом, подумай, что я сейчас с ним буду делать? Я уже сжег мосты. Не пойду же я к регенту со словами: «Вот письмо, оно выпало из пакета»? Это был бы самоубийственный шаг. Он ведь сразу подумает, что я мог выронить и другие письма тоже. Так что я не могу вернуть его.

— Понятно, — печально согласилась она.

— Отбрось свои страхи. Единственное, чем я рискую, что ты или граф Оры расскажете о моем воровстве, но на это, — добавил он с улыбкой, — вы не пойдете.

— Тогда, может быть, его лучше сжечь?

— Если пожелаешь. Но лучше сперва показать его графу, чтобы он был спокоен, что оно не попало в руки регента.

Она постояла в сомнении, потом развязала тесемку своего пеньюара и засунула под него письмо.

Его глаза, следившие за ее изящными движениями, стали голодными, лицо исказилось, словно от боли.

Встретив его взгляд, она грустно улыбнулась ему.

— То, что ты сделал, Джон, очень великодушно. Ты обдумал все. Этот поступок достоин тебя.

— Это великодушно только в отношении графа Орна.

Она покачала головой.

— Не хочу лишать себя удовольствия сознавать, что то было сделано ради меня.

— Так же как и я не мог лишить себя удовольствия, поступив иначе. Но, пожалуй, мне пора удалиться... Уже очень поздно.

Он ждал, что она подаст ему руку. Но она продолжала стоять неподвижно. Глаза ее были полузакрыты, губы дрожали.

— Вряд ли ты еще придешь сюда. И я не смею просить об этом, но... Если ты когда-нибудь почувствуешь необходимость во мне... Хотя этого, конечно, никогда не произойдет. Но если все же... — Она повела плечами. — Нет такого, чего бы я не сделала для тебя, Джон.

Он подносил ее руку к губам, когда она резко отняла ее. Выпрямившись, он увидел, что она смотрит на него сквозь слезы.

— Джон, может быть, у тебя есть капля жалости к бедной одинокой женщине, которой ты очень дорог. Может быть, ты оставишь что-нибудь на память, о чем я могла бы вспоминать потом долгие годы? Обними меня, Джон, и прижми к себе хотя бы на мгновение. Перебрось мостик через пропасть между нами. Пожалуйста.

— Маргарет!

Он крепко сжал ее в объятиях, наклонил голову и поцеловал в трепетные губы.

— Через месяц будет пятнадцать лет с тех пор, как ты последний раз ты обнимал меня, — прошептала она. — Мы были почти дети тогда. Ты помнишь?

— Спрашиваешь! — он еще раз поцеловал ее, прежде чем она отстранила его.

— Теперь иди, — сказала она.

Он тут же подчинился.

— Прощай, Маргарет. Да поможет тебе Бог.

Она смотрела на него, пока он надел накидку и шляпу. Потом он быстро вышел из комнаты. И долго вспоминал после, как в последний раз обернувшись, увидел ее печальное, бледное лицо и неподвижное, словно изваянное из мрамора, тело.

Глава девятнадцатая

ЧЕСТЬ ГРАФА ОРНА

Париж в тот вечер гудел от новостей, связанных с Парестом принца Сельямаре и поиском других заговорщиков. Когда об этом услышал полковник де Миль,

знавший об участии графа Орна в заговоре, он посчитал своим долгом предупредить Орна, чтобы тот успел скрыться. Он плохо представлял себе, где может находиться граф, и поэтому решил найти графиню. Было уже поздно, но он считал дело столь важным, что готов был вытащить ее из постели.

На улицу Аржантей он пришел около часу ночи. Заместив, как из дома графа вышла высокая, закутанная в плащ фигура, он подумал, что это Орн, и крикнул:

— Эй, господин граф! Эй!

Не обращая на него внимания, человек сел в носилки, и их тут же подняли четверо мужчин и понесли прочь. Впереди шел слуга, фонарем освещавший путь.

Покричав еще, но не получив ответа, полковник подошел к дому. Знакомый швейцар как раз запирает двери. Он сказал ему, что графа Орна нет в Париже, а только покинувшего их господина зовут господин дю Жасмин.

— Господин дю Жасмин! — повторил полковник. — Странное имя. Он искал господина графа?

— Нет, полковник. Он посетил госпожу графиню.

— Parbleu! — воскликнул де Миль, вложив в это слово всю силу своего удивления.

То, что он делал дальше, объяснялось инстинктивным желанием получить информацию, могущую пригодиться. Он помчался догонять носилки. Фонарь слуги, освещавшего путь, был все еще виден во тьме. Полковнику казалось, что ему крайне выгодно выяснить, кто же под именем Жасмина посетил графиню в полночь.

Швейцар запер наконец двери, как он думал, на ночь. Однако не прошло и десяти минут, как в них громко постучали. На этот раз закутанный в плащ человек оттолкнул его в сторону и, пройдя в дом, скинул плащ.

— Господин граф! — удивился швейцар. — А минуту назад сюда зашел полковник де Миль, и я сказал ему, что вас нет в Париже.

Орн не придавал этому значения. Он был лихорадочно возбужден.

— Госпожа графиня? — отрывисто спросил он. — Она дома?

— Она уже легла, кажется.

Граф помчался по лестнице в спальню, перепрыгивая через две ступеньки.

Горничная жены встретила его у дверей спальни со словами, что госпожа графиня уже легла. Ответив что-то

нечленораздельное, он взял со столика подсвечник и, не сняв шляпы, вошел в спальню.

Графиня лежала, откинувшись на подушки. Она все еще не могла прийти в себя после случившегося. Она приподнялась и повернулась, чтобы увидеть, кто так грубо нарушил ее покой.

— Ты! — воскликнула она. И если бы граф был внимательным человеком, он бы уже по тону, каким она произнесла это слово, понял, что никто не мог быть сейчас менее желанным гостем.

— Почему ты здесь? Чего ты хочешь? Как ты смеешь вторгаться сюда?

— Прости меня, — бросил он. Она заметила, что на лице его не было ни кровинки. — Не время. Раз я приехал в Париж, нарушив запрет, значит, это серьезно. Это вопрос жизни и смерти.

— Чьей жизни, интересно, и чьей смерти?

— Чьей? Mordieu! Моей! Чьей же еще? Я в смертельной опасности. Так что извини, что потревожил тебя.

— И по этой причине ты даже не снял шляпу?

— Дело сейчас не в шляпе, а в самой голове.

— Пока она еще при тебе, может быть, ты ее обнаружишь? Все же....

— Да черт с ней, со шляпой! — он стянул ее и отшвырнул в сторону. Его послушание могло бы удивить ее, если бы она не знала причины причины его панического приезда. — Меня ищут. Я втянут в заговор, сплетенный Менами и этим дураком Сельямаре. Ты, наверное, слышала, что его раскрыли. Сельямаре, Мены и кое-кто еще уже арестованы. Все доказательства в руках регента. Среди них и мое письмо, которое меня заставили написать королю Испании. Если я не смогу где-нибудь спрятаться, я погиб.

— А почему же ты сюда-то явился? В Париж?

Минуту назад он еще мог контролировать страх и делать вид, что способен противостоять опасности. Но сейчас он из последних сил, прерывающимся голосом ответил ей:

— Я... Я должен был вернуться сюда. Мне нужна твоя помощь. У меня нет денег. Они нужны мне, чтобы скрыться. Ради Бога, не смотри на меня так, Марго. Сейчас не время. Я знаю, что виноват перед тобой. Это все мой проклятый характер. Но, несмотря ни на что, я любил тебя, Марго, и, если ты поможешь мне сейчас в этой отчаянной ситуации, то, клянусь Богом, я не

доставлю тебе больше огорчений. Наша разлука будет только временной, и...

— Вот этого я и боюсь, — перебила она его. Еле заметная улыбка тронула ее губы. — Будущего не существует. Есть только прошлое. И я хорошо знаю тебя. Как только опасность минет...

— Не говори так, Марго. Не говори так!

— Ты прав, говорить нет никакой необходимости. Лучше спросить, что ты можешь мне предложить в обмен на помощь, кроме пустых обещаний?

— Боже мой! — вскричал он. Ярость опять забушевала в нем. — Ты понимаешь, что говоришь? Как ты можешь валяться в постели, когда жизни твоего мужа угрожает смертельная опасность? Не забывай, я ведь твой муж.

— А ты сам-то помнишь об этом?

— Да! — заорал он, разъяренный ее спокойствием. — И у меня есть супружеские права. Например, право потребовать у тебя то, что я пока лишь скромно просил.

Она улыбнулась, глядя на его красное перекошенное лицо с горящими глазами.

— Я повторяю, я могла бы спросить с тебя больше, чем пустые обещания. Но я не буду. И не думай, что я напугана твоими угрозами. Ты получишь то, в чем нуждаешься, потому что я так хочу.

Он посчитал благоразумным успокоиться. Тон его стал примирительным.

— Я благодарен тебе, Марго. Я знал, что у тебя доброе сердце.

Она встала с постели и, подойдя к столику, выдвинула ящичек в поисках ключей. Она стояла между ним и подсвечником с горящими свечами. Через ночную сорочку просвечивало тело. Его вид разбудил в нем чувственность, возобладавшую даже над страхом. Он подавил вздох. Голос его стал мягким и ласкающим.

— Как ты прекрасна, Марго!

Эти слова и тон заставили ее вздрогнуть. Она поспешно отошла к стене, так что между ними оказался высокий секретер, скрывавший ее до плеч. Она наклонилась, вставляя ключ. Ему были вины только ее каштановые волосы.

Он шагнул к ней. Голос его был тихим, умоляющим.

— В конце концов, моя дорогая, из-за чего нам ссориться? Мы, конечно, разные люди. Но это не должно нам мешать. Ведь мы в душе понимаем друг друга. Я никогда не говорил тебе, какие чувства ты во мне

вызываешь. Может быть, я совершал глупые поступки. Да, я признаю это. Но если бы ты только знала мою нежность к тебе, то была бы терпимее ко мне. Я люблю тебя, моя дорогая, очень сильно. Когда я тебя впервые увидел, я понял: эта женщина будет моей.

Говоря это, он подходил к ней все ближе. Между ними оставался только секретер. Она испытывала перед ним сейчас такой страх, какого никогда не знала. К горлу подступил ком. Она изо всех сил пыталась скрыть волнение и ужас, потрясший ее при мысли, что сейчас она всецело в его власти.

Из ящика секретера она достала стопку золотых монет и кипу банкнот. В потаенном углублении под этим ящиком лежало письмо Орна к королю Филиппу. Ее пальцы уже нащупывали пружину, открывавшую доступ к нему. Она собиралась отдать ему это письмо и тем избавить от самых больших опасений, но вдруг поняла, что это письмо дает ей большую власть над ним.

Она выпрямилась, смерила его строгим взглядом и, стараясь говорить спокойно, произнесла:

— Здесь тысяча луидоров. Это все, что у меня сейчас есть. На первое время тебе должно хватить. — Она положила деньги на секретер. — Возьми их и уходи.

Он сунул золотые монеты в один карман, банкноты в другой. Его глаза напряженно смотрели на нее.

— Я, значит, напрасно открывал тебе сердце? «Возьми и уходи», да? Выгоняешь, как собаку. А что, если я не уйду? Как-никак, у меня в этом доме есть некоторые права.

Голос ее был тверд и холоден:

— Возможно. Но ты забываешь, что тебя ищут. И это последнее место, куда ты должен был прийти, и первое, куда придут они, когда обнаружат, что тебя нет в Со.

— В Со?

— А ты там не был? И разве все, кто был в Со, уже не арестованы? Если они преследуют тебя, то скоро явятся сюда.

Он на мгновение смутился, но тут же нашелся и с презрением ответил:

— Как же, явятся! В такое время! Даже им надо когда-нибудь поспать.

— Ты хочешь обмануть себя этим? — Она решила рискнуть. — Барон де Нель тоже был участником заговора, не так ли? И он бежал из Со, как только туда просочились первые слухи о провале. Как и ты, он поехал в Париж.

Так вот, лучники вытащили его из постели вчера в три часа ночи.

Страх, исказивший его лицо, показал, что она попала в точку.

— Тысяча чертей! Это правда?

Это была ложь. Но он успел научить ее, что можно лгать для своих целей.

— А откуда же я тогда узнала, что де Нель участвовал в заговоре? Теперь-то ты понял, что каждую минуту за тобой могут явиться? Иди, иначе ты затянешь веревку на своей шее собственными руками.

Он вздрогнул, представив себе это зрелище. А она решила к кнуту страха добавь еще и приманку для жадности.

— Не теряй времени. Скажи мне, где ты будешь, и я отправлю туда еще денег.

У него пропало желание оставаться. У него вообще пропало всякое желание, кроме желания побыстрее унести ноги. Она права, признал он, грязно выругавшись. А потом, любезно поблагодарив за деньги в надежде получить еще, он надел шляпу и отбыл. У нее кружилась голова от испытанного страха и отвращения.

Когда он вышел на улицу, начался снег. Закутавшись в плащ, он пошел к улице Сент-Оноре. Попав на эту всегда людную улицу, он, подумав, повернул на запад и побрел через весь город в предместье Сент-Филипп дю Руль. Он подумал, что самым безопасным для него было бы переночевать у своего друга де Милья.

Несмотря на поздний час, ему не пришлось долго ожидать у двери. Ее почти сразу же открыл сам де Милья. Он был полностью одет и держал в руке свечу, рукой прикрывая пламя от сквозняка.

Он выругался от удивления.

— Это ты, граф? Входи, входи. Я сам только что вернулся. И, кстати, из-за твоих дел.

В вестибюле граф стряхнул снег с плаща и шляпы.

— Моих дел?

— У меня есть для тебя новости. Но пойдем наверх.

Он пошел вперед, высоко подняв свечу.

Наверху, в обшарпанной комнате, напомнившей Орну о его последней, так неудачно закончившейся встрече с Катрин Лоу, полковник налил ему стакан бургундского, а потом еще добавил бренди.

— Это согреет тебя. А тебе сейчас необходимо согреться.

Орн с радостью взял стакан, думая, что де Милья

говорит о холоде в комнате. Угли в камине давно остыли. Он отпил половину стакана и вытер рот.

— Ну, какие у тебя новости?

— Для тебя плохие, — полковник помолчал. Потом решительно объявил: — Тебе наставили рога. Вот такие новости.

Орн раздвинул свои полные губы в подобии улыбки.

— Да ты пьян, де Миль. Я таких шуток не люблю.

— Шутка! Слушай, приятель, ты знаешь, что этот заговор де Менон лопнул?

— Конечно. Я успел удрать из Со как раз вовремя, пока меня не схватили. Ну и что из этого?

— Сейчас узнаешь. Я пошел на улицу Аржантей. Узнать, где тебя найти, чтобы предупредить. Как раз, когда я подходил туда, а было это за полночь, из дома выскользнул человек, которого я сперва принял за тебя. Привратник сказал мне, что он был у графини. Назвался он дю Жасмином. Ну, я как твой друг, для твоего же блага, захотел узнать, кто это на самом деле. Уж больно странное имя он назвал. Пошел за носилками. И куда его принесли, угадай? В Отель-де-Невер! Человек, полночи проведенный у твоей жены и назвавшийся вымышленным именем, это твой дорогой друг Ла. Думаю, выводы ты сделаешь сам.

Орн стоял очень спокойно. Лицо его побледнело, но оставалось непроницаемым. Первым делом он вспомнил о том, как Катрин Лоу рассказала ему, что графиня Орн выдала Лоу намерения парламента. В это он тогда поверил. Но вот в любовную связь между Лоу и графиней, о которой подозревала Катрин, он тогда не поверил, хотя для своей выгоды притворился, что верит. Но после рассказа де Миля он припомнил презрительный тон графини в ответ на его мольбы. И все стало на свои места. Эта изменница, еще содрогаясь после объятий своего любовника, спровадила его, мужа, из дома с полным равнодушием к тому, что ему угрожало.

Страстные, мстительные слова сорвались с его губ:

— Я убью этого негодяя. Убью собственными руками. Я не тот человек, которого можно обесчестить.

— Вот и правильно. Подумай о твоей чести.

Граф, меривший комнату шагами, был слишком расстроен, чтобы задуматься, не посмеивается ли над ним полковник, многое знавший о нем.

— Шустрый парень этот твой шотландец, проворный

и с юмором. Если бы дело касалось не тебя, а другого, я бы даже восхитился его лихостью.

— Ну и восхищайся! — рявкнул Орн. — Черт бы вырвал твой поганый язык, — он в ярости продолжал ходить из угла в угол. — Я убью эту отвратительную собаку. Убью его. Но сперва я поговорю с графиней. Так поговорю, что эта шлюха до конца жизни запомнит.

Так рассчитывал оскорбленный граф Орн. Но после мучительной бессонной ночи в квартире де Миля, когда он на следующее утро явился на улицу Аржантей, то наткнулся там на отряд военной полиции, искавший его.

Ему даже не разрешили повидать графиню и взять с собой то, что он просил. Его бросили в карету и повезли в Бастилию.

Он, конечно, боялся самого худшего. И только через несколько дней с удивлением узнал, что его арестовали не за участие в заговоре, а всего лишь за нарушение запрета регента. Расследование, проведенное в Со, выяснило, что он тоже был там, то есть менее чем в пятидесяти лье от Парижа, как было ему приказано. Поэтому был выписан ордер на его арест, его разыскали на улице Аржантей и посадили в тюрьму без всякого суда. Он вздохнул с облегчением, хотя и был удивлен. Ему не терпелось отомстить. Но он вспомнил, как кто-то сказал, что месть — это блюдо, которое лучше есть холодным. И решил, что так действительно будет лучше.

Глава двадцатая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОЛГ

Достижения лэрда Лауристонского в сфере финансов превосходили все, известное до него, но и они должны были померкнуть в сравнении с тем, что он собирался предпринять дальше.

Возможно, в реализации своих гигантских планов он находил утешение от сердечной боли, испытываемой после встречи с графиней Орн. Не исключено также, что после того, как она открыла ему свои чувства, он стал питать надежду если и не на возобновление прежней близости, то хотя бы на то, что достижение головокружительных высот в экономике заставит ее тайно гордиться им. Это чувство встречается довольно часто. А может быть, все объяснялось еще проще — его безграничным честолюбием,

которое удовлетворилось бы, только если бы вся экономика Франции оказалась в его крепких руках. Скорее всего, однако, невероятную активность вызывали все три названных стимула, и можно только гадать, какую часть составлял каждый из них.

Обрадовавшись, как избавлению, заключению мужа в Бастилию, графиня Орн покинула Париж, и ее дом на улице Аржантей был закрыт. Мистер Лоу узнал от леди Стэр, что она поселилась в Дордони, в приобретенном ею замке. Он подумал, что ее отъезд вызван не только арестом графа, но и благоразумием в отношении его самого. Он признал это справедливой, хотя и жестокой мерой, и целиком погрузился в работу.

Таким образом, в то время как граф Орн сгорал от ненависти в Бастилии, герцог де Ноай и члены парижского парламента злобно наблюдали за деятельностью удачливого иностранца, а Катрин Лоу разрывалась между светскими развлечениями и ревнивыми размышлениями о муже, отблеск величия которого вызывал все растущее уважение к ней в *beau monde*, яркая звезда лорда Лауристонского поднималась к своему зениту.

Теперь он держал монополию на торговлю Францией с Америкой, Азией и Африкой. Он увеличил свой флот до семидесяти кораблей. Он начал ввоз канадской кожи, владея также монополией на соль и табак.

Но, поскольку все его богатство держалось только на разработанной им системе кредита, плохо понимаемой остальными, он знал, насколько это ненадежно, и решил получить еще больше полномочий. Главной целью его стал пост генерального контролера финансов, на котором пока наводился д'Аржансон.

Предварительным условием для этого был контроль над чеканкой монет. Он сделал регенту головокружительное предложение взять на себя выплату общественного долга, размер которого, достигавший полутора миллиардов ливров, требовал отказа от выплат ежегодных процентов в размере восьмидесяти миллионов. Теперь мистер Лоу посчитал, что его кредит достаточно силен, чтобы выдержать это. Только от человека, известного своей финансовой мудростью, регент мог серьезно выслушать такое предложение.

Когда Его Высочество пришел в себя, то разрешил ознакомить его с деталями плана, а также пригласил д'Аржансона принять участие в обсуждении.

Закрывшись с ними в Пале-Руаяле одним августовским

днем, мистер Лоу, легко играя цифрами, отбивал все возражения, пока и у герцога, и у генерального контролера головы не пошли кругом.

Его предложение сводилось к тому, что он брал на себя этот долг, и за это они позволяли ему сбор налогов в стране, а также он платил три процента годовых, то есть сэкономил государству тридцать миллионов. Он же, в свою очередь, выпускал банкноты на сумму, равную сумме долга. Их должны в установленном порядке раздать кредиторам государства и, таким образом, выкупить долг.

Для начала, сказал он, он выпустит сто тысяч банкнот по пятьсот ливров каждая. Регент выпятил нижнюю губу, сомневаясь, разойдется ли такое количество. Но мистер Лоу сказал, что придумал наживку, которую должна заглотить публика. Эта наживка основывалась на отсутствии выбора.

Монополистическая сеть, объединившая крупнейшие компании в одну — Индийскую, привела к тому, что единственным местом, куда можно было инвестировать капитал, оставался государственный долг. Поскольку этот долг брала на себя все та же Индийская компания, у обладающих капиталом рантье не было иного выхода, кроме как вкладывать свои деньги в выпущенные акции, если они, конечно, хотели дальше стричь купоны. Схема поражала своей простотой.

Убежденность регента переросла в энтузиазм, и он дал согласие.

Тщетно д'Аржансон, от возмущения лишившись даже обычного красноречия, пытался противостоять этому плану. Перед ним встала отчетливая перспектива лишиться права на сбор налогов, и таким образом, у него, генерального контролера финансов, не оставалось, собственно, под контролем никаких финансов.

— Ваше Высочество, неужели вы не видите, что происходит подмена государства Индийской компанией? Ведь вы фактически превращаете долги государства в акции компании господина Ла. Вы даже забываете об интересах тех, кто вложил деньги в организацию сбора налогов. А они имеют от нас двенадцать процентов годовых. Теперь их дивиденды, получается, будут произвольно снижены до трех процентов?

— Не произвольно, — сказал регент. — Вы исходите из того, что они будут обязаны реинвестировать средства в акции компании. Но никто не станет их к этому принуждать.

— Мне кажется, господин Ла однозначно доказал нам, что у них не останется выбора. Если произойдет то, чего он добивается, то Индийская компания станет единственным объектом для инвестиций во Франции, и как раз на это господин Ла и рассчитывает. Огромный капитал в полтора миллиарда фактически окажется вложенным в акции его компании. И Ваше Высочество полагает, что рантье останутся довольны, когда по необходимости произойдет резкое падение дивидендов?

Регент вопросительно посмотрел на улыбающегося мистера Лоу, предлагая ответить ему самому.

— То, что вы предполагаете, маркиз, не является обоснованным. Три процента годовых, которые государство заплатит компании за передачу ей его долгов, будут составлять сорок восемь миллионов. Сбор налогов принесет, как вы знаете, еще шестнадцать миллионов. А то, чего недостает до восьмидесяти, сейчас получаемых владельцами долговых обязательств, они получают за счет самой компании.

— Это, — в ярости сказал маркиз, — дом на песке.

— Простите, маркиз, но до сих пор он не упал и не упадет до тех пор, пока будет существовать торговля.

— У меня нет такой уверенности, — смуглое лицо д'Аржансона пылало негодованием. — То, что ваша всеохватывающая компания собирается делать, это пока из области мечтаний. И я скажу вам, сэр, и вам, монсеньор, если позволите, что передать всю торговую монополию в руки государства — это поставить эксперимент с непредсказуемыми последствиями. Вы убираете главный стимул торговли, являющийся основой общественного богатства, — конкуренцию. Опытные торговцы будут заменены не имеющими опыта служащими, назначенными господином Ла. Последует спад торговли, а затем и производства.

— Я как будто слышу слова, — сказал мистер Лоу, — бывшего канцлера д'Арекко. Вы, наверное, еще не успели забыть, маркиз, что, когда он приводил те же самые аргументы, единственный голос против принадлежал вам?

— Не совсем так, — возразил д'Аржансон. — Я поддерживал вас только в отношении банковской системы. Никто не предвидел такого огромного всеохватывающего монстра, как ваша компания. И я заявляю, что это сумасшествие — подвергать страну опасностям, которыми чреват отход от общепринятой финансовой практики. Я предсказываю катастрофические последствия.

— Сходные аргументы приводились и против банков-

ской системы. Их ошибочность показала практика, она же в будущем покажет ошибочность ваших слов. Не забывайте, что я сразу снимаю с государства почти половину ежегодных выплат по обслуживанию долга.

Этот последний аргумент перевесил все построения д'Аржансона, хотя самого его и не переубедил. Его неприязнь к мистеру Лоу сильно возросла после такого удара по его карману и его гордости. «Антисистема» теперь была обречена на разорение. Кроме того, он терял право на сбор налогов.

Вспоминая, как он один против всех защищал банковские идеи Лоу, д'Аржансон смотрел теперь на шотландца, как на змею, пригретую им на своей груди. Униженный вдвойне, и как финансист, и как юрист, он вышел из Пале-Руаяля смертельным врагом мистера Лоу.

Позднее, когда мистер Лоу, придя в Отель-де-Невер, объявил о победе брату, тот встретил рассказ боязливymi возражениями, сходными с аргументами д'Аржансона, но высказанными с гораздо большей откровенностью.

Осторожный, уравновешенный младший брат был в ужасе перед невиданным размахом предстоящих дел. Давно зная о планах, вынашиваемых старшим братом, он надеялся на благоразумие регента, должного их отвергнуть. Он едва мог поверить, что азарт игры захватил регента настолько, что победил врожденную осторожность.

Он хмуρο сидел в кресле и по мере рассказа брата о победе хмурился все сильнее. Вместо радостных восклицаний, которые, как считал мистер Лоу, он вполне заслужил, он услышал от Уильяма только тихий стон.

— Пугает меня это все, — сказал он.

— Да ты, кажется, не понял меня. Короче говоря, а заменяю старый, умирающий кредит новым и жизнеспособным.

— И сколько он, по-твоему, проживет под грузом в два миллиарда? И это к тому, что мы уже успели нахватать. Да он нас просто раздавит.

Мистер Лоу засмеялся.

— Кассандра⁴¹, предсказывающая гибель Трои.

— Надеюсь, я не похож на Кассандру, которой не верили обреченные.

— Обреченные! Да ты подумай как следует, Уилл. Как только выйдет указ, мы сможем соединить в одно целое банковское дело, торговлю и управление всеми финансами Франции. У нас в руках будет самая большая финансовая власть, которая когда-либо существовала.

— Вот это-то и пугает меня: управлять всем этим будет крайне сложно. Сможешь ли ты?

— С твоей помощью, Уилл.

— На мою помощь ты, конечно, можешь рассчитывать. Я отдам делу все свои силы. Но тебе же их будет нужно гораздо больше. Боже! Куда эта дорога приведет нас? Хотелось бы узнать хоть что-нибудь обнадеживающее про Луизиану. До сих пор Миссисипи не дает прибыли. И даст ли когда-нибудь? Ты улыбаешься, Джон? Думаешь, я трус, да? У меня просто не такие крепкие нервы, как у тебя, игрока.

— Признай, по крайней мере, что на такие ставки я еще не играл.

— Это да, Джон. Ты чертовски силен в расчитывании ходов. Но, ради Бога, ответь, — простонал он, — почему ты не удовлетворишься достигнутым? Есть ли предел твоей жадности?

— Жадности! — мистер Лоу расхохотался. — В чем ты видишь жадность? Да, я ворочаю миллионами, но что я взял лично себе? Что я купил для себя, если не считать дома в Германде поблизости от Брие? Да и это я сделал для Катрин, чтобы она могла воображать себя владелицей замка. Этот мой образ жизни в Париже? Но я мог так же жить и на те деньги, что были у меня, когда я только сюда приехал. Это не жадность, Уилл. Это страсть к игре. Она для меня все. И, — добавил он с неожиданной серьезностью, — таким меня и надо принимать. И не надо меня за это корить.

— Да не корю я тебя. Я боюсь, что у нас сорвется все дело.

Мистер Лоу пожал плечами.

— Солдат знает, что рискует жизнью. Это не мешает ему оставаться солдатом. Человек — хозяин своей судьбы. Нужно уметь ставить на карту все.

— Ладно. Поглядим, что из этого выйдет.

— Может быть, неплохо выйдет.

— А ты не думаешь, что строишь на песке?

— Песок превратится в камень, как только потскнут товары из-за океана.

— А они потекут?

— Должны.

Уилл вздохнул и наморщил лоб. Он заговорил с сильным шотландским акцентом:

— Ты должен совершить чудо, как Моисей, добывший из камня воду⁴².

— С той только разницей, что он добыл воду, а я добуду золото. Но пока следует еще поработать и быть готовыми к выходу указа.

Указ был обнародован в конце месяца и утвержден парламентом со скрытым неодобрением. Согласно ему отменялась существующая аренда на сбор налогов, налоги возвращались. Аналогичным образом возвращались деньги и владельцам государственных обязательств. Держатели всех этих ценных бумаг должны были явиться в казначейство, где им выдавали квитанции, на которых указывалась сумма. Эту сумму они могли, не откладывая, получить в Индийской компании золотом или банкнотами по желанию.

Принимая во внимание, что денежная надбавка тем, кто предпочтет банкноты, остановит на них выбор большинства, регент согласился с требованием Лоу увеличить их выпуск. Эти банкноты должны были уничтожаться при продаже на них очередной серии акций Индийской компании.

Глава двадцать первая

СОБЛАЗН

Перед самым выходом указа, делавшего Джона Лоу фактически главным управляющим Франции и вручавшего ему неограниченную власть, граф и графиня Стэр нанесли лэрду Лауристонскому и его супруге визит по довольно серьезному поводу. Эта встреча, принимая во внимание общественную значимость ее участников, могла считаться официальной.

Мистер Лоу оказывал теперь слишком большое влияние на политику страны, в которой жил. В его руках находилась вся торговля Франции и ее колоний, и, таким образом, примирение с ним было желательным не только для отдельных людей, но и целых государств.

Свидетельством тому были указания, полученные графом Стэром от своего правительства. Он принес предложения об укреплении торговых отношений между Англией и Францией. Кроме общих пожеланий, английское правительство делало также и конкретные встречные шаги. Так, оно отменяло, в частности, запрет для мистера Лоу на въезд в страну.

Мистер Лоу выслушал эти предложения с полным

вниманием и благосклонностью, внутренне оставаясь совершенно спокойным.

Однако рассказ графини Стэр оставил мистера Лоу спокойным только внешне. Ее новости его крайне взволновали. Ее родственница, графиня Орн, рассказала она, только что приехала в Париж из Дордони, чтобы встретиться с лордом Стэром и уладить дела в отношении своей недвижимости в Англии.

— Вряд ли она пробудет долго и будет принимать участие в приемах, учитывая, что ее ужасный муж до сих пор в тюрьме.

Она посмотрела на мистера Лоу, словно ожидая комментариев. Ее близко сидящие глаза внимательно изучали его бесстрастное лицо. Он ограничился только легким кивком головы, и она продолжала:

— Госпожа Орн уверяла меня, что вы ее старый друг. Еще с тех времен, когда был жив этот негодник красавец Уилсон.

Ее лукавая улыбка при этих словах была ему крайне неприятна. Строгое выражение его лица вызвало у нее вздох.

— Случилось то, чего я так боялась. Бедняжка оказалась так же несчастлива со своим вторым мужем, как и с первым. Я очень хочу, чтобы она уехала из Франции домой, в Англию, и подумала, что вы, ее старый друг, могли бы помочь мне убедить ее принять такое решение. Надеюсь, ваше влияние окажется решающим в этом желании всех ее друзей.

— Боюсь, ваше сиятельство сильно преувеличивает степень моего влияния на графиню, — сухо ответил он.

— Не могу себе этого представить, мистер Лоу. По крайней мере, вы обязаны попробовать, если, конечно, — на ее лице снова показалась ненавистная ему улыбка, — вы не предпочитаете, чтобы она оставалась во Франции.

— Не могу понять, почему ваше сиятельство считает, что я могу в этом вопросе иметь какие-либо предпочтения?

— Ах! — улыбка перешла в смех. Визгливость его привлекла внимание Катрин, беседовавшей с графом, и мистер Лоу поразился ее бледности.

— Что вы находите во всем этом смешного, леди Стэр? Ее сиятельство лукаво подмигнула.

— А это секрет, моя дорогая. Мудрая жена не должна лезть в тайны мужа.

— Леди Стэр признает, что у нее мудрость отсутствует, — пошутил его сиятельство.

Катрин не обратила внимания на эту шутку. Ее глаза остановились на муже. Она находила подозрительным его камненное спокойствие. Но она молчала о своих подозрениях, пока гости не удалились.

— Лорд Стэр сказал мне, что графиня Орн возвратилась в Париж, — сказала она дрожащим от напряжения голосом. — Это и есть забавная тайна леди Стэр?

— Да, она по-дурачки назвала это так.

Она с неприязнью улыбнулась:

— Я удивлена нахальством этой дамы, появляющейся в Париже, в то время как ее опозоренный муж находится в Бастилии.

— Разве Далримпл не сказал тебе, что она приехала по делам своей недвижимости в Англии?

— Да, сказал. И даже уточнил, что ее поместье в Англии называется Харпингтон. А я и не подозревала. Разве не таким был титул твоей любовницы, ставшей потом любовницей короля Вильгельма?

У него все поплыло перед глазами. Каким-то чудом он сохранил обычную невозмутимость.

— Ты всегда знала, что я женился бы на ней, если бы у меня была возможность. Но то, что она была моей любовницей, — это ложь. Ты во многих женщинах видела моих любовниц, Катрин, и я всегда старался развеять твои подозрения, какими бы необоснованными они ни были. А по поводу Маргарет Огилви я тебе скажу, что это самая подлая клевета из всех.

— А почему ты так стараешься защитить именно ее?

— Твои подозрения питаются плодами твоей фантазии, Катрин.

— Подозрения! Эти подозрения питает не моя фантазия, а ты сам. Почему ты никогда не говорил мне, что эту женщину зовут Маргарет Огилви? Что ты скрываешь, если тебе нечего скрывать? К тому же она имела наглость приезжать сюда — в мой дом! А ты говоришь, подозрения! — Она горько рассмеялась. — Знай, что мои подозрения разделяет и граф Орн. И это для него не подозрения. Он в этом убежден и еще заставит тебя ответить за это. Кстати, не из-за этой ли женщины ты тогда убил Эдуарда Уилсона?

— Убил! — он вышел из себя. — Зачем же ты ехала в Амстердам к соблазнителю и убийце? Веря во все это, ты тем не менее поехала за мной.

— Я любила тебя, да простит мне Бог эту глупость.

Я поехала за тобой, потому что ты во мне нуждался тогда.

— Ты поехала, чтобы утешить меня? — Его губы дрогнули. — Чтобы утешить меня сообщением, что любимая мною женщина стала любовницей короля?

— Чтобы излечить тебя от страсти к этой девке. Ты должен был отказаться от нее сам, если бы в тебе была хоть капля гордости. Я хотела заботиться о тебе в ссылке. Бог знает, что все эти годы ты обращался со мной так, что я хотела умереть! — Потом в неожиданном порыве страсти она крикнула: — Иди к той женщине. Иди! Она здесь, в Париже, и ждет тебя. А зачем же еще она явилась? Ты думаешь, я не понимаю, что все эти консультации с лордом Стэрм только повод. Иди к ней сейчас же. Иди!

Она бросилась вон из комнаты. Он не сделал попытки удержать ее, понимая, что убедить ее в чем-либо сейчас невозможно.

Он остался в сильном душевном волнении. Подобное чувство он уже не раз испытывал за двенадцать лет, что они провели вместе, но сегодняшнее было самым сильным. Подавляемая ярость, а отчасти и сознание того, что приехала Маргарет, вызвали это волнение. Сблaзн увидеть ее возник бы у него в любом случае, но после жестоких слов Катрин чувство долга перед ней, и так-то слабое, практически пропало совсем.

В таком настроении он вошел в свой кабинет, где уже ждали брат и Ангус Макуэртер.

— Мы пришли, Джон, по поводу выпуска новой серии акций. Я разработал идеи, которые мы с тобой обсуждали, и принес на твой суд. Проверь, все ли правильно, потом укажи сумму, на которую следует выпустить банкноты, и Ангус передаст указания банку.

Мистер Лоу, сев за стол, склонился над листом бумаги, принесенным братом. Цифры плясали перед его глазами. Он провел ладонью по лбу, как бы пытаясь отбросить мысли, не относящиеся к делу. Потом дважды прерчитал документ.

— Все правильно, по-моему, — сказал он, возвращая бумагу.

Брат пристально смотрел на него.

— Джон, что с тобой! Ты болен?

— Болен? Нет.

— Но сумма. Ты же не назначил сумму.

— Ах да, сумма, — он попытался думать о сумме, но

понял, что думать он сейчас не в состоянии. К счастью, он припомнил, что вместе с регентом они решили не наводнять сразу рынок бумагами. — Давай назначим сумму в полмиллиарда. Для начала хватит. Это треть всего долга, правильно?

Он написал это число внизу документа и снова вернул его.

— А условия? — спросил Уильям. — Сохраним прежнее? Банкноты можно будет приобретать сериями? Вчера ты выразил какие-то сомнения.

— Да? — Он поднял на брата тусклый взгляд, пытаясь припомнить, какие сомнения испытывал накануне, но только неуверенно покачал головой. — Да нет, я думаю, все в порядке. Делаем, как договорились. Завтра с утра можешь дать объявление, Ангус. Готовься к столпотворению.

— Буду готов, мистер Лоу, не беспокойтесь.

Они вышли, а он крепко задумался. Но думал он не о гигантской операции, начинающейся завтра. Если бы он думал о ней, то не мог бы не заметить, что совершил первую свою ошибку в расчетах. Ошибку, несшую зародыш катастрофы.

Но мысли его маятником раскачивались от Катрин к Маргарет, от отстранения к томлению, и чувство к одной усиливало обратное чувство к другой. Катрин обвинила Маргарет в том, что она его любовница. И страсть, с которой она сделала это, вызвала в нем ответное желание — чтобы это стало правдой.

Ничем другим Катрин не могла бы еще более усилить его томление по Маргарет. Консультации со Стэром, говорила Катрин, не более чем повод для приезда в Париж, поближе к нему. Может быть, и так. Он не был уверен в этом, даже когда перед его глазами появилась мерзкая улыбка леди Стэр. Но он хотел в это поверить.

Если верить Катрин, то подлец Орни думал о нем то же, что и она. Значит, его жена и Маргарет имели одинаково грязные мысли. И если бы он поддался сейчас соблазну, одолевавшему его при мысли, что Маргарет недалеко, то всего лишь оправдал бы то, в чем они и так убеждены...

И этот соблазн наконец победил. Когда стемнело, он пошел на улицу Аржантей.

ОТКРОВЕНИЕ

На этот раз мистер Лоу не стал придумывать себе *nom de guerre**. Он назвал своим собственным именем, и лакей, доложивший о его приходе, проводил его в тот же розовый будуар, где она принимала его в прошлый раз.

Она была одета по тогдашней моде в платье цвета *feuille morte*** с глубоким вырезом на груди, очень подходившим к ее каштановым волосам.

Она встретила его с улыбкой.

— Как ты узнал, что я в Париже?

— Я желал бы ответить, что благодаря своей интуиции. Но, к сожалению, моя интуиция носит имя леди Стэр.

— Зачем ты пришел? — был ее следующий вопрос.

— За этим, — ответил он и, взяв ее в свои объятия, поцеловал в губы.

Она не оттолкнула его. Однако объятие было очень кратким. Она посмотрела на него с упреком.

— Это не умно.

— Я знаю.

— Да. — Она проникательно посмотрела на него. Горячность его поведения заставила ее стать серьезной. — Но почему ты не садишься? — предложила она и села на стул, расправляя платье. — Для твоего прихода, должно быть, были и более серьезные причины, чем эта.

Он остался стоять рядом с ней.

— Не было. Я не мог не прийти, как только узнал, что ты в Париже.

Она не обратила внимания на его слова. Но было заметно, что ее непринужденность искусственна.

— Если бы ты пришел завтра, то уже не застал бы меня. Я уладила свои дела с лордом Стэром, и мне незачем больше здесь оставаться.

— Это полностью разрушает безумные надежды, которые я лелеял.

Она снова внимательно посмотрела на него. Ее губы задрожали.

— Джон, любовь невозможна между нами, — сказала она полуутверждающим-полувопросительным тоном.

* Конспиративную кличку (фр.)

** Опавшей листвы (фр.)

— Но почему? В чем причина этого отказа?

— Вот и ты заговорил о причине. Но у меня тоже есть интуиция, и она против. Джон, останови это безумие. Я знаю, меня можно упрекнуть. Я знаю, что в прошлый раз, когда ты был здесь, я поступила неблагоразумно. Мои чувства возобладали тогда. Но я верила в тебя и надеялась, что этот эпизод не будет иметь продолжения. Не надо портить все, Джон. Пожалуйста. Не лишай меня уважения к тебе.

— Уважение! — с обидой сказал он. — В прошлый раз ты называла это другим словом.

— Я же сказала, что поступила тогда неблагоразумно. А теперь так поступаешь ты. — Ее голос был печален. — Будь великодушен ко мне. Ты нашел меня в момент слабости, бедную, отчаявшуюся женщину, только что получившую один из многих ударов судьбы, доставшихся на ее долю. А в такие минуты контроль над чувствами ослабевает.

— Но что изменилось с тех пор? — требовал он ответа. — Разве Ори стал благороднее, а Катрин менее сварлива? Разве мы не так же одиноки, как и тогда?

— Это к делу не относится. И не сделает нас ближе.

— Конечно, если будем и дальше такими же дураками. — Он опустил на колено рядом с ней и сжал ее руки, безвольно лежащие на подоле платья. — Маргарет, моя милая. Нужно ли нам оставаться и дальше такими дураками? Неужели нам не станет лучше, если мы утешим друг друга в этой одинокой жизни?

Ее волнение усилилось. Глаза казались совсем черными на бледном лице.

— Что ты знаешь об одиночестве, ты, в чьих руках целая империя? Этого тебе не хватает? Ты хочешь еще для забавы и меня?

— Ты очень жестока.

— Жестока? Если ты не в силах понять, что сейчас жесток сам, значит, ты вообще не знаешь, что такое жестокость. Ты застаешь меня, когда я беззащитна перед тобой, и терзаешь мое измученное сердце.

— Но, Маргарет, я же хотел облегчить твою муку. Согреть наши сердца. Почему ты отвергаешь меня?

— Господи! Я не отвергаю тебя, Джон. Я твоя, раз ты хочешь этого, но... О Господи! — она вырвала свои руки и закрыла лицо, откинувшись назад. — Я молилась, чтобы этого не произошло. — В ее голосе была мука. — Я понимаю, что я сама дала тебе повод думать обо мне,

как о женщине, которую ты можешь сделать своей любовницей. Меня больно ранит, что ты так относишься ко мне.

Обида и отвергнутые чувства исторгли из него непростительные по жестокости слова:

— Конечно, я же не король! Что ты дрожишь, будто тебе страшно? Но тебе не было страшно, когда голландец отдал тебя королю, после того как я, как дурак, убил твоего мужа.

Она открыла лицо и посмотрела на него. Он увидел, что оно искажено болью и гневом.

— Теперь ты оскорбляешь меня! Ты не имеешь права упрекать меня в этом. Ты ничего не понял тогда. У тебя не было ни ума, ни веры, чтобы понять, что же тогда произошло. Ты никогда не задавал себе вопроса, почему тебя не повесили по приговору и почему мистер Бентинк открыл дверь камеры, чтобы ты смог бежать из тюрьмы, и единственным поставленным тебе условием было то, чтобы ты немедленно покинул Англию и не возвращался туда, пока царствует король Вильгельм? Нет? Тогда я объясню тебе. Когда ты находился в Ньюгейте⁴³, я пошла к королю, чтобы молить его сохранить тебе жизнь. Он спросил, какие у нас с тобой отношения. Впрочем, это не имело значения. Он был так добр, что эта доброта меня испугала. Он подумает, что можно сделать, сказал он, и я скоро узнаю о его решении. И я узнала. Он отправил своего лакея Бентинка с предложением освободить тебя... но с одним условием.

— О Боже! — пораженный неожиданным откровением человек унес ног, в свою очередь, закрыл лицо руками.

Ее губы изогнулись от улыбки, больше похожей на гримасу боли.

— Теперь ты начинаешь понимать. Эта сделка была ненавистна мне. Я проклинала этого самодовольного голландца, призывая Бога покарать его и его хозяина. Но потом я подумала о тебе и испугалась. Я поняла, что моя жизнь погибла в любом случае, а твою, по крайней мере, можно спасти. И твоя жизнь стала ценой моего падения.

Она говорила низким голосом, полным глубокого страдания. Его напряжение росло.

— Я не родилась шлюхой, Джон. Ты должен это понимать. Я была гордой женщиной. И достоинство служило надежной защитой для добродетели. Но ради

тебя я стала шлюхой. И за это ты все эти годы презирал меня, а сегодня даже упрекнул.

— Маргарет! — рыдая, он произнес ее имя. Он низко опустил перед ней, чуть не касаясь лицом пола. Он взял краешек ее платья и поднес к губам. — Я даже его недостойн целовать. Лучше бы меня повесили. Но как я мог догадаться? Как я мог?

От рыданий в его голосе, униженности позы страстность оставила ее. Она опустила руку, чтобы погладить его голову. Печально и тихо она проговорила:

— Если бы твоя вера в меня была крепкой, тебе не пришлось бы ни о чем догадываться.

— Будь ко мне справедлива, — сказал он, вставая. — Когда Бентинк пришел ко мне в Ньюгейт, он не упоминал о тебе.

— И ты не удивился, что он пришел к тебе и принес жизнь и свободу?

— Удивился. И подумал, что просто суд признал наказание чрезмерным, но не хотел открыто отменять приговор. Я ведь убил Уилсона в честной схватке. И любой суд чести оправдал бы меня. За это не вешают ни по чьим указам.

— Да, — согласилась она. — Ты прав. Я так и думала.

— Если б я знал, если б он посмел сказать мне, я бы предпочел умереть.

— Не говори так. — Он посмотрел на нее и увидел, что она плачет.

— Мне стыдно, что я вынудил тебя к этому признанию. Но все же, как бы это мучительно ни было, я рад, что знаю правду. Я буду боготворить тебя, Маргарет. Ты вновь так же чиста в моих глазах, как в те дни, когда я мог думать о тебе только с обожанием. Будь милосердна ко мне и прости за этот час.

— Прощаю и тоже благодарю тебя.

Он выпрямился и встал рядом с ней.

— И что же теперь, Маргарет?

— Теперь? — сквозь слезы она попыталась ему улыбнуться. — Я думаю, теперь нам надо попрощаться. — Она встала. — Спокойной ночи и прощай, мой милый. Для нас будет лучше проститься. Окончательно проститься.

— Если бы я согласился с тобой, то мне незачем стало бы жить.

— Ты говоришь так сейчас. В твоей жизни много всего, Джон. Я надеюсь, что и мне удастся найти что-нибудь в своей.

Она ласково попросила его идти.

— Я буду постоянно молиться, чтобы моя жизнь, за которую ты заплатила такую цену, оказалась хоть немного ее достойна.

— Благодарю тебя. Мне радостно слышать твои слова. — Она взяла его голову руками и поцеловала в губы. — Бог не оставит тебя, мой милый, без утешения.

Но эта молитва осталась безответной, ибо он ушел от нее, испытывая сильные душевные страдания, и они терзали его еще долго. Только ее отъезд из Парижа удержал его от того, чтобы поддаться желанию вновь увидеть ее. Он был полностью погружен в себя, словно лунатик, и это в дни, когда разворачивалась самая рискованная в его жизни игра.

Глава двадцать третья

ЗЕНИТ

Только шок мог вывести его из того сомнамбулического состояния, в которое он впал. И этот шок у него вызвал Макуэртер неделю спустя.

Помощник явился в Отель-де-Невер сентябрьским утром в состоянии радостного возбуждения.

— Привет, хозяин, — сказал он, — вы предупреждали, чтобы я был готов к осаде банка. Но такой осады я не видал, клянусь дьяволом. Знаете, что творилось на улице Кенкампуа? Столпотворенис. Одним словом, бедлам. Улица полна *agioteurs**, и с утра цена стоит на трех тысячах. Это шесть номиналов. Весь мир взбесился и кинулся их скупать.

— Весь мир? — повторил мистер Лоу. Его мгновенно проснувшееся чутье подсказало, что что-то не так в радости Макуэртера.

— Абсолютно весь. Думаю, потребуется еще выпустить банкноты. Хотя, честно говоря, мне это не по душе. Там целая толпа акционеров, обменявших долговые обязательства на банкноты, а теперь они требуют, чтобы им продавали акции по номиналу, как положено. Но у нас они уже кончаются.

— Матерь Божья, — прогремел Лоу, окончательно приходя в себя. — Когда вы начали продажу?

— Неделю назад.

* Биржевых игроков (фр.)

— Кто приказал?

У Макуэртера отвисла челюсть. Этот человек, чье спокойствие вошло в поговорку, был вне себя.

— Как это кто приказал? Вы!

— Я? — мистер Лоу в ужасе посмотрел на него. — Когда?

— Мы с мистером Уильямом согласовали с вами условия выпуска и продажи, разве вы не помните?

Мистер Лоу закрыл лицо руками.

— А в чем беда-то, в конце концов? — поинтересовался удрученный помощник.

— Беда! Акции уже идут по три тысячи ливров. При таком росте их цены мы разоримся. Проклятые *agoteurs*!

Макуэртер посчитал это восклицание риторическим и спокойно стоял, ожидая, что будет дальше.

Мистер Лоу застонал. Потом стукнул по столу кулаком.

— Как это я просмотрел?

Он, конечно, понимал, что то, что предвидел он и на чем строил всю игру — что кредиторы государства, владельцы полутора миллиардов, должны будут вложить эти средства в единственный доступный для них канал инвестиции, в акции Индийской компании, — предвидели и обычные биржевые игроки. А предвидя это, поспешили скупить акции, чтобы потом продать их подороже государственным кредиторам. Их планы были легко осуществимы, поскольку акции поначалу стоили довольно дешево. И он поначалу тоже ясно видел эту опасность. И даже просчитал, какие последствия она может иметь для компании. Он собирался против нее принять меры перед началом продажи этого выпуска. Оплешность произошла из-за его рассеянности после объяснения с Катрин — он подписал условия выпуска, не вникая в детали.

Теперь он приказал себе собраться и выпутываться из создавшегося положения.

— Нужно срочно принять меры, Ангус. Государственные кредиторы правы. Это несправедливо, что их должны обирать люди, ставящие на беспроигрышную лошадку. Течь надо заделать, пока она не увеличилась. Пусть банк остановит продажу оставшихся акций. Объявите, что подписка завершена. Пусть мистер Уильям придет ко мне днем.

Решение, принятое мгновенно, заключалось в том, чтобы тут же открыть новый подписной лист на следующие полмиллиарда, который он хотел открыть несколькими месяцами позже. Но теперь (а это надо было сделать,

конечно, раньше) акции должны были продаваться только владельцам долговых обязательств. Чтобы упростить всю процедуру, он решил выдавать акции лишь в обмен на квитанции казначейства о сданных долговых обязательствах без промежуточной стадии превращения их в банкноты. Таким образом, лишь владельцы обязательств имели в этих условиях право на акции его компании.

Эта мера, как ни хороша она была, уже запоздала. Ущерб был нанесен, и невозможно было предвидеть, к чему приведет начавшаяся безграничная спекуляция выпущенными акциями.

Котировка акций Индийской компании все поднималась. Даже долговые обязательства, еще недавно стоившие шестьдесят процентов от номинала, теперь шли по курсу выше его, хотя и за такие деньги их было очень сложно приобрести.

Объявление о втором выпуске акций на этом фоне привело к дальнейшему росту активности на улице Кенкампуа. Цена на доступные акции поднялась еще и достигла шести тысяч ливров вместо трех, что еще совсем недавно так потрясло Лоу.

Соседние улицы Сен-Дени и Сен-Мартен были запружены экипажами, а на самой улице Кенкампуа они стояли вокруг банка не только целый день, но и всю ночь. Жильцы соседних домов начали жаловаться на постоянный шум. Пришлось по обеим сторонам улицы строить баррикады, охраняемые войсками с девяти вечера до девяти утра, пока банк был закрыт. Об открытии и закрытии банка теперь возвещал удар колокола.

У казначейства, в свою очередь, с утра и до ночи стояли длинные очереди владельцев долговых обязательств, что, отталкивая друг друга, пытались обменять их на квитанции и потом как можно скорее сбжать и превращать их во все поднимающиеся в цене акции.

Перед Отель-де-Невер улица была заполнена экипажами знатных лиц, которые, используя свое высокое положение и личное знакомство с мистером Лоу, ехали прямо сюда, дабы избежать нсудобств, ожидающих их на улице Кенкампуа.

Так как мистер Лоу дальновидно настоял на внесении в указ регента о передаче государственного долга его компании статьи о недопущении никаких сословных различий, то дворянство, разоренное бесконечными пирами и войнами Людовика XIV, теперь вовсю осаждало особняк этого финансового волшебника. Все, что только было во

Франции благородного, сидело теперь в коридоре перед дверью его кабинета в ожидании приема.

Прямо у него герцог де Бурбон обменял свои казначейские квитанции на пачку акций компании, стоимость которых так возросла, что он тут же смог оплатить все свои долги и начать перестраивать свой великолепный замок в Шантальи. Его ловил вспыльчивый горбун принц де Конти, который злобно жаловался, что во время первого выпуска акций он опоздал с получением казначейских квитанций и в результате мог бы приобрести эти акции только по тройной цене. К счастью, он воздержался от этого шага. К счастью, потому что теперь мистер Лоу, надо полагать, выдаст ему акции второго выпуска по их номинальной стоимости.

Разумеется, случай принца был самый типичный, но мало кто был столь высокого происхождения, чтобы иметь возможность решать эти проблемы в самом сердце компании.

Мистер Лоу пошел ему навстречу, и де Конти отбыл из Отель-де-Невер, провозгласив себя навеки преданным слугой мистера Лоу и унося кипу акций, которые легко мог продать на улице Кенкампуа за восемь номиналов.

Сходным образом, хотя и с большей готовностью, мистер Лоу пошел навстречу своему другу герцогу Антену, тоже не успевшему поменять свои квитанции на акции первого выпуска, а также многим другим самым благородным представителям дворянства Франции, таким, как принц Роан, принц Гемене, герцог Лафорс и герцог Лаврийер, выходящими от него со словами вечной благодарности за услугу.

Пока благородные клиенты осаждали мистера Лоу в его прекрасном кабинете, их жены заполнили салон Катрин, неся ей подарки и приглашения.

Как демонстрацию своего высокого положения в обществе Катрин готовила бал в честь тринадцатилетия их дочери. Этот бал украсили своим присутствием наиболее яркие представители иностранных посольств и даже папский нунций⁴⁴, при всех обнявший маленькую виновницу торжества.

На руку этой девочки рассчитывали сыновья лучших семейств Франции. А ее младший брат, ровесник короля, поехал в Версаль, чтобы стать товарищем по играм Его Величества.

Во время приемов, проводимых Катрин поистине с королевским величием, теперь ее всегда сопровождал

негритенок в тюрбане из Сенегала, подаренный герцогом Антеном. Он нес за ней сумочку или всер. Головокружительность успехов в обществе вызвала в ней чувство благодарности к мужу, создавшему все это великолепие. Она стала намного мягче с ним, особенно узнав, что визит графини Орн в Париж был очень недолгим. Видимо, Катрин пришла к выводу, что, возможно, часть обвинений, в тот день так обидно высказанных мужу, не имела под собой оснований. Ей было неловко перед ним, и она надеялась податливостью искупить свою вину.

Это было нелегко. Иронично наблюдая за ее попытками и, видимо, утомившись ими, он дал ей понять, что его не обманешь и он все понимает. Он был почти груб, когда нетерпеливо заговорил с ней.

— Катрин, хотя бы ты не домогайся любви могущественного барона Ла, повелителя принцев, главного служителя денег, распорядителя империи, который завтра, быть может, станет генеральным контролером Его Величества. Не ослепляй себя, дорогая, великолепием, отсвет которого падает и на тебя. Для тебя я просто Джон Лоу из Лауристана, Джессами Джон, как меня звали.

Она посмотрела с упреком.

— Я так и отношусь. Почему ты так неласков со мною? Откуда у тебя такие низкие подозрения?

— А разве на низкие подозрения имеешь право только ты?

Это был точный удар. Она замолчала. Она даже пошла дальше, что было нелегко для такой гордой женщины, и попросила у него прощения за прошлые свои слова.

Понимая, чего ей это стоило, и, в общем-то, сознавая, что его совесть по отношению к ней не совсем чиста, он утешил ее словами, которых ни за что бы не произнес при других обстоятельствах.

— Не мучай себя, — сказал он, — этими подозрениями. Что бы ни значила для меня Маргарет Огилви, все это осталось в прошлом после того, как я женился на тебе. И еще раз позволь повторить, что она никогда не была моей любовницей. Поверь, мне нет необходимости обманывать тебя. И чтобы покончить со всем этим, могу добавить, что я скорее всего никогда больше не увижу Маргарет Огилви.

Ее щеки покраснели, взгляд увлажнился, и с печальной нежностью, от которой у него больно защемило сердце, она сказала:

— В тебе, Джон, не было никакого величия, когда я

приехала к тебе в Амстердам. Ты был конченный человек тогда, — мягко напомнила она. — И, пожалуйста, не забывай об этом и больше не упрекай меня так несправедливо.

Он признал, что это так. Но все же продолжал считать, что ее любезность с ним объясняется его общественным положением, льстившим ее честолюбию.

Он еще не достиг зенита своей карьеры, но стремительно к нему приближался.

Распродажа второго выпуска акций Индийской компании была столь стремительной и оставила столь многих неудовлетворенными, что он посчитал возможным, не откладывая, приступить к третьему, и последнему, выпуску. Он начал его распродажу в октябре, и раскупали его так же охотно, как и предыдущие.

И вновь шумная толпа дворян осаждала его кабинет. И вновь среди них выделялся принц де Конти. К этому маленькому горбуну аппетит пришел во время еды. Не удовлетворенный уже полученным им по милости Лоу целым состоянием, он пришел за третьим выпуском акций на тех же условиях.

Очень вежливо мистер Лоу отказал ему.

— Я вынужден, монсеньор, подумать в первую очередь о тех, кто еще не смог обменять свои долговые обязательства на акции компании. Я не могу пренебрегать их справедливыми требованиями.

Но жадному принцу было на это наплевать. Никакие ссылки на справедливость не могли остановить его. Он говорил о своем высоком положении и о том, как важно не портить с ним отношения, тем самым намекая, что в противном случае может быть очень опасным.

Мистер Лоу остался неумолим. Возможно, на его решение повлияло презрение к принцу, которое он едва скрывал.

— Я надеюсь, что ваше отношение ко мне все же не изменится. Поймите меня правильно, монсеньор.

Вконец расстроенный принц мрачно покинул его кабинет, забыв на этот раз назвать себя слугой мистера Лоу.

С окончанием продажи третьего выпуска акций, которую первоначально мистер Лоу намеревался завершить через год и занявшую чуть более двух месяцев, государственный долг Франции к неопишуемой радости регента, был ликвидирован.

Покоренный гением мистера Лоу, Его Высочество

предложил ему занять пост генерального контролера финансов, но так как государственную службу во Франции мог нести только католик, то мистеру Лоу пришлось изменить конфессию и пойти к мессе, что вызвало негодование как у Макуэртера, так и у Катрин. Так он стал юридически тем, кем был фактически, что еще больше оскорбило и разозлило д'Аржансона, вынужденного теперь довольствоваться лишь печатью канцлера.

Лэрд Лауристонский ясно понимал с некоторой неловкостью, что столь быстрого успеха в погашении государственного долга он достиг благодаря своей первоначальной ошибке, позволившей *agioteurs* сорвать куш перед носом у владельцев долговых обязательств и создать вокруг акций ажиотаж.

Тем временем лавина спекуляций на акциях компании неслась дальше. К Рождеству цена за акцию достигла пятнадцати тысяч ливров, то есть в тридцать раз выше ее номинальной стоимости. Невиданное прежде неистовство азарта не ограничилось акциями его компании. Из самых отдаленных уголков Франции и из-за границы съезжались в Париж ловцы удачи, число коих вскоре достигло четверти миллиона, и город был не в силах принять их. Это породило новые спекуляции. На этот раз на квартирах. Все доступные жилища были мгновенно раскуплены в ожидании роста цен на них. Аналогично раскупались и предметы, необходимые для жизни, спрос на которые тоже возрастал. Герцоги Лафорс, Антен и д'Эстре, забыв о своих титулах, занялись оптовой скупкой тряпья, свечей, шоколада, кофе и сахара, из-за чего разразился скандал. Даже места в каретах, едущих в Париж, раскупались спекулянтами, и путешественники, не желавшие платить втридорога, порой неделями ждали отъезда.

На улице Кенкампуа аренда любого помещения, пригодного для совершения сделок, стоила бешеных денег. Сапожник, владевший там будкой, разбогател, сдавая ее *agioteurs*. Горбун Бомбарьо использовал для своей выгоды поверье, что прикасание к горбу приносит удачу. Он разрешал подписывать сделки на своем горбу и буквально за несколько дней сколотил на этом целое состояние — сто пятьдесят тысяч ливров.

Торговля процветала как никогда. Легкость в добывании денег влекла за собой и легкость в их проматывании. Продавцы золотых и серебряных украшений, бриллиантов, завозимых в больших количествах из Англии, а также

тонких тканей, установили на них цены, о которых прежде не смели и мечтать.

Мастера по изготовлению экипажей и коннозаводчики не успевали выполнять заказы, часто делаемые людьми, вчера еще радовавшимся, если у них было в чем выйти на улицу.

Владельцы земли продавали ее в три-четыре раза дороже, чем могли сделать это шестью месяцами ранее. Рауты и балы, пиры и празднества, фейерверки и азартные игры поглотили время веселящихся новоиспеченных богачей, как дворян, так и простолюдинов.

Театры, танцевальные залы, рестораны и игральные дома привлекали к себе толпы людей, не знавших, куда девать деньги. Каждое представление в Опере собирало полный зал, сверкавший от ярких одежд, щедро украшенных драгоценностями. Сильно возросшее число экипажей на улицах делало жизнь пешеходов менее безопасной.

Необходимость обеспечивать всем необходимым Париж увеличила число рабочих на треть, а необходимость обслуживать все растущую армию богачей и ловцов удачи повлекла рост стоимости их услуг.

Ремесленник, прежде удовлетворявшийся пятнадцатую су в день, теперь получал шестьдесят и был, конечно же, ярым сторонником мистера Лоу, поскольку не мог быстро сообразить, что цена хлеба, как и других товаров, тоже выросла. Если прежде два фунта хлеба продавали за один су, то теперь уже один фунт его стоил четыре. Таким образом, все его обогащение было не более чем иллюзией.

Создателя всего этого необыкновенного богатства, благодаря чьему гению и потоку бумажных денег Франция поднялась из болота нищеты и банкротства к невиданному расцвету, почти обожествляли. Когда он проезжал через Париж в дорогой карете, запряженной великолепными гнедыми в упряжи из серебра и с парой лакеев на запятках, одетых в бордовые ливреи с серебряной вышивкой, люди, шедшие мимо, снимали шляпы и приветствовали его, как будто он был королем. Если он появлялся на улице Кенкампуа, то его окружали телохранители, чтобы возбужденная радостная толпа не раздавила его.

Но, хотя внешне он оставался таким же невозмутимым и любезным, на душе у него было тяжело. Игрок, чья удача всегда основывалась на точности расчета, он недовольно смотрел на неопытных игроков, что, ленясь просчитывать варианты, а то и вовсе не умея этого делать, слепо и опрометчиво бросались в спекуляции,

начало которым положила его невнимательность. Когда наконец трудящиеся поняли, что их возросшие доходы все равно не успевают за ростом цен на самые необходимые товары, они стали протестовать, требуя повышения оплаты труда. А это, в свою очередь, повлекло за собой новое повышение цен.

Видя это, лэрд Лауристонский понял ускользавший от него раньше экономический закон, игнорируемый теми, кто для достижения популярности у народа требовал все более и более высокой оплаты труда: стоимость общественного труда есть величина постоянная, которую никакая сила на земле не в состоянии изменить, и попытки такого изменения могут вызвать лишь самые ужасные последствия.

Платить за труд больше, чем он стоит, значит, просто снижать покупательную способность денег, поскольку это неизбежно влечет за собой изменение масштаба цен.

Поняв это, мистер Лоу почувствовал, что встретил какое-то новое и опасное явление, для которого тогда еще не было названия. Это явление было инфляцией. Он с чувством бессилия наблюдал, как она делает первые витки своей зловещей спирали, конца которой он не мог предвидеть.

К тому же и новости из Луизианы не радовали его. До сих пор лишь малая часть ее потенциальных богатств попала во Францию. Это приводило в отчаяние Уильяма Лоу.

— Скажи, Джон, когда и каким образом мы сможем получить дивиденды, под которые навывпускали акции? — говорил он раздраженно. — И что произойдет, когда акционеры начнут это понимать?

Мистер Лоу сохранял железное спокойствие.

— Ты пугаешься того, чего еще нет.

— Да, но может, очень даже может произойти.

— Люди, покупающие акции по нынешним вздутым ценам, выражают таким образом свою веру в будущее. Они видят то, чего не хочешь замечать ты: что, хотя богатства Миссисипи и неистощимы, требуется время, чтобы колония могла до них добраться. Ведь проходит же время между посевом и жатвой. Давай запасемся терпением и не будем впадать в отчаяние.

— Ты хорошо сказал о сборе урожая. Ну а что ты скажешь об отчете Дюшампа?

— Я скажу, что лучше его сжечь, пока его не прочли

другие. Он не для публики. Нам не следует вызывать панику.

— Надеешься отложить ее на время?

— Надеюсь избежать. Все, что мне нужно, это время. Дай мне время, и все будет.

— Время! — вышел из себя Уильям. — Время! Это мольба каждого банкрота: дать ему время, и вдруг случится что-нибудь чудесное.

— Иди ты к черту с твоим пессимизмом, — сказал мистер Лоу. Потом он ободряюще улыбнулся брату: — Уилл, будь посмелее. Имей немножко веры!

Но Уильям от этих слов веры не приобрел.

— Я как будто слышу короля Филиппа II⁴⁵, восклицающего: «Время и я — неразрывны». Но раз и ты так надеешься на время, то все же придумай что-нибудь, чтобы в заморских колониях его проводили с большей для нас выгодой.

— Да, в этом кое-что есть, — согласился мистер Лоу. — Я подумаю.

Глава двадцать четвертая

УБИЙСТВО

В начале следующего года отходчивый регент объявил амнистию участникам заговора Сельямаре. Может быть, его тронули, а может, и просто позабавили письма герцогини Мен, уверявшей его в своей преданности и любви, сильно контрастируя с ее поведением, но он вернул ей свободу. Более того, он даже позволил ей помириться с ним. Это ей удалось сделать с большей легкостью, чем помириться со своим мужем, продолжавшим обвинять ее, что ее интриги навлекли на него столько несчастий.

Бастилия открыла свои тяжелые ворота для конспираторов из Со, а заодно и для графа Орна, коему по-прежнему запрещалось жить менее, чем в пятидесяти лье от королевского дворца.

Он вышел на свободу практически без средств, поскольку, живя в тюрьме на свои деньги и не отказывая себе в удовольствиях, истратил то, что получил перед арестом от графини.

Он нашел свой дом на улице Аржантей закрытым и узнал, что госпожа графиня проживает в Дордони. Это

обстоятельство, из-за которого он был лишен возможности получить самое необходимое, еще больше усилило его ненависть к мистеру Лоу, которого он считал виновником всех своих бед.

Чуть позднее, тем же холодным мартовским утром, полковник де Миль, уплетавший свой скромный завтрак, состоявший из хлеба, оливок, артишоков и стакана *petit vin*^{*}, с удивлением увидел перед собой довольно потрепанного графа Орна. Не только сам молодой дворянин имел бледный и одутловатый вид, но и когда-то элегантный кремовый костюм его был сейчас до крайности помят и перепачкан, чулки его были грязны, а парик весь развился.

Придя в себя, полковник обнял его, порадовался его освобождению, усадил и предложил разделить остатки своего завтрака.

— Видите, — сказал он, — поневоле соблюдаю пост, как хороший христианин.

Граф посмотрел на оливки и артишоки, понюхал вино и сказал, что у него нет аппетита.

— Мне нужны деньги, — объявил он. — Я поеду в Дордонь, чтобы рассчитаться с графиней, как только рассчитаюсь здесь с ее негодяем-любовником. Никаких соглашений с ними не будет. Готов душу заложить, что они дорого заплатят за свои удовольствия.

— Это похвально, — сказал полковник, — при условии, что ты не ждешь от меня оплаты своих планов. Дела у меня хуже некуда. Возможно, я смогу набрать десять луидоров и дам тебе половину. Но не уверен, что ты за эти деньги доседешь до Дордони.

— Да ты смсешься, что ли? — проворчал Орн.

— Дитя мое, да я плачу, глядя на тебя. И на себя заодно. Я сейчас на мели. Но я тебе дам один совет вместо денег. Начни лучше с Ла. Но поступи умно. Приставь к его горлу нож и скажи, что требуешь назад свой миллион. Не беспокойся, он свою жизнь ценит дороже. Что для такого ростовщика миллион? Он их сейчас всем раздает.

— Иди к черту с твоими шуточками.

— Это шутка, но в ней есть доля правды, — полковник отхлебнул вина, поморщился и вытер губы. — Если бы дело шло о моей чести, то я поступил бы именно так. А как ты еще поступишь с этим вором, имеющим сейчас

* Слабого вина (фр.)

такую власть? Он ведь теперь генеральный контролер Его Величества. Видишь, куда он забрался, пока ты в тюрьме сидел. Легко сказать: «Я с ним рассчитаюсь». А как ты его собираешься вызвать на дуэль? Единственный путь для тебя, клянусь Господом, это тот, что я тебе предлагаю. И дела мои сейчас так плохи, что, если ты решишься и возьмешь меня в долгу, я помогу тебе его ограбить.

— Ты с ума сошел, чтобы такое предлагать серьезно?

— Я здоров пока. Конечно, я согласен, что это ближе к простому воровству, каким я иногда в плохие дни баловался. Может быть, кое-что в моем плане придется изменить. Я же только идею подал. Давай продумаем детали.

Они так быстро их продумали, что уже на следующий день Лакруа, секретарь мистера Лоу, положил перед своим хозяином письмо, заставившее его крепко задуматься.

В кабинете находился лишь Макуэртер, пришедший за ежедневными указаниями. Он объявил о благополучном прибытии груза индийских специй, которые можно было с большой выгодой продать, а также о маленьком свертке из Китая, содержащем сушеную травку, напиток из которой начинал находить себе поклонников в Англии, куда ее и собирались теперь переправить.

Уладив с Макуэртером все дела, мистер Лоу протянул ему письмо, принесенное Лакруа.

Оно было подписано фамилией «Дюшатель» и сообщало, что его автор владеет пакетом из пятисот акций Индийской компании, который обстоятельства вынуждают его ликвидировать. Он знал, что такой большой пакет нельзя продать за день, а если выбросить на рынок, то это неминуемо повлечет за собой падение цены. Кроме того, он имел личные причины, чтобы его имя не получило огласки в качестве продавца. По этой причине он его не раскрыл и в своем письме. Он предлагал мистеру Лоу купить у него весь пакет за семь миллионов ливров, что было меньше их рыночной стоимости. Если, как он рассчитывал, мистер Лоу заинтересуется этим, а также ввиду желания автора письма сохранить свое инкогнито согласится лично осуществить эту покупку в пятницу в полдень в гостинице «Летающий олень» на улице Кенкампуа, то обяжет этим одно из благороднейших семейств Франции.

— Так, так, — сказал Макуэртер, прочитав. Потом перечитал письмо вторично, более внимательно. — Так,

как, — повторил он и посмотрел на хозяина. — Будем ждать поддельных акций?

Мистер Лоу отрицательно покачал головой.

— Он бы не желал тогда встретиться со мной лично. Ему было бы легче обмануть какого-нибудь посредника.

— Пожалуй. Ну что ж, тогда там полмиллиона прибыли.

— Слишком много.

— Я тоже так думаю. Но дураков всегда хватает.

— Жуликов тоже, — сказал мистер Лоу. — Но и полмиллиона отбрасывать не будем. Ты пойдешь вместо меня, Ангус. Я дам тебе записку, что ты мой представитель и что этот джентльмен может доверять тебе, как мне самому.

Де Миль не учел в своих планах, что, занимая должность генерального контролера, мистер Лоу лично в таких сделках принимать участия не будет.

Без всякого сомнения, такая наживка должна была заставить мистера Лоу прийти, и полковник спокойно поджидал его в комнате второго этажа. Рядом с ним находился негодяй по имени Лестен, бывший с ним в близких отношениях. Орна с ними не было, поскольку его присутствие вызвало бы у мистера Лоу подозрение. Он ожидал в соседней комнате и должен был вмешаться только при необходимости.

Макуэртер был точен.

— Господин Дюшатель? — спросил он.

— К вашим услугам, господин барон, — кланяясь, сказал полковник, но когда он выпрямился, то опешил. Этот человек был ростом с Лоу и носил очень похожий черный парик. Но это был не Лоу. — Вы не господин Ла, — воскликнул он.

— Я его заместитель. Это вам все объяснит, — Макуэртер протянул записку.

Полковник пробежал ее.

— Понятно, — он подумал, что хотя это и не Лоу, но деньги-то при нем принадлежат Лоу, а, собственно, это и имело для них значение. — Деньги принесли? — спросил он.

— Они здесь.

Миль выхватил из кармана небольшую, но увесистую дубинку и быстро занес ее, чтобы ударить Макуэртера по голове. Этот удар лишил бы шотландца чувств, если бы его реакция также не была мгновенной. Макуэртер увернулся от удара. Дубинка только задела его по плечу. Но не успел де Миль повторить удар, как почувствовал,

что не может двинуться, крепко сжатый шотландцем. Они, схватившись, кружили по комнате, задевая и переворачивая мебель. Посуда свалилась вместе со столом на пол и разбилась с таким грохотом, что его было слышно во всем доме.

Полковник задел за одну из ножек стола и повалился на спину, Макуэртер навалился на него сверху. Дубинка выскользнула из пальцев полковника и отлетела в сторону. Шотландец уперся коленом ему в грудь, прижимая к полу, его жилистые пальцы тянулись к горлу полковника.

— Помоги, Лестен, — заревел он, — помоги, черт побери.

Но шум борьбы испугал Лестена. Он открыл ставни, взобрался на подоконник и, не обращая внимания на зов де Миля, повис на мгновение на вытянутых руках, прыгнул на землю и торопливо убежал.

Руки Макуэртера добрались до горла полковника. Шотландец зло смотрел на него одним глазом, так как перекосившийся парик закрывал половину лица.

— Лежи спокойно, бандюга, пока лучники не заберут тебя, — приказал ему шотландец и стукнул его головой об пол. — Лежи спокойно.

Орн понял, услышав шум, что все пошло не по плану, и выбежал из соседней комнаты. Он увидел, что полковник лежит распростертый под своим противником, которого граф принял за Лоу, поскольку парик закрывал ему лицо.

Увидев своего врага, которого они собирались ограбить, не только не ограбленным, но, наоборот, взявшим верх, граф в ярости лишился последней, оставшейся у него рассудительности, и, не столько желая помочь полковнику, сколько мстя за свои несчастья, выхватил шпагу и проткнул ею тело врага насквозь.

Шотландец стал оседать, и перепачканный кровью полковник вылез из-под него, ловя ртом воздух. Макуэртер корчился и страшно хрипел несколько мгновений, а потом затих, распростершись на полу.

Встав над ним, Орн крикнул:

— Наконец-то, собака, ты заплатил за все.

Потом он в испуге посмотрел на де Миля.

— Ты дурак! — прохрипел полковник, глядя рукой в грудь. — Ты круглый дурак! Что ты наделал?

Орн ухмыльнулся.

— Спас тебе жизнь, — ответил он, так как вопрос показался ему неблагодарным.

— И ты ждешь, что я скажу тебе спасибо, так, что

ли? Боже, давай сматываться отсюда, пока нас не схватили, а то нас ждет виселица.

Он наклонился, чтобы поднять свою шляпу. Потом пошел в двери. Шум шагов на лестнице заставил его остановиться.

— Окно, — выдохнул он и побежал к нему.

Орн, который был к окну ближе, первым поставил ногу на подоконник. Но влезть на него не успел. Дверь распахнулась. Хозяин дома с тремя слугами вошел в комнату.

Одного взгляда на тело, распростертое на полу в луже крови, было достаточно. Двое побежали к окну, чтобы успеть схватить графа, пока он не прыгнул, а двое других схватили де Миля, даже не пытавшегося сопротивляться.

Орн обеими руками держался за подоконник и поэтому не смог выхватить шпагу, чтобы оказать сопротивление. Его разоружили, и, тяжело дыша, он сдался.

Только когда лучники повели их в Турнель, Орн с ужасом осознал, в какую катастрофу попал. Но с другой стороны, хотя его и арестовали за убийство, он ощущал удовлетворение от совершившейся мести. Он наконец убил негодяя, ограбившего его и соблаздившего его жену.

Он подумал, что на этом и надо строить защиту, когда дело дойдет до суда. Он вспомнил, сколько влиятельных врагов успел нажить себе генеральный контролер Его Величества на пути к власти, и подумал, что защитников у него на процессе будет хоть отбавляй. И они будут поддерживать его, требуя справедливого рассмотрения, а потом добьются и его оправдания. Он мог смело полагаться на таких известных дворян, как герцог Ноай, герцог д'Омон и маркиз д'Аржансон, да и на весь парламент. И он уже представлял, как в конце процесса народ будет приветствовать его как освободителя Франции, спасшего ее от тяжелого рабства подлого иностранца, этого шотландского еврея.

Все казалось ему таким логичным и неизбежным, что он чуть было не запел от восторга, когда их с де Милем, тащившимся рядом с видом висельника, вели по улице Венеции.

Сочиненная им героическая драма пошла прахом, когда они прошли половину улицы Сен-Мартен. Охранники неожиданно заставили их прижаться к стене дома, чтобы дать дорогу красивой карете, в которую была впряжена пара превосходных гнедых. На запятках кареты стояли два лакея в бордовых ливреях с серебряной вышивкой.

Когда она проезжала мимо, кожаная занавеска отодвинулась, и из окна выглянул человек в черном парике. У него было суровое, продолговатое, красивое лицо.

И это было лицо мистера Лоу — мистера Лоу, которого граф Орн оставил только что лежать мертвым в луже крови на полу комнаты второго этажа гостиницы «Летящий олень», — направлявшегося в Королевский банк на улице Кенкампуа.

Когда взгляд генерального контролера вопросительно остановился на арестованных, идущих под охраной, все поплыло перед глазами графа Орна.

Глава двадцать пятая

КОЛЕСОВАНИЕ

Графа Орна не объявили спасителем нации. Суд рассмотрел его и полковника де Миля преступление и признал обоих обычными ворами и убийцами и в качестве воров и убийц приговорил их к колесованию.

Орн рассчитывал, что за него заступятся герцоги и пэры, и в этом он не ошибся. Не только герцоги и пэры, но и принцы, начиная с его брата принца Орна, пришли к регенту просить замены приговора. Собственно, выбор был невелик. Принимая во внимание характер преступления, колесование могли заменить только на повешение или обезглавливание. Но это была бы менее бесславная смерть. Уготованная ему казнь покрывала позором членов всей его семьи. В Германии, где у него было много влиятельных родственников, этот позор был столь значителен, что им и трем поколениям их потомков запрещалось бы присутствовать на дворянских собраниях или занимать какие-либо государственные посты.

Но разъяренный совершенным преступлением регент проявил необычную строгость и твердость, сказав просителям, что его долг стоять на страже закона и следить за его неукоснительным исполнением.

Он процитировал им Корнеля⁴⁶: «Преступление бесчестит, а не эшафот».

Он напомнил им, что когда-то Орн был в кругу его близких друзей и даже его дальний родственник.

— И я тоже, — ответил он просителям, — буду вынужден нести свою долю этого позора.

Пытались уговорить аббата Дюбуа и герцога Сен-Симона использовать свое влияние на регента, чтобы он изменил свое решение и пересмотрел приговор. Дюбуа, однако, не вмешался, поскольку был очень занят приготовлениями к вступлению в должность архиепископа Камбрейского, что было ступенью на пути к вождеденной красной шляпе.

Сен-Симон собирался уезжать в деревню, чтобы провести там пасху. Он писал в своих воспоминаниях, что ему удалось получить от регента обещание заменить для Орна колесование обезглавливанием.

Но когда герцог уехал, никакого указа об изменении приговора не последовало. Был сделан логичный вывод, что противоположные влияния сильнее.

Стало известно, что Ангус Макуэртер был одним из главных помощников Лоу, а между Лоу и Орном существовала смертельная вражда. Если принять в расчет, что влияние Лоу на регента было решающим, то отсюда вытекало, что генеральный контролер и являлся причиной твердости обычно отходчивого регента.

Призывы к Лоу вмешаться поступали отовсюду. К нему приходили: принц де Конти, в последний раз покинувший его в ярости из-за того, что не была удовлетворена его непомерная жадность, старый герцог де Вильруа, всегда бывший его врагом, даже д'Аржансон, которому он стал ненавистен после разрушения его «Антисистемы» и потери должности генерального контролера.

Не вдаваясь в детали, мистер Лоу всем отвечал одинаково: его дело — финансы, а не правосудие, и с его стороны было бы непростительной самонадеянностью передавать их просьбы Его Высочеству.

Вильруа, побледнев от ярости под румянами, сказал господину барону, что раз уж он не хочет просить регента спасти графа от колесования, то тогда пусть хотя бы не вмешивается с просьбой не заменять эту казнь другой. Вместо ответа мистер Лоу дернул шнурок и попросил вошедшего лакея проводить господина герцога до его кареты.

Все трос и раньше ненавидели его, но теперь возненавидели еще сильнее, потому что вынуждены были обратиться к нему. Они уходили от него в состоянии глубокого озлобления, считая, что причина отказа лежит в желании унижить их.

Последними по этому делу к нему пришли лорд и леди Стэр. Орн был их близким другом. Ведь это они

когда-то ввели в его дом мистера Лоу. Они заручились также поддержкой Катрин. Она вспомнила нежные слова, которые граф говорил ей, и была склонна простить ему посягательства на ее честь, приписывая их своей женственности и его страстности, даже нарочно ею возбуждаемой в нем, пока та не вышла из берегов.

Втроем они вошли в кабинет мистера Лоу. Увидев, что он остается холоден к их мольбам, лорд Стэр привел главный аргумент:

— Сделан логичный вывод, дорогой Лоу, что вы вмешались, но с противоположной стороны. Господин де Сен-Симон уже ведь получил обещание, что Орну заменят колесование, но вы переубедили Его Высочество, и он взял обратно свое решение. Не тяжело ли вам сносить такое обвинение?

— Нет.

— Нет! Значит, вы признаете его правдивым?

— Тоже нет. Но даже если бы было и так, в чем я виноват? Убитый был моим лучшим другом и верным слугой. И я оказал бы плохую услугу его памяти, если бы хоть пальцем шевельнул в защиту его убийцы.

— Я понимаю вас. Но подобное мнение не сослужит вам хорошей службы, если будет подтверждено исполнением приговора.

— Мне безразлично, что будут говорить.

В этот момент ее сиятельство сделала неудачную попытку принять участие в разговоре:

— А вы никогда не убивали человека, мистер Лоу?

Серые глаза мистера Лоу посуровели. Его обычно бледное лицо стало совсем белым от сдерживаемого негодования.

— Нсужели ваше сиятельство желает нанести мне оскорбление, сравнив то, что я сделал для защиты чести, с грубым убийством с целью грабежа?

Стэр поспешил на помощь своей женс.

— Нет, нет, — воскликнул он. — Но, когда вы обвиняете Орна в том, что он вор, вы забываете, что он-то считал — разумеется, он был не прав, — что возвращает деньги, которые вы у него отняли обманным путем.

— И это тоже ставят мне в вину?

— Нельзя это игнорировать. Орн был разговорчив и повсеместно жаловался на вас.

— Значит, поскольку он не только вор и убийца, но еще и лжец и клеветник, я должен просить за него? Позвольте рассказать вам одну не очень известную вещь,

узнав о которой вы получите еще одну причину для моего невмешательства. Орн считал, что убил там меня. Он хотел заманить меня в тот дом, прислав письмо, подписанное вымышленным именем. Он вошел в комнату, где на полу дрались Макуэртер и де Миль. Лицо Макуэртера было скрыто под съехавшим набок париком. Вот Орн и проткнул его шпагой, полагая, что это был я.

— Ох! — Катрин, издав крик ужаса, вскочила на ноги. Лицо ее побледнело.

Мистер Лоу повернулся к ней.

— Что случилось?

— О, Джон! — Она была в яростном иступлении. — Да если бы ты сказал мне это раньше, я никогда бы не стала за него заступаться. Почему ты не говорил мне об этом?

Мистер Лоу удивился ее горячности. Потом пожал плечами.

— Я считал это неважным. Я и сейчас бы не рассказал об этом, если бы не его сиятельство.

Катрин опустилась на свой стул. Лорд Стэр печально наклонил голову.

— Да, здесь говорить не о чем.

Леди Стэр, однако, поражения не признала. Она презрительно взглянула на Катрин своими светлыми глазами. Когда ее сиятельство начинала сердиться, то ее сходство с курицей еще больше усиливалось.

— Вам нужно, мистер Лоу, принять во внимание один факт. Говорят, что граф Орн был болтлив. Это так. И он рассказал всему свету, что вы не только ограбили его, но и соблазнили его жену.

Катрин тихо застонала. Его сиятельство в отчаянии вытянул руки. Но леди Стэр бесстрашно продолжала:

— То, что он убил вашего агента, приняв его за вас, уменьшает степень его вины. Это означает, что он убил не из-за денег, в чем его обвиняют, а совершая акт мести за свою, как он думал, поруганную честь. — И она победно спросила его: — Не стоит ли вам употребить все свое влияние на Его Высочество, раз дело повернулось таким образом?

Вдоль края парика мистера Лоу выступили капли пота. Он вынул платок из кармана и провел им по лбу. И все же голос его продолжал оставаться спокойным.

— Я надеюсь, ваше сиятельство понимает, что рассказанное мною не известно никому. Я говорю об ошибке

Орна. Надеюсь, ваше сиятельство не станет предавать это огласке?

— Ну разумеется, нет! — зашумел Стэр. — Моей жене такое не могло бы даже прийти в голову! Вы оскорбляете ее этим вопросом. Она только показала нам, какие выводы могут быть сделаны, если это станет известно.

— Это может стать известным только от одного из вас. И если это случится, — добавил он, обращаясь к лорду Стэру, — я потребую строгого ответа.

Лицо посланника побагровело. Он натянуто поклонился и ответил:

— Всегда к вашим услугам, мистер Лоу.

Потом повернулся к жене, замершей в ужасе от ошибки, которую она допустила.

— Пойдем, нам пора.

Он еще раз сухо поклонился Лоу. Потом поклонился Катрин со словами:

— Ваш покорный слуга, мадам.

С ледяным достоинством чета Стэров покинула кабинет. Катрин смотрела на своего мужа полными слез глазами. Глубоко задумавшись, он стоял у письменного стола. Его лоб прорезала складка.

— Джон, эта женщина сказала правду?

— А что она, собственно, сказала? Просто повторила сплетню, пущенную этим бесстыжим Орном.

— Сплетню?

Из-за того, что ему было ненавистно лгать ей, он ответил:

— На самом деле это могло быть правдой, и было бы правдой, но Маргарет этого не захотела.

— О Джон! — вскрикнула она.

Он посмотрел на нее с грустной улыбкой.

— Тебя это удивляет? Ты же поверила в эту сплетню сама. Ты преследовала меня подозрениями, основанными только на фантазиях. И к чему этот вид оскорбленной невинности? Тебе не в чем упрекнуть себя, со своей стороны? Или ты не понимала, что делала? Припомни с самого начала, что происходило. Хочешь, я помогу тебе? Даже зная ужасную репутацию графа Орна, ты ободряла его ухаживания. Против моей воли ты поехала с ним в Со, ради возможности быть с ним сколько душе угодно. Графиня помешала вам, и ты отступилась.

Она в ярости перебила его:

— Это тебе Маргарет Огилви сказала? Она так говорит?

— Зачем? Это рассказала мне ты сама, вернувшись из

Со. Ты сказала тогда, что больше не желаешь видеть графа Орна. Видела ты его после этого или нет, тебе известно лучше, чем мне. Я за тобой не шпионил.

Она опять перебила его.

— Потому что тебе было все равно. А теперь ты этим гордишься.

Он не обратил на ее слова внимания и безжалостно продолжал:

— Объявленное тобой решение не видеть Орна запоздало. Удар уже был нанесен. Я нанес его, когда наглость его ухаживаний и твое попустительство им дали почву для отвратительных сплетен. Услышав намеки от леди Стэр, я решил принять меры для защиты своей чести. Я обратился к Орну с требованием прекратить оказывать тебе столь навязчивые знаки внимания. Вспомни, он попытался ударить меня. Я вызвал его на дуэль, как это принято среди приличных людей. Он отказал мне в этом и оскорбил меня снова. К счастью, у меня было оружие против этого мошенника, которому я же и помог найти путь к богатству. И пока он развлекался с тобой в Со, я разорил его. Далее он пришел сам к своему концу, увлекаемый ненавистью. Сперва он объединился с моими врагами, потом, когда заговор не удался, он подстроил ловушку, в которую попал бедный Ангус. А теперь меня предупреждают, что если до вторника его не избавят от колесования, то меня обвинят в самых низких мотивах, мол, я уприсил регента остаться безжалостным.

Его горький смех ударил ее, как кнут.

— Видишь теперь, Катрин, какую бурю ты посеяла своими легкими улыбками?

Она раскачивалась от мук на стуле, сжав руки между коленями.

— Я думала, тебе все равно, — причитала она. — Это подстрекало меня. Если бы ты тогда дал понять мне, что тебе не все равно, Джон, то никакому мужчине не достались бы мои улыбки, которые ты сейчас назвал легкими.

— Ты моя жена. У нас одинаковая фамилия. Ты мать моих детей.

— И ты всегда помнил об этом, Джон? — с грустью спросила она.

— Всегда, хотя никогда не говорил тебе об этом. Всегда, хотя ты постоянно упрекала меня в выдуманных тобой изменах. До самого последнего времени, пока обязанность

хранить друг другу верность не была сведена на нет твоим легкомыслием, а я не подвергся сильному искушению. Однако, как я уже сказал тебе, мое искушение отказало мне.

— По крайней мере, мне следует за это благодарить Бога, — сказала она, плача.

— И Маргарет Огилви, — сказал он, садясь за свой стол. — Добродетель этой женщины, так оскорбляемой тобой, остановила меня.

Она сидела, собираясь с мыслями. Потом очень тихо заговорила:

— Ты был честен со мной, Джон, и я хочу быть столь же честной, в свою очередь. Когда я стала подозревать, когда ты дал мне повод думать, что у тебя с графиней Орн существуют близкие отношения, я снова нашла графа. Я умышленно использовала его... его интерес ко мне в надежде сделать его своим союзником, чтобы он удержал свою жену от встреч с тобой. Я отчаянно... отчаянно хотела спасти нас, Джон. Пойми меня! — не ожидая его слов, она с горечью поведала ему о своем неудачном союзе с Орном.

Хотя его лицо оставалось бесстрастным, сердце было тронутό этим признанием, приоткрывавшим подлинные чувства Катрин, всегда скрываемые под сварливым тоном. После ее рассказа оба замолчали. Тишина прерывалась только рыданиями женщины в кресле.

Когда он наконец заговорил, тон его был мягок.

— Вытри слезы, Катрин. Что было, то было, и не будем об этом больше вспоминать. Я тоже виноват и все прекрасно понимаю. Судьба просто играла нами обоими.

Она посмотрела на него. Он сидел прямо, строго глядя перед собой. Его руки крепко сжимали подлокотники кресла. Она заговорила со смирением.

— Ты великодушен, Джон. Болес великодушен, чем я, возможно, заслуживаю. Но что дальше?

— Дальше?

— Что ты будешь делать дальше?

— Делать? Да ничего.

— Нет, так нельзя. Ты же знаешь леди Стэр. Знаешь ее злобность. Думаешь, она удержится и не разболтает, что Макуэртер был убит вместо тебя? И она же сказала тебе, какой вывод отсюда сделают. Ох, зря ты им это сказал.

— Это было глупо, конечно. Я понял ошибку, как

только произнес эти слова. Но я был возбужден, ты же видела.

— Если узнают, что граф Орн думал, что убивает любовника своей жены, то это послужит ему частичным оправданием, как она и говорила.

— Да какое это имеет значение? Его же все равно казнят.

— Боже мой, да неужели я не понимаю этого? Разве о нем я думаю? О тебе речь, Джон. А так его оправдание поставят тебе в заслугу. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал он. Потом вдруг подумал, что это оправдание будет за счет доброго имени Маргарет.

— Поедешь к регенту?

— Пожалуй. Так будет лучше, — сказал он бесцветным голосом. — Поседу.

Он встал.

— Скажу Лагийону, чтобы велел закладывать экипаж.

Проходя мимо, он остановился и посмотрел на нес. Он был тронут тем, что она беспокоилась о нем. Он думал, что она давно уже неспособна на такое чувство. Встретив обращенный к нему взгляд, он легонько провел по ее голове пальцами.

— Бедная Катрин, — вздохнув, сказал он, — судьба славно поиграла с нами.

Она хотела ответить, но он вышел раньше, чем она нашла подходящие слова. Вернулся он поздно и нашел ее в нетерпеливом ожидании. Его взгляд сказал о его неудаче раньше, чем он заговорил.

— Напрасная попытка, — сказал он. — Я никогда не видел, чтобы Его Высочество проявлял такое упорство. Это не простое упрямство. Он едва выслушал меня. Ответ его был достойным: «В этом государстве, — сказал он, — существует один закон для дворян и другой для простых людей. Но в отношении убийц и грабителей закон одинаков для всех». Я ему сказал тогда, что прошу снисходительности не ради Орна, а ради меня самого. Я сказал, что все будут считать, что я из мести упрямился. Он был крайне ироничен: «В таком случае мы будем сносить эти обвинения вместе. Вы должны быть счастливы оказаться со мной в одной компании». И это было его последнее слово.

В следующий вторник, пришедшийся на Страстную неделю, на Гревской площади граф Орн и полковник де Миль были подвергнуты ужасной, грубой казни, будучи заживо колесованными.

На другой день регент, проезжая по улицам Парижа, был встречен криками такого восторга, какого еще не знал.

За строгий, без сословных различий суд население приветствовало его как своего защитника. Говорили, ссылаясь на мать регента, что Его Высочество мог проявить мягкость к своим собственным обидчикам, но он не прощал тех, кто нанес вред его подданным.

Мистер Лоу усмехнулся, узнав об этом:

— Теперь он будет оправдывать свою строгость.

Однако днем позже мистер Лоу был растерян, увидев, что такие же восторги толпы вызывает и он сам. Ему стало неловко при мысли, что строгость регента приписывают его влиянию.

Вновь усмехнувшись, он сказал брату, едущему рядом с ним:

— Он говорил, что мы разделим между собой обвинения за это решение. А вместо этого мы пока разделили только овации. Но, поверь, и то, и другое одинаково отвратительно.

Глава двадцать шестая

ПРОЩАНИЕ

Когда с этой историей было покончено, Джон Лоу долго пребывал в состоянии страшного отвращения к жизни. Неделью спустя он узнал, что Маргарет снова в Париже.

Возможно, он считал, что нанести визит на улицу Аржантей просто его долг после случившегося, но нельзя не отметить, что этот долг не был для него неприятен.

На этот раз его не встретили ни привратник, ни лакей. К графине Орн его проводил дворецкий. Задрапированные комнаты казались нежилыми. Он был снова принят в будуаре, единственной комнате, где мебель была не закрыта тканями, а стояла, украшенная восточными безделушками.

Маргарет подошла к нему, прямая и стройная в своих траурных одеждах, носимых скорее как дань обстоятельствам, чем из-за самого погибшего.

— Я думала, что ты придешь. — Она слабо улыбнулась ему и протянула руку.

Он наклонился и поднес ее к губам.

— Ты надеялась на это? — спросил он.

Она посмотрела на него медленным, глубоким взглядом.

— Не знаю. События так отвлекли меня, что мои чувства слегка притупились.

Они сели в разных концах комнаты.

— Я в Париже проездом, — сообщила она. — Остановилась, чтобы привести свои дела в порядок. Понятно, теперь я не останусь во Франции. Имя Орна здесь слишком опозорено. — Помолчав, она добавила: — Во всем этом ужасном происшествии единственное утешение для меня — это что ты избежал смерти, которую за тебя принял твой человек.

Он вздрогнул. Лицо его стало суровым.

— Леди Стэр, кажется, не теряет времени зря.

— Она приходила с утра, чтобы принести мне свои соболезнования.

— И рассказать сплетню, которая потребует принесения еще более глубоких соболезнований.

— Она сказала, что все знают, что ты убедил регента быть беспощадным к графу.

— Это было очень любезно с ее стороны. А ты ей поверила?

— Что ты убедил регента? — Она улыбнулась. — Нет, я же знаю тебя, Джон.

— Спасибо тебе, Маргарет. Я чуть было не поссорился с Его Высочеством, пытаясь уговорить его проявить милосердие.

Она широко открыла свои прекрасные глаза.

— Этого я, признаться, не ожидала.

— Ты не поняла, — сказал он. — Я поступил так, потому что думал о твоей чести. То, о чем сказала тебе леди Стэр, известно всем и будет пачкать твое имя. Боюсь, что, если не принять меры и не укоротить язычок ее сиятельству, она действительно станет всем известной.

— Ты хочешь сказать, что люди скажут, что ты был моим любовником? И что подлинной целью графа Орна было убить тебя и отомстить за свою честь? Это — полуправда, но ее нетрудно будет превратить в полную правду. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения, — сказала она равнодушным тоном. — Я уезжаю домой, в Англию.

— Ты окончательно решила?

— А ты можешь предложить мне что-то лучшее?

Он подумал, что может. Неоформившаяся до конца мысль привела его к ней. Но под ее вопросительным

взглядом его сознание прояснилось, и он четко увидел реальное положение вещей. Он знал, что она не могла остаться во Франции. Он понимал, что она теперь свободна и, как он чувствовал, одинока и беззащитна. Сам же он испытывал теперь глубокое отвращение ко всей своей прежней деятельности и ради нее готов был бросить все, что создал своим трудом.

И появилась робкая мысль, что ведь они могли бы уехать вместе куда-нибудь в Италию, Испанию или Голландию и попытаться начать жизнь с начала. Но ее понимающие глаза сказали ему все, чего он не учитывал в своих отрывочных и нечетких раздумьях, и стало ясно, что она уже все обдумала и твердо поняла, что выхода у них нет. Их обстоятельства со смертью Орна несколько не изменились, как это могло бы показаться на первый взгляд, а если и изменились, то в том, что возникло новое препятствие.

И, как бы прочитав все, что он думал, она наконец заговорила:

— Интересно, Джон, знает ли мир более смешную историю, чем наша. События, убрав помехи между нами, вырыли пропасть, через которую нам не перейти.

— Если б не Катрин, — сказал он, — я мог бы построить мост через эту пропасть.

— Мост, что проляжет через две могилы, — печально улыбнувшись, она показала головой. — Не обманывай себя. Ты напрасно продолжаешь страдать и лишаешь себя покоя. Первый мой муж погиб от твоей руки, второй — из-за тебя. Даже если бы ты мог сейчас жениться на мне, то куда бы мы уехали? Мы бы должны были скрываться, бояться быть узnanными, зная об окружающем нас презрении. Такая жизнь в конце концов заставила бы нас возненавидеть друг друга. Подумай об этом, и пусть эта мысль принесет тебе облегчение. Джон, я бы на коленях молила тебя о прощении, что я вновь вошла в твою жизнь, лишив покоя, если бы я не шла тогда спасти тебя от смертельной опасности.

— О том, что ты вернулась в мою жизнь, я никогда не пожалею, — вскричал он, — как бы мне ни было сейчас больно. Я узнал о твоей великой жертве, и это вернуло мне уважение к тебе, которое я испытывал когда-то и потеря которого лишила меня уважения ко всему на свете. За одно это я всегда буду благодарен тебе.

— Пусть тогда мысль об этом утешает твою память обо мне. А я буду утешена тем, что ты так думаешь.

Постарайся быть счастливым с Катрин, Джон. Она любит тебя, и одно это было бы непреодолимым препятствием для меня, даже если бы не существовало других. Поверь, нельзя построить счастье на чужих страданиях.

— Катрин! — негодуяше воскликнул он. — Да разве я пришел бы к тебе год назад, если бы верил в это? Катрин любит только себя. Она ценит меня за ту роскошь, что я даю ей. Но не думаю, что, если со мной произойдет несчастье, она останется рядом.

— Ты ошибаешься. Мое сердце говорит другое. Я видела ее в Со и поняла, что она по-настоящему любит тебя. Но если я и ошибаюсь, то все равно у тебя есть дети. Постарайся быть счастливым с ними, так же как и я буду искать утешения в своем сыне. Он всегда будет напоминать мне о тебе, потому что я родила его ради твоего спасения. А теперь, мой любимый, давай попрощаемся. Ты рожден для удачи, так же как я для веселья. Останься же верен своей судьбе.

Он понял, что эти слова подвели в их отношениях окончательную черту. Говорить больше было не о чем.

В последний раз, на короткое мгновение, он взял ее руки в свои. И сразу же торопливо вышел, чтобы встретить бурю, первые тучи которой уже начали собираться.

Глава двадцать седьмая

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

Народ любил мистера Лоу за простоту и за оживление, внесенное им в доселе унылую жизнь. Приписывая его влиянию состоявшийся акт правосудия над графом Орном, он громко приветствовал его на улицах. Но по той же самой причине те, в ком текла благородная кровь, смотрели на мистера Лоу в высшей степени неодобрительно.

Ремесленники, чьи заработки выросли по милости Джона Лоу в пять раз, снимали перед ним свои шляпы и кричали: «Да здравствует господин Ла!» Дворяне же, а многие из них благодаря ему составили себе состояние, произносили его имя с плохо скрываемой ненавистью.

Как бы сильно, по их мнению, Орн ни заслуживал казни, говорили они друг другу, но почему этот иностранец имеет такую власть, что способен настоять на исполнении приговора, бесчестящего дворянина. Мстительный д'Аржан-

сон не устал распространять слух, что Орна осудили по ошибке. Слух принимал все более извращенные формы и в конце концов выглядел так: Орн вовсе не был убийцей, пришедшим грабить, как его представили. Это был муж, мстящий за свою честь и убивший невинного по ошибке.

Герцог Антен, оставшийся другом мистера Лоу предупредил его об этом слухе.

— Конечно, я знаю, что это грязная ложь, — сказал его светлость. — Но как это доказать? Свет любит грязные сплетни, и чем они грязнее, тем больше их любят.

Антен обладал редким качеством приводить обычно невозмутимого мистера Лоу в состояние ярости.

— Правду выяснил суд. А доказательства у меня есть.

Мистер Лоу достал письмо Дюшателя.

— Да, это вполне убедительно, — согласился герцог. — Но как сделать, чтобы о нем узнали? Сплетня растет неуклонно.

— Я знаю, где ее источник, — сказал мистер Лоу. — Но теперь, конечно, поздно его затыкать.

И все же он пошел в британское посольство, потребовал встречи с лордом Стэром и заговорил с ним без всяких околичностей.

— Эта отвратительная сплетня, граф, видимо, распространяется вами в знак благодарности за то, что я помог вам разбогатеть. Я предупреждал ваше сиятельство, что если появится эта ложь, то я потребую от вас строгого ответа.

Они стояли друг против друга, разделенные письменным столом, два шотландца, высокий и низкий. Посланник пытался сохранить достоинство. Лицо его побледнело, глаза от гнева налились кровью. Он напыщенно сказал:

— Вы говорите со мной в непозволительных выражениях, сэр. Тем не менее я готов уверить вас, что к распространению упомянутого вами слуха я не имею никакого отношения.

— В таком случае уверьте меня, что ваша жена к нему тоже не имеет отношения. Или вы предпочитаете спрятаться за юбкой ее сиятельства? Если вы будете отрицать, что это один из вас, то, значит, вы лжец. Вам и только вам было известно, что Макуэртера ошибочно приняли за меня и убили.

Поблещев, Стэр пытался высокомерно улыбнуться, но получилась только вымученная гримаса.

— Сэр, вы должны помнить, что здесь официальное

учреждение, и поэтому я не могу требовать у вас удовлетворения.

— Граф Орн тоже говорил со мной в подобном тоне, когда я потребовал от него оставить в покое мою жену. Я наказал его за это. Будете наказаны и вы, граф.

— Наказан! — задыхаясь, воскликнул его сиятельство и иронично засмеялся.

Мистер Лоу повернулся и быстро вышел из комнаты.

Он сразу же отправился в Пале-Руаяль к Дюбуа. Не допускающим возражений тоном он заявил ему:

— Господин аббат, этот Стэр распространяет порочащую меня ложь.

Аббат удивленно посмотрел на него. В тоне мистера Лоу отсутствовала привычная изысканность.

— И что, простите, я должен предпринять?

— Ну, раз вы такой недогадливый, я вам сейчас скажу. Поскольку он отказывает мне в удовлетворении, укрываясь в своем посольстве, то вы должны его оттуда выкурить.

— Выкурить? Господи Боже, да как же я смогу это сделать?

— Как? А вы разве уже не государственный секретарь по иностранным делам? Потребуйте от лорда Станхоупа⁴⁷, чтобы он отозвал его.

— Боже помилуй! — ужаснулся Дюбуа. — О чем вы просите? Есть же предел...

— Нет. Вы медленно соображаете. Эти подлецы представляют для меня опасность. А я не хочу подвергаться опасности. Я несу на своих плечах финансы Франции, подобно тому, как атлант держал на своих плечах свод небесный⁴⁸. Если из-за подлости этого негодяя я оступлюсь, то наступит хаос. Ну, теперь вы поняли?

Аббат почесал проплешину, потом почмокал, втягивая впалые щеки.

— Но вы требуете принять крайние меры, господин Атлант.

— Конечно. И вы их примете. Иначе вы никогда не станете архиепископом Камбрейским и не наденете красную шляпу.

— Пусть Бог будет к вам милостив. Неужели я слышу угрозы в свой адрес?

— Да нет. Я вас просто предупредил. Но я могу попросить Его Высочество устроить вам это. Хотите, попробую?

— Нет, нет, — успокоил его аббат. — Но вы хоть по-

нимаете, что я не могу сделать этот шаг без санкции регента?

— Все, что от вас требуется, это объяснить ему серьезность дела. Его Высочество не захочет финансового краха, он наступит, если я стану жертвой клеветнической компании. Пусть он это четко уяснит. Если будет необходимо, то скажите, что либо Стэр уйдет со своего поста, либо я — со своего. Но я уверен, это вам говорить не понадобится. Удачи, господин аббат.

Он быстро вышел. Аббат, внутренне содрогаясь, направился к регенту.

— Никогда бы не поверил, — причитал он, — что господин Ла может быть в такой ярости.

Его Высочество с легкостью согласился на требование мистера Лоу, поскольку и сам не любил посланника. В тот же самый день курьер отправился к лорду Станхоупу, чтобы проинформировать его, что граф Стэр больше не является *persona grata** при французском дворе. В приватном послании Дюбуа объяснил лорду Станхоупу, что причиной отставки является вражда между Стэром и мистером Лоу. Этого вполне хватило. К тому времени вся Европа оценила превосходство финансовой политики, проводимой во Франции, и испытывала такое уважение к ее творцу, что ни одно зарубежное правительство не осмелилось бы навлечь на себя неудовольствие генерального контролера.

Через неделю граф Стэр был унижен известием об отставке с поста посланника. Потом ему пришлось вытерпеть еще одно унижение — он узнал, кто явился тому причиной. В оставшиеся до отъезда дни он пытался навредить Лоу, сколько мог. Он предал огласке причину лишения его должности посланника.

Хотя его при дворе и не любили и, как писала мать регента, регент был рад от него избавиться, все же его отставка, как он и рассчитывал, усилила ненависть к Лоу. При дворе в полной мере смогли теперь оценить власть шотландца, могущего уже и посланников менять по своей воле. Лоу возненавидели, поняв, сколь опасен он может быть. И эта ненависть стала искать уязвимое место шотландца, куда можно было бы нанести удар.

Регент, чувствуя угрюмую враждебность двора к своему генеральному контролеру, делал все, что было в его силах, чтобы ей противостоять. Он хвалил Лоу на всех офици-

* Желательным лицом (*лат.*).

альных церемониях, часто их видели рядом в оперной ложе. Вследствие этого никто не осмеливался открыто проявлять невежливость по отношению к Лоу. Кампания против него велась очень незаметно. Возглавлял ее его бывший друг, а ныне злейший враг д'Аржансон.

Маркиз был проницательным человеком и видел, сколь опасна для финансовой системы, созданной мистером Лоу, продолжающаяся дикая спекуляция акциями Индийской компании. Стоимость одной акции этой компании достигла сумасшедшей величины — двадцати тысяч ливров, что в сорок раз превышало ее номинал.

Но эта опасность не только тешила надежды д'Аржансона и его товарищей, но и усиливала тревогу осторожного Уильяма Лоу. Весенним днем, вскоре после отставки Стэра, когда стоимость акций достигла своего апогея, он, вооружившись листком бумаги с вычислениями, отыскал брата.

— Джон, я принес годовой баланс. Тебе надо внимательно посмотреть его. Мы получили колониальных товаров на сумму в семнадцать миллионов. Еще семь миллионов составила прибыль от продажи табака, соли и чеканки монет. Добавь сюда шестьдесят три миллиона от процентов по национальному долгу и от налогов. Итого: около восьмидесяти миллионов. Эта прибыль могла бы обеспечить выплату дивидендов в размере пяти процентов по первоначально выпущенным акциям Индийской компании. Но скажи мне, сколько процентов составят дивиденды от суммы в десять миллиардов, то есть полной стоимости всех выпущенных акций компании?

Мистер Лоу бегло просмотрел лист с вычислениями и бросил его на стол.

— Ты хочешь сказать, что нормальные проценты выплат за такой капитал составляют четыреста-пятьсот миллионов, а у нас только восемьдесят? Это же твои старые аргументы.

— А какие нужны еще?

— Я уже говорил тебе, что те, кто сейчас покупает наши акции за такую цену, должны понимать, что они вкладывают деньги в будущее. Вложенные ими средства будут окупаться постепенно, по мере развития торговли колониальными товарами.

— Как же, как же — постепенно! И когда же они, по-твоему, начнут приносить адекватную вложенным средствам прибыль? Ты обещал навести порядок в Луизиане. Но ничего не сделано. Судя по рапортам, поступающим

оттуда, труд местного населения без должного надзора бесполезен. А белое население — просто разный сброд. Богатства, на которые ты делал ставку, остаются лежать в земле.

— Ты не прав. Я не забывал об этом. У меня был приготовлен план. Я только ждал согласия регента для его принятия.

Он рассказал о своем плане повышения численности белого населения колоний, точно повторяющем действия Англии. Теперь, получив согласие регента, он мог проводить его в жизнь.

Он собирался встретиться с Лебланом, нынешним начальником полиции, по поводу организации высылки всех бродяг, воров, нищих, способных двигаться инвалидов, проституток и людей подобных им категорий на миссисипские плантации, где они смогли бы честно трудиться на благо родины. Он давал этим несчастным шанс начать новую жизнь, одновременно очищая от них Францию, чтобы затем обогатить ее плодами их труда в Новом Свете.

Этот план развеял уныние Уильяма.

— Выглядит неплохо. Остроумная увязка разнородных проблем, но... Если бы это было сделано года два назад, то мы бы уже собирали первые плоды. А так... Что, если безоглядная вера в компанию сменится паникой? Ты подумал о таком исходе?

— Я о нем не перестаю думать, поскольку эти сумасшедшие спекулянты довели цену до полного абсурда.

— И что же мы предпримем?

Мистер Лоу раздраженно пожал плечами.

— Они говорят, что я творю чудеса. Но я же все-таки не Бог. Я только надеюсь, что у вкладчиков хватит терпения дождаться, когда корабли из Луизианы повезут нам богатства Нового Света. А пока будет делать то, что в наших силах. Можно затеять небольшие манипуляции на рынке этих акций, чтобы развлечь наших пайщиков.

— Как ты спишь по ночам, Джон?

— Нормально.

— Да, у тебя нервы настоящего игрока. Хотел бы я иметь такие, чтобы тоже спать спокойно.

Он взялся за спекулянтов очень умело. Сбил цену на акции, выбросив их на рынок, что заставило мелких торговцев присоединиться к нему и тоже продавать свои акции. Потом он резко остановил продажу. Они следом начали скупку, но уже по более низкой цене. Потом этот

цикл повторился, что еще больше снизило цену акций. Такие колебания повлекли совершенно дикие спекуляции на рынке ценных бумаг, что, в свою очередь, отвлекло внимание от потери дивидендов, поскольку можно было сделать большие деньги и так, при удачной купле-продаже самих акций.

Пока мистер Лоу использовал эту помпу, чтобы держать свой корабль на плаву, д'Аржансон старался вызвать бурю, которая бы его потопила.

Он начал кампанию против Лоу атакой на его бумажные деньги. Он вычислил, что количество банкнот в обращении достигало двух с половиной миллиардов, что в три раза превышало количество чеканного золота. Такой избыток бумажных денег, делавший положение Лоу крайне шатким, происходил из той первоначальной ошибки, которую он допустил, когда разрешил продавать акции за банкноты, а не прямо за долговые обязательства кредиторов государства.

Вследствие этого, когда кредиторы получили в казначействе банкноты в обмен на свои обязательства и пришли в компанию за акциями, они вынуждены были платить за них цену, вздутую спекулянтами, успевшими их скупить. Не желая столько платить, они оставили у себя полученные банкноты. В результате те не поступили в Индийскую компанию, где должны были быть уничтожены, как планировалось с самого начала, а остались в обращении, усиливая инфляцию.

Люди д'Аржансона исподволь стали распространять слухи, что Лоу занимается скупкой французского золота, выдавая за него ничем не обеспеченную бумагу. Тревога, вызванная этим, повела людей в банк менять банкноты на золото. Одним из первых пришел принц де Конти, сделавший благодаря мистеру Лоу огромное состояние.

Чтобы забрать обмененное на банкноты золото и серебро, принц пригнал на улицу Кенкампуа три подводы. Это зрелище вызвало большую тревогу, на что принц и рассчитывал. Рынок ценных бумаг был мгновенно парализован, дельцы встали в очередь, осаждая банк. Они требовали обменять банкноты на золото.

Казалось, что эта лавина сметет и мистера Лоу, и его систему. Но за спиной мистера Лоу была абсолютная власть, могущая использовать любые средства, и он умел ею пользоваться. Немедленным указом он девальвировал звонкую монету по отношению к банкнотам на десять процентов. Он был готов и к дальнейшей девальвации,

но этого не потребовалось. Возникло обратное движение. Те, кто только что стоял в очереди для обмена банкнот на золото, встали в другую — обменивать золото на банкноты.

По просьбе мистера Лоу регент строго отчитал принца де Конти. Он был обвинен в подрыве финансового благополучия Франции. Не допускающим возражения тоном ему было приказано возвратить обратно в банк не менее двух третей полученного золота.

Равновесие было восстановлено, но, чтобы исключить повторение взрыва, был выпущен еще один указ. Этот указ ограничивал количество золота во владении частных лиц и полностью запрещал его вывоз за границу, сводя к минимуму его использование в качестве оплаты. Тогда же мануфактуры, производившие изделия из драгоценных металлов, получили предписание ограничить их вес до указанного.

Но все это были отчаянные принудительные меры, применяемые правительствами, находящимися в стесненных обстоятельствах, и, каковы бы ни были немедленные последствия, заканчивающиеся всегда одинаково — катастрофой. После проведенных мер в общественном сознании появилось скрытое беспокойство. Его и решил использовать д'Аржансон, чья первая атака была отбита. Теперь он решил напасть на Индийскую компанию.

Вовсю велась высылка в Америку неблагонадежных лиц, которых собирали по всей Франции. Деятельность отрядов, осуществлявших ее, вызвала, однако, скандал. Сама по себе мудрая мера запоздала и к тому же проводилась уж очень грубо.

Облеченные полномочиями чиновники рыскали по всей стране и вели себя крайне жестоко. Общеизвестно, что те, кто проводит государственную политику на местах, особенно в случае применения принудительных мер, ведут себя зачастую низко и подло. Это наглядно проявилось и при выполнении решения о высылке.

По произволу ответственных лиц толпы несчастных обоего пола отправлялись на телегах в Бордо, где их сажали на корабли. По пути в Бордо у них не было ни крова, ни пищи, что вело к многочисленным смертям.

Выжившие отплывали в переполненных плавучих тюрьмах, где также свирепствовали голод и болезни. Те же, кто достигал Луизианы живыми, вместо того, чтобы начать работать, как правило, возвращались в Новом Свете к

той же жизни, которую вели в Старом. Но все это было еще не самым ужасным.

Слухи о высылках быстро распространялись по стране. Враги Лоу обвиняли его во всех нарушениях. Ненависть все усиливалась и, наконец, обрушилась на него. Выезды в город больше не сопровождались приветствиями. Его карету все чаще встречали оскорблениями, а иногда в нее летели тухлятина и камни.

Невозмутимый, как и в пору восхвалений, он принял немедленные меры к прекращению злоупотреблений. Отряды, осуществлявшие высылку, были расформированы, а чиновники отправлены в Германию, Италию и Швейцарию, чтобы набрать желающих трудиться на земле. Им предлагались для обработки двести восемьдесят акров земли в Луизиане, освобожденных от арендной платы и налогов на три года.

Даже невеселый Уильям признал эту меру блестящей. И даже допустил, что она может помочь выиграть время, которого катастрофически не хватало, особенно из-за действий д'Аржансона, проявлявшего все большую активность.

Маркиз утверждал, что цена на акции Индийской компании вздута до абсурда, поскольку, и с этим невозможно было спорить, пройдет немало лет, прежде чем акции начнут приносить доход, если они вообще его когда-нибудь будут приносить, учитывая скандальные неудачи с переселением колонистов.

Он напомнил, какие дивиденды он платил за акции своей «Антисистемы», разрушенной мистером Лоу. Он и его друзья красноречиво убеждали многочисленных владельцев акций Индийской компании не держаться за них, а продавать, пока они еще имеют цену, а вырученные деньги вкладывать в настоящие ценности: дома, землю, драгоценности и тому подобное.

Это красноречие делало свое дело. Поколебленная недавними насильственными мерами с банкнотами и золотом, уверенность в Индийской компании стала еще меньшей из-за этих разговоров. Держатели акций начинали прозревать. Прозрение повлекло за собой все ускользящее падение цен на акции.

Когда они упали с двадцати до двенадцати тысяч ливров, Уильям Лоу понял, что сбываются опасения, высказанные им еще тогда, когда старший брат только начал расширять свою деятельность от банковских опера-

ций к управлению всей финансовой жизнью страны. Он стал умолять его спасти банк, пожертвовав компанией.

— Банк, — настаивал он, — стоит на твердом основании. Он выдержит эту бурю. Пусть спекулянты играют с акциями сколько им заблагорассудится. Если они разорятся, то ругать им придется лишь свою жадность.

Совет был разумный. Но Лоу уже не был холодным игроком прошлых лет. Гнев и тревога лишили его ясности видения, притупили дар безошибочных вычислений.

Человек, говоривший о себе, что он выигрывает, потому что знает, почему проигрывают другие, и умеет просчитывать варианты, стал безрассуден, как самый заурядный игрок. Он начал проявлять отчаянное упрямство, как это делают подобные игроки, пытаясь преодолеть неудачный расклад карт. Подобным образом он отверг совет брата и прибег к испробованным уловкам.

Он нанес визит на улицу Кенкампуа. Его смелое появление произвело фурор. Он шел пешком, облаченный в одежды генерального контролера финансов и сопровождаемый свитой дворян, куда входили герцог Антен и молодой герцог Бурбонский.

Ненависть к нему постепенно выветрилась из общественного сознания, имеющего, как известно, короткую память. Его появление в соответствующих его званию одеждах, красивого, спокойного и властного, произвело эффект, на который он и рассчитывал, а д'Аржансон, думавший, что его поколотят, мог теперь кусать локти.

Он остановился, чтобы величественно поздороваться с наиболее выдающимися *agiateurs* и немного побеседовать с ними. Он сказал, что регент скоро выпустит ряд указов, дающих его компании дополнительные преимущества. Это позволит увеличить прибыль, получаемую компанией, уверил он. Кроме того, новыми колонистами в Луизиане стали отобранные люди, имеющие опыт в земледелии. Немедленная отдача, конечно, не ожидалась, но Индийская компания слишком мощное учреждение, чтобы оставались какие-либо сомнения в конечном успехе. Падение стоимости ее акций носит, следовательно, временный характер, и те, кто трусливо поддался панике, скоро будут об этом горько сожалеть.

Поскольку все помнили, что его прогнозы, даже самые невероятные и высмеиваемые, всегда сбывались, слова эти вызвали немедленный рост цен на акции.

КАТАСТРОФА

Возвратившись домой после триумфа на улице Кенкампуа, он застал Катрин в лихорадочном ожидании. Увидев его полное спокойствие, она бросилась ему навстречу, плача и смеясь одновременно.

Находившийся при ней Уильям был не менее встревожен. Оба заговорили, перебивая друг друга.

— Слава Богу, ты в порядке, Джон.

— В порядке? — Он улыбнулся. — А чего вы опасались? Конечно, я в порядке, так же как, я думаю, — он бросил взгляд на Уильяма, — и Индийская компания. Когда я уходил с улицы Кенкампуа, раздавались крики: «Vive monsieur Lass!»*, а цена акций пошла вверх.

— Ты, наверное, хочешь побеседовать с Уильямом, — сказала Катрин. — Я вас оставлю. Я ждала тебя, чтобы убедиться, что с тобой ничего не случилось. Я вернусь, когда Уильям уйдет.

Он посмотрел на нее, загадочно улыбаясь.

Тревога за него, проявляемая ею, была следствием изменений в их отношениях после разговора в день, когда супруги Стэр просили его заступиться за графа Орна. То, что он простил ей ее невольное участие в событиях, повлекших за собой враждебность к нему, а также, возможно, уверения, что он не изменял ей, вызвали с ее стороны ответную нежность к нему. Ее сварливость сменилась кротостью.

— Мы становимся внимательными, — сказал он, кивнув на дверь, закрывшуюся за Катрин.

Уильям упрекнул его.

— Она все утро волновалась за тебя, Джон. Она сходила с ума, узнав, куда ты отправился и какая опасность тебе грозила. Она ругала меня, что я позволил тебе уйти, как будто я или кто другой мог тебя остановить.

— Она боялась того, о чем, я думаю, д'Аржансон молился: чтобы меня разорвали на куски.

Уильям мягко сказал ему:

— Может быть, тебе стоит быть добрее к ней? Немного нежности. Если б я не знал раньше, что она тебя любит, я бы это понял сегодня утром.

* «Да здравствует господин Ла» (фр.)

Мистер Лоу вздохнул.

— Немного нежности, и ее бывшая сварливость вернется. Ее вечные ревнивые подозрения. Ее сейчас просто мучает совесть. Но это быстро пройдет. — Он ходил по комнате и говорил, думая вслух. — Я-то знаю теперь мою Катрин.

Уильям печально покачал головой.

— Нет, я убежден, ты не знаешь ее. И поэтому несправедлив к ней. Ведь даже ее ревность — следствие любви к тебе.

— К себе. В этом я уверен.

— Иногда, может быть, и так. Но иногда все-таки нет. И разницу нелегко заметить, особенно когда смотришь предубежденным взглядом. Ты когда-нибудь задумывался над тем, что ревность для некоторых женщин — мучительное чувство?

— И что? Я должен быть с ней терпелив?

— Да. Раз ты причина для этой ревности.

— Может, я и в твоих глазах теперь *homme a femmes*, Уильям? Благодарю тебя.

— Вспомни прошлое, — сказал ему Уильям, — свою удалую молодость.

— Да! Но с прошлым давно покончено.

— С прошлым никогда нельзя покончить. Оно всегда остается с нами и влияет на наши нынешние поступки. Только твоё бесконечное терпение могло бы заставить ее успокоиться.

— Терпение! Поверь, Уилл, я терпеливый человек. Но у всякого терпения есть предел. Я терпел ее беспочвенные подозрения, сколько мог. А потом, чтобы не тратить нервы, просто перестал обращать на них внимание.

— И это заставило ее ревновать еще сильнее. Она могла объяснить твоё безразличие только одним. Это заставляло ее страдать, она переживала и вымещала на тебе же свои страдания. А ты в ответ на ее придирки становился только все равнодушнее к ней. Так, нанося друг другу обиды, вы вырыли между собою пропасть.

Мистер Лоу смотрел на брата с ироничной улыбкой на тонких губах.

— Похоже, ты описываешь инфляцию наших чувств. Но что это, Уилл? С чего это ты сильнее обычного защищаешь Катрин?

— Потому что я видел ее сегодня утром, — ответил Уильям. — Если бы ты видел, в каком она находилась отчаянии, как она сходила с ума при одной мысли, что тебе угрожает опасность, ты бы не сомневался в глубине

ее чувств. Сегодня утром я понял и повторяю еще раз: несмотря на все, что между вами было, это женщина тебя любит. И ты можешь восстановить ваши былые отношения, если будешь терпелив и ласков с нею.

Мистер Лоу удивленно посмотрел на брата. Потом покачал головой:

— Если бы я только мог поверить... — начал он и рассмеялся. — Нет, нет, Уилл. Ты упускаешь из виду другое объяснение: ее горе могло быть вызвано испугом, что, если я погибну, она потеряет свое нынешнее положение в обществе. Придет конец ее салону, набитому дворянами вперемешку с аббатами и любезничающими шевалье; придет конец замку в Германде; конец лаксам, экипажам, негритенку и всему остальному. Я думаю, такая перспектива и встревожила с утра Катрин.

Уильям посмотрел на него с грустным упреком.

— Интересно, какое доказательство ты признал бы достаточным?

— И мне интересно, — сказал старший брат и невесело рассмеялся. На этом они и закончили разговор, поскольку вошедший Лагийон объявил, что обед подан.

Уильям остался отобедать с ними, и за столом в основном говорили об утренних событиях на улице Кенкампуа. Катрин слушала рассказ, попеременно ужасаясь и радуясь.

Спокойная уверенность мистера Лоу в себе после этих событий несколько развеяла сомнения брата. Когда Уильям уходил, он думал, что, пожалуй, был излишне недоверчив к Джону, и благодаря сегодняшнему стимулу и проницательности брата они выиграют время, в котором так сильно нуждаются.

Так и произошло. В последующие недели цена акций постепенно росла. К концу лета она достигла пятнадцати тысяч, и все теперь были уверены, что резкое падение ее перед тем было не более, чем проявлением безосновательной паники.

Однако на уровне пятнадцати тысяч цена замерла. Эта остановка была вызвана открытой кампанией, которую д'Аржансон вел непрерывно. Силой его было то, что он боролся оружием реальности против системы, построенной на иллюзии.

Осторожность и проницательность лежали в основе заявления канцлера, которое он умело распространял, что единственное спасение держателей акций заключается в их реализации, ибо эта компания не может не рухнуть.

Рост цен на ее акции д'Аржансон сравнил с последней вспышкой гаснущего пламени и прикладывал все усилия, чтобы доказать, что это именно так.

По мере падения курса акций росли цены на товары потребления, что влекло за собой рост заработной платы, а она, в свою очередь, подталкивала дальнейший рост цен. Падение же цен на акции зловеще влекло за собой и падение стоимости банкнот.

Начиналось общее падение веры, вложенной в систему.

Несмотря на указы, ставящие бумажные деньги выше металлических, они продолжали тайно обмениваться по совсем иному курсу. Люди старались перевести бумажные сбережения в золото и серебро, не подверженные колебаниям стоимости.

Новые указы, угрожавшие штрафами и даже тюремным заключением за хранение золота в количестве свыше пятисот ливров, тайком нарушались. Люди не хотели позволить бесцеремонно себя ограбить. Награды за доносы и обыски домов вызывали сильное возмущение политикой генерального контролера и попустительством ему регента.

Мистер Лоу не мог больше закрывать глаза на угрожающее положение дел. Не видя никаких реальных ценностей, в которые можно было бы инвестировать полмиллиарда ливров, оставшихся в виде выпущенных им банкнот на руках государственных кредиторов, он понял, что последним оружием против надвигающейся катастрофы является насилие.

В отчаянии он сделал ставку на него. Он еще больше обесценил драгоценные металлы по отношению к банкнотам, сделал использование бумажных денег обязательным, установил добавочные ограничения на изготовление золотых и серебряных изделий любого рода и запретил ношение бриллиантов, в покупку которых вкладывалось особенно много денег.

В результате правительство запуталось в бесчисленных постановлениях, коими пыталось регулировать естественный и свободный поток товаров.

Он видел, какую опасность влекли за собой принимаемые меры, но продолжал ставить на них с отчаянием игрока. Он отказывался бросить Индийскую компанию на произвол судьбы и освободить банк от ее обязательств. Если бы, как умолял Уильям, банк избавился от этого вампира в лице компании, то еще смог бы пережить надвигающуюся бурю.

Но Лоу страстно верил, что для спасения ему не

хватает только времени, и старался не замечать тех, кто уже ставил на его скорое падение. Когда цена за акции упала до десяти тысяч, его враги пошли в открытую атаку. Происходящая в экономике сумятица, имевшая следствием все растущее нежелание использовать банкноты в качестве платежного средства, вынудила созыв Государственного Совета для прояснения ситуации.

Встреча состоялась под председательством обеспокоенного регента в том же самом обитом гобеленами зале Пале-Руаяля, где четыре года назад мистер Лоу впервые рассказал о системе мер, предложенной им для спасения Франции. Собрание было почти того же состава, что и тогда, включая даже герцога Ноая, хотя и не входившего больше в Совет финансов, но остававшегося членом Государственного Совета.

Маркиз д'Аржансон скрывал злость под маской участия и даже сочувствия господину Ла, попавшему в положение, угрожавшее всей его системе, первоначально казавшейся очень многообещающей. Он назвал ситуацию зловещей и указал на две причины ее появления: искусственно раздутая стоимость акций Индийской компании и избыточное количество в обращении бумажных денег.

Обтекаемыми выражениями он осудил принимаемые насильственные меры как еще более усугубляющие положение. Его предложения сводились к тому, что следует установить фиксированную цену за акции Индийской компании на уровне пяти тысяч ливров, а стоимость банкнот плавно, месяц за месяцем, опускать так, чтобы к концу года она составляла около половины их номинальной стоимости. При этом появлялась надежда на стабилизацию их курса.

Ужаснувшись от этого предложения, а еще больше от того, как оно было принято, и ощущая злобу, которой оно было продиктовано, мистер Лоу с большим трудом сдерживал возмущение, когда попросил слова для ответа.

— Канцлер, отклоняя наши принудительные меры, необходимые, чтобы поправить состояние дел, также предлагает принудительные меры, но еще более тяжелые для населения. Предупреждаю Ваше Высочество и всех вас, господа, что декрет, о котором просит сейчас канцлер, в случае его принятия вызовет катастрофу. Начнется паника, последствия которой могут быть ужасающими. Поскольку господин д'Аржансон достаточно проницателен, чтобы это предвидеть, то я осмелюсь прямо спросить, не ели он и желает вызвать?

— Постыдный вопрос, — упрекнул его Ноай.

— И неприличный, — прощамкал старый Вильруа. — Это еще самое малое, что можно сказать.

Потребовалось вмешательство регента, чтобы остановить поток оскорблений в адрес генерального контролера.

— Господа! Господа! — замахал полными руками регент. Потом слегка упрекнул Лоу: — Дорогой барон, вы не должны, даже в пылу спора, подозревать господина маркиза в низких мотивах его предложений. Он на это не способен.

Мистер Лоу наклонил голову.

— Я отвожу вопрос, раз Ваше Высочество уверяет, что я ошибаюсь. — Он перевел дух, чтобы остыть. — Что касается акций Индийской компании, то, если установить на них фиксированную цену, как предлагает господин маркиз, доверие к ним будет подорвано окончательно. Оставьте их в покое, и акции сами найдут свою цену, а эта цена со временем — и даже раньше, как только работа новых колонистов даст плоды, — может быть и столь же высокой, как ее сейчас и держат спекулянты.

Кто-то рассмеялся. Мистер Лоу не обратил на это внимания.

— Что касается бумажных денег, то легко доказать ужасную по последствиям ошибку в предложении канцлера. Не стоит обманывать себя, что декрет преуспешен именно в постепенном снижении стоимости денег. Как только станет известно намерение правительства, банкноты обесценятся мгновенно и при этом не на половину, как заявляется, а гораздо больше. А теперь подумайте, что произойдет. Ведь в обороте сейчас около двух миллиардов ливров. Из этого количества банк обеспечивает золотом, торговыми кредитами и сбором налогов около полутора миллиардов. Без покрытия остается только полмиллиарда. Они были бы уничтожены, если бы попали в банк после покупки акций Индийской компании. Но государственные кредиторы из-за вздутой цены на акции не стали их покупать.

— А кто виноват? — сердито спросил д'Аржансон.

— Я признаю в этом свою ошибку, — сказал мистер Лоу. — Это была моя единственная ошибка во всем деле.

— Единственная признанная вами ошибка, — поправил его Ноай.

— Как вам будет угодно, господин герцог, — презрительно ответил ему мистер Лоу. — Я не уклоняюсь от ответственности. Но позвольте указать вам, что из-за

одной четверти избыточных банкнот предлагается снизить их стоимость в два раза. Спрашивается, кому это принесет выгоду? И есть ли в этом смысл?

— Для меня нет, господа, — обеспокоенно сказал Его Высочество и обвел глазами зал в поисках поддержки, но нашел только Сен-Симона.

Строгий, но редко невежливый, герцог в своих воспоминаниях рассказывает нам, какими словами он осудил это предложение.

— Оно, — сказал он, — на языке финансистов называется *montrer le cul** и употребляется при банкротстве. Предлагаемым декретом мы покажем ее настолько явно, что все будет потеряно сразу.

Д'Аржансон в ответ прогремел, что лучше поступить так перед лицом реальности, чем если государство будет продолжать поддерживать аферу, искусственность которой быстро станет понятной всему остальному миру.

— И следовательно, — с острым сарказмом сказал Лоу, — вы предлагаете представить ее даже большей аферой, чем она является на самом деле. Я думаю, эта мера может быть признана как весьма оригинальная в качестве способа борьбы с аферами.

Д'Аржансон с яростью возразил:

— Усмешки, сэр, еще не аргумент. — Его тяжелая челюсть выдавалась вперед. — Надо смотреть правде в глаза. От нее вы своим сарказмом не отмахнетесь. Мы стоим перед лицом естественной, неизбежной реакции, наступившей после временного процветания — временного из-за того, что оно строилось на иллюзии, — вызванного вашей системой. Ситуация отчаянная. Возможно, вы еще не понимаете насколько. И бороться с ней следует также отчаянными мерами.

Поддержка Совета была горячей и единодушной, за исключением Сен-Симона. Но даже Сен-Симон не настаивал на своих возражениях. Выразив их, он и так сделал все, чего от него могли ожидать и что он считал для себя позволительным делать, так как не мог простить Лоу вмешательства, как он считал, в казнь графа Орна.

Конец этого заседания был таков: регент, хотя и с большой неохотой, поскольку вера его в генерального контролера была лишь слегка поколеблена последними событиями, был вынужден все-таки подчиниться грозному

* Показом задницы (фр.)

единству Совета, и мистер Лоу ушел домой с чувством горького отчаяния.

Это чувство оправдалось, как только стало известно, что указ о новых мерах направлен в парламент на утверждение и в чем суть этих мер.

Кто вовремя понял, к чему идет дело, и обратил деньги в недвижимость или материальные ценности, чувствовал себя в безопасности. Но большая часть вкладчиков начала бурно протестовать против грабительской хитрости, выудившей из их карманов половину сбережений. И богатые, и бедные чувствовали себя обманутыми и обвиняли в этом Лоу, которого считали настоящим автором этого проскта. Недовольство против него и стоящего за ним регента быстро приняло угрожающие размеры.

Толпа из представителей всех слоев общества, большинство которой составляли рыночные торговки, запрудила все подходы к Отель-де-Невер, но не для того, чтобы, как в прошлом, приветствовать господина Ла за богатства, рассыпаемые им, а чтобы проклинать его имя и оглушать воем угроз и обвинений. Здание не было взято приступом только благодаря высокой ограде. Отряд мушкетеров, высланный регентом, расчистил улицу и остался нести дежурство возле дома.

В это же время другая толпа окружила Пале-Руаяль, выплескивая сквозь железные прутья решетки ярость в адрес регента.

Ярость, вызванная этим указом, в последующие дни все усиливалась. Уличные сцены были столь опасными, осада банка, также взятого под охрану, столь враждебна, а фельетоны и статьи столь оскорбительны, что д'Аржансон сам начал бояться вызванной им бури.

Когда и пять дней спустя эта смута не проявила никаких признаков затухания, он отправился к регенту.

Узнав, что парламент на последнем заседании отказался утвердить этот указ, он, с одной стороны, удовлетворил чувство мести по отношению к унижавшему его Лоу, а с другой — отвел для себя благодарную роль народного заступника.

Регент принял канцлера в своем кабинете, где, кроме него, находился только изящный Лаврийер. Его поведение было необычно сурово.

— Теперь, когда по вашей милости мы оказались в настоящем аду, вы, господин маркиз, надеюсь, убедились в своем безрассудстве?

Рослый маркиз низко поклонился. Возбуждение исказило черты его темного, морщинистого лица.

— Запущенная болезнь, монсеньор, требует для ее лечения сильных средств.

— Вы это уже говорили в совете. Боюсь, вам не хватает оригинальности. Вы думаете успокоить меня замшелыми афоризмами из Монтеня?⁴⁹

— Если бы это было все, что я хотел сказать, монсеньор, я был бы сейчас в меньшем отчаянье, — и он рассказал регенту о том, что приготовил парламент.

Его Высочество зло рассмеялся.

— Так! Мои старые друзья в мантиях открыли способ зарабатывания популярности у народа.

— Вы очень точно выразились, Ваше Высочество. Могу ли я почтительно посоветовать вам лишить их предвкушаемого удовольствия. Выбейте у них из-под ног почву сами, отменив указ.

— Вы мне это почтительно советуете, да? — Его Высочество затрясся от ярости. — Если бы вы наполовину были так почтительны, когда советовали издать этот указ, бы сейчас мы избежали волнений. Позвольте сказать вам, маркиз, что я нахожу вашу почтительность наглой.

Д'Аржансон тоже затрясся.

— Ваше Высочество поступит справедливо, если вспомнит, что мою точку зрения поддержал весь Совет.

— Но ведь вы ее защищали, господин д'Аржансон, даже не прислушавшись к аргументам господина Ла, точно предвидевшего последствия. А панику он назвал среди них, если помните. И она налицо. Разумный человек не должен бы забывать о способности барона предсказывать события, которую он не раз демонстрировал. Будь я королем, я настоял бы, чтобы к Ла прислушались. К несчастью, я только регент. Но не будем тратить время. Этот ошибочный указ будет отменен. Будем надеяться, что это поможет остановить творящееся беззаконие. Лаврийер, вас не затруднит немедленно передать это председателю де Мему?

Тогда же, чтобы ободрить Лоу, об отчаянии которого он догадывался, регент отправил ему записку о своих последних шагах: об отмене указа и о том, что банкнотам и акциям Индийской компании оставляют их текущую цену.

По мнению Лоу, эти меры должны были произвести эффект, обратный ожидаемому. В бешенстве он позвонил Лагийону и велел закладывать карету.

Услышав его распоряжение, Катрин подошла к нему. Бледная, осунувшаяся, с глазами, покрасневшими от плача, она выглядела сильно изменившейся за последние дни.

— Куда ты, Джон?

— К регенту.

Она испуганно попросила его не уезжать. Умоляла его не покидать сейчас дом.

— Эти люди ужасны. Они как дикие звери. Я боюсь за тебя, Джон. Сегодня утром я слышала через окно, как они, не боясь охранников, кричали: «Смерть Ла!»

— «Смерть Ла!» — повторил он и рассмеялся. — А месяц назад было: «Да здравствует господин Ла!» Не стоит обращать внимания на вопли этого сброда с его «Осанна!» сегодня, «Распни!» завтра.

— Я не пушу тебя, — заплакала она.

— Непустишь? — Он стал суров. Казалось, он стал еще выше перед ее умоляющими глазами. — Это просто глупо, Катрин. Если я не начну действовать, не остановлю прыжков этих лунатиков вокруг регента, то тогда уж точно господину Ла придет конец.

Он пошел к двери. Открыв ее, обернулся. Она смотрела ему вслед дикими глазами, ее губы дрожали, беззвучно произнося слова молитвы.

Ее вид тронул его. В этот переломный момент, когда многие его сторонники отступили, оставив один на один с бурлящей толпой, чья обманутая жадность требовала мести, он мог бы спросить себя, не осталась ли она с ним по велению чувства, как в этом убеждал его Уильям, чувства, которое сохранила под внешней ветреностью и капризностью, вызванными, возможно, лишь его холодностью к ней.

Чтобы ободрить ее, он уверенно улыбнулся и очень ласково произнес:

— Смелее, Катрин. Не бойся за меня. В этом нет необходимости. Я скоро вернусь.

Основания для ее опасений оказались очень серьезными. Если перед Отель-де-Невер улица была пустынна благодаря мушкетерам, то на площади перед воротами Пале-Руаяля небольшая шумная толпа демонстрантов обрушилась на мистера Лоу градом оскорблений, когда его карету узнали. Чтобы попасть во дворец через главный вход, он должен был миновать эту толпу. Поняв, что это может быть слишком опасным, он приказал кучеру ехать на

улицу Ришелье, чтобы проникнуть во дворец через боковой вход.

Кучер так и сделал, но толпа побежала за каретой, узнав, что главный виновник ее бед — господин Ла — находится в ней.

Полчаса спустя на заседании парламента его председатель де Мем объявил приятную новость. Карета господина Ла была найдена разнесенной на кусочки на улице возле дворца. Радость, однако, угасла, когда стало известно, что самого господина Ла в ней в тот момент уже не было.

В это время мистер Лоу находился у Дюбуа, требуя незамедлительно пропустить его к регенту, поскольку нужно убедить его немедленно отказаться от отмены последнего указа, иначе, сказал он, начнутся еще большие беспорядки.

Дюбуа, уже будучи не простым аббатом, а архиепископом Камбрейским, не видел причины для возмущения мистера Лоу. Если принятая мера оказалась негодной, значит, ее отмена принесет пользу. Регент и так очень расстроен. У него сейчас господин д'Аржансон, от которого потребовали ответа, и Дюбуа сказал, что не испытывает никакого желания беспокоить Его Высочество еще раз по такому неприятному поводу.

Мистер Лоу пришел в бешенство.

— Вы называете этот повод неприятным? Знаете, архиепископ, если вы считаете, что рассориться со мной сейчас к вашей выгоде, то давайте рассоримся. Вы хотите быть с теми, кто благодаря мне разбогател. Золото, которым я их осыпал, застряло у них в горле, а теперь они хотят сорвать свою злобу на мне же.

— Боже мой! Боже мой! Что вы такое говорите? Вы очень ошибаетесь во мне! — Лицо маленького хорька сморщилось и выражало настоящее горе. Он сейчас очень сильно походил на господина де Вольтера. Он, конечно, получил большую выгоду от созданной системы, но, независимо от чувства благодарности, не имел ни малейшего желания ссориться с ее создателем, знавшим столько, что мог бы скомпрометировать любого человека, а уж архиепископа-то вдвойне. — Пойдемте к регенту, раз уж вы так настаиваете, но потом пеняйте на себя.

Занятый обсуждением ситуации с канцлером, регент был очень рад появлению мистера Лоу. Его вежливость была смешана с сочувствием.

— Ах, барон, господин д'Аржансон говорит, что дела идут все хуже.

Мистер Лоу был прям:

— Они пойдут еще хуже, если вы отмените указ.

За его спиной Дюбуа что-то осуждающе пробормотал. Господин д'Аржансон шумно втянул воздух. Регент напрыгся.

— А какой еще остается выход, учитывая настроения в обществе? Вот! — Он протянул ему листок бумаги. — Прочтите эту гадость.

Это была листовка очень грязного содержания, дававшая регенту совет, как поступить с бумажными деньгами. Мистер Лоу не обратил на нее внимания.

— Этот указ, монсеньор, уже нанес вред. И все, что остается, это бороться с вызванной им бурей. Но буря уляжется, и ярость утихнет. А тепсрь... — Он безнадежно развел руками, — мы даже не можем рассчитывать и на это. Надежда будет уничтожена после этой расписки в собственной нечестности.

— Как в нечестности? — одновременно воскликнули возмущенные регент и канцлер.

— Да, в нечестности, — повторил мистер Лоу. — А в чем же еще, по-вашему? Отменить указ, в два раза обесценивающий деньги, означает признать, что он не был необходим. Но если он не был необходим, если банкноты могут сохранять номинальную стоимость, то чем же еще объяснить выпуск указа, как не нечестной попыткой обогатить казну за счет народа?

Регент опустил в кресло. На его лице появился страх. Он посмотрел на д'Аржансона и сказал дрогнувшим голосом:

— Что-то вы в своих расчетах упустили, маркиз.

— Но... когда такие волнения... — запнувшегося д'Аржансона бесцеремонно перебил мистер Лоу.

— Совет тоже кое-что упустил. Я предсказывал, что последует. Люди не удовлетворятся постепенным падением стоимости денег. В их глазах банкноты будут дискредитированы мгновенно. И такое обнищание сразу вызовет страшное возмущение. А чего другого вы ожидали?

Д'Аржансон наклонил свою большую голову и пошел в наступление. Глаза горели на побледневшем лице.

— Для творца этой разрухи, сэр, у вас слишком наглый тон.

— Творец разрухи — вы. Когда ваши махинации по дискредитации бумажных денег и попытки организовать

массовый обмен их на активы банка были пресечены, вы предприняли эту, еще более опасную, попытку, нарочно связать курс банкнот с курсом акций Индийской компании.

Канцлер злобно повернулся к регенту.

— Прошу Ваше Высочество защитить меня от оскорблений.

— Как? — регент уже почти перешел на сторону Лоу, убежденный его напористостью. Он холодно взглянул на маркиза. — Вы больше не способны защитить себя сами? Вы можете ответить господину Ла?

— Могу. Я отвечу, не боясь упреков в противоречии. Когда я советовал выпустить этот указ, разруха уже была налицо. Ваше Высочество понимает, что надо найти причины этого бедствия. А они заключаются в попытке превратить всю Францию в одну гигантскую акционерную компанию. Следствием созданной системы стало обогащение негодяев во всех слоях общества и разрушение среднего класса, самого честного, производительного и полезного. Это повлекло за собой снижение уровня жизни, падение общественной морали и извращение национального характера. Мы добились этого тем, что взяли под контроль коммерцию, ей раньше занимались опытные купцы на свой собственный страх и риск.

— Даже если допустить, что все это правда, с чем я не согласен, — сказал мистер Лоу, — то эти слова относятся только к Индийской компании. И даже ее крах, вызванный спекулянтами, не был окончательным. Но когда сюда вмешивают банк, то эти обвинения становятся живыми. Я уже говорил перед советом и повторю сейчас: банк платежеспособен!

— Выпустив на полмиллиарда необеспеченных бумажек! — выходя из себя, закричал канцлер.

Регент стукнул кулаком по столу.

— Господин маркиз, я не люблю, когда в моем присутствии кричат.

Канцлер, смутившись, принес свои извинения. Тон мистера Лоу стал еще более резок:

— Еще раз позвольте вам напомнить, что это только четверть от всей суммы денег. Что касается оставшихся трех четвертей, то я уже говорил, что банк имеет под них твердое обеспечение. Ни при каком раскладе снижение стоимости денег в два раза не было оправдано. Я уверен, что необеспеченные деньги можно было бы постепенно извлечь из оборота.

— Вы так утверждаете? — д'Аржансон ухмыльнулся. —

Тогда вы легко это осуществите. Отменив указ, мы возвращаемся к исходной ситуации.

— К исходной? Неужели вы вправду в этом убеждены? Вы уже забыли мои слова, что отмена указа вызовет обвинение нас в нечестности?

— Ну, это только ваши слова, господин Ла.

— А когда мои слова не сбывались?

— Бог мой! Вот так скромность! — воскликнул маркиз.

Мистер Лоу не обратил на него внимания. К нему вернулись уверенность и спокойствие.

— На встрече в Совете я предвидел, что указ вызовет бурю. Это буря превзошла ваши ожидания, но не мои. Одним ударом она снизила цену бумажных денег вдвое. Сейчас я предсказываю, что отмена указа приведет к полному обесценению бумажных денег.

— Peste! Нет! — вскричал регент.

Д'Аржансон старался выглядеть уверенно.

— Ваше Высочество может не бояться таких последствий.

Взгляд регента обратился на Дюбуа, оставшегося до сих пор молчаливым свидетелем разговора.

— Ради Бога, архиепископ, почему вы не выскажетесь? У вас что, нет никакого мнения?

Внимание архиепископа было, однако, чем-то отвлечено. Он напряженно прислушивался к отдаленному гулу. Остальные ничего не слышали из-за собственного возбуждения. Он поднял указательный палец, глаза его расширились.

— Послушайте! — призвал он.

Раздался громкий треск, и гул неожиданно усилился, превратившись в шум яростной толпы.

— Боюсь, — сказал д'Аржансон, — что они ворвались во дворец.

Регент встал.

— Пойдемте со мной, — приказал он и вышел из кабинета в галерею, чтобы взглянуть на двор.

Через окно галереи они увидели, что весь двор заполнен злобно орущей толпой. Прямо под их окном оказались три пары носилок. На каждой лежало по человеку.

Запыхавшийся Лаврийер вбежал в галерею. Он принес ужасные новости. С утра толпа атаковала банк, требуя золото в обмен на бумажные деньги. Троих задавили насмерть. Толпа принесла их тела к Пале-Руаялю. Он

также рассказал, что карета мистера Лоу разнесена вдребезги, но кучер и лакеи успели укрыться во дворце.

— Боже, спаси нас! — сказал регент, не проявляя, правда, признаков страха. — Найдите Леблана. Прикажите ему очистить двор. Но пусть постарается сделать это без необходимой жестокости. Пойдемте, господа.

Они вернулись в кабинет. Регент сел за письменный стол.

— Итак, канцлер? — хрипло спросил он. — Вы по-прежнему настаиваете, что нам не следует опасаться последствий, о которых говорит господин Ла?

Лицо канцлера под черным париком позеленело. Он лишился обычного красноречия и, запинаясь, с трудом произнес:

— Поступайте, как вам угодно, Ваше Высочество! Ведь этот указ, в конце концов, ваш.

— Так. Значит, вы перекладываете всю ответственность на меня. Но, как я уже говорил в Совете, я не король. Я только регент. Я возглавляю Совет, чьи единогласные решения не могу отклонять. Вы вовлекли Совет в эту ужасную авантюру. Совет поверил вашей дальновидности, вашим расчетам. — Он сделал паузу. Взгляд его строго смотрел на канцлера. Тот оглушенно молчал. Регент продолжил: — Я вас, месье, не буду спрашивать, какую долю в ваших расчетах составляло предубеждение, если не употреблять более резкое слово. Но я вынужден потребовать от вас сдать печати канцлера сегодня же.

— Ваше Высочество! — выпалил бывший канцлер.

Его Высочество махнул рукой:

— Можете идти.

На мгновение остолбснев, д'Аржансон низко поклонился, словно придавленный страшной тяжестью. Потом, волоча ноги и стараясь не смотреть на оставшихся, медленно покинул кабинет.

В своей мстительности он подтолкнул мистера Лоу к пропасти, но сам не удержался и слетел в нее первый, впад в немилость. Карьера его была кончена, честолюбие уязвлено.

После его ухода наступила тишина. Потом, отогнав тяжелые мысли, регент посмотрел на Дюбуа:

— Господин архиепископ, отправляйтесь сегодня же во Френ и просите д'Арекко вернуться. Пока же нам понадобится человек, могущий занять его место. Молю Бога, чтобы это спасло положение. Это все, что я сейчас

могу сделать. — Его взгляд упал на Лоу. — Ну что, барон? — спросил он.

Мистер Лоу был совершенно спокоен.

— Ваше Высочество потребует, конечно, чтобы я покинул пост генерального контролера?

— Если вы желаете в такой момент бросить штурвал, то я не смею вас удерживать.

— Я останусь, если Ваше Высочество считает, что я буду полезен на этом посту.

— Я не знаю никого, кому бы я так доверял в сфере финансов.

Мистер Лоу поклонился.

— Ваше Высочество очень щедр и великодушен. Моя система, как видите, разрушена. Но, если вы прикажете, монсеньор, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ее восстановить, насколько это возможно.

— Пусть Бог направит вас, — этим грустным напутствием регент попрощался с ним.

Глава двадцать девятая

НАДИР⁵⁰

Никем не признанный, мистер Лоу спокойно возвратился в Отель-де-Невер, где его ждала обеспокоенная Катрин.

Он весело сказал ей:

— Вот видишь, напрасно ты и беспокоилась.

— Напрасно! — в ее голосе звучал упрек. — Ты думаешь, я не знаю, что твою карету превратили в грудущепок. Слава Богу, что тебя в ней уже не оказалось.

— Ты еще не поняла, что я могу творить чудеса?

Она крепко схватила его за руки.

— Как ты можешь смеяться в такое время, Джон? Как ты можешь?

— Успокойся, моя милая, успокойся. Люди непостоянны. Они долго не будут в таком настроении. Скоро все будет хорошо. Ты опять услышишь «Vive monsieur Lass», как и прежде. А пока тебе лучше уехать с детьми в Германд и побыть там, пока буря уляжется.

— Ты предлагаешь мне уехать в Германд? — Она была обижена. — А ты останешься один на один со смертью?

— Смерть! Тьфу! Не преувеличивай.

— Что ж, если я преувеличиваю, то зачем же мне тогда ехать?

— Так мне будет спокойнее. Я буду знать: что бы ни случилось, ты и дети в безопасности.

— А я? Буду ли я спокойна, если уеду? У меня не будет ни минуты покоя от мысли, жив ты или нет. Я останусь здесь, Джон. Пойми, из двух зол это меньшее.

Он был удивлен ее необычной твердостью. Он попытался еще раз убедить ее на время покинуть Париж, но потом, поняв, что его настойчивость напрасна, неохотно разрешил остаться. Глубоко тронутый ее решением в этот страшный час, он увидел в ней близкого человека, чему давно не верил. Он вспомнил слова брата о Катрин и подумал, не оказался ли Уильям более внимателен, чем он сам. Он мог бы обдумать и более глубоко их отношения, если бы не был целиком поглощен мерами, что необходимо принять, дабы остановить ураган, бушевавший уже вовсю.

Этому он посвящал сейчас все силы, делая все возможное. Регент еще раз имел возможность убедиться в талантах своего генерального контролера, умудрявшегося в столь тяжелой ситуации управлять финансами королевства.

Его план удаления из оборота необеспеченных банкнот заключался в воссоздании государственного долга в размере четырехсот или пятисот миллионов ливров. Государственным кредиторам, не смогшим купить акции Индийской компании и имевшим на руках деньги, но не знавшим, куда их вложить, предлагалось получить взамен своих банкнот государственные обязательства. Чтобы выиграть время, он видоизменил указ о запрете на использование золотых монет в качестве платежного средства. Теперь они выдавались в обмен на банкноты, но в ограниченных количествах. Одновременно он сократил часы работы банка и потребовал от кассиров неторопливости при обслуживании клиентов, желающих обменять деньги. Если в прошлом он искусственно снижал курс золота по отношению к курсу банкнот, то теперь, наоборот, повысил курс золота по отношению к ним на треть. Таким образом удалось замедлить утечку золота из банка.

Он разработал и иные меры для восстановления банковского кредита после стабилизации ситуации. Его надежды на улучшение усиливал спад, происшедший в гнсе переменчивой толпы. Теперь он мог даже показываться на публике, не боясь, что в него полетят камни. Пару раз его даже видели в Опере в ложе регента.

Спустя несколько недель, однако, стало ясно, что все надежды на улучшение напрасны.

Делая эти последние попытки вернуть утраченный кредит, он понял, что д'Аржансон и его товарищи слишком подорвали доверие к бумажным деньгам, чтобы его теперь восстановить. Указ канцлера и последующая его отмена оказались мерами настолько разрушительными для денежного обращения, что банкноты уже не могли служить в качестве платежного средства. Продавцы отказывались их принимать, а если и принимали, то по своему собственному курсу, через месяц после указа д'Аржансона упавшему столь низко, что за один луидор требовали уже сто двадцать ливров. Тот, кто в нарушение указа сохранил у себя золото, теперь стал использовать его для покупки необходимых товаров. Цены, взмывшие до небес в период процветания, не желали опускаться и теперь, в период невзгод. Это происходило от того, что деньги лишились покупательной силы. Хлеб стоил пять су за фунт, что было в десять раз выше его обычной цены, аналогично подорожали и мясо, масло, яйца и вино. Метр ткани, ранее стоивший пятнадцать ливров, теперь продавался за сто двадцать пять.

Катастрофический рост цен больно ударил по промышленной буржуазии, основе государства во все времена, и по рабочему классу, оказавшемуся перед угрозой безработицы. Все это быстро усугублялось, в жизни страны наступал хаос. Прилив негодования против Лоу и регента, на краткое время затихший, возобновился с новой силой, когда всеобщее обнищание сменило столь же всеобщее, но обманное процветание прошлого года.

Бесстыдные листовки появлялись ежедневно, и теперь ни регент, ни Лоу не могли пройти по улицам, не рискуя подвергнуться оскорблениям или даже нападению.

Наконец, в начале осени наступил день, когда после особенно враждебной демонстрации против регента во время представления в Опере, мистер Лоу признал себя побежденным, а игру проигранной и сказал об этом брату.

— Я не только признаю свое поражение, но, признавая его сейчас, оказываю последнюю услугу регенту. Я должен так поступить, поскольку он всегда поддерживал меня во всех начинаниях.

Уильям Лоу был очень опечален и промолчал. Да и не было у него никакого желания спорить с братом, он испытывал почти облегчение от этого решения, хорошо видя, куда развиваются события.

В последний раз лэрд Лауристонский отправился к регенту и застал его беседующим с Дюбуа.

— А, барон, — приветствовал мистера Лоу Его Высочество. — А я как раз собирался послать за вами. Вы слышали, что случилось сегодня вечером в Опере? Меня оскорбляло уже не какое-то простонародье, а благородные люди, моя последняя опора в этом кризисе.

— Это и привело меня к вам, монсеньор, — мистер Лоу говорил подобающим случаю торжественным тоном. — Вашему Высочеству нужен мальчик для битья, так сказать, козел отпущения. Только в этом качестве я и могу быть вам полезен теперь.

— Что? — Его Высочество был ошарашен.

— Я здесь, Ваше Высочество, чтобы просить отставки с поста генерального контролера.

— Значит, вы все-таки испугались?

На продолговатом благородном лице шотландца появилась грустная улыбка.

— Нет, монсеньор, я не испугался. Я понял, что такой выход будет лучшим для вас. Ваше Высочество должен будет объявить о моем увольнении.

— Понятно. Я должен бросить вас на съедение львам.

— Такая мера получит всеобщее одобрение и даст выход общественному гневу, что пронесется, таким образом, мимо вашей головы.

— И попадет в вашу, барон. Я не такой человек, как вы думаете. И я не принимаю вашу отставку.

— Позвольте заметить, монсеньор, что в высших интересах государства ваша обязанность все-таки в том, чтобы ее принять, так же как моя в том, чтобы ее просить.

— Позвольте и мне заметить, господин барон, что вам не следует объяснять мне мои обязанности.

Мистер Лоу тем не менее продолжил их объяснение:

— Ваше Высочество олицетворяет Францию. Я же — только себя, и со мной можно не считаться. Как только вы уволите меня, как источник всех бед, наступит некоторое успокоение. Потом начнется реакция, и у вас появится возможность провести план, который я подготовил. Думаю, что другие, кого назначит Совет, будут способны восстановить порядок.

Регент грустно размышлял:

— Черт побери, вы, значит, отводите мне роль труса. Вся вина падет на вас, а я спрячусь за вашей спиной.

Вот суть вашего предложения. Eh bien*, мне это не нравится. Ответственность лежит на нас обоих.

— Не совсем так, монсеньор. Воплощение в жизнь моей системы лежало только на мне. Я виноват в двух ошибках. Во-первых, я не защитил акции компании от скупки спекулянтами до того, как это успели сделать государственные кредиторы, для которых эти акции и предназначались. Во-вторых, я не предполагал такой страшной жажды наживы, какую проявили спекулянты. Но избеги я этих двух или еще каких-то ошибок, возможно, судьба все равно бы привела меня к подобному концу. Но со временем, и я в это твердо верю, использование богатств Луизианы станет основой могущества Франции.

Регент взглянул на Дюбуа.

— Могу я поступить так, как он мне советует, и сохранить самоуважение?

По узкому лицу архиепископа пробежала судорога.

— Я могу сказать вам, Ваше Высочество, что у вас нет выбора. Господин Ла вручил вам меч, что с его стороны в высшей степени благородно, и этот меч может разрубить гордиев узел¹, без чего мы не выйдем из нынешней ситуации. Он прав, монсеньор, именно в этом сейчас заключается ваш долг перед Францией.

— Значит, вы тоже считаете, что я должен спасти свое положение за счет барона! Parbleu, как хорошо быть принцем. Ну хорошо, а барон? Что станет с ним, архиепископ? Вряд ли общественный гнев, обрушившись на него, сохранит ему жизнь.

— Не беспокойтесь, монсеньор. Я не буду ожидать его здесь. Здесь останется мой брат, на которого, осмелюсь надеяться, гнев не падет. Он будет, если Ваше Высочество посчитает это возможным, вести дела банка. — Он остановился. Посмотрел на регента, уныло наморщившего лоб. Потом продолжил: — Мне остается добавить, Ваше Высочество, поскольку негодяи могут обвинить меня после моего исчезновения, что я нажился на беде страны, что, несмотря на возможности для обогащения, каких, наверное, не было ни у одного человека на земле, я не вывез из Франции ни луидора. Запасы золота в банке докажут вам это. Все мое состояние, приобретенное здесь, не считая земель в Германде, составляет около десяти миллионов ливров. Их я оставляю.

* Ну что ж (фр.).

— Что вы, что вы! — запротестовал регент. — В этом нет необходимости, дорогой Ла.

— В этом есть необходимость, Ваше Высочество. Это необходимо моей чести. Я оставляю деньги, чтобы защитить себя от клеветы.

Регент печально опустил голову. Наступило молчание.

— Если я отпущу вас сейчас, — сказал он наконец, — то в надежде, что когда-нибудь, когда все уляжется, восстановится порядок, Луизиана начнет давать прибыль и поможет восстановить наши финансы, я смог призвать вас вновь. Понимаете, мой друг, — закончил он с печальной улыбкой, — я ведь по-прежнему верю в вас.

Он встал и протянул руку. Мистер Лоу наклонился и поднес ее к губам.

— Мое сердце исполнено благодарности к вам за эти слова, монсеньор. — Он выпрямился, изящный и властный, и добавил: — Как только Ваше Высочество сочтет, что я смогу быть вам полезен, призовите меня.

Но улыбка его была иронична, ибо он был глубоко уверен, что его репутация, принесенная в жертву регенту, никогда более не восстановится.

Глава тридцатая

ПАСПОРТ

Последний раз он сидел в сумраке своей просторной, с высокими потолками комнаты, с обитыми темной кордовой кожей стенами. Эту комнату он богато украсил любимыми картинами и мебелью. А внизу ревела толпа, жаждущая его крови. Теперь, когда он был лишен своего поста, она храбро собралась под его окнами, сдерживаемая только мушкетерами регента. Толпе указали виновника разрухи, постигшей Францию, бросили на съедение львам, как выразился регент, и осмелевший сброд, жаждущий мести, уже смотрел на него, как на свою законную добычу.

Вместе с ним в комнате находился бледный и встревоженный Уильям, секретарь Лакруа, доверенный представитель банка по имени Норманд, занявший место Макуэртера, и директора двух крупнейших компаний, слившихся в Индийскую. Он давал им последние инструкции, меряя шагами длинную комнату. Плечи его были ссутулены, руки он держал за спиной.

Наконец все финансовые вопросы были улажены, и Лакруа, Норманд и остальные с грустью и теплотой простились с ним и вышли. Братья остались вдвоем.

— Вот, Уилл, мы и прошли свой путь. Достигли позорного конца. Возможно, мне надо было обращать больше внимания на твои предостережения, возможно, я взялся за большее, чем смог унести, а должен был удовлетвориться лишь тем, о чем ты и просил меня, — банком, и не стремиться к управлению экономикой всей Франции. Возможно, д'Аржансон был прав, говоря вслед за д'Арекко, что дело правительства руководить, а не торговать. Но, возможно также, если бы я действовал осторожнее, то результат был бы иным. Не знаю. Но я не могу не думать об этом.

Уильям, с болью слушая его, был слишком великодушен, чтобы сказать сейчас, что все вышло так, как он и предсказывал.

— Что уж теперь гадать, Джон, — сказал он. — А насчет банка не беспокойся, я сделаю все от меня зависящее, чтобы он устоял.

Старший брат остановился и положил руку ему на плечо.

— Бог свидетель, Уилл, мне стыдно перекладывать на твои плечи такой груз.

— У тебя нет выбора и не думай об этом. Что это по сравнению с твоими трудностями! Наша задача сейчас — чтобы ты уехал. Слышишь, как воют эти волки? Как изменился за год их вой! Помнишь, как они кричали на улицах: «Да здравствует господин Ла!» Дай сейчас им волю, и они съедят тебя живьем.

— Может быть, это было бы к лучшему.

— А Катрин?

Мистер Лоу беспомощно развел руками.

— Да и для нее, бедняжки, тоже было бы лучше. В дни удач я мало заботился о ней. Возможно, я заслужил, чтобы сейчас и ко мне относились так же. Кому нужен неудачник!

— Ты опять слишком категоричен в выводах, Джон. Он пожал плечами.

— Мы судим о будущем, исходя из прошлого.

— Да, это так. Но сколького мы лишали себя в нашем прошлом? Я часто задаю себе этот вопрос.

— Я тоже. Надо обращаться к своей совести, но услышим ли, поймем ли мы ее ответ? Да, ладно. У нас есть более неотложные вопросы, чем этот. Перейдем к

ним, — торопливо произнес он. И заговорил более спокойно: — Как только станет известно, что я исчез, осаду с дома снимут, и для Катрин путь будет открыт. Что касается остального... У нее драгоценности. Они довольно дорогие. Потом этот дворец, — тоскливым взглядом он обвел роскошную мебель и картины, что с такой тщательностью выбирал, служившие подспорьем его мыслям. — Потом имение в Германде. Все это я просил у регента позволить сохранить. Так что у нее будут кое-какие средства. Их продажа принесет хорошие деньги. Потом дети. Знает Бог, отец я был тоже никудышный, впрочем, как и муж, и финансист.

— А ты, Джон? Какие средства у тебя?

Мистер Лоу пожал плечами.

— Я возьму восемьсот луидоров золотом. На первое время вполне достаточно.

— А потом? — в страхе спросил Уильям.

— Может быть, госпожа удача поможет мне, если не покинула меня навсегда. В общем, это все, что у меня осталось из тех двух миллионов, с которыми я приехал во Францию. Зато у меня по-прежнему остаются мозги, хотя после происшедшего ты можешь сомневаться в этом.

Взгляд Уильяма стал печален.

— Ты опять вернешься к жизни игрока?

— А когда я жил другой жизнью?

— Но зависеть от того, какая карта выпадет, какой стороной упадет кость!

— Этим я всегда смогу заработать себе на жизнь. Да, еще одна вещь. Я забыл, что у меня нет паспорта. Завтра с утра получи у Его Высочества паспорт и отправь мне в Германд. Я буду ждать там.

Он вышел из дома под покровом ночи, когда толпа, уставшая требовать крови, разошлась по домам.

Как ни просил Уильям, он не простился с Катрин, боясь ее возражений и считая, что так в любом случае будет лучше для них обоих. Она узнала об его отъезде только утром, когда Уильям вручил ей письмо, в котором он просил прощения за все горе, доставленное ей в прошлом, а также за те неудобства, кои в связи с новым поворотом судьбы он ей вынужден причинить теперь.

Она рыдала, читая письмо, а потом в истерике бросилась обвинять Уильяма, что он не предупредил ее о намерениях брата.

К тому времени мистер Лоу был уже на пути в Брие, к замку Германд, который уже вряд ли мог считать своим.

Живя с Грандвалем и его женой, единственными слугами в замке, он в течение нескольких дней нетерпеливо ожидал паспорта, чтобы покинуть Францию и возобновить свои путешествия. Он вспомнил, как Катрин в прошлом часто жаловалась, что она вышла замуж за Вечного Жида. На этот раз он решил избавить ее от горестных переездов из страны в страну.

Он с грустью подумал о ней и детях, о том, как совсем по-другому могла бы сложиться их жизнь, если бы она была теперь терпелива к нему, а он к ней. Он даже удивился, что без жены и детей стало одиноко. Из всего, что он сейчас утратил, самую острую боль доставляла разлука с семьей. Его сын, вспоминал он, был товарищем юного короля, руки его дочери, еще только становившейся девушкой, уже искали представители лучших семейств Франции. Его жена и дети могли проклинать его, что, подняв к головокружительным высотам, он вновь низринул их в неизвестность.

Если в его одиноких мечтаниях и появлялись мысли о поисках Маргарет в Англии, то они едва ли были теперь соблазнительны для него. Из одной только гордости не посмел бы он обратиться к ней в нынешних плачевных обстоятельствах. Но дело было не только в гордости. Он помнил о ее словах, что нельзя строить счастье на чужом горе. А теперь он твердо знал, что счастье с Маргарет, если бы оно стало реальностью, причинило бы Катрин острую боль, а не просто, как он думал ранее, уязвило бы ее самолюбие.

Сумеречным вечером третьего дня ожидания в Германде он задумчиво прогуливался по террасе, когда большая карета, запряженная четверкой прекрасных лошадей, покачиваясь, проехала парком с уже облетевшей листвой.

Он удивленно наблюдал за ее приближением, вдыхая морозный воздух.

Когда карета остановилась, он с возросшим удивлением увидел на ней герб герцога Бурбона. Кучер опустил поводья, лакей соскочил с запяток на землю, чтобы открыть дверь и подставить лесенку, и тут удивление его достигло крайних размеров, потому что он увидел Катрин и следом за ней — детей.

Он стоял, словно окаменев некоторое время. Потом, когда она проворно прыгнула на землю, он поспешил ей навстречу. Он схватил ее за плечи. Она плакала и смеялась одновременно. Его лицо было искажено болью.

— Катрин! Почему ты здесь?

— Я привезла твой паспорт, — она ответила легко, словно шутя.

— Это было необходимо? Нельзя было отправить курьера? — ласково упрекнул он ее. — Это бы избавило нас... избавило от мучительного прощания. А сейчас... О, но ты входи, входи. Здесь холодно, да и вы, наверное, устали с дороги, я позову Грандвалья.

Смущенный, растерянный, он пошел к дому, дети, два прекрасно воспитанных ребенка, прижались к нему с обеих сторон, рядом шла Катрин. Сзади лакей нес чемоданы.

Она сказала, что герцог Бурбон, как настоящий друг, каких мало осталось, подарил ему свою карету. Но, погруженный в размышления, он не придавал этому значения.

Пожилой Грандваль и его полная жена поспешили к ним, чтобы поздороваться и выслушать приказания.

Дети были препоручены заботам жены Грандвалья, и супруги остались вдвоем в мрачном зале, уставленном тяжеловесной мебелью в стиле Людовика XIII. Дрожащей рукой она протянула ему пергамент.

— Вот паспорт, — сказала она, и голос ее дрогнул. Глаза с тревогой наблюдали за ним.

Он положил паспорт на стул с высокой спинкой, стоявший рядом с массивным, сделанным из дуба столом. Тронутый ее заботой, он некоторое время не мог подобрать нужных слов.

— Я знаю, — сказал он, лишь бы не молчать, — что тебе всегда нравилось в Германде. Сейчас здесь довольно уныло. Но ты знаешь, как здесь хорошо весной и летом. Надеюсь, ты будешь счастлива здесь. Ну, а если нет, то всегда можешь продать его. Этот замок твой. Это... это все, что у меня осталось во Франции, да и на всем свете. Немного, конечно, после всего, что было или могло бы быть. Но...

— Намного больше, чем мне понадобится. И даже больше, чем я хочу, — ответила она ему. — Это поместье уныло не только сейчас. Оно кажется мне унылым всегда. Унылым и одиноким. Очень одиноким.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза, словно от душевной и телесной усталости. Она была очень бледна. Дорожный плащ распахнулся. Ее грудь часто вздымалась от волнения.

Он участливо посмотрел на нее.

— Ты устала, — сказал он. — Стокан вина придаст тебе сил. Грандваль принесет его.

Он развернул пергамент и, чтобы прочесть его в угасающем свете дня, повернулся к высокому окну. Вдруг он громко воскликнул:

— Что это? Ты вписана сюда.

Она произнесла, словно задыхаясь:

— А разве это не мое право?

— Твое право! — Он засмеялся. — Но права ли ты, утверждая его в такое время?

Она выпрямилась, собираясь с силами.

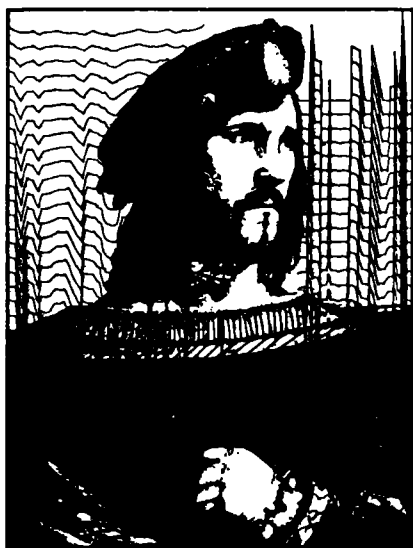
— Именно в такое время оно мне и нужно. Вот почему я сама привезла тебе паспорт. Я не хочу оставаться здесь без тебя.

Он смотрел на нее и видел, как слезы катятся по ее лицу, несмотря на бледность, продолжавшее сохранять до странности спокойное выражение. Удивительный дар у нее, подумал он, плакать, не морща лицо.

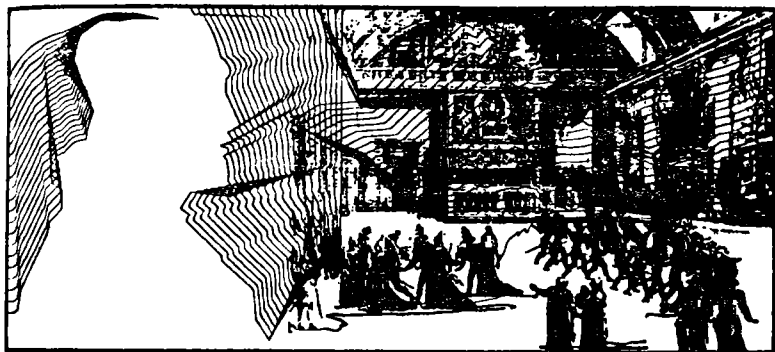
— Ты однажды сказал Уиллу, — сказала она, — что все, что я любила, это богатство, которым ты меня окружал. Это самое жестокое обвинение из всех, которые я от тебя слышала, и самое несправедливое. Я здесь, чтобы ты мог в этом убедиться. — Она торопливо продолжала: — Какие богатства у тебя были, когда я приехала к тебе в Амстердам много лет назад? Ты был тогда разорившимся, преследуемым беглецом, Джон. Точно таким же, как и сейчас. Я пришла к тебе, потому что думала, что тебе понадобится женщина, на груди которой ты мог бы выплакаться. Вот почему я здесь и теперь. И я благодарю Бога, что он разрушил все твои честолюбивые замыслы, дав мне возможность доказать тебе, как ты ошибался во мне. — И очень мягко она закончила: — Если ты хочешь, Джон, мы поедем дальше вместе. А если нет...

Он опустил перед ней и положил ей голову на колени. Он плакал.

ЗНАМЯ БЫКА

УРБИНЕЦ

I

Мессер Никколо Макиавелли в остроумной главе относительно выбора государем своих министров — о чем в дальнейшем будет сказано особо — пишет, что умы бывают трех родов: один все постигает сам, другой может понять то, что постиг первый, а третий сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Люди, обладающие умом первого рода, редки и исключительны, ибо представляют собой творческий и созидательный тип; вторые заслуживают уважения, поскольку, если они и не творят, то хотя бы копируют; а третьи, не будучи в состоянии делать ни того, ни другого, являются просто бесполезными паразитами, которые, чтобы выжить, питаются — и часто небезуспешно — за счет первых двух.

Однако ученый и проницательный флорентинец, похоже, упустил из виду четвертый тип, сочетающий в себе свойства всех трех, упомянутых выше. И нетрудно убедиться, что, пожалуй, именно к этому типу принадлежал знаменитый Корвинус Трисмегит, в ком сочетались самым странным образом изобретательность и тупость, ловкость и доверчивость, хитрость и простота, двоедушие и искренность.

Начнем с того, что магу Корвинусу Трисмегиту были подвластны — на что намекает само его имя¹ — все тайны

природы, медицины и магии, и слава о нем распространилась по всей Италии, как рябь по поверхности воды.

К примеру, он знал, что масло скорпионов, пойманных днем, при обязательном условии, чтобы солнце находилось в созвездии Скорпиона, — непревзойденное лекарство против черной оспы. Для него не было тайной, что наиболее верный способ уменьшить размеры селезенки — взять селезенку козы, приложить ее на двадцать четыре часа к пораженному органу, а затем вынести на солнце; и насколько сохнет и сморщится селезенка козы, настолько же, возвращаясь к здоровому состоянию, уменьшится селезенка больного. Он также знал, что пепел сожженной шкуры волка успешно излечивает облысение, а чтобы остановить кровотечение из носа, достаточно принимать настой из коры оливкового дерева, с единственным условием, что для молодого пациента берется кора молодого дерева, а для человека в возрасте — старого. Ему было известно, что сваренные в вине и затем съеденные змеи излечивают больного проказой, наделяя его способностью менять свою кожу.

Он также глубоко изучил свойства ядов и заклинаний и, будучи человеком искренним, не делал тайны из своего умения вызывать духов, а при необходимости — воскрешать мертвых. Он открыл эликсир жизни, сохранивший ему молодость и силу до почтенного возраста в две тысячи лет, которого, по его утверждению, ему удалось достичь, и еще один эликсир, очень сложной и тонкой очистки, названный им *Aqua celesta*^{*}, который мог уменьшить возраст человека на пятьдесят лет и вернуть ему утраченную юность.

Не только все, но и куда большее было известно Корвинусу, трижды магу, хотя люди с саддукейским² складом ума пробовали доказать, что объема его знаний хватало лишь на то, чтобы, злоупотребляя доверием своих современников, просто дурачить их.

Подобным же образом утверждали — хотя приверженцы мага приписывали это злобе и зависти, которые великие вызывают у посредственных, — что настоящее имя мага было просто Пьетро Корво, и получил он его от своей матери, владелицы винной лавки в Форли, особы, не способной с уверенностью назвать имя его отца. Насмешники добавляли также, что возраст в две тысячи лет — не более, чем пустая похвальба, поскольку среди здрав-

* Небесная вода (лат.).

ствующих в то время было немало тех, кто помнил его заброшенным чумазым мальчишкой, возившимся в грязи сточных канав своего родного городка.

Как бы там ни было, нельзя отрицать, что он достиг широкой и заслуженной известности и разбогател, живя в своей убогой лачуге в Урбино, этих Афинах Италии, колыбели итальянского искусства и учености. А богатство является для многих неоспоримым доказательством человеческого достоинства. По мнению таких людей, Корвинус Трисмегит был человеком, заслуживающим уважения.

Его дом стоял на узкой улочке позади часовни Сан-Джованни, где разваливающиеся дома настолько сильно наклонялись друг к другу, что, будь они чуть выше, крыши сомкнулись бы в готическую арку, закрыв собой последнюю видимую полосу неба.

Эта часть города как нельзя лучше подходила для человека, живущего уединенной жизнью. Главные улицы Урбино сотрясались от топота вооруженных отрядов Чезаре Борджа, герцога Валентино и Романы, который в те дни был хозяином города, изгнав из него миролюбивого, склонного к наукам герцога Гуидобальдо. Но ничто не нарушало тишину этих плохо вымощенных, убогих кварталов, и Корвинус Трисмегит мог беспрепятственно продолжать свои занятия: толочь порошки и очищать эликсиры.

И люди со всех уголков Италии стекались туда, взыскав его помощи и советов. И туда же, в первый час светлой июньской ночи, через две недели после захвата Урбино войсками Чезаре Борджа, направилась в сопровождении двух конюхов синьорина Бьянка де Фиорованти. Эта девушка была дочерью знаменитого Фиорованти, повелителя Сан-Лео, крепости практически неприступной и единственной на территории Гуидобальдо, еще оказывавшей сопротивление непобедимому герцогу Валентино.

Небеса щедро одарили Бьянку. Она была молода, богата и носила громкое имя, а о ее красоте и образованности слагались песни. И тем не менее, несмотря на все эти дарования, оставалось что-то, чего ей не хватало и без чего все остальное не имело значения; нечто, заставившее ее, слегка испуганную, направиться к мрачному жилищу мага Корвинуса. Чтобы привлечь к себе меньше внимания, она надела маску и отправилась пешком в сопровождении всего лишь двух конюхов. А когда они добрались до нужной улочки, она велела потушить факел, который нес один из них. В темноте, двигаясь почти на

ощупь и спотыкаясь о булыжники мостовой, они подошли к двери чародея.

— Постучи, Таддео, — приказала она одному из слуг.

И тут, по ее словам, произошло первое из чудес, убедивших Бьянку в сверхъестественной природе способностей мага Корвинуса.

Не успел слуга сделать и шага в указанном направлении, как дверь внезапно отворилась, очевидно, сама по себе, и в открывшемся проходе возник статный нубиец в белом одеянии, державший в руке фонарь. Он поднял его выше, так, чтобы желтоватый свет озарил лица синьорины Бьянки и ее слуг. Но в этом, конечно, не было чуда. Чудо заключалось в другом: на самом крыльце, словно материализовавшись из тьмы, возникла высокая фигура, закутанная с головы до пят в черный плащ. Лицо человека скрывалось под черной маской. Незнакомец поклонился и жестом пригласил ее пройти в дом. Она в страхе отпрянула; придя туда, где творятся чудеса, и ожидая чудес, она считала вполне естественным увидеть их; ей не пришло в голову, что прибывший чуть раньше ее посетитель Корвинуса, в ответ на чей стук была открыта дверь, просто воздавал должное уважение ее полу и высокому положению.

Набожно перекрестившись и убедившись, что предполагаемый слуга черного мага не растаял и не исчез, девушка решила, что, по крайней мере, его природа не может быть демонической. Набравшись храбрости, она вошла внутрь, стараясь унять дрожь в коленях.

Предполагаемый слуга волшебника следовал за девушкой по пятам, вслед за ними — слегка испуганные конюхи, хотя синьорина Бьянка специально брала самых мужественных. Сумрак, жуткий господин в черном, ухмыляющийся белозубый нубиец со сверкающими белками глаз — все это неприятно подействовало на них.

Нубиец закрыл дверь и со скрежетом опустил металлический засов. Затем он повернулся к ним и учтиво спросил, чего они хотят. Девушка, сняв маску, ответила ему:

— Я Бьянка де Фиорованти и хотела бы видеть знаменитого мага Корвинуса Трисмегита собственной персоной.

Нубиец молча поклонился и, пригласив ее следовать за ним, направился вниз по длинному коридору, выложенному камнем; фонарь, качавшийся во время движения, отбрасывал желтоватые пятна света на мрачные стены. Сквозь тяжелую дубовую дверь, усеянную полированными шляпками огромных стальных гвоздей, в приемную. Пол этой пустой комнаты

был устлан сухим камышом, около стены стояла деревянная скамья, а на массивном столе неровно горела масляная лампа, из которой поднимался густой шлейф черного дыма, распространяя тяжелый запах.

Проводник махнул коричневой рукой в сторону скамейки.

— Здесь слуги могут подождать, синьорина, — сказал он.

Она кивнула и отдала короткое распоряжение конюхам. Они с видимым нежеланием повиновались ей. Затем нубиец отпер другую дверь, находившуюся в дальнем конце комнаты. С жутким скрежетом раздвинулись занавеси, за которыми открылось нечто, напоминающее на первый взгляд черную яму.

— Всемогуший Корвинус Трисмегит повелевает вам войти, — объявил он.

Несмотря на крепость духа, синьорина Бьянка отпрянула от двери. Ее взгляд был устремлен к черной дыре, и постепенно она стала различать кое-какие детали. Помня о значимости задуманного дела, предпринятого ею, девушка внутренне собралась и, переступив через порог, вошла в таинственную комнату.

За ней следом, все так же сохраняя молчание, прошел господин в маске. Она не придала этому значения, считая его одним из слуг волшебника; нубиец же, по богатству плаща и маске на лице, принял его за спутника девушки и не стал препятствовать.

Таким образом, они оба оказались в темной комнате. Позади вновь заскрежетали занавеси, и дверь захлопнулась, как будто закрылся склеп.

С колотящимся сердцем девушка огляделась вокруг. Полоска света неведомого происхождения на потолке едва позволяла разглядеть окружающую обстановку: три или четыре вместительных кресла, покрытых причудливой резьбой, и около стены простой деревянный стол, заваленный странными, чуть поблескивающими сосудами из стекла и металла. Окон не было. Вся комната, от потолка до пола, задрапирована черным, здесь было холодно, как в могиле, и присутствия чародея не ощущалось.

Бьянка присела в кресло, ожидая появления ужасного Корвинуса, и тут произошло второе чудо. Черный слуга волшебника исчез так же загадочно, как появился на крыльце, словно растворился во мраке, наполнявшем комнату.

У девушки перехватило дыхание, и как будто для того, чтобы уничтожить последние остатки ее самообла-

дания, посередине комнаты возникла огненная колонна, на мгновение ослепившая ее и заставившая вскрикнуть от испуга. Пламя столь же мгновенно исчезло, оставив в воздухе запах серы, и в комнате гулко прозвучало:

— Не бойтесь, Бьянка де Фиорованти. Я здесь. Что вам угодно?

Бедная ошеломленная девушка взглянула в ту сторону, откуда раздался голос, и увидела третье чудо.

Там, где был непроницаемый мрак, где, как ей казалось, комната оканчивалась стеной, ее глаза вдруг различили неясную фигуру человека, мало-помалу приобретающую все более четкие очертания. И ей не пришло в голову, что этот эффект мог быть вызван медленным возвращением к нормальному состоянию зрачка глаза, ослепленного недавней вспышкой.

Вскоре и человек, и окружавшая его обстановка стали видны вполне отчетливо. На небольшом столике лежала огромная раскрытая книга с пожелтевшими от времени страницами, и ее колоссальных размеров серебряные заставки поблескивали в лучах света, отбрасываемых старинной, греческого образца бронзовой лампой на высокой ножке, в которой горело какое-то ароматическое масло. У основания лампы жутко ухмылялся человеческий череп. Справа от столика стоял треножник, поддерживающий жаровню, в которой красноватой массой тлели древесные угли. У самого стола в кресле с высокой спинкой сидел человек в малиновом одеянии и шляпе, по форме напоминавшей перевернутую кастрюлю. Лицо его было худым, изможденным, с сильно выдающимся носом и скулами, лоб был узок и высок, рыжая борода раздваивалась, а глаза, устремленные на посетительницу и отражавшие свет искусно установленного источника, говорили о сверхъестественной проницательности хозяина дома.

Позади него виднелись тигель и перегонный куб, а выше располагались ряды полок, заставленных фиалами³, металлическими коробками и ретортами. Но эти предметы почти не произвели впечатления на Бьянку, потому что все ее внимание было сосредоточено на самом маге. Девушка была в полном смятении.

— Говорите, мадонна, — мягко подбодрил ее чародей. — Я здесь, чтобы исполнить вашу волю.

Эти слова слегка воодушевили ее, но воодушевили бы еще больше, найди она какое-либо объяснение его таинственному появлению. Наконец, все еще перепуганная, она нетвердо произнесла:

— Мне нужна ваша помощь, очень нужна.

— Все мои обширные познания к вашим услугам, мадонна.

— Они... они в самом деле обширны? — наполовину вопросительно, наполовину утвердительно выговорила она.

— Бескрайний оксан, — с достоинством отвечивал он, — своей шириной и глубиной не сравнится с моими знаниями. Что вам угодно?

Она полностью овладела собой, но шепетильность дела, с которым она пришла, не давала ей говорить смело, не запинаясь. Она начала издалека.

— Известны ли вам секреты замечательных лекарств, — спросила она, — эликсиров, которые воздействуют не только на тело, но, если потребуется, даже на саму душу?

— Мадонна, — спокойно ответил маг, — в моей власти остановить увядание, вызванное возрастом, заставить душу умершего возвратиться и таким образом оживить его тело. Думаю, такого ответа достаточно, поскольку по законам природы малое всегда составляет часть великого.

— Но можете ли вы, — она запнулась, но тотчас же, забыв о своих недавних страхах, поднялась и приблизилась к нему, — можете ли вы управлять любовью? Можете ли заставить холодного стать страстным, а безразличного — исполненным желания? Можете ли вы... можете ли вы все это?

Некоторое время он разглядывал ее.

— Это нужно вам? — с удивлением в голосе спросил он. — Вам или кому-то другому?

— Это нужно мне, — низким голосом ответила она. — Лично мне.

Он откинулся в кресле и вновь обвел взглядом ее бледное прекрасное лицо, низкий лоб, черные блестящие волосы, уложенные в золотую сетку, великолепные глаза, притягательный рот, мягкие очертания фигуры.

— У меня есть средство, необходимое вам, — медленно произнес маг, — но нет средства, могущего сравниться по силе с воздействием магии красоты, которой одарила вас природа. Разве он — этот человек, для завоевания которого вам необходима моя помощь, — может устоять перед очарованием этих губ и этих глаз?

— Увы! Он не думает о таких вещах. У него на уме лишь оружие и войны. Его единственная возлюбленная — честолюбие.

— Назовите его имя, — повелительно промолвил мудрец. — Как его имя и чем он занимается?

Она опустила взгляд. Легкая краска тронула ее щеки. Объятая внезапной тревогой, девушка колебалась. Однако она не решилась скрыть имя, опасаясь, как бы он не отказался помочь ей.

— Его имя, — нерешительно произнесла она в конце концов, — Лоренцо Кастрокаро, он урбинец, кондотьер, сражающийся под знаменем герцога Валентино.

— Кондотьер — и слеп к вашей красоте, к такому очарованию, как ваше, мадонна? — вскричал Корвинус. — Столь ненормальное создание, такая *lusus naturae** требует серьезной работы.

— Обстоятельства сложились не в мою пользу, — как бы защищаясь, объяснила она. — А на самом деле все против нас. Мой отец, повелитель Сан-Лео, — приверженец герцога Гуидобальдо, и, вполне естественно, мы редко видимся с теми, кто служит под знаменем нашего врага. Боюсь, наши пути могут разойтись, если только мне не удастся привлечь его внимание к себе, невзирая на все препятствия.

Хитроумный маг обдумал сказанное и затем вздохнул и произнес:

— Я вижу, здесь придется преодолеть большие трудности.

— Но сумеете ли вы помочь мне преодолеть их?

— Это будет дорого стоить, — сверкнув глазами, промолвил Корвинус.

— Ну так что ж? Неужели вы думаете, что цена будет иметь для меня значение?

Чародей выпрямился в кресле с видом оскорбленного достоинства и нахмурился.

— Поймите меня, — с некоторой суровостью произнес он. — Здесь не лавка, где продаются и покупаются вещи. Мои знания и мое искусство служат всему человечеству. Я их не продаю. Я свободно и бесплатно одариваю ими всех, кто в них нуждается. Но если я даю столь много, нельзя требовать, чтобы я давал еще и сверх этого. Снадобья, которые я получил со всех уголков земли, зачастую стоят очень дорого. Эту цену вы и заплатите, поскольку средство нужно именно вам.

— Итак, оно есть у вас! — охваченная внезапной надеждой, воскликнула она, хлопнув в ладоши.

Он утвердительно кивнул.

— Любовные эликсиры — вещь достаточно распростра-

* Игра природы (лат.).

ненная и легкая в приготовлении. Любая деревенская ведьма, занимающаяся колдовством и охотой за дураками, может смешать их. Но в деле, где надо преодолеть серьезные преграды и даже, возможно, придется использовать вашу естественную привлекательность, требуется средство необычайной силы. Оно у меня есть, хотя и в небольшом количестве. Его главная составляющая — вытяжка из мозга птицы *avis rarissima**, и ничто в мире нельзя достать с большим трудом.

Дрожащими пальцами Бьянка нащупала на поясе тяжелый кошелек и бросила его на стол. Он шлепнулся рядом с ухмыляющимся черепом, и таким образом два самых мужественных повелителя жизни — Смерть и Золото — оказались рядом.

— Пятьдесят дукатов, — возбужденно выдохнула она. — Этого хватит?

— Возможно, — демонстрируя всем своим видом полное безразличие, ответил он. — Если немного и не хватит, я сам добавлю недостающее. — И выразительным движением пальца, красноречиво свидетельствующим о его презрении к золоту, он отодвинул кошелек в сторону.

Она попробовала протестовать, но маг великодушным жестом остановил ее возражения. Он встал с кресла, и Бьянка увидела на нем широкий черный пояс с вышитыми золотом знаками зодиака. Подойдя к полкам, маг снял с одной из них бронзовый сундучок, открыл его и извлек крошечный сосуд — закупоренную тонкую маленькую трубочку. В ней играло на свету темно-янтарное зелье, от силы дюжина капель.

— Вот, — сказал маг, — мой *elixirium augeum*, золотой эликсир, — легко растворимое и не имеющее запаха вещество. Этой дозы будет достаточно для вашей цели.

И резким движением протянул ей сосуд.

Но не успела она притронуться к нему, как чародей повелительным жестом остановил девушку.

— Выслушайте меня, — внушительно произнес он, в упор глядя на нее сверкающими глазами. — К этому золотому эликсиру вы добавите две капли вашей крови — ни больше ни меньше, а затем вольете в вино, которое будет пить синьор Лоренцо. Вы сделаете это при растущей Луне, и тогда его страсть будет расти и усиливаться в той же пропорции, в которой прибывает Луна. И не успеет Луна пойти на убыль, как Лоренцо

* Редкая птица, обитающая в Африке (лат.).

Кастрокаро будет ваш. Он придет к вам, даже если ему понадобится обойти всю землю, и станет вашим покорным и преданным рабом. Сейчас самое подходящее время. Идите и сделайте себя счастливой.

Бьянка взяла сосуд и рассыпалась в благодарностях. И снова повелительным жестом и суровым взглядом маг прервал девушку. Он ударил в небольшой гонг. Послышался звук открываемой двери. Со скрежетом распахнулись занавеси, и на пороге открывшейся двери согнулся в поклоне нубиец в белом одеянии.

Синьорина Бьянка, в свою очередь, поклонилась великому чародею и вышла из комнаты. Нубиец же оставался на пороге, ожидая человека, который пришел вместе с ней. Однако Корвинус, не подозревая о причине, заставившей слугу задержаться, велел ему удалиться, после чего занавеси были вновь задернуты и дверь закрыта.

Оставшись один, волшебник сбросил маску величественного безразличия ко всему земному и проявил вполне человеческий интерес к оставленному синьориной Бьянкой кошельку. Он высыпал монеты на раскрытую магическую книгу и стал перебирать их, посмеиваясь в рыжую бороду. И тут из глубины комнаты послышался презрительный смехок.

Корвинус инстинктивно прикрыл руками золото, поднял глаза, и от того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Прямо перед ним возникла фигура в черном: шляпа, плащ и даже лицо и сверкающие глаза — все было черным.

Весь во власти страха, куда более сильного, чем тот, который внушал другим, дрожащий и побелевший, чародей неотрывно глядел на жуткий призрак, предполагая, и не без оснований, что сатана явился наконец-то за тем, кто ему служил. Корвинус попытался было заговорить с привидением, но мужество изменило ему, и он не смог связать и двух слов. С невнятным бормотанием он упал в кресло, ожидая неминуемой смерти и вслед за ней, поскольку ему было хорошо известно, чего он заслуживал, неизбежных адских мучений.

Привидение приблизилось на расстояние вытянутой руки и произнесло насмешливым, однако, без сомнения, спасительно-человеческим голосом:

— Мое почтение, трижды маг!

Корвинусу потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что его посетитель был всего-навсего простым смер-

тым, и еще некоторое время, чтобы самообладание, хотя бы отчасти, вернулось к нему.

— Кто вы? — воскликнул маг. Он пытался унять дрожь в голосе, но пережитый только что страх был сильнее.

Неожиданный гость распахнул плащ, и взору волшебника предстала изящная фигура, облаченная в темный бархат, расшитый золотыми арабесками¹. С пояса, украшенного крупными пылающими рубинами, свешивался длинный тяжелый кинжал, ножны и рукоятка которого были богато отделаны золотом. На тыльной поверхности черных бархатных перчаток сверкали, словно капли воды, алмазы, довершая сумрачное великолепие наряда незнакомца. Он сорвал рукой свою маску, и за ней открылось благородное лицо Чезаре Борджа, молодого герцога Валентино и Романы.

Корвинус мгновенно узнал его, и тут же у него мелькнула мысль, что, возможно, было бы лучше, если бы на месте его посетителя все же оказался дьявол.

— Синьор! — в глубоком изумлении воскликнул смущенный маг. — Как вы здесь оказались?

— Мне тоже кое-что известно о магии, — ответил герцог с усмешкой, поскольку вся его магия заключалась лишь в том, чтобы войти в дом в качестве сопровождающего синьорины Бьянки де Фиорованти, а затем неслышно скользнуть за черные шпалеры, которыми мессер Корвинус завесил стены.

Истинная цена магии была, без сомнения, хорошо известна Корвинусу, поэтому он ни на секунду не мог предположить, что герцог оказался в его доме, используя сверхъестественные средства. Нубийца следовало немедленно допросить с пристрастием и, если потребуется, выпороть. Однако все внимание сейчас надо было уделить герцогу. Корвинус, хотя он и испытывал некоторую неловкость, прибегнул к наглости, чтобы скрыть минутное замешательство. Улыбнувшись столь же загадочно, как и герцог, он быстрым движением ссыпал золото в кошелек, не удостоив вниманием упавшую на пол монету, и отодвинул кошелек в сторону.

— Между моей магией и вашей, синьор, есть некоторая разница, — с лукавым намеком сказал он.

— Иначе меня здесь бы не было, — ответил герцог и внезапно перешел к делу, которое привело его сюда. — Говорят, у вас есть эликсир, способный возвращать к жизни умерших.

— И совершенно справедливо говорят, синьор, — не моргнув глазом, отвистил чародей.

— Вы опробовали его? — поинтересовался Чезаре.

— Три года назад на Кипре я вернул к жизни человека, который был к этому времени уже два дня, как мертв. Он до сих пор жив и может подтвердить сказанное.

— Мне достаточно вашего слова, — сказал герцог с иронией, настолько тонкой, что Корвинус не был убежден, имела ли она место вообще. — Несомненно, вы в случае необходимости сможете доказать его действие на себе?

Корвинус похолодел, однако заставил себя твердо сказать:

— При необходимости я сделаю это.

Герцог вздохнул, словно ответ удовлетворил его, и Корвинус вновь воодушевился.

— У вас есть эликсир?

— Достаточно, чтобы вернуть к жизни одного человека, но не больше. Это крайне редкий и очень ценный состав, и весьма дорогой, как вы понимаете, ваше высочество.

— Полученный, несомненно, из мозга какой-нибудь редкой африканской птицы? — с насмешкой спросил герцог.

— Не совсем так, ваше высочество, — невозмутимо ответил маг. — Он получен из...

— Неважно, — перебил герцог. — Дайте мне его!

Волшебник поднялся, подошел к своим полкам и после долгих поисков извлек небольшой фиал, наполненный кроваво-красной жидкостью.

— Вот он, — сказал маг, повернул сосуд к свету, так что его содержимое засверкало как рубин. — Разожмите зубы умершего и влейте эликсир ему в глотку. Мертвец оживет в течение часа, но при условии, что его тело будет предварительно согрето около огня.

Чезаре взял фиал и задумчиво посмотрел на него.

— Может ли он не подсытьствовать? — спросил герцог.

— Исключено, ваше высочество, — ответил маг.

— Невзирая на время наступления смерти?

— Да, если только все жизненно важные органы целы.

— Может ли он победить смерть, вызванную отравлением?

— Независимо от природы яда он растворит и рассеет его, как укус растворяет жемчуг.

— Превосходно, — воскликнул герцог, улыбаясь своей холодной испроницаемой улыбкой. — А теперь другой вопрос, трижды маг, — и он задумчиво потерев пальцами свою каштановую бороду. — По Италии ходят слухи, без сомнения, распространяемые вами с целью расширения вашей шарлатанской торговли, что принц Джем был

отравлен папой, причем ядом, столь тонким и чудесным, что прошел целый месяц, прежде чем он подействовал и турок умер⁶. И этим ядом его снабдили вы.

Герцог умолк, и Корвинус вновь содрогнулся, таким угрожающим был тон его посетителя.

— Клевета, ваше высочество. Я не имел дела с папой и не снабжал его ядами. Мне неизвестно, каким образом умер мессер Джем, и я никогда не говорил, что знаю что-либо об этом.

— Откуда тогда появилась эта история и почему в ней фигурирует ваше имя?

Корвинус поспешил с объяснениями, а объяснения были товаром, который у него всегда имелся в избытке.

— Видите ли, я владею секретом подобного яда, и кое-кто спрашивал его у меня. Зная, что яд у меня есть, и услышав, что принц Джем был отравлен похожим ядом, простолюдины сделали, как всегда, нелогичные выводы.

Чезаре улыбнулся.

— Все это очень убедительно, Трисмегит, — серьезно заметил герцог. — Вы утверждаете, что у вас такой яд есть. Пожалуйста, скажите, каково его происхождение?

— Ваше высочество, это секрет.

— Ну и что? Я желаю знать его и спрашиваю об этом вас.

В его словах не было гнева, но они принуждали к ответу сильнее, чем гнев, и Корвинус не пытался более сопротивляться:

— Он состоит главным образом из сока сатарисе*, превращенного в порошок цвета яичного желтка, но приготовить его непросто.

— Есть он у вас сейчас?

— Вот здесь, ваше высочество.

И из того же бронзового сундука, откуда чуть раньше извлек золотой эликсир, он вытащил крошечную кедровую коробочку, открыл ее и поставил перед герцогом. Коробочка содержала желтоватый порошок.

— Достаточно дать одну драхму⁷ этого вещества человеку, чтобы он умер через тридцать дней, две драхмы подействуют по истечении половины этого срока.

Чезаре понюхал состав и с сардонической улыбкой произнес:

— Я хочу провести эксперимент. Сколько здесь?

— Две драхмы, ваше высочество.

* Разновидность молочая (англ.).

Герцог протянул коробочку Корвинусу.

— Проглотите это.

Маг в испуге отпрянул назад. Испытываемый им ужас был настолько силен, что почти с искренней верой в голосе он воззвал:

— Боже!

— Проглотите это, — не повышая голоса, повторил Чезаре.

Корвинус моргнул.

— Вы хотите, чтобы я умер, синьор?

Слова застревали у него в горле.

— Умер? Неужели вы, трижды маг, считаете себя смертным? Вы, великий Корвинус Трисмегит, чьи знания глубоки и обширны, как бескрайний океан, вы, кто столь мало подвержен болезням и увяданию плоти и уже прожил две тысячи лет? Или же сила этого порошка такова, что может умертвить даже бессмертного?

Только теперь Корвинус начал понимать истинную цель визита Чезаре. На самом деле именно он, Корвинус, распустил слух об отравлении принца Джема и хвастался, что лично снабдил семью Борджа знаменитым ядом, который по истечении такого большого промежутка времени убил брата турецкого султана Баязида. Разумеется, после этого он получил колоссальный доход от продажи вещества, являвшегося, по его утверждению, тем самым ядом и называемого им *veleno a termine*^{*}. Яд оказался на редкость удобным для жен, страстно желающих поменять своих мужей, и для мужей, уставших от своих жен. Теперь же Чезаре, узнав об этом, явился, чтобы наказать клеветника. А Корвинус, несмотря на обширность своих знаний, действительно верил в замечательную способность яда убивать по истечении значительного времени. Рецепт яда был обнаружен им в старинном манускрипте вместе с другими подобными рецептам и он поверил в него столь же слепо, как люди Чинквеченто⁸ во все силы магов и колдунов.

Зловещая насмешливость герцога, необычное ощущение покорности его воле наполнили душу Корвинуса суеверным страхом.

— Ваше высочество... увы!.. Боюсь, все может оказаться именно так, как вы говорите! — вскричал он.

— Пусть так, но чего вам опасаться? Полно, вы шутите! Разве вы не говорили, что этот эликсир возвращает

* Яд, действующий через определенный промежуток времени (ит.)

жизнь мертвым? Обещаю лично проследить за тем, чтобы вам его дали, когда вы умрете. Итак, смелей, глотайте при мне порошок и позаботьтесь умереть ровно через две недели, или, клянусь спасением своей души, я прикажу повесить вас, как самозванца, без права воспользоваться вашим спасительным снадобьем.

— Боже! Синьор! — простонал несчастный.

— Теперь послушайте меня, — сказал герцог. — Если этот порошок подействует так, как вы сказали, то эликсир будет влит вам в глотку и вернет вас к жизни. Если вы умрете раньше, то так и останетесь мертвецом, а если же порошок вообще не подействует, тогда я повешу вас и все узнают правду об этом деле и о распущенном вами слухе относительно смерти принца Джема, на чем вы так успешно сколачивали себе капитал. Попробуйте только отказаться, и тогда...

Герцог сделал выразительный жест.

Корвинус взглянул в прекрасные безжалостные глаза герцога и понял, что попытки избежать своей участи болес чем тщетны. Следовало пойти на риск и принять порошок, поскольку виселице, как правило, предшествовала еще и дыба. Кроме того, он немного разбирался в медицине и знал, что можно спастись, применив вовремя рвотное.

Дрожащими руками Корвинус взял порошок.

— Позаботьтесь не рассыпать, — предостерег его Чезаре, — иначе, трижды маг, о вас позаботится палач!

— Синьор, синьор! — вытаращив глаза, дрожащим голосом умолял несчастный чародей. — Пощадите! Я...

— Яд или веревка, — отрезал герцог.

Подбадривая себя мыслью о рвотном, Корвинус поднес край коробочки к своим пепельно-серым губам и высыпал в рот ее слегка затхлое содержимое, в то время как Чезаре внимательно наблюдал за ним. Когда все было сделано, испуганный маг рухнул в кресло.

Герцог тихо рассмеялся, надел маску и, запахнув широкий плащ, направился к занавесям, скрывающим дверь.

— Спите спокойно, трижды маг, — насмешливо произнес он. — Я не подведу вас.

Увидев, как уверенный в себе, беззаботный и неустрашимый герцог уходит, Корвинус почувствовал приступ ярости и жгучее желание свести счеты с Чезаре, призвав на помощь нубийца. С этой мыслью он и ударил в свой гонг. Но не успел еще затихнуть звук, как он передумал. Ведь если он и в самом деле отравился, это не спасет его, а чем скорее герцог уйдет, тем скорее Корвинус

сможет воспользоваться рвотным, оставшимся теперь его единственной надеждой.

Занавеси раздвинулись, и появился нубиец. Чезаре помедлил на пороге и все так же насмешливо бросил через плечо на прощание:

— Всего хорошего, трижды маг.

А Корвинус сломя голову ринулся к своим полкам в поисках рвотного, яростно проклиная герцога Валентино и все семейство Борджа.

II

Когда нубиец отворил дверь, выпуская герцога из дома чародея, он вдруг почувствовал на шее стальную хватку, а возле уха раздался пронзительный свист.

Тихая и безлюдная улочка мгновенно ожила. Повинуясь сигналу герцога, из соседних домов к нему со всех ног поспешили его люди. Двоим он передал извивающегося нубийца, другим отрывисто скомандовал:

— Туда! — и махнул рукой в сторону уходящего вниз коридора. — Взять его!

Вечером ему доложили, что мессер Корвинус был схвачен в момент приготовления лекарства.

— Без сомнения, противоядие, — сказал Чезаре офицеру, явившемуся с докладом. — Вы уехали вовремя и тем самым обеспечили чистоту эксперимента. Этот Корвинус — порочный и бесчестный человек. Подберите для его охраны людей, которым можно доверять, и держите его в строгом заключении, пока не получите от меня дальнейших распоряжений.

Затем Чезаре собрал совещание, на которое пригласил своих капитанов: вснецианца Мигеля да Кореллу, форлийца ди Нальди, губернатора Романьи Рамиро де Лорку, одноглазого делла Вольпе и Лоренцо Кастрокаро.

Этот последний был высоким, хорошо сложенным молодым человеком с золотистыми волосами и красивыми мечтательными темно-голубыми глазами. Он был великолепно одет и, очевидно, гордился своей выправкой. Чезаре питал к нему уважение, ценя его храбрость, изобретательность и честолюбие. В тот вечер, однако, он по-иному разглядывал его, памятуя о подслушанном у мага разговоре.

Герцог пригласил капитанов занять места за столом и

потребовал от делла Вольпе доклада о положении осажденной крепости Сан-Лео, которую ему было поручено взять.

Смуглое лицо ветерана помрачнело. Своим единственным глазом он избегал встречаться с пронизательным взглядом Чезаре.

— Мы ничуть не продвинулись, — тяжело вздохнув, наконец признался он, — и не можем продвинуться. Как вашему высочеству известно, Сан-Лео — не та крепость, которую можно взять приступом. Она стоит, как монумент, на самой вершине горы, и к ней ведет тропа, на всем протяжении которой нет ни одного укрытия. И хотя крепость защищают, говорят, чуть больше двух десятков человек, не хватит и тысячи, чтобы взять ее. Что касается артиллерии, то проще было бы установить батарею на скрипичной струне.

— И тем не менее, пока Сан-Лео не будет в наших руках, мы не можем считать себя полными хозяевами в Урбино, — заявил герцог. — Нельзя оставлять столь сильное укрепление Фиорованти.

— Тогда их придется уморить голодом, — сказал делла Вольпе.

— И на это уйдет по меньшей мере год, — вставил Корелла. — Для такого количества ртов у них в изобилии пшеницы, достаточно других припасов и есть колодец с водой.

— Ходят слухи, — продолжил делла Вольпе, — что синьор Фиорованти болен и за его жизнь серьезно опасаются.

— В Венеции, разумеется, скажут, что это я отравил его, — ухмыльнувшись, произнес Чезаре. — Но даже его смерть ничего не даст нам. Толентино, кастелян⁹ замка, займет его место, а Толентино еще более упрям. Надо заставить их сдаться. А пока, Таддео, будь бдителен и никого не пропускай по тропе.

Делла Вольпе согласно кивнул.

— Я предпринял все возможные меры, — сказал он.

После его слов молодой Кастрокаро пошевелился в своем кресле и облокотился о стол.

— Простите, — произнес он, — но этих мер может быть недостаточно.

Делла Вольпе нахмурился и презрительно оскалился на молодого петушка, осмеливающегося учить выдавшего виды старого капитана искусству осады.

— В Сан-Лео можно проникнуть другим путем, — заявил Кастрокаро, чем привлек к себе внимание при-

существующих, особенно герцога, в чьих глазах засветилось неподдельное любопытство.

В ответ на такой интерес к своей персоне Кастрокаро уверенно улыбнулся.

— По этой тропе не сможет пройти группа людей, — продолжил он, — по ней может пробраться одинокий смельчак и доставить послание и даже провизию в крепость. Отряду делла Вольпе надо взять в кольцо всю скалу, чтобы быть уверенным, что туда никто не проскользнет.

— Вы уверены в том, что говорите? — отрывисто спросил герцог.

— Абсолютно! — откликнулся Кастрокаро и улыбнулся. — Тропинка, о которой я говорю, проходит по южной части скалы. Она опасна даже для коз, однако мальчишкой я частенько пользовался ею — куда чаще, чем говорил об этом своей матушке. В поисках орлиных гнезд я много раз добирался до небольшой площадки, расположенной на южной стороне, у самого подножия стены. Чтобы оттуда пробраться в замок, понадобится всего лишь веревка и абордажный крюк, поскольку в этом месте стена на удивление низкая — не более двенадцати футов.

Некоторое время герцог молча рассматривал молодого солдата.

— Я учту это, — наконец произнес он. — Благодарю вас за сообщение. Делла Вольпе, вы слышали? Окружите скалу солдатами.

Делла Вольпе поклонился, и на этом совещание закончилось.

На следующее утро Чезаре Борджа вызвал Кастрокаро к себе. Он принял молодого кондотьера в величественной дворцовой библиотеке, просторные залы и высокие потолки которой украшали восхитительные фрески Мантеньи¹⁰, стены были увешаны дорогими гобеленами и золотой парчой, а ряды полок уставлены внушительными манускриптами. И хотя недавнее немецкое изобретение — печатный станок — уже работало, герцог Гуидобальдо не позволял ни единому образцу вульгарной продукции этой машины осквернить свое великолепное и бережно хранимое собрание.

За столом, заваленным бумагами, сидел за работой секретарь герцога Агапито Герарди.

— Вы знакомы, — обратился герцог к Кастрокаро, — с синьориной Бьянкой, дочерью Фиорованти, синьора Сан-Лео, не так ли?

От изумления щеки молодого человека слегка зарделись.

и голубые глаза, избегая взгляда герцога, обратились к летнему небу, видимому сквозь распахнутое настежь окно.

— Я в некоторой степени имею честь быть знакомым с ней, — ответил он, и по его виду и тону Чезаре заключил, что золотой эликсир чародея едва ли требовался в этом случае так срочно, как на том настаивала Бьянка. Он мягко улыбнулся.

— Вы сможете продолжить это знакомство, если того желаете.

Молодой человек высокомерно вскинул голову.

— Я не вполне понимаю вас, ваше высочество, — произнес он.

— Я разрешаю вам отлучиться, — объяснил герцог, — чтобы лично передать синьорине Бьянке известие о том, что ее отец в Сан-Лео серьезно болен.

Однако молодой человек, как и всякий влюбленный, был начеку.

— Для чего все это, ваше высочество? — надменным тоном поинтересовался он.

— Как для чего? Мы ведь христиане, и... — герцог немного понизил голос, придав ему доверительный тон, и сдержанно улыбнулся, — разве вам самому визит не доставит удовольствия? Однако, если последнее вам безразлично, сообщение о болезни ей может передать любой посланник.

Кондотьер смущенно поклонился.

— Благодарю вас, ваше высочество, — сказал он. — Мне можно идти?

Герцог кивнул.

— Явитесь ко мне по возвращении. Для вас могут найтись и другие поручения, — сказал он и с этими словами отпустил кондотьера.

Часом позже несколько возбужденный Кастрокаро вернулся в дворцовую библиотеку, желая срочно видеть герцога.

— Синьор, — дрожа от нетерпения, вскричал он. — Я передал ваше сообщение и теперь хотел бы просить о милости. Узнав о постигшем ее несчастье, синьорина Бьянка стала умолять меня выписать ей пропуск, чтобы беспрепятственно миновать расположение войск дельла Вальпе и встретиться со своим отцом.

— А вы? — резко воскликнул герцог, нахмурив брови.

Молодой капитан отвел взгляд. Он был явно обескуражен и смущен.

— Я ответил, что не в моей власти отдать подобный

приказ, но... но я попрошу об этом ваше высочество. Я уверен, что вы не станете препятствовать желанию дочери быть рядом со своим больным отцом.

— Вы слишком уверены, — мрачно произнес Чезаре, — и ваши обещания неосмотрительны. Поспешность еще никогда и никому не помогала достигнуть величия. Запомните это.

— Но она так удручена, — запротестовал Лоренцо.

— Ну да, — сухо ответил герцог. — И она обошлась с вами так любезно, так нежно глядела на вас и угощала таким сладким вином, что у вас не хватило сил отклонить ее робкую просьбу.

Внимательно наблюдавший за кондотьером Чезаре отметил, что при упоминании о вине глаза молодого человека сверкнули, и был этим удовлетворен.

— За мной шпионили? — возмущился Лоренцо.

Чезаре пожал плечами и не снизошел до ответа.

— Вы можете идти, — резко сказал он, давая понять, что разговор окончен.

Но Лоренцо был настроен решительно и не спешил подчиняться.

— А как же разрешение для синьорины Бьянки? — спросил он.

— Никто не должен проникнуть в Сан-Лео, — последовал холодный ответ. — Я сожалею, что вынужден отказать вам, но во время войны необходимость — превыше всего.

Раздосадованный и удрученный, кондотьер поклонился и ушел. Окончательно убедившись в невозможности выполнить обещание, данное Бьянке за чашей вина, которую она сама поднесла, он теперь не осмелился вновь появиться перед ней. Вместо этого он отправил к девушке пажа с неутешительным известием о решении герцога.

Однако Чезаре Борджа проявил непоследовательность. Едва Кастрокаро удалился, он тут же повернулся к своему, одетому в черное секретарю.

— Напишите приказ делла Вольпе, — сказал он. — Если синьорина Бьянка де Фиорованти попробует незаметно прокрасться через позиции его войск в сторону Сан-Лео, ей никто не должен препятствовать.

При этих словах на круглом лице Агапито отразилось изумление. Но глядевший на него Чезаре тонко улыбнулся, и, зная своего господина и эту улыбку, Агапито понял, что герцог задумал одно из своих хитроумных предприятий, цель которых никто не мог понять до тех пор, пока оно

не оказывалось достигнутым. Он склонился над столом, и его перо проворно заскрипело по бумаге.

В ту же ночь предусмотрительная Бьянка поступила так, как предполагал герцог. В темноте она проскользнула мимо часовых Борджа и с рассветом оказалась в Сан-Лео. В Урбино об этом никому не было известно. Ее дворец, как обычно, был открыт для посетителей, которым сообщали, что синьорита нездорова. И Лоренцо Кастрокаро предположил, что она сердита на него за невыполненное обещание, и стал на удивление окружающим молчалив и угрюм.

Когда на второй день после ее побега пришло известие о смерти Фиорованти, Кастрокаро был отправлен к герцогу Чезены с миссией, которая могла быть с успехом выполнена офицером куда более низкого ранга. Через десять дней ему было велено срочно возвращаться, и, прибыв в Урбино, весь в пыли, он тотчас же явился, как того требовал приказ, к герцогу, чтобы передать ему депеши.

У герцога в это время собрался военный совет.

— Вы вернулись очень кстати, — приветствовал герцог кондотьера Лоренцо, отодвинув в сторону привезенные им бумаги, словно они не имели никакого значения. — Мы здесь собрались, чтобы обсудить, как сломать сопротивление Сан-Лео, оборону которого теперь возглавил Толентино. Именно вы, Лоренцо, можете сделать это.

— Я? — воскликнул молодой воин.

— Садитесь, — велел Чезаре, и Кастрокаро занял свое место за столом. — Слушайте. Вы должны понять, что я вам ничего не приказываю, поскольку ни одному ценимому мною офицеру я не могу приказывать подвергнуть свою жизнь опасности. Я хочу всего лишь рассказать вам наш план.

Кондотьер кивнул в знак понимания и устремил взгляд своих голубых глаз на герцога.

— Вы говорили нам, — продолжал Чезаре, — о существовании малоизвестного пути в Сан-Лео. Вы также говорили, что, добравшись до площадки на южной стороне горы, можно с помощью веревки и абордажного крюка проникнуть в крепость. Предположим, что это удалось бы сделать. Затем можно было бы убрать часового, застав его врасплох, прокрасться к воротам и снять засовы, тогда все остальное не составило бы труда. Солдаты дела Вольпе тем временем скрытно поднялись бы по тропе, ведущей в крепость, и ждали бы сигнала, чтобы ворваться через незапертые ворота в крепость. Таким образом, Сан-Лео был бы захвачен с малыми потерями.

Кондотьер Лоренцо погрузился в размышления, а герцог не сводил с него глаз.

— Это хитрый план, — одобрительно сказал наконец Лоренцо. — В то же время его нетрудно исполнить тому, кто знает скалу и саму крепость.

— Разумеется, только при таком условии, — согласился Чезаре и снова устремил взгляд на молодого человека.

Лоренцо выдержал этот взгляд со свойственным ему самообладанием и тихо произнес:

— Я пойду и, если небеса помогут мне, сделаю все.

— Вам известна цена неудачи? — спросил Чезаре.

— О ней нетрудно догадаться. Веревка или прыжок со скалы.

— Что ж, тот, кто рискует, должен знать не только то, что он может потерять, но также и то, что может выиграть, — сказал герцог. — Поэтому позвольте сообщить вам, что в случае успеха вы станете комендантом крепости и получите жалованье в десять тысяч дукатов.

Лоренцо покраснел от удовольствия. Его глаза вспыхнули, а голос по-юношески зазвенел:

— Я не подведу вас. Когда велите отправляться?

— Завтра ночью. Пока отдыхайте и готовьтесь. Итак, синьоры, будем надеяться, что нам удастся решить задачу, заданную нам Сан-Лео.

III

Много из произошедшего так и осталось непонятным для кондотьера Кастрокаро, ибо он ничего не знал о событиях той ночи, когда герцог нанес визит Корвинусу Трисметиту. Выбор именно его для осуществления задуманного свидетельствует о замечательном умении Чезаре разбираться в людях и находить для каждой задачи наиболее подходящий инструмент.

Проницательность Чезаре Борджа, проявлявшаяся им в безошибочном выборе исполнителей своих замыслов, была высоко оценена Макиавелли, который посвятил герцогу одну из глав своего труда «Государь». Он пишет: «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он сумел распознать их способности и удержать их преданность». Таким образом, Макиавелли написал не больше, чем мог бы написать сам Чезаре.

возьмись он философствовать, вместо того чтобы заниматься практикой.

Герцог выбрал хотя и самого молодого, но наиболее подходящего для этого рискованного дела офицера.

На другой день, после полудня, капитан Лоренцо Кастрокаро, хорошо отдохнувший и набравшийся сил, выехал из Урбино в сопровождении полудюжины солдат и направился к лагерю делла Вольпе под Сан-Лео. Ближе к вечеру он без помех добрался туда и, поужинав в компании командира, приготовился к выполнению задуманного плана. Он облачился во все черное, чтобы быть не столь заметным при подъеме, надел под камзол кольчугу, которая была настолько тонкой, что умещалась на двух сложенных вместе ладонях, вооружился шпагой и кинжалом, опоясался веревкой, к которой прикрепил абордажный крюк с двумя зубцами, очень широкий в том месте, где загибались зубцы, и плотно обмотал его соломой.

Он условился с делла Вольпе, чтобы тот во главе пятидесяти человек незаметно подкрался по тропе к крепости и ждал, когда Кастрокаро откроет ворота.

Стояла ясная летняя ночь, с неба светила полная луна, и на многие мили вокруг все было видно как на ладони. Это благоприятствовало осуществлению первой части плана, а к полуночи, когда Лоренцо рассчитывал оказаться около вершины, луна уже начнет опускаться за горизонт.

В девять часов вечера он начал подъем на обрывистый утес, вершину которого, словно капитальную колонну, венчала крепость, серые стены и башни которой сейчас были залиты лунным светом. Поначалу он мог карабкаться вверх достаточно быстро, однако вскоре склон стал круче, точек опоры стало гораздо меньше, а кое-где они совсем исчезли, и Лоренцо стал двигаться медленнее, с предельной осторожностью, продвижение замедлилось.

Он не испытывал ни колебаний, ни сомнений. Прошел добрый десяток лет с тех пор, как мальчишкой он взбирался на эти горы, но память детства прочна, и он поднимался так же уверенно, будто проделывал это последний раз вчера. Он помнил каждый незначительный выступ скалы, каждую трещину, куда можно было поставить ногу, и был готов преодолеть каждую расщелину.

За час он прошел едва ли треть пути, а самая трудная часть была еще впереди. Он уселся на широком, покрытом травой выступе, чтобы перевести дыхание. Внизу на многие мили расстилалась освещенная луной равнина Эмилии,

далеко к востоку отливала серебром гладь моря, а на западе возвышались сверкающие снежные вершины Апеннин. Над ним нависала серая скала, обрывистая и гладкая, как стены продолжавшей ее крепости, и подъем по ней обескуражил бы самого отважного горца. Лоренцо знал, что сейчас его ожидало главное испытание этой ночи. По сравнению с ним все остальное: перелезть через крепостную стену, заколоть одного-двух часовых и открыть ворота — казалось делом относительно простым и безопасным. Здесь же один неверный шаг, мимолетная волна страха или секундное головокружение ведут к неминуемой гибели.

Он поднялся, коротко помолился святому Лоренцо, своему небесному покровителю, и продолжил восхождение. Распластавшись по поверхности скалы, он прополз по узкому выступу и добрался до другого, более широкого. Здесь он остановился, чтобы еще раз перевести дух. Он был рад, что этот участок остался позади, поскольку подъем теперь стал на некоторое время легче.

Опасаясь, что шпага может помешать ему, он отцепил ее и швырнул в пропасть. Жаль было расставаться с оружием, но он понимал, что подвергнется большой опасности, оставив его при себе. Затем, сделав глубокий вдох и собравшись с силами, он прыгнул через черный провал пропасти, ориентируясь на чахлое деревце, которое росло на другой стороне. Он уцепился за хрупкое растение руками и ногами, как обезьяна, моля Бога, чтобы оно выдержало его вес. Однако дерево оказалось крепким, и, держась за него руками, он нащупал под собой опору для ноги, сделал шаг и очутился в узкой расщелине, поднимавшейся вверх футов на двадцать. Как червяк, он пополз вдоль нее, упираясь руками и ногами в стенки.

Расщелина наконец кончилась, и он смог дать себе отдых. Прижавшись грудью к скале, обливаясь потом и задыхаясь, он оглядывался по сторонам и, увидев бездонную темноту под собой, содрогнулся и крепче ухватился своими сбитыми руками за скалистые выступы. Половина пути осталась позади, но ему понадобилось еще немало времени, прежде чем он смог заставить себя продолжить подъем.

В одном месте, где тропинка сузилась до нескольких сантиметров, прямо над его головой с резким шумом рванулась огромная птица и исчезла внизу. Он так испугался, что чуть было не выпустил камни, за которые цеплялся обеими руками. Примерно за час до полуночи, когда луна села, он оказался в кромешной тьме. Его отважную душу обуял страх, и довольно долго он был

не в состоянии пошевелить ни одним мускулом. И только когда его глаза привыкли к мраку и начали различать кое-что вокруг, мужество вернулось к нему. Ночь была звездная, и предметы, находящиеся вблизи, различались достаточно хорошо.

Около полуночи, совершенно изможденный, с кровоточащими пальцами, в порванной одежде, он оказался наконец на просторной площадке у самого подножия южной стены замка. Ни за какие богатства в мире он не согласился бы возвращаться тем же самым путем. Растянувшись у подножия скалы, он шептал благодарственные молитвы за свою удачу, поскольку считал чудом, что ему удалось достичь своей цели живым.

Он взглянул вверх на мерцавшие звезды, на переливавшуюся гладь Адриатического моря. Прямо над головой слышались мерные шаги расхаживающего по стене часового. Часовой трижды обошел стену, и лишь затем, когда звук шагов стал удаляться, Кастрокаро встал, испытывая некоторую жалость к солдату, чью душу ему придется этой ночью освободить от ее земной оболочки.

Он размотал веревку, обвивавшую тело, отступил назад и, раскрутив крюк, швырнул его через стену. Крюк пролетел между двумя зубцами и, мягко ударившись о кладку — предусмотрительно намотанная солома заглушила стук, — упал.

Кастрокаро потянул за веревку, надеясь, что зубья зацепятся за какой-либо выступ или трещину, но крюк переполз через стену и возвратился к его ногам. Второй бросок оказался также неудачным, и лишь после третьей попытки крюк зацепился. Чтобы удостовериться в надежности приспособления, Кастрокаро всем весом налег на веревку, но крюк держался прочно. Приближающиеся шаги заставили его затаиться. Когда часовой удалился, Кастрокаро полез на стену. Пользуясь матросским приемом — поднимаясь на руках, а ногами упираясь в стену, — он быстро оказался на самом верху и там, встав на колени, спрятался между зубцов. Он пристально посмотрел вниз, в черноту двора. Все было тихо. Ни один звук не нарушал покоя крепости, кроме равномерной поступи часового, который, как оценил Лоренцо, находился сейчас у северо-западной стены.

Он освободил крюк из трещины, размахнулся и швырнул вместе с веревкой в пропасть, уничтожив тем самым единственный след, который мог бы указать, каким образом

он оказался здесь. Потом мягко прыгнул на парапет, шедший вдоль стены.

Остальное не составляло труда. Его миссию можно было считать выполненной. Через несколько минут войска Борджа ворвутся в Сан-Лео, и солдаты гарнизона, захваченные в постелях, вынуждены будут сдаться. Лоренцо подумал, что даже не имеет смысла убивать часового. Требовалось лишь улучшить момент и снять засовы с ворот прежде, чем страж сообразит, что происходит, и поднимет тревогу.

Разрешив сомнения в пользу такого варианта, он двинулся вперед и добрался до винтовой каменной лестницы, спустился вниз и оказался в прямоугольном внутреннем дворе. Перебегая от тени к тени, он добрался до ворот, за которыми начинался проход, ведущий мимо караульной комнаты и часовни во внешний двор крепости. Около этих ворот он вновь притаился, выжидая, пока часовой удалится.

Все в крепости было погружено в сон. Ни в одном из окон, выходивших во двор, не горел свет. Кастрокаро подумал, что, если дверь окажется запертой, ему все-таки придется вернуться и ликвидировать часового, а затем добраться до главных ворот по крепостной стене.

Прямо над собой он увидел часового с пикой на плече, медленно вышагивавшего по стене, и его черная фигура смутно вырисовывалась на фоне темно-синего, усыянного звездами купола неба. Ничего не подозревавший страж прошел и исчез. Лоренцо осторожно надавил на массивную дверь, которая легко поддалась. Он ступил в темный туннель и так же мягко прикрыл дверь с внутренней стороны. Тут он помедлил, вспомнив, что часовой сейчас как раз обходит северную часть стены и может заметить его, если он сразу направится через двор в сторону ворот. Следовало опять подождать.

Вдруг ему показалось, что из караульной, справа от него, донесся чей-то голос. Он прислушался, но звук не повторился. Решив, что перенапряженные нервы подвели его, он ощупью двинулся вдоль туннеля. И тут его сердце обдало холодом. На двери караульной он заметил небольшое желтоватое пятнышко и мгновенно понял: в караульной находились люди, и свет пробивался через замочную скважину.

Секунду поколебавшись, он решил, что отступать уже некуда. Вернуться крайне рискованно, а оставаться в туннеле — значит быть неминуемо обнаруженным. Его единственный шанс — немедленно двинуться вперед и бес-

шумно прокрасться мимо караульной. Тогда все еще может обойтись. И он на цыпочках пошел вдоль стены с максимальной осторожностью.

Однако не успел он сделать трех-четыре шагов, как из караульной послышалось проклятье, за которым раздался смех нескольких мужчин. Затем последовал скрип стульев, и кто-то тяжелой поступью направился к двери. Если бы он без промедления рванулся вперед, у него был бы шанс выбраться наружу, но нерешительность погубила его. Мгновение — и он понял это, но было уже поздно; он увидел, что оказался в ловушке и отступать некуда. Стиснув зубы, в отчаянии оттого, что после стольких трудов все рухнуло, он приготовился защищаться.

Дверь распахнулась, и Лоренцо оказался в потоке света. Он стоял, сжавшись, словно перед прыжком, положив руку на рукоятку кинжала. Появившийся на пороге, одетый в кожаные латы солдат, крупный, крепко сложенный малый с черными бровями и бородой, от неожиданности отпрянул назад и замер, в изумлении глядя на него. Придя в себя, он широко расставил ноги и с глубочайшим интересом спросил:

— Но кто вы такой, черт побери?

Лоренцо был из тех, кто за словом в карман не лезет, и в этот критический момент вдохновение озарило его. Безбоязненно шагнув навстречу стражникам, он произнес с насмешкой и упреком в голосе, как человек, имеющий на это право:

— Рад видеть, что в Сан-Лео хоть кто-то бодрствует.

На лице солдата отразилось еще большее изумление. Когда Лоренцо заглянул за его спину в караульную, освещенную светом факелов в железных канделябрах, он понял, что избрал верную тактику: на столе вперемешку лежали засаленные карты, а четверо солдат были всецело поглощены игрой.

— Боже милостивый, — продолжил он, — хорошо же вы несете службу! А тем временем солдаты Борджа могут быть у самых ваших ворот. Я сам мог бы войти в замок беспрепятственно, и никто не поднял бы тревогу и даже не окликнул бы меня! Силы небесные! Будь вы моими людьми, я бы отправил вас всех на кухню — там от вас было бы больше пользы.

— Я спрашиваю, кто вы такой, черт побери? — свирепо осклабившись, переспросил чернобородый.

— И как, черт возьми, вы попали сюда? — крикнул другой солдат, худошавый, с отвислыми губами и боро-

давкой на носу, который встал со стула, чтобы лучше разглядеть незваного гостя.

Кастрокаро моментально напустил на себя высокомерный вид.

— Проведите меня к вашему капитану, мессеру Толентино, — потребовал он. — Он узнает, как вы стоите на часах. Псы, да ведь все сгорит ярким пламенем, пока вы тут дуетесь в карты, отправив расхаживать по стенам того малого, который, похоже, и слеп и глух.

Нотка холодной властности, звучавшая в его голосе, произвела должный эффект. То, что подобным образом к ним мог обращаться человек, не имеющий на это права, представлялось им — как и любому на их месте — совершенно невероятным.

— Мессер Толентино спит, — угрюмо ответил солдат, который первым заговорил с ним.

Им не понравился смех, которым мессер Кастрокаро встретил это сообщение.

— Увидев, как вы стоите на часах, я ничуть в этом не сомневался, — усмехнулся он. — Что ж, тогда идите и разбудите его.

— Но кто же это в конце концов, Бернардо? — упорствовал вислогубый солдатик, и все остальные поддерживали его оправданный вопрос.

— Верно, — сказал чернобородый Бернардо. — Вы не сказали нам, кто вы. — В его тоне грубость сочеталась с угрюмой почтительностью.

— Я посланник синьора Гуидобальдо, вашего герцога, — твердо ответил молодой кондотьер, мысленно спрашивая себя, к чему все это приведет и будет ли у него шанс на спасение.

Почтительность и интерес, проявляемый к нему солдатами, заметно возросли.

— Но как вы попали сюда? — продолжал настаивать тот же любознательный солдат.

Мессер Лоренцо нетерпеливо отмахнулся и от вопроса, и от спрашивающего:

— Какое это имеет значение? Хватит того, что я здесь. Неужели мы потратим всю ночь на глупые вопросы? Разве я не сказал вам, что войска Борджа могут быть сейчас у самых ваших ворот?

— Клянусь Бахусом, там они и останутся, — рассмеялся еще один из них. — Ворота Сан-Лео достаточно крепки. Синьор, если этот сброд отважится постучать, мы знаем, как ответить им.

Пока он говорил, Бернардо принес из караульной фонарь и велел всем следовать за ним. Они направились вдоль туннеля к двери, ведущей во внешний двор крепости. И во время пути солдаты продолжали допытывать предполагаемого посланника вопросами, на которые тот отвечал кратко и резко, каждым своим словом и жестом показывая, что он им не ровня.

Они подошли к двери башни, где жил мессер Толентино. Входя туда, Кастрокаро печально взглянул на массивные ворота, за которыми находились люди делла Вольпе. Снять засовы было бы секундным делом, но он не представлял себе, каким образом избавиться от этих пяти вояк. Теперь и часовой на стене окликнул их, интересуясь происходящим, и молодой кондотьер молил Бога, чтобы делла Вольпе, пристально наблюдавший извне за событиями в крепости, понял, что Кастрокаро попался. Но он также знал, что делла Вольпе ничем не сможет помочь ему. Оставалось полагаться только на самого себя.

Поднявшись по спиральной лестнице башни, где стены и потолки были покрыты фресками грубого письма, они привели мессера Лоренцо к апартаментам, которые занимал кастелян Толентино, принявший на себя управление замком десять дней тому назад, после смерти синьора Фиорованти.

По пути молодой кондотьер подбадривал себя. До сих пор все шло хорошо, он ловко сыграл свою роль, и его игра рассеяла у охраны последние подозрения. Если удастся подобным же образом одурачить их капитана, дело, ради которого он прибыл сюда, будет сделано.

Мессер Кастрокаро приготовил историю, которую собирался рассказать и которая основывалась на том, что, по его сведениям, Фиорованти сопротивлялся войскам Чезаре Борджа почти наперекор воле герцога Гуидобальдо: этот мягкий и тихий ученый велел всем своим крепостям сложить оружие, так как сопротивление приводило лишь к бесцельной растрате человеческих жизней и не приносило никакой ощутимой пользы.

Главная трудность для Лоренцо Кастрокаро заключалась в том, что у него не было рекомендательных писем, а Толентино наверняка захочет их увидеть. Бернардо отправился будить кастеляна и сообщить ему, что посланник герцога Гуидобальдо тайно прокрался в замок и желает его видеть.

Кастелян мгновенно проснулся, извергая потоки бессвязных проклятий и трясая своей огромной головой в

ночном колпаке; затем, высунув из-под одеяла длинные волосатые ноги, уселся на постели, приказав Бернардо привести посланца.

Вошел Лоренцо и надменно приветствовал капитана.

— Вы от герцога Гуидобальдо? — проворчал мессер Толентино.

— Да, — ответил Кастрокаро. — Будь я от Чезаре Борджа, мне хватило бы двух десятков солдат, чтобы стать хозяином Сан-Лео, столь усердно охраняется крепость.

Этим хитрым ходом он рассчитывал рассеять подозрения кастеляна, поскольку говорил правду. Но брать подобный тон, подействовавший на солдат, было очень рискованно при обращении к Толентино, занимавшему столь важный пост и обладавшему вспыльчивым и неуравновешенным характером. Мессеру Лоренцо все это было хорошо известно, но он посчитал риск оправданным: ведь только очень уверенный в себе человек отважился бы высказать такое замечание.

Толентино был так ошеломлен, что не сразу нашел ответ, и несколько секунд молча глядел на него налившимися кровью и пылавшими гневом глазами.

— Клянусь Всевышним! — наконец взревел он. — Как громко кукарекает этот петушок! Мы выщипаем ему перышки, прежде чем он покинет нас, — зловеще пообещал он. — Кто вы?

— Посол герцога Гуидобальдо, как вам уже сообщили. Что касается всего остального — петушка и кукареканья — мы обсудим это в другой раз.

Кастелян тяжело поднялся. Это был крупный красивый мужчина, большеносый, с чисто выбритым, оливкового цвета лицом, с черными волосами и квадратным подбородком. Он попытался придать себе позу оскорбленного достоинства, но это было не так-то просто для человека в ночной рубашке и в ночном колпаке на голове.

— Наглая болонка! — продолжил он с негодованием и изумлением. — Как ваше имя?

— Лоренцо Знелло, — ответил Кастрокаро, готовый к подобному вопросу, и сурово пояснил: — Оно мне нравится куда больше, чем те, которыми вы наградили меня.

— Вы что, пришли сюда рассказывать мне о своих вкусах? — разъярился кастелян. — Поостерегитесь, молодой человек, здесь я хозяин, и моя воля — здесь закон. Я могу велеть высечь вас, содрать с вас живьем шкуру или повесить и никому не обязан в этом давать отчет. Помните это! Или...

— О, успокойтесь! — вскипел, в свою очередь, мессер Лоренцо, и повелительно взмахнул рукой, пытаясь охладить пыл кастеляна. — Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать вздор. Неужели я рисковал своей шеей, пробираясь сквозь позиции Борджа и карабкаясь по скале, чтобы меня здесь оскорбляли? Вы вольны расправиться со мной, но кое-что не в вашей власти.

— И что же это? — угрожающе спросил Толентино.

— Вы не можете ни охранять замок, ни отличить лакея от того, кто вам ровня.

Кастелян сел на кровати и потер подбородок. Как видно, перед ним оказался крепкий орешек, а такие люди всегда смущали мессера Толентино, как и всякого забияку. Позади мессера Лоренцо стояли, выстроившись в ряд, солдаты, молчаливые, но внимательные свидетели его замешательства. Кастелян понял, что должен любой ценой спасти положение.

— Чтобы оправдать свою наглость и избежать плетей, вам придется сообщить нечто очень важное, — серьезно сказал он.

— Готов обещать вам, что герцог узнает, как обошлись с тем, кого он любит и кто подвергал себя большим опасностям, служа ему, — прозвучало в ответ. — И позвольте заметить, синьор, — с видом оскорбленного достоинства продолжил Лоренцо, — что так не принимают послов. Будь мои обязательства по отношению к герцогу иными, а порученное мне дело — менее ответственным, я удалился бы тем же путем, каким попал сюда. Но будьте уверены, он узнает, как меня встретили здесь.

Толентино смутился.

— Синьор, — протестуя заговорил он, — клянусь, в этом виноваты вы сами. Если мне не хватило вежливости, то вы сами спровоцировали меня. Неужели я должен сносить насмешки от всякого попугая, считающего, что он может выполнять мои обязанности лучше меня? Довольно, синьор. Позвольте мне ознакомиться с вашим донесением. — И он протянул навстречу Лоренцо свою тяжелую руку.

— Его высочество повелел мне сообщить, что он приказывает вам сдать герцогу Валентино на почетных условиях, — сказал он и, прочитав откровенное удивление, сомнение и подозрение на лице Толентино, поспешил объяснить: — Чезаре Борджа договорился с герцогом Гвидобальдо и обещал ему некую компенсацию, если все крепости в его бывших владениях немедленно прекратят

сопротивление. Моему синьору посоветовали принять эти условия, так как, отказываясь от них, он ничего не выигрывает, а рискует потерять все. Понимая, что продолжающееся сопротивление Сан-Лео лишь оттягивает его неминуемое падение и приведет к ненужным потерям, герцог Гуидобальдо приказывает вам немедленно сдаться.

Это звучало правдоподобно. Известный своим миролюбием, герцог вполне мог направить такое послание. Однако у проницательного Толентино оставались еще сомнения на этот счет. Он взглянул на посланца, и вокруг его жгучих черных глаз собрались морщинки.

— У вас есть на этот предмет письма от герцога? — спросил он.

— Ни одного, — смело заявил мессер Лоренцо, защищая слабое место своей легенды.

— Но, клянусь Бахусом, это странно!

— Отнюдь, синьор, — поторопился ответить молодой кондотьер, — подумайте, как рискованно иметь такие письма. Если бы солдаты Борджа нашли их, я...

Он запнулся, осознав свою ошибку. Толентино звонко хлопнул в ладоши и вскочил на ноги.

— Синьор, синьор, — с некоторой мрачностью произнес он, — мы должны понять друг друга. Вы утверждаете, что доставили некоторые приказы, предписывающие мне действовать определенным образом, согласованные между герцогом Валентино и моим синьором. И вы же говорите об опасностях, которым могли бы подвергнуться, будь они у вас в письменном виде. Может быть, я чего-то не понимаю, — в голосе Толентино слышалась язвительность, — но мне кажется, что Борджа без всяких помех пропустил бы вас через свои позиции. Можете ли вы пояснить мне, в чем я ошибаюсь?

Лоренцо ничего не оставалось, кроме как принять важный вид. У его ног разверзлась пропасть.

— Если вам нужно такое объяснение, вы получите его, без всякого сомнения, от синьора герцога. Я вам дать его не могу. У меня нет на этот счет никаких указаний, а сам я не дерзнул спросить объяснений.

Он говорил спокойно и гордо, несмотря на участвовавший пульс, и в его последних словах прозвучал некий скрытый упрек в адрес кастеляна.

— Когда, — продолжал он, — я говорил, что брать с собой письма было опасно, то попытался дать вам объяснение, которое в тот момент мне пришло в голову.

Раньше я не думал об этом, а теперь вижу, что ошибся в своем предположении.

Мессер Толентино не сводил глаз с лица мессера Лоренцо, рассуждения которого подтвердили, что тот лжет. Однако уверенность тона и горделивый вид молодого человека оставляли место сомнениям.

— У вас есть, по крайней мере, хоть какой-нибудь знак, по которому я мог бы отличить посланника моего синьора? — спросил он.

— Его у меня нет. Меня отправили в спешке. Герцог, вероятно, не предполагал, что его приказания будут подвергнуты сомнениям.

— Неужели? — саркастически спросил Толентино. И неожиданно зашел с другой стороны. — Как вы пробрались в крепость?

— Я поднялся с равнины по южному склону скалы, который считается неприступным. Я из этих мест. Мальчишкой я часто поднимался там. Именно поэтому герцог Гуидобальдо выбрал меня.

— И когда вы добрались до стены, то попросили часового спустить веревку, не так ли?

— Нет. У меня была своя веревка и абордажный крюк.

— Зачем они вам понадобились, если вы действительно прибыли от Гуидобальдо? — кастелян резко обернулся к своим людям. — Где вы нашли его?

Услышав ответ, Толентино с облегчением расхохотался:

— Хо-хо! — ликовал он, перемежая свою речь проклятиями. — Вы незамеченным миновали часового и успели пробраться внутрь крепости, а когда вас обнаружили, вы сказали посланцем Гуидобальдо, доставившим приказ о сдаче крепости, и еще стали дерзить насчет нашей скверной охраны. Ох-хо! Хитро задумано, но это вам не поможет — хотя жаль будет сворачивать шею столь изобретательному петушку. — И он опять расхохотался.

— Вы глупец, — отрезал Кастрокаро, — и рассуждаете, как глупец.

— Разве? Ну-ка, поймите меня. По-вашему, Гуидобальдо выбрал вас своим посланником, потому что вам был известен тайный путь в замок. Взгляните, насколько нелепо такое утверждение. Вы пробовали объяснить, почему Гуидобальдо хотел, чтобы вы скрытно прибыли сюда, и сами же признали ошибочность подобного предположения. Но глупо утверждать, что посланнику герцога, доставляющему приказ от его имени сдаться войскам Чезаре Борджа и тем самым выполнить волю последнего,

нужно было подниматься сюда тайным путем, рискуя жизнью. — Толентино рассмеялся прямо в побледневшее лицо Лоренцо.

— Кто из нас глупец, синьор? — зловеще глядя на него, спросил кастелян. Затем сделал знак своим людям: — Взять его и обыскать.

В одно мгновение его прижали лицом к полу. Но тщательный обыск ничего не дал.

— Неважно, — сказал Толентино, вновь укладываясь в постель, — против него и так достаточно многое говорит. Позаботьтесь, чтобы с ним ничего не случилось этой ночью. Утром он отправится вниз с того же склона, и, клянусь, куда быстрее, чем когда поднимался по нему.

И мессер Толентино улегся в постель, чтобы продолжить прерванный сон.

IV

Запертый в караульном помещении — поскольку человека, которому предстояло умереть на рассвете, не стоило отправлять в тюрьму, — мессер Лоренцо Кастрокарро провел, как легко понять, весьма беспокойную ночь. Он был слишком молод и слишком любил радости жизни, чтобы равнодушно расставаться с ней. За последние два года своей военной карьеры ему часто приходилось видеть смерть. Но то была смерть других, и до сего времени ему даже не приходило в голову, что и сам он может умереть. Еще вчера его не покидала уверенность, несмотря на грозившую ему опасность, что он останется цел и невредим. Да и теперь, лежа в темноте на деревянной скамье в караульной комнате, он не мог поверить, что конец близок. Катастрофа постигла его очень уж неожиданно, и кроме того, смерть, по его мнению, была событием слишком важным, чтобы прийти столь буднично.

Он устало вздохнул и искал более удобное положение на своем жестком ложе. Он вспоминал о многих вещах: о детстве и матери, о товарищах по оружию и совершенных подвигах. Он видел себя то врубающимся в ряды противника под стенами Форли, то скачущим рядом с герцогом Валентино под Капуей, в той мощной атаке, когда был наголову разбит Колонна. До странности отчетливо он вспоминал, как выглядели мертвецы. Голос рассудка говорил ему, что завтра он будет выглядеть точно так же, но вообразить такое зрелище он был не в силах.

Затем он вспомнил о Бьянке де Фиорованти, которую уже не придется увидеть. Все последние месяцы он испытывал странную нежность к ней и в сладостной меланхолии сложил несколько весьма посредственных стихов в ее честь.

Что ни говори, ничего особенного у них не было; в его короткой жизни были любовные истории и поярче; но синьорина Бьянка вызывала в нем более возвышенное чувство, чем любая другая женщина, которую он знал. Отчасти этому способствовало то, что она — дочь знатного синьора, потомка великого рода, — стояла неизмеримо выше простого кондотьера, получившего в наследство лишь голову и шпагу. Он вздохнул. Как сладко было бы перед смертью вновь увидеть ее и излиться ей в своей любви, как лебедь — в своей предсмертной песне.

В эти роковые минуты мысли о ней занимали его куда больше, чем мысли о спасении своей души. Ему хотелось знать, услышит ли она о его кончине, а услышав, почувствует ли к нему сострадание или хотя бы просто вспомнит о нем добрым словом. Ему казалось странным, что он встретит смерть в замке, принадлежащем ее семье, однако он был рад и тому, что рукой, подписавшей ему приговор, не станет рука ее отца.

Наконец напряжение последних часов дало о себе знать, и он провалился в беспокойный, неглубокий сон. Когда же он проснулся, все вокруг было залито ярким светом утреннего солнца, проникающим сквозь высокие окна караульной. Заскрежетал ключ в замке, и, пока Лоренцо с усилием поднимался со своего жесткого ложа, дверь отворилась и вошел Бернардо, сопровождаемый шестью солдатами в полном вооружении.

— Добрый день, — вежливо, но несколько легкомысленно, словно забыв, какой день предстоял мессеру Лоренцо, произнес Бернардо.

— Вас ожидает куда более добрый день, — с добродушной улыбкой отозвался Лоренцо, и огрубевший за годы службы солдат невольно проникся уважением к молодому человеку.

Мессеру Лоренцо пришло в голову, что, если его ждет смерть, то ее надо встретить с юмором. Рыдания тут не помогут. Лучше уж быть веселым. Вполне возможно, что смерть в конце концов не такая страшная штука, как о ней говорят священники, а что касается адского пламени, уготованного для всех молодых людей, жадно пивших из

чаши наслаждений, то перед самым концом на исповеди можно покаяться.

Он встал и пригладил длинные, светлые, спутавшиеся за ночь волосы. Потом взглянул на свои грязные, исцарапанные после вчерашнего подъема по скале руки и попросил Бернардо принести воды. Брови Бернардо удивленно поползли вверх — умывание он считал совершенно излишним в данной ситуации, ибо со двора донеслась барабанная дробь, возвестившая общий сбор. Бернардо в нерешительности выпятил губу.

— Мессер Толентино ждет вас, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Кастрокаро, — но я не могу предстать перед ним в таком виде. Нельзя неуважительно относиться к палачу.

Бернардо пожал плечами, отдал распоряжение, и вскоре в комнате появился железный таз, полный воды. Мессер Лоренцо поблагодарил, снял камзол, рубашку и, обнажившись до пояса, приступил к туалету, стараясь совершить его по возможности быстро и тщательно. Приведя в порядок одежду, он показал жестом, что готов. По приказу Бернардо солдаты окружили пленника и вывели его наружу, на просторный внутренний двор замка.

Лоренцо шел твердо, высоко подняв голову, и лишь секунду помедлил на пороге, чтобы задумчиво взглянуть на ярко-синее небо и на солдат в доспехах из стали и кожи, выстроившихся во дворе на фоне серых крепостных стен. Их число не превышало тридцати — это и был весь гарнизон замка.

Перед строем неторопливо расхаживал кастелян. Он был одет во все черное, в знак траура по своему умершему господину синьору Фиорованти, и его рука покоилась на рукоятке шпаги. Приблизившись к нему, конвой, сопровождавший обреченного пленника, отступил и оставил пленника лицом к лицу с мессером Толентино.

Некоторое время кастелян разглядывал его, и мессер Лоренцо с честью выдержал этот осмотр, бесстрашно встретив своими темно-голубыми глазами важный суровый взгляд мессера Толентино. Наконец тот заговорил.

— Мне неизвестно, почему прошлой ночью вы решились проникнуть сюда. Но совершенно ясно, что вы появились здесь с вероломными намерениями, и ложь, придуманная вами, сделала это совершенно очевидным; именно поэтому вас должны казнить, как и всякого другого, схваченного при подобных обстоятельствах.

— Я готов к смерти, — холодно ответил Лоренцо, —

но умоляю избавить меня от предсмертных словоизлияний. Моих сил может хватить ненадолго, особенно если вы вспомните, что я не завтракал.

Толентино взглянул на него и хмуро улыбнулся.

— Хорошо. Так вы не скажете, кто вы и зачем оказались здесь?

— Я уже говорил, но вы не поверили моим словам.

К чему еще раз повторять? Это только утомит и вас, и меня. Идемте же к виселице, поскольку по вашему виду ясно, что это дело вам хорошо знакомо.

В это время из строя солдат донеслось:

— Синьор капитан, я могу сказать вам, кто он.

Тот резко обернулся к говорившему.

— Это Лоренцо Кастрокаро.

— Кондотьер герцога Валентино? — переспросил Толентино.

— Он самый, синьор капитан, — подтвердил солдат, и Лоренцо, взглянув на него, узнал своего бывшего подчиненного, служившего под его командой несколько месяцев тому назад.

Он с безразличием пожал плечами, не отреагировав на выражение удовлетворения, написанное на лице мессера Толентино.

— Имеет ли значение, как и под каким именем умирать?

— Выбор за вами, — ответил кастелян.

— Думаю, я предпочел бы скончаться под своим собственным именем, — беззаботно заявил Лоренцо.

В ответ на шутку раздались сдержанные смешки, но Толентино недовольно нахмурился.

— Синьор, я имею в виду виселицу или прыжок с уступа, на который вы вскарабкались прошлой ночью.

— Ну, это совсем другое дело, но вы слишком сузили выбор. Прошу вас, скажите, что из этого доставило бы вам наибольшее развлечение.

Толентино посмотрел на него, поглаживая свой длинный подбородок и нахмулив лоб. Ему нравился этот малый, так неустрашимо глядевший в лицо смерти. Но он был кастеляном Сан-Лео и знал свой долг.

— Что ж, — не спеша выговорил он наконец, — мы знаем, что вы можете карабкаться по стене, как обезьяна; посмотрим, можете ли вы летать, как птица. Отведите его на стену, вон туда, — и он сделал жест рукой.

— О, постойте! — испуганно вскричал Кастрокаро, питая слабую надежду на отсрочку. — Неужели здесь, в

Сан-Лео, все язычники? Разве христианина подобает швырнуть в черную пасть смерти без исповеди? Неужели у вас нет священника?

Толентино нахмурился, раздраженный этой новой поддержкой, затем кивнул Бернардо.

— Приведи священника.

Рухнула робкая надежда на то, что в крепости может не оказаться священника и Лоренцо не осмелятся предать смерти без исповеди.

Бернардо ушел. Он оказался у дверей часовни как раз в тот момент, когда словами «*Ite missa est*» утренняя служба закончилась, и в спешке чуть было не столкнулся на дороге с дамой в черном, шедшей в сопровождении двух женщин. Он отпрянул в сторону и прижался к стене, бормоча извинения.

Но дама остановилась.

— Почему вы так торопитесь сюда? — спросила она, считая такой маршрут странным для солдата.

— Срочно требуется отец Джироламо, — ответил Бернардо. — Нужно исповедать человека перед смертью.

— Какого человека? — участливо поинтересовалась она, полагая, что кто-то из гарнизона смертельно ранен.

— Да капитана герцога Валентино, некоего Лоренцо Кастрокаро, появившегося здесь ночью. Это я схватил его, — хвастливо добавил он.

Но синьорина Бьянка де Фморованти едва ли расслышала его последние слова. Она отступила на шаг и мгновенно побледнела.

— Как... как, вы сказали, его имя?

— Лоренцо Кастрокаро, капитан герцога Валентино, — повторил он.

— Лоренцо Кастрокаро? — переспросила она, но в ее устах это имя прозвучало совершенно иначе.

— Да, мадонна.

Тогда она схватила Бернардо за руку и стиснула ее.

— И он ранен... смертельно?

— Нет, не ранен. Его взяли в плен, и теперь он должен умереть. Мессер Толентино собирается сбросить его со скалы. Вам будет хорошо видно со стены, мадонна, это...

Она в ужасе отдернула свою руку и велела:

— Идите к вашему капитану.

Озадаченный Бернардо уставился на нее.

— А как же священник?

* Сим отпущаеши (лам.).

— С этим можно подождать. Идемте к капитану.

Приказание прозвучало настолько твердо, что он не осмелился ослушаться. Бормоча что-то в бороду, он повернулся и в сопровождении синьоры и ее служанок направился обратно во двор. Когда глаза синьорины Бьянки встретились с горделивым взглядом кондотьера Лоренцо, на бледных щеках вспыхнул слабый румянец. Молодой человек был потрясен ее внезапным появлением, поскольку не знал и даже не подозревал — как предусмотрительно позаботился Чезаре Борджа — о ее присутствии в Сан-Лео.

Мгновение помедлив, Бьянка с решительным видом направилась к кастеляну.

Сняв шляпу, мессер Толентино низко поклонился и сразу же пустился в объяснения:

— Мадонна, перед вами молодой авантюрист, которого мы схватили прошлой ночью в замке. Он капитан на службе у Чезаре Борджа.

Она перевела взгляд на пленника, а затем опять на кастеляна.

— Как он оказался здесь?

— Рискуя своей шеей, он вскарабкался по южной стороне скалы.

— И что ему было нужно?

— Этого мы не можем с точностью установить, а сам он не желает говорить, — вздохнул Толентино. — Простой ночью, когда его схватили, он выдавал себя за посланца герцога Гуидобальдо, но это явная ложь. С ее помощью он надеялся избежать последствий своего опрометчивого поступка.

Не упустив случая подчеркнуть свою проницательность, капитан рассказал, как он сразу же понял, что, будь синьор Лоренцо тем, за кого себя выдавал, ему незачем было бы тайно пробираться в Сан-Лео.

— Но, выполняя он поручение Чезаре Борджа, ему не имело бы смысла рисковать своей шеей, поднимаясь по южному склону, — возразила девушка.

— Это несколько поспешное заключение, мадонна, — пояснил Толентино. — Только с южной стороны можно перелезть через стену крепости.

— Как вы думаете, зачем он это сделал?

— Зачем? Да чтобы сдать замок Борджа! — воскликнул Толентино, начавший терять терпение от такого обилия вопросов.

— У вас есть доказательства?

— Здравый смысл не ищет доказательств очевидным

вещам, — назидательно произнес он. — И сейчас мы собираемся отправить его обратно тем же путем, каким он прибыл сюда, — мрачно закончил он, всем своим видом показывая, что тема разговора исчерпана и женщинам нечего более вмешиваться в дела мужчин.

Но синьорина Бьянка не обратила никакого внимания на его резкость.

— Вы сделаете это не раньше, чем я лично удостоверюсь, что его намерения были именно таковы, — отрезала она, подчеркнув своим тоном, что она является полновластной хозяйкой в Сан-Лео.

Толентино пожал плечами.

— О, как вам угодно, мадонна. Однако я бы взял на себя смелость заявить, что мой богатый опыт подсказывает, как лучше всего поступать в подобных случаях.

Девушка дерзко взглянула в глаза выдавшему виды ветерану.

— Знание, синьор капитан, ценится куда больше, чем простой опыт.

У Толентино отвисла челюсть.

— Вы имеете в виду, что вам... что вам известно, для чего он прибыл?

— Возможно, — ответила она и отвернулась от изумленного капитана к еще более изумленному пленнику.

Легкой походкой приблизилась она к кондотьеру Лоренцо, в глазах которого можно было прочесть и недоумение по поводу сказанных ею слов, и отчаянную попытку разгадать эту загадку, и — следует сразу же это признать — мысль о том, как можно обратить случившееся в свою пользу.

Может показаться, что в синьоре Лоренцо было что-то от негодяя. И действительно, размышляя в первую очередь о том, как извлечь выгоду из заинтересованности девушки, он едва ли проявил себя как герой рыцарского романа. Однако ошибочно полагать, что кондотьер Кастрокаро чем-либо выделялся из среды обычных людей своего времени, и пусть его поведение и лишено геройства, однако по-человечески оно вполне объяснимо.

Не столько любовь к Бьянке, сколько себялюбие и естественная для его возраста любовь к жизни подсказали ему, как избежать гибели. А чтобы не думать о нем хуже, чем он того заслуживает, следует вспомнить, что Бьянка уже давно привлекала его, хотя он всегда считал ее недосягаемой для себя, простого искателя приключений.

Внимательно поглядев на него, она подчеркнуто спокойно произнесла:

— Не поможете ли вы мне подняться на стену? Дайте мне вашу руку, синьор Лоренцо.

Толентино хотел было вмешаться.

— Подумайте, мадонна...

Но повелительным жестом она отослала его на место — ведь в конце концов она была госпожой в Сан-Лео.

Бок о бок хозяйка крепости и ее пленник направились к лестнице, ведущей на стены. Толентино, раздраженно ворча и проклиная себя за то, что оказался во власти женщины, свирепо скомандовал своим людям разойтись и уселся на край колодца, в центре двора.

Опершись на зубцы стены и обратив взгляд на широкую, залитую солнцем равнину Эмилии-Романьи, синьорина Бьянка прервала затянувшееся молчание.

— Я привела вас сюда, синьор Лоренцо, — сказала она, — чтобы вы рассказали мне об истинной цели вашего визита в Сан-Лео.

Его ответ был давно готов.

— Мадонна, я могу сказать о том, что не являлось моей целью, — грубовато проговорил он. — Клянусь спасением моей души, я не собирался предавать вас в руки ваших врагов.

Лоренцо можно счесть за клятвопреступника, однако на самом деле его заявление было вполне точным, если и не вполне правдивым. В самом деле, он и не подозревал, что Бьянка находится в Сан-Лео и что, сдавая крепость людям дела Вольпе, он выдаст им и синьорину Бьянку. Знай он об этом, он никогда бы не взялся за такое дело. Поэтому Лоренцо был вправе клясться так, как только что поклялся, хотя утаил от нее некоторые факты.

— Думаю, это я и так знаю, — мягко ответила она.

Ее слова воодушевили его. Он готов был и дальше двигаться дорогой лукавства, ступить на которую он ни в какое другое время не отважился бы, помня, кем был он, а кем — она. Но сейчас он почувствовал в себе удаль отчаявшегося человека. Ничто не может утешить стоящего лицом к лицу со смертью.

— О, не спрашивайте меня, почему я пришел, — хриплым голосом взмолился он, — я отважился на многое, думая, что готов на все. Но теперь — здесь, перед вами, под взглядом ваших ангельских глаз — мужество покидает меня. Я становлюсь трусом, хотя не побоялся...

От этих слов девушка поежилась. Он заметил это, и хитрец внутри его улыбнулся.

— Взгляните, мадонна. — Он протянул свои распухшие

руки, все в ранах и кровоподтеках. — Таков я с головы до пят. — Он повернулся. — Взгляните туда, — и он указал вниз, на кажущуюся гладкой поверхность скалы, — прошлой ночью я полз здесь в темноте, и каждое движение грозило мне гибелью. Вы видите вон тот карниз, где почти невозможно стоять? Вдоль него я пробирался вон до того места, чуть пошире, а оттуда прыгнул через эту небольшую пропасть. — Она содрогнулась, слушая его рассказ. — По той расщелине я карабкался вверх, раздирая колени и локти, пока не добрался до этой площадки.

— Как смело! — воскликнула она.

— Как безрассудно! — уточнил он. — Я показываю все это вам, чтобы вы знали, какая непреодолимая сила влекла меня сюда. Вам бы никогда не пришлось в голову, мадонна, что, проявив такую храбрость, я стану запинаться сейчас, и все же...

Он вдруг замолчал и закрыл лицо руками.

— И все же? — мягко и одновременно воодушевляюще произнесла она.

— О, я не осмелюсь! — вскричал он. — Я был безумцем, безумцем!

И тут совершенно случайно его язык произнес слова, которые попали в самую точку.

— Действительно, я не знаю, что за безумие овладело мной.

Он не знал! От такого признания все ее тело охватила дрожь. Он не знал! Зато она знала, и отсюда исходила та уверенность, с которой она действовала, вызволяя его из рук Толентино. Ведь если бы палач сбросил синьора Лоренцо с этого жуткого обрыва, вина за его смерть легла бы на нее.

Не она ли околдовала его? Не она ли напоила его вином, влив туда *elixirium augeum* — любовный эликсир, изготовленный магом Корвинусом Трисмегитом? Разве она не знала, что именно этот эликсир, неистово и неугасимо горевший в его жилах, побудил его, невзирая на все опасности, проникнуть сюда, к ней?

Маг предсказал ей, что человек, выпивший эликсир, окажется полностью в ее власти, прежде чем луна пойдет на убыль. Она попыталась вспомнить его слова, и это ей удалось: «Он придет к вам, даже если ему понадобится обойти всю землю». Она не сомневалась, что предсказание мага в точности исполнилось, эликсир подействовал отменно.

Так рассуждала синьорина Бьянка. И когда она по-

вернулась к склонившему голову молодому капитану, в ее темных глазах стояли слезы, а уголки нежного рта опустились. Она подняла свою изящную руку и мягко опустила ее на светловолосую голову Лоренцо, окруженную нимбом лучей ослепительно яркого солнца.

— Бедный, бедный Лоренцо, — ласково прошептала она.

Он отпрянул от нее, бледный как мел.

— О, мадонна! — вскричал он и упал перед ней на одно колено. — Вы догадались о моей тайне, о моей заветной тайне! Позвольте мне теперь умереть! Позвольте им швырнуть меня со скалы и окончить мои страдания!

Эта сцена удалась ему на славу — на сей счет у обманщика не осталось сомнений; она была бы не женщиной, а сущей гарпией¹¹, если бы позволила теперь казнить его. Он приготовился услышать мягкое выражение сочувствия к постигшему его несчастью, к тому плачевному положению, в котором он оказался, попав под очарование ее красоты. Но к ответу, который прозвучал, он был совершенно не готов.

— Любовь моя, о чем ты говоришь? Разве для тебя не осталось иных радостей, кроме смерти? Разве я сержусь? Разве ты не видишь, как я счастлива, что ради меня ты пошел на все это?

В тот момент Лоренцо показалось, что либо в мире, либо у него в мозгу не все в порядке. Могла ли эта благородная дама обратить на него внимание? Неужели она ответила на его любовь, которая, как он полагал, так мало значила для нее, что для спасения жизни он не постеснялся выставить ее напоказ — чего никогда не осмелился бы сделать, думай он иначе.

— О, это невозможно! — воскликнул он, и на этот раз в его возгласе не было притворства.

— Что невозможно? Что невозможно? — повторила она, когда он, повиновавшись ее жесту, поднялся на ноги.

— Невозможно, чтобы вы насмехались над моей любовью, — вымолвил он.

— Насмехалась? Я? Я — которая разбудила ее, которая желала этого?

— Желала? — почти шепотом откликнулся он. — Желала?!

Несколько мгновений они стояли, глядя друг другу в глаза, а затем бросились друг к другу в объятия. Она всхлипывала от охватившей ее радости, и он тоже готов был расплакаться — столько драматических событий выпало на это утро.

В таком положении и застал синьору Сан-Лео и капитана Чезаре Борджа мессер Толентино, удивленный их долгим отсутствием и решивший выяснить, в чем дело.

Соблюдая приличия, они отпрянули друг от друга, и синьорина Бьянка, порозовев от смущения, представила кастеляну капитана Лоренцо как своего будущего супруга и доверительно сообщила ему об истинной причине — как она это понимала — его появления в Сан-Лео.

Стоит ли говорить, что Толентино считал недопустимым для своей госпожи, верноподданной герцога Гуидобальдо, фактической владелицы одной из крепостей Урбино, стать женой какого-то наемника этого узурпатора Чезаре Борджа. И если он тогда не высказал со свойственной ему горячностью и выразительностью своих соображений на сей счет, то лишь потому, что полностью лишился дара речи.

Синьору Лоренцо был оказан прием, подобающий человеку его положения. Для него приготовили ванну, одели в новое платье. Во время обеда с синьориной Бьянкой были поданы изысканные блюда и лучшие вина из погреба Фиорованти.

Лоренцо Кастрокаро охватило воодушевление, и после обеда, поощряемый улыбкой синьорины, он взял лютю и пропел ей одну из безобразных песен, сложенных в ее честь.

Это было весьма рискованно с его стороны, но чудо — синьорина Бьянка, несмотря на свой изысканный литературный вкус, оказалась очень довольной.

Во всей Италии в этот час не нашлось бы более счастливого человека, чем Лоренцо Кастрокаро, который от самого порога смерти вознесся к таким вершинам жизни, о которых не смел и мечтать. Опускание счастья целиком охватило его, и все прочее было на время забыто. Но вдруг совершенно внезапно он вспомнил о вещах иного порядка, и эти воспоминания заставили его похолодеть от ужаса. Он уже пропел более половины своей второй песни, как вдруг, словно пораженный молнией, остановился. Лютя со стуком выпала из его онемевших рук.

Девушка склонилась к нему.

— Энцо! Тебе нехорошо?

— Нет, все в порядке. Но...

Он сжал кулаки и встал.

Она тоже встала и участливо спросила, что случилось.

— Что я сделал? Что я сделал? — повторял он в отчаянии.

Ей пришло в голову, что действие любовного эликсира, возможно, пошло на убыль. Встревожившись, она настойчиво умоляла его открыть причину беспокойства, но он не сразу смог найти относительно нейтральные выражения, чтобы не выдать себя.

— Дело вот в чем, — воскликнул он, и в его голосе звучала искренняя досада. — Поспешив прийти сюда, я в своем безумии совершенно забыл, чего мне это может стоить. Я капитан Чезаре Борджа и в настоящий момент не кто иной, как предавший его дезертир. Я изменник, оставивший свой отряд и перебежавший к врагу, чтобы беззаботно рассиживать здесь, в том самом замке, который осаждает мой герцог.

Она мгновенно оценила ужас положения, в котором он оказался.

— О Боже! — взмолилась она. — Я и не подумала об этом.

— Когда они меня схватят, то, несомненно, повесят как предателя! — искренне воскликнул он, поскольку кем же, как не предателем, он стал на самом деле? Всю ночь делла Вольпе и его люди напрасно ожидали, пока он откроет ворота. Его смерть или плен оправдали бы неудачу, но то, что он вступил в союз с синьориной Бьянкой де Фиорованти, будет расценено однозначно.

— Клянусь, было бы в тысячу раз лучше, если бы Толентино этим утром избавился от меня!

Тут он осекся и в раскаянии повернулся к ней.

— О, нет, нет! Я сказал, не подумав! Как я, неблагодарный глупец, мог желать этого! Если бы они убили меня, я бы никогда не узнал такого счастья, какое испытал в этот день.

— Но что же делать? Что делать, Энцо? Если ты теперь уйдешь, то это тоже не спасет тебя. О, дай мне подумать, дай мне подумать!

И через мгновение обрадованно воскликнула:

— Есть способ!

— Какой способ? — спросил он.

— Боюсь, что единственно возможный, — помрачнев, произнесла она.

Тут он догадался, что она имела в виду, и негодуя возразил:

— О, только не это! Мы не должны и думать об этом. Я не позволю тебе такой ценой спасти мою жизнь.

Она взглянула на него, и в ее темных глазах вновь вспыхнуло пламя любви.

— Чтобы спасти тебя, Энцо, тебя, которого я привела сюда, я пойду на все.

— О чем ты говоришь, любовь моя? — воскликнул он.

— О том, что вина лежит на мне и расплачиваться должна я.

— Вина?

— Разве не я привела тебя сюда?

Он вспыхнул, с некоторым опозданием поняв, что его ложь обернулась против него.

— Послушай, — продолжала она. — Ты поступишь так, как я прошу. В качестве моего посла ты отправишься к Чезаре Борджа и от моего имени предложишь ему капитуляцию Сан-Лео, оговорив лишь безопасность и почетные условия сдачи для гарнизона.

— Нет-нет! — продолжал протестовать он, и его подлость казалась ему все более и более отвратительной. — Да и как это поможет мне?

— Ты скажешь, что тебе известен способ, которым можно овладеть Сан-Лео, и в твоих силах осуществить это, — тут она задумчиво улыбнулась. — Герцог будет слишком доволен результатом, чтобы возмущаться по поводу использованных средств.

— Но это позор! — выкрикнул он, имея в виду вовсе не то, что, по ее мнению, мог выразить этим восклицанием.

— Через несколько дней — максимум через несколько недель — все, о чем я говорю, станет неизбежностью, — напомнила она ему. — В конце концов, чем я жертвую? Не более чем своей гордостью. Может ли она оказаться весомее твоей жизни? Лучше сдаться сейчас, когда можно что-то выиграть, чем потом, когда я лишусь всего.

Он задумался. Действительно, это был единственный выход.

— Будь по-твоему, дорогая Бьянка, — сказал он, презирая себя, однако, за очередную ложь, — но условия сдачи будут более великодушными, чем те, о которых ты говорила. Тебе не потребуется покидать свое жилище. Пусть уходит твой гарнизон, но ты останешься!

— Разве это возможно? — спросила она.

— Увидишь! — с уверенностью ответил он, помня об обещанном ему комендантстве.

Вечером того же дня он в одиночестве выехал из Сан-Лео, имея при себе письма с необходимыми полномочиями, и направился по горной тропе, ведущей вниз. У подножия скалы он наткнулся на пикеты дела Вольпе, и солдаты отвели его к своему капитану, отказываясь поверить, что перед ними Лоренцо Кастрокаро. Когда дела Вольпе увидел его, в единственном глазу ветерана вспыхнуло удовлетворение вперемешку с подозрительностью.

— Где вы были? — грубо спросил он.

— Вон там, в Сан-Лео, — простодушно ответил Кастрокаро.

Делла Вольпе колоритно выругался.

— Мы считали вас погибшим. Весь день мои люди искали ваше тело у подножия скалы.

— Мне жаль разочаровывать вас и жаль потраченных усилий ваших людей, — улыбаясь, сказал Лоренцо, и дела Вольпе опять выругался.

— Как случилось, что вы потерпели неудачу, и, как случилось, что вы, потерпев неудачу, остались живы?

— Я не потерпел неудачи, — был ответ. — Я еду к герцогу с условиями капитуляции гарнизона.

Делла Вольпе откровенно отказывался верить ему до тех пор, пока кондотьер Лоренцо не сунул под его единственный глаз письма синьорины Бьянки де Фиоревантти. Увидев их, ветеран усмехнулся.

— Ха! Клянусь рогами сатаны! Теперь я понимаю! Вы всегда знали, как обращаться с женщинами, Лоренцо.

— Для одноглазого вы видите слишком много, — отворачиваясь от него, сказал Лоренцо. — Мы поговорим об этом в другой раз, когда я женюсь. Доброй ночи!

Он добрался до Урбино, когда было уже далеко за полночь. Но, несмотря на поздний час, герцог еще не был в постели. Знаяшим Чезаре Борджа казалось, что он вообще не спал. Те, у кого были к нему неотложные дела, находили его бодрствующим в любое время дня и ночи.

Его высочество находился в библиотеке вместе с Агаспито, готовил письма для отправки в Рим, когда ему доложили, что прибыл кондотьер Лоренцо Кастрокаро.

Когда он вошел, герцог пристально взглянул на него и резко бросил:

— Ну, вы принесли мне весть о взятии Сан-Лео?

— Не совсем так, ваше высочество, — ответил кондотьер.

ер. — Но я принес вам письма с предложениями о капитуляции и ее условиях. Если ваше высочество подпишет их, завтра от вашего имени я вступлю во владение крепостью Сан-Лео.

Герцог изучающе всмотрелся в лицо капитана.

— Вы вступите во владение? — мягко улыбнулся он.

— Как комендант, назначенный вашим высочеством.

Он положил письма перед герцогом, и тот, быстро пробежав глазами текст, передал их Агапито, чтобы тот ознакомился с ними более тщательно.

— Тут есть условие, что синьора Бьянка де Фиорованти должна остаться в Сан-Лео, — с удивлением сказал секретарь.

— Почему? — спросил Чезаре Лоренцо. — Зачем вообще нужны какие-то условия?

— Дело приняло неожиданный оборот, — разъяснил кондотьер. — Все прошло не столь гладко, как я надеялся. Я избавлю ваше высочество от выслушивания всех деталей, но суть в том, что, когда я оказался внутри замка, меня схватили, и мне пришлось принять предложенные условия, сочтя их наилучшими.

— Надеюсь, вы не считаете их невыгодными для себя? — спросил Чезаре. — Будь это так, я был бы огорчен. Но я не думаю — ведь синьорина Бьянка, говорят, очень хороша собой.

Кастрокаро густо покраснел, смущенный этим неожиданным замечанием.

— Вам известно об этом, ваше высочество? — только и смог выговорить он.

Чезаре отрывисто и почти презрительно рассмеялся.

— Во мне есть что-то от ясновидца, — ответил он. — Я мог предсказать результат еще до того, как вы отправились туда. Но вы хорошо выполнили свою задачу и назначаетесь комендантом Сан-Лео. Агапито, сейчас же напиши приказ. Капитан Лоренцо спешит вернуться к синьорине Бьянке.

Через полчаса после того, как озадаченный, но счастливый Кастрокаро опять ускакал в сторону крепости, Чезаре поднялся из-за письменного стола, зевнул и улыбнулся своему секретарю, которому полностью доверял и к которому испытывал дружескую привязанность.

— Итак, Сан-Лео, который мог бы продержаться целый год, — наш, — сказал он, удовлетворенно потирая руки. — Кастрокаро считает это своей заслугой. Дама тоже полагает, что с помощью этого шарлатана Трисмегита добилась своего. И никто из них даже не подозревает, что вышло так, как

хотел я. — И для Агапито изрек афоризм: — Тот, кто хочет достичь влияния, должен не только научиться использовать людсй, но делать это так, чтобы они не подозревали, что их используют. Если бы в ту ночь в доме Корвинуса Трисмегита я случайно не подслушал кое-что и не расставил нужным образом человеческие фигуры в этой игре, все могло бы сложиться иначе, и многие лишились бы жизни прежде, чем распахнулись ворота Сан-Лео. И я принял меры, чтобы любовный эликсир чародея подействовал именно так, как тот обещал. Синьорина Бьянка, по крайней мере, верит этому обманщику.

— Вы предвидели это, ваше высочество, давая Кастрокаро столь опасное поручение? — рискнул спросить Агапито.

— Как же иначе? Где бы я отыскал человека, для которого оно представляло бы меньшую опасность? Он не знал, что синьорина Бьянка там, а я постарался сохранить это в тайне. Я послал его, будучи уверен, что, если он не сможет открыть ворота солдатам делла Вольпе и попадет в плен, у него хватит смекалки не выдавать себя, а мадонна, естественно, будет вынуждена предположить, что любовный эликсир заставил его прийти к ней. Сможет ли она, зная это, повесить его? Могла ли она поступить иначе, чем поступила?

— Действительно, Корвинус сослужил вам хорошую службу.

— Настолько хорошую, что он сохранил этим себе жизнь. Сегодня шестнадцатый день, а этот драгоценный яд все еще не убил его. — Герцог отрывисто рассмеялся. — Агапито, прикажите отпустить его завтра. Но велите оставить мне на память его язык и правую руку. Чтобы он никогда не смог более написать или произнести никакой лжи.

На другой день Сан-Лео капитулировал на почетных условиях, а Толентино и его люди выехали, держа пики на бедрах. Капитан выглядел очень угрюмым, поскольку происшедшее оскорбляло его честь воина.

Затем в крепость во главе своих солдат въехал кондотьер Лоренцо Кастрокаро, чтобы сложить комендантство к ногам синьорины Бьянки.

Они обвенчались в тот же день в крепостной часовне, и, хотя прошло немало лет, прежде чем они признались друг другу в хитростях, к которым оба прибегли, сохранившиеся свидетельства говорят, что за все это время они ни разу не пожалели об этом.

ПЕРУДЖИНЕЦ

I

осударственный секретарь флорентийской *сеньории*¹² направил своего мула через мост, соединяющий берега речки Мизы, и, натянув поводья у въезда в городок Сенигаллия, остановился, осматривая окрестности. Справа от него, на западе, солнце клонилось к далекой туманной гряде Апеннин, и его лучи превращали небо в зарево, которое усиливалось отблесками пламени, поднимающегося над городом.

Секретарь колебался. По натуре он был мягок, почти робок, как и подобает человеку ученому и мыслящему, но его характер резко контрастировал с безжалостной откровенностью написанных им сочинений. Его внимательные, широко посаженные глаза неторопливо обежали открывшуюся картину, и на пронизательном, оливкового цвета лице отразилось беспокойство. Доносившиеся из города крики подтверждали его худшие опасения о том, что в городе творится насилие. Стража в воротах, пристально следившая за ним, неверно истолковала его нерешительность и потребовала сообщить о цели его приезда в город. Он назвал себя, и они почтительно поклонились дипломату.

Макиавелли тронул шпорой мула и поторопился проехать сквозь арку, под которой скопились грязь и талый

снег, миновал безлюдную рыночную площадь и направился к дворцу.

Шум доносился из восточной части города, которую, по его сведениям — а флорентиец был на удивление хорошо информирован, — населяли венецианские торговцы и богатые евреи. Поскольку он рассуждал, как всегда, логически, он предположил, что солдатня занялась разбоем; но поскольку герцог Валентино категорически запрещал своим войскам грабеж мирных жителей, напрашивался вывод, что мятежные командиры одержали верх над герцогом. Однако, будучи умудренным жизненным опытом и знанием людской натуры, мессер Макиавелли не торопился делать заключение. Он угадал кое-что в замыслах Чезаре Борджа, когда тот отправился в Сенигаллию, чтобы помириться с бунтовщиками. Он предполагал, что герцог был готов к возможному вероломству и лишь делал вид, что беззаботно лезет в мышеловку, в то время как предварительно позаботился, чтобы ее пружина находилась под его контролем. Секретарю не верилось, что пружина все-таки сработала и мышеловка захлопнулась.

Удивляясь и размышляя подобным образом, мессер Макиавелли ехал по узкой улочке, круто поднимавшейся ко дворцу. Но вскоре ему пришлось остановиться. По всей ширине улицы плотно стояли люди, а площадь перед муниципалитетом была заполнена огромной толпой. На одном из балконов дворца находился горячо жестикулировавший человек, и хотя его фигура была с трудом различима на таком расстоянии, секретарь догадался, что тот обращается к собравшимся.

Мессер Макиавелли наклонился к крестьянину, оказавшемуся рядом, и спросил:

— В чем дело?

— Черт знает, — ответил тот. — Вот уже два часа, как его высочество герцог, синьор Фермо и мессер Вителоццо в сопровождении свиты вошли во дворец. Затем один из капитанов — говорят, это был мессер да Корелла — отправился с солдатами в предместье и напал на солдат синьора Фермо. Они дрались, жгли и грабили, пока не превратили предместье в сущий ад, а что творится во дворце — одному дьяволу известно. А ведь завтра Новый год! Клянусь Мадонной, скверное начало для нового года, что бы у них ни произошло. Не зря говорят...

Крестьянин внезапно прервал поток словоизлияний, почувствовав на себе пристальный взгляд сумрачных мерцающих, внимательных глаз. Он изучающе оглядел своего

случайного собеседника, отметил его темные церковные одежды, отороченные густым мехом, и, инстинктивно почувствовав недоверие к этому человеку с хитрым, гладко выбритым лицом и выдающимися скулами, подумал, что будет благоразумнее не навлекать на себя обвинение в распространении ложных слухов. Поэтому он неожиданно закончил:

— Но все говорят так много, что я не знаю, о чем они говорят.

Макиавелли понял причину этой внезапной скрытности, и его тонкие губы чуть растянулись в улыбке. Он и не настаивал на дополнительных сведениях, поскольку уже узнал все необходимое. Если люди герцога под командованием Кореллы напали на войска Оливеротто да Фермо, тогда его ожидания подтвердились, и Чезаре Борджа, ответив вероломством на вероломство, одержал верх над своими мятежными кондотьерами.

Внезапное движение толпы разделило флорентийского посланника и крестьянина. Из глоток собравшихся вырвался клич:

— Герцог! Герцог!

Приподнявшись на стременах, Макиавелли увидел около дворца, в отдалении, сверкающие доспехи и знамена с изображением быка — герба дома Борджа. Всадники выстроились по двое и, расчищая путь сквозь людскую массу, стали быстро приближаться по улице к тому месту, где застрял секретарь.

Толпа поспешно расступалась в обе стороны, словно вода, разрезаемая килем быстроходного корабля. Люди спотыкались, осыпая друг друга проклятиями, то и дело слышались яростные крики, но все покрывал гремевший возглас:

— Герцог! Герцог!

Сверкающие всадники приближались, звеня оружием, и во главе их на могучем черном коне виднелась великолепная фигура герцога, закованная в сталь с головы до пят. Забрало его шлема было поднято, красивые карие глаза глядели прямо и сурово, и он, казалось, оставался равнодушен к происходившему вокруг.

Макиавелли сорвал свою шапочку и склонился почти к самой холке мула, приветствуя победителя. Однако герцог заметил его, и в такой момент герцогу польстило, что глаза Флоренции были устремлены на него. Поравнявшись с послым, он натянул поводья.

— Идите сюда, синьор Никколо! — окликнул он.

Всадники быстро расчистили ему путь, еще дальше отгеснив толпу, и мессер Макиавелли, отвечая на приглашение, пустил шагом своего мула.

— Все кончено, — объявил герцог. — Я сделал все, что обещал, и теперь крепко держу в своих руках Вителли, Оливеротто, Гравину и ублюдка Джанджордано. За ними последуют другие Орсини: Джанпаоло Бальони и Петруччи. Моя сеть раскинута широко, и все они, до последнего человека, заплатят за предательство.

Он остановился, ожидая услышать не личное мнение мессера Макиавелли, а то, как новость будет воспринята во Флоренции. Однако пронизательный секретарь был осторожен и не склонен к опрометчивым заявлениям. Его лицо осталось непроницаемым. Он молча поклонился, словно давал понять, что не вправе обсуждать сказанное, а лишь принимает его к сведению.

В устремленных на него глазах герцога мелькнуло выражение неодобрения.

— Я оказал огромную услугу синьории Флоренции, — почти вызывающе произнес он.

— Синьория будет информирована, ваше высочество, — уклончиво ответил посланник, — и я надеюсь передать вашему высочеству поздравления синьории.

— Много уже сделано, — продолжил герцог. — Но немало предстоит еще сделать, и кто подскажет мне, как именно?

Он взглянул на Макиавелли, и в его глазах читалось желание услышать совет.

— Ваше высочество спрашивает меня?

— Да, — ответил герцог.

— Теории ради?

Герцог изумленно посмотрел на него и рассмеялся.

— Разумеется, — сказал он. — Практикой займусь я сам.

Глаза Макиавелли сузились.

— Когда я говорю о теории, — объяснил он, — я выражаю свое личное мнение, а не мнение флорентийского секретаря. — Он наклонился ближе и тихо добавил: — Когда государю приходится иметь дело с врагами, ему следует либо превратить их в своих друзей, либо лишить их возможности быть его врагами.

Герцог задумчиво улыбнулся.

— Где вы научились этому? — спросил он.

— Я с восхищением наблюдал за восхождением вашего высочества к славе, — ответил флорентиец.

— И свели мои действия к принципам, которые должны управлять моим будущим?

— Более того, ваше высочество, они станут управлять всеми будущими государями.

Герцог взглянул прямо в хитрое лицо с сумрачными глазами и выдающимися скулами.

— Я иногда теряюсь в догадках, кто же вы — придворный или философ, — промолвил он. — Но ваш совет очень кстати: либо сделать их моими друзьями, либо лишить их возможности быть моими врагами. Но я более не смогу доверять им как друзьям. Вы увидите. И тогда... — Он запнулся. — Мы поговорим об этом, когда я вернусь. Войска Кореллы вышли из повиновения; они грабят и жгут в предместье, и я должен положить этому конец, иначе эта торговка-Венеция вооружится, чтобы вернуть себе дукаты, награбленные у лавочников. Вас примут во дворце. Располагайтесь и ждите меня там.

Он сделал знак всадникам, повернулся и устремился прочь, в сторону предместья, а Макиавелли двинулся в противоположном направлении, сквозь живо расступавшуюся перед ним толпу, поскольку теперь все знали, что он был одним из тех, кто удостоен великой чести быть лично знакомым с герцогом.

Флорентиец направился во дворец, как ему было велено, и там он сочинил свое знаменитое послание синьории Флоренции, в котором изложил только что произошедшие события. Он сообщил, как Чезаре Борджа обратил против предавших его их же оружие и одним ударом захватил троих Орсини: Вителлоццо, Вителли и Оливеротто, синьора Фермо, и заключил письмо следующими словами: «Я очень сомневаюсь, что кто-нибудь из них доживет до утра».

Впоследствии ему вновь пришлось признать, что, несмотря на свою проницательность, он не смог оценить всей изобретательности и хитрости Чезаре Борджа. Герцог прекрасно понимал, что скрутить шею Орсини означает посеять ужас и тревогу в логове медведя — Риме, и тогда могущественный кардинал Орсини, его брат Джулио и племянник Маттео (он нас особенно интересует) будут искать спасения в бегстве, а, оказавшись в безопасности, сообщая примут ответные меры.

Макиавелли не смог предвидеть курса, который в силу подобных соображений избрал Чезаре, что является еще одним доказательством того, насколько герцог превосходил флорентийца в искусстве управления государством.

С синьорами Фермо и Кастелло обшлись так, как и предполагал Макиавелли. Их формально судили, нашли виновными в предательстве своего сюзерена и той же ночью задушили одной веревкой, предварительно привязав спиной к спине, после чего тела были переправлены в богадельню для погребения. Но оба Орсини не разделили тогда судьбу своих сообщников. Им было подарено еще десять дней жизни, пока Чезаре не получил извещение из Рима, что кардинал Орсини и прочие члены их семьи схвачены. Лишь тогда в Ассизи, куда к тому времени переехал герцог, Гравина и Паоло Орсини были отданы в руки палачу.

Герцог широко раскинул сеть, однако четверым удалось проскользнуть сквозь ее ячейки: Джанпаоло Бальони, не приехавшему в Сенигаллию из-за болезни: Пандольфо Петруччи, тирану¹³ Сиены, единственному из всех, кому хватило ума не поверить намерениям герцога и который, вооружившись до зубов, укрылся за бастионами городской крепости; Фабио Орсини, присоединившемуся к Петруччи, и племяннику кардинала Маттео Орсини, исчезнувшему неизвестно куда.

Герцог вознамерился поймать первых трех, чье местонахождение ему было известно. Маттео значил для него меньше, и с ним можно было разделаться позже.

— Клянусь перед Богом, — заявил Чезаре фра Серафино, монаху-францисканцу, исполнявшему обязанности секретаря в отсутствие Агапито, — что во всей Италии не найдется норы, которую я не обшарю в поисках Маттео Орсини.

Это было в Ассизи, в тот самый день, когда он приказал удавить Гравину и Паоло. А вечером один из его шпионов донес, что Маттео Орсини скрывается в Пьевано, в замке своего дальнего родственника Альмерико; этот последний Орсини был слишком стар и неопасен, чтобы привлечь к себе внимание герцога. Он занимался науками и жил почти в полном уединении со своей дочерью... отгородившись книгами от раздоров и кровопролитий, терзавших в то время Италию.

Герцог разместился в Рокка-Маджоре, серой зубчатой крепости, увенчивающей крутой холм над городом и доминирующей над равнинами Умбрии. Он принял доносчика в просторной комнате, выложенной каменными плитами, скудно обставленной и холодной. В огромном, пещерообразном камине пылал огонь, отбрасывая оранжевые отсветы на голые стены крестообразных сводов.

Герцог, молча расхаживавший взад и вперед, пока посетитель рассказывал о том, что ему удалось узнать, зябко кутался в пурпурную мантию, подбитую изнутри мехом рыси. Фра Серафино расположился за дубовым письменным столом у окна и тщательно затачивал перья.

Шпион был умен и усерден. Не довольствуясь слухами, он сам облазил Пьевано, по крупицам собирая сведения о местопребывании Маттео Орсини, чтобы иметь твердый ответ на вопрос, который герцог не преминул задать ему.

— И все-таки это просто сплетни, — усмехнулся Чезаре. — Говорят, что Маттео Орсини в Пьевано. Я устал до смерти от этих «говорят» и от всей их семьи. Я давно знаю его, он всегда был хитрецом.

— Но эта версия, если ваше высочество позволит, опирается на прочные основания, — сказал посланец.

Герцог остановился перед пылающими в камине поленьями и протянул к огню изящные руки с узкими ладонями и тонкими пальцами, способными тем не менее гнуть подковы.

— Основания? — спросил он. — Представьте их.

— У графа Альмерико есть дочь, — без запинки начал шпион. — В Пьевано все говорят, что эта дама, монна¹⁴ Фульвия, и синьор Маттео собираются пожениться. Старый граф любит Маттео, как сына, и одобряет их решение. А в каком месте синьор Маттео будет в большей безопасности, чем в доме, где его любят? Кроме того, Пьевано расположен недалеко отсюда, его владетель — известный книжник, далек от мирских волнений, — следовательно, Пьевало будет последним городом Италии, где станут искать синьора Маттео. Эти соображения подтверждают слухи о его пребывании там.

Некоторое время герцог внимательно рассматривал посетителя, обдумывая услышанное.

— Вы верно рассуждаете, — согласился наконец он, и шпион согнулся в поклоне, польщенный похвалой. — Можете идти. Скажите, что я требую к себе мессера да Кореллу.

Шпион вновь поклонился, мягко отступил к двери и исчез. Чезаре неторопливо пересек комнату, подошел к окну и устремил взгляд на блеклый ландшафт, освещенный холодным светом январского полудня. Вдалеке виднелся серо-голубой массив Апеннин, бегущая к Тибру речка Чаги серебряной лентой извивалась по тусклой зеленой равнине. Но Чезаре отнюдь не любовался

пейзажем. Он размышлял. Наконец, обернувшись к брату Серафино, занятому проверкой только что заточенных перьев, спросил:

— Как захватить этого малого?

Это была его манера — спрашивать совета у разных людей, но прислушиваться только к тем, которые совпадают с его собственным желанием.

Мрачнолицый монах поднял голову, почти испугавшись неожиданного вопроса. Зная герцога и предполагая, для чего послали за Кореллой, брат Серафино решил, что все просто как дважды два, и предложил герцогу:

— Пошлите пятьдесят человек и привезите его из Пьевано.

— Пятьдесят человек. Хм! А если в Пьевано поднимут мосты и станут сопротивляться?

— Пошлите еще сто и пушку, — сказал брат Серафино. Снисходительно улыбаясь, герцог взглянул на него.

— Я убеждаюсь в том, что вы совсем не разбираетесь в людях, брат Серафино. И я буду удивлен, если окажется, что вы хоть немного знаете женщин.

— Боже сохрани! — воскликнул потрясенный монах.

— Тогда вы не советчик, — заключил герцог. — Я надеялся, что вам хоть на минуту удастся вообразить себя женщиной.

— Вообразить себя женщиной? — изумился брат Серафино, широко раскрыв свои глубоко посаженные глаза.

— Тогда вы смогли бы подсказать мне, каким должен быть мужчина, чтобы обмануть вас. Видите ли, Пьевано — настоящий кроличий садок. Там можно спрятать целую армию, а не только одного-единственного человека. И я не намерен тревожить графа Альмерико, иначе он успеет укрыть своего гостя в какой-либо норе. Надеюсь, вы видите проблему? Чтобы решить ее, мне потребуется бессердечный и бессовестный человек, мошенник, озабоченный только своим успехом, и при этом у него должна быть неординарная внешность, которая будет привлекательна для женщины и сможет вызвать ее расположение. А теперь скажите, где мне найти такого проходимца?

Брат Серафино не мог ничего ответить. Он лишь в изумлении осмысливал извилистые подземные пути, которые прокапывал Чезаре для достижения своих целей. А затем, бряцая шпорами, вошел Корелла, бородатый, мужественный кондотьер.

Герцог долго и пристально разглядывал его, после чего покачал головой:

— Нет, вы не тот человек, который мне нужен. В вас слишком много от солдата и слишком мало от придворного, вы чересчур хороший фехтовальщик, но отвратительно играете на лютне, и, на мой взгляд, вы почти безобразны. Брат Серафино, будь вы женщиной, понравился бы он вам?

— Я не женщина, ваше высочество...

— Это и так очевидно, — взмолился герцог.

— И я не знаю, что мог бы подумать, будь я женщиной. Вполне вероятно, что я не думал бы вообще, поскольку не верю, что женщины думают.

— Женоненавистник, — бросил герцог.

— Слава Богу, — благоговейно произнес брат Серафино. Герцог снова пристально посмотрел на своего капитана.

— Нет, — сказал он, — залог любого успеха в правильном выборе инструмента. Мне нужен красивый, жадный, бессовестный плут, который ловко обращается со шпагой и может прошептать сонет. Ферранти да Изола как раз стоились бы для этого, но бедный Ферранти умер от одной из своих шуток.

— А что за дело, ваше высочество? — рискнул поинтересоваться Корелла.

— Я скажу это тому, кому поручу его. Рамирес здесь? — внезапно спросил он.

— Он в Урбино, синьор, — ответил Корелла. — Но здесь есть человек, который подходит под ваше описание — Панталеоне делл'Уберти.

— Пришлите его, — отрывисто приказал он, и Корелла, церемонно поклонившись, отправился выполнять поручение.

Чезаре вернулся к огню и грелся около него до тех пор, пока не пришел Панталеоне — высокий, красивый малый, с прилизанными черными волосами и дерзкими черными глазами; в его солдатских манерах и одежде сквозило некоторое щегольство, и нельзя было сказать, что оно ему не шло.

Беседа была короткой.

— Готов поставить тысячу дукатов против лошадиной подковы, что Маттео Орсини у своего дяди в Пьевано. Предлагаю эту тысячу за его голову. Отправляйтесь и заслужите их.

Панталеоне был ошеломлен.

— Сколько людей я могу взять? — запинаясь, спросил он.

— Столько, сколько хотите. Но знайте, что силой тут ничего не добьешься. При первом же знаке Маттео, если он там, зароется в землю, как крот, и все ваши поиски окажутся бесплодными. Это задача для ума, а не для силы. В Пьевано есть женщина, которая влюблена в Маттео или в которую влюблен Маттео... Оцените свои возможности и воспользуйтесь ими. Корелла считает, что у вас есть данные, чтобы справиться с такой задачей. Докажите мне это, и ваше будущее обеспечено.

Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, и Панталеоне, не успев задать ни одного из сотни вопросов, роящихся в его голове, удалился.

Брат Серафино задумчиво погладил пером свой тонкий нос.

— Я бы не стал доверять этому малому, если дело касается женщин, — произнес он. — У него слишком пухлые губы.

— Именно поэтому я и выбрал его, — сказал Чезаре.

— В руках женщины он превратится в воск, — продолжал монах.

— Тысяча дукатов придадут ему твердости, — возразил герцог.

Но сомнения продолжали одолевать монаха:

— Женская хитрость может размягчать золото до тех пор, пока оно не расплавится.

Герцог пристально посмотрел на него.

— Вы чересчур много знаете о женщинах, брат Серафино, — упрекнул он монаха, и тот замолчал.

II

Панталеоне делл'Уберти появился в Пьевано одновременно со снежным бураном, налетевшим на предгорья Перуджи. За две мили до городка он расстался с десятком молодчиков, которых привел с собой из Ассизи, приказав им разделиться на группы по два-три человека и следовать за ним в Пьевано. Он согласовал сигналы, которыми в случае необходимости мог быстро созвать их, приказал, что из трех человек, которые расположатся в трактире «Бук», по крайней мере один должен все время оставаться в гостинице, где Панталеоне в любой момент мог бы найти его.

Через несколько часов он нетвердо ступал стертymi ногами по подъемному мосту, ведущему в крепость, производя впечатление вконец измотанного человека. Слуга проводил его к синьору Альмерико Орсини, у которого пошатывающийся от усталости Панталеоне попросил убежища.

— Меня преследуют, синьор, — лгал он. — Кроважательный деспот Валентино возжелал мою ничтожную жизнь, чтобы пополнить ею свою гекатомбу¹⁵.

Руки старого синьора Альмерико вцепились в украшенные резные подлокотники огромного кресла из черного дерева. Взгляд пронзительных темных глаз из-под косматых бровей устремился на посетителя. Он хорошо знал, о какой гекатомбе говорил мессир Панталеоне; как бы ни был он далек от тревожения мира, но, будучи Орсини, не мог проявлять безразличия к судьбам своих родственников. А поскольку здесь находился человек, который прибыл прямо оттуда, где лилась кровь, его надлежало приветствовать как принесшего вести о событиях, небезразличных синьору Альмерико.

В те времена человеческая жизнь ценилась дешево и людей мало беспокоили чужие несчастья, но старый Орсини всегда считал своим долгом позаботиться о попавшем в беду. Синьор Альмерико сделал знак слуге, и тот придвинул незнакомцу плетеное кресло. Мессир Панталеоне безжизненно упал в него, уронил свою промокшую шляпу на мраморный пол и расстегнул огромный красный плащ так, чтобы стали видны его кожаные солдатские доспехи.

Со слабой улыбкой благодарности он взглянул на синьора Альмерико, а затем его дерзкие глаза, казавшиеся очень усталыми под тяжелыми смыкающимися веками, остановились на даме, стоявшей рядом с отцом. Это была еще девочка, с худой и гибкой фигурой. Простое платье вишневого цвета, в квадратном вырезе которого виднелась юная белая грудь, было схвачено в талии серебряным пояском с берилловой застежкой. Ее иссиня-черные волосы были собраны в пучок и стянуты на затылке сеткой из золотых нитей. Темно-синие глаза, казавшиеся почти черными, с жалостью смотрели на молодого человека.

Поскольку мессера Панталеоне притягивали женщины более грубого типа, обладающие пышными формами, его вопросительный взгляд не задержался на ней, а переместился к теням, окутывавшим углы комнаты, в поисках того, кто здесь не присутствовал.

— Почему вы пришли ко мне? — спросил его синьор Альмерико с обезоруживающей прямоотой.

— Почему? — мессер Панталеоне мигнул, словно его удивил этот вопрос. — Потому что вы — Орсини, а я сражался за дело Орсини. Паоло Орсини был мой друг.

— Был? — сорвался вопрос с уст монны Фульвии.

Панталеоне тяжело вздохнул, как человек до крайности удрученный.

— Так вы еще не слышали? А я-то думал, что эти печальные события известны уже всей Италии. Вчера в Ассизи был задушен Паоло и вместе с ним герцог Гравина.

Старик резко приподнялся в кресле, упираясь дрожащими руками в подлокотники, а затем без сил рухнул обратно.

— Проклятье мне, принесшему дурные вести, — яростно прорычал изобретательный Панталеоне.

Но старик, преодолев потрясение и оправившись от минутной слабости, укорил его за эти слова. Монна Фульвия застыла, пораженная горем, хотя она и не была знакома ни с одним из своих родственников, о чьих смертях сообщил беглец.

— И это еще не все, — продолжил Панталеоне. — Из Рима поступили известия, что кардинал в темнице замка Святого Ангела, что Джанджордано схвачен вместе с Сантакроче и с кем-то еще. Милосердие Борджа всем известно. Папа и его ублюдок не успокоятся до тех пор, пока от дома Орсини не останется камня на камне.

— Тогда он никогда не будет знать покоя, — гордо произнесла монна Фульвия.

— Я молюсь об этом, мадонна, искренне молюсь. Я был другом Паоло Орсини и покрыл себя несмываемым позором, служа этому деспоту Борджа вместе с ним. Герцог Валентино знает, что я служил ему лишь потому, что служил Орсини, и теперь меня за приверженность дому Орсини объявили вне закона. Меня преследуют и если схватят, то я погибну, как Паоло и Гравина и как, говорят, погиб Маттео Орсини.

Это был самый хитрый ход Панталеоне. Произнося последнюю фразу, он внимательно наблюдал за поведением синьора Альмерико и его дочери, хотя со стороны казалось, что он просто смотрит на них с состраданием и жалостью. Он заметил выражение удивления на лицах, которое никто из них не мог скрыть. Затем девушка заинтересованно спросила:

— Неужели люди так говорят?

— Таковы слухи, — печально ответил мошенник. — Я молю Бога и святых, чтобы это оказалось ложью.

— Видите ли... — серьезно начал было синьор Альмерико, словно собираясь разубедить его, но осторожность не дала ему продолжить: все-таки этот беглец внушал ему мало доверия. Он изменил тон и проговорил:

— Благодарю вас, синьор, за вашу молитву.

Но от Панталеоне не укрылась секундная заминка синьора Альмерико. Нетрудно было предположить, что Маттео Орсини скрывается либо здесь, в Пьевано, либо где-то поблизости. Он мыслил логически: женщина, любящая Маттео Орсини, не восприняла бы новость о его смерти столь хладнокровно, если не была бы уверена в том, что он жив. В такие времена подобную уверенность могло дать только само его присутствие в Пьевано. Даже пыл, с которым она отреагировала на изобретенный Панталеоне слух о мнимой смерти Маттео Орсини, показывал, сколь обрадовала ее подобная версия, уменьшавшая опасность быть схваченным для объявленного вне закона беглеца.

Сохранив на лице маску печали, мессер Панталеоне в глубине своей вероломной души радовался, что определенно напал на след и вскоре Маттео Орсини и тысяча дукатов будут его.

Но тут ему пришлось испытать натиск недоверчивого хозяина.

— Вы из Ассизи? — поинтересовался он.

— Да, из лагеря синьора герцога Валентино, — ответил посланник Борджа.

— И вы бежали сразу после того, как они удушили Паоло и Гравину?

— Не совсем так, — мессер Панталеоне заметил ловушку. В состязании умов он не уступил бы и десятку таких ученых-отшельников, как синьор Альмерико. — Как я уже говорил вам, это было вчера, еще до того, как у Чезаре Борджа появились доказательства моей верности Орсини. Случись все иначе, я мог бы и дальше оставаться капитаном и служить этому тирану. Но мне стали известны планы герцога относительно Сиены, и я попытался послать письмо и предупредить Петруччи. Письмо было перехвачено, и я едва успел вскочить на лошадь, прежде чем за мной пришли. В миле отсюда лошадь пала, и я решил, что мне лучше прибегнуть к вашему покровительству. Но синьор, — закончил он, вставая и демонстрируя испытываемые при этом страдания, — если вы полагаете,

что своим присутствием я навлеку на вас месть герцога Валентино, тогда...

Он подобрал плащ, как человек, собирающийся уходить.

— Минуту, синьор, минуту, — нерешительно произнес Альмерико Орсини и протянул руку, останавливая солдата.

— Какое нам дело до этого Валентино? — вскричала девушка, и гнев вспыхнул в ее глазах, превратив их в пылающие сапфиры. — Кто здесь боится его? Выдворить отсюда вас, друга нашего родственника, было бы недостойно. Пока в Пьевано есть хоть один дом, вы можете спокойно находиться под его крышей.

Синьор Альмерико поерзал в кресле и фыркнул, когда она закончила свою жаркую речь. «Дочь слишком торопится», — подумал он, хотя ему самому было бы трудно отказать человеку, пришедшему с просьбой об убежище.

— Как ваше имя, синьор? — грубовато спросил он, взглянув в глаза незнакомцу.

— Меня зовут Панталеоне делл'Уберти, — ответил кондотьер, у которого хватило здравого смысла не прибегать ко лжи там, где правда была безопасней.

— Достойное имя, — пробормотал старик, словно разговаривая сам с собой. — Ну, хорошо! Однако не задерживайтесь в Пьевано дольше, чем это необходимо. Я думаю не о себе. Я слишком стар, чтобы променять долг гостеприимства на ничтожную часть жизни, оставшуюся мне. Однако мне надлежит помнить об этом ребенке...

Но тут монна Фульвия прервала его, продемонстрировав благородство юности и женское сострадание.

— Тот, кто подвергается большому риску, может не считаться с малым, — воскликнула она, и синьор Панталеоне весь обратился в слух.

— Клянусь Всевышним, это не так, — возразил ей отец. — Сейчас мы не можем позволить себе ничего, что привлекло бы к нам внимание. Видишь ли...

Тут в нем вновь заговорил бдительный страж, и он осекся, пристально глянув на своего собеседника.

Лицо Панталеоне выглядело тупым и бесстрастным, но это была всего лишь маска. Его живой ум без труда завершил оборванную фразу синьора Альмерико, подтвердив предположение, что Маттео Орсини находится здесь.

Видя, что на него смотрят с недоверием, он решил, что настало время покачнуться от слабости. Он повернулся вбок, схватившись одной рукой за лоб, а другой нащупывая себе опору, и упал на стоявший поблизости бронзовый стол, скользнувший в сторону по мраморному полу, а

затем, не найдя больше опоры, тяжело рухнул на пол, растянувшись во всю длину своего роста.

— У меня нет сил, — простонал он.

Все трое одновременно бросились к нему: синьор Альмерико, его дочь и все еще находившийся в комнате слуга. И пока старик, склонившись над Панталеоне, пытался оказать тому неотложную помощь, монна Фульвия отдавала распоряжения изумленному лакею.

— Приведи Марио, быстро, — командовала она. — Вели принести вино, уксус и полотенца. Бегом!

Панталеоне приподнял запрокинувшуюся голову и оперся ею о колено синьора Альмерико. Он открыл отупевшие глаза и бормотал бессвязные извинения за причиненное им беспокойство. Стоны хитреца глубоко тронули старого Орсини и растопили оставшееся недоверие, как апрельское солнце растапливает снег на склонах холмов.

Пришел Марио — невысокий крепкий малый, с лицом цвета глины и настолько изрытым оспинами, что оно казалось уродливым подобием человеческого облика. Номинально он являлся кастеляном замка Пьевано, фактически же это был мастер на все руки, и в числе его многочисленных достоинств были знание хирургии, умение ставить пиявки и парикмахерское искусство. Он был неподкупно честен, верен хозяину, невероятно доволен собой и в то же время абсолютно невежествен.

Он привел с собой помощников — Вирджинию, служанку монны Фульвии, и пажа Рафаэля. Они принесли бутылки и графины, полотенца и серебряный таз и вместе со всеми столпились около сэра Паталеоне, в то время как Марио с серьезным и почти пророческим выражением лица опустил на одно колено рядом с ним и нащупал его пульс.

Манипуляции с пульсом служили, однако, лишь для создания впечатления, не более. Какое бы недомогание ни обнаружил Марио, метод лечения оставался один и тот же. Применил он его и на сей раз.

— Ага! Истощение, — был его диагноз. — Небольшое кровопускание оживит его. Я немного облегчу его, и все будет в порядке.

Он поднялся.

— Винченцо, помоги мне, мы отнесем его в постель. Ты, Рафаэль, посветишь нам.

Марио и слуга вдвоем подняли Панталеоне. Паж взял один из огромных, выше его роста, позолоченных подсвечников, стоявших на полу, и пошел впереди, а Вирджиния замыкала шествие.

На другой день Панталеоне проснулся отдохнувшим и освеженным. Комната, в которой он находился, была залита неярким светом январского утра и наполнена тонким бодрящим ароматом лимонной вербены, плавающей в крепком уксусе; в углу он заметил Рафаэля, грациозного подростка с красивым, нахальным лицом и гладкими желтыми волосами.

— Из-за нехватки людей меня послали прислуживать вам, — объяснил свое присутствие паж.

Панталеоне оглядел его гибкую фигуру в зеленом костюме, облегавшем ее, как кожа.

— А кто ты? — поинтересовался он. — Ящерица?

— Я рад видеть, что вы поправляетесь, — сказал мальчик. — Дерзость, говорят, признак здоровья.

— Нет сомнения, что у тебя и того и другого в избытке, — мрачно улыбаясь, произнес Панталеоне.

— Слава Богу! — подняв глаза, воскликнул паж. — Я сообщу своему господину о вашем полном выздоровлении.

— Останься, — велел ему Панталеоне, желая кое-что уяснить для себя. — Раз тебя приставили прислуживать, сперва накорми меня. Я, возможно, посредственный христианин и хотя, в некотором смысле, служил папе, но всегда находил для себя трудным воздерживаться в Великий пост, а в другое время года — и вовсе невозможным. Вон там я вижу дымящийся горшок. Распорядимся же им по назначению!

Рафаэль подал ему горшок с бульоном и деревянную тарелку, на которой была небольшая буханка пшеничного хлеба, а затем принес серебряный таз и полотенце, которыми, однако, Панталеоне не воспользовался. Он получил воспитание в военном лагере и не симпатизировал придворным щеголям, любившим мыться слишком часто.

Он шумно выпил часть бульона, разломил хлеб и принялся жевать, мрачно глядя на пажа и прикидывая, какие сведения можно выудить из него.

— Тебя послали ко мне из-за нехватки людей, — задумчиво произнес он. — Неужели в Пьевано мало людей? Синьор Альмерико — знатный и могущественный господин и не должен испытывать недостатка в слугах. Почему же их не хватает?

Мальчик уселся на его кровать.

— Откуда вы, мессер Панталеоне? — любопытствовал он.

— Я? Из Перужди, — ответил кондотьер.

— А разве в Перудже неизвестно, что покой и книги — самое главное для синьора Альмерико? Он интересуется Сенекой¹⁶ больше, чем судьбой любого из правителей Италии.

— Кем интересуется? — спросил Панталеоне.

— Сенекой, — повторил мальчик.

— Кто это? — удивился Панталеоне.

— Философ, — сказал Рафаэль. — Мой господин любит всех философов.

— Тогда он полюбит и меня, — произнес Панталеоне и допил остатки бульона. — Но ты не ответил на мой вопрос.

— Как же не ответил? Я уже сказал, что у нашего синьора, несмотря на его положение, совсем мало слуг. Во всем замке лишь четверо конюхов.

— Пусть так, — настаивал Панталеоне, — но одного из четверых можно было бы уступить мне.

— Но Винченцо — тот, кто помогал вам добраться до постели, — личный слуга нашего синьора; у Джанноне много дел на конюшне, а Андреа ушел в предместье по поручению мадонны.

— Но ты сказал, что их четверо.

— Четвертый — Джиберти, он исчез неделю назад.

Панталеоне задумчиво взглянул на потолок, размышляя, случайно ли совпало исчезновение Джиберти с исчезновением Маттео Орсини, и желая знать, существует ли между ними связь, продолжил разговор.

— Ты имеешь в виду, что его уволили? — проворчал он.

— Не думаю. Это загадка. В то утро здесь было много суеты, и с тех пор я не видел Джиберти. Но он не был уволен, поскольку я был в его комнате и вся его одежда на месте. И он не покидал Пьевано, разве что пешком, поскольку ни одна лошадь не исчезла из стойла. Напротив — и тут еще одна загадка, которую никто не может объяснить, — на другое утро после пропажи Джиберти я обнаружил в стойле семь лошадей вместо обычных шести. Я нарочно ходил туда считать их, чтобы узнать, уехал ли Джиберти из замка. Я мало верю в колдовство и не думаю, что Джиберти превратили в лошадь. Стань он ослом, я еще мог бы поверить, для такого превращения не требуется больших усилий. Вот вам и загадочка!

На лице Панталеоне никак не отразился тот интерес, который он проявлял к рассказу мальчика, косвенно подтверждавшего присутствие беглеца в Пьевано. Он

лениво улыбнулся мальчику, ободряя его, и, чтобы тот чувствовал себя более раскованно, прибегнул к лестии:

— Клянусь Всевышним, хоть ты, быть может, всего лишь мальчишка, у тебя ум мужчины, и даже больше ума, чем у многих мужчин, которых я знал. Ты пойдешь далеко.

Мальчик забрался с ногами на постель, подвернув их под себя, и удовлетворенно улыбнулся.

— От тебя ничего не укрылось, — подзадоривал его Панталеоне.

— Действительно, немногое, — согласился мальчик. — И я могу сказать вам еще кое-что. Оказалось, что жена Марио тоже пропала. Марио — это наш кастелян, тот самый, с оспинами на лице, который прошлой ночью пустил вам кровь. Жена Марио, кухарка, исчезла вместе с Джиберти. И это обстоятельство сильно озадачило меня.

— Будь ты постарше, оно озадачило бы тебя куда меньше, — промолвил Панталеоне, намекая на обстоятельство, в которое не верил сам.

Рафаэль откинул голову и с усмешкой посмотрел на солдата.

— Вы хорошо сказали, что у меня ума больше, чем у многих мужчин, — подчеркивая последние слова сообщил он Панталеоне. — Конечно, мужчина грубо ошибся бы, сделав поспешные и непристойные заключения. Но, синьор! Я ведь мальчик, а не херувим на фреске. Стоит вам только увидеть Колумбу — жену Марио, и вы не будете сомневаться в чистоте ее отношений с Джиберти или со всяким другим мужчиной. Вы, конечно, помните восхитительное лицо Марио, выглядящее так, как будто по нему скакал дьявол и на каждом его копыте была докрасна раскаленная подкова. А жена его еще безобразнее, поскольку сама подхватила от него оспу, и сейчас они идеально подходят друг другу.

— Ах, пострел, — произнес Панталеоне. — Твой рассказ грубоват даже для солдатского уха. Будь ты моим сыном, я всыпал бы тебе плетей.

Он отшвырнул покрывало и встал, чтобы одеться. Он узнал все, что хотел.

— Загадочность всех этих событий очень занимает меня, — продолжал болтать паж. — Можете ли вы разобраться в этом, синьор Панталеоне?

— Попробую, — зловеще ответил тот, натягивая чулки, но Рафаэль, несмотря на ранее развитие, не услышал нотки угрозы в ответе.

Итак, у Панталеоне имелись на руках некоторые факты, казавшиеся ему совершенно очевидными: исчезновение конюха Джиберти и кухарки Коломбы, совпавшее с появлением лишней лошади в стойле и, следовательно, с возможным прибытием Маттео Орсини в Пьевано, говорило в пользу того, что забота о последнем была поручена этим двум слугам. Далее, если бы Маттео Орсини остался в самом замке, таких мер не потребовалось бы, отсюда следовало, что для большей безопасности его укрыли где-то в другом месте, скорее всего где-то в крепости. Теперь ему предстояло установить, какие укромные закутки существуют внутри цитадели, а для этого надо было выйти наружу.

Он облачился в старательно высушенные одежды, которые паж ему принес из кухни, натянул сапоги, а поверх камзола абрикосового цвета накинул и кожаный плащ. Прицепив свою длинную шпагу слева, а тяжелый кинжал повесив на бедре справа, он направился вниз: изящный кавалер, со щегольской и надменной выправкой, в котором трудно было узнать грязного, изможденного беглеца, еще вчера умолявшего синьора Альмерико об убежище.

Бойкий Рафаэль провел его к синьору Альмерико и монне Фульвии. Они сердечно, без тени вчерашнего недоверия, приветствовали Панталеоне, искренне радуясь очевидному улучшению его самочувствия, и догадливый кондотьер сделал вывод, что они успели посоветоваться с Маттео, а тот засвидетельствовал, что история, рассказанная Панталеоне, похожа на правду и что он действительно был дружен с Паоло Орсини.

Он немедленно отправился бы исследовать крепость, якобы для того, чтобы подышать свежим воздухом, но Марио был непоколебим:

— Что, синьор? На прогулку в вашем состоянии? Это безумие. Прошлой ночью у вас была лихорадка и вам пустили кровь. Вы должны отдыхать и восстанавливать свои силы, иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

Панталеоне насмешливо отверг замечание относительно своей слабости. Морозный воздух совсем не повредит ему. Разве солнце не светит? Разве он не чувствует себя опять самим собой?

Но эти аргументы только утвердили Марио в своей правоте.

— Если благодаря моему искусству вы сегодня чувствуете себя лучше, положитесь на него и далее и послу-

шайтесь моего совета: чувство облегчения — иллюзия, испытываемая вами вследствие освобождения от избытка крови. Выходить наружу опасно для вас, это может свести на нет все мои усилия.

Орсини и его дочь присоединились к увещаниям Марио, и в конце концов, чувствуя, что дальнейшее упорствование может разбудить новые подозрения, Панталеоне уступил, пряча досаду за показной веселостью.

День, проведенный в стенах замка, тянулся долго, несмотря на все усилия хозяина и его дочери развлечь своего гостя. Их радушие, сам факт, что он сидел за одним столом и ел хлеб вместе с ними, не оказывали ни малейшего впечатления на Панталеоне. Двусмысленность происходящего, гнусность способа, который он использовал, чтобы войти в их доверие, нисколько не трогали его. Ему ничего не стоило сидеть здесь как другу и наслаждаться радушием хозяев.

Панталеоне был бесчувственным эгоистом с практическим умом, направленным на достижение выгоды. Честь он рассматривал лишь как одно из проявлений слабости тщеславного человека, а ощущение стыда было ему и вовсе незнакомо. Сам Макиавелли мог бы воздать ему должное за редкую целеустремленность, которой он руководствовался в практических делах.

На другой день он наконец добился того, чего хотел, несмотря на сомнения Марио. Для компании он взял бы с собой пажа, полагая, что этот болтун мог бы оказаться полезен, но законы гостеприимства в Пьевано предписывали другое. Обязанности гида взяла на себя монна Фульвия. Он пытался отговориться тем, что семья синьора Альмерико и так делает для него слишком много, однако девушка настаивала, и в конце концов они отправились гулять вместе.

Сады Пьевано поднимались террасами по крутым склонам холма, окруженного массивными крепостными стенами, простоявшими уже более двухсот лет и выдержавшими не одну осаду. Летом здесь господствовала буйная зелень прохладных рощ и виноградников, но сейчас бледное январское солнце освещало незатейливый узор голых ветвей, и лишь там, где стоял снег, виднелись островки зеленого дерна. А внизу простиралась сверкающая на солнце поверхность Тразименского озера.

Они не спеша поднялись к верхней террасе — всего их было шесть, — откуда открывался прекрасный вид на всю широкую долину. Здесь, около западной стены, они

нашли укромное место, где перед глубокой цистерной, устроенной в земле и использовавшейся летом для поливки, было вырублено в скале гранитное сиденье. Выше него располагалась небольшая полукруглая ниша, в которой находилась глиняная фигурка Девы Марии, раскрашенная в красные и голубые цвета, поблекшая от солнца и дождя.

Мессер Панталеоне снял с плеч плащ и расстелил его на сиденье для своей спутницы. Но та пребывала в сомнениях: благоразумно ли сидеть здесь, не слишком ли холоден воздух, а мессер Панталеоне не слишком ли разгорячен прогулкой? Но он рассеял ее опасения столь бодрым смехом, что всякое предположение о его болезненном состоянии становилось излишним.

Они уселись на гранитную скамью и некоторое время молча глядели на хрустальное зеркало воды, стоящей в каменной цистерне. Так могла вести себя парочка влюбленных, но у Панталеоне и мысли не возникало об ухаживании. Нельзя сказать, что он был робок с женщинами. Эти полные губы, как заметил брат Серафино, говорили обратное. Но, во-первых, его вкусам более соответствовали крутобедрые, полногрудые трактирщицы, а во-вторых, все его мысли сейчас были заняты поиском Маттео Орсини.

Чарующий вид на долину и холмы, озеро и реку не трогал сердца Панталеоне. Его дерзкие черные глаза непрестанно рыскали вблизи замка, среди строений, расположенных слева от него, и его очень заинтересовало странное сооружение посередине квадратной площадки, огороженной стенами.

Он вытянул свои длинные гибкие ноги, глубоко и шумно вдохнул чистый горный воздух, наслаждаясь им, словно напитком, и покачал головой.

— Э-хе-хе! Если бы я мог выбирать, кем быть в этой жизни, я стал бы синьором такого городка, как Пьевано.

— Весьма скромное желание, — отозвалась девушка.

— Иметь больше означает иметь власть сеять зло, а кто сеет зло, у того появляются враги, а у кого появляются враги, тот живет в тревогах и может не узнать простых радостей жизни.

— Мой отец согласился бы с вами. У него такая же философия. Именно поэтому он всегда жил здесь, не добиваясь большего.

— Воистину он избрал счастливую судьбу, — согласился

Панталеоне, — он удовлетворен, а кто удовлетворен — тот счастлив.

— Ах, но кто считает себя удовлетворенным?

— Ваш отец. И я, без сомнения, считал бы так же, будь я владельцем Пьевано. Конечно, кому-то, занимая он ваше положение, оно может показаться недостаточно высоким, особенно в сравнении с теми возможностями, которые могли бы перед вами открыться. Но в этой удовлетворенности малым — секрет вашего счастья.

— Вы полагаете, я счастлива? — промолвила она.

Он взглянул на нее, поймав себя на том, что, заинтересовавшись ее личными делами, может отклониться от цели. Но ему удалось преодолеть соблазн.

— Надо быть слепым, чтобы не видеть этого, — не допускающим возражений тоном произнес он и более мягко продолжил: — Хотя, говоря «вы», я подразумевал не только вас, но также и вашего отца. И оснований для этого достаточно. Прекрасное поместье, верные подданные, замок и все вспомогательные постройки рядом, словно под его крыльями, кроме, пожалуй, вон того павильона в саду, за оградой. — Он говорил лениво, ничем не показывая, что, наконец, подбирается к цели, которую не упускал из виду. — И это, — в раздумье продолжал он, — странное сооружение. Я не могу представить, для чего оно было построено.

В этой фразе звучал очевидный вопрос, и она не замедлила ответить на него:

— Это лепрозорий.

Пораженный Панталеоне инстинктивно отодвинулся от нее, и в его черных глазах мелькнул страх. Слово прозвучало настолько зловеще, что в его воображение и сразу же возник ужасный облик прокаженных.

— Лепрозорий?! — ошеломленно переспросил он.

Она объяснила:

— Когда мой отец был еще мальчишкой, во Флоренции свирепствовала черная оспа, и ее занесли сюда. Люди умирали, как мухи поздней осенью. Чтобы помочь им, мой дедушка приказал построить этот павильон и оградить его стенами. Здесь был святой монах-францисканец брат Кристофери, который ухаживал за больными, а сам чудесным образом избежал заразы.

— И вы сохранили павильон как монумент в честь того жуткого события? — спросил он.

— Ну отчего же? Мы им пользуемся.

Он взглянул на нее, подняв брови и выражая этим недоверие.

— Не хотите ли вы сказать, что там живут? — чуть насмешливым тоном спросил он.

— Нет-нет, — проговорила она, — разумеется, нет.

Он лениво взглянул туда. Он почти не сомневался, что она лгала ему. Однако ему хотелось удостовериться в этом. Неожиданно он с испуганным восклицанием привстал, устремив взгляд в сторону огороженного участка.

— Что такое? — напряженным голосом спросила она, тронув его за рукав.

— Наверно... наверно, вы ошиблись, — произнес он. — Мне показалось, я заметил какое-то движение в тени.

— О, нет, это невозможно! Вы ошиблись! Там никого нет! — Ее голос дрожал от волнения.

Удовлетворенный тем, что вытянул из нее ответ на вопрос, который не задавал, он ловко поторопился успокоить ее.

— И впрямь нет, — сказал он, рассмеявшись над собой. — Теперь я вижу, меня обманула тень кривой оливы. — Он взглянул на нее, растянув в улыбке свои полные губы, и вздохнул. — Похоже, вы прогнали призрак этого монаха — как там его звали?

— Брата Кристоферио, — облегченно улыбаясь ему, ответила она и встала. — Синьор, идемте, для человека в вашем состоянии вы просидели здесь слишком долго.

— Да, пожалуй, — послушно ответил он, и в его словах было больше искренности, чем она могла предположить.

В самом деле, он уже узнал все, что хотел, и та внезапность, с которой она настаивала на его уходе, лишь подтврждала его открытие. Теперь она собиралась увести его отсюда, чтобы он действительно не увидел чего-то лишнего, и Панталеоне с готовностью последовал за ней.

IV

Глупец никогда не сомневается в своих суждениях и не подвергает проверке добытые им сведения. Ухватившись за первый вариант решения задачи, он спешит действовать на его основе. Именно поэтому он и остается глупцом. Но истинно проницательный человек движется медленнее и осторожнее, пробуя почву под ногами перед каждым шагом, не доверяя своим выводам до тех пор, пока не исчерпает все источники, дополни-

тельно подтверждающие их. Даже быстро придя к заключению, он постарается действовать, не торопясь, если только от него не потребуется безотлагательных действий.

Таков был Панталеоне. Он добавлял звено к звену, пока в его руках не оказалась цепь достаточно очевидных свидетельств, которая позволила ему сделать следующие выводы: во-первых, Маттео Орсини укрывается в Пьевано, и, во-вторых, его поместили в лепрозории, хотя на сей счет у Панталеоне оставались некоторые сомнения.

Опрометчивый человек собрал бы своих людей и немедленно обыскал это сооружение. Но Панталеоне не был опрометчив. Сначала он прикинул, чего будет стоить ошибка. Он допускал вероятность, что его добычи может и не оказаться в лепрозории. И в этом случае он оказался бы на месте игрока, который, сделав паузу на один бросок, увидел, что кости упали единицами вверх. Ему бы не хотелось очутиться в подобном положении, следствием которого явилось бы позорное изгнание и возвращение к своему господину с полным фиаско.

Поэтому Панталеоне выжидал, проводя время в праздности и пользуясь гостеприимностью синьора Альмерико. По утрам кондотьер прогуливался в садах с монной Фульвией, в полдень он либо позволял Рафаэлю обучать его игре в шахматы, либо сам показывал этому золотоволосому мальчику, как пользоваться шпагой вместе с кинжалом и какими приемами легче всего умертвить противника, а по вечерам беседовал с хозяином, то есть слушал ученые рассуждения синьора Альмерико о жизни, почерпнутые в основном из Сенеки¹⁶ или Эпиктета¹⁷.

Панталеоне, надо признаться, был несколько озадачен этими рассуждениями, быстро утомлявшими его. Человек его склада не мог найти ни малейшего смысла в аскетической философии стоика. Однако ему было любопытно, какое влияние эти учения оказали на хозяина замка и как тот, следуя указанным стойками путем, пытался достичь уравновешенности духа. И хотя Панталеоне понимал смысл жизни совершенно иначе, он воздерживался от споров и изображал согласие, зная, что согласие с человеком — кратчайший путь к тому, чтобы завоевать его расположение.

Однако все его труды принесли слишком малое вознаграждение, и он не приобрел того доверия, на которое надеялся. Имя Маттео Орсини никогда не упоминалось в его присутствии, и когда однажды Панталеоне сам

упомянул о нем, в пылких выражениях восхваляя его и сожалея по поводу его предполагаемой смерти, все сдержанно промолчали, давая понять, что не намерены посвящать его в свои секреты.

Так прошла неделя, в течение которой его миссия нисколько не продвинулась. Он начал испытывать беспокойство, чувствуя, что, если подобное бездействие продолжится и дальше, он может сам допустить оплошность. И вот однажды ночью, направляясь в свою комнату в сопровождении Рафаэля, который стал его личным слугой и сейчас нес фонарь, он случайно сделал маленькое открытие.

Окна его комнаты выходили на широкий двор цитадели, и ничего другого из них увидеть было нельзя. Но по пути к ней проходили мимо окна галереи, выходящего на юго-запад, в сторону лепрозория. Безразлично взглянув в окно, он заметил пятнышко света, двигавшееся в темноте. Он остановился, разглядывая свет, яркую точку, а потом обратился к мальчику:

— Так поздно, а кто-то бродит в садах.

Рафаэль прижал лицо к стеклу, чтобы лучше рассмотреть в темноту.

— Это, должно быть, Марио, — произнес он несколько секунд спустя. — Я видел его у двери, когда поднимался сюда.

— А какого черта он делает в саду в такой час? В это время года он вряд ли найдет улиток.

— В самом деле, — согласился озадаченный Рафаэль.

— А-а, ладно, — сказал Панталеоне, поняв, что тратит время, поскольку Рафаэлю нечего было выболтать ему. — Это не наше дело, — он зевнул. — Пошли, малыш, или я усну там, где стою.

На следующий день он приступил к выполнению своего хитроумного плана, который тщательно обдумал ночью.

У Панталеоне был крошечный, не больше вишни, золотой шарик с ароматическими веществами, который он носил на шее на тонкой золотой цепочке. В третьем часу ночи, когда завершался ужин и наступало время отправляться спать — именно в эту пору прошлой ночью в саду виднелся таинственный свет, — он с испуганными восклицаниями вскочил на ноги.

— Мой шарик! — завопил он. — Я потерял его!

Синьор Альмерико успокаивающе улыбнулся и процитировал из сочинения какого-то философа-стоика:

— «В этой жизни, мой друг, мы никогда ничего не

теряем. Иногда мы лишь кое-что возвращаем себе». Вот самая подходящая точка зрения. К чему тогда беспокоиться о шарике, о безделушке, цена которой не более дуката?

— Стал бы я беспокоиться, если бы речь шла только об этом? — с горячностью воскликнул он. — Это был мой талисман, который вручила мне моя набожная матушка. Ради нее я храню его, как святыню. Я скорее расстанусь со всем, что имею, чем с ним.

Монна Фульвия, восхищаясь его сыновней любовью, сказала, что это меняет дело, и даже ее отец ничего более не добавил.

— Дайте мне подумать, дайте подумать, — сказал Панталеоне и принялся теревить пальцами свой выбритый подбородок, словно пытается что-то вспомнить. — Этим утром я гулял в саду, и он был со мной, когда я выходил туда. Да! — он ударил кулаком по раскрытой руке. — Это было в саду! Наверняка я потерял его в саду! — И, не спрашивая разрешения у хозяина, он повернулся к пажу: — Неси фонарь, Рафаэль.

— Не лучше ли подождать до утра? — удивился синьор Альмерико.

— Синьор, синьор, — в отчаянии взмолился Панталеоне, — я не успокоюсь, я не смогу спать, не будучи уверенным, найдется он или нет, и если надо, я буду искать всю ночь.

Они пробовали отговорить его, но, видя его искреннее отчаяние, уступили его настойчивости, и старый синьор не преминул посмеяться над суевериями, имеющими столь сильную власть над человеком.

Вооружившись фонарями, они вместе с Рафаэлем вышли в темный сад и направились прямо к первой террасе. Они обшарили каждый ее уголок, но все их усилия были напрасны.

— Пять дукатов, Рафаэль, если ты найдешь его, — сказал Панталеоне. — Давай лучше поделимся — таким образом ускорим поиски. Поднимись на следующую террасу и так же тщательно, шаг за шагом, осмотри ее. Пять дукатов, если найдешь шарик.

— Пять дукатов! — у Рафаэля перехватило дыхание. — Но вещь не стоит и полдуката!

— Однако ты получишь пять, если найдешь ее. Я ценю ее куда дороже.

Рафаэль схватил фонарь и заторопился наверх, а Панталеоне дождался, пока его шаги не затихли в отдалении и фонарь мальчика не скрылся из виду. Тогда

он прошел за густую кустарниковую изгородь и потушил фонарь. Сделав это, он быстро и бесшумно пересек сад и остановился около сосен, в дюжине шагов от ограды лепрозория. Там он спрятался среди деревьев.

Минуты тянулись в томительном ожидании. В отдалении маячил слабый отсвет фонаря Рафаэля, двигавшегося черепашным шагом по склону холма. Панталеоне знал, что в течение ближайшего часа Рафаэлю будет не до него. Обещание пяти дукатов усилит его настойчивость. А всякий наблюдатель из замка подумает, что они с Рафаэлем ведут поиски вместе.

Панталеоне не пришлось испытывать свое терпение слишком долго. Спустя десять минут после того, как он добрался до своего наблюдательного пункта, послышался скрип двери и у бокового выхода из замка блеснул еще один фонарь. Пятно света, становясь ярче, быстро приближалось к нему. Вскоре он смог различить фигуру человека, идущего по тропинке.

Человек прошел столь близко от Панталеоне, что, протянув руку, он мог бы коснуться его. Он узнал Марио и заметил, что на согнутой в локте руке тот нес корзину. Из-под белой скатерти, покрывающей корзину, торчало горлышко винной бутылки.

Кастелян прошел мимо него и остановился у стены, около того места, где находилась дверь. Панталеоне полагал, что он сейчас откроет ее, и собирался последовать за ним. Но вместо этого Марио подошел к подножию стены в десяти футах от двери, и до Панталеоне донесся звук мягко хлопнувших ладоней и голос:

— Ты здесь, Коломба?

Из-за стены послышался женский голос:

— Здесь.

Марио взял лестницу, лежавшую на земле, приставил ее к стене, вскарабкался по ней и переправил корзину за ограду. Затем Марио спустился, убрал лестницу и налегке пошел обратно.

Панталеоне решил, что все его подозрения подтвердились. Как он и предполагал, Коломба и конюх Джиберти прислуживали спрятанному Маттео Орсини, а Марио по ночам доставлял ему пищу. Но все же оставалась одна загадка: зачем потребовалось Марио использовать лестницу, когда рядом была дверь?

Однако дальнейшие события заставили его отвлечься от размышлений, вспомнить о себе и о положении, в котором он находился. Марио, вместо того чтобы вернуться

в замок, в нерешительности остановился на полдороге и затем, ориентируясь на свет, направился через сады туда, где Рафаэль продолжал поиски талисмана.

Для мессера Панталеоне события начали принимать серьезный оборот. Он поторопился покинуть свое укрытие и неслышно пошел вслед за Марио. Дойдя до второй террасы, Панталеоне нашел свой фонарь, зажег его и рванулся назад, крича на бегу:

— Рафаэль, Рафаэль!

Он увидел, как замер фонарь, который Марио нес, а секундой позже наверху блеснул свет фонаря Рафаэля, услышавшего крик и подошедшего к краю террасы.

— Я нашел его! — кричал Панталеоне, и это была правда, поскольку он извлек шарик из кармана камзола. — Я нашел... нашел его! — с выражением нелепого восторга повторял он, словно был Колумбом, открывшим Новый Свет.

Он дошел до нижней ступеньки лестницы, ведущей вверх, и там дождался их.

— Вы нашли его? — удрученно промолвил Рафаэль.

Панталеоне покачал шарик на цепочке.

— Гляди, — сказал он и добавил: — Но за свои труды ты получишь дукат, не меньше. Это утешит тебя.

— Вы нашли его в темноте? — ворчливо спросил Марио, и Панталеоне уловил нотку подозрительности в его голосе.

— Глупости. Как можно было найти его в темноте?

Марио пристально взглянул ему в лицо.

— Очень странно, — сказал он, — что я не видел свет, когда шел сюда.

— Я был вон там, за изгородью. Она могла заслонять свет, — объяснил Панталеоне и не добавил более ни слова, зная, что тот, кто слишком оправдывается, сам обвиняет себя.

Они вместе вернулись в замок: Рафаэль, удрученный своей неудачей, Марио, молчаливо размышлявший об этой подозрительной суете, и Панталеоне, всю дорогу рассказывавший о смертельных опасностях, которых ему удалось избежать благодаря чудесному влиянию золотого шарика, — и вся эта ложь, как весенняя вода, обильно рождалась в изобретательном уме Панталеоне.

Но когда настало время пожелать Марио спокойной ночи, он увидел, что, несмотря на все его старания, на изрытом оспой лице кастеляна осталось выражение недоверия.

В задумчивости он отправился в постель. Некоторое

время он лежал без сна, размышляя о своем открытии и особенно о той его части, которая так озадачила его. В другое время он, не торопясь, нашел бы разгадку странного поведения Марио. Но в данном случае, полагал он, затычка таит в себе опасность. Он уверил себя, что уже выяснил все необходимое, и перед тем, как уснуть, решил приступить назавтра к действиям и арестовать мессера Маттео Орсини.

V

Чтобы завершить свое дело, для которого он был послан, мессер Панталеоне прибегнул к самому примитивному способу, однако именно такого образа действия можно было ожидать от человека его нрава.

На другое утро, впервые за все время своего пребывания в замке Пьевано, он отправился вниз, в предместье, чтобы починить голенище своего сапога, порвавшегося, как он утверждал, во время ночных поисков, а на самом деле разрезанное кинжалом.

Сначала ему пришлось отыскать сапожника и подождать, пока тот закончит свое дело, а потом он пошел в оsterию «Медведь», чтобы через своего человека, постоянно находившегося там, передать распоряжения остальным. И с наступлением сумерек десять его солдат появились в пустом дворе замка, куда они поодиночке пробрались через подъемный мост. В Пьевано не было стражи, и этому скрытному проникновению никто не препятствовал, да и едва ли кто его заметил. Убедившись, что его люди поблизости, мессер Панталеоне, вооруженный, в сапогах со шпорами, в своем красном плаще и со шпагой в руках, направился в ту величественную комнату замка, где неделю тому назад был столь милосердно принят. Там он нашел синьора Альмерико за чтением толстого манускрипта и монну Фульвию.

Они с удивлением взглянули на вошедшего, озадаченные его нарядом и самоуверенным, властным видом.

— Синьор, — резко заявил он. — Я обязан выполнить свой долг, и у меня внизу десять крепких молодцов, которые в случае необходимости помогут мне это сделать. Не изволите ли позвать вашего племянника Маттео Орсини, скрывающегося здесь?

В глубоком молчании ошеломленно они смотрели на него. Наконец, после мучительной паузы, достаточной,

чтобы прочитать «Отче наш», девушка нахмурила брови, и глаза ее на побелевшем лице засверкали подобно черным жемчужинам.

— Для чего вам Маттео? — проговорила она.

— Отправить его к синьору Чезаре Борджа — таков был безжалостный ответ. Маска была сброшена, и теперь Панталеоне безо всякого стеснения открыл им правду: — По приказу герцога я был послан сюда арестовать синьора Маттео.

Вновь воцарилось молчание. Синьор Альмерико указательным пальцем закрыл книгу, и на его губах появилась легкая, но крайне презрительная улыбка.

— Итак, — произнесла монна Фульвия, — все это время мы... Вы нас дурачили. Вы лгали нам. Но ваше недомогание, преследование, жертвой которого вы были, неужели это тоже притворство?

— Необходимость не признает законов, — напомнил он ей. И хотя его не смутили их пристальные презрительные взгляды, он почувствовал, что не может долго их выносить. — Хватит разглядывать меня, — грубо добавил он. — Перейдем к делу. Пошлите за этим предателем, которого вы приютили.

Монна Фульвия гордо выпрямилась.

— Боже! — воскликнула она. — Подлый Иуда, грязный шпион! И я сидела с ним за одним столом. Мы здесь принимали его как равного! О подлец, жалкий пес! И это было твоим поручением? Это было...

Отцовская рука мягко опустилась на ее плечо и этим выразительным жестом заставила ее замолчать. Изучение философии стоиков не прошло для него даром.

— Успокойся, дитя, самоуважение запрещает обращаться к столь низкому созданию даже для того, чтобы укорять его. — Голос синьора Альмерико был ровен и спокоен. — Имеет ли для тебя значение его подлость и вероломство? Разве это ранит тебя? Разве это ранит кого-либо, кроме него?

Но ей казалось, что сейчас не время для нравоучительных бесед. Пылая гневом, она повернулась к отцу.

— Да, это ранит меня, — выкрикнула она. — Это ранит меня, и это ранит Маттео.

— Может ли это ранить человека, готовящегося умереть? Умерев, Маттео будет жить. Но это несчастное создание уже мертво, будучи живым.

— Перейдем ли мы наконец к делу? — рявкнул Панталеоне, прерывая тирады хозяина, грозившие вылиться

в многословное рассуждение о жизни и смерти, почерпнутое главным образом из Сенеки. — Пошлите за Маттео Орсини, или я прикажу своим людям вытащить его из лепрозория, где он прячется. Сопротивляться бессмысленно. Замок окружен моими людьми, и сюда никто не войдет и не выйдет отсюда без моего разрешения.

Старик издал короткий, резкий смешок:

— Но, синьор, раз вы так хорошо осведомлены, не лучше ли вам самому завершить ваше постыдное дело?

Панталеоне секунду глядел на него.

— Пусть будет так, — пожал плечами он и повернулся, собираясь уйти.

— Нет, нет! — возглас монны Фульвии, в котором отчетливо слышалось большое волнение, остановил его. — Подождите, синьор! Подождите!

Он послушно повернул голову и увидел, что она, напряженная, как струна, прижала руку к груди, стараясь унять волнение, а другую умоляюще протянула к нему.

— Позвольте мне поговорить с отцом наедине, прежде чем... прежде чем мы решим, — выдохнула она.

Панталеоне хмыкнул и поднял брови.

— Решите? — откликнулся он. — Чего же тут решать?

— У нас... у нас может быть предложение для вас, синьор.

— Предложение? — спросил он и ухмыльнулся. Не хотят ли они подкупить его? — Клянусь Всевышним... — горячо начал он, но запнулся. Алчность, свойственная его натуре, охладила его пыл. В конце концов, размышлял он, не повредит выслушать их. Глупец тот, кто, не разобравшись, проходит мимо дела, из которого можно извлечь выгоду. Ведь никто, кроме него самого, не подозревает о присутствии Маттео Орсини в Пьевано, и если цена будет достаточно высока, как знать, быть может, эти сведения он оставит при себе. Но сумма должна быть достаточно не только для того, чтобы покрыть потерю тысячи дукатов, предложенных герцогом, но и компенсировать ущерб, который будет нанесен его тщеславию признанием неудачи. Видя, что он колеблется, монна Фульвия возобновила мольбу:

— Что случится, если вы выслушаете нас? Разве вы сами не сказали, что замок окружен вашими людьми и вы здесь — хозяин положения.

Он чопорно поклонился.

— Я уступаю, — сказал он. — Если изволите, я подожду

в приемной. — И с этими словами он удалился, мелодично позвякивая шпорами.

Оставшись наедине, отец и дочь взглянули друг на друга.

— Почему ты задержала его? — наконец спросил синьор Альмерико. — Едва ли тобой двигало чувство жалости к подобному человеку.

— Представьте только, что он сделает, когда уйдет. Он велит своим людям обыскивать все уголки крепости до тех пор, пока и в самом деле не обнаружит Маттео.

— Но как мы можем помешать этому?

Она наклонилась к нему.

— К чему так дотошно изучать законы человеческой природы, если на практике вы не способны рассмотреть то, что творится в мрачной глубине этой собачьей натуры?

Он изумленно посмотрел. Действительно, вся философия ничему не научила его, если в критической ситуации ребенок мог подсказать ему, что делать.

— Неужели ни в одной из этих книг не сказано, что единожды предавший будет предавать снова и снова? Разве вы не видите, что человек, оказавшийся столь подлым, чтобы согласиться на эту грязную роль, не колеблясь предаст и своего господина, заботясь лишь о собственной выгоде?

— Ты полагаешь, мы должны подкупить его?

Она выпрямилась.

— Я полагаю, нам следует сделать вид, что мы хотим подкупить его. О! — она прижала ладони к своему пылающему лбу. — Я предвижу, что ожидает нас. Как будто мне дали в руки оружие, которым я смогу нанести удар и отомстить им за все беды Орсини.

— О, дитя, успокойся! Это дело не для слабой девушки.

— Не для слабой, нет, но для сильной! — порывисто прервала его она. — Это дело для женщины из рода Орсини. Послушайте, что я скажу. — Она наклонилась к нему и, инстинктивно понизив голос, торопливо изложила осевший ее замысел.

Он слушал, сторбившись в кресле, и чем дальше она говорила, тем больше он горбился, словно человек, на которого свалился непомерный груз.

— Боже мой! — воскликнул он, когда она закончила, и в его старческих глазах отразились удивление и страх. — Боже мой! Как твой чистый девственный ум мог придумать такое! Фульвия, все эти годы я не знал тебя, считая

ребенком, а ты... — Ему не хватило слов, и он безвольно развел руками.

Тщетно пробовал он разубедить свою единственную дочь — она продолжала спорить и обретала все большую уверенность, описывая, как одним-единственным ударом будут уничтожены и этот грязный предатель, и его хозяин, герцог Валентино. Девушка настаивала, что если не сделать этого, то ни он, ни она сама, ни кто-либо другой из рода Орсини не уцелеет. Она напомнила ему, что, пока жив Чезаре Борджа, ни один Орсини не будет чувствовать себя в безопасности, и заявила в заключение, что верит в божественное покровительство своей миссии, что она, девушка, слабейшая из всех Орсини, должна отомстить за несчастья их семьи и предотвратить ее дальнейшее уничтожение.

Наконец, когда его смятенный ум оказался в состоянии хотя бы отчасти воспринять ее замысел, он пробормотал свое робкое согласие, предоставив ей поступать, как она сочтет нужным.

— Позвольте мне, — сказала она, — иметь дело с Чезаре Борджа и его лакеем и молитесь за души обоих.

С этими словами она поцеловала его и величественно вышла к Панталеоне, нетерпеливо ожидавшему ее в скромно обставленной приемной.

Он сидел в кресле с высокой спинкой около резного стола, на котором стоял серебряный подсвечник со свечами, и, когда она вошла, поднялся, отметив, что она по-прежнему взволнованна. К ее полной достоинства красоте, невысокой, стройной фигуре и изящной манере держать миловидную головку он оставался безразличен.

Она подошла к столу и, опершись на него, в упор посмотрела на Панталеоне. Взгляд девушки был тверд, несмотря на охватившую ее дрожь.

Хитрость и проницательность Панталеоне не шли ни в какое сравнение с изобретательностью монны Фульвии.

— Синьор Панталеоне, посмотрите-ка на меня хорошенько, — интригующим тоном обратилась она к нему.

Он повиновался, не понимая, к чему она клонит.

— Скажите мне, красива ли я и хорошо ли сложена?

С ироническим выражением лица он поклонился.

— Несомненно, вы красивы, как ангел, мадонна. В сравнении с вами меркнет даже монна Лукреция, сестра самого герцога, но какая здесь связь...

— Одним словом, синьор, находите ли вы меня желанной?

Вопрос настолько изумил его, что он чуть не задохнулся. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог найти ответ, и к этому времени сардоническая улыбка полностью исчезла с его лица. Ее настойчивый взгляд и приглашение оценить ее как женщину заставили его сердце забиться быстрее. Он обнаружил в ней теперь множество привлекательных черт, которых ранее не замечал. Он даже стал понимать, что ее хрупкая, целомудренная красота более желанна, чем вульгарная, тучная женственность, на которую обычно реагировали его чувства.

— Вы желанны, как Небеса, — наконец произнес он упавшим голосом.

— Воздайте мне должное. Но я обладаю не только этой тленной красотой. У меня хорошее приданое.

— Такому драгоценному камню подобает иметь соответствующую оправу.

— Сумма в десять тысяч дукатов будет принадлежать человеку, ставшему моим мужем, — сообщила она ему, и у него закружилась голова.

— Десять тысяч дукатов?

— Тому, кто станет моим мужем, — подтвердила она и тихо добавила: — Будете ли вы им?

— Я?.. — Он запнулся. — Нет-нет, это невероятно. Панталеоне был ошеломлен.

— С условием, конечно, — продолжала она, — что вы прекращаете поиски Маттео и сообщите вашему господину об их безуспешности.

— Конечно, конечно, — бессмысленно бормотал он, пытаясь привести в порядок свои пришедшие в смятение мысли. Она любила Маттео. И все же... Не могло ли оказаться так, что ее предложение было актом самопожертвования женщины, о которых ему доводилось слышать, но в которые он никогда не верил? Нет, он не был простаком и почуял, что его заманивают в ловушку. Презрительно рассмеявшись, он напрямую сказал ей об этом. Но ее ответ рассеял последние подозрения:

— Я понимаю ваши опасения. Но мы благородного рода, и я могу поклясться, что Маттео Орсини не пошевелится до тех пор, пока все пути отступления не окажутся отрезанными для меня. А вы можете принять свои меры предосторожности. Пусть ваши люди остаются на своих постах вокруг сада. Если вы согласны, то завтра я поеду с вами в Кастель-делла-Пьеве и стану вашей женой.

Он облизал губы и, прищурив дерзкие глаза, алчно

оглядел ее. Однако он сомневался. Он все еще не мог поверить в удачу.

— Почему в Кастель-делла-Пьеве? — спросил он. — Почему не здесь?

— Потому что я должна быть уверена в вашем обещании. Кастель-делла-Пьеве — ближайший к нам город, однако он достаточно далеко, чтобы дать время Маттео беспрепятственно уйти, не опасаясь погони.

— Я понял, — медленно проговорил он.

— И вы согласны?

Это было невероятно. Богатство само шло ему в руки, богатство и жена — и какая жена! Он глядел на нее, и с каждой секундой она становилась все более и более привлекательной. Не зря предупреждал брат Серафино герцога о том, что в руках женщины этот человек будет мягок как воск.

Какой смысл, размышлял он, ловить Маттео и оставаться верным герцогу, когда ему предлагают в десять раз больше? Он и не пытался бороться с соблазном. И даже не вспомнил о молодой женщине по имени Леокадия, хозяйке винного магазина в Болонье, которая родила ему сына и на которой он обещал жениться. Правда, все это случилось прежде, чем он поднялся до ранга кондотьера и заслужил уважение и доверие Чезаре Борджа. Но прошлое не беспокоило его сейчас. Если он и сомневался, то лишь потому, что ее предложение выходило за пределы его понимания. Он был озадачен, туман застилал его ум. «Боже милостивый, — думал он, — как она могла полюбить этого Маттео! Возможно, спасая Маттео, она считала, что лишь выполняет свой долг по отношению к нему? Такое самопожертвование воздвигло непреодолимый барьер между ними».

Наконец тщеславие одержало в нем верх над пронительностью.

— Согласен? — после долгой паузы воскликнул он. — Клянусь Всевышним! Что же я, деревянная кукла или круглый дурак, чтобы отказаться? Собственноручно скрепляю эту сделку. — Как ястреб на голубку, он бросился к ней, широко раскрыв объятия, и прижал ее к себе.

Едва подавляя отвращение, она вытерпела это. Он прижал ее к себе и бормотал идиотские любезности. Затем проснувшееся в нем чувство усилилось, и он принялся с нежностью говорить ей об их будущем, когда он станет рабом ее малейшего каприза, вечно боготворящим ее возлюбленным.

Она с трудом высвободилась из его цепких рук. Щеки ее горели лихорадочным румянцем, в душе она испытывала жгучий стыд, а все ее существо жаждало очищения от скверны. Он смотрел на нее, слегка сконфузившись.

Она подошла к двери и остановилась.

— До завтра! — с мягким смешком произнесла она и с этими словами исчезла, оставив его в смущении.

VI

Озадаченный, однако верный своему правилу сводить риск к минимуму, Панталеоне предпринял меры против возможного обмана и так расставил своих людей на ночь, чтобы его добыча не ускользнула прежде, чем они с монной Фульвией поедут венчаться. И, лишь убедившись в этом, он отправился в постель, созерцая в мечтах свое розовое будущее, озаренное блеском десяти тысяч дукатов.

Пока Панталеоне спал и видел райские сны, монна Фульвия приступила к осуществлению своего замысла. Она сочинила письмо, загадочное и короткое, составленное таким образом, чтобы пробудить любопытство и тем самым добиться желаемого результата. Используя странную смесь изысканной латыни и разговорного языка, она писала:

«Ваше высочество, Вас предал тот, кого Вы сами наняли быть предателем. Завтра, ровно в полдень, перед собором в Кастель-делла-Пьеве я представлю Вам доказательства этого, если Ваше светлейшее Высочество соизволит там быть.

Фульвия Орсини.

Крепость Пьевано, 20 января 1500 года».

И под своей подписью она добавила: «Собственной рукой», чего, как ей показалось, требовало от нее чувство собственного достоинства.

Затем она запечатала письмо и надписала:

«Прославленному Государю, Герцогу Валентино

Срочно.

Срочно.

Срочно».

Присыпав угольным порошком чернила, она окликнула Рафаэля, растянувшегося на персидском ковре перед каминном. Повинуясь ее зову, он мгновенно вскочил на ноги.

Она положила руки ему на плечи и посмотрела мальчику в глаза.

— Рафаэль, исполнишь ли ты для меня мужскую работу? Здесь необходим мужчина, а у нас нет ни одного, кого я могла бы попросить помочь. Сможешь ли ты сегодня вечером доставить письмо в лагерь Чезаре Борджа в Кастель-делла-Пьеве?

— Если для доказательства того, что я мужчина, требуется только это, считайте вашу просьбу уже выполненной.

— Молодец! Славный мальчуган! Теперь слушай. У ворот могут быть соглядатаи, постарайся проскользнуть незамеченным. Затем отправляйся вниз, в дом Вилланелли. От моего имени прикажи ему одолжить тебе лошадь, но ни слова о том, куда ты едешь. Действуй быстро и осмотрительно.

— Положитесь на меня, мадонна, — ответил мальчик, пряча письмо в нагрудный карман.

— Полагаюсь, иначе я не поручила бы тебе это дело. Да хранит тебя Господь! Когда будешь уходить, пришли ко мне Марио.

Он ушел, и вскоре прибыл Марио.

— Как дела у Джиберти сегодня? — спросила она кастеляна, едва тот вошел.

Марио уныло пожал плечами.

— Сомневаюсь, что бедняга доживет до утра.

— Бедный мальчик! — с болью в голосе произнесла она. — Неужели конец так близок?

— Только чудо может спасти его. Но в наши дни чудес не бывает.

Опустив глаза, она медленно подошла к камину. Там она остановилась и долго стояла молча, в то время как Марио терпеливо ждал.

— Марио, — тихим голосом наконец вымолвила она. — Сегодня ночью мне потребуется от тебя услуга — от тебя и Коломбы.

— Мы в вашем распоряжении, мадонна, — ответил он.

Однако, когда он услышал, что от него требуется, на его обезображенном болезнью лице отразился ужас.

Она горячо и красноречиво описывала несчастья, преследующие ее род, говорила о крови Орсини, пролитой, чтобы удовлетворить амбиции Борджа, в конце концов кастелян уступил.

— Да будет так, мадонна, раз вы того желаете, — сказал он. Но даже произнося эти слова, содрогнулся. — Вы уже написали письмо?

— Еще нет. Зайди ко мне позже, вскоре оно будет готово.

Он молча удалился, а монах Фульвия возвратилась к письменному столу. Однако она не смогла сразу начать писать — настолько сильно дрожали ее руки. Когда самообладание вернулось к ней, какое-то время в комнате не слышно было ничего, кроме скрипа пера и потрескивания поленьев в камине. Не успела она закончить, как вернулся Марио, и ему вновь пришлось ждать; наконец, поднявшись, она отложила перо и протянула ему запечатанный лист бумаги.

— Ты все понял? — спросила она.

— Да, мадонна. Видит Бог, это просто, совсем просто. — Печальные глаза Марио обратились на нее, и в этом взгляде можно было прочесть почтительный ужас оттого, что столь юная и красивая девушка смогла задумать столь дьявольское дело.

— Чтобы не было ошибки, как следует объясни все Коломбе.

— Ошибки не будет, — обещал он, — у меня есть трубка, и я сам все приготавливаю. Шип сделать нетрудно.

— Приготовь все до рассвета и принеси в мою комнату. В это время я уже буду готова.

При этих словах ужас вновь обуял его.

— Неужели вы сами повезете его? — воскликнул он.

— Кто же еще? — спросила она. — Разве я могу от кого-нибудь потребовать такой услуги?

— Боже! — завопил он. — А наш синьор знает об этом?

— Кое-что и вполне достаточно. Но довольно, больше ни слова, Марио. Иди и проследи, чтобы все было исполнено.

— О, мадонна, подумайте, чем вы рискуете. Подумайте об этом, умоляю вас.

— Я уже подумала. Я — Орсини. Двое Орсини были задушены в Ассизи, другие брошены в темницу в Риме. Теперь этому ненасытному чудовищу нужна жизнь Маттео. Я иду спасать и мстить одновременно.

— Ох, мадонна, мое... — озабоченно начал он дрожащим голосом, и его глаза наполнились слезами.

— Хватит, Марио. Если любишь меня, исполняй мою волю и не перечь.

Голос ее звучал сурово и непреклонно, никогда раньше не слышал он такого голоса, хотя знал ее с самого рождения. Она была госпожой, а он — слугой, почти что

рабом, и ему следовало подчиняться, не задавая вопросов. И Марио с тяжелым сердцем ушел выполнять приказание.

Наутро она встретила своего жениха в зале — бледная больше, чем обычно.

Синьор Альмерико не выходил из своей комнаты. Его стоицизма оказалось недостаточно, чтобы вынести совместную трапезу с таким созданием, как Панталеоне, и быть свидетелем унижения, которому его дочь добровольно подвергла себя. Сколь высоко он ни оценивал бы ее решимость — поскольку прежде всего он все же был Орсини, а затем только философ, — его коробили избранные ею средства достижения цели, поэтому он предпочел избежать их общества. Справедливости ради следует сказать, что, зная отец планы дочери до конца, он вел бы себя иначе.

Панталеоне, несмотря на приподнятое настроение, терзался дурными предчувствиями, сомневаясь в искренности намерений своей невесты. Это сквозило в его напряженном взгляде, во всем его поведении.

С важным видом он подошел к Фульвии, смиренно взял ее руку и поднес к губам, и она перенесла это с выражением той же холодной отстраненности, с которой прошлой ночью терпела его жуткие объятия.

Сели завтракать. Никто, кроме молчаливого, как сфинкс, Марио, не прислуживал им. Даже Рафаэль не показывался, и Панталеоне, скучая без общества этого бойкого мальчика и заодно пытаясь разрядить обстановку, поинтересовался причиной его отсутствия. Монна Фульвия ответила, что он нездоров и остался в постели. Истина же заключалась в том, что Рафаэль отправился спать всего лишь полчаса назад, вернувшись из поездки в Кастель-делла-Пьеве, куда благополучно доставил письмо.

Вскоре после завтрака они выехали в направлении Кастель-делла-Пьеве. Вместе с ними отправились десять солдат Панталеоне и Марио, взятый по настоянию монны Фульвии, чтобы исполнять обязанности конюшего. Панталеоне совершенно не доверял этому молчаливому слуге с лицом цвета глины и был бы рад избавиться от его общества. Однако счел за лучшее не возражать монне Фульвии, хотя бы до тех пор, пока священник не передаст ее полностью в его распоряжение.

Быстрым галопом они мчались по дороге, освещенной ярким светом январского утра, и с каждой минутой опасения Панталеоне рассеивались. Разве она не предоставила себя в его полное распоряжение? Разве он не

был окружен своими людьми? Так отчего же дукатам и всему остальному не посыпаться на него с той же неизбежностью, с какой встает солнце? Обретя таким образом уверенность, он попробовал играть приличествующую жениху роль галантного кавалера, но она оставалась холодна, высокомерна и замкнута, а когда он попытался увещевать ее, указывая, что так не ведут себя с человеком, которому предстоит в полдень того же дня стать ее мужем, она возразила ему, что, кроме заключенной сделки, их ничто не связывает. Такой ответ остудил его пыл, и некоторое время он скакал с угрюмым видом, опустив голову и нахмутив брови. Но огорчился он недолго. Пусть сейчас она холодна, как льдинка, думал он. Скоро он будет знать, как воспламенить ее и разбудить в ней женщину. В былые дни это удавалось ему со многими, и он верил в свои способности. И даже если она останется равнодушной, ее дукаты дадут ему возможность вспомнить недополученную дома нежность где-нибудь в другом месте.

Они достигли вершины невысокого холма, и оттуда наконец открылся вид на сверкающие, красновато-коричневые крыши Кастель-делла-Пьеве. До полудня оставалось еще полчаса, и они могли бы оказаться в городке слишком рано, что не входило в планы монны Фульвии. Она замедлила шаг своей лошади, жалуясь на усталость, и когда они миновали темную арку городских ворот, часы собора как раз пробили полдень.

VII

Армия герцога была расквартирована в восточной части города, но Панталеоне не подозревал об этом до тех пор, пока они не оказались на главной улице, где повсюду слонялись солдаты, разговаривающие на всех диалектах средней Италии. Ролью, которую Панталеоне играл в Пьевано, он настолько отгородился от окружающей действительности, что совершенно не знал о местонахождении войск Чезаре Борджа. Неожиданное открытие подействовало на него, как ушат холодной воды, поскольку в его положении следовало избегать герцога, как огня.

Резко натянув поводья, он с подозрением взглянул на монну Фульвию, инстинктивно чувствуя ловушку. Всю жизнь он считал за правило не доверять худым женщинам. Сама их худоба была, на его взгляд, признаком отсутствия

женственности, а всему миру известно: особа, в которой отсутствует женственность, слишком часто оказывается сущим дьяволом.

— Если позволите, мадонна, — мрачно произнес он, — мы поищем священника в другом месте.

— Почему? — спросила она.

— Потому, что я так хочу, — отрезал он.

Ее губы слегка искривились в улыбке, и только. Она вполне владела собой.

— Еще слишком рано навязывать мне свою волю. Мы венчаемся здесь, в Кастель-делла-Пьеве, либо не венчаемся вообще.

— Проклятье, — побелев от гнева, выругался он. — Я еще не знал ни одной худосочной девицы, которая не таскала бы с собой целый мешок дьявольских хитростей. Отвечай, что у тебя на уме?

Но тут из толпы его окликнул грубый голос, принадлежавший седому одноглазому ветерану с крепкими кривыми ногами, облаченному в броню и кожу. Это был капитан герцога Таддео делла Вольпе.

— С возвращением, дорогой Панталеоне! — прокричал он. — Лишь вчера тебя вспоминал герцог, справляясь, как твои дела.

— В самом деле? — растерянно спросил Панталеоне, поскольку ему надо было что-то сказать.

Единственный глаз ветерана уставился на монну Фульвию.

— Не этого ли пленника тебя посылали захватить? — поинтересовался он, и Панталеоне почувствовал насмешку в его тоне. — Но идем же. Нельзя задерживаться. Герцог ждет.

Панталеоне оказался в отчаянном положении. Он продолжал механически двигаться вместе с Таддео и не мог задать ни одного вопроса монне Фульвии, поскольку рядом был делла Вольпе.

Всего несколько шагов — и они оказались на площади перед собором. И тут Панталеоне похолодел от страха, едва не столкнувшись с самим Чезаре Борджа, ехавшим в окружении придворных. На пиках двух солдат, сопровождавших процессию, развевались штандарты с гербом Борджа — красным быком, пасущимся на зеленом лугу.

Панталеоне понял, что попался. Эта бледнолицая девчонка водила его за нос, как дурака. Теперь, когда западня захлопнулась, у него не хватило сил взять себя в руки. Объятый смятением, он непроизвольно натянул

поводья и остановился, в то время как монна Фульвия прищипорила коня, который рванулся вперед, подобно снаряду, выпущенному из катапульты.

— Правосудия! — закричала она, поднимая над своей головой нечто похожее на короткую трубку. — Синьор герцог Валентино, правосудия!

Герцог поднял руку, и кавалькада остановилась. Его глаза устремились на нее, и что-то обжигающее было в этом взгляде. Впервые она лицом к лицу столкнулась с этим человеком, врагом ее рода, кого привыкла считать настоящим чудовищем. Он был одет по испанской моде — во все черное, его камзол украшали завитки золотых арабесок, а на бархатной шапочке пылала нить рубинов, каждый из которых был размером с воробьиное яйцо. Красота этого молодого благородного лица была столь утонченна и вместе с тем столь мужественна, что на мгновение девушка забыла о своей цели.

Легкая улыбка появилась на его губах, и мелодичным голосом он мягко произнес:

— Какого правосудия вы ищете, мадонна?

Чтобы побороть расслабляющее обольщение, исходящее от этого лица и этого голоса, ей в эту минуту пришлось вспомнить о кузенах, задушенных в Ассизи, о родственниках, томящихся в темнице в Риме и о собственном возлюбленном Маттео. Что значит в сравнении с этим почти сверхъестественная мужественная красота этого человека? Разве он не является врагом ее рода? Разве он не собирается отнять жизнь еще у одного Орсини? Не он ли отправил этого грязного сыщика выследить Маттео? И, молчаливо ответив на свои невысказанные вслух вопросы, она решительно протянула свиток.

— Все изложено в этой петиции, ваше высочество.

Он выехал вперед и рукой в перчатке неторопливо взял свиток, запечатанный с обоих концов. Секунду он держал его на своей раскрытой ладони, словно взвешивая, и размышлял. Затем его губы, почти скрытые каштанового цвета бородой, тронула слабая улыбка.

— Вы предприняли серьезные предосторожности, — мягко заметил он, и его глаза вопросительно взглянули на нее.

— Я не могла допустить, чтобы пергамент испачкался прежде, чем коснется ваших августейших рук.

Его улыбка сделалась шире. Он склонил голову, словно в знак благодарности за изысканность речи. Затем скользнул взглядом вокруг.

— Кто это там прячется за вашей спиной? Эй вы! Поближе! — позвал он.

Смущенный Панталеоне нервно дернул поводья и шагом подъехал к Чезаре Борджа. Его бронзовое лицо побледнело, а глаза беспокойно бегали, уклоняясь от встречи с глазами герцога.

Брови Чезаре чуть приподнялись.

— О, мессер Панталеоне! — вскричал он. — Вы вернулись как нельзя кстати. Вот вам, держите, сломайте печати и прочтите мне письмо, которое спрятано внутри.

В свите Чезаре возникло движение. Любопытство сопровождающих герцога людей заметно усилилось, когда раздался пронзительный от волнения голос монны Фульвии:

— Нет-нет, ваше высочество, это только для ваших глаз.

Он разглядывал ее побелевшее лицо до тех пор, пока она не почувствовала, что готова упасть в обморок.

— Глядя на вас, ослепительная мадонна, — вновь ласково улыбнулся он, — мои глаза стали видеть чуть хуже, поэтому я вынужден просить прийти мне на помощь синьора Панталеоне и удовлетвориться лишь тем, что услышу. Читайте, синьор, мы ждем.

Измученный Панталеоне трясущимися руками взял трубку и дрожащими пальцами неловко сломал одну из печатей. Изнутри показался шелковый шнур. Он схватил его, чтобы вытащить пергамент, как вдруг, резко вскрикнув, отдернул руку, словно его укололи. И в самом деле, одно пятнышко крови появилось на его большом пальце, а другое — на указательном.

Монна Фульвия метнула испуганный взгляд на герцога Валентино. Ее ловкий план потерпел неудачу лишь по одной причине: она упустила из виду, что Чезаре Борджа, постоянно окруженный явными и тайными врагами, умело избегал риска, чтобы не пасть жертвой их коварства или силы. Она не предполагала, что он может потребовать от Панталеоне исполнить роль, которую выполнял за его столом слуга, пробующий вина перед их подачей.

— Читайте, читайте, — понукал герцог нерешительного Панталеоне, — неужели нам придется весь день простоять на таком холоде? Читайте скорее!

В отчаянии тот вновь схватил шнур и теперь постарался не уколоться шипом, который, случайно или преднамеренно, оказался запутанным в шелковых нитях. Но Панталеоне не придавал особого значения этому, так как уже считал себя покойником. Он вытащил свернутый в трубку

пергамент, трясущимися руками развернул его и некоторое время, наморщив от усилия лоб, изучал написанное, поскольку был неважным грамотеем.

— Ну, синьор? Вы будете читать?

Этому приказу Панталеоне немедленно повиновался и начал хриплым голосом:

— «Ваше высочество! Я взываю к Вашему правосудию и прошу Вас воздать должное тому, кто оказался столь же вероломным, выполняя порученное ему Вами дело, сколь вероломным оно было само по себе...»

Он запнулся и оглянулся с видом загнанного зверя.

— Это... это неправда! — упавшим голосом попробовал протестовать он. — Я...

— Кто разрешал вам останавливаться? — спросил Чезаре. — Я велел вам читать, не более. Итак, продолжайте. Если написанное касается вас, вы дадите ответ позже.

Уступая воле герцога, Панталеоне вновь опустил глаза и продолжал:

— «...Полагая, что Маттео Орсини, кого ему велено было поймать, скрывается в Пьевано, он предал Ваше доверие и согласился потворствовать его побегу при условии, что я стану его женой, а мое наследство — его достоянием...»

Он опять запнулся.

— Перед лицом Господа, это ложь! Дьявольская ложь! — срывающимся голосом, едва не рыдая, закричал он.

— Дальше! — прогремело повеление герцога, и Панталеоне пришлось вернуться к письму.

— «Неизвестно, удается ли Маттео Орсини спастись или нет, но для Вас, дочитавшего до этого места, спасения нет. У нас в Пьевано есть еще один гость — черная оспа. И это письмо пролежало целый час на груди умирающего от этой болезни и...»

Вскрикнув от ужаса, Панталеоне резко оборвал свое чтение. Зараженный пергамент выскользнул из его онемевших рук и спланировал на землю. Панталеоне обреченно подумал, что уколотивший его шип оказался в шнуре не случайно. Он был спрятан там, чтобы зараза быстрее попала в кровь читающему. И он знал, что шансы выдержать атаку этой болезни настолько ничтожны, что на них нельзя уповать. С пепельно-серым лицом он неподвижно глядел прямо перед собой, в то время как по сторонам все настойчивее раздавались возгласы негодования, пока наконец Чезаре не поднял руку, потребовав тишины.

Герцог сохранял спокойствие или по крайней мере внешне не проявил ни малейших признаков гнева. И когда он обратился к бледной, как мел, даме, предпринявшей столь отчаянную попытку покушения на его жизнь, голос герцога был столь же ровен и мягок, как и раньше, а улыбка — все так же любезна. И поэтому изреченный им приговор был еще более ужасен.

— Ну, что ж, — сказал он. — Синьор Панталеоне выполнил свою часть сделки, теперь очередь за вами, мадонна, исполнить свое обещание и выйти за него замуж.

Широко раскрытыми глазами она глядела на него, и потребовалось немало времени, прежде чем до нее дошел смысл страшного наказания, предназначенного ей. И когда она наконец вновь обрела дар речи, из ее уст вырвался хриплый крик ужаса.

— Выйти за него? Выйти за него! Он заражен...

— Вашим ядом, — жестко отрезал Чезаре. И мягко продолжил, словно увещевая своенравное дитя: — Это ваш долг по отношению к нему и к себе. Ваша честь связана договором. Бедняга не мог предвидеть всего этого. Вы ведь не посвятили его в свои планы.

Она поняла, что герцог издевается над ней. Ей приходилось слышать о его жестокости, но никогда она не могла представить жестокость, сравнимую с этой. Порыв ярости несколько воодушевил ее, но не подсказал, что ответить ему, поскольку воистину суд герцога всегда был справедлив и потому вызывал ненависть людей.

— Вы требовали от меня правосудия, мадонна, — напомнил ей герцог. — Я полагаю, оно свершилось. Надеюсь, это удовлетворит вас.

Перед его железной логикой ее невысказанный гнев угас и мужество оставило ее.

— О, нет! Только не это! — взмолилась она. — Пощадите! Пощадите меня, как если бы сами оказались на моем месте и просили пощады.

Он сардонически взглянул на окаменевшего Панталеоне.

— Монна Фульвия не преувеличивает, Панталеоне, — сказал герцог. — Похоже, она не склонна видеть вас своим мужем. Однако, когда она обещала стать вашей женой, вы, как глупец, поверили ей. Вы поверили ей! Ха! А что же сказал о вас брат Серафино? — Он задумался. — Я вспомнил! Он нашел, что у вас слишком полные губы, чтобы доверять вам дело, связанное с женщинами. Брат Серафино знает, о чем говорит. Монастырь — хорошее место для развития наблюдательности. Итак, вы уступили

ее обещаниям! Но утешьтесь. Она выполнит их, хотя и рассчитывала провести вас. Она прижмет вас к своей белой груди — вас и оспу вместе с вами.

— О, Боже! — выдохнула она. — Вы обручите меня со смертью?

— Возможно ли, — саркастически изумился он, — чтобы смерть вас отталкивала более, чем сам Панталеоне?

Он начал с чрезвычайной осторожностью стягивать с руки грубую перчатку из бычьей кожи, которая соприкасалась со смертоносной трубкой.

— В конце концов, — бесстрастно продолжил он, — если держать слово — вещь неприемлемая для вас, — что, похоже, является семейной чертой всех Орсини, — я могу указать выход, воспользовавшись которым вы сможете избежать последствий вашего опрометчивого обещания.

— Вы смеетесь надо мной! — вскричала она.

— Вовсе нет. Аннулируйте сделку, заключенную с ним, и этим вы аннулируете ваше обязательство.

— Аннулировать? Но как? — спросила она.

— Разве это неясно? Выдайте мне Маттео Орсини. Доставьте его мне сегодня днем, и ночью вы будете свободны.

Теперь она поняла сатанинское коварство этого человека; она была не более чем пешкой в его продуманной игре, а ее чувство было всего-навсего средством достижения желанной цели: захватить Маттео Орсини. Только это имело для него значение, мстить ей он не собирался.

— Доставить его к вам? — произнесла она с горькой усмешкой.

— Что может быть проще? — спросил он. — Не надо даже сообщать мне, где он скрывается. Я не прошу вас предавать его или делать то, что может задеть чувствительность Орсини. Отправьте ему письмо и опишите положение, в котором вы оказались после попытки отравить меня. Этого достаточно. Он мужчина и непременно приблет сюда, чтобы освободить вас. Пусть он появится до наступления ночи, иначе... — Он пожал плечами, швырнул свои перчатки в грязь и указал глазами на убитого горем Панталеоне. — Вы заплатите цену, обещанную за его побег, и я лично позабочусь о свадебном пире.

— Будь по-вашему, — произнесла она, — вы не оставляете мне выбора, ваше высочество. Все будет так, как вы желаете. Я немедленно пошлю к нему своего слугу.

Посмотрев на нее долгим, испытующим взглядом, он сделал знак всадникам.

— Поехали, господа. Здесь нечего больше делать.

Он наклонился в седле, вполголоса отдал приказ стоявшему рядом с ним делла Вольпе и поскакал через площадь, сопровождаемый свитой. В душе его не было ничего, кроме глубокого презрения. Он знал этих Орсини. Все они были одинаковы. Они смело замыслили, но трусость губила их замыслы; их мозги были отважнее, чем сердца, их непреклонность рушилась, стоило только тронуть ее.

VIII

Выпрямившись в седле, монна Фульвия провожала глазами фигуру герцога, пока тот пересекал площадь. Он уже скрылся в одной из улочек, а она оставалась в той же позе, оглушенная, безразличная ко всему вокруг.

Из оцепенения ее вывел кондотьер, одетый в черный камзол с вышитым на груди изображением красного быка. Это был делла Вольпе. Презрительно глядя на нее своим единственным глазом, он нарочито-уважительно обратился к ней.

— Мадонна, прошу вас отправиться с нами. Мне приказано сопровождать вас.

Она взглянула на него, готовая посмеяться над столь изысканным выражением, означающим, что она считается пленницей, но что-то в суровом облике этого вестерана остановило ее. Его лицо говорило, во-первых, что он честен, и, во-вторых, что он презирает ее поступок.

— Ведите нас, синьор, — промолвила она. — Я полагаю, мой слуга может оставаться со мной. — И она указала на Марио.

— Разумеется, мадонна, ведь он будет вашим посыльным, — ответил делла Вольпе и повел лошадь монны Фульвии в сторону здания муниципалитета.

Она едва ли вспомнила о несчастном Панталеоне. В ее игре он тоже был лишь пешкой и выполнил свою роль, хотя и не совсем так, как ей хотелось.

Однако она заметила, что с полдюжины арбалетчиков под командой сержанта занялись им. Эти люди не выказывали ни малейшего восторга, арестовывая человека, вооруженного так, что, даже не поднимая руки, он мог сеять смерть вокруг себя. Поэтому они тщательно соблюдали дистанцию. С нацеленными арбалетами они встали широким кольцом вокруг пленника и таким образом

заставили его двигаться, угрожая в случае неповиновения выпустить стрелы в пленника.

Когда они наконец удалились, появился человек в ливрее Борджа с пылающим факелом в руке. Не доходя до места, где лежал зараженный пергамент, он швырнул туда факел, и взметнувшееся пламя поглотило письмо. Тем не менее жители Кастель-делла-Пьеве долго еще обходили эту часть площади.

Тем временем монну Фульвию проводили во дворец и предоставили в ее распоряжение длинную комнату с низким потолком, скромно и строго обставленную — ведь Кастель-делла-Пьеве был маленьким городком и не мог соперничать в роскоши с крупными итальянскими государствами.

С наружной стороны двери был поставлен часовой, еще один расхаживал внизу, под окнами, но, по крайней мере, рядом находился Марио. Герцог рассудил, что именно его следует послать к Маттео Орсини, поскольку к письменному сообщению своей госпожи он сможет добавить свидетельства очевидца и подтвердить случившееся.

Старый слуга окончательно пал духом. Сдержанность покинула его, и по обезображенным щекам потекли слезы.

— О, мадонна! О, мадонна! — жалобно всхлипывал он и протягивал к Фульвии руки, словно желая по-отечески утешить ее. — Я вас предупреждал. Я говорил вам, что это дело не для такого нежного создания, как вы. Я умолял позволить мне выполнить его вместо вас. Какой прок от меня! Я стар, моя жизнь идет к закату, и несколько лишних дней не имеют значения. Но вы... О, всемилостивый Боже!

— Успокойся, Марио! Успокойся! — повторяла она.

— Успокоиться? Как я могу успокоиться, когда вам приходится выбирать между предательством и смертью, и какой смертью! Если бы у меня был арбалет, я направил бы стрелу прямо в сердце этого дьявола, когда он изрек вам приговор. Чудовище, изверг!

— Воистину, он дьявол, — вымолвила она, а затем, указав глазами на дверь, отошла от нее к окну, выходящему на площадь, и жестом пригласила слугу следовать за ней.

Около окна она заговорила приглушенным шепотом:

— Быть может, у нас еще есть выход. Ты не возмешь с собой письмо, поскольку оно тебе не потребуется. А теперь слушай. — И она принялась торопливо излагать свои соображения.

И снова он слушал, раскрыв рот от изумления, а потом стал бурно возражать против нового ее замысла, видя в нем верный путь к гибели.

Но упрямца оставалась непреклонной, и поток его заботливого красноречия, разбившись о скалу ее решимости, иссяк. Так же, как прошлой ночью, ее воля вновь одержала верх.

— А как наш синьор? Что мне сказать ему? — спросил Марио.

— Чем меньше, тем лучше. Не тревожь его.

— Следовательно, мне придется лгать?

— Если потребуется — да, но из любви к нему.

Весь день она провела в одиночестве, лишь однажды потревоженная двумя розовощекими пажами из свиты герцога, которые на золоченых подносах принесли ей пищу и вино в золотом сосуде.

Она выпила немного вина, но, хотя с раннего утра у нее во рту не было ни крошки, аппетит не появился.

Под вечер она увидела герцога во главе пестрой кавалькады. А когда сгустились сумерки, розовощекие пажи от имени герцога позвали ее ужинать. Она стала отказываться, просила извинить ее.

— Это воля его высочества, — уточнил один из подростков, подчеркивая, что герцогу повинуются беспрекословно.

Поняв, что упорствовать бесполезно, девушка поднялась и попросила проводить ее. В коридоре их ожидали еще двое пажей, державшие в руках зажженные свечи. Маленькая процессия вошла в большой зал, где уже собралась толпа изысканно одетых кавалеров и дам, при виде которых она сразу же почувствовала себя неловко в своей простой запылившейся одежде.

Сам герцог, высокий и изящный, в зеленовато-желтом камзоле, украшенном серебряными лентами, вышел ей навстречу и почтительно поклонился, словно имел дело с принцессой. Вслед за этим он провел ее к распахнутым настежь двойным дверям, за которыми находились длинные столы, накрытые для ужина.

Герцог занял место во главе стола и усадил ее рядом с собой, после чего расселись придворные.

Этот спектакль глубоко ранил ее, вызвав в ней мстительное чувство, однако внешне она осталась бесстрастной. Сидя между герцогом Валентино и дородным Капелло, венецианским послом, Фульвия стойко выдерживала любопытствующие взгляды.

Это помещение, обычно голое и унылое, как амбар, благодаря стараниям челяди герцога настолько преобразилось, что его можно было принять за один из залов Ватикана. Стены были увешаны дорогими гобеленами, каменный пол устилали ковры византийской работы, а столы сверкали и переливались вышитыми золотом скатертями, серебряными и золотыми сосудами, дорогим хрусталем и массивными подсвечниками, в которых горели разноцветные ароматизированные свечи. Приглашенные на ужин были разодеты в шелка и бархат, золотую и серебряную парчу, горностаевые и беличьи меха, на корсажах у женщин сверкали геммы¹⁸ из самоцветов, а сетки для волос украшали драгоценные камни. Вокруг стола сновали слуги в великолепных ливреях и нарядные юные пажи. Монна Фульвия, выросшая вдали от дворов государей, в монастырском уединении Пьевано, была ошеломлена.

С галереи, расположенной над дверями, доносились звуки виол и лютней, и под музыку мелодичным голосом герцог произнес:

— Я радуюсь вместе с вами, мадонна, что сегодня стол накрыт не для свадебного пиршества.

Она подняла на него глаза и тут же опустила их.

— Мое сердце разорвалось бы, — тихим и ласковым голосом продолжал он, — если бы такую красоту, как ваша, пришлось отдать на растерзание отвратительной болезни. И поэтому я горячо молюсь, чтобы Маттео Орсини явился сюда сегодня ночью.

— А, может быть, есть другие причины?

— Признаюсь, есть и другие, — уступил он, — но, кланусь, поскольку я живой человек и боготворю красоту. причина, о которой я говорил, — самая серьезная. — Он вздохнул. — Я молюсь, чтобы Маттео Орсини сегодня ночью спас вас.

— Он придет, — ответила она ему, — не сомневайтесь в этом.

— Будучи мужчиной, он просто обязан, — тихо произнес герцог. — Но вы совсем не едите, — переменил он тему.

— Я боюсь подавиться.

— Ну, тогда хотя бы чашу вина, — настаивал он, и сделал знак виночерпию, несшему золотой сосуд. Но видя, что она жестом отказалась, он протянул руку, остановил слугу и позвал пажа.

— Подай малахитовую чашу для монны Фульвии, — велел он мальчику, и тот умчался.

— Нет нужды в подобных предосторожностях, — произнесла девушка, имея в виду бытовавшее мнение, что малахитовые чаши лопаются, если их касается отрава. — У меня нет подозрений на этот счет, и я не боюсь ядов.

— Мне стоило бы помнить об этом, — заметил он, — поскольку вы, как оказалось, основательно изучили их применение.

Эта фраза заставила ее вспомнить, что она была отравительницей, схваченной на месте преступления, и заслуживала более чем суровое обхождение.

Вернулся паж с малахитовой чашей. По знаку герцога виночерпий наполнил ее до краев, и, отвечая на его приглашающий взгляд, она выпила вина.

Но расставленные перед ней кушанья остались нетронутыми, и, не обращая внимания на герцога, с изысканной вежливостью продолжавшего насмехаться над ней, она неотрывно смотрела на двери.

Появились пажы, несущие серебряные тазы, кувшины и полотенца. Дамы и кавалеры ополоснули свои пальцы, собираясь приступить к сладкому, но неожиданно двери, к которым был прикован взор монны Фульвии, широко распахнулись, и между двумя облаченными в стальные доспехи стражниками она увидела верного Марио.

Гул голосов, наполнявших зал, стих. В тишине Марио прошел между столами, все так же сопровождаемый солдатами, и остановился прямо перед герцогом. Но обратился он не к нему, а к монне Фульвии.

— Мадонна, я выполнил ваше поручение. Я принес синьора Маттео.

Последовала пауза, прерванная наконец коротким смешком Чезаре:

— Вездесущий Боже! Разве его надо нести?

— Да, синьор.

Взгляд герцога бежал толпу придворных.

— Вы слышали, — повысив голос, обратился он к ним. — Теперь вам понятно, насколько высокомерны эти Орсини? Орсини пришлось нести, чтобы он смог избавить свою возлюбленную и родственницу от уготованной ей судьбы. — Он повернулся к Марио. — Доставьте его сюда.

Но Марио не спешил повиноваться. Его глаза смотрели не на герцога, а на Фульвию. Она кивнула, и слуга повернулся и ушел.

Двери за Марио закрылись, но никто не посмел

нарушить тишину. Собравшиеся с беспокойством ожидали кульминации и развязки этой драмы. Даже музыканты на галерее прекратили играть.

Чезаре откинулся в позолоченном кресле и теребил пряди своей бороды. Искося наблюдая за монной Фульвией, он находил ее поведение весьма странным. Она сидела с пепельно-серым лицом и широко раскрытыми глазами, как мог бы сидеть мертвец. Что-то ускользало от его почти сверхъестественной проницательности.

Всеобщее ожидание было прервано громкими голосами за дверями, словно там шла перебранка. Оттуда донесся сердитый крик:

— Вам нельзя входить! Сюда нельзя нести...

Резкий голос Марио властно прервал:

— Разве вы не слышали, что герцог распорядился, чтобы ему доставили Маттео Орсини? Маттео Орсини здесь, и я всего лишь выполняю повеление его высочества. Прочь с дороги!

Чезаре поднялся с кресла.

— В чем дело? — гневно крикнул он. — Сколько мне еще ждать? Откройте двери!

От яростного толчка двери распахнулись, и перед взорами собравшихся предстали полдюжины стражников.

— Синьор... — начал один из них, седовласый сержант, умоляюще подняв руку.

Но Чезаре не дал ему закончить. Его сжатый кулак яростно ударил по столу.

— Отойди, я сказал!

Солдаты отступили в сторону, а вместо них в дверях появился Марио и направился между столами. Лицо его было мрачным. Но никто не обращал на него внимания. Исполненные изумления и страха взоры были прикованы к тому, что двигалось вслед за ним.

Четверо монахов в черных похоронных одеждах с опущенными капюшонами, сквозь прорези которых смутно поблескивали глаза, несли покрытый черный бархатом гроб.

Они прошли полпути по направлению к герцогу, когда собравшиеся очнулись от оцепенения. Громкий крик вырвался, казалось, из всех глоток одновременно, герцог вскочил на ноги. Никто не заметил, как монна Фульвия покинула свое место и подошла к гробу.

Несущие гроб остановились и опустили на пол свою жуткую ношу.

— Что это? — гневным тоном спросил герцог. — Что за

шутку вы осмелились сыграть со мной? — Пылающий взор герцога обежал зал и остановился на Фульвии.

— Это не шутка, ваше высочество, — вскинув голову, ответила она с горькой улыбкой на бледном лице. — Точное и полное исполнение вашего повеления, не более. Вы приказали, чтобы Маттео Орсини был передан в ваши руки, после чего с меня снимается обязательство выходить замуж за вашего шакала Панталеоне делл'Уберти. Я сдержала свое слово, синьор. Я выполнила свою часть сделки. Маттео Орсини здесь.

И она резким движением руки указала вниз, на гроб. — Здесь? — спросил он. — Он мертв?

Вместо ответа она сбросила с крышки гроба бархатный покров.

— Прикажете вашим стражникам сбить крышку, чтобы вы сами могли в этом убедиться. Он не станет сопротивляться, обещаю вам.

Она испытала глубокое удовлетворение, увидев, что наконец-то ласково-презрительная улыбка исчезла с его лица. Он гневно смотрел на нее, а руки были с такой силой сжаты в кулаки, что костяшки пальцев казались мраморными шариками.

Люди отступили к стенам, подальше от жуткой ночи. У всех возникло ужасное подозрение. В напряженной тишине резко прозвучал голос Цезаре:

— Отчего он умер?

Ответ монны Фульвии произвел эффект грома:

— Он умер вчера от черной оспы. Сбейте крышку, — добавила она. — Сбейте крышку и заберите его.

Насмешливое предложение, адресованное герцогу, утонуло во всеобщем геме и грохоте опрокидываемых стульев. Мужчины, проявлявшие бесстрашие на полях жестоких сражений, метались по залу, ища выход. С проклятиями они бросались к высоким окнам, выходившим в маленький дворцовый сад, и выпрыгивали наружу, а вопящие женщины в полуобморочном состоянии следовали за ними.словно река, прорвавшая дамбу, объятая ужасом толпа торопилась покинуть прибежище скверны, а навстречу ей, сквозь разбитые окна, врвался свежий воздух январской ночи.

Наконец герцог, озаряемый светом задуваемых ветром оплывающих свечей, остался лицом к лицу с женщиной, осмелившейся принести зараженный оспой труп и дерзнувшей посмеяться над его могуществом.

— Ну? — спросила она. — Хватит ли вам теперь му-

жества встретиться с Маттео Орсини? Или, быть может, отвага покинула вас, хотя он и мертв?

— Пока он был жив, я никогда не боялся его, — с неожиданной горячностью ответил он.

— Тогда мертвый он вас не испугает, — произнесла она и обернулась к слуге. — Марио, оспа не страшна тебе. Взломай крышку! Дай возможность Маттео нанести посмертный удар!

Но герцог не стал ждать продолжения. Впоследствии, рассказывая об этом эпизоде, он подчеркивал, что это был единственный случай в его жизни, когда он поддался панике.

— Проклятье! — выпрыгивая из-за стола, закричал он и бросился к ближайшему окну вслед за своими исчезающими придворными.

Через несколько минут он и его благородные спутники были в седлах и мчались сквозь ночь прочь от Кастель-делла-Пьеве.

Когда шум смолк, монна Фульвия приказала своим людям вновь поднять гроб, и они, никем не задерживаемые, вышли из дворца и двинулись назад, в Пьевано.

Когда Кастель-делла-Пьеве остался уже далеко позади, девушка спросила:

— Как дела у Джиберти сегодня, Марио?

— Он умер в полдень, — был ответ. — Слава Богу, пока нет других случаев оспы. Мы предприняли все меры предосторожности. Коломба сама вырыла глубокую могилу и похоронила его. Лепрозорий был в огне, когда я покидал Пьевано.

— Славная Коломба будет вознаграждена, Марио. Мы очень обязаны ей.

— Верная душа, — согласился Марио. — Но она ничем не рисковала, поскольку, как и я, уже заплатила высокую цену. — И он коснулся своего обезображенного лица.

— Это не уменьшает нашу благодарность, — сказала она и вздохнула. — Бедный Джиберти! Упокой, Господи, его душу. Всегда верный слуга, он послужил нам даже своей смертью. Ты сам...

— Я? — прервал он. — У меня не хватило ума сразу понять ваш план. Последуй вы моему совету, все рухнуло бы, и одному Богу известно, чем закончилась бы эта история.

— Ты напомнил мне, — сказала она, — что эти бедняги напрасно утруждают себя. Нам нечего бояться погони, и мы прибавим шагу, если облегчим их ношу.

По команде монны Фульвии монахи опустили гроб и открыли крышку. Затем они наклонили его и вывалили оттуда землю и камни.

— Благодарение Богу и всем святым, что он не отважился взглянуть, — горячо сказал Марио. — Он мужественный человек, и я боялся... Клянусь Всевышним! Как я боялся!

— Не больше, чем боялась я, Марио, — призналась она. — Но я не теряла надежды, и хотя шанс был невелик, он оставался единственным.

* * *

Через несколько часов в Пьевано она обнаружила своего отца и Маттео Орсини, раздумывающих над тем, что же им теперь делать.

При виде близких силы покинули ее. Тяжело дыша, она обняла своего возлюбленного.

— Мой Маттео, теперь ты можешь не тревожиться. Он считает тебя мертвым и боится больше, чем живого.

И с этими словами лишилась чувств.

* * *

Единственный случай, когда удалось перехитрить герцога Валентино, ни в коей мере не уменьшает моего высокого мнения относительно его проницательности. Надо признать, что его избранник, на которого он сделал ставку, оказался неподходящим. Герцог не внял предостережениям брата Серафино. Но, с другой стороны, к чему рассуждать? Факты изложены, и можно делать любые выводы.

Судьба Панталеоне сложилась счастливее, чем он того заслужил. Однако, как сказал любимый философ синьора Альмерико, человек не выбирает роль, которая ему досталась.

О Панталеоне просто забыли, когда Чезаре со всей своей свитой покинул Капель-делла-Пьеве. Когда герцог наконец вспомнил о нем и отдал приказ, чтобы его удушили, выяснилось, что несчастный заразился черной оспой и был отправлен в лепрозорий. Герцог решил предоставить мошенника судьбе.

Однако молодость одержала победу над грозным противником. Панталеоне удалось вырваться из цепких лап болезни. Но когда он вновь вернулся к жизни, вряд ли

кто-либо мог узнать в нем дерзкого капитана, который когда-то январским вечером искал убежище в Пьевано. Карьера солдата удачи была кончена, и ему не оставалось ничего иного, кроме как отправиться в деревушку Лавено, что в окрестностях Болоньи. Апрельским утром он появился в винном магазинчике Леокадии и, упав на ее пышную грудь, предоставил себя попечению женщины, о которой в свои лучшие времена даже не вспоминал. Леокадия, обвив руками его шею, молча плакала, благодаря небо, и благословляла болезнь, сделавшую его слабым и уродливым, ибо она вернула ей возлюбленного. Такова уж женская натура...

ВЕНЕЦИАНЕЦ

I

великих не бывает недостатка в недругах. Сначала им приходится иметь дело с теми, кого они в состоянии затмить, а затем наступает очередь ничтожных паразитов человеческой расы, которые начисто лишены понимания идей, выдвигаемых другими. Втайне осознавая свою ограниченность, они изливают яд своей злобы на достигших славы. Величие других ранит их себялюбие. Поэтому они с готовностью становятся клеветниками и сплетниками, понимая, что если смогут умалить объект своей зависти в глазах общества, то тем самым уменьшат дистанцию между ним и собой. Они превозносят свои заслуги и достижения, становясь в собственных глазах фигурами куда более важными, и в то же время гнусно и безжалостно клеветают на тех, кому завидуют, преуменьшая их заслуги, пороча личную жизнь и общественную деятельность и пачкая их репутацию отвратительной грязью собственных вымыслов. Этим они и выдают себя, поскольку глупца всегда можно отличить по двум характерным признакам: чрезмерному тщеславию и лживости. Однако их лживость, сама по себе являясь продуктом их убогого интеллекта, не обманывает никого, кроме людей того же сорта.

Таков был мессер Паоло Капелло, представитель Светлейшей республики Венеции и выразитель ее ненависти

к Чезаре Борджа. С постоянно возрастающим страхом Венеция следила за усилением власти герцога в Италии. Она видела, что на полуострове ей угрожает серьезный соперник, которому по силам затмить ее славу. Поскольку Венеция считала себя вправе судить и осуждать всех, она мерила его единственными известными ей мерками, словно поступки гениев можно оценивать по стандартам, управляющим жизнью галантерейщиков и торговцев специями. Таким образом, Венеция стала наиболее искусным и непримиримым врагом Чезаре Борджа в Италии.

Венецианцы с радостью двинули бы против него свои войска, но, помня о его союзе с Францией, не осмеливались на такой шаг. Зато они делали все, что было в их силах. Попробовали испортить отношения герцога с королем Людовиком XII, а когда это не удалось, попытались образовать коалицию с другими государствами, с которыми обычно враждовали. Потерпев неудачу и здесь, они прибегли к банальным, но испытанным средствам: убийству и клевете. И для этого у них под рукой всегда имелся такой бесподобный и ни для чего более не годный инструмент, как мессер Капелло, одно время представлявший Венецию в Ватикане.

Этот Капелло был увертлив и скользок, как червяк, барахтающийся в грязи. Он всегда действовал в тени, исподтишка и не давал герцогу достаточных оснований для принятия чрезвычайных мер против своей неприкосновенной персоны посла. Трудно понять, как ему удалось избежать веревки на заре своей постыдной карьеры. Это было, возможно, одним из самых главных упущений Чезаре Борджа. Какой-нибудь наемный головорез смог бы без особого труда перекрыть этот источник сквернословия, тем самым сохранив для потомков имена Чезаре Борджа и всех членов его семьи менее запачканными грязью.

Когда Джованни Борджа, герцог Гандийский, был убит во время одного из своих любовных походов, и убийца, несмотря на то, что среди подозреваемых назывались имена его собственного брата Жофре и кардинала Асканьо Сфорцы и многих других, не был найден, из Венеции прозвучало обвинение, не основывающееся ни на малейших доказательствах, что это богопротивное дело было совершено Чезаре. Когда Педро Кальдес — или, как его называли, Пьеротто, — камерарий папы, упал в Тибр и утонул, Венеция представила зловещую историю, — вышедшую, несомненно, из-под плодovitого и бессовестного пера мессера Капелло, — о том, как Чезаре заколол

беднягу на руках у самого папы; и хотя в подобном деле не могло быть свидетелей, мессер Капелло привел многочисленные подробности. Когда несчастный турецкий принц Джем умер от колик в Неаполе, слух о его отравлении «порошком Борджа» распространил не кто иной, как Капелло, прибегнувший к аналогичному средству еще раз, когда похожее несчастье случилось с кардиналом Джованни Борджа, умершим от лихорадки во время поездки по Романье. Но если бы изобретенные Капелло лживые истории вращались лишь вокруг стали и яда, его можно было судить и не столь строго. Но было кое-что похуже, гораздо хуже. Не осталось, пожалуй, ни одной навозной кучи, которую он не разворошил бы в интересах Светлейшей республики. Его нечистоплотное перо неустанно трудилось, лихорадочно описывая подхваченные в папских приемных непристойные сплетни, главным героем которых был Чезаре Борджа. Большая часть всего этого сохранилась в сочинениях, которые можно прочитать, но которым вовсе не обязательно верить. Не стоит пачкать бумагу их повторением.

Так мессер Паоло Капелло служил Светлейшей республике. Однако его усилия не приносили плодов, которых столь жаждала Светлейшая республика, и поэтому было решено прибегнуть к методам более надежным, чем клевета. В середине октября 1500 года от Рождества Христова, в восьмой год папства Родриго Борджа, занявшего трон Святого Петра в Риме под именем Александра VI; тиран Пандольфо Малатеста был изгнан из области Римини, которая давно была объектом вожделений Светлейшей республики. Теперь по праву завоевания она перешла к Чезаре Борджа, увеличив его владения и могущество, и в Светлейшей республике поняли, что настало время для решительных действий. Исполнителем был избран принц Марк-Антонио Синибальди, направленный в Римини в качестве чрезвычайного посла Венеции. Он глубоко дорожил интересами Венеции, был человеком смелым, изобретательным и ненавидел герцога Валентино настолько сильно, словно у него к нему были личные счеты.

Чтобы подчеркнуть мирный и дружественный характер миссии Синибальди, его сопровождала принцесса, красивая и утонченная дама из благородного рода Альвиано, и эта пара появилась в Римини в окружении чрезвычайно роскошной свиты.

Принцессу везли в карете, запряженной двумя молоч-

но-белыми низкорослыми испанскими лошадами, покрытыми вышитыми попонами красного бархата, свисающими до земли. Сама карета была расписана и украшена позолотой, словно сундук с приданым, а окна украшали занавески с красными гербами, изображавшими Крылатого льва святого Марка¹⁹. Карету сопровождал сонм пажей, выбранных из мальчиков-патрициев и одетых в ливреи республики.

Там были нубийские воины — устрашающего вида всадники в варварских одеяниях, несколько дюжин пеших рабов-мавров в турбанах и, наконец, два десятка конных арбалетчиков, составлявших почетный эскорт принца. Сам принц, высокий и статный, восседал на великолепном жеребце, по сторонам которого бежали конюхи. За ним следовала свита: секретарь, виночерпий, причем последний швырял в толпу горсти серебряных монет, демонстрируя щедрость своего прославленного господина.

Жители Римини, едва пришедшие в себя после недавнего торжественного въезда в город процессии Чезаре, были изумлены и ослеплены столь фантастическим зрелищем.

Стараниями мессера Капелло принца поселили во дворце синьора Раньери. Этот синьор был в свое время советником изгнанного Малатесты, что, однако, не мешало ему громко славить победу Чезаре Борджа и провозгласить его освободителем Римини.

Герцог не был введен в заблуждение витиеватыми поздравлениями, переданными ему от имени Светлейшей республики ее чрезвычайным послом Синибальди. Он слишком хорошо знал истинное отношение к нему Венеции, и он ответил на поздравления фразами столь же изящными, сколь неискренними. А узнав, что в Римини Синибальди будет гостить у Раньери и оба красноречивых лгуна будут жить под одной крышей, он немедленно приказал усилить наблюдение за дворцом последнего.

Раньери — дородный цветущий господин с веселыми светло-голубыми глазами — собрал у себя для встречи Синибальди весьма странное общество. Там был Франческо д'Альвиано, младший брат кондотьера Бартоломео д'Альвиано, непримиримого врага герцога Галеаццо Сфорцы из Катиньола, незаконнорожденный брат Джованни Сфорцы, которого Чезаре изгнал из Пезаро, и еще четверо других, одним из которых был знаменитый Пьетро Корво, одно время занимавшийся магией под именем Корвинуса Трисмегита. Несмотря на все перенесенные им страдания,

он не мог удержаться от того, чтобы еще раз не влезть в дела великих.

Искусство разоблачения злоумышленников никому не было известно лучше, чем проницательному и бдительному герцогу Валентино. Он не ждал, пока они своими действиями откроют себя, а предпочитал разоблачать их замыслы, пока они созревают.

Имея серьезные основания подозревать, что в мрачном дворце Раньери, выходящем на реку Мареккья, зреет измена, он велел своему секретарю Агапито Герарди распустить слух о том, что некоторые из видных офицеров герцога недовольны им, и особо подчеркнуть, что среди недовольных — честолюбивый и способный молодой капитан по имени Анджело Грациани, с которым герцог, как утверждалось, обошелся на редкость несправедливо и который искал возможности отомстить.

Эта сплетня, как и все грязные слухи, распространилась необычайно, и шпионы синьора Раньери поторопились донести ее своему господину. Помимо Грациани, называлось также имя Рамиро де Лорки, назначенного в то время правителем Чезены, и некоторое время Раньери и Синибальди пребывали в нерешительности, сомневаясь, кого из них предпочесть. В конце концов выбор пал на Грациани. Де Лорка был более могуществен и влиятелен, но в данном случае это не имело особого значения. Грациани временно возглавлял личную охрану герцога, и это, по мнению заговорщиков, могло помочь в осуществлении их планов.

Сам капитан совершенно не подозревал ни об этих слухах, ни об испытании, которому должна была вскоре подвергнуться его лояльность герцогу. Поэтому он был изрядно изумлен, когда в последний день октября, перед самым завершением визита принца Синибальди в Римини, к нему вдруг обратился синьор Раньери с совершенно неожиданным предложением. Грациани находился в приемной герцога, и Раньери перед тем, как уйти после краткого визита к его высочеству, подошел к офицеру.

— Капитан Грациани, — обратился он к нему.

Капитан, высокий, атлетически сложенный молодой человек, чье простое одеяние из стали и кожи выделяло его из толпы наряженных в шелка придворных, сдержанно поклонился:

— К вашим услугам, синьор.

— Мой высокий гость, принц Синибальди, отметил вас своим вниманием, — понизив голос, произнес Раньери до-

верительным тоном. — Он оказывает вам честь, желая ближе познакомиться с вами. Он слышал о вас, и, думаю, у него вам представится возможность быстро продвинуться по службе.

Польщенный Грациани вспыхнул.

— Но я служу герцогу, — возразил он.

— Когда вы узнаете, что вам предлагается, перемена, возможно, покажется более привлекательной, — ответил Раньери. — Принц оказывает вам честь, желая видеть вас у меня в доме в седьмом часу вечера.

Слегка озадаченный, взволнованный и застигнутый врасплох, Грациани принял приглашение. В тот момент он рассудил, что не будет большой беды, если выслушать принца. В конце концов он был наемным солдатом и мог при желании поменять место службы. В знак благодарности он поклонился.

— Я очень признателен принцу, — сказал он, и Раньери улыбнулся ему и удалился.

И лишь потом, когда Грациани перебрал в памяти подробности этого разговора, у него зародились сомнения. Раньери говорил, что принц отметил его своим вниманием. Как это могло случиться, если Синибальди ни разу не встречался с ним? Это очень странно, подумал он, и его мысль заработала быстрее. Достаточно разбираясь в политике, он хорошо знал отношение венецианцев к Чезаре Борджа, и у него хватило здравого смысла усомниться в искренности Раньери, который совсем недавно пользовался доверием и милостями изгнанного герцогом Малатесты, а теперь подлизывался к победителю.

Так сомнения Грациани переросли в подозрения, а подозрения обернулись уверенностью. В предложении Синибальди он чуял измену. Он подумал, что вероятнее всего окажется в ловушке, из которой может не спастись, ведь заговорики, раскрывая свои планы, из чувства самосохранения не шадят жизни тех, кто, узнав об их замыслах, отказывается в них участвовать. В своем воображении Грациани уже видел собственное безжизненное тело с открытой раной в груди, уносимое по реке в сторону моря — он как раз вспомнил, что дворец Раньери расположен очень удобно для дел такого рода. И если предчувствия побуждали его забыть о своем обещании нанести визит принцу Синибальди, то честолюбие нашептывало ему, что он может оказаться в проигрыше, охотясь за тенями. Венеции нужны были кондотьеры; республика была богата и хорошо платила своим слугам; там могло

представиться больше возможностей для быстрого продвижения, чем на службе у Чезаре Борджа, потому что в Италии почти все солдаты удачи уже служили под знаменами герцога. Вполне вероятно, речь здесь шла лишь о том, что предлагал синьор Раньери, и не более. Он пойдет. Только трус уклонился бы от встречи из опасений, для которых нет серьезных оснований. Но, с другой стороны, только глупец пренебрег бы мерами предосторожности, которые помогли бы спастись в минуту опасности.

Поэтому, когда в точно назначенное время капитан Грациани появился во дворце Раньери, около десятка его людей уже укрылись в засаде на ближайшей улице под командой верного сержанта Барбо. Перед тем, как отправиться во дворец, капитан приказал ему:

— В случае тревоги или опасности я постараюсь разбить окно. По этому сигналу ты со своими людьми должен немедленно ворваться во дворец. Пусть один из твоих храбрецов следит за окнами, выходящими к Мареккье, на тот случай, если я буду вынужден подать сигнал отсюда.

Предусмотрев эти меры, он с легким сердцем отправился к венецианскому послу.

II

Поступь молодого кондотьера была тверда и взгляд спокоен, когда один из мавров Синибальди ввел его в длинную комнату в приемном покое дворца Раньери.

Появление мавра показалось ему само по себе подозрительным. А когда рядом с венецианским послом и синьором Раньери он обнаружил еще шесть человек, понял, что его худшие подозрения подтверждаются.

Зал, в котором он очутился, занимал всю длину дома, так что с одной стороны его окна смотрели на улицу, а с другой стороны — на реку Мареккья, около моста Августа. Он выглядел богатым и угрюмым одновременно: мрачные гобелены на стенах, темно-фиолетовые, почти черные ковры на мозаичном деревянном полу, немногочисленные предметы обстановки — все придавало ему почти траурный вид. Помещение освещалось лампой с алебастровым абажуром, поставленной на массивную каминную полку, и свечами в серебряных канделябрах на длинном столе в центре комнаты; вокруг стола сидели в

ожидании Грациани гости синьора Раньери. В камине бушевали огромные языки пламени, поскольку погода была сырая и холодная.

За Грациани мягко затворилась дверь, и, пока он стоял, привыкая к яркому свету, к нему подошел синьор Раньери. Изливая потоки приветствий — чересчур уж многословных, учитывая разницу в положении, — синьор Раньери подвел капитана к столу. С кресла во главе стола поднялся высокий, величавый господин с продолговатым оливкового оттенка лицом и коричневой заостренной бородкой, еще больше удлинявшей лицо. Он был одет во все черное, с изысканной элегантностью, а на его груди поблескивал медальон с алмазами, стоивший целое состояние. Он также обратился к Грациани, приветствуя его, и тот сразу догадался, что перед ним принц Синибальди, чрезвычайный посол Светлейшей республики.

Кондотьер низко поклонился, всем своим видом демонстрируя, однако, официальный характер своего визита. Его поклон получился таким, каким обычно обмениваются фехтовальщики перед схваткой, а выражение лица осталось напряженным.

Раньери поставил ему кресло и пригласил к столу, за которым сидели гости, устремив глаза на вновь прибывшего. Грациани, в свою очередь, внимательно оглядел их, но ему было знакомо лишь лицо Галеаццо Сфорцы из Катиньолы, которого он видел в Пезаро и который от имени своего брата сдал город Чезаре Борджа.

Затем взгляд капитана остановился на Пьетро Корво, резко выделявшемся среди присутствующих, и дело было не в его плебейском происхождении. Его лицо напоминало лицо покойника: оно было желто-восковое, с пергаментной кожей, плотно обтягивающей высокие скулы, с впалыми щеками и морщинами, сбегаящими к тощей жилистой шее. Его гладкие редкие волосы начинали приобретать пепельный оттенок, в губах не было ни кровинки; и вообще, казалось, что на его лице живут только глаза, сверкающие словно у больного лихорадкой. Его единственная левая рука была такая же желтая и напоминала птичью лапу. Вторую руку он оставил в Урбино вместе со своим языком: их отняли у него по приказу Чезаре Борджа.

Ограничься он магией под именем Корвинуса Трисмегита, его жизнь текла бы гладко и ровно. Он был изобретательным мошенником, и его ремесло могло бы и дальше способствовать увеличению его состояния, если

бы он не поступил неосторожно и не привлёк к себе внимания герцога Валентино.

Лишившись языка, а вместе с ним возможности обманывать простаков и не настолько владея магией, чтобы вырастить себе ещё один, он обвинял, его дело пришло в упадок, и одновременно в нем зажглась жгучая ненависть к человеку, повинному в его несчастьях. Его яростно сверкающие глаза недоверчиво следили за Грациани, когда тот садился в кресло, предложенное ему Раньери. Он разомкнул бескровные губы и издал жуткий квакающий звук, заставивший Грациани вспомнить о лягушачьих концертах, а затем обратился к венецианцу на языке жестов, который капитан даже не попытался понять.

Синьор Раньери сел на свое место в другом конце стола. Затем из-под расстегнутого на груди камзола венецианец достал маленькое золотое распятие прекрасной работы и положил на стол. Касаясь его своими тонкими пальцами, он торжественно обратился к кондотьеру.

— Мессер Грациани, когда мы откроем вам, почему мы желали встретиться с вами здесь этой ночью, тогда вы сможете решить, присоединиться к нам или нет. Если по каким-либо причинам вы откажетесь, за вами останется право свободно уйти. Но сначала вы должны торжественно поклясться, что ни единым словом, произнесенным или написанным, вы не разгласите ничего из услышанного.

Принц сделал паузу, ожидая ответа. Грациани вскинул голову и готов был открыто рассмеяться, поняв, что его подозрения оправдались. Он неторопливо оглядел обращенные к нему лица и, увидев недоверчивые и злобные глаза, понял, что присутствующих здесь нельзя было успокоить ничем, кроме произнесения требуемой принцем клятвы.

Мысль о Барбо и храбрецах, готовых в случае необходимости прийти на помощь, подействовала на него успокаивающе. И он подумал, что если хоть чуть-чуть разбирается в людях, то очень скоро солдаты ему понадобятся.

Синибальди наклонился над столом, опираясь на левую руку, а правой легонько подтолкнул распятие в сторону капитана.

— Сначала на этом священном символе нашего Спасителя... — начал было он, но Грациани резко отодвинул кресло и встал.

Он узнал достаточно. Здесь наверняка готовился заговор против государства и против жизни его синьора герцога

Валентино. Он не был ни шпионом, ни доносчиком, но если он услышит о деталях заговора и сохранит их в тайне, то невольно окажется соучастником.

— Ваше превосходительство, — обратился он к принцу, — здесь, несомненно, какая-то ошибка. Я не знаю, что вы собираетесь предложить мне. Но для меня очевидно, что это не то предложение, которого, по словам синьора Раньери, я мог бы ожидать.

После этих слов немой яростно и неразборчиво зарычал, в то время как другие сохранили молчание, внимательно ожидая, пока капитан закончит.

— Я не привык, — угрожающе продолжил он, — слепо ввязываться в какое бы то ни было предприятие и клясться относительно дел, совершенно мне неизвестных. Позвольте мне немедленно покинуть вас. Господа, — поклонившись, обратился он ко всем присутствующим, — доброй ночи.

Он шагнул прочь от стола, твердо решив уйти, и тотчас все остальные вскочили и схватились за оружие. Они поняли свою ошибку и решили исправить ее единственно возможным способом. Раньери бросился к двери и оказался между ней и капитаном, лишая его возможности уйти.

Вынужденный остановиться, Грациани взглянул на Синибальди, но улыбка на мрачном лице венецианца была отнюдь не утешительной. Капитан подумал, что пора подавать сигнал Барбо, и прикинул, удастся ли ему оказаться около одного из окон и разбить его. Но сначала он обратился к Раньери, стоявшему на его пути.

— Синьор, — произнес он, и его голос был тверд и почти высокомерен, — меня пригласили сюда, не поставив в известность о том, что меня здесь ждет, и я прибыл как друг. Я надеюсь, синьор, мне будет позволено удалиться, сохранив вашу дружбу.

— Дружбу? — коротко усмехнулся Раньери. На его лице не осталось и следа обычной веселости. — Дружбу? Но у вас останутся подозрения...

— Пусть он поклянется, — вскричал чистый молодой голос, принадлежавший Галеаццо Сфорце, — пусть поклянется молчать...

Но твердый, как сталь, голос Синибальди прервал его:

— Разве вы не видите, Галеаццо, что мы ошиблись в нем? Разве его намерения не очевидны?

Грациани, однако, попытался уговорить Раньери.

— Синьор, — вновь заговорил он, — если со мной что-

нибудь случится, это будет на вашей совести. По вашей просьбе...

Своим острым слухом он уловил звуки крадущихся шагов позади себя и резко обернулся. И в этот самый момент на него прыгнул Пьетро Корво, с занесенным для смертельного удара кинжалом. У Грациани не оставалось времени даже на то, чтобы попытаться защититься, и лезвие с силой ударило ему прямо в грудь. Но, встретив там звенья кольчуги — капитан не пренебрег никакими предосторожностями, — оно сломалось у самой рукоятки.

Грациани схватил этот человеческий обрубок в охапку и яростно швырнул через всю комнату. Немой столкнулся с Альвиано, стоящим между столом и окном. Тот, потеряв равновесие, пошатнулся и опрокинул тумбочку из черного дерева, на которой возвышалась мраморная статуэтка Купидона²⁰. Падая, Купидон разбил окно и вылетел на улицу.

Для Грациани это было неожиданностью, но о лучшем и мечтать было нечего. Сигнал для Барбо был подан, хотя об этом никто не подозревал. Он мрачно усмехнулся, выхватил свою длинную шпагу, обмотал плащом левую руку и рванулся к Раньери.

Раньери не ожидал нападения и был вынужден уклониться в сторону, освободив капитану путь к двери. Но Грациани был не настолько беспечен, чтобы воспользоваться этим. Он на ходу сообразил, что подлюжины шпаг пронзят его прежде, чем он успеет открыть задвижку. Поэтому, добежав до двери, он встал к ней спиной и приготовился встретить заговорщиков, приближавшихся к нему с обнаженными шпагами.

Его окружили пятеро. Синибальди, обнажив на всякий случай шпагу, не вмешивался, предпочитая, чтобы грязным делом занимались те, кто по положению ниже его. Увидев, что Грациани повернулся к ним и приготовился к схватке, нападавшие на секунду остановились, хотя их было намного больше. В этот миг капитан успел взвесить свои шансы. Он нашел их весьма малыми, но не безнадежными, поскольку все, что от него требовалось, — это отражать выпады противников, выигрывая время, пока Барбо и его люди не придут к нему на выручку.

Еще секунда — и они бросились на него, их острые шпаги искали незащищенное место его тела. Он оборонялся весьма успешно, выбрав наилучшую из тактик, к которой и прибегает человек в подобных обстоятельствах. Он хорошо владел оружием и постоянно занимался всесо-

можными упражнениями, благодаря чему у него были гибкие связки, длинные руки и ноги, а мускулы обладали крепостью и упругостью стали. Он защищался шпагой и плащом, не допуская и мысли о том, чтобы самому перейти к нападению. Он знал, что даже успешный выпад в сторону любого из нападавших заставит его открыться, и сквозь эту брешь его поразят прежде, чем он успеет отразить их удары. У него будет возможность атаковать, когда придет Барбо, и он сделает все, чтобы никто из этих трусливых убийц, этих подлых заговорщиков не ушел живым. А пока ему приходилось отбиваться и молить Бога, чтобы Барбо не задерживался слишком долго.

Некоторое время удача благоволила к нему, и кольчуга служила верно. После мощного выпада Альвиано, нацеленного прямо в грудь, шпага нападавшего сломалась. Тогда противники поняли, что единственным уязвимым местом кондотьера является его голова. Об этом свирепо прокричал Синибальди, оттолкнув обезоруженного Альвиано и заняв его место. Теперь сам принц возглавил атаку против капитана, защищавшегося отчаянно, без какой-либо надежды на отступление.

Внезапно шпага Синибальди с быстротой молнии мелькнула вперед-назад в ложном выпаде, за которым последовал еще один укол, и Грациани почувствовал, что его правая рука онемела. Капитан мгновенно понял, что надо делать. Он перехватил шпагу левой рукой, но в это время Синибальди, повернув кисть, нанес ему резкий укол в голову. Волей-неволей Грациани чуть запоздал, отражая выпад: та доля секунды, которая потребовалась ему, чтобы взять шпагу в левую руку, дала Синибальди слишком большое преимущество. Однако Грациани все же смог смягчить силу удара, слегка отклонив острие шпаги Синибальди. И хотя оно и не раскроило ему череп, как должно было случиться, но оставило на нем длинную косую рану.

Кондотьер почувствовал, что пол под ним закачался. Он выронил шпагу и прислонился к стене и, пока нападавшие молча наблюдали за ним, медленно съехал на пол и так и остался там сидеть, безжизненно согнув колени. Синибальди сделал шаг вперед, прицеливаясь, чтобы наверняка поразить свою жертву в горло. Но в последний момент его остановило яростное восклицание немого, стоявшего у разбитого окна, и шум внизу, у парадной двери.

Заговорщиков обуял страх. Они мгновенно вспомнили

о том, что замышляли, и о быстром и безжалостном правосудии Чезаре Борджа, не щадившем ни патриция, ни плебея.

— Мы преданы, обмануты! — изрыгая жуткие проклятья, вскричал Раньери.

Заговорщики в панике озирались по сторонам, не зная, что предпринять. Каждый давал советы и одновременно спрашивал другого, никто никого не слушал, пока наконец немой своим возбужденным клекотом не привлек к себе их внимание. Он бегом пересек комнату и проворно, как кот, вспрыгнул на мраморный стол, который стоял около окна, выходявшего на реку. Знакомство с Борджа вселило в него такой безумный страх, что он всем телом бросился вперед, пробил стекло и вместе с осколками исчез в ледяной воде.

Остальные последовали за ним, как овцы за вожаком. Один за другим они вскакивали на мраморный стол и оттуда прыгали сквозь зиявшую дыру вниз, в реку. Никому из них не пришло в голову поинтересоваться уровнем воды. Если бы начался отлив, беглецов могло смыть в море, и никто из них более не вмешивался бы в судьбы Италии. К счастью, как раз был прилив, и их отнесло к мосту Августа, где все они, кроме утонувшего Пьетро Корво и Синибальди, не последовавшего за ними, незамеченными выбрались на берег²¹.

Синибальди, как и Грациани, также носил под камзолом кольчугу, что давно вошло у него в привычку. Менее порывистый, чем остальные, он в нерешительности остановился, подумав, что кольчуга может утянуть его на дно, и решил снять ее. Тщетно зывал он к остальным, умоляя подождать его. Раньери, стоя на столе и готовясь прыгнуть, ответил ему:

— Подождать? Боже мой! Вы сошли с ума! Разве сейчас можно ждать?

С этими словами он выпрыгнул в окно вслед за другими, и через секунду послышался всплеск воды. Непослушными пальцами Синибальди дергал пуговицы своего камзола, забыв вытащить из-под мышки мешавшую ему шпагу. Но было поздно. Парадная дверь с грохотом вылетела, и дворец наполнили голоса.

Синибальди, продолжая возиться с пуговицами, в отчаянье подскочил к окну и приготовился отдаться в руки судьбы. Но тут он вдруг вспомнил о защите, которую представляла его миссия. В конце концов, он был послом Венеции, обладал дипломатической неприкосновенностью,

и всякий, поднявший на него руку, рисковал вызвать негодование Светлейшей республики. Он решил, что погорячился. Ему нечего бояться, поскольку против него нет никаких улик. Даже Грациани не в силах угрожать священной персоне посла, и, кроме того, был шанс, что Грациани, возможно, никогда более не заговорит. Поэтому он вложил шпагу в ножны, открыл дверь и позвал:

— Сюда! Сюда!

Они ворвались всей толпой во главе с седеющим сержантом, и так стремительно, что едва не растоптали принца. Барбо озадаченно огляделся. Его взгляд упал на истекавшего кровью капитана, и сержант заревел от ярости, в то время как солдаты плотным кольцом окружили венецианца.

Синибальди пробовал удержать их, обратившись к ним так величественно, как только мог человек, оказавшись в такой ситуации.

— Прикасаясь ко мне, вы рискуете жизнью, — предупредил он их. — Я принц Марк-Антонио Синибальди, посол Венеции.

Полуобернувшись, сержант прорычал:

— Будь вы самим принцем Люцифером, послом преисподней, вам пришлось бы ответить за то, что произошло здесь, и за нашего капитана. Взять его, быстро!

Солдаты с готовностью повиновались, поскольку Грациани любил все, кто с ним служил. Венецианец тщетно бушевал и протестовал, умолял и угрожал. Они обошлись с ним так, словно и не слышали о дипломатической неприкосновенности: разоружили, скрутили за спиной руки, как обычному преступнику, и вытолкали из комнаты на лестницу, а потом на темную улицу, не позволив надеть ни шапку, ни плащ. По приказу сержанта четверо остались наверху, а сам он склонился к раненому капитану, чтобы осмотреть его.

К счастью, Грациани проявлял признаки жизни. Поддерживаемый Барбо, он сел, отер с лица кровь, залившую глаза, и тупо посмотрел на сержанта, который всхлипывал и ругался, выражая этим свою радость.

— Я жив, Барбо, — слабым голосом произнес он, — но, Боже милосердный, вы прибыли очень вовремя. Опоздай вы на минуту, и со мной было бы уже кончено. — Он слабо улыбнулся. — Когда доблесть оказалась бесполезной, я прибегнул к хитрости, ибо если не можешь быть львом, неплохо остаться и лисицей. С этой раной на голове и с лицом, испачканным кровью, я притворился мертвым.

Но все это время я оставался в сознании, а это ужасная вещь, Барбо, играть со смертью, не осмеливаясь шевельнуть пальцем, чтобы не ускорить ее. Я... — он глотнул воздух и опустил голову, показывая, что его силы на исходе. Затем, движимый, казалось, одной волей, он овладел собой. Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, а ему надо было сказать еще самое главное. — Беги к герцогу, Барбо. Скорее! Скажи ему, что тут готовился заговор... Те, кто был здесь, затевают недоброе. Вели ему быть осторожным. Поторопись, слышишь. Скажи, что я...

— Имена! Назовите их имена! — вскричал сержант, видя, что капитан на грани обморока.

Грациани вновь поднял голову и медленно открыл невидящие глаза. Веки его сомкнулись, и голова, качнувшись вбок, упала на плечо сержанта.

III

Беглецам надо было спешить, чтобы ночью осуществить задуманное, как сказал Раньери, перед тем как прыгнуть в реку. Дело в том, что это была последняя ночь Чезаре Борджа в Римини. Утром он вместе со своей армией выступал на Фаэнцу. Патриции Римини решили подчеркнуть свою полную покорность герцогу банкетом, устроенным в его честь в Палаццо Пубблико²². На этот банкет собрались все знатные или хотя чем-то знаменитые жители Римини, а также огромное количество изгнанников-патрициев, которых ненавистный тиран Малатеста под тем или иным предлогом лишил владений, чтобы обогатиться отобранным у них имуществом. Теперь вместе со своими женами они прибыли засвидетельствовать свое почтение герцогу, который низверг несправедливого Пандольфаччо²³ и который, как они надеялись, в полной мере воздаст им за перенесенные невзгоды.

Присутствовали также послы нескольких итальянских государств, явившиеся поздравить Чезаре Борджа с его завоеванием. Но тщетно молодой герцог обегал глазами толпу собравшихся, надеясь обнаружить царственного Марк-Антонио Синибальди, чрезвычайного посла Светлейшей республики. Но его нигде не было видно, и герцог, не любивший оставлять загадки неразгаданными — особенно, когда дело касалось враждебных ему государств, — горел желанием узнать, почему его нет.

Это было тем более странно, что в зале находилась супруга принца Синибальди, статная белокурая женщина, сидевшая по правую руку герцога; ее корсаж сверкал от обилия драгоценных камней, как начищенная кираса. Ей отвели столь почетное место в соответствии с ее титулом, подчеркнув тем самым уважение к великой республике, которую представлял ее муж.

Другим человеком, чье отсутствие могло привлечь внимание герцога, был, конечно, синьор Раньери, но Чезаре слишком был озабочен вопросом, где Синибальди. Его красивое бледное лицо было задумчиво, а тонкие длинные пальцы теребили шелковистую рыжеватую бороду.

Банкет близился к концу, и в центре зала освобождали место для присланных из Мантуи актеров, которым предстояло сыграть комедию для развлечения собравшихся. Однако вопреки ожиданиям вместо предстоящей комедии, похоже, надвигалась трагедия, и актером, широкими шагами вошедшим в зал, чтобы произнести пролог, оказался Барбо, сержант отряда Грациани. Он кулаками разгонял слуг, пытавшихся преградить ему дорогу, и, тяжело дыша, выкрикивал:

— Прочь с дороги, олухи. Я сказал вам, что должен поговорить с его высочеством. Прочь с дороги!

В зале воцарилось молчание. Одних испугало вторжение, другие считали, что это может быть началом предполагавшейся комедии. Тишину прорезал металлический голос герцога.

— Пусть подойдет!

Слуги с радостью отступили от Барбо, поскольку кулаки у него были тяжелые, и он не скупился на удары. Он прошел по залу, по-солдатски вытянулся перед герцогом, и по всей форме отсалютовал ему.

— Кто вы? — отрывисто спросил Чезаре.

— Мое имя Барбо, — ответил солдат. — Я сержант из отряда мессера Анджело Грациани.

— Почему вы ворвались сюда таким образом? Что привело вас?

— Измена, синьор, — вот что! — взревел солдат во всю глотку, возбудив тем самым любопытство всех присутствующих.

Один Чезаре остался невозмутимым. Он оглядел принесшего новости солдата и ждал его подробного доклада. Тогда Барбо приступил к рассказу о событиях в доме Раньери. Он говорил отрывисто, и его голос дрожал от гнева:

— Мой капитан, мессер Грациани, лежит с проломленной головой, иначе он был бы на моем месте и, вероятно, смог бы доложить более подробно обо всей этой истории. Я могу сообщить вам только то немногое, что мне известно. По его указанию мы — десять солдат — вели наблюдение за одним домом, куда он отправился в седьмом часу вечера. Нам было приказано ворваться туда, если будет дан условный сигнал. Этот сигнал мы получили. Действуя согласно приказу, мы...

— Подождите! — прервал герцог. — Рассказывайте яснее и по порядку. Вы говорите — один дом. Чей это был дом?

— Дворец синьора Раньери, ваше высочество.

После этих слов по залу пробежала волна изумленных восклицаний, но тут всех привлекло другое обстоятельство. Принцесса Синибальди, сидевшая справа от герцога, побледнела и без чувств откинулась на спинку своего кресла. Сопоставив некоторые факты, Чезаре нашел наиболее вероятное решение загадки отсутствия принца Синибальди. Он теперь почти наверняка знал, где венецианец проводил этот вечер, и, хотя Барбо еще не сказал ему, о какой измене шла речь, герцог не сомневался, что Синибальди был в этом замешан. И в тот момент, когда он понял это, сержант продолжил свой прерванный рассказ:

— По сигналу мы ворвались внутрь...

— Подождите! — вновь прервал его герцог, повелительно подняв руку.

Последовала краткая пауза. Барбо нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая разрешения продолжать, а Чезаре, спокойный и непроницаемый, нашел глазами мессера Паоло Капелло, венецианского посланника, сидевшего слева от него, в глубине зала. Герцог отметил напряженность его позы, волнение на круглом бледном лице, что подтвердило его догадки.

Итак, Венеция была замешана в заговоре. Эти торговцы с Риальто²⁴ наверняка стояли за тем, что произошло в доме Раньери. А теперь посланник Венеции хотел как можно скорее узнать о случившемся с чрезвычайным послом, чтобы сделать необходимые шаги.

Чезаре была хорошо знакома ловкость Светлейшей республики и ее послов. Все вокруг него кишело предателями, и ему следовало действовать с предельной осторожностью. Мессер Капелло не должен услышать того, что мог рассказать солдат.

— Здесь слишком многолюдно, — обратился он к Барбо и встал.

Из уважения к нему все присутствующие также поднялись, все, кроме супруги Синибальди. Она тоже сделала усилие, чтобы встать, но, ослабла от страха, и ее ноги отказались повиноваться, отчего она, как на это обратил внимание Чезаре, осталась сидеть.

Вежливо улыбаясь, он сделал успокаивающий жест:

— Дамы и господа! Умоляю вас не покидать своих мест. Мне бы не хотелось, чтобы это событие обеспокоило вас. — Затем он повернулся к председателю государственного совета. — Если бы вы, синьор, позволили мне побеседовать минуту наедине с этим малым...

— Разумеется, синьор, разумеется, — нервно вскричал председатель, сконфузившись от почтительности, с которой к нему обратился герцог. — Позвольте, я провожу, ваше высочество. Здесь есть комната, где вас никто не побеспокоит.

Через весь зал они последовали в небольшую приемную, где Чезаре и Барбо остались в наедине.

Комната была маленькая, но богато обставленная. В центре, на мозаичном полу, стоял стол, поддерживаемый массивными резными купидонами, возле него — огромное кресло, покрытое малиновым бархатом. Комната освещалась восковыми свечами, горевшими в роскошном подсвечнике, выполненном в виде группы поднимающихся титанов.

Чезаре уселся в кресло и повернулся к Барбо.

— Теперь рассказывай, — велел он.

Барбо наконец-то смог дать простор своему подогреваемому нетерпением красноречию. В мельчайших подробностях он рассказал о случившемся этой ночью во дворце Раньери, точно повторил слова, произнесенные Грациани, и в заключение объявил, что удалось задержать одного из заговорщиков — принца Марка-Антонио Синибальди.

— Надеюсь, синьор, я поступил правильно, — несколько нерешительно добавил сержант. — Похоже, что именно это приказал мессер Грациани. Однако арестованный говорил, что является послом Светлейшей республики...

— К черту Светлейшую республику и ее послов, — вспыхнул Чезаре, выдавая кипевшую внутри его ярость, но тут же овладел собой, подавив эмоции. — Не беспокойся. Ты хорошо сделал, — кратко сказал он. — Есть ли у тебя какие-нибудь соображения или подозрения относительно

этого заговора? Что они замыслили и что намереваются сделать сегодня ночью?

— Никаких, синьор. Я рассказал все, что знаю.

— И ты не знаешь, кто были те люди, которые бежали?

— Нет, синьор. Хотя я думаю, что одним из них был, конечно, синьор Раньери.

— Да, но другие... Нам даже неизвестно, сколько их было...

Чезаре запнулся. Он вспомнил о принцессе Синибальди. Можно попытаться выудить из нее эти сведения. Вне всякого сомнения, ей кое-что известно, и она уже обнаружила это своим поведением. Он мрачно улыбнулся.

— Передай от моего имени председателю совета, чтобы он прибыл сюда вместе с принцессой Синибальди. Затем жди моих распоряжений. И не забудь: никому об этом ни слова.

Отсалютовав, Барбо отправился исполнять поручение. Чезаре неторопливо прошелся по комнате к окну, прислонился лбом к холодной раме, размышляя, и стоял до тех пор, пока дверь снова не открылась и председатель не пригласил принцессу войти.

Председателю не терпелось услышать новости, но его ожидало разочарование.

— Синьор, я просил вас лишь сопровождать даму, — сообщил ему Чезаре, — позвольте нам остаться вдвоем...

Подавив свое сожаление и извинившись, председатель исчез. Оказавшись наедине с принцессой, Чезаре повернулся к ней и оценил ее состояние как состояние человека, готового от страха пойти на что угодно.

Улыбнувшись, он почтительно поклонился и изысканным жестом предложил ей украшенное позолотой малиновое кресло. Молчаливо и безвольно она опустилась на сиденье и притронулась к губам окаймленным золотой вышивкой платком. Она не сводила испуганных глаз с лица герцога, и в ее взгляде читалась зачарованная покорность судьбе.

— Мадонна, я послал за вами, — мягким тихим голосом сказал Чезаре, — чтобы дать вам возможность спасти вашего мужа.

Это ужасное сообщение прозвучало еще более угрожающе, будучи произнесенным вежливо и бесстрастно. Эффект, на который Чезаре рассчитывал, не замедлил сказаться.

— О, Боже! — задыхаясь, произнесла несчастная жен-

щина и заломила руки. — Боже! Я знала это! Сердце подсказывало мне.

— Не волнуйтесь, мадонна, умоляю вас. Для этого нет никаких оснований, — заверил он ее. — Принц Синибальди внизу и ожидает, когда мне будет угодно решить его судьбу. Но мне, принцесса, не хотелось бы огорчать вас. Жизнь вашего мужа в ваших руках. Я отдаю ее вам. И вам распоряжаться, будет ли он жив или умрет.

Она взглянула в карие глаза, так кротко смотревшие на нее, и от страха съежилась под этим взглядом. Вежливое обхождение выглядело двусмысленным. Но на это он тоже рассчитывал: намеренная двусмысленность должна была разжечь в ней новые страхи, пламенем которых ее воля будет размягчаться до тех пор, пока не станет податливой, словно раскаленное железо. Он увидел, как лицо и шея принцессы покрылись ярко-красными пятнами.

— Синьор! — произнесла она. — Я не понимаю, что вы имеете в виду. Вы... — Тут она воодушевилась, во взгляде появилась твердость, однако дрожащий голос выдавал плохо скрытое волнение. — Принц Синибальди — чрезвычайный посол Светлейшей республики. Его особа неприкосновенна. Зло, причиненное ему, будет оскорблением, нанесенным республике, которую он представляет. Вы не осмелитесь тронуть его.

Чезаре Борджа продолжал разглядывать ее, улыбаясь.

— Это я уже сделал. Разве я не сказал, что сейчас он просто пленник? Он здесь, внизу, связанный и ожадающий решения своей участи. — И герцог еще раз повторил: — Но мне бы не хотелось огорчать вас, мадонна.

— Вы не осмелитесь!

Улыбка медленно исчезла с его лица. Он чуть насмешливо наклонил голову.

— Тогда я даю вам возможность оставаться в этой счастливой уверенности.

Голос его звучал так зловеще и саркастически, что обретенное было ею самообладание растаяло вмиг.

Он повернулся и сделал шаг к двери, давая понять, что беседа закончена. Вновь обьятая страхом, дама вскочила на ноги:

— Синьор! Синьор! Подождите! Пощадите!

— Мадонна, я пощажу, если вы научите меня щадить, если вы сами пощадите меня.

Он медленно всрнулся к ней и с глубокой печалью проговорил:

— Ваш муж схвачен из-за участия в заговоре. Если вы не хотите, чтобы этой ночью его задушили, если вы хотите, чтобы он вновь, живой и невредимый, оказался в ваших объятиях, постарайтесь его спасти.

Бледность, разлившаяся по лицу дамы, превратила ее кожу в воск.

— Что... что вам от меня нужно? — дрожащим голосом проговорила она.

Никто не умел лучше Чезаре использовать в своих целях двусмысленность ситуации. Сначала он прибегнул к ней, чтобы как можно сильнее запугать принцессу и создать впечатление, что потребует от нее максимальную цену. Потом, когда он прояснил свои истинные намерения, она испытала неимоверное облегчение после пережитого ужаса. Услуга, которую он требовал, теперь казалась ей гораздо меньше предполагаемой жертвы.

— Все, что вам известно о заговоре, за участие в котором он был схвачен, — отвечал герцог.

Он уловил вспыхнувшее в ее глазах почти облегчение, и понял, что добился своей цели, и потому продолжал обрабатывать размягчившийся металл ее упорства.

— Смелее, мадонна, умоляю вас, поспешите, — упрашивал он, и голос его звучал ровно, но требовательно. — Не испытывайте мое терпение и милосердие. Буду откровенен с вами, как на исповеди: я не хочу ссориться со Светлейшей республикой и попробую добиться нужного мне более мягкими методами. Но, силы небесные, если эти мягкие методы не помогут мне убедить вас, то на дыбе принц Синибальди признается во всем, а то, что от него потом останется, передадут палачу, будь он хоть послом самой империи²⁵, — мрачно закончил он. — Мое имя — Чезаре Борджа, и вам известно, какой репутацией я пользуюсь в Венеции.

Все еще сомневаясь, она смотрела на него, а затем задала вопрос, более всего занимавший ее:

— Обещаете ли вы мне в обмен на эти сведения его жизнь и свободу?

— Это я обещаю.

Она прижала руки к вискам, пытаясь проникнуть в скрытый смысл его обещания, которое, как ей показалось, прозвучало двусмысленно.

— Но тогда... — робко начала она и остановилась, не умея подобрать слова, чтобы выразить свои сомнения.

— Если вам нужны еще гарантии, мадонна, вы получите их, — сказал он, — этими гарантиями будет моя клятва.

Клянусь своей честью и надеждой на спасение, что ни я лично, ни кто-либо иной по моей воле не причинит ни малейшего зла Синибальди при условии, что я буду знать все о заговоре и смогу избежать западни, приготовленной сегодня для меня.

Это развеяло ее сомнения: он предлагал жизнь Синибальди в обмен на собственную безопасность. Однако, даже думая о своем муже, она продолжала колебаться.

— Он может обвинить меня...

Глаза Чезаре блеснули. Он склонился над ней.

— Он никогда не узнает, — коварно произнес он.

— Вы... вы даете слово? — настаивала она, пытаясь убедить себя, что все будет хорошо.

— Я уже дал его, мадонна, — с ноткой горечи ответил он. Будь у него возможность, он никогда не пошел бы на такую сделку. Он не прощал измены, и ему вовсе не улыбалась перспектива оставить Синибальди без наказания. Но он также понимал, что, не поклявшись, он не сможет отвести удар, готовый обрушиться на него в любой момент. — Я дал его, мадонна, — повторил Чезаре. — И я не нарушу своей клятвы.

— И он даже не узнает, что вам станет известно об этом? И что сведениями, полученными от меня, вы воспользуетесь только для сохранения своей жизни?

— Именно так, — успокоил он ее, будучи уверен в том, что вот-вот услышит то, за что обещал ей, правда, несколько легкомысленно, столь большое вознаграждение.

Наконец она рассказала все, что знала. Прошлой ночью Раньери и принц Синибальди допоздна сидели вдвоем. У нее и раньше были подозрения, что ее муж вместе с другом свергнутого Малатесты что-то замышляет. Раздраженная тем, что лишена общества мужа, она подслушала их разговор и узнала о плане расправы с Чезаре Борджа.

— Именно Раньери, синьор, был в этом подстрекателем, — подчеркнула она.

— Да, да, без сомнения, — нетерпеливо произнес Чезаре. — Неважно, кто был подстрекателем, а кого подстрекали. О чем шла речь?

— Раньери знал, что после сегодняшнего банкета вы отправитесь отдыхать в крепость Сиджизмондо Малатесты и что сопровождать вас туда будет факельная процессия. Раньери говорил, что в некотором месте вашего пути — я, правда, не поняла где — в засаде прячутся два арбалетчика, которые должны будут застрелить вас.

Она запнулась. Однако Чезаре не проявил никаких признаков волнения и дал знак продолжать.

— Но было одно препятствие. Раньери не считал его непреодолимым, но, желая действовать наверняка, хотел бы его устранить. Он опасался, что будет трудно попасть в вас, если вы поедете в окружении стражи. Если же охрана будет пешей, то арбалетчики смогут стрелять поверх голов. И узнав, что один из ваших капитанов — думаю, это был тот самый Грациани, о котором говорил солдат, — проявляет недовольство вашим высочеством. Раньери предложил воспользоваться его помощью.

Чезаре тонко улыбнулся. Он хорошо знал, что являлось источником поспешных умозаключений Раньери.

— Вот все, что мне удалось подслушать, синьор, — после секундной паузы добавила она.

Эти слова точно пробудили герцога; он вскинул голову и рассмеялся:

— Клянусь, этого достаточно.

Выражение лица герцога и пламя, загоревшееся в его глазах, вновь вселили в нее ужас. Она стала умолять его не забыть о своей клятве. В ответ он подавил свой гнев и вновь улыбнулся ей, мягко и успокаивающе.

— Забудьте о своих опасениях, — сказал он. — Я останусь верен тому, в чем поклялся. Ни я сам, ни кто-либо из моих людей не причинит зла принцу Синибальди.

Она хотела выразить восхищение его великодушием, но не сразу смогла найти нужные слова, а герцог не дал ей заговорить:

— Мадонна, думаю, вам лучше отправиться отдохнуть. Боюсь, что я сильно утомил вас.

Она призналась, что рада его разрешению немедленно уехать домой.

— Принц последует за вами, — пообещал он, провожая ее к двери. — Сначала, однако, мы попытаемся помириться, и это, несомненно, нам удастся. Не волнуйтесь, — добавил он, заметив панику в ее голубых глазах, поскольку она знала, каким образом Чезаре обычно мирился со своими врагами. — Я окажу ему все подобающие почести. Я постараюсь проявлением дружелюбия склонить его к разрыву с теми предателями, которые соблазнили его.

— Именно, именно так! — воскликнула она, с жадностью ухватившись за оправдание, которое он столь великодушно предложил для человека, замышлявшего убить его. — Он позволил втянуть себя в заговор, слушая злые советы других.

— Могу ли я сомневаться, если вы это утверждаете? — с иронией, настолько тонкой, что она ускользнула от ее слуха, ответил герцог.

IV

Он поклонился и открыл дверь. Проследовав за ней в зал, где мгновенно воцарилось молчание и десятки глаз устремились на них, он подозвал председателя совета, ожидавшего его возвращения, и поручил ему проводить принцессу к выходу и усадить в карету.

На прощанье он еще раз низко поклонился ей и, когда она выходила из зала, опираясь на руку председателя, вернулся на свое место за банкетным столом, беззаботно смеясь, словно ничего не произошло.

Он видел, что Капелло смотрит на него во все глаза, и мог представить себе терзавшие сердце представителя Венеции дурные предчувствия. Что ж, мессеру Капелло будет о чем поразмышлять с мрачным юмором подумал он, и когда председатель, проводив принцессу, вернулся, Чезаре поднял палец и приказал закованному в сталь сержанту, стоявшему в ожидании распоряжений:

— Приведите принца Синибальди.

Дородный Капелло, услышав это приказание, пришел в такое смятение, что с усилием поднялся из-за стола и осмелился подойти к креслу Чезаре.

— Ваше высочество, — испуганно пробормотал он, — что с принцем Синибальди?

Герцог презрительно взглянул на него поверх своего плеча.

— Подождите, скоро увидите, — ответил он.

— Но, синьор, умоляю вас не забывать, что Светлейшая...

— Немного терпения, синьор, — огрызнулся Чезаре и бросил на стоявшего в нерешительности венецианца такой взгляд, что тот отшатнулся, как от удара. Тяжело дыша — его полнота всегда мешала ему в подобных случаях, — он пристроился позади кресла герцога.

Двойные двери распахнулись, и на пороге появился Барбо. За ним следовали четверо солдат из отряда Грациани, окружавшие чрезвычайного посла Светлейшей республики, более напоминавшего своим теперешним видом обычного злодея. Его запястья все еще были связаны за

спиной; на нем не было ни плаща, ни шапки, одежда пришла в беспорядок, а лицо было угрюмо.

По залу пробежал ропот.

Солдаты по знаку герцога чуть отступили назад, оставив принца лицом к лицу с Чезаре.

— Развяжите его, — велел герцог, и Барбо тут же разрезал опутывавшие Синибальди веревки.

Понимая, что находится в центре всеобщего внимания, венецианец постарался собраться с духом. Он вскинул голову и выпрямился; его высокая фигура была теперь исполнена достоинства и высокомерия, а взгляд смело устремлен в бесстрастное лицо Чезаре. Не ожидая приглашения, он разразился гневной речью:

— Не по вашим ли распоряжениям, синьор герцог, неприкосновенная особа посла подверглась этим унижениям? Светлейшая республика, которую я имею честь представлять, вряд ли станет терпеливо сносить подобное бесчестье.

На столе возле герцога лежал апельсин, пропитанный розовым маслом и служивший ароматическим средством. Он взял его своими длинными пальцами и деликатно понюхал.

— Я полагаю, — тихо произнес он, но тоном, которому только он умел придать столь сладостно-зловещее звучание, — что не вполне верно понял вас, восприняв ваши слова как угрозу. Даже послу Светлейшей республики, ваше превосходительство, неразумно угрожать нам.

От его улыбки Синибальди содрогнулся и моментально утратил значительную долю своего куража, как случилось со многими смелыми людьми, которым приходилось сталкиваться лицом к лицу с герцогом Валентино.

Позади кресла Чезаре мессер Капелло заломил руки и едва подавил стон.

— Я не угрожаю, синьор... — начал Синибальди.

— Рад слышать это, — произнес герцог.

— Я протестую, — закончил Синибальди. — Я протестую против обращения, которому подвергся. Эти грубые солдаты...

— А... — произнес герцог и вновь понюхал апельсин. — Ваши протесты будут внимательно рассмотрены, не беспокойтесь. Итак, продолжим, прошу вас. Позвольте нам услышать, синьор, вашу версию о событиях этой ночи. Объясните ошибку, жертвой которой вы оказались, и обещаю вам, виновные будут наказаны. Я сделаю это с большой радостью, поскольку не люблю тех, кто допускает

серьезные ошибки. Итак, вы говорили, что эти грубые солдаты... Продолжайте, умоляю вас.

Но Синибальди не стал продолжать. Он начал рассказывать историю, которую успел сочинить, пока находился под стражей. История была чрезвычайно ловко задумана и основывалась на фактах, действительно имевших место. Более того, сам Грациани, окажись он здесь сейчас, рассказал бы именно так, и рассказ прозвучал бы правдиво в его устах и подтверждался бы фактами.

— Ваше высочество, сегодня ночью я был приглашен на тайное собрание, состоявшееся в доме синьора Раньери, чьим гостем я являлся с момента своего приезда в Римини. Я пошел туда потому, что речь должна была идти, как мне сказали, о делах, касающихся меня лично. Я обнаружил там небольшую компанию, но прежде, чем мне сообщили об истинной причине, побудившей их собраться, от меня потребовали дать клятву, что я не разглашу ни единого услышанного слова и не назову имен присутствующих. Но я не дурак, ваше высочество.

— Кто утверждает обратное? — вслух удивился Чезаре.

— Я не дурак и сразу же почуял измену. Они, надо полагать, в силу какого-то недоразумения пришли к мысли, что у меня есть основания принять участие в заговоре. В этом была их ошибка, и она едва не стоила мне жизни, из-за нее я подвергся тем унижениям, на которые жалуюсь. Я не стану утомлять ваше высочество рассказом о моих личных переживаниях. Они ничего не значат. Но я посол и знаю о своих правах. Этим идиотам следовало заранее подумать об этом. Но они не...

— Боже долготерпеливый! — прервал его герцог. — Синьор, не увлекайтесь риторикой. Нам нужны ваши объяснения. Позвольте фактам говорить за вас.

Синибальди с достоинством склонил голову.

— Действительно, ваше высочество, вы правы, как всегда. Вернемся к моей истории. Где я остановился? А, ну да! Когда от меня потребовали дать клятву, я хотел сразу же отказаться. Но я понимал, что отступать некуда. Было совершенно ясно, что мне не позволят уйти и поднять тревогу. Поэтому, опасаясь за свою жизнь, я поклялся, но тут же объявил, что не желаю ничего более слышать об их планах. Я предупредил, что они поступили опрометчиво, если — как я подумал — в их намерения входило причинить зло вашему высочеству, поскольку у вашего высочества так же много глаз, как у Аргуса²⁶.

Затем я попросил позволения удалиться. Но люди такого типа боятся предательства и не очень верят клятвам. Они не разрешили мне уйти, считая, что я собираюсь донести на них. От разговоров мы вскоре перешли к шпагам. Они напали на меня, и началась схватка, в которой один из них погиб от моего удара. Шум нашей ссоры привлек внимание патруля, и если бы не он, мне не выйти бы оттуда живым. Когда ворвались солдаты, заговорщики попрыгали из окна в реку, а я остался, поскольку мне нечего было бояться и за мной не было никакой вины.

Из-за кресла герцога послышался глубокий вздох облегчения, который издал мессер Капелло.

— Вы видите, синьор, вы видите, — начал было он.

— Замолчите! — рявкнул герцог. — Будьте уверены, я вижу так же далеко, как всякий другой, и мне нет нужды одалживать у вас глаза, мессер Капелло. — Затем, опять повернувшись к Синибальди, он очень учтиво произнес: — Синьор, я опечален, что мои солдаты дурно обошлись с вами. Но пока мы не услышали это объяснение, факты были против вас, и, рассчитывая на ваше великодушие, я уверен, что вы простите неучтивость, проявленную нами по отношению к Светлейшей республике. Позвольте мне добавить, что, если бы дело касалось человека менее высокого положения, чем ваше, или представления державы, на чью дружбу я не мог бы полагаться, — эти слова герцог произнес предельно искренне, без малейшего следа иронии, — я не с такой легкостью принял бы подобное объяснение и настаивал бы на том, чтобы узнать имена людей, которые, по вашему мнению, были замешаны в заговоре.

— Я давно назвал бы их имена, ваше высочество, если бы не связывающая меня клятва, — ответил Синибальди.

— Я также могу это понять; итак, синьор, чтобы подчеркнуть свое почтение и доверие к вам и республике, которую вы представляете, я не задаю вопрос, ответить на который вам было бы затруднительно. Забудем этот печальный случай.

Но услышав эти слова, сержант, любивший Грациани, как верная гончая своего хозяина, не смог более сдерживаться. Не сошел ли герцог с ума? Как он может верить столь нелепой истории и проглотить очевидную ложь так легко, словно это было посыпанное сахаром яйцо?

— Синьор, — вмешался он, — если то, что он говорит, — правда...

— Если? — вскричал Чезаре. — Кто осмеливается сомневаться в этом? Разве он не принц Синибальди, посол Светлейшей республики? Кто бросит тень сомнения на его слова?

— Я, синьор, — отважно ответил солдат.

— Силы небесные! Это дерзость.

— Синьор, если его слова — правда, тогда из них следует, что мессер Грациани — предатель, поскольку именно мессер Грациани был ранен в схватке, и принц хочет убедить нас, что раненный им человек был заговорщиком, а сам он — невиновен.

— Совершенно верно, именно так он и сказал, — ответил Чезаре.

— Ну, тогда, — сказал Барбо, стягивая грубую перчатку со своей левой руки, — я скажу, что тот, кто говорит это, лжец, будь он принцем Венеции или самим князем тьмы.

И он поднял перчатку, собираясь швырнуть ее в лицо Синибальди.

— Стой! — услышал он резкий приказ. Сощуренными глазами герцог смотрел на него. — Вон отсюда и заберите ваших людей. Оставайтесь снаружи и ждите моих распоряжений. Мы еще вернемся к этому разговору, возможно сегодня, возможно завтра, сержант Барбо. Идите!

Оторопев от этих слов, Барбо отсалютовал, бросил злобный взгляд на Синибальди и, бряцая шпорами, прошагал через весь зал к выходу.

Чезаре взглянул на Синибальди и улыбнулся.

— Простите мошенника, — сказал он. — Честность и верность своему капитану побудили его к этому. Завтра его научат манерам. А тем временем, будьте так великодушны, забудьте вместе со всем остальным и этот инцидент. Кресло для принца Синибальди! Рядом со мной! Идемте, синьор, позвольте мне по долгу хозяина загладить грубое обращение, которому вы подверглись. Не вините господина за тупость его слуг. Государственный совет, чьим гостем я являюсь, устроил достойный прием. Отведайте вина — это подходящее лекарство для раненых душ: в каждой бутылки — целое тосканское лето. И мы увидим комедию, которую надолго задержали из-за всяких недоразумений. Синьор председатель, где же актеры, присланные из Мантуи? Принцу Синибальди необходимо развлечение, чтобы поскорее забыть о пережитых волнениях.

Онемев от изумления, принц Синибальди не мог поверить своим ушам. Спрашивая себя, не сон ли это, он утонул в кресле, поставленном для него рядом с герцогом, и выпил вина, налитого одним из лакеев в ярко-красной ливрее.

Началась комедия, и вскоре все внимание присутствующих было поглощено ее не совсем пристойной интригой. Но мысли Синибальди были далеки от пьесы. Он размышлял о том, что произошло, а более всего — о своем теперешнем положении и о почестях, воздаваемых ему герцогом, чтобы загладить нанесенные оскорбления. По натуре он был оптимистом, и постепенно его недоверие сменилось убеждением, что герцог повел себя так из страха перед могущественной Венецией. Это воодушевило его до такой степени, что у него даже возникло легкое презрение к Чезаре и появилась некоторая надежда на благополучное завершение дела, затеянного Раньери.

Сидевший рядом с ним и не отрывавший глаз от актеров, герцог Валентино столь же мало интересовался комедией, как и Синибальди. Будь присутствующие не столь увлечены представлением, они, быть может, и обратили бы внимание на отсутствующее выражение лица герцога. Как и Синибальди, он сосредоточился лишь на том, что должно было свершиться в эту ночь. Он размышлял, в какой степени сама Светлейшая республика замешана в этом кровавом деле и мог ли Синибальди быть агентом, посланным, чтобы организовать и исполнить его. Он прекрасно помнил, что Венеция постоянно демонстрировала свою непримиримую враждебность делам герцога Валентино.

Не был ли Синибальди рукой республики? Скорее всего да, поскольку лично у Синибальди не было причин покушаться на его жизнь. За спиной Синибальди стояла республика со всей своей мощью. Он был ее орудием и его следовало уничтожить.

Но хотя он знал теперь, что ему предстояло сделать, средства, которые надлежало использовать для этого, были не столь ясны. В этом хитросплетении событий приходилось двигаться с максимальной осмотрительностью, иначе можно было самому запутаться и погибнуть. Он дал слово, что не причинит зла Синибальди и должен стараться придерживаться буквы своего обещания. Буквы, но не более. Далее. Уничтожить одного Синибальди означало не только не ликвидировать заговор,

но, напротив, разжечь еще большую жажду мщения у его сообщников. В таком случае опасность для него нисколько не уменьшалась, и если стрела арбалета не настигнет его сегодня ночью, то это может произойти завтра. И, наконец, следовало исполнить все так, чтобы впоследствии у Венеции не было оснований для недовольства.

Историю, рассказанную Синибальди столь обстоятельно и при таком количестве слушателей, никто, кроме Грациани, не сможет опровергнуть. Но Грациани лежал при смерти, и даже если он выживет, его слово никогда не перевесит слова Синибальди — патриция и принца Венеции.

Этой проблемой и был озабочен Чезаре, пока глядел невидящими глазами на проделки актеров. Озарение пришло к нему, когда комедия уже заканчивалась. Мрачная маска, стягивавшая его лицо, разгладилась, а в глазах блеснули искры зловещего юмора. Он откинулся в своем кресле и прослушал эпилог, произнесенный руководителем труппы. Затем снял с пояса тяжелый кошелек и швырнул его актерам, выразив этим одобрение и оценку их стараний. Затем он повернулся к Синибальди, чтобы обсудить с ним комедию, о которой оба почти не имели представления. Он смеялся и шутил с венецианцем, как с равным, окутывая его своим изысканным обаянием, в чем ему не было равных среди современников.

V

Наконец настала полночь, час, когда факельная процессия должна была отправиться от Палаццо Пубблико, чтобы сопровождать герцога в знаменитую крепость Сиджизмондо Малатесты. В знак прощения Синибальди низко поклонился Чезаре Борджа, собираясь затем удалиться к своей рано покинувшей банкет супруге. Но герцог и слышать не хотел об этом. В самой изысканной манере он возносил благодарность небесам за то, что этой ночью удостоился чести приобрести нового друга.

— Только постигшее вас досадное недоразумение помогло нам так хорошо узнать друг друга. Простите меня, если я не в состоянии выразить все мое сожаление о случившемся.

Вновь пораженный оказанной ему честью, Синибальди лишь поклонился в ответ. А тем временем льстивый

Капелло, парящий поблизости, словно ангел-хранитель, мурлыкал, ухмылялся и потирал свои пухлые белые руки, готовые написать новые непристойности, бесчестящие этого снисходительного герцога Валентино.

— Идемте, ваше превосходительство, — продолжал герцог. — Мы вместе поедem в крепость и там выпьем за то, чтобы наша следующая встреча, если Богу будет угодно, не замедлила состояться. Я не принимаю никаких возражений. Отказ я буду расценивать как выражение вашей обиды по поводу случившегося, и это глубоко опечалит меня. Идемте, принц. Нас ждут. Мессер Капелло, сопровождайте нас.

С этими словами он просунул руку, гибкую и твердую, как сталь, под руку Синибальди, и таким образом эта пара прошествовала через зал под приветственные возгласы выстроившихся придворных. Казалось, Чезаре хочет, чтобы Синибальди разделил с ним оказываемые ему почести, и Капелло, следовавший за ними по пятам, раздувался от гордости и удовлетворения, видя, как герцог Валентино столь подчеркнуто проявляет уважение к Светлейшей республике в лице ее чрезвычайного посла.

Они вместе вышли во двор, где красноватое пламя горевших факелов окрашивало пожелтевшие от старости стены палаццо в оранжевый цвет. Везде сновали слуги, толпясь около всадников, собирающихся садиться на лошадей, и дам, забирающихся в кареты.

Во дворе Чезаре и Синибальди были встречены двумя пажами герцога, державшими его шляпу и расшитый золотом плащ из тигровой шкуры — подарок турецкого султана Баязида. Этот плащ был не только чрезвычайно дорогим и бросающимся в глаза, но и весьма теплым, и, когда наступали холода, Чезаре любил облачаться в него.

Юный паж протянул герцогу его роскошный наряд, но тот внезапно повернулся к стоявшему рядом Синибальди.

— Синьор, в такую сырую ночь у вас нет плаща! — с глубокой озабоченностью в голосе воскликнул он

— Слуга найдет мне плащ, ваше высочество, — ответил венецианец и обернулся к Капелло, собираясь попросить его позаботиться об этом.

— О, подождите, — остановил его Чезаре. Он взял тигровую накидку из рук пажа. — Раз вы лишились плаща, находясь в моих новых владениях, то позвольте мне возместить утрату и в знак уважения, которое я

испытываю к вашему превосходительству и Светлейшей республике, преподнести вам этот скромный подарок.

Синибальди отпрянул на шаг, и, как рассказывал впоследствии один из пажей, на его лице отразился внезапный испуг. Пристально взглянув в глаза герцога, он уловил в них насмешку.

Синибальди был весьма ловким человеком, обладающим тонким умом и способностью быстро делать выводы. И теперь, услышав скрытый намек в тоне Чезаре Борджа и видя перед собой предлагаемый ему прекрасный подарок, он в ту же секунду все понял. Это было как вспышка молнии ночью.

Что теперь он мог сделать, оказавшись в ловушке? Отказаться от предлагаемых почестей означало бы почти открытое признание своей вины, и это в той же степени грозило бы гибелью, как и плащ герцога, который станет мишенью для арбалета. И кроме того, отвергнуть подарок главы государства, каковым являлся герцог Валентино и Романьи, означает, что чрезвычайный посол наносит оскорбление дарящему, и не только от себя лично, но и от имени государства, которое он представляет.

Выхода не было. А герцог, все так же улыбаясь, стоял перед ним с протянутым плащом, который являлся для Синибальди самым настоящим саваном.

Мало того, потиравший от удовольствия руки и ухмылявшийся Капелло подлил масла в огонь.

— Прекрасный подарок, ваше высочество! — ворковал он. — Прекрасный подарок, достойный вашей щедрости. И честь, оказанная принцу Синибальди, будет сочтена Светлейшей республикой за честь, оказанную ей самой.

— Моим желанием было почтить заслуги обоих в равной степени, — рассмеялся Чезаре, и лишь Синибальди, чьи чувства от страха обострились, уловил жуткое значение его слов.

В глубине души он содрогался от страха, называя Капелло идиотом. Затем, вынужденный подчиниться, он воодушевил себя отсрочкой. Надежда вселила в него мужество. Он подумал, что после событий этой ночи заговорщики затаятся и отложат задуманное ими дело до более удобного момента. Тогда все может обойтись и Чезаре будет посрамлен.

За эту надежду он ухватился отчаянно и цепко. Он убедил себя, что был слишком поспешен в своих выводах. В конце концов, Чезаре не мог ничего знать наверняка, иначе герцог без колебаний прибегнул бы к более решим-

тельными мерам. Если, как надеялся Синибальди, этой ночью Раньери со своими друзьями воздержатся от нападения, Чезаре будет вынужден заключить, что его подозрения безосновательны.

Подобными рассуждениями принц Синибальди подбадривал себя, мало представляя себе изобретательность Борджа и не зная ничего о клятвенном обещании, данном Чезаре принцессе. К нему быстро вернулась уверенность. Отвечая лицемерием на лицемерие, он пробормотал несколько вежливых слов о своей глубокой благодарности и позволил не только накинуть себе на плечи плащ, но и надеть на голову бархатную шляпу с бобровой опушкой, также принадлежавшую Чезаре и врученную принцу под тем же предлогом, что и плащ. После этого он отдался на волю Провидения, подобно пловцу, который прекратил бороться с течением в надежде, что его вынесет на берег невредимым. В таком расположении духа он оседлал великолепного арабского скакуна, покрытого роскошной бархатной попоной — и конь, и попона были еще одним проявлением щедрости Чезаре.

А Капелло, облизывая от волнения кривящиеся в усмешке губы, уже начал сочинять первые фразы донесения Совету десяти²⁷ с описанием проявленного герцогом уважения Светлейшей республике.

Принц сидел в седле, а у его стремени стоял, подобно конюшему, сам герцог. Он взглянул на венецианца.

— Это очень резвый конь, синьор, — отходя от него, сказал Чезаре, — горячее импульсивное дитя пустыни. Но я прикажу лакеям все время находиться по бокам, на тот случай, если он проявит свой норов.

И вновь Синибальди понял значение этих заботливых фраз: ему давали понять, что избежать проверки не удастся.

Он поклонился в знак признательности за предупреждение, а герцог взял простой черный плащ и черную шляпу из рук пажа и сел на плохонькую лошаденку, позаимствованную у одного из конюхов.

И вот эта великолепная процессия выехала на улицы города, заполненные людьми, ожидавшими факельного шествия. Чтобы доставить жителям удовольствие, кавалькада, по бокам которой шли слуги с зажженными факелами, двигалась черепашьям шагом.

Ее встретили радостными и искренними восклицаниями, поскольку жители Римини видели в Чезаре Борджа освободителя от тирании Малатесты. Мудрость и терпимость

герцога были всем известны, поэтому его и приветствовали, как избавителя.

«Герцог! Герцог! Герцог!» — гремели крики, и Синибальди был, пожалуй, единственным в кавалькаде, отметившим, что приветствия предназначались ему, люди смотрели на него, выделяющегося варварской роскошью одеяний Чезаре, и именно ему махали шапками. Действительно, мало кто среди зевак догадывался, что высокий человек в мантии из тигровой шкуры и бархатной шляпе с бобровой опушкой, едущий на богато убранной лошади и превосходящий великолепием всех остальных, не был герцогом Валентино; и еще меньше было тех, кто обратил внимание на всадника в черном плаще и черной шляпе, ехавшего в нескольких шагах позади, рядом с венецианским послом.

Процессия пересекла широкую площадь около Палаццо Публико и выехала на главную улицу, протянувшуюся через весь город с запада на восток, от моста Августа до ворот Романьи.

На углу Виа-делла-Рокка шум толпы был особенно силен, и никто не услышал дважды повторившегося лязга арбалетной струны. Даже герцог лишь тогда понял, что произошло, когда увидел, как всадник в плаще из тигровой шкуры внезапно склонился на шею своей лошади.

Слуги моментально подхватили поводья и поддержали безжизненную фигуру всадника. Те, кто следовал за Чезаре, тут же натянули поводья и остановились; и среди собравшихся воцарилось испуганное молчание, когда человек, которого принимали за Чезаре Борджа, повалился из седла на бок, на руки слугам, с арбалетной стрелой в голове.

В следующий момент напряженную тишину прорезал крик ужаса:

— Герцог мертв!

И в ответ на этот крик, как по волшебству, в стремених поднялся сам герцог, с обнаженной головой и казавшейся рыжей в свете факелов каштановой бородой.

— Это убийство! — воскликнул он и гневно добавил: — Кто посмел это сделать? — Затем он резко указал рукой в сторону углового дома справа от него. — Туда, — закричал он алебарщикам, пробиравшимся к нему сквозь толпу. — Туда, говорю вам, и если хоть один из них ускользнет — вам не поздоровится! Они убили посла Венеции и заплатят своими головами, кто бы они ни были.

Люди Борджа моментально окружили дом. Дверь рух-

нула под яростными ударами алебард, и солдаты ворвались внутрь, чтобы схватить убийц, в то время как Чезаре поспешил вперед, к открытой площади перед крепостью, а его придворные, слуги и жители города в шумном беспорядке бросились за ним.

Около крепости Чезаре натянул поводья, а алебардщики с пиками наперевес расчистили вокруг него место и образовали барьер против напавшего люда, в то время как из дома на улицу выводили схваченных там пятерых человек.

Их вытащили на очищенное алебардщиками пространство и подвели к герцогу, который должен был теперь совершить правосудие. Рядом с ним, верхом на муле, озадаченный, бледный и дрожащий, сидел мессер Капелло, которому Чезаре велел остаться, помня о том, что присутствие представителя Венеции необходимо при завершении этого дела.

Капелло был человеком туповатым и вряд ли мог верно объяснить случившееся, пока не увидел лица пленников, которых солдаты поставили перед герцогом. И только тогда он наконец понял, что Синибальди был ошибочно принят за герцога и стрела, предназначавшаяся Чезаре, попала в него. Но за таким открытием сразу последовали очевидные вопросы. Не было ли со стороны Чезаре Борджа умысла, приведшего к подобной ошибке? Не для того ли он одел Синибальди в тигровую шкуру, герцогскую шляпу и усадил на своего коня?

Ответ на эти вопросы мог быть только утвердительным, и Капелло охватила ярость оттого, что герцог ловко их всех одурачил и обернул дело против Синибальди. Но еще существовала Светлейшая республика, с которой приходилось считаться и которая знала, как отомстить за смерть своего посла.

Мессер Капелло гневно повернулся к герцогу, выразительно подняв руку. Угрозы уже готовы были сорваться с его губ. Но прежде, чем он успел заговорить, Чезаре крепко, словно в тиски, схватил его за запястье.

— Взгляните, — велел он послу. — Мессер Капелло, взгляните! Посмотрите-ка на них. Тут синьор Раньери, оказавший гостеприимство принцу и называвший себя его другом; кто бы мог подумать, что именно Раньери станет его убийцей! А эти двое — они ведь тоже заявляли о своей дружбе с Синибальди.

Капелло посмотрел, куда ему было сказано, и его ярость уступила место изумлению.

— А рассмотрите-ка вон тех двоих, — продолжал герцог, повышая голос. — Оба они в ливреях принца, его домочадцы, слуги, которым он доверял. До каких же темных глубин злодейства может пасть человек!

Капелло взглянул на герцога и чуть было не поверил в его искренность. Но все же он был не настолько туп, чтобы позволить снова провести себя сейчас. И Капелло не осмелился произнести слова, готовые сорваться с языка, из опасения, как бы не обвинить мертвого Синибальди, а на себя самого не навлечь гнев Совета десяти Венеции. Он совершенно ясно понимал: заявить о том, что Синибальди был убит вместо Чезаре, означало бы признать, что именно принцем Синибальди и, соответственно, самой Светлейшей республикой было задумано это убийство, поскольку все схваченные являлись его друзьями и слугами.

Капелло посмотрел в глаза герцогу и понял наконец, что герцог насмехается над ним. Венецианец содрогнулся от приступа вскипевшей в нем ярости, но ради собственной безопасности был его вынужден подавить. Но это было не все. Ему пришлось выпить до последней капли горькую чашу яда, которую приготовил ему Чезаре. Его заставили играть простака и согласиться с тем, что Синибальди якобы был подло убит своими друзьями и слугами, на чем дело и прекратить.

— Синьор, — вскричал Капелло так, чтобы все могли его слышать, — от имени Венеции я взываю к вашему правосудию: воздайте должное этим убийцам.

Так, устами своего посла, Венеции пришлось самой отказаться от своих граждан и потребовать для них смерти от руки человека, убить которого они были наняты. Пережитое унижение и бессильная ярость впоследствии двигали пером Капелло, когда он принимался писать о чем-либо, касающемся деяний Борджа.

И Чезаре, не менее его оценивший трагическую иронию случившегося, жутко улыбнулся и, глядя в глаза Капелло, ответил:

— Положитесь на меня: я отомщу за оскорбление, нанесенное Светлейшей республике в той же мере, в какой воздал бы за оскорбление, нанесенное лично мне.

Узрев коварство Капелло, синьор Раньери стряхнул с себя охватившее его оцепенение. Он понял, что оказался лишь жалким орудием в руках Венеции и ее представителя.

— Ваше высочество, — с исказившимся от гнева лицом воскликнул он, стараясь вырваться из удерживавших его

рук. — Вы еще много не знаете. Выслушайте меня! Выслушайте меня сперва!

Чезаре тронул поводья лошади и подъехал к синьору Раньери. Слегка наклонившись в седле, он посмотрел ему в глаза с тем же выражением, с каким чуть раньше смотрел в глаза Капелло.

— Нечего слушать вас, — произнес он, — я знаю все, что вы мне можете сказать. Позаботьтесь исповедаться. Утром за вами придет палач.

Он кликнул своих спутников, их дам, стражу и слуг и во главе этой процессии въехал через подъемный мост в огромную крепость Сиджизмондо Малатесты.

На другой день первые горожане, рано появившиеся на улицах Римини, увидели в бледном свете зимнего утра пять тел, безжизненно раскачивавшихся под балконом дома, откуда были выпущены стрелы. Таков был приговор герцога убийцам принца Синибальди.

Чуть позже сам Чезаре Борджа, отправившийся во главе своей армии в Фаэнцу, против Манфреди, остановился, чтобы взглянуть на них.

Утонченность способа возмездия радовала его. С мрачным юмором он представлял себе замешательство Совета десяти, когда правители Венеции получают донесение своего представителя.

Но это было еще не все. Неделей позже в Форли, где герцог остановился перед осадой Фаэнцы, прибыл Капелло и от имени Совета десяти попросил аудиенции у герцога. Он доставил письмо, в котором Светлейшая республика выражала его высочеству герцогу свою признательность за совершенное им правосудие.

Это позабавило герцога Валентино. Не менее приятной была мысль о том, что он остался верен букве обещания, данного супруге венецианского посла, — ни он сам, ни кто-либо из его людей пальцем не тронул принца Синибальди.

ПРИМЕЧАНИЯ

УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА (THE FORTUNES OF CAPTAIN BLOOD)

На английском языке роман опубликован в 1936 году, первый русский перевод вышел в 1990 году. Сокращенный перевод романа был опубликован в томе «Морские истории» библиотеки журнала «Вокруг света» и ряде других книг.

1 (с. 7) — «Сан-Фелипе» как бы посвящен одновременно и святому Филиппу и королю Испании Филиппу III.

2 (с. 10) — Саона — островок у юго-восточной оконечности Гаити.

3 (с. 10) — Подразумевается библейский пророк Иона, которого за попытку проповеди на корабле моряки выбросили в море, потом его проглотил кит, но Бог услышал горячую мольбу Ионы, пророк был извергнут из чрева кита и благополучно достиг берега.

4 (с. 10) — Вертлюжные пушки — палубные орудия, снабженные соединительным звеном (вертлюгом), который позволяет им вращаться вокруг собственной оси.

5 (с. 11) — Согласно самой распространенной версии, останки Колумба похоронены в Вальядолиде (Испания), в монастыре францисканцев. Но существуют и другие предания. Согласно одному из них, останки великого мореплавателя были захоронены его сыном Диего в Севилье, откуда в 1536 году были перевезены на Гаити и в 1541 году перезахоронены в кафедральном соборе Санто-Доминго, где оставались до французской оккупации острова в 1795 г., когда были отправлены сначала в Гавану, а в 1898 г. в Севилью.

6 (с. 15) — Степс — стакан (или гнездо) в палубе, куда своим шпором (нижней частью) вставляется мачта.

7 (с. 20) — Поворот Фордевинд — при этом маневре судно пересекает линию ветра кормой.

8 (с. 27) — Сен-Круа (Санта-Крус) — самый южный остров в группе Виргинских островов, примерно в сотне километров от Пуэрто-Рико; сейчас принадлежит США.

9 (с. 37) — Кренгование — опрокидывание судна на борт на прибрежной отмели в целях очистки или ремонта днища.

10 (с. 38) — Кормовой подзор — часть кормы судна, нависающая над водой.

11 (с. 56) — Лувуа (Франсуа-Мишель Летелье, маркиз де Лувуа, 1641—1691) — французский государственный деятель, занимавший много государственных постов, в том числе и министерских; до 1689 г. был военным министром Людовика XIV, потом попал в опалу.

12 (с. 56) — Кольбер, Жан-Батист (1619—1683) — выдающийся государственный деятель Франции, занимал различные государственные посты, в том числе был министром финансов; особенно знаменит финансовой реформой 1681 г.; покровительствовал торговле, в том числе заморской.

13 (с. 57) — Сен-Пьер — город на острове Мартиника.

14 (с. 57) — Гренадины — группа мелких островов в южной части Наветренных островов; в настоящее время административно разделены

между двумя независимыми государствами — Гренадой и Сент-Винсент и Гренадины.

15 (с. 58) — Маррон (*фр. marron, исп. cimarron*) — так в Новом Свете называли живших в лесах беглых рабов-негров; здесь речь может идти и об их потомках.

16 (с. 60) — Сент-Кристофер — небольшой остров в северной части Наветренных островов; ныне входит в независимое государство Сент-Кристофер и Невис.

Виргинские острова — архипелаг малых островов, расположенных между Карибским морем и Атлантическим океаном, восточнее Пуэрто-Рико; в настоящее время разделены между США.

17 (с. 63) — Порт-о-Пренс — главный город французской части Гаити (и столица современной Республики Гаити).

18 (с. 63) — Геба — богиня молодости в древнегреческой мифологии.

19 (с. 70) — Стеньга — рангоутное дерево, наращиваемое на мачту и являющееся ее продолжением вверх.

20 (с. 74) — Комингс — деревянный (во времена парусного флота) брус, ограждающий палубный люк.

21 (с. 82) — Невис — некогда принадлежавший Великобритании остров в северной группе Наветренных островов; сейчас входит в состав независимого государства Сент-Кристофер и Невис.

22 (с. 83) — Намек на библейское сказание об Иосифе Прекрасном, проданном в рабство в Египет; Иосифа тщетно пыталась соблазнить жена его хозяина Потифара, начальника телохранителей фараона (Бытие, гл. 39, ст. 6—10).

23 (с. 85) — Кадис — основной порт юго-западной Испании, расположенный на побережье Атлантического океана.

24 (с. 85) — Мария Моденская — Мария Беатриче д'Эсте (1658—1718), вторая жена английского короля Якова II (с 1673 г.) королева Англии до 1688 г., была родом из итальянского города Модены.

25 (с. 85) — Сент-Томас — один из Виргинских островов, бывшее британское владение; ныне принадлежит США.

26 (с. 86) — Стюард — прислуга на пассажирском морском судне.

27 (с. 87) — Чарлстаун — административный центр острова Невис.

28 (с. 88) — Саклинг, Джон (1609—1642) — английский поэт и придворный; известен прежде всего своей лирикой; принимал также активное участие в политической (или скорее — околополитической) жизни страны в один из драматических периодов ее истории.

29 (с. 102) — Мегера — злая, сварливая женщина (по имени одной из эриний — богинь мщения в древнегреческой мифологии).

30 (с. 107) — Кабестан — судовая лебедка с вертикальным валом, применяющаяся для подъема якоря.

31 (с. 108) — Р. Сабатини противоречит сам себе. В главе «Золото Санта-Марии» из «Хроники капитана Блада» он характеризует Ибервиля как «французского гугенота, осужденного и изгнанного за свою веру»; здесь же он описан как бывший семинарист-католик (*прим. перев.*).

32 (с. 108) — Вьекас — самый западный, ближайший к Пуэрто-Рико остров в группе Виргинских; ныне принадлежит США.

33 (с. 109) — Сан-Сальвадор — один из Багамских островов; по традиции считается, что именно он стал первой землей в Новом Свете, на которую ступил Христофор Колумб.

34 (с. 109) — Брасы — снасти, укрепляемые на концах рея и служащие для поворота последнего в горизонтальной плоскости.

35 (с. 110) — Аутодафе (исп. «акт веры») — торжественное оглашение приговора инквизиции еретикам; в обыденной речи так называлось и приведение приговора в исполнение, хотя последним занималась светская власть и, как правило, за пределами города.

36 (с. 110) — Софистика — словесные изощрения, вводящие в заблуждение. Софисты (в современном значении) — люди, прибегающие к софистике.

37 (с. 112) — Плимут — порт на юго-западе Англии, на полуострове Корнуолл.

38 (с. 112) — Алькальд (*исп.*) — городской голова, мэ; городской судья; здесь имеется в виду начальник порта.

39 (с. 115) — Шпангоуты — изогнутые балки по обе стороны от киля судна, служащие основанием для накладки бортов.

40 (с. 116) — «Новыми христианами» называли в Испании XV в. обращенных в христианство евреев. В эпоху, когда жили герои романов о капитане Бладе, этот термин вышел из употребления.

41 (с. 116) — Переда — неточность автора: должно быть «пераль» (*исп.* *peral* — грушевое дерево), тогда как *pereda* (*peraleda*) означает грушевый сад.

42 (с. 117) — Примас — в католической церкви так называется высшее духовное лицо какого-нибудь государства.

43 (с. 120) — Гитовы — снасти для уборки парусов путем подтягивания их к мачте или рею.

44 (с. 121) — Лотовый — матрос, в обязанности которого входило измерение глубины с помощью шеста или специального устройства — лота.

46 (с. 123) — Тонзура — выстриженное или выбритое место на голове у католических духовных лиц — знак их отречения от мирских интересов.

47 (с. 128) — Альгвасилы (*исп.*) — стражники, полицейские.

48 (с. 131) — Прелат — церковный католический титул, присваиваемый представителям высшей духовной иерархии.

49 (с. 135) — Полувахта — служба на корабле делится на три восьмичасовых смены, по-морскому — вахты, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на две полувахты — в первой и во второй половине суток.

50 (с. 141) — Немесида — богиня мести в древнегреческой мифологии; точнее — богиня справедливого возмездия тем, кто преступил закон.

51 (с. 146) — Баркас — самая крупная судовая шлюпка; четырнадцати- или двадцатидвухвесельная.

52 (с. 150) — Арника — лекарственная настойка, приготовленная из одноименного растения *Arnica montana*, или горного табака, произрастающего в Центральной Европе (называется также «баранья трава»).

53 (с. 159) — Переборки — стенки, разделяющие внутренние помещения корабля.

54 (с. 165) — В данном случае это соответствует половине восьмого утра.

ИГРОК (THE GAMESTER)

Роман «Игрок» — одно из последних произведений Р.Сабатини. Первая его публикация состоялась в 1949 г. На русский язык переведено впервые.

Историческая справка

Роман «Игрок» переносит читателя во Францию времен Регентства — так историки называют те восемь лет после смерти Людовика XIV, когда в стране правил герцог Филипп Орлеанский

от имени своего малолетнего племянника Людовика XV. Семьдесят два года предыдущего царствования Короля-Солнце, его мотовство и войны, которые он вел, изрядно потрепали экономику Франции и поставили ее на грань банкротства. Упал и международный престиж дома Бурбонов. Перемена политического курса назрела. И это очень хорошо понял Филипп Орлеанский, настаивавший на введении режима регентства вопреки завещанию умершего монарха и сумевший привлечь на свою сторону различные придворные группировки, враждовавшие друг с другом. Регентство Филиппа начиналось на фоне упадка, коснувшегося как экономики страны, так и нравов общества, и прежде всего его высших сословий. «Никогда еще благородное сословие Франции не падало так низко», — с горечью отмечал в своем дневнике один из придворных того времени.

Особенно беспокоило правительство Филиппа состояние финансовой системы государства, а точнее, ее полный развал. Ежегодно в государственную казну должно было поступать 750 млн. ливров налогов и податей, тогда как фактический приход составлял всего лишь 250 млн. Филипп, взявшись за оздоровление финансовой системы, начал с того, что попытался облегчить налоговый гнет на простолюдинов за счет духовенства и дворянства, не плативших налогов в казну. Это вызвало недовольство крупных финансистов, вельмож и князей церкви. Пришлось регенту прибегнуть к испытанному средству, в народе метко прозванному «выжиманием губок», — наложению огромных штрафов на откупщиков. Но ощутимого результата эта кампания не имела: неплательщики отделались, в основном, взятками министрам, хотя кое-кому все же пришлось встать к позорному столбу и даже отправиться на галеры.

Тогда-то и появился в кабинетах сановников герой настоящего романа, реальное историческое лицо Джон Лоу. Он родился в 1671 году в шотландском городе Эдинбурге, в семье богатого ювелира, так что Сабатини существенно приукрасил биографию своего героя, возведя его в дворянское звание и почтительно именуя лордом. Юноша рано отказался от ремесла своего отца и уехал в Лондон, где занялся финансовыми операциями. Однако карьера молодого финансиста в 1695 году была неожиданно прервана, за участие в дуэли Джон попал в тюрьму. Вскоре ему удалось совершить побег из тюрьмы, и начались его скитания по Европе. Но, перемещаясь из страны в страну, молодой человек времени даром не терял, он досконально изучил опыт финансовой деятельности самых солидных банков в Амстердаме, Венеции, Женеве. На родину он никогда так больше и не вернулся. Зарабатывая на жизнь карточной игрой, он не оставляет своей главной цели — совершенствования финансовой системы, плодом его теоретических размышлений стал труд, названный «Соображения о денежном обращении и торговле», увидевший свет в 1705 году.

Теории Лоу привлекли внимание регента Франции. Англичанин был приглашен в Париж. Дальнейший ход событий подробно описан Сабатини. Банк Лоу сделал свое дело — оздоровил финансовую систему страны. Но Лоу этого показалось

мало. Будучи игроком по натуре, он решил сосредоточить в своих руках контроль над всей экономикой страны, создать своего рода финансовую монополию и, естественно, потерпел крах. Именно в это время он и открыл для себя и науки о финансах закономерности процесса инфляции. Остается добавить, что, когда Лоу в декабре 1720 года бежал из Парижа, правительство регента было вынуждено признать факт государственного банкротства.

Ликвидация всех дел банка и накопившейся задолженности его вкладчикам была поручена известным французским финансистам братьям Пари, неплохо нажившимся на этой операции: после упразднения банка Лоу государственный долг Франции вырос на 625 млн. ливров. Ныне деятельность Лоу оценивается историками в целом положительно: она дала толчок развитию хозяйства Франции, выведя страну из экономического застоя, в частности, стимулировала развитие портов Атлантического побережья, освоение Луизианы, развитие морской торговли.

Джон Лоу, оставив Францию, перебрался сначала в Брюссель, затем в Венецию. Здесь, на берегу Адриатики, весной 1729 года в глубокой нищете он умер.

1 (с. 173) — Маркиза де Севинье, Мари де Рюбетен-Шанталь (1626—1696) — одна из самых утонченных женщин XVII столетия, известная своими письмами, адресованными дочери (опубликованы в 1726 г.), признанными значительным литературным памятником века, отражающим нравы своего времени и сохранившим интереснейшие подробности придворной жизни.

2 (с. 174) — Виктор-Амадей (правильно: Витторио-Амадео) Второй (1666—1732) — герцог Савойский, впоследствии, после Утрехтского мира 1713 г., король Сардинии и Сицилии.

3 (с. 174) — Ливр — денежно-счетная единица Франции, первоначально равнялся по стоимости весовому фунту серебра, но потом, в результате так называемой «порчи монет», стоимость ливра сильно уменьшилась. С середины XV в. практически соответствовал серебряному франку. В декабре 1719 г. Индийская компания Д.Лоу начала чеканку серебряных ливров, но уже в 1720 г. это право у нее было отнято.

4 (с. 174) — д'Аржансон, Марк-Рене Вуайе де Пальми (1652—1721) — генеральный королевский лейтенант, то есть начальник парижской полиции; впоследствии — хранитель королевской печати (канцлер).

Лейтенант (фр. *lieutenant*) — буквальное значение: «занимающий место»; должность заместителя военного или штатского начальника. Генеральным лейтенантом в XVII—XVIII вв. называли заместителя губернатора провинции, причем губернатор в это время, как правило, находился при монаршем дворе, а генеральный лейтенант возглавлял провинциальную исполнительную власть. В 1667 г. Людовик XIV учредил должность генерального лейтенанта полиции, на которого были возложены обязанности руководителя парижской полиции, отвечающего за безопасность столичных жителей (до этого полицейское ведомство, в числе ряда других, подчинялось особому чиновнику — гражданскому лейтенанту, находившемуся в подчинении у судьи города Парижа, или «прево»). Генеральный лейтенант полиции был наделен также рядом административных функций.

5 (с. 175) — Аргайлы — знатный шотландский род, входивший в клан Кэмбелов. В новой истории Англии значительную роль сыграли два представителя этого рода: маркиз Арчибалд Аргайл (1607—1661 гг.),

возглавивший борьбу шотландских пресвитериан против короля Карла I, но затем перешедший на сторону короля и казненный; граф Арчибалд Аргайл (убит в 1685 г.), сын маркиза Арчибалда Аргайла, обвиненный в государственной измене и бежавший в Нидерланды, но в 1685 г. высадившийся в Шотландии с целью свержения Якова II, но схваченный и казненный.

6 (с. 177) — ван Дейк, Антонис (1544—1641) — один из крупнейших мастеров фламандской школы живописи, прославившийся прежде всего портретами; с 1620 г. жил преимущественно в Лондоне, став придворным живописцем короля Карла I.

7 (с. 177) — Ришелье — здесь речь идет об Армане-Жане дю Плесси (1585—1642), кардинале Ришелье, всесильном министре Людовика XIII, одним из крупнейших государственных деятелей в истории Франции.

8 (с. 179) — Вечный жид — библейский персонаж, символизирующий еврейский народ. Был осужден на многовековые скитания вне пределов своей исторической родины. В позднейшей легенде персонифицирован в образ еврея Агасфера, прогнавшего Иисуса Христа от дверей своего дома, когда Сын Божий нес свой крест на Голгофу. Тогда Спаситель сказал ему: «Ты будешь скитаться по земле, пока я не приду снова». И это наказание осуществилось. В канонических Евангелиях, однако, этой легенды не содержится.

9 (с. 180) — Лукулл, Луций Лициний (106—56 до н.э.) — римский военачальник и политический деятель; славился своим богатством, роскошью и пышными пирами.

10 (с. 181) — «Как это сделал Генрих IV» — автор имеет в виду ставшее крылатым выражение «Париж стоит обедни», произнесенное королем Наварры протестантом Генрихом Бурбоном, когда он в 1593 г. отрекся от протестантизма и перешел в католичество, после чего в 1594 г. получил французский престол (хотя формально был провозглашен королем еще в 1589 г.).

11 (с. 183) — Король Вильгельм — Вильгельм III, принц Оранский (1650—1702), штатгальтер (верховный правитель) Нидерландов с 1672 г., король Англии с 1689 г.

12 (с. 185) — Пале-Руаяль — дворец в Париже, построен архитектором Ж.Лемерсье в 1629—1636 гг., первоначально предназначался для кардинала Ришелье; в то время дворец назывался Пале-Кардинал. Далее автор имеет в виду одну из лучших английских построек своего времени Хэмптон-корт (в Мидлсексе), возводить которую начал кардинал Уолсли в 1515 г.; через несколько лет дворец перешел в собственность короля Генриха VIII.

13 (с. 187) — Генеральные Штаты — высший орган сословного представительства и феодальной Франции, в котором заседали представители целой нации: духовенства, дворянства и «третьего сословия» — престолюдинов.

14 (с. 187) — Сюйи, Максимилиан де Бетюн, барон де Рони, influential министр и ближайший друг короля Генриха IV. В качестве министра ведал вопросами финансов, экономики, сельского хозяйства. О нем Сабатини подробнее говорит в новелле «Конец дамского угодника» (см. т. 9 настоящего Собрания сочинений).

15 (с. 187) — Луидор — французская золотая монета, чеканка которой началась в 1640 г., при Людовике XIII; первоначально равнялся 10 ливрам и содержал около 7 г золота; в описываемое время стоимость луидора упала примерно в полтора раза.

16 (с. 200) — Локк, Джон (1632—1704) — английский философ-материалист, разработавший теорию происхождения всех знаний человека из его чувственного опыта. Основное его сочинение — «Опыт о человеческом разуме» (1690).

17 (с. 204) — Виги — политическая партия, возникшая в Англии во второй половине XVII в.; представляли верхушку буржуазии, связанную с аристократическими кругами; стремились усилить власть парламента за счет дальнейшего ограничения королевской власти.

18 (с. 205) — Георг I (1660—1727) — курфюрст Ганноверский, с 1714 г. — английский король; права на английский престол получил после смерти своей матери принцессы Софии, внучки английского короля Якова I, объявленной наследницей бездетной королевы Анны (1702—1714).

19 (с. 206) — Якобиты — сторонники свергнутого английского короля Якова II (1685—1688); после смерти Якова (1701) отстаивали права Стюартов на английский престол, прежде всего его сына — Якова Эдуарда.

«Последнее восстание якобитов» — речь идет о восстании 1715—1716 гг., последнем относительно времени действия в романе. По-настоящему последняя попытка Стюартов вернуть себе престол была предпринята Карлом Эдуардом, внуком Якова II в 1745—1746 гг.

20 (с. 206) — Джеймс Стюарт — Яков Эдуард Стюарт (1688—1766), сын короля Якова II, претендент на английский престол; большую часть жизни провел в Париже, где жил под именем шевалье Сен-Жоржа. В 1715 г., поддержанный Францией, якобитами и другими консервативными кругами Англии и Шотландии, попытался захватить престол. Он высадился в Шотландии и короновался под именем Якова VIII, но после поражения войск своих сторонников бежал на континент.

21 (с. 207) — Филипп Испанский — французский принц Филипп Анжуйский (1683—1746), второй сын Людовика XIV, прозванный «великим дофином Франции». Должен был унаследовать престол, но умер раньше своего родителя. В 1700 г., в соответствии с завещанием испанского короля Карла II, не имевшего потомка мужского пола, был провозглашен королем Испании под именем Филиппа V, что вызвало общеевропейскую войну «за испанское наследство»; по мирному договору 1714 г. испанская корона была оставлена Филиппу, но при этом он был вынужден отказаться от французского престола.

22 (с. 207) — «Великий Конде» — Луи (Людовик) II, принц де Конде (1621—1686), выдающийся военачальник и государственный деятель Франции, прославившийся многочисленными военными победами, а в юности возглавлявший Фронду, последнее антиабсолютистское движение родовой аристократии.

23 (с. 212) — Мазарини, Джулио (1602—1661) — итальянский кардинал, ставший после смерти Ришелье премьер-министром, а после кончины Людовика XIII и фактическим правителем Франции.

24 (с. 218) — Ментор — друг главного героя древнегреческого эпоса «Одиссея». Когда Одиссей отправлялся на Троянскую войну, он доверил Ментору опеку над своим домом, а также поручил ему воспитание своего сына Телемаха. В переносном смысле: вообще заботливый наставник, опекун.

25 (с. 219) — Кольбер, Жан Батист (1619—1683) — выдающийся государственный деятель Франции, буржуа по происхождению; занимал различные государственные посты, в том числе был министром финансов; особенно прославился финансовой реформой 1661 г., покровительствовал торговле, прежде всего — заморской.

26 (с. 224) — Сизифов труд — крылатое выражение, означающее «тяжелая и напрасная работа». У античных греков был миф, герой которого, царь Коринфа Сизиф, за обман богов был приговорен Зевсом бесконечно вкатывать на высокую гору огромный камень. Всякий раз, когда Сизиф приближался к ее вершине, камень срывался вниз, и ему нужно было все начинать сначала.

27 (с. 230) — Мекка — священный город мусульман, куда миллионы паломников ежегодно стескаются на поклонение главным святыням Ислама.

28 (с. 240) — Рука Мидаса — согласно древнегреческим мифам, Мидас был царем малоазиатского государства Фригия. Наиболее распространенной была история, рассказывавшая о том, как Мидас в награду за освобождение Силена попросил у бога Диониса, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Впоследствии, чтобы не погибнуть от голода, Мидас был вынужден отказаться от этого дара.

29 (с. 242) — Чертополох — здесь: национальная эмблема Шотландии, а также одного из древнейших рыцарских орденов страны, основанного около 787 г.; возобновлен в 1703 г. — только для членов британской королевской семьи и 16 кавалеров из аристократических кругов.

30 (с. 251) — Бернини, Джованни Лоренцо (1598—1680) — итальянский архитектор, скульптор и живописец, один из выдающихся мастеров римского барокко.

31 (с. 251) — Ватто, Антуан (1684—1721) — французский живописец, известный более всего своими «галантными» сюжетами, а также сценками из жизни театра.

32 (с. 256) — Крона — старинная французская золотая монета; обычно получала еще какие-то дополнительные названия, в зависимости от изображения на лицевой стороне; здесь, видимо, речь идет о чеканившейся в XV—XVII вв. «золотой кроне (иначе — экю) с солнцем», содержавшей 3 г золота.

33 (с. 274) — Лицо Горгоны — Горгоны, согласно древнегреческой мифологии, были чудовищными порождениями морских божеств Форкия и Кето; их было три сестры: Сфено, Эвриала и Медуза. Сестры выглядели ужасно: покрытые чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, их взгляд превращал все живое в камень.

34 (с. 275) — Турнель — палата парижского парламента, где судьи выносили решения по уголовным делам; в малом помещении палаты велось следствие (с 1667 г. — также и по гражданским делам).

35 (с. 281) — Дельфт — город в Нидерландах, знаменитый своими уникальными фаянсовыми изделиями.

36 (с. 287) — Полишинель — комический персонаж народного французского театра (и театра кукол). Под «секретом Полишинеля» понимали тайну, известную на самом деле большому кругу людей, по аналогии с торчащей из-под плаща саблей Полишинеля.

37 (с. 290) — «Персидские письма» — философско-сатирический роман великого французского мыслителя Шарля де Секондата, барона де Монтескье (1689—1755); написан в 1720 г., впервые издан в 1721 г. без указания имени автора. В данном случае Р.Сабатини несколько «ускорил» выход книги в свет.

38 (с. 311) — Кенсингтонский дворец — королевский дворец в бывшем западном предместье Лондона, ставшем частью города. Теперь — художественный музей.

39 (с. 311) — Гинейя — английская золотая монета, выпускавшаяся в 1663—1813 гг. Первоначальный вес монеты равнялся примерно 8,5 г, потом он немного снизился. В 1717 г. гинейя была приравнена к 21 шиллингу.

40 (с. 324) — Полк герцога Ришелье — имеется в виду Арман Ришелье, племянник знаменитого кардинала, будущий маршал Франции (1696—1788).

41 (с. 346) — Кассандра — персонаж древнегреческого эпоса «Илиада», дочь Приама, царя Трои; девушка получила от влюбленного в нее бога Аполлона дар пророчества, но, поскольку она отвергла притязания бога, Аполлон наказал Кассандру, сделав так, чтобы ее предсказаниям никто не верил.

42 (с. 347) — «Моисей, добывший из камня воду» — речь идет об известном эпизоде из Библии; во время странствия по пустыне

бежавших из египетского рабства евреев Моисей, бывший их предводителем, ударил своим посохом по скале, и из нее забил источник, напоивший весь истомленный жаждой еврейский народ.

43 (с. 355) — Нью гейт — долговая тюрьма в Лондоне.

44 (с. 360) — Нунций — официальный постоянный представитель римского папы в странах, с которыми Ватикан поддерживает дипломатические отношения.

45 (с. 366) — Автор имеет в виду Филиппа Второго Испанского (1527—1598).

46 (с. 372) — Корнель, Пьер (1606—1684) — выдающийся драматург, основоположник стиля классицизма во французском театре.

47 (с. 385) — Лорд Станхоуп (устар. Стенгоп), Джеймс (1673—1721) — английский генерал, видный политический деятель, один из лидеров нижней палаты парламента; занимал различные посты в правительстве, в частности, во время действия романа «Игрок» — государственного секретаря, что в тогдашней Великобритании соответствовало должности министра иностранных дел.

48 (с. 385) — Атлант — в древнегреческой мифологии сын Иапета и океаниды Климены, брат Прометея, древнее доолимпийское божество, отличавшееся необычайной силой. В одном из мифов о Геракле рассказывается о том, что Атлант (греч. — Атлас), стоя на западном краю земли, удерживал на своих плечах небесный свод.

49 (с. 401) — Монтень, Мишель (1533—1592) — французский философ, один из мудрейших людей эпохи Возрождения; европейскую известность принес ему трактат «Опыты», в котором в жанре назидательных историй изложены основы гуманистического взгляда на мир.

50 (с. 408) — На дир (араб.) — нижняя точка пересечения отвесной линии с небесной сферой, диаметрально противоположная зениту.

51 (с. 412) — Гордиев узел — чрезвычайно запутанный узел, которым, по преданию, фригийский царь Гордий опутывал ярмо своей колесницы. Однажды этот узел разрубил мечом Александр Македонский. Отсюда и происходит иносказательное выражение «разрубить гордиев узел», означающее простое и смелое решение сложного, запутанного вопроса.

ЗНАМЯ БЫКА (THE BANNER OF THE BULL)

Сборник рассказов «Знамя Быка» опубликован на языке оригинала в 1915 г. На русский язык переведен впервые.

Историческая справка

«Знамя Быка» завершает серию из трех книг, которую Р. Сабатини посвятил одному из самых значительных деятелей Италии эпохи Ренессанса и своих любимых героев — Чезаре Борджа. Первым произведением писателя на эту тему стало историческое исследование «Жизнь Чезаре Борджа» (1912), за которой последовал сборник рассказов «Суд герцога» (1912). Обе эти книги опубликованы в т. 5 настоящего Собрания сочинений с историческим комментарием.

В своеобразной трилогии о Чезаре Борджа автор воссоздает красочную картину трагической для Италии эпохи — долгих десятилетий войн, которые на рубеже XV—XVI веков обрушились

на процветающую страну, разорили и опустошили ее, отбросив далеко назад в культурном и экономическом развитии и, пожалуй, самое неприятное, — разделив ее на враждующие между собой области, полностью или частично находившиеся под иностранным контролем. Большую роль в этой всеобщей междоусобице сыграли отряды наемников-профессионалов, так называемых кондотьеров, готовых за деньги служить кому угодно и охотно менявших своих хозяев.

Возвышению Чезаре Борджа способствовали именно отряды наемников.

Чезаре Борджа, одно время ставший самым могущественным князем Средней Италии, чуть было не объединил под своей властью всю страну. Если бы это произошло, история всей Западной Европы развивалась бы по-другому. Сабатини, наполовину итальянец по рождению, был в этом убежден. Отсюда, возможно, идут его симпатии к роду Борджа, несмотря на то, что этот род имел не итальянские, а испанские корни.

1 (с. 421) — От итальянского слова «согво» — «ворон».

2 (с. 422) — Саддукеи — политико-религиозная группировка в иудаизме, существовавшая во II в. до н.э.—I в. н.э. (до разрушения Иерусалимского храма); высший слой священнослужителей, принадлежность к которому была наследственной. В религиозной практике выступали как традиционалисты, признавая в качестве священных книг только древнейшую часть Библии — Пятикнижие.

3 (с. 426) — Фиал — в античном мире так назывался сосуд для культовых и бытовых нужд, представляющий из себя плоскую чашу с тонкими стенками, слегка загнутыми внутрь краями и полусферическим выступом на дне; в средневековой Италии слово «фиал» (точнее — «фьяла») означало также флакон или склянку.

4 (с. 429) — Дукат — золотая монета, чеканившаяся с 1284 г. в Венеции и весившая в XV—XVI вв. 3,5 г.

5 (с. 431) — Арабески — сложный декоративный орнамент из геометрических и стилизованных растительных узоров; в переносном смысле это слово имеет также значение «фантазия».

6 (с. 433) — Принц Джем — молодой турецкий принц, брат султана Баязида II, захваченный в плен и переданный папской администрации, которая пыталась использовать пленника для давления на правительство Османской империи. (См. о нем в «Жизни Чезаре Борджа» — т. 5 настоящего Собрания сочинений).

7 (с. 433) — Драхма — мера веса. Скорее всего, автор имеет в виду английскую аптекарскую драхму, равную 3,888 г, однако в средние века использовалась, особенно алхимиками, еще и античная (аттическая) драхма, составлявшая 4,366 г.

8 (с. 434) — Чинквеченто — (*um. cinquecento* — пятьсот), распространенное в литературе название XVI века, на который приходится расцвет итальянского Возрождения.

9 (с. 437) — Кастильян (*um. castellano*) — управляющий, комендант замка.

10 (с. 438) — Мантенья, Андреа (1431—1506) — североитальянский живописец и гравер.

11 (с. 463) — Гарпия — божество из античной мифологии; ее представляли в виде крылатого существа, полуженщины-полуптицы отвратительного вида; гарпия считалась похитительницей детей и человеческих душ, устраивавшей всевозможных козней, направленных против людей, злобной и мстительной.

12 (с. 470) — Флорентийская синьория — правительство Флоренции.

13 (с. 475) — Тиран — в городах-государствах средневековой Италии (XII в.—сер. XVI в.) так назывался единоличный правитель, захвативший власть насильственным путем.

14 (с. 476) — Монна — сокращенное «мадонна». Это слово в средние века употреблялось в двух значениях: Дева Мария; госпожа.

15 (с. 480) — Гекатомба — буквально: жертва богам, состоящая из ста быков (у древних греков). Позднее так стали называть всякое массовое убийство или общественное жертвоприношение.

16 (с. 493) — Сенека, Луций Анней (ок. 6 до н.э.—65 н.э.) — римский философ-стоик, политический деятель и писатель.

17 (с. 493) — Эпиктет (ок. 50—ок. 140) — римский философ-стоик.

18 (с. 519) — Гемма — резной камень, нередко полудрагоценный, с портретным или сюжетным изображением; служил в качестве печати, амулета, украшения.

19 (с. 529) — Крылатый лев святого Марка — лев был эмблемой евангелиста Марка, покровителя Венеции.

20 (с. 536) — Купидон — древнеримское божество любви.

21 (с. 538) — Здесь автор ошибается. Даже максимальная высота прилива у берегов Северо-Западной Адриатики не превышает 20—40 сантиметров, поэтому и приливное течение не может быть сильным.

22 (с. 540) — Палаццо Пубблико — здание, в котором размещались органы самоуправления итальянских городов-республик.

23 (с. 540) — Пандольфаччо — презрительное прозвище, которое получил тиран Пандольфо Малатеста.

24 (с. 542) — Риальто — старейший мост в Венеции, вокруг которого располагался торговый и финансовый центр города. На самом мосту размещались и размещаются до сих пор лавки ювелиров и менял.

25 (с. 546) — Имеется в виду Священная Римская империя германской нации.

26 (с. 551) — Аргус — в греческой мифологии так назывался великан, сын богини Геи, наделенный множеством глаз (их количество варьируется от мифа к мифу), причем одновременно спали только два глаза из всех. В мифах ему отводится роль неусыпного охранника, исполняющего особо ответственные поручения богов.

27 (с. 558) — Совет десяти — правительство Венецианской республики.

Примечания А. МОСКВИНА

СОДЕРЖАНИЕ

УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА

Повести

Перевод М. Тирдатова

5

ИГРОК

Роман

Перевод М. Наточина

171

ЗНАМЯ БЫКА

Роман

Перевод Ю. и А. Кузьменковых

419

Примечания

563

Сабатини Рафаэль

- С 12** Собрание сочинений. Том одиннадцатый. Удачи капитана Блада. Повести. (Пер. М. Тирдатовой). Игрок. Роман. (Пер. М. Наточина). Знамя Быка. Роман. (Пер. Ю. и А. Кузьменковых). М., АО «Прибой» — Редакция журнала «Вокруг света», 1994 — 576 с. (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-021-6

В одиннадцатый том Собрания сочинений Р.Сабатини вошли повести под общим названием «Удачи капитана Блада», а также романы «Игрок» и «Знамя Быка», действие в которых происходит в различных уголках Европы позднего средневековья.

Сабатини Рафаэль
УДАЧИ КАПИТАНА БЛАДА
ИГРОК
ЗНАМЯ БЫКА

Редакторы
Н. Непомнящий
Л. Боброва
А. Полещук

Художник
К. Янситов

Корректор
В. Авдеева

В оформлении использованы фрагменты произведений
западноевропейских художников.

Лицензия ЛР № 070278 выдана 23.12.91 г.

Сдано в набор 16.08.94. Подписано в печать 21.11.94. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2 производства Сыктывкарского ЛПК.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,34. Уч.-изд. л. 31,4.
Тираж 70 000. Заказ 162

Акционерное общество «Прибой». Редакция журнала «Вокруг света».

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати.
198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

